МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. БАКУНИНА

БАКУНИН В ПЕРВОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ТОМ ТРЕТИЙ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ПОЛОНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. А. БАКУНИНА

По архивным делам быв. III Отделения и Морского министерства

Редакция, примечания и вступительные статьи *Вячеслава Полонского*

ТОМ ПЕРВЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. I. До ареста. Отрывки из рукописей Бакунина: „Революця, Россия и славянство". Письма Бакунина и Бакунину. Черновые заметки Бакунина по поводу корреспонденции из Парижа „Neue Rheinische Zeitung". Письма М. И. Полудинской М. Бакунину.

II. В крепостях. Письмо М. Бакунина из Кенигштейна адвокату Францу Отто. Бакунин перед австрийским судом. „Исповедь". Письма М. Бакунина из крепости. Письмо Бакунина Александру II.

III. В Сибири. Письма М. Бакунина из Сибири. Официальная переписка. Письма родных.

IV. Побег. Материалы о побеге.

Примечания. Именной указатель.

Государственное издательство. 1923 г. Москва—Ленинград. 478 стр.

ТОМ ВТОРОЙ

Редакция, примечания и вступительные статьи *Вяч. Полонского*

ПЕЧАТАЕТСЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. БАКУНИНА

БАКУНИН
В ПЕРВОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ
БИОГРАФИИ
М. БАКУНИНА

БАКУНИН В ПЕРВОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
ВЯЧЕСЛАВА ПОЛОНСКОГО

ТОМ
ТРЕТИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Главлит № А-3473. С. 52. Гиз № 19499. Заказ № 1243. Тираж 2000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

ОТ РЕДАКТОРА VII

БАКУНИН В ПЕРВОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ (вступительная статья) 1

I—III. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ БАКУНИНА.

Предисловие 1

I. Принципы и организация Интернационального революционного общества 39

II. Интернациональное братство 114

III. Программа Общества Международной революции 119

IV. ПИСЬМА БАКУНИНА КАРЛУ МАРКСУ.

Предисловие 134

IV. Письма К. Марксу 136

V. ПИСЬМО БАКУНИНА В ГАЗЕТУ «LA DÉMOCRATIE».

Предисловие 140

V. Письмо в «La Démocratie» 142

VI. ПИСЬМО БАКУНИНА В ГАЗЕТУ «LE RÉVEIL».

Предисловие 148

VI. Письмо в «Le Réveil» 161

VII—VIII. ПИСЬМА О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ. БАКУНИН И НЕЧАЕВ.

Предисловие 193

VII. Письмо о революционном движении в России М. Бакунина . 197

VIII. Два письма Сергея Нечаева в газету «Volksstaat» 204

IX. ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ.

Предисловие 218

IX. Глава из воспоминаний 221

Стр.

X. ПИСЬМА БАКУНИНА АЛЬБЕРУ РИШАРУ.

Предисловие 237
X. Письма Альберу Ришару 245

XI. ПИСЬМО БАКУНИНА ЭСКИРОСУ.

Предисловие 279
XI. Письмо Эскиросу 281

XII. РУКОПИСЬ БАКУНИНА «МОИ ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С МАРКСОМ».

Предисловие 287
XII. Мои личные отношения с Марксом . 294

XIII—XV. ИЗ КОНСПИРАТИВНОЙ ПЕРЕПИСКИ М. БАКУНИНА.

Предисловие 306
XIII. Письмо Людовику Набруцци . . . 310
XIV. Письмо интернационалистам Романьи . . 316
XV. Письма испанским альянсистам 348

XVI. ПИСЬМО БАКУНИНА В ГАЗЕТУ «LA LIBERTÉ».

Предисловие 373
XVI. Письмо в «La Liberté» . 374

XVII. СТАТЬЯ БАКУНИНА «ИНТРИГИ г-на УТИНА».

Предисловие 406
XVII. «Интриги г-на Утина» 408

XVIII. ПИСЬМО БАКУНИНА О БРОШЮРЕ «МНИМЫЙ РАСКОЛ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ».

XVIII. Письмо Бакунина 424

XIX. ПИСЬМА БАКУНИНА В «JOURNAL DE GENÈVE» И ЮРСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Предисловие 428
XIX. Письмо в «Journal de Genève» . 432
XX. Письмо Юрской Федерации. . 435

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Письма Ф. Энгельса к Т. Куно 440
II. К. Маркс. «Мнимый раскол в Интернационале». *Отрывки* . . 466
III. Ф. Энгельс, П. Лафарг и К. Маркс. «Международный Альянс социалистической демократии». *Отрывки* . . . 491
Примечания 553
Указатель имен 595

От редактора

Настоящий третий том «Материалов для биографии М. Бакунина» посвящен периоду его борьбы с Марксом в I Интернационале.

Это не значит, что в настоящий том вошли все относящиеся сюда документы и материалы. Мы принуждены были ограничиться привлечением лишь важнейших из них.

Материалы, письма и документы, составившие настоящий том, извлечены нами из иностранных изданий — немецких, французских и американских. Исключение составляют два письма Бакунина к Марксу, впервые опубликованные в России Д. Б. Рязановым, и «Программа Общества Международной революции», напечатанная Н. К. Лебедевым в 1926 году.

В дополнение к литературе о Бакунине, имеющейся на русском языке, настоящая книга даст возможность глубже изучить историю борьбы, раздиравшей Международное товарищество рабочих. Без главы о Бакунине немыслима история I Интернационала. А поскольку история эта является предметом изучения в вузах и рабфаках, постольку и деятельность Бакунина не может остаться неизученной досконально. Деятельность противника Маркса в Международном товариществе рабочих, которую нельзя считать случайной, еще не получила исчерпывающего освещения.

Выпуском настоящего тома «Материалов» мы не заполняем полностью пробела, который имеем в ба-

кунинской литературе. Литературное наследие Бакунина далеко не приведено еще в известность. Большое количество важнейших материалов остается неопубликованным. Полного собрания сочинений Бакунина не существует. Не собрана и не систематизирована его переписка. При таких условиях говорить о Бакунине, как о фигуре, изученной до конца, не приходится. Такое изучение только теперь ставит своей задачей марксистская наука.

Желая дать более полную картину борьбы, происходившей в Интернационале между бакунистами и марксистами, мы нашли полезным включить в настоящий том в виде приложений отрывки из тех писаний Маркса, Энгельса и Лафарга, направленных против Бакунина, которые больше других возбуждали его полемическое ожесточение. Это — 1) «Мнимый раскол в Интернационале» и 2) «Брошюра об Альянсе». Произведения эти не были переведены на русский язык, хотя упоминания о них и отдельные цитаты встречаются в работах о Бакунине и I Интернационале. Полностью и в комментированном виде они в ближайшее время будут изданы Институтом Маркса и Энгельса.

Третий том «Материалов» выходит в свет ранее второго. Причиной является то обстоятельство, что второй том посвящен периоду 1849—1863 гг., располагающему богатейшими, еще неопубликованными, материалами в архивах Дрездена, Вены и Праги. Во время заграничной командировки в 1925 г., которая автору этих строк была предоставлена Наркомпросом для архивных изысканий по Бакунину, — ему удалось обследовать лишь Дрезденский государственный архив, откуда был им извлечен ряд ценнейших документов. Оставались необследованными архивы Вены и Праги. Это удалось сделать лишь во второй половине 1927 года благодаря вторичной командировке. Ныне материалы, извлеченные из указанных архивов, подготовлены к печати, и второй том, сданный для производства в Государственное

издательство, появится в свет в непродолжительном времени.

В переводах материалов принимали участие проф. Г. А. Рачинский, А. Таубе, М. А. Гершензон, Н. И. Непомнящая, А. И. Рубин, Ю. Я. Мошковская. Пользуюсь случаем принести им свою признательность.

ВЯЧ. П.

10 декабря 1927.
Москва.

Бакунин
в Первом Интернационале

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ)

Бакунин в I Интернационале.

1.

Вопрос о взаимоотношениях Бакунина и Маркса еще не потерял исторического интереса. Это утверждение в особенности правильно для русского читателя, который лишь в последние годы получил возможность познакомиться с Бакуниным. Но именно в области проблемы Бакунин—Маркс представления русского читателя недостаточно ясны. Анархистская литература, переведенная на русский язык [1]), изображает эту историю с пристрастием, лишающим ее серьезного научного значения; мастера создавать легенды, анархистские писатели немало потрудились в этом смысле именно вокруг взаимоотношений Бакунина и Маркса. Марксистских же работ, касающихся этого вопроса, — до смешного мало. Кроме Меринга, затрагивающего его в «Истории жизни Карла Маркса», и Г. Иекка, подобно анархистам чрезвычайно далекого от научного беспристрастия, можно назвать работы Э. Бернштейна [2]), Ю. Стеклова [3]) и, наконец, Д. Рязанова [4]). Потому-то материалы и документы, включенные в настоящую книгу и имеющие прямое отношение к борьбе в I Интернационале, должны представить для нашего читателя большой интерес.

2.

Мы не будем здесь подробно характеризовать легенды о причинах ненависти Маркса к Бакунину. По этому вопросу в анархистском стане царит удивительное единодушие: Неттлау и Гильом, Бруппбахер, Черкезов, Виктор Дав

и М. П. Сажин, Бенуа Малон, Н. К. Лебедев и др. — все они сходятся в приписывании Марксу завистливой злобы, ревнивой зависти и проистекавшего отсюда желания убить конкурента, лишить его влияния, дискредитировать, уничтожить. Корни такого единодушия нам известны: это, главным образом, рукопись Бакунина «Мои личные отношения с Марксом», его письма к друзьям, в которых он, воздавая как будто должное учености Маркса, вместе с тем систематически хулил его и чернил в глазах своих учеников, награждал всеми пороками, подозревал в черных замыслах, и нет ничего удивительного в том, что внушения Бакунина в конце концов посеяли в бакунистах глубокое убеждение, будто истинным двигателем Маркса в его отношениях к Бакунину были именно злоба, тщеславие, ревность. Порочащие и дискредитирующие Маркса определения, которыми награждал его Бакунин, ни на иоту не уступают, но во многом превосходят резкие и порочащие Бакунина замечания, которые рассыпал по его адресу в своей переписке Маркс.

Анархистские историки (а вслед за ними и Э. Бернштейн) подчеркивают, как Бакунин высоко ценил Маркса и как отмечал он заслуги Маркса в своих печатных выступлениях. Они не замечают только, что Бакунин выступал с этими оценками в качестве чрезвычайно тонкого и хитрого политика. Еще в своем знаменитом письме Герцену [5]) от 28 октября 1869 г., в ответ на удивление последнего о причинах похвал по адресу Маркса, Бакунин разъяснял ему, что он «пощадил и превознес» Маркса не только из «справедливости», но и из соображений политических и тактических. «Тактика» и «личная политика» — а Бакунин считал себя отменным тактиком и политиком—заставляли его расточать похвалы Марксу в тех именно письмах, которые имели целью его совершенно дискредитировать. О! Бакунин был слишком умен, чтобы не понимать, что дискредитировать Маркса — задача нелегкая. Хотел он или не хотел, но отказывать Марксу в признании заслуг, в необычайной учености, в преданности делу пролетариата было совершенно невозможно. Оттого-то Бакунин постоянно, перед тем как пустить в Маркса отравленную стрелу, начинал с похвал. Таким приемом он убивал двух зайцев: с одной стороны, в глазах своих последователей

и даже противников он приобретал репутацию страшно объективного человека, с другой стороны, такая завидная репутация повышала удельный вес его подозрений и обвинений, рисовавших Маркса лицемерным, завистливым и беспощадным чудовищем. «Я считаю Маркса весьма серьезным, хотя и не всегда вполне искренним революционером», ехидно бросает Бакунин в одном из своих писем [6]). Весьма тонко, прикрываясь похвалами, он сеет недоверие к Марксу. «Маркс не охотник до того, чтобы делить с кем-нибудь власть». В том же письме, предназначенном для публикации, он говорит о «тайной и реальной власти господина Маркса. Господин Маркс до корней волос проникнут пангерманистскими настроениями». «Господин Маркс слишком умный и в то же время слишком тщеславный и честолюбивый немец», он «мистифицировал» английских членов Генерального Совета, «злоупотреблял» их доверием, действует «без зазрения совести», у него «дар интриги и решимость не останавливаться ни перед какой низостью», торжество Бисмарка после Франко-Прусской войны жестоко обескуражило Маркса — «кто-то другой, а не он прошумел и достиг высоты». Маркс движим «политическим честолюбием» [7]), «инстинкты Маркса менее бескорыстны, чем инстинкты Мадзини», «он заражен стремлением к власти, любовью к господству, жаждой авторитета», он «пангерманист до мозга костей», «он никогда не простит погрешности в отношении к его собственной личности», «с той минуты, как он прикажет начать преследование, преследование это уже не останавливается ни перед какими низостями и подлостями», он одушевлен часто «мелочной ненавистью» и т. д. и т. п. Мы опускаем ряд язвительных уколов, подчеркивающих еврейское происхождение Маркса — как известно, интернационалист Бакунин был вместе с тем отчаянным антисемитом, — но и без них картина «справедливого», «рыцарского» отношения Бакунина к своему противнику делается ясной. А мы привели лишь небольшую часть отрывков всего из двух работ Бакунина. А такие и подобные определения рассеяны в изобилии по страницам бакунинских писем и некоторых его опубликованных работ. До чего доходила неприязнь Бакунина к Марксу и марксистам, можно заключить хотя бы по его

письму в газету «Le Reveil»; Герцен, прочитав письмо, решительно не советовал Бакунину печатать это произведение; другого примера такого бешеного и слепого антисемитизма не знает революционная литература.

Нет поэтому никаких оснований признавать за Бакуниным положение стороны, менее, чем его противники, стеснявшейся в выборе средств борьбы. Дело не в этих средствах, а именно в борьбе, в тех позициях, которые поставили Бакунина и Маркса лицом к лицу и сделали примирение невозможным.

3.

Фридрих Энгельс в недавно опубликованных письмах к Т. Куно, председателю комиссии на Гаагском конгрессе, рассматривавшей вопрос об Альянсе и Бакунине [8]), четко и ясно подчеркнул самую суть отношений, существовавших между Бакуниным и Марксом. Это были отношения борьбы. Личная неприязнь, звучавшая в переписке и взаимных оценках, была лишь случайным и поверхностным отражением их глубокого и непримиримого, не личного, столкновения. Личной неприязни, вообще говоря, могло и не быть. Она была несущественным, привходящим моментом. Но если бы даже ее не было, взаимоотношения Бакунина и Маркса от этого не сделались бы более добрыми. Быть может, смягчилась бы некоторая резкость выражений, но жестокость самой борьбы оставалась бы прежней. Ибо вопрос шел не о пустяках, которые можно принести в жертву личным отношениям. Вопрос шел о судьбе Интернационала, о том, в какую сторону поворачивать рычаг мировой революции. Не в том была сила, что Бакунин хотел влиять на повороты этого рычага. Сила была в *направлении*: куда он думал его двигать. И когда обозначилось, что судьба Интернационала зависит от того, в чьих руках окажется рычаг, с этого момента борьба сделалась беспощадной.

Самый вопрос о том, имел ли Бакунин намерение вырвать «рычаг» из рук Генерального Совета, были ли у него какие-нибудь агрессивные планы или не были, этот вопрос — основной в истории отношений Бакунина и Маркса — недостаточно освещен. Анархистская легенда продолжает

настаивать на том, что Бакунин оказался невинным и оклеветанным, прекраснодушным и доверчивым энтузиастом. А ведь эта легенда покоится на таких «авторитетах» анархистской историографии, как Макс Неттлау и Джемс Гильом. «Мы встречаем в разных формах стремление подменить программу Интернационала программой Бакунина и его компании», — писал Энгельс Теодору Куно, — а ведь такое определение намерений Бакунина неизмеримо далеко от анархистского определения Бакунина, как мирного и безобидного идейного противника Маркса, лишь защищавшего свободнические, анти-авторитарные тенденции от централистских посягательств Маркса.

Не только характер воззрений Бакунина, к которым Маркс относился весьма пренебрежительно, вызвал вражду Маркса. Бакунин со своим «свободническим» направлением мог ужиться в Первом Интернационале, который в ту эпоху не был созданием одной политической партии, мог вмещать в себе и вмещал представителей различных политических и теоретических школ. Но Бакунин был человеком дела; немедленно, тотчас, не откладывая ни на минуту, он применял свои теории на деле, превращая их в революционный факт, искал им организационное выражение. С его теорией социальной революции можно было спорить. Но споры прекращались, лишь только эту свою теорию он пытался осуществить. А такая именно попытка в недрах Интернационала, за спиной Генерального Совета, создать тайный аппарат для руководства Интернационалом ставила его в положение человека, опасного для Международного Товарищества Рабочих.

И Маркс, и Бакунин превосходно понимали, что на карту поставлена судьба мирового рабочего движения, ближайшее будущее социальной революции. Кто из них мог отказаться от своего взгляда на мир, от своих организационных принципов? Мог ли это сделать Маркс? Нет. Мог ли это сделать Бакунин? Также не мог. Оба они не уступали друг другу в «одержимости» революционной идеей. Субъективно, психологически оба были правы, оба защищали свои революционные планы. Но ведь речь идет не о субъективных оценках, а об объективном смысле этого столкновения.

4.

Необходимо отметить, что вокруг имени Бакунина скопилось много обвинений и подозрений. Клевета преследовала его по пятам. Но подозрительность, которую питали к нему противники отчасти по вине этой клеветы, не имела своим источником борьбу в Первом Интернационале. Если бы Бакунин такой борьбы не вел, если бы в полном согласии с Марксом осуществлял он задачи МТР — подозрительное отношение к Бакунину вряд ли исчезло бы без остатка: ряд несчастных обстоятельств его биографии оставил некоторую тень в сознании его современников. С другой стороны, если бы этих подозрений не было, то и без них борьба между Бакуниным и Марксом разгорелась бы с неменьшей яростью. Вопросы о недоверии к Бакунину — вопросы случайные, лишь усложнившие обстановку борьбы, но ни в какой мере ее не обусловившие. Борьба с Бакуниным подогревала старые обвинения, но не создавала их. Это обстоятельство упускается из виду анархистами. Для них все недоверие к Бакунину было результатом интриги Маркса и Марксовой «шайки». Так ославил Маркса Герцен, и ложная версия сделалась господствующей в анархистской литературе. «Слепая ненависть к Бакунину», по выражению Макса Неттлау [9]), в изображении анархистов сделалась главным руководителем Маркса и Энгельса в их отношении к основателю международного альянса социалистической демократии.

5.

Центральное место в этой истории занимает вопрос о тайной организации, созданной Бакуниным. Чтобы сделать более ясным дальнейшее изложение, мы позволим себе одно необходимое отступление.

После неудачи польского восстания 1863 г. Бакунин уехал в Италию и до 1867 г. исчез с политического горизонта Европы. Годы 1864—1867 были эпохой радикальной переоценки его мировоззрения. В эти годы анархизм делается его исповеданием, и вместе с тем начинается деятельность Бакунина — конспиратора, организатора тайных обществ. В Италии и был основан тот тайный международный союз

революционных социалистов, с которым позднее Интернационалу пришлось иметь дело.

В середине 1864 г. Бакунин совершает поездку из Италии в Швецию, откуда через Лондон возвращается обратно. В Лондоне он встречается с Марксом в начале ноября 1864 г., вслед за учреждением Интернационала. Инициатива свидания исходила от Маркса. Бакунин находился под впечатлением ошибочных россказней Герцена об участии Маркса в клеветах, которыми преследовали Бакунина в то время, когда он находился в Сибири [10]). На этом свидании Маркс не только попытался выяснить истинное отношение свое к Бакунину, далекое от неприязни (он ведь публично защищал его от клеветников в лондонских газетах), но и предложил Бакунину вступить в Интернационал, оформил это вступление, снабдил его учредительным адресом и статутами Интернационала, получив от Бакунина обещание способствовать распространению МТР в Италии. 4 ноября, в день отъезда Бакунина, Маркс сообщил об этом свидании Энгельсу, передавая ему поклон Бакунина: «Я вчера опять увидел его, впервые после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне понравился, и лучше прежнего... В общем, он один из немногих людей, которого я, по прошествии шестнадцати лет, нашел ушедшим не назад, а вперед» [11]).

Но, отправившись в Италию, Бакунин как в воду канул. Он не только ничего не делал для «Интернационала», но упорно отмалчивался, ответив лишь на третье письмо Маркса; два предшествовавших остались без ответа. И в письме от 7 февраля 1864 г., отвечая Марксу, Бакунин, говоря о разных вещах и оправдывая свою медлительность ссылкой на Гарибальди, который-де задерживает ответ, по существу не сообщил ни слова о своей подлинной деятельности и о том, что для Интернационала он ничего не сделал и делать не намеревался. После этого письма Бакунин с головой ушел в дела своего тайного общества.

Интернационал тем временем вырастал в мощную организацию. В 1867 г. в Лозанне собрался его второй конгресс, и вот в этом-то году появился на горизонте Бакунин, но не на конгрессе Интернационала, в члены которого он был принят в 1864 г. и развитию которого обещал

содействовать, а среди буржуазных пацифистов «Лиги Мира и Свободы».

Как известно, на первом же конгрессе Лиги он был избран в ее Центральный Комитет, перебрался в Швейцарию и лишь в июле 1868 г. вступил в Женевскую секцию Интернационала, оставаясь членом Центрального Комитета Лиги Мира и Свободы.

Ни Гильом, ни Макс Неттлау, ни другие исследователи не дали нам ясного и убедительного истолкования всех этих происшествий. Джемс Гильом объясняет все это тем, что Бакунин еще имел веру в буржуазных демократов, что Лига Мира и Свободы представлялась ему более революционной и боеспособной, чем МТР [12]).

Нам думается, что «бакунисты» недооценивают здесь всего размаха стратегических замыслов Бакунина.

Бакунин вошел в Лигу неспроста; его целью был захват в свои руки этой организации. Ведь он со своими сторонниками (а вслед за ним в Лигу вошли его друзья) представлял то самое инициативное организованное меньшинство, которое, по его убеждению, могло руководить массами. Члены же Лиги Мира представляли собой весьма рыхлое, неорганизованное собрание многоречивых людей, среди которых можно было найти немало охотников вообще пойти за красным словцом. Нет поэтому ничего невероятного в следующем предположении: подготовляя ко второму съезду Лиги обширное оставшееся незаконченным «Мотивированное предложение Центральному Комитету Лиги Мира и Свободы», Бакунин намеревался на этом съезде дать бой буржуазному большинству, оторвать от него некоторую часть, увлечь ее за собой, организовать с помощью своей фракции перевес и провести в Центральный Комитет Лиги свое большинство. Если бы такой план удался — а говорить о том, что это было абсолютно невозможно не приходится, — Бакунин оказался бы во главе международной организации, которая плохо ли — хорошо ли, но была способна на некоторые весьма полезные функции под руководством и контролем его тайного альянса. Ведь, по его проекту 1866 г. «альянс» должен был состоять из двух частей: явной, не возбуждающей подозрений, и тайной, тщательно законспирированной.

А став во главе Лиги, Бакунин получал в свои руки весьма сильное орудие для воздействия на Интернационал. Вопрос заключался лишь в том, чтобы связь с Интернационалом была установлена возможно более крепкая. Политика, которую проводил Бакунин в Лиге Мира по отношению к Интернационалу, была политикой чрезвычайно предупредительной. Неслучайно именно Бакунин был вдохновителем предложения, внесенного на Женевском конгрессе Лиги Густавом Шоде, которое сводилось к тому, чтобы объединить деятельность Лиги и Интернационала на основе взаимных уступок: рабочие обязуются помогать буржуазии своими голосами, буржуазия будет помогать рабочим в их экономической борьбе.

Но Бакунин получил удар со стороны, откуда он, пожалуй, его не ожидал. Брюссельский конгресс Интернационала, собравшийся в сентябре 1868 г., за несколько дней до конгресса Лиги Мира, в ответ на приглашение Центрального Комитета Лиги прислать своих представителей на ее второй конгресс, также инспирированное Бакуниным [13]), ответил резолюцией, отрицавшей право на существование этой международной организации при наличности Международного Товарищества Рабочих. Это постановление Генерального Совета выбило почву из-под ног Бакунина, для которого огромное революционное значение Интернационала сделалось совершенно ясным. При таком отношении Интернационала к Лиге, он, даже если бы оказался во главе последней, становился в положение человека, враждебного Интернационалу. Захват власти в Лиге, таким образом, был не только бесполезным, но вредным; рассчитывать на какую-нибудь унию, на какие-нибудь условия совместного существования было безнадежно. Рушился его замысел сблизить Лигу с Интернационалом. Бакунин с шумом выходит из Лиги, внеся на конгресс ряд революционных предложений, смысл которых мог вызвать только отрицательное отношение буржуазных радикалов. Вместе с Бакуниным из Лиги организованно вышла и фракция бакунистов в числе 18 человек: — имена их будут встречаться в дальнейшей борьбе, но уже в пределах Интернационала.

В тот же самый день, 25 сентября 1868 г., выступившие из Лиги бакунисты организовали Международный Альянс

Социалистической Демократии, принявший программу Интернационала и пожелавший войти в Интернационал как самостоятельная часть, со своим Центральным Комитетом и даже с сепаратными конгрессами. Генеральный Совет отклонил это предложение.

Инцидент с попыткой ввести внутрь Интернационала самостоятельную организацию с обособленным Центральным Комитетом и съездами, во главе с Бакуниным, можно было бы считать законченным, если бы он не осложнился следующим обстоятельством.

«Альянс», основанный в 1868 г. в Швейцарии, был лишь легальной частью бакунинского плана. За этим Альянсом существовала тайная организация, более узкая, имевшая особый устав. Эта организация была ветвью того всемирного тайного Альянса, который заложен был Бакуниным в Италии. В противовес Интернационалу, основанному в Лондоне в 1864 г., Бакунин задался дерзкой мыслью осуществить грандиозный план тайного интернационала, всемирного заговора с центральной директорией во главе, с «интернациональной семьей» законспирированных, подчиненных железной дисциплине братьев, с «национальными семьями», т. е. с целой сетью тайных организаций, основанных в отдельных странах и подчиненных организационно руководящему тайному интернациональному центру.

Таков был в нескольких словах план Бакунина, детально разработанный им в огромном проекте, который мы полностью впервые публикуем на русском языке в этой книге [14]). Деятельность Бакунина в Италии, его равнодушие к «явному» Интернационалу, его появление в Лиге Мира и Свободы, его дальнейшие шаги, — все это получает стройность и ясность в свете основного, чудовищно смелого замысла — организовать социальную революцию с помощью тайного всемирного союза централистически объединенных революционеров разных стран и наций.

«Тайный Альянс», скрывавшийся за явным, возникшим в день выхода бакунистов из Лиги Мира и Свободы, и был швейцарской ветвью осуществлявшегося по частям плана Бакунина.

6.

Генеральный Совет и Маркс, его главный руководитель, могли мириться с бакунизмом, прудонизмом, бланкизмом и другими направлениями в Интернационале. Но Генеральный Совет, как и всякий иной руководящий орган любой революционной организации, не мог терпимо отнестись к попытке в недрах руководимой им организации создать другую, тайную организацию, которая, под покровом конспирации, за его спиной, будет осуществлять цели, ему неведомые, толкать движение на путь непредвиденный. Совершенно очевидно, что если тайный Альянс в пределах Интернационала был создан, если у Генерального Совета, у Маркса в частности, имелись основания считать действительными такие подозрения, — тогда сам собой разрешается вопрос о справедливости или несправедливости жестокой борьбы, которую вел Маркс с Бакуниным в Интернационале. Борьба была неизбежна, необходима, целесообразна: этого требовали интересы революции. Но вот этот именно вопрос: существовал или не существовал тайный бакунинский Альянс в недрах МТР, и требует освещения.

Макс Неттлау, наиболее авторитетный знаток биографии Бакунина, а вслед за ним и Джемс Гильом, соратник Бакунина и вождь Юрской федерации, и признают, и отрицают существование тайного Альянса.

Джемс Гильом в своей истории Интернационала признает, что, появившись на конгрессе Лиги Мира и Свободы с мандатом от итальянского Альянса, Бакунин имел намерение внедрить в Лигу программу своего революционного общества. Год спустя, порвав с буржуазными демократами, Бакунин «предложил революционно-социалистическому меньшинству (т. е. своим друзьям, членам Альянса, вместе с ним бывшим членами Лиги. *Вяч. П.*) выйти из Лиги и войти всем вместе в Интернационал, *сохраняя в то же время между собой интимную связь, т. е. сохранив альянс революционных социалистов в форме тайного общества и расширив его*» [15]) (курсив мой. *Вяч. П.*).

«Предложение вступить в Интернационал было принято единодушно, — продолжает Гильом. — Что же касается до

Альянса, то французы и итальянцы желали, чтобы, *сохраняя свой секретный интимный характер тайного общества*, он появился в то же время на свет как публичная организация, под названием Международного Альянса Социалистической Демократии».

Бакунин возражал против создания открытого Альянса, указывая на нежелательность существования его рядом с Интернационалом. Он, однако, должен был уступить. Открытый Альянс объявил себя существующим. Так говорит Гильом, но завесы над тайным Альянсом не приподнимает: он обходит его, ограничившись глухой фразой, напечатанной нами курсивом.

Рассказ этот ни в чем не противоречит точке зрения М. Неттлау.

Да это и понятно, так как Гильом составлял свой труд в значительной мере по материалам М. Неттлау и не мог не усвоить точки зрения последнего. В своей новейшей работе — в предисловии к «Нескольким документам Международного Братства и тайного Альянса» [16]) — Неттлау в следующих выражениях говорит об этом предмете:

«На Бернский конгресс Лиги Мира и Свободы прибыли ближайшие товарищи Бакунина, международные братья разных стран; вместе с ним они, заявив коллективный протест, 25 сентября 1868 г. вышли из Лиги и были готовы продолжать свою деятельность в рамках Интернационала. Бакунин (судя по его русским запискам 1873 г.) предложил им вступить в Интернационал, сохраняя свой «Союз социалистов-революционеров», который должен был быть расширен и превращен в тайное общество. Члены союза, французские и итальянские, пожелали, чтобы союз получил одновременно открытую организацию, как Международный Альянс Социальной Демократии, существующий независимо от Интернационала, к которому члены Альянса принадлежали бы персонально. Бакунин возразил против этого, что такой новый интернационал повел бы к совершенно нежелательному соперничеству в деле организации трудящихся. Было решено основать открытый Международный Альянс и сделать его органической составной частью Интернационала, программа которого была бы обязательна для

каждого члена; далее была выработана особая программа Альянса; по словам Жуковского, она представляла собой в сокращенном виде более обширный проект Бакунина.

«Об этом было заявлено 25 сентября при выходе из Лиги. Затем, в начале октября, часть членов собралась на неделю в Женеве, где и получила более или менее временное разрешение организационная задача, совершенно напрасным образом осложненная учреждением открытого Международного Альянса, последовавшего против желания Бакунина. К этому времени относятся проекты Бакунина, частью вследствие злоупотребления доверием попавшие в руки Маркса, который в сентябре 1873 г. опубликовал их в лондоской брошюре, направленной против Альянса, частью сохранившиеся в наследии И. Ф. Беккера (напечатаны Д. Рязановым в «*Архиве*» проф. Грюнберга, т. V, 1914), частью найденные мною в бакунинских бумагах (см. «*Биографию*»); сюда надо добавить некоторые другие следы этих документов или другие документы, к ним относящиеся. Проектов организации я здесь не привожу; примером их может служить проект 1866 г. о национальных и международных братьях; целью всех их было — под руководством постепенно сужившихся кружков самых убежденных революционеров — вести широкие, менее сознательные круги навстречу их революционному пробуждению. Конечно, в те времена неоднократно приходили к определенным соглашениям, что еще не доказывает их осуществления; во всяком случае при этом возникали разногласия между большинством членов, живших в то время в Женеве и окрестностях, с одной стороны, и Бакуниным — с другой; по этому вопросу имеются подробные документы от конца января 1869 г., рисующие точку зрения обеих сторон, далее, декларация о роспуске «Международного Братства», которая должна была быть опубликована в феврале — марте, но в действительности имела, повидимому, целью чистку этого кружка, другими словами, она исключала из организации целый ряд лиц, между тем как другие снова вернулись к Бакунину или никогда от него не отделялись. Около того же времени подтвердилась совершенно логическая невозможность, с точки зрения Интернационала, существования Международного Альянса внутри

Интернационала, и весной 1869 г. эта организация была распущена. Поэтому можно сказать, что все известные организационные документы относятся к тому времени, *когда все это происходило вне Интернационала, так как Международный Альянс никогда не был принят в Интернационал* [17]); в период же с весны 1869 г. можно проследить сношения Бакунина с его ближайшими товарищами, которых он считал «союзниками» или «братьями», и существование и деятельность которых представлялись ему безусловно необходимыми, но никак не существование среди них определенной организации; создание такой организации было предположено в Цюрихе в сентябре 1872 г., т. е. *после* Гаагского конгресса, а это доказывает, что раньше она не существовала или была распущена».

Из приведенных выдержек явствует, что ни Неттлау, ни Гильом не отрицают, во-первых, *существования тайного Альянса* и, во-вторых, *перенесения его в Швейцарию*. Но, признавая это, они обставляют свое признание целым рядом оговорок. Так, Неттлау замечает, что проект тайного Альянса был собственно проектом, *быть может, даже не осуществленным*, хотя эта оговорка противоречит самому признанию факта существования тайного общества; если же тайный Альянс существовал, то существовал вне Интернационала, так как открытый Альянс никогда в Интернационал принят не был. Эти оговорки сильно затемняют рассматриваемый вопрос и говорят о том, что авторитетные биографы Бакунина не считают доказанным существование тайного Альянса *в недрах Интернационала*. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что Ю. М. Стеклов, новейший биограф знаменитого анархиста, в одной из своих последних работ пишет: «Даже и теперь, когда опубликована масса документов, относящихся к деятельности Бакунина, вопрос об Альянсе нельзя считать достаточно выясненным» [18]).

7.

После выхода бакунистов из Лиги события протекали следующим образом. В приеме Альянсу Интернационал отказал по мотивам, которые нам уже известны. Решение это, принятое Генеральным Советом 22 декабря 1868 г., вскоре

было доведено до сведения Альянса. Центральное Бюро последнего протестовало против такого решения, но, видя полную безнадежность протеста, обещало Генеральному Совету распустить свою международную организацию, если отдельные секции Альянса будут приняты в Интернационал. В ответ на это предложение Генеральный Совет в марте того же года вынес новое постановление, по которому отдельные секции Альянса могли превращаться в секции Интернационала. В июне 1869 г. открытый Международный Альянс Социалистической Демократии прекратил свое существование. Несколькими же месяцами ранее было объявлено о роспуске тайного Международного Братства Бакунина. История, казалось бы, имела вполне благополучный конец. На самом же деле она только начиналась. Прежде всего: действительно ли было распущено тайное общество? Не был ли фиктивным этот роспуск?

8.

В Женеве в январе 1869 г. происходил съезд членов бакунинского тайного братства. Документом, свидетельствующим о том, что происходило на этом съезде, служит письмо Бакунина от 26 января 1869 г. «Всем этим господам», опубликованное Драгомановым и включенное Максом Неттлау в первый том его рукописной биографии. Из письма этого явствует, что между Бакуниным и «братьями» произошел конфликт и что братья пожелали совещаться в отсутствии Бакунина. Раздраженное письмо Бакунина начинается такими строками: «Господа, Вы сегодня отправились, чтобы держать конгресс, из которого Вы сочли удобным исключить меня» [19]). Вслед за этим конфликтом, Альянс особым манифестом объявил себя распущенным. Гильом, в согласии с Максом Неттлау, причиной роспуска тайного общества считает то обстоятельство, что в него проникли люди, которые не сумели достаточно хорошо держать в секрете его существование и сделали некоторые его тайны достоянием гласности. Такие мотивы, по крайней мере, были объявлены в особом, неподписанном оповещении о роспуске Альянса.

Этому роспуску предшествовал выход из Альянса Бакунина, который в том же письме, о котором мы только что

говорили, сообщал о своем решении «выступить из Центральной Директории Интернационального Братства» до ближайшего конгресса. Несмотря на неясность того, что произошло на съезде, из письма можно заключить, каков был характер столкновения. «После того, как я, словно негр, проработал четыре года подряд и почти всегда один-одинешенек», писал обиженный Бакунин в одном месте, а в другом заявлял, что именно это «одиночество» создало ему положение диктатора; с той же минуты, как «все эти господа, наскучившись спать и резонерствовать сквозь сон, вздумают действовать, то и они в свою очередь окажутся диктаторами» [20]). «Диктаторство», вероятно, было одним из поводов к столкновению. Выход Бакунина из Директории сопровождался его требованием «чистки» общества от некоторых членов. Перечислив ряд имен, он пишет далее: «Все остальные не внушают мне никакого доверия в том смысле, что я не могу верить их прямодушию и искренности их отношений ко мне». Выходя из Центральной Директории до ближайшего конгресса, он вместе с тем заявлял, что если «окончательный результат» дебатов съезда без него не будет гармонировать с «практическими взглядами нашей старой братской ассоциации», то он выступит из всякого нового общества или, скорее, не вступит в него совсем.

В результате дебатов тайное братство объявило себя распущенным. Роспуск этот произошел *после примирения* с Бакуниным членов братства, т. е., вероятнее всего, после принятия его ультиматума. Можно думать, что решение распустить Альянс было также продиктовано Бакуниным: циркуляр о роспуске был написан именно им — мы разделяем в этом вопросе предположение Гильома. В этом циркуляре, после жестких обвинений большинства «братьев» в том, что они считали себя вправе действовать вопреки обязанностям, налагаемым на каждого брата принципами и статутами тайного общества, что они забыли цели, преследуемые обществом, и т. д., Бакунин писал: «Тайны нашей работы были разглашены, мы сделались объектом сплетен, и наша деятельность, которая, чтобы быть сильной, должна быть тайной, сделалась поэтому не только бесполезной, но и смешной». Таковы были главные мотивы роспуска тайного

братства [21]). С этого момента в истории его существования наступает период совершенно темный. Именно с этого момента Макс Неттлау, а вслед за ним Джемс Гильом и все анархистские историки, до Фрица Бруппбахера включительно, отрицают существование тайного Альянса, почитая его распущенным и всерьез прекратившим свое существование. Но это отрицание, несмотря на всю его решительность, вызывает целый ряд сомнений.

Так, например, М. П. Сажин в своих воспоминаниях писал следующее: «Я отправился к Бакунину, который в это время жил в Локарно. Мой приезд как раз совпал с тайным съездом сторонников Бакунина. Как известно, — добавляет он, — Бакунин устроил в Интернационале свой собственный тайный интернационал, так наз. Альянс. Сюда входили его приверженцы из анархистов самых различных стран» [22]).

Поездка эта относится к концу 1872 г., т. е. ко времени *после* исключения Бакунина из Интернационала. Это как будто подтверждает версию Неттлау о тайном Альянсе, организованном лишь после сентября 1872 г. Но она опровергается заключением Сажина, что тайный Альянс был Бакуниным устроен в Интернационале, т. е. д о исключения его из МТР. Правда, в отдельном издании своих воспоминаний М. П. Сажин всю последнюю часть фразы, начиная словами «как известно», изъял [23]). Но значит ли это, что позднейшие размышления М. П. Сажина заставили его отказаться от первоначального утверждения, содержащегося в этой фразе?

В других местах своих воспоминаний М. П. Сажин подчеркивает, что тайный Альянс Бакунина существовал действительно. Вскоре по приезде в Швейцарию из Америки (первая половина 1870 г.) Сажин познакомился с Бакуниным и быстро сблизился с ним. Вот что пишет он по этому поводу: «Гораздо больший след (чем С. Нечаев. *Вяч. П.*) на всю мою жизнь наложило знакомство с Бакуниным, с которым я встретился по приезде в Женеву. *Здесь я увидел не бутафорию, а действительные организации, которые были у Бакунина среди различных наций*» [24]).

Другой сподвижник Бакунина, Замфир Ралли, в воспоминаниях своих, напечатанных в сборнике «О минувшем», также совершенно определенно указывает на существование

тайного Альянса, в который в 1872 г. были приняты он, А. Эльсниц и В. Гольстейн. Ралли опубликовал даже сохранившийся у него устав Альянса, переписанный с итальянского экземпляра. Воспоминания З. Ралли вполне подтверждаются зашифрованным письмом к нему самого Бакунина, которое было написано 28 мая 1872 г., т. е. когда Бакунин был еще членом МТР [25]).

Неттлау и Гильом настаивают, что после роспуска тайного Альянса в 1869 г. тайной организации Бакунина не существовало; что, распустив Альянс, Бакунин сохранил лишь *интимную* связь с некоторыми единомышленниками, которых он называл «союзниками» или «братьями», но эта связь не была связью организационной. Неттлау утверждает далее, что создание такой организации Бакуниным было предположено в Цюрихе, в сентябре 1872 г., т. е. после исключения его из Интернационала Гаагским конгрессом. Неттлау полагает, что это является доказательством, что до конца 1872 г., т. е. в промежуток времени между январем 1869 г. и концом 1872 г., тайной организации не существовало.

Все это в корне противоречит целому ряду свидетельств, устанавливающих факт существования тайного Альянса внутри Интернационала. Сам Неттлау в кратком послесловии к названным выше «нескольким документам» говорит, что Кропоткин располагал незаконченной рукописью Бакунина, одним из вариантов тайной организации, который сам Неттлау относит к весне 1871 года. Другими словами, вопреки своим заявлениям, он подтверждает предположение, что в промежутке между 1869 г. и 1872 г. Бакунин все-таки занимался со своими друзьями разработкой каких-то тайных организаций. Или Бакунин платонически, просто от нечего делать, занимался этими уставами?

Обратимся к переписке Бакунина в рассматриваемую эпоху. То, чего не дают нам сохранившиеся документы,— как известно, значительная часть их была в разное время уничтожена М. П. Сажиным и Д. Гильомом — мы сможем извлечь из личных показаний самого Бакунина, авторитет которого вряд ли будут оспаривать его уважаемые биографы.

Мы остановим наше внимание только на письмах Бакунина к испанским альянсистам, т. е. членам действительно

существовавшего тайного общества бакунистов в Испании. Для нашей ограниченной задачи этого будет пока совершенно достаточно.

9.

Макс Неттлау, отрицающий существование тайного Альянса в Швейцарии в промежуток времени между 1869 и 1872 гг., признает, что в Испании тайный Альянс был действительно организован и что этот тайный Альянс входил в Интернационал между 1869 и 1872 гг. Но, признавая его существование, Неттлау утверждает, что эта тайная организация «*формально* не имела ничего общего с Бакуниным, который косвенно поддерживал с ней связь только через своих личных ближайших товарищей в Барселоне, которых он вообще называет союзниками».

Что означает: «*формально*» не имела ничего общего с Бакуниным? О каких «формальностях» в истории тайной деятельности знаменитого конспиратора говорит его биограф? Вопрос следует поставить так: был ли испанский Альянс филиалом бакунинского Международного Братства? Был ли он организован именно бакунистами и по организационному плану Бакунина? А на эти вопросы иного, кроме утвердительного, ответа нет и быть не может. Да, испанский тайный Альянс был организован *бакунистом* Фанелли *по поручению* Бакунина. Этот испанский Альянс был ветвью бакунинского Международного Альянса; переписка Бакунина с испанскими друзьями и была ведь перепиской руководителя всего Альянса в целом с руководителями местной ветви. Не случайно в первых же строках своего письма к Мораго от 21 мая 1872 г. Бакунин рекомендует себя как одного из старейших братьев-учредителей Альянса и подчеркивает, что является «истинным братом», «ближайшим другом» Кристофа (зашифрованное имя Джузеппе Фанелли), «который, по нашему поручению, прибыл в конце октября 1868 г. из Женевы в Испанию и был фактически первым основателем Интернационала и Альянса сперва в Мадриде, затем в Барселоне» [26]).

Самый смысл письма Бакунина к Мораго [27]) говорит о том, что Бакунин пытается воздействовать «с полным авто-

ритетом брата» на положение дел в испанском Альянсе. Известие о распадении Альянса в Мадриде и Барселоне «мы считаем большим несчастием с точки зрения революционной солидарности всех стран», сообщает Бакунин. Виновников этого распада и опубликования секретов Альянса он называет «большими преступниками». «Организация, — пишет он, — по существу своему должна всегда оставаться тайной и невидимой, и никто из нас не мог бы предать ее, не обесчестив себя и не нарушив высшего долга, исполнять который мы взаимно обязались».

Бакунин говорит от имени «*мы*», от некоего коллектива. Это обстоятельство и позволяет ему напомнить Мораго, что у испанских альянсистов имеются какие-то обязательства перед коллективом, «взаимные обязательства». Он подчеркивает, что «настоящие виновники», предавшие Альянс, должны быть удалены из него навсегда, а «добрые, т. е. энергичные, интеллигентные, преданные, усердные, самоотверженные, стремящиеся не к личной славе, а к победам революции, могущие отказаться от своего личного я во имя общей идеи, общего действия, люди, с воодушевлением готовые итти на смерть и при всем том *умеющие хранить тайну*, эти люди должны воссоздать Альянс, следуя при этом высшему правилу: допускать в него только очень серьезных людей, серьезных в смысле ума и революционной страстности, а главное в смысле испытанной силы характера», другими словами — предлагает проделать испанским альянсистам то самое, что, вероятнее всего, было проделано в Женеве в январе 1869 г.

Дальше Бакунин старательно и точно перечисляет своему корреспонденту правила, которыми следует руководствоваться при воссоздании Альянса. Он сообщает Мораго, что «мы приняли за правило не допускать в наше святое святых, в наш тесный товарищеский круг и братское общение, честолюбивых и тщеславных людей, как бы близки они ни были нам по мысли и революционному настроению». Он напоминает затем, что цель Альянса, «наша цель» — «создание мощного, но всегда *невидимого* (курсив наш. *Вяч. П.*) революционного сообщества, которое должно подготовлять революцию и руководить ею».

Если М. Неттлау не может дать ни отрицательного, ни утвердительного ответа на вопрос — был ли действительным или фиктивным роспуск тайного Альянса в Швейцарии, то ни он сам и никто из исследователей не смогут отрицать того, что перед нами *секретная инструкция*, нечто вроде «конфиденциального сообщения», которые в изобилии рассылал своим друзьям, «братьям» и «союзникам» Бакунин. Какие были у Бакунина основания пересылать такие инструкции испанцам? От лица какого «мы» говорил он? Или он выступал в роли «самозванца», словоохотливого человека, которому делать было нечего и он лез с непрошенными советами к руководителям тайной революционной организации? Но почему, в таком случае, последние-то эти советы принимали как должное? На этот вопрос мы от М. Неттлау утвердительного ответа не получим, ибо биограф М. Бакунина превосходно знает, что испанские альянсисты, бывшие в то время членами Интернационала, видели и признавали в Бакунине своего вождя, что испанский Альянс был делом рук Бакунина, ибо Фанелли был лишь его агентом, не совсем удачно выполнившим поручение. И вся переписка Бакунина с Альбером Ришаром в Лионе, с испанскими альянсистами, с интернационалистами в Романье была именно *инструктивной перепиской*, если и не руководившей систематически тайной деятельностью его друзей, то ставившей себе именно такую задачу. За неимением других возможностей объединять и руководить деятельностью своих сторонников в разных странах, Бакунин пользовался этими инструктивными сообщениями, руководящее и организующее значение которых не подлежит сомнению. Другой вопрос — насколько выполнение этой задачи было успешным. Но удачи и неудачи бакунинских конспираций нас в данном случае не интересуют: мы говорим о самом *факте* конспираций.

К какой же цели направлял Бакунин деятельность тайного Альянса? В какое отношение к Интернационалу ставит он эту организацию? В том же письме к Мораго Бакунин говорит об этом весьма обстоятельно. Организации эти отнюдь не враги, — уверяет он в противовес утверждениям «лондонской синагоги Маркса». «Напротив, Альянс является необходимым дополнением к Интернационалу, — дополне-

нием, без которого последний превратился бы в своего рода чудовищное международное государство под диктатурой Маркса»... Конечная цель едина, — пишет Бакунин, — различны лишь ближайшие цели обеих организаций. «Интернационал имеет целью объединить трудящиеся массы, миллионы трудящихся, невзирая на национальные и местные особенности, в единый огромный компактный организм; *назначение Альянса — придать этим массам действительно революционное направление*» (курсив наш. *Вяч. П.*).

10.

Эти строки возвращают нас к исходным организационным замыслам Бакунина. Они вскрывают пружины, которые заставили Бакунина, в конце концов, войти в Интернационал, и обнаруживают его скрытую цель: *подчинить деятельность Интернационала руководству своего тайного Альянса*. Одного Интернационала, по его убеждению, было «недостаточно для руководства революцией»; Интернационал является огромной средой, благоприятной для революционной организации масс, но он «еще не сама организация», всех успехов и всей мощи Интернационала недостаточно, чтобы «дать стихийной силе масс революционную организацию». Такую организацию может дать народам только «настоящее тайное общество». Вот этой именно организацией и является Альянс, — сообщает он. Эти именно цели Альянс и преследует. «*Он представляет собой тайное общество, образовавшееся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную организацию, чтобы превратить его и все не входящие в него народные массы в достаточно организованную силу*, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические и политические установления государства» (курсив мой. *Вяч. П.*).

Таково свидетельство лица, которому нельзя отказать в авторитете. Что приведенные курсивом слова не были маневром, совершенным с целью поощрить усердие итальянских друзей, можно заключить еще и по фразе, которая следовала за только что приведенными словами.

«Последняя Лондонская конференция, — пишет Бакунин, — провозгласила анафему против всякого тайного общества, которое захотели бы образовать внутри Интернационала. Этот удар, очевидно, — добавляет он, — направлен против нас».

Вот эти-то последние слова Бакунин никак не мог бы написать, если бы прав был его биограф, утверждающий, что тайное общество в недрах Интернационала между 1869 и 1872 гг. не существовало. Не нужно быть глубоким психологом, чтобы по одной этой фразе понять, прав ли был Ген. Совет, настаивавший на том, что Бакунин «организовал» или, может быть, «пытался организовать» тайное общество с уставом, совершенно противоречащим уставу МТР. О, каким гневом разразился бы Бакунин, как негодующе зазвучали бы его обвинения Ген. Совета в клевете, в напраслине, взводимой на него и его друзей, если бы тайное общество было создано не Бакуниным, а воображением Маркса и марксистов. Но у Бакунина не было оснований для гнева: он, ведь, разговаривал с «союзником» и «братом», с членом испанского филиала того самого тайного общества, которое он упорно и неутомимо насаждал в разных странах. И скрывать от «союзника» и «брата», кривить душой, быть неискренним у Бакунина не было никаких деловых оснований.

Постановления Лондонской конференции и Гаагского конгресса вызвали со стороны Бакунина целый ряд энергических протестов. Но ни в одной рукописи, предназначавшейся для печати или для узкого круга друзей, — никогда Бакунин не протестовал против обвинения в организации тайного Альянса, никогда не обвинял Маркса и марксистов в клевете именно по этому поводу. Здесь Бакунин молчал, и его молчание было классическим выражением согласия: обвинение было справедливо.

Не лишено еще значения следующее обстоятельство: *Бакунин был убежден, что в Интернационале, кроме явной организации, возглавлявшейся Ген. Советом, существовала еще организация тайная, душой которой был Карл Маркс.* В том же самом письме, которое мы только что цитировали, он убежденно говорит о «тайном обществе» Маркса, которое,

по мнению Бакунина, существовало с 1848 г. Ему представлялось, что Маркс потому-то и стремился разгромить бакунинский Альянс, что желал расчистить путь для торжества своего собственного «заговора». При свете этой веры становится понятным появление в одной из рукописей Бакунина легендарного воспоминания о том, как Маркс, еще в 1848 г., при встрече с Бакуниным хвастал ему, будто стоит во главе так хорошо организованного тайного общества, что если он скажет кому-нибудь из его членов «поди и убей Бакунина», тот пойдет и убьет. Но подозрение Бакунина насчет существования «тайного заговора» Маркса вызывает возражение даже со стороны его биографа. М. Неттлау поясняет, что Бакунин заблуждается. «Выше приведенное утверждение, как мы теперь знаем, — пишет он, — не соответствует истине и объясняется субъективными причинами».

В свете этого заблуждения делается понятной еще одна ошибка Бакунина. Одно место конфиденциального сообщения, говорившее о «незаметной», «невидной» работе, в противоположность шумной, со «звоном и громом рекламы» [28]), было понято Бакуниным в смысле «подпольной», т. е. тайной, деятельности внутри Интернационала. Ошибку эту разделял с Бакуниным его друг Гильом, лишь спустя тридцать лет узнавший об этом [29]). Это заблуждение Бакунина не находит себе защитников даже среди анархистских историков. Неттлау замечает по этому поводу: «Нет никаких доказательств, ни даже вероятий, что между ними (т.-е. между Марксом и окружавшими его сторонниками. *Вяч. П.*) существовала формальная связь».

Вот это убеждение Бакунина в существовании внутри Интернационала еще одного «заговора» подогревало его упорство, убеждало еще более в необходимости этому заговору марксистов-государственников противопоставить внутри Интернационала заговор «свободников», антиавторитаристов. Он сам открыто свидетельствует об этом: «То, что я говорю, — пишет Бакунин, — не предположение, а факт, известный многим лицам и несколько раз выплывавший в Германии на различных политических процессах. Итак, если откинуть некрасивые личные отношения, в которых наши мстительные неутомимые противники не брезгали са-

мыми позорными грязными приемами, следует признать, что внутренняя борьба, возникшая ныне в Интернационале, является не чем иным, как борьбой двух тайных обществ, противоположных как по принципам, так и по системе организации: одно из них — *авторитарные коммунисты* — существует, как я уже сказал, с 1848 г., а другое — Альянс *революционных социалистов* — хотя и возникло в 1864 г., но в Интернационал вступило лишь с 1868 г.» [30]).

II.

Ни Марксу, ни Энгельсу, никому из марксистов не была известна цитированная нами переписка Бакунина. Исключение представляет письмо Бакунина к Франческо Мора, попавшее в руки Энгельса: оно фигурировало в комиссии в Гааге и вошло в брошюру об Альянсе, изданную после конгресса. Но Ген. Совет был в курсе бакунинских конспираций. В руках Маркса был также один из вариантов устава тайного Альянса, переданного ему либо Н. Утиным (об этом говорит Замфир Ралли в своих воспоминаниях), либо И. Ф. Беккером: и Беккер и Утин, некоторое время бывшие людьми, близкими Бакунину, могли оказаться в курсе его тайных замыслов и послужить позднее, в эпоху борьбы с Бакуниным, источником информации для Генерального Совета. Бакунин не был идеальным конспиратором. В записках и воспоминаниях его учеников и друзей имеется множество фактов, рисующих его как человека недостаточно скрытного, слишком увлекавшегося и нередко своими руками разрывавшего паутину своей собственной конспирации: чаще других он сам выдавал свои секреты. К тому же Бакунин был доверчив и плохо разбирался в людях. Нет поэтому необходимости в документальном материале, чтобы предположить, что не все секреты Бакунина оставались в узких переделах его интимного кружка. Не осталась тайной и его тайная деятельность. А если принять во внимание, что кроме заговора Бакунин вел еще открытую борьбу, мобилизуя против Генерального Совета мелко-буржуазные и отсталые элементы (мы оставляем в стороне связь его с Нечаевым, бросившую на него густую тень, и ряд других обстоятельств), перед нами возникает обстановка, которая делала неизбежным враждеб-

но-подозрительное отношение к Бакунину: иначе и быть не могло при тех объективных личных и общественных условиях, которые создавались вокруг его деятельности.

12.

Мы чрезвычайно кратко наметили тайную деятельность Бакунина в Интернационале, не использовав и десятой доли материалов, относящихся к этому периоду. Мы не касались глубочайших теоретических и организационных разногласий, оставили в стороне вопрос о диктатуре, не рассматривали разногласий тактических, — нас интересовал всего лишь один вопрос о тайном Альянсе, который является центральным вопросом в истории взаимоотношений Бакунина и Маркса в МТР.

Бакунин мог ужиться в МТР со всеми особенностями своих теоретических воззрений. И кроме Бакунина в МТР были люди, не разделявшие воззрений Маркса, имевшие свои собственные взгляды и точки зрения. Маркс не ставил задачей, по крайней мере в 70-х гг., создать Интернационал единомыслящих людей: для той ступени развития, на которой находилось международное рабочее движение, это было делом невозможным. Но, допуская возможность существования в пределах МТР различных мнений, Маркс настаивал на сохранении *единства воли и действия*, которое обеспечивалось единством централистически проведенной организации. И вот здесь-то и наносил Бакунин Интернационалу удар, разрушая единство его воли и организации. Борьба с Бакуниным была борьбой за спасение Интернационала от его заговорщицкой деятельности.

Все, что отрицал Бакунин в организационной системе Маркса, — все это переносил он в свое тайное общество. Демагогически выступая против централизма Генерального Совета, в своем тайном обществе он был централистом; протестуя против «диктатуры» Генерального Совета, — стремился к тайной диктатуре своего Альянса. Отрицая подчиненность низших организаций высшим, он не мыслил тайного революционного общества иначе, как в виде строгой иерархии на основе безусловной подчиненности и строжайшей дисциплины. Разрушая единство воли и действия в Интернационале, он пре-

восходно понимал, что без этого не может быть речи о каких-нибудь организованных международных выступлениях революции. Другими словами, он старательно разрушал Интернационал как международную боевую организацию рабочего класса, стремясь превратить его в такое состояние, при котором автономные национальные федерации могли бы все-таки быть подчинены единой воле, но исходящей не из среды Генерального Совета, марксистского в своем большинстве, а из той тайной революционной организации, которая, по его замыслам, призвана была невидимо руководить Интернационалом и которая была бакунистской на все 100% [31]).

В его попытке построить тайную организацию не было, разумеется, ничего антиреволюционного. Беда была лишь в том, что бакунистские конспирации, во-первых, не вытекали в то время из насущных потребностей развивавшегося рабочего движения, и, во-вторых, были механическим перенесением в международное рабочее движение старых заговорщицких традиций допролетарского периода. В основе организационных взглядов Бакунина лежало поэтому неискоренимое противоречие: совершенно правильно полагая, что без участия в революции широких народных масс города и деревни победа революции немыслима, ожидая эту победу в самом близком будущем, Бакунин вместе с тем не видел в широких народных массах никаких реальных сил для реальной победы, кроме «революционной страсти», отчаяния и нищеты. Этот недостаток действительных возможностей он и пытался восполнить созданием тайного общества, которое должно было оставаться изолированной от народных масс интеллигентской верхушкой, по принципу своего строения отрицавшей возможность вовлечения в нее даже наиболее передовых, наиболее сознательных слоев деревни или города. Это было тайное объединение интеллигентских кружков, ставившее задачей сверху, с помощью раскинутых своих щупальцев, толкнуть массы на революцию, вызвать революционный взрыв, захватив в свои руки нити руководства и дальнейшего направления движения. В организационном смысле Бакунин продолжал обеими ногами стоять на почве старых принципов мелкобуржуазной революционности, ко-

торая еще должна была пройти сквозь чистилище рабочего движения, чтобы найти применение в методах пролетарской борьбы. В эпоху, когда на сцене появился сам рабочий класс, выдвигая уже не изолированные, верхушечные, интеллигентские организации, *но массовые организации класса*, применение старых заговорщицких приемов, да еще в недрах международной организации рабочего класса, при всей своей ультра-революционной оболочке, объективно могло играть реакционную роль, ибо мешало выполнению очередной исторической задачи, какая стояла перед международным рабочим движением: на место социалистических и полусоциалистических сект поставить действительно боевую организацию рабочего *класса*.

Тайная деятельность Бакунина была именно таким столкновением старого типа организационных принципов, имевших корни в революционном движении мелкой буржуазии *до выхода пролетариата на международную сцену*, с новыми условиями, требовавшими преодоления этих организационных принципов и нового их применения, но уже не в мелкобуржуазной, *а в пролетарской форме, т. е. в такой, которая сочетала принцип подпольной работы с вовлечением в нее передовых слоев рабочего класса и крестьянства*. Конспиративная организация теряла свой характер «заговора», тайного общества и приобретала характер «подпольной», «партийной», т. е. классовой, организации, существующей не изолированно от класса, но в недрах самого класса, питающейся силами этого класса. Огромна поэтому разница между постановкой тайной деятельности у Бакунина и, скажем, у Ленина.

Мелко-буржуазный, интеллигентский характер бакунинской системы подчеркивается еще и тем, что он, стремясь к созданию тайных организаций, отрицал целесообразность организации рабочего класса в политическую партию, отрицал политическую борьбу со всеми ее следствиями: стремлением к диктатуре рабочего класса и т. п. Старая заговорщицкая вера в интеллигентское меньшинство, неверие в силу класса, отрицание, в конце концов, классовой точки зрения, — все это с разных сторон дорисовывает позицию мелкобуржуазного революционера, появившегося на стыке двух

эпох и пытавшегося в новых условиях вести борьбу с помощью старых методов.

Здесь лежал корень всех неудач Бакунина, несмотря на то, что необычайная сила революционной страсти, одержимость революционной идеей были в нем исключительны. Это противоречие и придает величественность его трагической фигуре. Бакунин был не зачинателем нового, каким его считали и продолжают считать анархисты, но завершителем *старого; он был самым крупным, самым ярким и выдающимся представителем ушедшей в прошлое мелкобуржуазной революции допролетарского периода*, подошедшим к пролетарской революции чрезвычайно близко, но не сумевшим до конца покинуть «старую» точку зрения. Это, конечно, не вина его, а беда его. Вскрыть социальные причины этой «беды», указать ее зависимость от условий эпохи, дать ей классовую характеристику — это и будет означать сделать правильную и беспристрастную оценку роли великана Бакунина в истории международной революции.

Вяч. Полонский.

Материалы и документы

I.

Принципы и организация интернационального революционного общества.

(1866 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Годы итальянского уединения, 1864—1867, были переходной эпохой в истории духовного развития Бакунина. Это был рубеж, за которым начинается его деятельность как анархиста. Участие в польском восстании было последним звеном первого периода его революционной деятельности, периода национально-славянской освободительной борьбы.

Годы эти нашли свое выражение в огромном проекте тайного общества, единственном крупном труде этого периода. В нем были намечены и сформулированы основные линии всей дальнейшей его деятельности, теоретической и практической. Проект этот до сего времени русскому читателю неизвестен, так как не был переведен на русский язык [32]). То, что было опубликовано на русском языке в Швейцарии М. П. Драгомановым [33]), а также Замфиром Ралли в его воспоминаниях [34]), представляет собой лишь позднейшие, видоизмененные, короткие варианты и извлечения из этой основной работы, служившей самому Бакунину источником его дальнейших отдельных проектов. Без знакомства с этим произведением не может быть ясности ни в понимании дальнейшей деятельности Бакунина вообще, ни в понима-

нии его деятельности в Интернационале, закончившейся его исключением.

Проект этот представляет собой крупнейшее создание бакунинской конспираторской фантазии. Не в количестве параграфов, разумеется, заключается интерес проекта. Он замечателен многосторонностью замысла, необычайной широтой плана, зорким вниманием к мелочам, предусматривавшим такие детали тайной деятельности, которые значительно опережали опыт его современников.

Этот проект не отражает окончательных взглядов Бакунина по программным, тактическим и организационным вопросам. Многое в нем было лишь намечено, получило первоначальную формулировку, в дальнейшем изменявшуюся или дополнявшуюся существенными, а то и радикальными поправками.

Многое в этом проекте противоречиво, некоторые части его не согласованы друг с другом, — но все это не уменьшает высокой ценности этого документа как первой систематической попытки Бакунина изложить новое направление, общим основам которого он останется верным до смерти.

Мы не располагаем документами, которые точно обозначали бы путь, каким в весьма короткий срок Бакунин шагнул от своих славянских затей 1863 г. к мысли о всемирном заговоре. Не исключена возможность, что этот переход совершился не без влияния встречи с Марксом в Лондоне в первых числах ноября 1864 г. Беседа, которую они вели, касалась, во-первых, клевет на Бакунина и, во-вторых, Интернационала, организовавшегося месяц назад. Желая завербовать Бакунина в число деятельных членов Международного Товарищества Рабочих, Маркс раскрыл ему перспективы дальнейшего развития общества, с появлением которого открывалась новая страница развития революции. Бакунина не могли не увлечь перспективы, — они в значительной мере соответствовали его собственным, быть может

еще не оформившимся, стремлениям. Но его не восхитила перспектива открытого международного товарищества, каким должен стать Интернационал: тайное общество было ему милее. Он не верил в победу революции без наличности тайного общества — его страсть к заговорам, конспирациям должна была сказаться именно здесь. В этом смысле Бакунин был наследником и продолжателем деятельности тайных обществ, эпохой расцвета которых была первая половина XIX в. И, пообещав Марксу содействовать успехам Интернационала в Италии, Бакунин палец о палец не ударил для выполнения своего обещания. Но, пленившись мыслью о международной революции, неизбежность и близость которой ему казалась более ощутимой, чем Марксу, Бакунин идею Интернационала стал осуществлять на свой, бакунинский, лад. Параллельно «лондонскому», «явному» Интернационалу, ставившему своей задачей привлечь к себе широкие рабочие массы всех стран, в Италии, вдали от европейского шума, Бакунин стал работать над Интернационалом «тайным», над планом международного заговора, который с помощью избранных, тщательно подобранных, проверенных и вовлеченных в конспирацию людей, организованных в стройную иерархию интернациональных и национальных организаций, обеспечит и подготовит победу международной революции.

В свете этой деятельности становятся понятными причины, помешавшие Бакунину выполнить обещание, данное Марксу. Был ли смысл, в самом деле, тратить драгоценные силы и время на поддержку предприятия, в которое он не верил, в то время когда для своего предприятия, представлявшегося ему более революционным и значительным, нехватало ни сил, ни времени? Оттого-то путь Бакунина лежал в стороне от МТР. И появление Бакунина в Лиге Мира и Свободы с явным намерением захватить эту организацию, и выход из нее вместе со своей небольшой, но

крепко сколоченной фракцией, основание, затем, открытого Альянса с тайным Альянсом внутри, и попытка внедриться в Интернационал с сохранением обособленной организации и даже сепаратных заседаний на конгрессах,— все это делается понятным в свете той идеи, которая для Бакунина в ту эпоху была руководящей. Признание за Интернационалом Маркса крупной силы влекло за собой для Бакунина перенесение его деятельности в Интернационал, но с сохранением ранее поставленных задач. Ведь замысел Бакунина заключался в том, чтобы с помощью своей тайной организации, разветвленной внутри Интернационала, невидимо руководить им, направлять его по революционному пути, другими словами, захватить Международное Товарищество Рабочих в свои руки. Это был замысел исключительно дерзкий, который хочется назвать безумным, но Бакунин никогда не отличался скромностью намерений [35]).

19 июля 1866 г. Бакунин писал Герцену:

«Вы упрекали меня в бездействии, в то время как я был деятельнее, чем когда-нибудь; я говорю об этих трех последних годах. Единым предметом моей деятельности было основание и устройство интернационального революционно-социалистического тайного общества». «Полную программу» этого общества он пересылал друзьям в Лондон с княгиней З. Оболенской и указывал, повидимому, несколько преувеличивая, — без этого Бакунин никак не мог, — на друзей, которых уже имело общество в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Бельгии, Франции, Испании, Италии. «Есть поляки и даже несколько русских», добавлял он [36]).

Макс Неттлау не так уж неправ, когда, в предисловии к немецкому изданию проекта, называет его «собственной, независимой от Интернационала» попыткой Бакунина проложить путь к интернациональной революционной деятельности [37]). Что попытка была «собственная» и «незави-

симая от Интернационала», — в этом нельзя сомневаться. Спорно лишь то, что попытку эту Неттлау считает предшествующей основанию МТР. М. Неттлау слишком формально определяет время основания МТР — «осень 1864 г.». Эта хронологическая дата замыкала собой организационную деятельность 1863 и 1864 гг., которая привела к формальному основанию Интернационала. Полагать, поэтому, что план Бакунина, еще в 1863 г. на корабле «Ward Jackson» с польскими волонтерами плывшего к русским берегам, предшествовал основанию Интернационала, значит произвести некоторое насилие над фактами. Это утверждение неосновательно еще и потому, что нет никаких документальных оснований приурочивать мысль Бакунина о международном тайном революционном братстве именно к началу 1864 г., а не к концу его.

Устав «Тайного Интернационала», — так мы вслед за М. П. Сажиным будем называть проект Бакунина, — в первой своей части, которую можно было бы назвать теоретическими основами, содержит краткую характеристику целей общества и «революционный катехизис» — пространное изложение общих революционных задач, к осуществлению которых стремится тайная организация. Эта часть устава представляет собой, в сущности, чрезвычайно сжатый очерк тогдашнего мировоззрения Бакунина.

Здесь мы видим критику того, что есть, и первоначальный абрис того, что должно быть. Все это сделано, разумеется, наспех, намечено отрывисто и спутанно, с многочисленными противоречиями в разных местах, но сжато, сильно, энергично, с таким полетом мысли, который это произведение Бакунина ставит в один ряд с выдающимися образцами утопического социализма.

Отрывок, публикуемый нами вслед за проектом 1866 г., относится к осени 1868 г. Это сжатый, конкретизированный, уточненный вариант. Один из многочисленных

образцов бакунинской конспиративной организационной деятельности. Здесь во многом Бакунин отошел вперед от проекта 1866 г. (например, в вопросе о собственности). Но, несмотря на ряд отличий от проекта 1866 г., все позднейшие проекты были лишь развитием, уточнением и приспособлением к потребностям практической работы тех основ, которые были намечены и разработаны в 1866 г.

Вяч. П.

I. Цель общества [38]).

I. Общество имеет целью победу на земле принципа революции, следовательно, радикальное упразднение всех существующих в настоящее время религиозных, политических, экономических и социальных организаций и учреждений и новообразование сначала европейского, а затем и всемирного общества на основах *свободы, разума, справедливости и труда.*

Такое дело не может совершиться в короткое время. Поэтому общество образуется на неопределенное время и перестанет существовать только в тот день, когда победа заложенных в его основание начал на земле положит конец его праву на существование.

II. Революционный катехизис.

1. *Отрицание наличности действительного, внемирового личного бога,* а посему и всякого откровения и всякого божественного вмешательства в дела мира и человечества. *Уничтожение служения божеству и его культа.*

2. *Заменяя* культ божества *уваженьем и любовью к человечеству,* мы провозглашаем:

человеческий разум единственным *критерием* истины,

человеческую совесть основой справедливости,

индивидуальную и коллективную свободу единственной создательницей порядка в человечестве.

3. *Свобода* есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чьего-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях только своей собственной волей и, следовательно, быть ответственными

лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают свое свободное согласие принадлежать к таковому.

4. Неправда, что свобода одного гражданина ограничивается свободой всех остальных. Человек действительно свободен лишь в той мере, в какой его свободно признанная свободной совестью всех остальных и как в зеркале в нем отражающаяся и излучающаяся из него свобода находит в свободе других подтверждение и расширение в бесконечность. Человек действительно свободен только среди равным образом свободных людей, и так как он свободен лишь в своем качестве человека, то рабство хотя бы одного единственного человека на земле является, как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех.

5. *Свобода* каждого может, таким образом, найти осуществление только при равенстве всех. Осуществление свободы в правовом и фактическом равенстве является *справедливость*.

6. Существует только один единственный догмат, один единственный закон, одна единственная моральная основа для людей — *свобода*. Уважать свободу ближнего есть *обязанность*; любить его, служить ему есть *добродетель*.

7. *Безусловное исключение всякого принципа авторитета и государственной необходимости.*

Человеческое общество, которое при своем зарождении было естественным фактом, предшествовавшим свободе и пробуждению человеческой мысли, и позднее стало религиозным фактом, организованным по принципу божественного и человеческого авторитета, должно сегодня получить новый образ на основе свободы, которая отныне должна стать единственным образующим принципом его политической и экономической организации. *Порядок в обществе должен быть равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития.*

8. Следовательно, политическая и экономическая организация социальной жизни не должна более, как это имело место до сих пор, исходить сверху вниз и от центра к перифе-

рии, по принципу единства и вынужденной централизации, но *снизу вверх и от периферии к центру*, по принципу свободной ассоциации и федерации.

9. *Политическая организация.* Невозможно установить конкретное, всеобщее и обязательное правило для внутреннего развития и политической организации наций, ибо существование каждой отдельной нации подчинено множеству различных исторических, географических и экономических условий, которые не позволяют установить образец организации, равно подходящий и приемлемый для всех. Такое, безусловно лишенное всякой практической полезности предприятие было бы, впрочем, вторжением в богатство и непосредственность жизни, которая любит бесконечное разнообразие, и, что имеет еще большее значение, стало бы в противоречие с самым принципом свободы. *Но все же имеются существенные, абсолютные условия*, вне которых практическое осуществление и организация свободы будут всегда невозможны.

Эти условия следующие:

a) *Радикальная отмена всякой официальной религии и всякой привилегированной или даже только охраняемой, оплачиваемой и поддерживаемой государством церкви.* Безусловная свобода совести и пропаганды для каждого с неограниченной возможностью для каждого воздвигать своим богам, каковы бы они ни были, сколько ему угодно храмов и оплачивать и содержать священников своей религии.

b) Церкви, рассматриваемые как религиозные корпорации, не будут пользоваться ни одним из прав, предоставляемых продуктивным ассоциациям, они не могут ни наследовать, ни иметь какое-либо принадлежащее общине имущество, за исключением их домов или молитвенных учреждений, они не могут ни в каком случае заниматься воспитанием детей, ибо их единственная жизненная цель есть систематическое отрицание морали и свободы и доходное волшебство.

c) *Отмена монархии. Республика.*

d) *Отмена классов, рангов, привилегий и всякого рода различий. Безусловное уравнение в политических правах мужчин и женщин. Всеобщее право голоса.*

e) *Отмена*, уничтожение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство *опекающего главенствующего, централистического* государства, являющегося двойником и другим «я» церкви и, тем самым, постоянным источником обеднения, отупения и порабощения народов. Как естественное следствие, *упразднение всех государственных университетов*, причем забота об общественном образовании должна быть возложена исключительно на общины и свободные ассоциации; *отмена государственного суда*, причем все судьи должны избираться народом; *отмена имеющих силу в настоящее время в Европе гражданских и уголовных кодексов*, ибо все они вдохновляются одинаково культом бога, государства, религиозно или политически освященного семейства и собственности и противоречат общечеловеческому праву, а кодекс свободы может быть создан только *самой свободой. Упразднение банков и всех остальных кредитных учреждений государства. Упразднение всякого центрального управления, бюрократии, постоянного войска и государственной полиции.*

f) Непосредственное и прямое избрание народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, а также всех национальных, провинциальных и коммунальных представителей или советников, то-есть избрание их путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам.

g) *Внутренняя реорганизация* каждой страны с *безусловной свободой индивидов, производительных ассоциаций и общин*, как исходной точкой и основой.

h) *Индивидуальные права.* 1) Право каждого отдельного мужского или женского существа пользоваться со дня своего рождения до своего совершеннолетия полным содержанием, охраной, защитой, воспитанием и обучением за счет общества во всех общественных школах, низших, средних и высших, профессиональных, обучающих искусству и наукам. 2) Равное право каждого на совет и в пределах возможности на помощь со стороны общества в начале своего жизненного пути, каковой каждый достигший совершеннолетия будет избирать свободно; затем общество, объявившее его абсолютно свободным, уже не будет иметь какого-либо дальней-

шего авторитетного наблюдения за ним и сложит с себя всякую дальнейшую ответственность за него, причем на обществе остается лишь обязанность по отношению к нему уважать его свободу и в случае нужды защищать таковую. 3) Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и безусловной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое свое мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным, одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчета; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплоатацией благотворительности или личного доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом. 4) Неограниченная свобода всякого рода пропаганды путем речей, печати, в общественных и частных собраниях, без всякой другой узды, налагаемой на эту свободу, кроме благотворной естественной мощи общественного мнения. Безусловная свобода союзов и соглашений, не исключая тех, которые по своей цели будут неморальны или казаться таковыми, и даже тех, целью которых было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы. 5) Свобода может и должна обороняться только свободой и опасным противоречием и бессмыслицей является посягать на нее, под вводящим в заблуждение своей кажущейся истинностью предлогом защиты ее, ибо мораль не имеет другого источника, другого побуждения, другой причины и другой цели, кроме свободы, а так как она сама не что иное, как свобода, то все налагаемые на свободу в защиту морали ограничения обращаются во вред морали. Психология, статистика и вся история доказывают нам, что индивидуальная и социальная имморальность всегда была следствием дурного общественного и домашнего воспитания и отсутствия или извращения общественного мнения, которое существует, развивается и морализуется только благодаря свободе, и прежде всего была следствием ошибочной организации общества. Опыт учит нас, говорит знаменитый французский статистик Кеттле, что общество всегда подготовляет преступления, и преступники только необходимые орудия для выполнения их. Поэтому бесполезно

противопоставлять социальной имморальности строгость вторгающегося в индивидуальную свободу законодательства. Опыт учит нас, напротив, что авторитарная репрессивная система не только не кладет предела преступности, но все глубже и шире развивает ее в странах, зараженных ею, и что общественная и частная мораль всегда падала или повышалась в меру ограничения или расширения личной свободы и что, следовательно, чтобы сделать современное общество моральным, мы должны начать прежде всего с радикального разрушения всей этой, основанной на неравенстве, привилегиях, божественном авторитете и презрении к человечеству, политической и общественной организации, и когда мы перестроим ее заново на основах полнейшего равенства, справедливости, труда и воспитания, опирающегося на разум и вдохновляемого лишь уважением к человеку, мы должны поставить ее под охрану общественного мнения и вложить в нее душу безусловнейшей свободы. 6) Однако, общество не должно оставаться совершенно безоружным перед лицом паразитирующих, злостных и вредных субъектов. Так как работа должна стать основой всех политических прав, то общество, нация, провинция или община могут каждая, в пределах своей компетенции, отнять эти права у тех взрослых лиц, которые, не будучи ни инвалидами, ни больными, ни старыми, живут за счет общественной или частной благотворительности, с обязательством восстановить их в их правах, как только они опять начнут жить собственным трудом. 7) Так как свобода каждого человеческого существа неотчуждаема, то общество никогда не потерпит, чтобы кто-нибудь юридически продал свою свободу или как-либо иначе распорядился ею по контракту в пользу какого-либо другого лица иначе, как на основах полнейшего равенства и взаимности. Однако, оно будет не в состоянии помешать тому, чтобы мужчина или женщина, совершенно лишенные чувства личного достоинства, стали к другому лицу и без контракта в отношения, носящие характер добровольного рабства, но оно будет рассматривать таких лиц как живущих за счет частной благотворительности и, следовательно, лишит их пользования политическими правами *на все время такого рабства*. 8) Все лица, утратившие

политические права, теряют равным образом право воспитывать своих детей и иметь их при себе. 9) В случае нарушения свободно принятых на себя обязательств или в случае открытого и доказанного посягательства на собственность [39]), личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца, общество налагает на местного или чужого гражданина, совершившего проступок, наказание, положенное по местным законам. 10) Безусловная отмена всех позорящих и жестоких наказаний, телесного наказания и смертной казни, поскольку закон одобряет и приводит в исполнение таковые. Отмена всех наказаний, имеющих неопределенную или слишком долгую длительность, не оставляющих никакой надежды, никакой возможности реабилитации, ибо преступление должно рассматриваться, как болезнь, и наказание скорее, как лечение, чем как возмездие со стороны общества. 11) Каждый, осужденный по законам какого-либо общественного союза, нации, провинции или общины, получит право не подчиниться наложенному на него наказанию, если он заявит, что не желает больше принадлежать к этому обществу. В таком случае последнее будет иметь право, с своей стороны, изгнать его из своей среды и объявить его стоящим вне его гарантии и его защиты. 12) Строптивый, который при этих условиях вновь подпадает под действие естественного закона, око за око, зуб за зуб, может быть ограблен, оскорблен, даже убит, по крайней мере на занимаемой этим обществом территории, причем обществу не будет до этого никакого дела. Каждый может от него отделаться, как от вредного животного, но ни в коем случае он не смеет поработить его, использовать его, как раба.

i) *Права ассоциаций*. Кооперативные рабочие ассоциации представляют новое явление в истории; мы присутствуем ныне при их рождении и можем в настоящую минуту только предчувствовать то огромное развитие, которое им без всякого сомнения предстоит, и те новые политические и общественные отношения, которые из них возникнут, но ближе определить их мы не можем.

Возможно и даже весьма вероятно, что в один прекрасный день они, перешагнув за границы общин, провинций и даже современных государств, даруют всему человеческому об-

ществу новый строй, причем последнее будет уже делиться не на нации, а на различные промышленные группы, организованные согласно потребностям производства, а не политики. Это дело будущего. Что нас касается, то теперь мы можем выставить только следующий безусловный принцип: *все ассоциации, какая бы ни была их цель, равно как и все индивиды, должны пользоваться безусловной свободой.* Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация, не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели — религиозной, политической, научной, промышленной, художественной или даже в целях взаимного развращения и эксплоатации людей беспечных и глупых, при условии, *что последние уже достигли совершеннолетия.* Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения. Но общество имеет обязанность и право отказать в общественной гарантии, юридическом признании и политических и гражданских правах каждой ассоциации, как коллективу, которая по своим целям, своим программам и своим уставам будет противоречить началам, положенным в основу его строя, и все члены которой не находятся на положении полнейшего равенства и взаимности, причем оно не имеет, однако, права лишить самих членов сказанной выше гарантии и прав только на основании их участия в неузаконенных через такую общественную гарантию ассоциациях. Разница между узаконенными и неузаконенными ассоциациями будет, таким образом, заключаться в следующем: ассоциации, признанные коллективными юридическими лицами, будут по этому самому иметь право приносить общественным судам жалобы на все другие узаконенные ассоциации в случае нарушения каких-либо принятых по отношению к ним обязательств. Непризнанные юридически ассоциации не будут иметь этого права, как коллективы, но они не могут в этом случае и нести какой-либо юридической ответственности, ибо все их обязательства должны быть признаны неимеющими силы в глазах общества, не санкционировавшего их коллективное бытие, причем, однако, ни один из их членов не освобождается тем от взятых им на себя индивидуально обязательств.

j) Деление страны на области, провинции, уезды и общины или на департаменты и коммуны, как во Франции, будет, естественно, зависеть от положения, исторических привычек, потребностей данного времени и особых обстоятельств, в которых находится та или другая страна. Здесь необходимы только два общих и обязательных основных положения для всякой страны, которая хочет серьезно организовать свою свободу. *Во-первых, каждая организация должна итти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять по меньшей мере хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция.* В противном случае, община, в тесном смысле этого слова, будет всегда слишком слаба, чтобы сопротивляться равномерно и деспотически централизующему давлению государства, чем каждая страна по необходимости приводится к деспотическому режиму французской монархии, как мы это дважды видели на примере Франции, ибо деспотизм всегда имел свои корни скорее в централизующей организации государства, чем в постоянном естественном предрасположении королей к деспотии.

k) Основой политической организации страны должна быть *безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей, мужчин и женщин на равных правах.* Никакая власть не имеет права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, ее действия и ее управление. Она назначает и сменяет путем голосования всех служащих, правителей и судей и распоряжается без всякого контроля своим имуществом и финансами. Каждая община будет иметь безусловное право создать, независимо от какого-либо высшего утверждения, свое собственное законодательство и свой собственный внутренний строй. Но чтобы войти в провинциальную федерацию и стать интегральной частью провинции, она должна безусловно согласовать свой собственный строй с главнейшими основаниями строя провинции и получить на него санкцию парламента этой провинции. Она должна также подчиняться приговорам провинциального суда и предписываемым провинциальным правительством мероприятиям по отношению к ней, раз

таковые санкционированы голосованием провинциального парламента. В противном случае она была бы исключена из гарантии, солидарности и общения и стала бы вне закона провинции.

1) *Провинция не имеет права быть ничем кроме свободной федерации автономных общин.* *Провинциальный парламент*, состоящий или из одной единственной палаты, представителей всех общин, или из двух палат, представителей общин и представителей всего населения провинции, независимо от общин, — этот провинциальный парламент, который не будет вмешиваться во внутреннее управление общинами, установит основные положения *провинциальной конституции*, которые должны быть обязательными для всех общин, желающих принять участие в провинциальном парламенте. Эти основные положения, составляющие предмет настоящего катехизиса, перечислены в статье II [40]). На этих положенных в основание началах *парламент* выработает провинциальное законодательство, объемлющее обязанности и права лиц, ассоциаций и общин, а также наказания за нарушение таковых, причем общинное законодательство сохраняет право отклоняться во второстепенных пунктах от провинциального законодательства, но не от его основ; при этом необходимы стремление к действительному, живому единству, а не к однообразию, и вера в то, что еще более тесное единство принесут с собой опыт, время, развитие совместной жизни, собственное разумение и потребности общин, одним словом — свобода, но ни в каком случае не принуждение или насилие со стороны провинциальной власти, ибо даже истина и справедливость становятся, если они насильственно навязаны, неправдой и ложью. Провинциальный парламент установит конституцию федерации общин, их права и обязанности, как таковых, и по отношению к парламенту, суду и правительству провинции. Он голосует законы, распоряжения и мероприятия, вытекающие из потребностей всей провинции или связанные с решениями национального парламента, не теряя никогда из виду автономии провинций и автономии общин. Не вмешиваясь во внутреннее управление общин, он устанавливает долю их участия в национальных и провинциальных сборах. Община сама распределяет

эту повинность между всеми работоспособными и взрослыми жителями. Парламент контролирует, наконец, действия, одобряет или отвергает предложения *провинциального правительства*, которое естественно всегда является выборным. *Провинциальный суд*, также выборный, выносит безапелляционное решение по всем делам между лицами и общинами, ассоциациями и общинами и является первой инстанцией по всем делам между общинами и правительством или провинциальным парламентом.

m) *Нация не может быть не чем иным, как федерацией автономных провинций.* *Национальный парламент*, состоящий или из одной палаты, представителей всех провинций, или из двух палат, представителей провинций и представителей всего национального населения безотносительно к провинциям, этот *национальный парламент*, который не будет вмешиваться в управление и во внутреннюю политическую жизнь провинций, установит *основные принципы национальной конституции*, которые должны быть обязательными для всех провинций, желающих принять участие в национальном соглашении. Эти основные положения перечислены в статье II. На основании их *национальный парламент* выработает *национальную конституцию*, от которой провинциальные конституции могут отклоняться во второстепенных пунктах, но отнюдь не в основных положениях. Он выработает *конституцию федерации провинций*, будет голосовать все законы, распоряжения и мероприятия, вытекающие из потребностей всей нации, определять все сборы и распределять их по провинциям, которым останется задача распределить таковые по общинам. Он будет, наконец, контролировать все действия *национальной исполнительной власти*, всегда избираемой на время, и принимать или отвергать ее предложения. Он заключает союзы между нациями, решает вопросы мира и войны и один имеет право, всегда на определенный срок, распорядиться набором национальной армии. Правительство будет только исполнительным органом его воли. *Национальный суд* выносит безапелляционные решения по всем делам между лицами, ассоциациями и общинами и провинцией, а также по всем спорам между провинциями. В случаях возникновения спо-

ров между провинциями и государством, подлежащих разрешению того же суда, провинции могут принести апелляционную жалобу в *интернациональный суд*, если таковой будет учрежден.

n) *Интернациональная федерация* будет обнимать все нации, которые объединились на ранее изложенных и имеющих быть изложенными ниже основаниях. Весьма вероятно и крайне желательно, когда снова настанет час великой революции, чтобы все народы, ставшие под стяг народного освобождения, протянули друг другу руку для заключения прочного и тесного союза против коалиции стран, которые станут под начало реакции. Этот союз образует сначала ограниченную федерацию, являясь как бы зарождением всеобщей федерации народов, которая в будущем должна охватить весь земной шар. Интернациональная федерация революционных народов с парламентом, судом и правящим комитетом, которые все интернациональны, естественно будет основана на принципах самой революции. В применении к международной политике эти принципы следующие: 1) Каждая страна, каждый народ, большой он или маленький, слабый или сильный, каждая область, провинция или община обладают абсолютным правом располагать своей собственной судьбой, определять свое существование, сами избирать себе союзы, которые они желают заключить, соединяться и расходиться по собственному желанию и согласно своим потребностям, не считаясь с так называемыми историческими правами и политическими, коммерческими или стратегическими потребностями государств. Чтобы объединение частей в одно целое было подлинным, плодотворным и могучим, оно должно быть безусловно свободным. Оно должно являться исключительно результатом местной, внутренней потребности и взаимного притяжения частей; единственными же судьями этих потребностей и этого взаимного притяжения могут быть лишь сами части. 2) Полная отмена так называемого исторического права и ужасного права завоевания, ибо таковые противоречат принципу свободы. 3) Абсолютное отрицание политики расширения, славы и могущества государства, — политики, которая обращает каждую страну в крепость, исключающую из своей среды все остальное.

человечество и тем вынужденную смотреть на себя до известной степени как на все человечество, становиться самодовлеющей, самоорганизоваться внутри себя, как отдельный мир, независимый от человеческой солидарности в целом, и искать свое благоденствие и славу в том зле, какое она наносит другим народам. Страна-завоевательница по необходимости представляет внутри страну порабощенную. 4) Слава и величие народа заключаются единственно в развитии его человечности; мерилом его мощи, единства и удельного веса его внутренней жизнеспособности может служить единственно степень его свободы. Если за основу взять свободу, то необходимо придешь к единству; от единства же трудно и, пожалуй, невозможно прийти к свободе. Когда же в этом случае к ней приходят, то происходит это лишь путем разрушения образовавшегося внутри свободы единства. 5) Благосостояние и свобода как народов, так и отдельной личности абсолютно солидарны, отсюда — абсолютная свобода торговли, деловых сношений и передвижения между объединенными в федерацию странами. Упразднение границ, отмена паспортов и таможен. Каждый гражданин входящей в федерацию страны должен пользоваться всеми гражданскими правами во всех других странах той же федерации и иметь возможность легко приобрести в них все политические права и права гражданства. 6) Так как свобода всех, как отдельных личностей, так и коллективов, солидарна, то ни один народ, провинция, община и ассоциация не могут быть подвергнуты притеснению без того, чтобы это не угрожало свободе всех остальных и чтобы они не почувствовали этой угрозы. Каждый за всех и все за каждого — вот священный принцип *интернациональной федерации*. 7) Ни одна страна, входящая в федерацию, не должна иметь постоянной армии, и в ней не должно быть такой организации, благодаря которой солдат отделялся бы от гражданина. Постоянные армии и солдатчина — источники разорения, разврата, отупения и тирании внутри страны, и к тому же они являются угрозой благосостоянию и независимости всех других стран. Каждый здоровый гражданин должен в случае нужды становиться солдатом для защиты своего очага или свободы. Национальная оборона должна быть организована в каждой

стране по общинам и провинциям приблизительно так, как это сделано в Соединенных Штатах Америки или в Швейцарии. 8) *Интернациональный парламент*, состоящий из одной палаты представителей всех народов или из двух палат, из коих одна состоит из вышеуказанных представителей, а другая из непосредственных представителей всего населения федерации без различия национальности, этот *федеральный парламент* составит интернациональный договор и установит федеральное законодательство, развивать и дополнять которое в соответствии с требованиями времени он один уполномочен. Единственное назначение *интернационального суда* заключается в том, чтобы в качестве высшей инстанции разрешать споры между государствами и их провинциями. Возможные же разногласия между отдельными федеративными государствами могут разрешаться лишь в первой и последней инстанции интернациональным парламентом, который тоже безапелляционно решает все вопросы общей политики, а также и вопросы войны против реакционной коалиции от имени революционной федерации. 9) Ни одно из федеративных государств не может вести войну против другого федеративного государства. Раз интернациональный парламент вынес свое решение, государство, против которого вынесено это решение, должно подчиниться. Если оно этого не сделает, то все остальные государства, входящие в федерацию, должны порвать с ним федеральные отношения, поставить его вне федерального закона, солидарности и федерального общения и, в случае нападения на них с его стороны, солидарно вооружиться против него. 10) Все государства, принадлежащие к революционной федерации, должны принимать деятельное участие во всякой войне, какую придется вести одному из них с не принадлежащим к федерации государством. Прежде чем объявить войну, каждое федеральное государство должно о том заявить парламенту и лишь тогда ее объявить, когда интернациональный парламент найдет, что имеется достаточный повод к войне. В таком случае исполнительная федеральная директория берет в свои руки дело обиженного государства и требует именем всей революционной федерации немедленного удовлетворения от нападающего чужого государства.

Если же парламент придет к заключению, что в данном случае ни нападения, ни действительной обиды не произошло, то он посоветует государству, принесшему жалобу, не затевать войны и заявит ему, что, если оно тем не менее вздумает воевать, то ему придется вести эту войну одному. 11) Надо надеяться, что со временем входящие в федерацию государства откажутся от разорительной роскоши отдельного представительства и будут довольствоваться одним федеральным дипломатическим представительством. 12) *Ограниченная интернациональная революционная федерация* по отношению к народам, которые захотели бы впоследствии к ней примкнуть, должна оставаться открытою на основе идей и воинствующей, активной солидарности революции, как мы ее здесь изложили, никогда никому и ни при каких условиях не делая уступок в отношении этих принципов. Следовательно, в федерацию могут войти лишь те народы, которые примут принципы, перечисленные в статье 11.

10. *Социальная организация.* Без *политического равенства* не может быть действительной политической свободы, но политическое равенство будет лишь тогда возможным, когда установится равенство экономическое и социальное.

a) Равенство не означает ни уравнения индивидуальных различий, ни интеллектуального, морального и физического тождества индивидов. Это разнообразие способностей и сил, эти различия расы, национальности, пола, возраста среди людей вовсе не составляют социального зла, а, напротив, представляют богатство человечества. Экономическое и социальное равенство в равной мере вовсе не обусловливает равенства личных состояний, поскольку они являются результатом способности, производительной энергии и бережливости отдельных лиц.

b) Равенство и справедливость требуют лишь одного, а именно: *такого устройства общества, чтобы каждое человеческое существо при своем появлении на свет нашло в нем, поскольку это зависит не от природы, а от общества, одинаковые средства для развития в детстве и в юношеском возрасте до полной возмужалости, сначала в отношении своего воспитания и образования, а позднее для упражнения своих сил, которыми природа наделила каждого человека для ра-*

боты. Это равенство *в исходной точке,* которая требует справедливости для всякого, окажется невозможным до тех пор, пока существует право наследования.

c) Справедливость и достоинство человека требуют, чтобы *каждый был сыном лишь собственных своих дел.* Мы с негодованием отвергаем догмат первородного греха, наследственного позора и ответственности. С той же последовательностью должны мы отвергнуть мифическую наследственность добродетели, ложную наследственность почестей и прав, а также и *наследственность* имущества. Наследник какого-нибудь имущества уже не является сыном своих дел, и в отношении исходной точки оказывается в привилегированном положении.

d) *Отмена права наследования.* До тех пор, пока будет существовать это право, будут продолжать существовать, если не по праву, то по крайней мере на деле, наследственные различия классов, положений, имущества, — словом, социальное неравенство и привилегии. А фактическое неравенство, по закону, присущему человеческому обществу, всегда приводит к неравенству юридическому; социальное неравенство обязательно приводит к неравенству политическому. А без политического равенства, как мы говорили, не может быть свободы в общем, человеческом, истинно демократическом смысле этого слова; общество продолжало бы распадаться на две неравные части, из которых одна, неизмеримо большая, охватывающая всю массу народа, терпела бы притеснение и эксплоатацию другой. Следовательно, *право наследования противостоит победе свободы*; и если общество хочет сделаться свободным, оно должно его отменить.

e) *Оно должно его отменить, ибо это право, основанное на фикции, само противоречит принципу свободы.* Все личные, политические и социальные права связаны с действительной, живой личностью. После смерти существует лишь фиктивная воля лица, уже не существующего и утесняющего во имя смерти живых. Если умерший дорожит выполнением своей воли, то пусть же сам придет и выполнит ее, если может; но он не имеет права требовать, чтобы общество предоставило в распоряжение его ничтожества всю свою власть и свои права.

f) Законная и серьезная задача права наследования всегда заключалась в том, чтобы обеспечить грядущим поколениям средства развиваться и становиться зрелыми людьми. *А потому право наследовать будет иметь лишь фонд воспитания и общественного обучения*, с обязательством заботиться о равном уходе, воспитания и обучения для всех детей от их рождения до совершеннолетия и полной их свободы. Таким путем все родители в равной мере будут успокоены относительно судьбы своих детей, а так как равенство всех является одним из основных условий нравственности каждого, а привилегии служат источником безнравственности, то все родители, любовь которых к детям благоразумна и служит не тщеславию их, а сознанию человеческого достоинства, даже если бы они могли оставить своим детям наследственную долю, которая поставила бы их в привилегированное положение, предпочтут для них режим полного равенства.

g) По устранении неравенства, вытекающего из права наследования, все же сохранится, хотя и в значительно меньшей силе, неравенство, вытекающее из различия природных способностей, сил и производительной энергии отдельных личностей, — различие, которое хотя никогда окончательно не исчезнет, однако постепенно будет ослабевать под влиянием основанного на равенстве воспитания и социальной организации и которое, впрочем, с отменой права наследования, никогда уже не будет ложиться бременем на грядущие поколения.

h) *Труд* — основа достоинства человека и его права. Ибо лишь свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир, сам, как творец, отвоевывая у внешнего мира и у собственной животной природы свое человеческое естество и свое право.

Клеймо бесчестия, наложенное на идею труда в античном мире и в феодальном обществе, еще и доныне не вполне смытое, несмотря на все фразы о достоинстве труда, которые ежедневно повторяются на все лады, имеет два источника: прежде всего характерное убеждение древних, которое и в наши дни имеет тайных приверженцев, будто для того, чтобы дать части человечества возможность гуманизироваться

при посредстве науки, искусства, правотворчества и правоосуществления, необходимо, чтобы другая его часть, и естественно гораздо более многочисленная, посвятила бы себя физическому труду в качестве рабов. Этот основной принцип античной цивилизации был причиной ее крушения. Городская община, развращенная и дезорганизованная привилегированной праздностью граждан и, с другой стороны, подточенная незаметной и медленной, но упорной деятельностью этого обездоленного мира рабов, который, несмотря на свое рабство, спасительным действием труда, хотя и подневольного, был морализован и сохранен в его первобытной силе, — эта античная городская община пала под ударами варварских народов, к которым эти рабы большей частью и принадлежали по рождению. Христианство, эта религия рабов [41]), разрушило позднее античное неравенство лишь для того, чтобы создать новое; привилегия божьей милости и богоизбранничества [в соединении с] неравенством, по необходимости возникшим из права завоевания, снова разделила на два лагеря человеческое общество: на смердов и дворянство, на подвластных и на господ; последние получили в удел благородное военное ремесло и ремесло управления, в то время как на долю крепостных оставалась лишь работа, на которую смотрели не только как на унизительную, но и как на проклятую. Та же причина вызвала неизбежно то же следствие; мир дворянства, обессиленный и деморализованный привилегией праздности, пал в 1789 году под ударами крепостных возмущенных рабочих, объединившихся и могучих. Тогда была провозглашена свобода труда, его правовая реабилитация. Но лишь правовая, ибо фактически труд попрежнему унижен и порабощен. Первый источник этого порабощения, содержавшийся в догмате политического неравенства людей, был засыпан великой революцией; поэтому современное презрение к труду приходится приписать второму источнику, который заключается не в чем ином, как в разделении между *умственным и физическим трудом*, постепенно развившимся и продолжающим существовать и поныне; оно воспроизводит в новой форме античное неравенство и снова делит социальный мир на два лагеря: *меньшинство*, ныне *привилегированное* не по закону,

а по капиталу, и *большинство рабочих по принуждению*, принуждаемых ныне уже не несправедливым преимуществом, предоставляемым законом, а голодом. Действительно, в наше время достоинство труда теоретически признается, и общественное мнение считает, что позорно жить без труда. Но так как человеческий труд, рассматриваемый в целом, распадается на две части, из коих одна, как всецело умственная, признается исключительно почетной, заключая в себе искусства, мышление, концепцию, изображение, исчисление, управление и общее, а также частное руководство трудом, другая же лишь физическое выполнение, которое через экономический и социальный закон разделения труда ограничивается чисто механической деятельностью без мысли и идеи, — при этих обстоятельствах привилегированные хозяева капитала, в том числе и люди по своим личным способностям менее всего к этому призванные, овладели первой категорией труда и предоставили вторую народу. Отсюда проистекают три великих зла; одно для привилегированных капиталов, второе для народных масс и третье, вытекающее из двух предыдущих, для продукции, благосостояния, справедливости и умственного и морального развития всего общества. Зло, от которого страдают привилегированные классы, заключается в следующем: взяв себе при распределении социальных функций наиболее удобную их часть, они начинают занимать в умственном и моральном мире все менее и менее значительное место. Бесспорно, что для развития ума, науки и искусства известный досуг необходим; но такой досуг надо заслужить, он должен следовать за здоровым утомлением от дневного труда, как заслуженный отдых, который должен зависеть лишь от большей или меньшей степени энергии, способности и доброй воли отдельного лица и быть предоставлен обществом всем без исключения и в равной мере. Между тем всякое свободное время, предоставляемое по привилегии, нисколько не укрепляет ума, но расслабляет, деморализует и убивает его. Вся история учит нас, что, за редкими исключениями, привилегированные, благодаря богатству и званию, классы всегда были наименее продуктивными в умственном отношении, а величайшие открытия в области науки, искусства и промышленности

были в большинстве случаев сделаны людьми, которые в юном возрасте были вынуждены зарабатывать себе пропитание тяжелым трудом. Человеческая природа так устроена, что возможность другого всегда порождает это дурное и что нравственность отдельного человека в гораздо большей степени зависит от условий его жизни и от его среды, чем от его собственной воли. В этом отношении, как впрочем и во всех остальных, закон социальной солидарности неумолим, так что, если желаешь поднять мораль людей, надо не столько заботиться об их совести, сколько о социальных условиях их существования, и, как для отдельного человека, так и для общества, нет лучшего средства поднять нравственный уровень, как свобода при полнейшем равенстве. Посадите самого искреннего демократа на трон; если он немедленно его не покинет, то непременно сделается отъявленным негодяем. Человек, рожденный аристократом, если он по счастливой случайности не возненавидит своего звания и не будет стыдиться своего дворянства, неизбежно будет тщеславным и ничтожным, вздыхающим о прошлом, бесполезным для настоящего и яростным противником будущего. Точно так же и буржуа, баловень капитала и привилегированного досуга, будет проводить свободное время в праздности, разврате и кутежах или использует капитал и досуг как страшное оружие для еще большего порабощения класса трудящихся и вызовет в конце концов против себя революцию, более ужасную, чем революция 1793 года.

Еще легче определить то зло, от которого страдает народ; он работает на других, и работа его — без свободы, досуга и умственной деятельности — тем самым делается недостойною и унижает, подавляет и убивает его. Он вынужден работать на других, ибо, рожденный в нищете, без воспитания и разумного обучения, морально порабощенный религиозными влияниями, он оказывается брошенным в жизнь, безоружным, лишенным авторитета, без инициативы и собственной воли. Вынужденный голодом с самого раннего возраста зарабатывать себе жалкий кусок хлеба, он должен продавать свою физическую силу, свой труд на самых суровых условиях и даже не думает, да и не имеет к тому материальной возможности, потребовать иных условий. Под

давлением нужды и отчаяния, он иногда подымает восстание, но без единства и силы, сообщаемых мыслью, плохо руководимый, большей частью предаваемый и продаваемый своими вождями, почти всегда в полном неведении, против которого из своих страданий ему направиться, часто нанося свои удары в ложном направлении, он, по крайней мере до сих пор, терпел неудачу в своих возмущениях и, утомленный бесплодной борьбой, снова впадал в прежнее рабство. Это рабство будет длиться до тех пор, покуда капитал, стоя вне совокупной деятельности рабочих сил, будет их эксплоатировать и покуда образование, которое в хорошо организованном обществе должно было бы быть равномерно распространено на всех, развивает интеллект только привилегированного класса и тем предает в его руки всю умственную область труда, оставляя народу лишь грубое применение его порабощенных физических сил, всегда обреченных выполнять идеи, которые принадлежат не ему. Благодаря такому несправедливому и пагубному извращению труд народа становится чисто механическим, напоминающим труд рабочего скота, и, обесчещенный и презираемый, естественно лишается всякого права. Отсюда проистекает для общества огромное зло как в политическом, так и в умственном и моральном отношении. Меньшинство, пользующееся монополией науки, само, в результате такого преимущества, бывает поражено и в уме и в сердце в такой степени, что от избытка знаний глупеет; ибо нет ничего вреднее и бесплоднее, как патентованная и привилегированная интеллигентность. С другой стороны, народ, совершенно лишенный науки, подавленный повседневным, механическим трудом, который скорее его притупляет, чем развивает его природные интеллектуальные способности, лишенный света, который указал бы ему путь к его освобождению, — народ напрасно надрывается над своей принудительной работой, и так как численное превосходство всегда на его стороне, то он всегда является угрозой существованию самого общества.

Поэтому представляется необходимым, чтобы ныне несправедливое разделение работы умственной и работы физической было иначе организовано. От такого разделения

сильно страдает сама экономическая продуктивность общества: интеллект, оторванный от физического труда, становится невозможным, засыхает, вырождается, в то время как физическая сила, оторванная от ума, тупеет, и в таком искусственном разъединении ни одна из обеих частей не производит и половины того, что они могут и должны произвести, когда, объединенные в новом социальном синтезе, обе станут единой производительной деятельностью. Когда человек науки будет работать, а человек труда будет думать, интеллигентный и свободный труд будет почитаться лучшим украшением и похвалой человека, основой его достоинства, его права, проявлением его человеческой мысли на земле — и тогда человечество обретет свое устроение.

k) *Интеллигентный и свободный труд по необходимости будет ассоциированным трудом.* Свободному выбору каждого будет предоставлено объединяться с другими в труде, или нет; но не подлежит сомнению, что, за исключением работ, связанных с воображением, самая природа которых требует сосредоточения в себе интеллекта отдельного лица, во всех промышленных и даже научных и художественных предприятиях, допускающих сотрудничество, все будут предпочитать совместную работу по той простой причине, что последняя самым удивительным образом преумножает продуктивность труда каждого отдельного человека и что каждый член и сотрудник производительного объединения гораздо больше заработает с гораздо меньшей затратой времени и труда. Когда эти свободные производительные объединения уже не будут рабами, а в свою очередь станут хозяевами и владельцами необходимого им капитала, будут видеть в своей среде, в качестве сотрудников, на-ряду с рабочими силами, освобожденными благодаря всеобщему образованию, все специальные силы интеллекта, необходимые для каждого предприятия; когда они, объединившись между собою, всегда свободно, в соответствии со своими потребностями, и наиболее подходящим для себя образом, переступив рано или поздно через национальные границы, образуют огромную экономическую федерацию; когда стоящий во главе ее парламент, располагая столь же всеобъемлющим, как и подробным и точным статистическим матери-

алом, какой в наши дни не может существовать, комбинируя спрос и предложение, будет направлять, устанавливать и распределять между отдельными странами производство мировой промышленности, так чтобы уже не было или почти не было ни торговых, ни промышленных кризисов, вынужденной остановки производства, катастроф и нужды и потери капитала — тогда человеческий труд, источник свободы всех и каждого, возродит мир к новой жизни.

l) *Земля со всеми ее естественными богатствами — собственность всех, но обладать ею будут те, кто ее обрабатывает.*

m) Женщина, по своей природе отличная от мужчины, но не уступающая ему ни в чем, трудолюбивая и свободная как мужчина, будет провозглашена равной во всех политических и социальных правах, а также во всех политических и социальных функциях и обязанностях.

n) Упразднение не семьи естественной, а семьи *легальной*, основанной на гражданском законе и праве собственности. Церковный и гражданский брак заменяется *браком свободным*. Два взрослых лица разного пола имеют право по собственному желанию, согласно своим интересам и сердечным потребностям, соединяться и расходиться без того, чтобы общество имело право препятствовать их союзу или против их желания поддерживать его. Ввиду отмены права наследования и обеспечения обществом воспитания детей, исчезают все доводы, которые до сих пор обычно приводятся в пользу политического и гражданского освящения нерасторжимости брака, и союз полов должен быть предоставлен полной свободе, которая и в этом случае, как и во всех других, является необходимым условием искренней нравственности. В свободном браке муж и жена должны в равной мере пользоваться безусловной свободой. Ни сила страсти, ни раньше добровольно предоставленные права не должны служить извинением для нападения одной стороны на свободу другой — всякое насилие в этом направлении должно рассматриваться как преступление.

o) За все время беременности вплоть до рождения ребенка женщина имеет право на поддержку со стороны общества, которая выплачивается не за счет матери, а за счет

ребенка; мать, кормящая и воспитывающая своих детей, имеет равным образом право получать от общества возмещение ее расходов по содержанию их и оплату труда, который она несет ради них.

p) Родителям будет предоставлено право оставить детей у себя и заняться их воспитанием под опекой и высшим надзором общества, которое всегда будет иметь право и обязанность отнять детей у родителей, если только последние дурным примером, неправильным обучением или грубым, бесчеловечным обращением могут деморализовать детей или помешать их развитию.

q) Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу, они принадлежат сами себе и своей будущей свободе. Как дети, до достижения ими возраста свободы, они находятся лишь в состоянии потенциальной свободы и должны поэтому подчиняться режиму *авторитета*. Родители являются их естественными опекунами, это правда; однако *законный и верховный их опекун* — общество, право и обязанность которого — заниматься ими, ибо его собственная будущность зависит от того интеллектуального и морального руководства, какое преподадут детям, а взрослым общество может дать свободу лишь при том условии, что оно будет наблюдать за воспитанием несовершеннолетних.

r) *Школа должна заменять церковь* с той огромной разницей, что, в то время как церковь в своей религиозно-воспитательной деятельности преследует лишь одну цель — увековечить режим человеческого несовершеннолетия и так называемого божественного авторитета, воспитание и образование, даваемое школой, имеет, напротив, лишь ту цель, чтобы дать детям, по достижении ими совершеннолетия, действительное освобождение, так что и воспитание и образование будут не чем иным, как постепенным, последовательным посвящением в свободу через троякое развитие: физических сил, ума и воли детей. Разум, истина, справедливость, уважение к человеку, сознание собственного достоинства, солидарно и неразрывно связанного с человеческим достоинством других, любовь к свободе для себя и для всех других, культ труда, как основы и условия всякого права, презрения к неразумию, лжи, несправедливости,

трусости, рабству и праздности — вот те начала, которые должны быть положены в основу общественного воспитания. Оно сперва должно образовать людей, затем рабочих, — специалистов и граждан, а по мере приближения детей к зрелому возрасту начало авторитета должно, естественно, все более и более уступать свое место в воспитании началу свободы, дабы юноши, достигшие зрелости к тому времени, когда закон делает их свободными, успели позабыть, как в детстве ими руководило и над ними властвовало что бы то ни было иное, чем свобода. Уважение к человеку, этот зародыш свободы, должно оставаться налицо даже при самых суровых и безусловных проявлениях авторитета. Все моральное воспитание заключается в следующем: внушайте детям это уважение, и вы из них сделаете людей.

По окончании начального и среднего образования дети, сообразно их способностям и склонностям, будут выбирать, по совету и разъяснению, но не по принуждению старших, высшее или специальное учебное заведение. Одновременно каждый должен изучать теоретически и практически наиболее привлекательную для него отрасль промышленности, а деньги, заработанные им за время ученичества, он получит по достижении совершеннолетия.

s) Юноша, достигший совершеннолетия, объявляется свободным и становится безусловным хозяином своих поступков. В возмещение забот, проявленных по отношению к нему во время его детства обществом, последнее потребует от него трех вещей: чтобы он остался *свободным*, чтобы он *жил своим трудом* и чтобы он *уважал свободу других*. А так как преступление и пороки, от которых страдает современное общество, являются исключительно продуктом плохой социальной организации, то можно быть уверенным, что при организации и воспитании, основанных на разуме, справедливости, свободе, уважении к человеку и полном равенстве, добро станет правилом, в то время как зло будет представлять болезненное исключение, которое под всемогущим влиянием морализованного общественного мнения будет все реже и реже встречаться.

t) Старики, неспособные к труду и больные, окруженные заботами и уважением, сохраняя все политические права, будут пользоваться обильным содержанием и полным уходом за счет общества.

II. Сводка основных идей этого катехизиса.

a) Отрицание бога.

b) Почитание человечества должно заменить культ божества. Человеческий разум признается единственным критерием истины, человеческая совесть — основой справедливости, индивидуальная и коллективная свобода — источником и единственной основой порядка в человечестве.

c) Свобода индивида может быть осуществлена лишь в равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве есть справедливость.

d) Безусловное исключение принципа авторитета и государственной необходимости. *Свобода должна являться единственным устрояющим началом всей социальной организации, как политической, так и экономической. Общественный порядок должен быть совокупным результатом развития всех местных, коллективных и индивидуальных свобод. Следовательно, вся политическая и экономическая организация в целом* не должна, как в наши дни, исходить сверху вниз, от центра к периферии по принципу единства, а снизу вверх, от периферии к центру, *по принципу свободного объединения и федерации.*

e) *Политическая организация. Упразднение всякой официальной* охраняемой и *оплачиваемой* государством церкви. *Абсолютная свобода совести* и культа с неограниченным правом для каждого строить храмы своим богам и оплачивать свое духовенство. Абсолютная *свобода религиозных ассоциаций*, которые, впрочем, не должны обладать никакими гражданскими и политическими правами и не могут заниматься воспитанием детей. *Упразднение и банкротство централизующего и опекающего государства.* Абсолютная свобода каждого индивида, признание политических прав лишь за теми, кто живут собственным трудом, при условии, что они уважают свободу других. *Всеобщее право голоса,*

безграничная свобода печати, пропаганды, слова и собраний (как для частных, так и для общественных собраний). *Абсолютная свобода союзов*, причем, однако, юридическое признание дается лишь тем из них, которые по своим целям и внутренней организации не стоят в противоречии с основными началами общества. *Абсолютная автономия общин* с правом самоуправления и даже издания собственных законов, поскольку таковые соответствуют принципам, лежащим в основе строя провинции, раз данная община желает входить в состав федерации и пользоваться гарантией, предоставляемой провинцией. *Провинция должна представлять лишь федерацию общин. Автономия провинций* по отношению к нации с правом самоуправления и издания законов, поскольку таковые соответствуют основным принципам национального строя, если провинция желает принадлежать к федерации и пользоваться гарантиями, предоставляемыми нацией. *Нация должна представлять лишь федерацию провинций, желающих добровольно к ней принадлежать; она обязана уважать автономию* каждой провинции, но в то же время она вправе требовать, чтобы строй и сепаратное законодательство провинций, *принадлежащих к федерации и желающих пользоваться гарантиями*, предоставляемыми нацией, соответствовали в существенных пунктах национальному строю и законодательству, чтобы в делах, касающихся взаимоотношений провинций и общих интересов нации, каждая провинция выполняла декреты, принятые национальным парламентом и сообщенные ей национальным правительством, и чтобы каждая провинция подчинялась решениям национального суда, с оговоркой ее права принести апелляционную жалобу международному суду, когда таковой будет учрежден. При отказе повиноваться в одном из этих трех случаев провинцию ставят вне закона и национальной солидарности, и, в случае нападения с ее стороны на одну из федеративных провинций, национальная армия внушает ей должное благоразумие.

Отмена так называемого исторического права, права завоевания и всякой политики, направленной на округление, расширение, славу и внешнее могущество государства. Благосостояние и свобода наций — солидарны, и каждая должна

искать своей мощи в свободе. Национальная независимость есть национальное, неотчуждаемое право, как независимость отдельного лица есть таковое же его право; она должна быть священна на основании этого факта, а *не* на основании исторического права. *Из того, что какая-либо страна была объединена с какой-нибудь другой страной в течение нескольких столетий, хотя бы и добровольно, не следует, что она должна и впредь терпеть это объединение, если она того не желает; ибо прошлые поколения не имеют никакого права отчуждать свободу настоящего и будущих поколений. Итак, каждая нация, провинция и община будет обладать безусловным правом располагать сама собою, вступать в союз с другими, порывать прежние и настоящие союзы и вступать в новые, без того чтобы какая-либо другая сторона имела право или интерес ей в этом помешать.* Всякое насильственное действие в этой области должно встретить дружный отпор со стороны всей *национальной федерации* в целом, ибо каждое посягательство на свободу отдельной страны является оскорблением, угрозой, косвенным посягательством на свободу всех наций. Наконец, *интернациональная федерация и революционная солидарность свободных народов* против реакционной коалиции еще порабощенных стран.

f) *Социальная организация.* Политическое равенство немыслимо без равенства экономического. Экономическое равенство и социальная справедливость немыслимы до тех пор, пока в обществе не установлено полного равенства исходной точки для каждого человеческого существа, вступающего в жизнь, равенства, заключающего в себе равенство средств для содержания, воспитания и обучения, а позднее и для применения тех разнообразных способностей и сил, какие природа вложила в каждого отдельного индивида. *Отмена права наследования. Фонд общественного воспитания один будет иметь право наследовать,* ибо на нем будет лежать обязанность содержания, надзора, воспитания и обучения детей, от их рождения до совершеннолетия. Так как только труд производит продукты, то каждый должен работать, чтобы жить, в противном случае на него будут смотреть, как на вора. Интеллигентный и свободный труд, основа человеческого достоинства и всех политических

прав, и *одиночная* работа с каждым днем все более сливаются между собою в *сотрудничестве*. Поверхность и недра земли, собственность всех, будут в обладании лишь тех, кто их разрабатывает. *Равенство мужчины и женщины во всех политических и социальных правах. Упразднение легальной семьи, основанной на гражданском праве и имуществе. Свободный брак. Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу. Верховная опека над детьми, их воспитание и обучение принадлежат обществу.* Школа заменит церковь. Ее задача — *создать свободного человека*. Уничтожение института тюрем и палача. Уважение к старикам, неспособным к труду, и больным и забота о них.

12. *Революционная политика.* Наше основное убеждение заключается в том, что так как свобода всех народов солидарна, то и отдельные революции в отдельных странах должны тоже быть солидарны; что отныне в Европе и во всем цивилизованном мире нет больше революций, а существует лишь одна *всеобщая революция*, точно так же, как существует лишь единая европейская и мировая реакция; что, следовательно, все особые интересы, все национальные самолюбия, притязания, мелкие зависти и вражды должны теперь слиться в одном *общем, универсальном интересе революции*, которая обеспечит свободу и независимость каждой нации через солидарность всех наций; что далее священный союз мировой реакции и заговор королей, духовенства, дворянства и буржуазного феодализма, опирающийся на огромные бюджеты, постоянные армии, обширную бюрократию, располагающий всеми теми ужасными средствами, которые дает им современная централизация с ее привычкой, так сказать, рутиной ее приемов и правом конспирировать и основывать все свои действия на законе, что все это — чудовищный, грозный, губительный факт, и что для того, чтобы бороться с ним, для того, чтобы противопоставить ему столь же мощный факт, для того, чтобы победить и уничтожить этот заговор, требуется по меньшей мере такой же революционный союз и действие всех народов цивилизованного мира.

Против этой мировой реакции *изолированная революция отдельного народа не может иметь успеха*; она была бы безумием, а следовательно ошибкой, для самого этого народа

и изменой и преступлением по отношению ко всем остальным. Отныне восстание каждого народа должно происходить не с точки зрения его интересов, а с точки зрения интересов всего мира. Но дабы одна нация могла восстать таким образом во имя всего мира, она должна иметь и мировую программу, достаточно широкую, глубокую и истинную, — словом, достаточно общечеловеческую программу, охватывающую таким образом интересы всех и возбуждающую страсти всех народных масс Европы, без различия национальности,— *а такой программой может быть лишь программа демократической и социальной революции.*

а) *Цель демократической и социальной революции* может быть формулирована в двух словах: *Политически*, это — отмена исторического права, права завоевания и права дипломатического. Это — полное освобождение лиц и ассоциаций от ига божественного и человеческого авторитета, — полное разрушение принудительных объединений и сочетаний общин в провинции, провинций же и завоеванных стран в государстве. Это, наконец, — полное коренное упразднение централистического, опекающего, авторитарного государства со всеми его военными, бюрократическими, правительственными, административными, судебными и гражданскими установлениями. Одним словом, это — *возвращение свободы всем — лицам, коллективам, ассоциациям, общинам, провинциям, областям, нациям и взаимная гарантия этой свободы посредством федерации.*

С социальной же точки зрения это — подкрепление политического равенства при посредстве равенства экономического. В начале жизненного поприща каждого человека лежит *равенство исходной точки*, не природой данное, а равенство социальное для каждого, т. е. равенство средств содержания, воспитания и обучения для каждого ребенка того и другого пола до достижения им совершеннолетия[42]).

Организация [43]).

1. Интернациональное революционное общество будет делиться на две отдельные организации:

I. *Интернациональную семью* в собственном смысле и II. *Национальные семьи*, из коих последние должны

всюду быть так организованы, чтобы всегда оставаться подчиненными безусловному руководству семьи интернациональной.

I. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ.

2. Составленная исключительно из *интернациональных братьев*, почетных и действительных, она явится краеугольным камнем, на коем будет покоиться все наше великое революционное предприятие. Следовательно, успех последнего будет зависеть главным образом от удачного подбора интернациональных братьев.

A. Необходимые свойства для вступления в интернациональную семью.

3. Наряду с необходимыми свойствами характера, присущими серьезному и честному революционеру, как то: правоверность, мужество, ум, сдержанность, постоянство, твердость, решительность, беззаветная преданность, отсутствие тщеславия и личного честолюбия, интеллектуальное развитие, практическая складка,—необходимо еще, чтобы кандидат со страстью, волей и разумением воспринял всем сердцем основные принципы нашего *революционного катехизиса*.

a) *Он должен быть атеистом* и востребовать вместе с нами для земли все то, что религии перенесли на небо и приписали своим богам: истину, свободу, справедливость, счастие и доброту. Он должен признать, что *истина*, не зависимая от какой-либо теологии и божественной метафизики, не имеет иного источника, кроме коллективной совести людей.

b) Он должен, как и мы, быть противником принципа авторитета и ненавидеть все проявления и последствия его в области интеллектуальной и моральной, а также в политической, экономической и социальной.

c) *Он должен больше всего любить свободу и справедливость* и признавать вместе с нами, что всякая политическая и социальная организация, основанная на отрицании или хотя бы на ограничении этого абсолютного принципа свободы, неизбежно должна вести к несправедливости и беспо-

рядку, и что единственная разумная и справедливая организация, совместимая с человеческим достоинством и человеческим счастьем, будет та организация, которая имеет, как основу, как душу, как единственный закон и высшую цель, — свободу.

d) Он должен понимать, что без равенства не может быть свободы, и что осуществление величайшей свободы в совершеннейшем равенстве, как юридическом, так и фактическом, в равенстве одновременно политическом, экономическом и социальном — и есть справедливость.

e) *Он должен быть федералистом*, как мы, по отношению к своей стране и по отношению к чужим странам. Он должен понимать, что появление свободы несовместимо с существованием *государств*. Поэтому он должен желать разрушения всех государств и в то же время уничтожения всех религиозных, политических и общественных учреждений, как государственные церкви, постоянные армии, централизованные власти, бюрократия, суды, центральные, единые парламенты, государственные университеты и банки, а также монопольные преимущества аристократии и буржуазии. Такое разрушение необходимо, дабы на развалинах всего этого могло бы, наконец, воздвигнуться свободное человеческое общество, которое тогда уже не будет организовываться сверху вниз и от центра к периферии, на пути к вынужденному единству и концентрации, а снизу вверх и от периферии к центру,— на пути к свободной федерации.

f) Он должен принять и в теории и на практике и до конечных его выводов следующий принцип: *каждый индивид, каждая община, провинция, область и нация имеют безусловное право располагать сами собою, объединяться между собою или не объединяться, вступать в союзы, с кем они захотят, и порывать эти союзы, не считаясь с так называемыми историческими правами и удобствами своих соседей*, и он должен иметь твердое убеждение, что эти новые федерации общин, провинций, областей и стран будут действительно сильны, плодотворны и нерасторжимы лишь при условии, что они образовались благодаря всепобеждающей силе присущих им естественных и свободой освященных влечений и потребностей.

g) Он должен, следовательно, свести так называемый национальный принцип, принцип двусмысленный, полный лицемерия и соблазнов, принцип государственный, исторический и честолюбивый, к гораздо более широкому, простому и единственно законному — принципу свободы. Каждый, будь то индивид или коллектив, кто свободен или должен быть свободным, имеет право быть самим собою, и никто не имеет права навязывать ему свою одежду, свои обычаи, свой язык, свои мнения и законы; каждый у себя должен быть абсолютно свободным. На это, в его подлинном существе, сводится национальное право. Все, что выходит за эти пределы, уж не является утверждением собственной национальной свободы, а отрицанием национальной свободы других. Следовательно, кандидату должны внушать отвращение, как и нам, *все эти узкие, смешные, убийственные для свободы, а потому и преступные, идеи национального величия, честолюбия и славы*, приличествующие только монархии и олигархии, а в наши дни пригодные и для крупной буржуазии, ибо они служат ей для того, чтобы обманывать народы и, натравляя их один на другой, тем легче их порабощать.

h) Отныне патриотизм должен занять в его сердце второе место, уступив первенство любви к справедливости и свободе, и в случае нужды, если бы его собственное отечество имело несчастье отделиться от них, он должен без колебаний стать на их сторону, против своего отечества. Это будет для него не трудно, если он, как ему и подобает, действительно убежден в том, что для каждой страны достигнуть благоденствия и величия возможно лишь путем справедливости и свободы.

i) Наконец, он должен быть уверенным в том, что благосостояние и свобода его страны не только не противоречат благосостоянию и свободе других стран, а, напротив, нуждаются для своего осуществления в благосостоянии и свободе других стран; что между судьбами всех народов существует неизбежная, всемогущая солидарность, которая, постепенно превращая узкое и, в большинстве случаев, несправедливое чувство патриотизма в более широкую, благородную и разумную любовь к человечеству, в ко-

нечном счете и создает всеобщую мировую федерацию всех наций.

j) Он должен быть социалистом в том целостном значении этого слова, какое ему придает наш революционный катехизис, и вместе с нами он должен признать законной, справедливой и должен призывать всеми силами своей воли *победу социальной организации, при которой всякое человеческое существо того или другого пола при своем вступлении в жизнь находит одинаковые средства содержания, воспитания и образования на время своего детства и отрочества, а позднее, по достижении совершеннолетия, находит одинаковые внешние, т.-е. политические, экономические и социальные, возможности для создания собственного благосостояния, причем оно применяет в работе те различные силы и способности, которыми наделила его природа и которые в нем развернуло одинаковое для всех воспитание,* — достижению этой-то победы он должен отдать все свои силы.

k) Он должен понимать, что если наследование зла, которое, к сожалению, неоспоримо, как естественный факт, тем не менее отвергается принципом справедливости, то в равной мере логика этой справедливости требует, чтобы мы отвергли наследование блага; что умершие, перестав существовать, не могут проявлять своей воли среди живых, и что, одним словом, *экономическое, социальное и политическое равенство исходной точки для каждого, это основное условие свободы всех, несовместимо с унаследованным имуществом, с правом наследования.*

l) Он должен иметь твердое убеждение, что, раз только труд производит социальные ценности, тот, кто пользуется такими ценностями, не трудясь, является эксплоататором чужого труда, вором и что, так как труд является основой человеческого достоинства, единственным средством, коим человек действительно завоевывает и создает свою свободу, все *политические и социальные права отныне должны принадлежать одним лишь трудящимся.*

m) Он должен признавать, что земля, данная природой безвозмездно, не может и не должна быть собственностью кого бы то ни было. Продукты ее, поскольку они являются

продуктами труда, должны достаться на долю тех, кто приложил к земле свой труд.

п) Он должен разделять наше убеждение, что женщина, отличаясь от мужчины, но ни в чем ему не уступая, умственно развитая, трудолюбивая и свободная, как и он, должна быть объявлена *равной* ему во всех политических и социальных правах; что в свободном обществе религиозный и гражданский браки должны быть заменены свободным браком и что содержание, воспитание и образование детей общество принимает на свой счет в одинаковой мере для всех, без того, однако, чтобы оно отнимало их у родителей, хотя оно и ограждает детей от глупости, небрежности и злой воли родителей; ибо дети не принадлежат ни родителям, ни обществу, но своей будущей свободе; а опекунский авторитет общества не должен преследовать никакой иной цели, не может иметь никакого другого назначения, как приготовить их к предстоящей им свободе через рациональное, мужественное воспитание, построенное исключительно на справедливости, уважении к человеку и культе труда.

4. *Он должен быть искренним революционером.* Он должен понять, что столь полное и радикальное преобразование общества, неизбежно влекущее за собою падение всех привилегий, монополий и имеющихся теперь властей, естественно не может быть осуществлено мирными средствами. Что оно по той же причине возбудит против себя всех сильных и богатых, и на его сторону станет во всех странах только народ, а также интеллигентная и действительно благородная часть юношества, принадлежащая, правда, по своему рождению к привилегированным классам, но по своим благородным убеждениям и пламенным стремлениям приемлет дело народа, как свое.

5. Он должен понять, что эта революция со всей единственной и высшей целью действительной политической, экономической и социальной эмансипации народа, правда, будет несомненно поддержана этим юношеством и большей частью им организована, но что в последнем счете совершена она может быть только народом. Что, так как все другие вопросы, религиозные, политические, национальные, окончательно исчерпаны историей, теперь остается только один

единственный вопрос, резюмирующий все остальные, единственный вопрос, который отныне способен привести в движение народы, *вопрос социальный*. Что каждая так называемая революция, будь она предпринята во имя национальной независимости, как последнее польское восстание, или как та, которую сейчас проповедует Мадзини, или имей она исключительно политический характер, конституционный, монархический или даже республиканский, как последнее неудавшееся движение *прогрессистов* в Испании [44]), что каждая такая революция, совершающаяся без участия народа и потому не могущая привести к победе, если только она не опирается на какой-либо привилегированный класс и не является представительницей его исключительных интересов, неизбежно совершается против народа, и что она была бы поэтому ретроградным, гибельным, контрреволюционным движением.

6. Он презирает поэтому и считает роковой ошибкой или недостойным обманом всякое попутное движение, которое не имеет непосредственной и прямой целью политическое и социальное освобождение трудящихся классов, т.-е. народа; он враг всякого соглашательства, всякого примирения, которые теперь невозможны, и всякой лживой коалиции с теми, кто по своим интересам естественные враги этого народа, и он должен видеть спасение для своей страны и для всего мира только в социальной революции.

7. Он должен в то же время понять, что эта революция по самому существу своему космополитична, как и свобода и справедливость, и может увенчаться победой только в том случае, если она, как всеобщий пожар, распространившись за границы наций и разрушая все государства на своем пути, охватит сначала Европу, а потом весь мир. *Он должен понимать, что социальная революция необходимо должна стать европейской и мировой революцией.*

8. Что мир неизбежно расколется на два лагеря, новой жизни и старых привилегий, и что между этими двумя противоположными лагерями, которые, как во времена религиозных войн, возникнут уже не из национальных притяжений, но из общности идей и интересов, возгорится истребительная война, война безостановочная и беспощадная. Что со-

циальная революция, по всему своему существу, противоположна лицемерной политике невмешательства, политике, пригодной только для умирающих и бессильных, в интересах их спасения и самосохранения, ибо она может жить и победить, когда она распространится, лишь в том случае, если она не опустит меча впредь до разрушения всех государств и всех старых религиозных, политических и экономических установлений в Европе и во всем цивилизованном мире.

9. Что это будет война не завоевательная, а освободительная, для достижения, правда, иногда насильственного, но всегда, тем не менее, спасительного освобождения, ибо ее целью и результатом будет лишь разрушение государств и их стародавних основ, которые, освященные религией, всегда были источником всяческого рабства.

10. Что социальная революция, раз она разгорится хорошенько хоть в одном месте, найдет во всех странах, даже по видимости враждебнейших, пламенных и грозных союзников в народных массах, которые, как только они поймут и наглядно ощутят ее деятельность и цель, не в силах будут не принять ее сторону. Что поэтому необходимо будет избрать для начатия ее наиболее благоприятную почву, где она в состоянии будет противостать первому отпору реакции, после чего она, распространяясь вширь, не замедлит одержать победу над бешенством своих врагов, приведя все страны, в которых она распространится, к федерации и соединив их в огромный революционный союз.

11. Что элементы социальной революции уже широко распространены почти во всех странах Европы и что, для того чтобы создать из них действенную силу, необходимо только согласовать и сконцентрировать их. Что *это должно быть делом серьезных революционеров всех стран, которые образуют одновременно открытую и тайную ассоциацию* с двойной целью расширить революционную почву и подготовить вместе с тем тождественное и одновременное движение во всех странах, в которых это движение ближайшим образом будет возможно, путем тайного соглашения наиболее интеллигентных революционеров этих стран.

12. Недостаточно, чтобы наш кандидат понял все это. Он должен в самом себе иметь *революционную страсть*; он

должен любить свободу и справедливость в той степени, чтобы желать своими усилиями серьезно поспособствовать их победе, чтобы поставить долгом себе пожертвовать им своим покоем, своим благополучием, своим тщеславием, своим личным честолюбием, а часто также и своими личными интересами.

13. Он должен быть уверен в том, что он не может лучше послужить им, как приняв участие в наших работах, и пусть он знает, что, если он займет место среди нас, он принимает на себя по отношению к нам те же торжественные обязательства, какие и мы все принимаем по отношению к нему. Он должен знать наш революционный катехизис, наши правила и законы и поклясться соблюдать их честно и верно.

14. Он должен понять, что ассоциация, ставящая себе революционную цель, по необходимости должна сложиться в *тайное общество* и что всякое тайное общество в интересах своего дела, плодотворности своей деятельности и своей безопасности должно подчинить каждого сочлена *строжайшей дисциплине*, которая, впрочем, представляет лишь совокупность и конечный результат взаимных обязательств сочленов по отношению друг к другу, и что, следовательно, дело чести и долга для каждого подчиниться ей.

15. Какая бы разница ни имелась в остальном между способностями интернациональных братьев, мы будем всегда выносить только одного господина: наш принцип, только одну волю: наши законы, в создании которых мы все принимали участие или, по крайней мере, подтвердили их своим добровольным согласием. Мы, правда, с уважением преклоняемся перед прошлыми заслугами человека, мы ценим ту великую пользу, которую могут принести одни своим богатством, другие своими научными сведениями, третьи своим высоким положением и своим общественным, литературным, политическим или социальным влиянием, причем, однако, нам не приходит в голову привлекать их в наше сообщество по всем этим причинам, которые, напротив, могут послужить основанием для некоторого недоверия с нашей стороны, — ибо все эти люди могут внести в нашу среду привычки и притязания на авторитет, как наследия своего прошлого, а мы

не можем признать ни этих притязаний, ни этого авторитета, ни этого наследия, ибо наш взор всегда направлен вперед, а не назад, и мы признаем заслуги и права только за тем, кто наиболее деятельно и наиболее решительно служил нашей ассоциации.

16. Кандидат должен понимать, что вступить в ассоциацию можно лишь для того, чтобы служить ей, и что последняя будет иметь поэтому право ожидать от каждого сочлена, что он принесет ей какую-нибудь существенную пользу и что отсутствие такой пользы, в достаточной мере установленное и доказанное, будет иметь следствием исключение.

17. При вступлении в нашу среду каждый новый брат должен торжественно обязаться рассматривать свой долг по отношению к этому обществу как свой первый долг, после которого на второе место он поставит свой долг по отношению к каждому из своих братьев, сочленов общества. Оба эти долга должны отныне главенствовать над всеми другими если не в его сердце, то по крайней мере в его воле.

B. Обязанности интернациональных братьев по отношению к этому обществу.

18. Первая из этих обязанностей будет естественно заключаться в том, чтобы везде и всегда служить великому, единственному делу социальной, федералистической, всеобщей революции в смысле, данном в нашем революционном катехизисе, и всеми рекомендованными интернациональными советами средствами, при постоянном строгом следовании инструкциям, полученным от последних.

19. Никогда не упускать из вида расширение и умножение мощи общества всеми находящимися в распоряжении каждого средствами, — обязанность, основанная на убеждении, которое каждый должен иметь при вступлении, что он не может лучше послужить делу мировой революции, нераздельному с освобождением его собственной страны, как способствуя всеми силами увеличению мощи этого общества.

20. Каждый брат имеет долг сообщать ему подробнейшую и полнейшую правду обо всем, что может его интересовать по отношению к вещам и лицам, и всегда возможно скорее уведомлять его о сколько-нибудь важных событиях, свиде-

телем которых он был, или которые дошли до его сведения. Хотя мы и уважаем деликатность каждого отдельного лица, но все же мы устанавливаем во всех случаях следующее *безусловное правило*: перед *интернациональным советом*, в состав которого брат входит сам, у него не должно быть никаких тайн, кроме тех, которые он согласно нашим законам должен хранить по должности, и как только брат полагает, что знание какого-либо факта затрагивает безопасность, существование или деятельность общества, он должен, как бы противно ему это ни было, сообщить о нем в открытом заседании интернационального совета, в состав которого он входит, ибо первый его долг — это принятый по отношению к обществу. Он сделает это сообщение, даже если бы ему пришлось при этом обвинять другого интернационального брата, раз он делает это не втайне, не за спиной, а легально, открыто, без злобы и тщеславия, в открытом заседании, не имея другой цели, кроме как осведомить общество. Эта здравая привычка говорить всю правду друг другу без щепетильности и гнева и выслушивать ее из уст своих братьев должна стать среди нас отныне гарантией нашей преданности общему делу и нашей взаимной искренности.

21. Каждый из братьев будет являться пред лицом интернационального общества и установленных им революционных властей представителем интересов и прав своей собственной родины, стараясь осведомить их о современном его положении, чтобы оградить их от возможных с их стороны несправедливостей или ложных мер, которые могли бы повредить общему делу. Но по отношению к своей собственной стране он — представитель только *интернационального общества* и солидарного и нераздельного революционного интереса всех стран. Он употребит все усилия и все средства, чтоб крепче обосновать мощь общества в своей стране и подчинить свою страну безусловному водительству интернациональных властей.

22. Каждый интернациональный брат, как общественный деятель и как частный человек, должен отдать на службу обществу всю свою деятельность, весь свой кредит, все свое служебное политическое и общественное влияние. Он не примет никакой должности и не откажется от таковой ни

по администрации, ни даже по какой-нибудь либеральной профессии, торговле или частной промышленности, не обратившись предварительно за указанием к тому интернациональному совету, к которому он принадлежит, и он серьезно постарается согласовать указания совета со своими личными интересами. Он не вправе занять какую-либо должность судебную, церковную, правительственную, военную, или гражданскую, не может он также вступать в какое-либо тайное общество, не получив на то формального согласия *директории* того интернационального совета, к которому он принадлежит.

23. Во всех изъявлениях своих философских, политических, экономических и социальных взглядов, в своих речах, писаниях, публичных и частных действиях, каждый брат обязан самым добросовестным образом согласовать всю свою деятельность с духом, тенденциями и руководящими началами, какие установил интернациональный совет, к которому он принадлежит, и утвердила директория этого совета, орган верховного революционного авторитета. В недрах совета каждый брат имеет право и даже обязанность стараться проводить свои личные взгляды; но раз большинство совета или директории, во имя верховного авторитета, приняло решение, противное его мнению, никто уже не имеет права каким бы то ни было образом воздействовать на общественное мнение в несогласном с этим высшим решением направлении.

24. За исключением случаев весьма серьезного препятствия, признанных советом уважительными, каждый интернациональный брат обязан принимать участие во всех заседаниях совета; в противном случае он проявил бы равнодушие и несочувствие по отношению к интересам общества, которое, при повторной и систематической небрежности, имеет право временно его устранить или даже совершенно исключить из своей среды.

25. Интернациональный брат, не выполняющий каких-либо постоянных функций и не облеченный какой-либо специальной миссией, зависит лишь от интернационального совета, к составу которого он принадлежит, и один лишь совет имеет право возложить на него какие-либо обязанности

или дать специальное поручение, но не иначе, как по решению совета, принятому по большинству голосов. Правда, он имеет право отказаться от такого поручения, но несколько последовательных отказов должны рассматриваться как доказательства его нежелания работать на общее дело и могут повлечь за собою в зависимости от мнения совета или временное его устранение, или полное исключение из общества.

26. Каждый интернациональный брат, выполняющий какую-либо постоянную функцию или облеченный какой-либо специальной миссией, обязан добросовестным послушанием своим непосредственным начальникам. Каждый акт непослушания рассматривается как преступление, если непреодолимая сила, воспрепятствовавшая выполнению распоряжения, не оправдывает этого непослушания. Об обстоятельствах, касающихся возложенного на него дела, он не должен говорить ни с одним братом, кроме членов директории, своих непосредственных начальников, товарищей по данной работе и непосредственных подчиненных, — словом, лишь с теми, кто имеет право и обязанность быть осведомленным относительно этих обстоятельств. Всякое нарушение этого правила рассматривается как тяжкий промах, а иногда даже как преступление.

27. Никакая исполнительная власть, ни даже национальная Юнта [45]), не может отдавать прямых приказаний интернациональному брату. Национальная Юнта и *областные советы* (когда они состоят из интернациональных братьев) могут, правда, предложить свободному от службы брату выполнение какой-либо постоянной функции или специальной миссии, но он не может сразу принять такого поручения без предварительного согласия на то директории своего совета. Он может также отказаться от предлагаемой ему службы, но в таком случае местные исполнительные власти могут обратиться через директорию к его интернациональному совету, который и решит вопрос об уважительности причин его отказа. Если решение, неблагоприятное ему, будет принято простым большинством голосов, то он может остаться при своем отказе, который, однако, заносится в книгу братьев, как признак отсутствия в нем доброй воли. Если же это решение принято двумя третями голосов, не считая

его голоса, он обязан принять поручение, под страхом временного устранения. Приняв на себя выполнение той или другой постоянной функции или временной миссии, он обязан безусловным повиновением исполнительной власти, возложившей на него это поручение.

28. Само собою разумеется, что революционные власти, отдавая свои распоряжения и возлагая те или другие поручения, обязаны принимать во внимание здоровье, возраст, средства, удобства, положение и даже, по возможности, склад ума и характера каждого.

29. Всякий раз, как интернациональный брат предпринимает какое-либо путешествие, он должен непременно уведомить о том свой совет, дабы тот мог извлечь из этого путешествия какую-либо пользу для общего дела. В таких случаях директория может дать, по своему усмотрению, верительную грамоту отъезжающему брату к чужим интернациональным советам, коих членом он через это становится по праву.

30. Такое общество, как наше, не может не быть деятельным, ни даже существовать без больших денежных средств. Для получения таковых мы располагаем следующими тремя источниками: а) прогрессивным обложением, б) добровольными приношениями и в) торговыми и промышленными предприятиями.

а) *Прогрессивное обложение.* Впредь до нашей окончательной организации, которая может быть установлена лишь первым интернациональным учредительным собранием, каждый интернациональный совет установит *временную шкалу* прогрессивного обложения для всех принадлежащих к нему братьев. После этого каждый брат применяет ее к своим средствам и заявляет в открытом заседании, что он должен платить. Эти заявления принимаются с полным доверием, без прений и без оскорбительной проверки. Если же большинству братьев покажется, что заявление одного из них стоит в слишком кричащем противоречии с его предполагаемым или известным материальным положением, то ему об этом скажут тут же в открытом заседании со всей возможной деликатностью, но в то же время с полной братской откровенностью, ибо неизвестность и сомнение в обществе, как наше,

в тысячу раз хуже и вреднее, чем неприятности, сопряженные с открытыми объяснениями.

b) *Добровольные приношения.* Вход в наш социалистический рай для богатых столь же тесен и труден, как и вход в рай христианский. Мы немного увидим богачей в своей среде, ибо для богатого крайне трудно желать экономического и социального равенства. Поэтому всякий раз, как богатый будет просить о принятии его в наше общество, мы будем вправе предполагать, что он или хочет нас обмануть, или что он сам обманывается насчет себя, или же что он одушевлен исключительной, так сказать, героической любовью к справедливости, одержим подлинной революционной страстью. Всякая же страсть проявляется в жертвенности; а потому мы и будем иметь право ожидать от него крупных денежных жертв, *значительных добровольных приношений.*

c) *Торговые и промышленные предприятия.* Ни прогрессивное обложение, ни добровольные приношения не могут дать нам когда-либо все необходимые для нас финансовые средства. А потому надлежит вызвать к жизни целую систему торговых и промышленных предприятий, которые, развиваясь параллельно с революционной деятельностью нашего общества, могут одни удовлетворить все его потребности. Интернациональные советы, которые получат по этому поводу специальное поручение, должны будут посвятить данному предмету особое внимание и заняться основательным его изучением, прежде всего отдав его в руки братьев, для сего особенно пригодных, благодаря их таланту и специальной практической и теоретической подготовке.

C. Взаимные обязанности интернациональных братьев.

31. Взаимная солидарность и поддержка друг друга являются безусловной обязанностью всех интернациональных братьев. Мы все одушевлены одними и теми же идеями, той же страстью, той же волей. У нас всюду и всегда одна и та же цель, и мы заявили, что достижение этой цели отныне будет главной обязанностью и задачей всей нашей жизни. Поэтому естественно и совершенно необходимо, чтобы мы составляли одну семью, члены которой, без различия происхождения, должны быть тесно и близко связаны между

собою общностью своих интересов, обязанностей и склонностей. Если же, с другой стороны, принять во внимание наше общее, совершенно своеобразное положение среди современного буржуазного общества, которое, как только оно узнает о нашем существовании, деятельности и цели, неизбежно во всей своей совокупности, без различия либералов и реакционеров, сделается нашим непримиримым врагом и выступит против нас в дикой ярости, как то уже было в 1848 и 1849 годах, то для нас станет еще более очевидным, что, имея против себя всех сильных мира сего, всех привилегированных и богатых, мы можем защитить себя и свой союз от этого общества и от буржуазной цивилизации, чувствующих угрозу своему существованию в нашем существовании, мы можем способствовать торжеству наших идей лишь тем, что заключим между собою союз на жизнь и смерть, при котором каждый будет бороться за всех и все за каждого. Следовательно:

32. Будет *священной обязанностью* каждого брата, всех советов и других интернациональных властей поспешить на помощь каждому брату, постигнутому несчастьем или попавшему в затруднительное положение, поддержать его, поскольку это не противоречит справедливости, во всех его частных предприятиях, доставить ему положение и помочь ему продвинуться вперед, защищать его от всех и каждого перед общественным мнением и перед официальными судами — доколе он остается верным служению интересам и принципам нашего союза, доколе он сам не доказал унизительными поступками, установленными и признанными таковыми нашими революционными судами, что недостоин такой защиты. Эта защита ему должна быть тем более оказана, когда он подвергнется преследованию за поступки, совершенные им на службе обществу. Надо будет сделать невозможное, чтобы спасти его, отказаться от надежды вырвать его из рук наших врагов лишь исчерпав все средства; а тогда все общество должно будет взять на себя заботу о его семействе, защиту и содержание его, поскольку оно в том будет нуждаться. Малейшее нарушение этой обязанности должно рассматриваться как преступление; каждый брат, каждый совет, каждая революционная власть, которые ока-

зались бы в этом виновными, должны быть преданы революционному суду. Защита, оказываемая всей интернациональной семьей, будет распространяться, хотя и в меньшей степени и более незаметным образом, на всех членов подчиненных национальных организаций.

33. Приговоры, даже позорящие, вынесенные официальными судами одному из наших братьев, поскольку они не основаны на поступках, позорящих с точки зрения нашей революционной морали, и не утверждены нашими революционными судами, в наших глазах не влекут за собою ни позора, ни отверженности для нашего брата, который продолжает пользоваться среди нас уважением и всеми своими правами.

34. Ни один интернациональный брат не должен бороться с другим братом из честолюбия, тщеславия, личной вражды или частного интереса, он не может драться с ним на дуэли, не должен его злословить, всегда выступает на его защиту перед общественностью и никогда не может выступить против него в качестве обвинителя в официальном суде.

Все личные разногласия по поводу частных интересов или вопросов чести передаются на рассмотрение *третейского суда*, состоящего из *трех членов*, из коих два — назначены обеими сторонами и в свою очередь назначают третьего. Если недоразумение между двумя братьями возникло на почве службы и интересов общества, то они не должны бросать друг другу обвинений в частных, закулисных сборищах, которые вообще строго воспрещаются, а предъявить открыто, по-братски друг другу обвинения на открытом заседании интернационального совета, решение которого будет окончательным и не подлежащим обжалованию. После такого решения ни та, ни другая сторона уже не должна больше подымать дискуссию по данному предмету. Они обязаны протянуть друг другу руку, под угрозой временного устранения того, кто отказался бы это сделать. Член, жестоко оскорбивший без всякого повода другого члена, непосредственно или в лице его близких, тотчас объявляется лишенным чести, исключается из общества и, в случае необходимости, передается мщению последнего.

35. Вообще, каковы бы ни были личные чувства одного брата по отношению к другому, каждый должен быть уверенным, что он всегда найдет у другого такой братский прием и такую помощь, какую можно ожидать лишь от самых близких друзей.

D. Полномочия и права интернациональных братьев.

36. В отношении их полномочий и прав интернациональные братья делятся на два разряда: *почетные братья и активные братья.*

Почетные братья.

37. К первой категории, к почетным *интернациональным братьям* принадлежат люди выдающегося интеллектуального развития, занимающие высокое положение, пользующиеся громкой репутацией или научным, бюрократическим, политическим и социальным влиянием, наконец лица, очень богатые, которые хотя и приняли основные принципы нашего катехизиса и искренно им преданы, хотя и с нами всем сердцем и умом, всеми своими надеждами и желаниями, но по старости, состоянию здоровья или многочисленным занятиям и делам, или другим особым обстоятельствам, или по отвлеченному складу своего ума, или, наконец, по чрезмерной осторожности своего характера, не могут предаться всецело служению обществу и принять активное участие в конспирации.

38. Интернациональные почетные братья будут представлять светила нашего общества и консервативный элемент его, ибо каждое общество, даже революционное, нуждается в таком консервативном элементе, который должен служить гарантией и сдерживающим началом против его собственных увлечений. Но так как наше общество имеет в высшей степени практическую и революционную задачу, то этот консервативный элемент должен среди нас быть в меньшинстве, что не помешает нам окружать его почетом и всякий раз спрашивать его совета, когда дело касается не энергичного, входящего в конспирацию мероприятия, а выбора того или другого направления в области политики, разрешения ка-

кого-либо вопроса справедливости или общего интереса отдельной страны или всей Европы.

39. Почетные братья, неся все остальные обязанности интернациональных братьев, освобождены от обязанности выполнять какие-либо постоянные функции или брать на себя какую-либо специальную миссию. Но раз они примут на себя такое поручение, то, на время добровольного выполнения ими фактической службы активных братьев, они подчиняются той же строгой дисциплине и ответственности и обязаны тем же безусловным повиновением своим непосредственным начальникам-распорядителям, как и все прочие агенты конспирации. Впрочем, они во всякое время будут иметь право требовать своего немедленного освобождения, но не могут оставить принятые добровольно на себя обязанности, прежде чем не будет найден им заместитель.

40. Интернациональный брат, который состоит почетным братом какого-нибудь интернационального совета, принимает участие в его заседаниях лишь по личному приглашению директории этого совета. *Директория* одна решает вопрос о приглашении на данное заседание того или другого, или же всех наличных почетных братьев. Ни один почетный брат не вправе отказаться от такого приглашения, кроме случаев непреодолимого препятствия.

41. В собственных интересах почетных братьев, а также в интересах общества, было бы лучше не возлагать на них без надобности бремя опасного посвящения в подробности и тайную деятельность конспирации, что всегда вредно, если это не вызывается безусловной необходимостью. Почетные братья должны всецело оставаться вне самой конспирации, и, будучи осведомлены о ее существовании и цели, они абсолютно не должны знать ее личного состава, условных лозунгов и знаков, за исключением тех случаев, когда директория, которая одна поддерживает с ними постоянные сношения и от коей они получают приказания и распоряжения, найдет нужным предложить кому-либо из почетных братьев взять на себя какую-либо специальную миссию. В выборах в национальное учредительное собрание своей страны примут участие лишь те почетные братья, которые,

по единогласному решению всего подлежащего совета, получат на этот предмет приглашение от своей директории.

42. В отношении активной, постоянной и действенной защиты, которую союз обязан оказывать каждому из своих членов, интернациональные почетные братья пользуются теми же правами, как и активные братья. Общество будет их поддерживать и всемерно способствовать их успеху в области политики, бюрократии, светских отношений и, наконец, в сфере их частных дел и предприятий. Но за это оно от них будет требовать, чтобы они отдали на служение общества все силы своего ума, все свое влияние, общественное, политическое или бюрократическое, а также и часть своих денежных средств, и чтобы они никогда не отказывали в помощи и горячем покровительстве всем тем, кого им рекомендует общество.

Активные братья.

43. Чтобы сделаться активным братом, нужно быть принятым в качестве такового по единогласному постановлению правильно образованного *интернационального* совета, облеченного полномочием пополнять свой состав новыми братьями, и сделать торжественное, подкрепленное присягой заявление, которым новый брат обещает отныне посвятить всю свою жизнь служению интернациональному революционному обществу с полной энергией, преданностью и покорностью дисциплине, и предоставить себя всецело в распоряжение этого общества. Таким образом каждый активный брат берет на себя обязательство, кроме случаев непреодолимого препятствия, признанного таковым его советом, всегда принимать на себя все функции и миссии, какие директория этого совета почтет за благо на него возложить; при этом, неизменно ставя служение обществу впереди всех своих частных и общественных дел, он будет смотреть, как на первую и священнейшую свою обязанность, с строжайшей точностью выполнять свою миссию члена интернационального совета, или постоянного должностного лица, или специального уполномоченного. Нарушая это свое обещание. он покрыл бы себя позором и бесчестием.

Если интернациональный брат находит эти условия чрезмерно тяжелыми для себя, то пусть он остается лишь на положении почетного брата. Когда же он, отвлекаемый личными делами, или под бременем болезней и старости, или утомленный службой, начнет ослабевать в отправлении своих служебных обязанностей, то от директории будет зависеть внести предложение в совет о предоставлении ему временного отпуска или об окончательном переводе его, без всякого для него бесчестия, в разряд почетных братьев.

44. Кроме случаев временного устранения, отпуска или командировки со специальной миссией: a) все наличные активные братья должны принимать деятельное участие во всех заседаниях своего интернационального совета; отсутствие их допускается лишь по уважительной причине, признанной таковою советом, по предварительному о том уведомлению; b) они выступают в роли равноправных судей во всех тех случаях, когда их совет преобразуется в *революционный трибунал* для суда над интернациональным братом или другим представителем революционной власти; c) они принимают участие в избрании новых интернациональных братьев; d) они обладают правом veto, когда директория их предлагает пригласить в заседание совета одного или нескольких почетных братьев; e) они по праву являются членами всякого учредительного интернационального совета и национальных собраний своих стран; f) они пользуются правом голоса по всем вопросам, какие директория их совета поставит на обсуждение последнего; g) они имеют право, не входя в детали лиц и мероприятий, утвержденных исполнительной властью, предлагать в открытом заседании совета запросы директории относительно общего хода пропаганды, организации и конспирации и требовать нужных им разъяснений относительно отдельных, дошедших до их сведения, фактов; h) они проверяют состояние кассы; i) наконец, они имеют право, квалифицированным большинством двух третей голосов всех членов совета, потребовать от центральной директории своей страны временного устранения, или замены новым, — личного состава своей директории.

45. *Они должны знать пароли и условные знаки интернациональных братьев их страны.* Условные знаки и пароли

подчиненных организаций будут сообщаться лишь тем из них, которые несут регулярную службу или облечены специальной миссией, и лишь постольку, поскольку это нужно в интересах службы. Общие для всех стран условные знаки и пароли, известные одной лишь директории, доверяются только тем из путешествующих активных братьев, которым директории, под личной их ответственностью, считают возможным оказать исключительное доверие. Те путешествующие активные братья, которые, кроме условных знаков и паролей, получили от своих директорий верительные грамоты, рекомендующие их безусловному доверию интернациональных советов всех стран, должны лишь предъявить таковые, чтобы немедленно стать деятельными членами последних.

46. Получили ли путешествующие почетные и активные братья такие верительные грамоты или нет, все же желательно, чтобы их директория озаботилась уведомить об их проезде директории подлежащих стран, через которые они будут следовать, дабы они всюду могли найти на своем пути помощь и защиту.

Е. Правила избрания новых интернациональных, почетных и активных братьев.

47. Так как наше общество создано всецело для действия, а не для умозрения, то число почетных братьев, по сравнению с числом братьев активных, должно всегда быть крайне ограниченным, тем более, что число первых и без того само собой увеличивается более, чем того требует необходимость, путем перехода в эту категорию активных братьев, уставших от работы.

48. Чтобы сделаться почетным братом, человек, помимо всех необходимых моральных гарантий, должен представлять для нас существенную пользу своим опытом, высоким интеллектуальным развитием, влиятельностью или богатством.

49. Лишь законно уполномоченные и учрежденные центральные, областные и провинциальные советы могут возводить в степень почетных и активных братьев новых лиц, и лишь в том случае, когда власть, учредившая эти советы,

признала за ними право и предоставила им полномочие избирать новых интернациональных братьев (см. ст. 86, а).

50. Выборы нового брата имеют законную силу лишь при единогласном решении всех присутствующих на совете членов, число которых при производстве выборов никогда не должно быть ниже 7, в том числе 3 члена его директории, кроме случая специального на то разрешения данному совету со стороны *центральной директории*. Присутствие трех членов директории, или хотя бы двух, в том числе ее председателя, необходимо для законности выборов.

51. В случае необходимости *центральная директория, с единогласного разрешения центрального совета*, может сократить требуемый для избрания нового интернационального брата кворум до *пяти* и даже, в редких случаях крайней необходимости, до трех. Наконец, она может доверить это столь опасное и ответственное право одному единственному активному интернациональному брату, который обладает *ее полномочием и полным ее доверием*. Эти новые братья, избранные таким чрезвычайным, привилегированным уполномоченным, вступают, однако, в свои права лишь после того, как интернациональный центральный совет в открытом заседании заслушает его доклад и единогласно утвердит всех его избранников.

52. Ни один вновь избранный брат не вступает в общество или в состав совета, пока не принесет установленной присяги.

Г. Клятвенное обещание интернациональных почетных братьев.

«Клянусь честью и совестью, что я с полным убеждением принял сердцем, волей и умом все философские, политические, экономические и социальные, теоретические и практические основные начала вашего революционного катехизиса и обещаю добросовестно, поскольку могу, применять их во всех моих общественных и личных поступках.

«Что я чистосердечно и серьезно стремлюсь к федералистической и социальной мировой революции и желаю способствовать ей всеми моими стараниями в меру сил моих.

«Клянусь быть послушным и безусловно преданным интернациональному обществу, в состав которого хочу войти,

и обещаю ему быть усердным, осторожным, скромным и хранить безусловное молчание о всех тайнах, касающихся людей и вещей, которые она доверит мне.

«Я буду отныне рассматривать как священный долг, способствовать всеми силами расширению, мощи и победе этого общества. Я отдаю на служение ему мой разум, мои знания, мое значение, мое влияние, мое положение, мое имущество и обещаю служить ему не согласно произвольному моему пониманию, но в том смысле, который оно само укажет мне, при том условии, что таковой никогда не будет противоречить нашим основным убеждениям и превышать меру отпущенных мне средств.

«Клянусь, что отныне всю мою общественную деятельность и все мое влияние, будь то в литературной, политической, бюрократической или профессиональной и социальной области, я поставлю в зависимость от верховного руководства, которым все братья пользуются со стороны советов этого общества, и, конечно, от планов и взглядов, которые будут обсуждены и приняты большинством совета, в состав которого я сам вхожу.

«Клянусь хранить глубокие и искреннейшие братские чувства ко всем сочленам интернациональной семьи, с которыми я познакомлюсь; оказывать содействие, помощь, защиту и поддержку, служить опорой и убежищем для всех братьев, нуждающихся в этом. Я буду всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживать моих интернациональных братьев во всех их общественных и частных начинаниях, — и в особенности тех из них, которые будут поручены моей заботливости компетентными властями.

«И да покроюсь позором и буду объявлен недостойным и низким, если когда-либо изменю одной из этих клятв или даже только забуду о ней».

G. Клятвенное обещание активных интернациональных братьев.

«Клянусь честью и совестью, что я с полным убеждением принял все философские, политические, экономические и социальные, теоретические и практические начала вашего революционного катехизиса. Я приемлю равным образом

все постановления, правила и законы вашего руководящего регламента. Я предварительно безусловно подчиняюсь ему, оставляя при этом за собой мою обязанность и мое право оспаривать все второстепенные пункты такового, по которым я могу быть иного мнения, в предстоящем учредительном собрании, окончательное и верховное решение которого я вперед принимаю.

«Я посвящаю отныне все мои силы, всю мою работу и всю мою жизнь на службу федералистической и социальной мировой революции, которая не может иметь никакой другой основы, кроме этих начал; и так как я убежден, что ничем не могу лучше послужить ей, как моим участием в открытой и тайной деятельности интернационального революционного общества, то и желаю быть принятым в вашу среду.

«Клянусь быть преданным интернациональному обществу и оказывать ему безусловное послушание и обещаю ему быть усердным, осторожным, скромным, хранить молчание о всех тайнах, принести в жертву ему мое себялюбие, мое честолюбие и мои личные интересы, почему и отдаю в его распоряжение всецело и безраздельно мой ум, мою деятельность, все мои силы, всю мою власть, мое общественное положение, мое влияние, мое имущество и мою жизнь.

«Я вперед подчиняюсь всем жертвам и служениям, которые оно возложит на меня, в уверенности, что оно не возложит на меня ничего такого, что шло бы вразрез с моими убеждениями и противоречило бы моему достоинству, или превосходило мои личные средства. И все время, пока на мне будет лежать возложенная на меня служба или поручение, я буду безусловно подчиняться приказаниям непосредственных начальников, доверивших мне это дело, и клянусь выполнить его со всей возможной для меня быстротой, точностью, энергией и осторожностью и останавливаться только перед действительно непреодолимыми, по крайней мере на мой взгляд, препятствиями.

«Я подчиняю отныне всю мою общественную и частную, литературную, политическую, бюрократическую, профессиональную и социальную деятельность верховному водительству советов этого общества.

«Клянусь хранить чувства искреннего, теплого и преданного братства прежде всего ко всем моим интернациональным братьям, без различия страны, а затем и ко всем здешним или чужим организациям, которые будут мне рекомендованы призванными на то властями. Все интернациональные братья, нравятся они мне или нет, найдут всегда у меня одинаковый прием, братскую помощь, совет, убежище, поддержку и защиту. Клянусь помогать им и, в случае опасности, защищать, даже рискуя при этом своим имуществом, своим положением, своей личностью и своей жизнью, содействовать им всеми имеющимися в моем распоряжении средствами во всех их общественных и частных делах и предприятиях и в особенности стараться продвигать тех из них, которые будут мне наиболее рекомендованы предержащими властями.

«Клянусь не говорить перед чужими ничего дурного о ком-либо из моих братьев, даже если он представляется мне виноватым и допустившим ошибку, никогда не говорить о нем дурного в его отсутствие даже перед другими братьями, кроме того случая, когда я решил повторить ему все мои слова в открытом заседании нашего совета. Я буду особенно старательно избегать всего и устранять все, что может вызвать между братьями недоразумения, взаимное недовольство, споры и расхождение, и буду считать священной обязанностью всеми силами способствовать сохранению среди всех сочленов этой семьи совершеннейшей гармонии и полного взаимного доверия.

«Глубоко уважая личное достоинство моих братьев и независимость их личной жизни, я никогда не позволю себе каких-либо малейших нескромных, злостных или просто неудобных изысканий в этой области. Если, однако, что-либо в их поведении покажется мне стоящим в явном противоречии с нашими общими принципами и обязанностями, я со всей возможной деликатностью, но и с полной откровенностью скажу об этом таковому, и, если мне покажется нужным, чтобы об этом знало общество, повторю это ему в открытом заседании совета, причем заявляю, что сам всегда готов выслушивать из уст моих братьев все заслуженные мною замечания, как бы неприятны они ни были, раз только они

внушены не зложелательством и личной ненавистью, а исключительно преданностью интересам этого общества.

«Равным образом я буду считать своим долгом сообщать моему совету и моим начальникам о всех дошедших до меня сведениях, какого бы рода они ни были, если только они касаются устойчивости, могущества и деятельности этого общества и могут что-либо выяснить ему.

«Я отдаю себя на позор и вперед призываю на себя месть общества, если я когда-либо изменю этой клятве или только забуду о ней, оставляя, впрочем, за собой право потребовать у общества своей отставки, если почувствую себя утомленным».

53. Каждый почетный или активный интернациональный брат будет всегда иметь право выйти из общества. Но как при вступлении каждый должен был поклясться *никогда не выдавать наших тайн, никогда не вступать в какое-либо тайное общество и не принимать какой-либо официальной должности без положительного и формального согласия на то наших революционных властей*, так каждый брат, если он покидает нас, должен торжественно повторить эти клятвы. Равным образом они будут потребованы ото всех исключаемых из нашего общества.

Наши исполнительные власти будут наблюдать за тем, чтоб все выходящие или исключенные члены остались верны этим клятвам; нарушивший их будет немедленно предан неумолимой мести общества.

Н. Недостатки, проступки, преступления, революционные суды.

54. Нерешительность, излишняя мягкость, равнодушие, небрежность, апатия и недостаточная точность каждого активного брата, в особенности когда они ярляются повторными и становятся привычкой, по отношению к обществу, позорят его в наших глазах; мы видим в них, несмотря на его прежние заслуги, доказательство того, что он из живого стал мертвым человеком, и мы удалим его из общества как бесполезного, а потому обременительного и вредного отныне сочлена.

55. Неосторожность, нескромность, пустая и легкомысленная болтливость, вмешательство в порученные другим дела, каждое действие, обусловленное зложелательством или недостатком деликатности со стороны почетного или активного брата по отношению к другим братьям, интриги, речи и действия, могущие вызвать недовольство и раздор в интернациональной семье, будут рассматриваться как тяжкие недостатки и вызовут соответствующее воздействие.

56. Каждое предумышленно несправедливое действие, направленное против чести, репутации и интересов брата, каждое злонамеренное действие, каждое открытое нападение, каждое оскорбление, каждый отказ в помощи брату будет, смотря по роду и последствиям поступка, рассматриваться как проступок или преступление и вызовет соответствующее воздействие.

57. Всякое действие, нарушающее дисциплину, отказ подчиниться решениям своего совета, каждое открытое или тайное действие, направленное против общих директив, против выраженной большинством совета воли, или против специальных инструкций центральной директории, передаваемых каждому его директорией, каждое (затруднение [46]), причиненное кем-либо из братьев вне службы, воспрепятствовавшее выполнению предписанных исполнительными властями мер, будут, смотря по тяжести содеянного, рассматриваться как проступки или как преступления.

58. Неточность, легкомыслие, небрежность, излишняя мягкость, недостаточные активность, энергия и быстрота при выполнении братом данных ему по какой-либо должности или по какой-либо специальной чрезвычайной миссии приказаний, будут, по установлении степени злой воли и смотря по более или менее серьезным последствиям содеянного, рассматриваться, как проступки или преступления.

59. Братья, на которых возложена была какая-либо должность или миссия и которые не проявили должного безусловного послушания по отношению к своим начальникам или без разрешения таковых доверили другим братьям свои тайны, подлежат суду за преступление.

60. Братья, принимающие официальную должность или вступающие в чужое общество без предварительного разре-

шения директориума их совета, подлежат суду за преступление.

61. Нарушения клятвы, добровольные и преднамеренные или даже вынужденные под влиянием страха разоблачения, оставление общества или его членов в случае официального или частного преследования без поддержки являются квалифицированным преступлением измены.

62. Наказаниями за эти различные степени вины являются:

а) Частные *увещания*.

б) *Увещания* и замечания открыто, в заседании совета.

в) *Порицания* открыто, в заседании совета.

г) *Порицания*, сообщаемые всем советам страны.

д) *Временное устранение*.

е) Простое *исключение*.

ж) *Исключение* с преданием виновного мести всех членов общества.

63. Как только интернациональный брат изгнан из общества как недостойный и, еще более, как только он объявлен нашими революционными судами преступником, гнусным изменником и как таковой отлучен и предан мести общества, все другие братья, какова бы ни была степень их родства или прежней дружбы с виновным, должны не только порвать все отношения с ним, но стать и его ожесточенными врагами и преследователями, в потребном случае до самой смерти.

64. Интернациональные братья могут быть судимы только интернациональными братьями; о революционных судах см. статью 92.

II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕМЬИ.

65. Национальные семьи по отношению к великой интернациональной семье составляют ученическую ступень как в смысле идей, так и в смысле революционной практики. Задачей этих подчиненных организаций является, по возможности, связать всюду имеющиеся налицо революционные элементы с универсальным начинанием интернациональных братьев, элементы хотя и недостаточно развитые в отношении идей, однако представляющие мощное орудие

революционного разрушения, а потому долженствующие быть завербованными на службу истинной революционной мысли при посредстве действенной и умной организации во всех, даже самых отсталых, странах.

66. Национальная семья каждой страны должна так быть сорганизована, чтобы она не могла уклониться от полного и исключительного руководства интернационального общества. Основанная интернациональным центральным советом данной страны, она ставится под руководство *национальной Юнты*, все члены которой назначаются центральной директорией и лишь от нее зависят. Но, до создания национальной Юнты, центральный комитет должен составить *особый катехизис*, или *революционную программу*, а также регламент для тайной организации национальной семьи своей страны; и тот, и другой не должны существенно отличаться от таковых же, составленных для интернациональных братьев, и должны лишь быть по возможности приведены в соответствие со степенью революционного развития и общим состоянием и господствующим складом подлежащей страны. Они будут служить неизменной и обязательной основой всей национальной конспирации.

67. Таким образом, *национальные катехизисы* отдельных стран могут отличаться друг от друга во всех второстепенных пунктах. *Но есть существенные и основоположные пункты, которые должны быть равно обязательны для национальных организаций всех стран и таким образом составить основу всех национальных катехизисов.* Эти пункты следующие:

a) Невозможность успеха изолированной национальной революции, а отсюда необходимость революционного союза и федерации между всеми народами, стремящимися к свободе.

b) Невозможность осуществить такой союз или федерацию без общей программы, в равной мере удовлетворяющей права и законные потребности всех наций, программы, которая имеет единственной основой и базой лишь равную для всех свободу и справедливость, не считаясь ни с так называемыми историческими правами, ни с тем, что принято называть государственной необходимостью и государственным

благом, ни с национальной славой или какими-либо иными пустыми и честолюбивыми притязаниями на первенство и могущество, — идеями, которые народ, желающий быть свободным, должен отвергнуть.

c) Несовместимость такой программы свободы, равенства, справедливости, дешевого управления, благосостояния и действительного освобождения класса трудящихся с существованием централистического, военного и бюрократического государства. Безусловная необходимость разрушения всех ныне существующих в Европе государств, за исключением Швейцарии, и радикального уничтожения всех политических, военных, административных, судебных и финансовых установлений, составляющих в настоящее время жизнь и мощь государств.

d) Упразднение всякой религии, всякой государственной или субсидируемой государством церкви, конфискация всех движимых и недвижимых имуществ церквей в пользу провинций и общин, с одновременным постановлением, что, так как отныне все религии становятся абсолютно свободными и касаются исключительно личной совести каждого, то культ будет поддерживаться лишь теми, кто в него верит.

e) Безусловная необходимость для каждой страны, желающей примкнуть к свободной федерации народов, заменить свою централистическую, бюрократическую и военную организацию — организацией федеративной, которая одна основана на абсолютной свободе и автономии областей, провинций, общин, ассоциаций и индивидов, с избранными и ответственными перед народом должностными лицами и с вооруженным народом вместо армии — организацией, которая не исходила бы, как нынешняя, сверху вниз и от центра к периферии, а снизу вверх и от периферии к центру, по принципу свободной федерации, начинающейся от свободных единичных личностей, образующих ассоциации и автономные общины, от общин, образующих автономные провинции, от провинций, образующих области, и от свободно объединяющихся областей, образующих федеральные страны, которые, в свою очередь, рано или поздно составят охватывающую весь мир федерацию.

f) Необходимость предоставить всем странам, областям, провинциям, общинам, ассоциациям и индивидам безусловное право отделяться, в уверенности, что, после предоставления такого права, фактических отделений не произойдет, ибо национальные объединения уже не будут продуктом насилия и исторической лжи, а будут образовываться свободно, согласно естественным потребностям и присущему отдельным составным частям сродству.

g) Немыслимость политической свободы без политического равенства. Немыслимость последнего без равенства экономического и социального.

h) *Необходимость социальной революции.* Охват и степень продвижения этой революции будут различными в разных странах в зависимости от социального и политического положения каждой из них и степени их революционного развития. Однако, в каждой стране должны быть провозглашены *известные принципы*, которые одни могут в настоящее время заинтересовать народные массы, какова бы ни была достигнутая ими ступень цивилизации, и побудить их к восстанию. Эти принципы следующие: (a) Земля и ее недра принадлежат всем. Но пользование ею предоставляется лишь тем, кто к ней приложил личный труд. Отмена земельной ренты. (b) Так как все социальные ценности производятся одним лишь трудом, то пользующийся ими без труда рассматривается как вор. (c) Так как политические права должны принадлежать только честным людям, то они могут принадлежать только трудящимся. (d) Без всякого насильственного отнятия [47]), но исключительно экономическим воздействием и силой рабочих союзов капитал и орудия производства попадут в руки тех, кто их применит при помощи собственной работы к производству ценностей. (e) Каждый человек должен быть сыном своих дел, и справедливость будет удовлетворена лишь при такой общественной организации, при которой каждый человек находит при рождении одинаковые средства содержания, воспитания и образования, а позднее — одинаковые внешние возможности обосновать свое благосостояние собственным трудом.

f) Поскольку это возможно в данной стране, освобождение брака от опеки общества и уравнение в правах мужчин и женщин.

i) Ни в одной стране не может удаться в наше время революция, если она не будет одновременно политической и социальной. Каждая исключительно политическая революция, будь то национальная, направленная исключительно против иностранного владычества, будь то внутренняя, направленная на изменение государственного строя, хотя бы целью ее было учреждение республики, окажется обманчивой, ложной, невозможной, гибельной, ретроградной, контрреволюционной революцией, ибо она, таким образом, не ставит себе главной целью непосредственное, действительное политическое и экономическое освобождение народа.

j) Революция должна совершаться не только для народа, но и при посредстве народа, и может удаться лишь тогда, когда она увлечет за собою как всю массу сельского населения, так и все народные массы городов.

k) Таким образом централизованная единством идеи и тождественностью и общностью программы для всех стран, централизованная также тайной организацией, которая объединяет вокруг единого плана действий не только все части одной какой-нибудь страны, но многие, если не все, страны, централизованная еще и одновременностью революционных движений во многих местах деревни и города — революция отныне должна принять *местный характер* и сохранить таковой, в *том* смысле, что она не должна начаться с крупного сосредоточения революционных братьев данной страны в одном каком-нибудь пункте, притом она никогда не должна принимать романтического, буржуазного характера квази-революционной экспедиции, но она должна возгореться одновременно в разных частях страны и принять характер подлинной народной революции, в которой примут также участие женщины, старики и дети, и которая через это сделается непобедимой.

l) Эта революция может, правда, носить кровавый и мсти[illegible]ый характер в первые дни, пока будет твориться Народный суд. Однако, она недолго сохранит его и никогда не примет характера систематического, холодного террора.—

Она скорее будет вести войну против положений и учреждений, чем против людей, в уверенности, что учреждения и привилегированные, антисоциальные положения, которые и создают людей гораздо могущественнее, чем индивиды, и что они-то и определяют характер и составляют силу наших врагов.

m) Поэтому она начнется с разрушения всех организаций и учреждений: церквей, парламентов, судов, административных органов, армии, банков, университетов и проч., составляющих жизненный элемент самого государства. — Государство должно быть разрушено до основания и объявлено банкротом не только в отношении финансовом, но и политическом, бюрократическом, военном, судебном и полицейском отношении. А после того, как государство окажется банкротом и даже перестанет существовать и не будет иметь возможности уплачивать своих долгов, оно уже никого не может принуждать платить свои долги и это, естественно, станет делом совести каждого отдельного лица. — Одновременно приступят в общинах и городах к конфискации в пользу революции всего того, что принадлежало государству; конфискуют также имущество всех реакционеров и предадут огню все судебные дела и имущественные и долговые документы, а всю бумажную гражданскую, уголовную, судебную и официальную труху, которую не удастся истребить, объявят потерявшей силу, оставив всех в status quo их обладания. — Таким путем завершится социальная революция, и после того, как ее враги будут лишены раз навсегда всех средств вредить ей, уже не будет никакой надобности чинить над ними кровавой расправы, которая уже потому не желательна, что она рано или поздно вызывает неизбежную реакцию.

n) Через то, что революция всюду локализируется, она неизбежно примет в то же время и федеральный характер. Тотчас после низвержения предержащей власти, общины должны приступить к своей революционной реорганизации, избрать себе вождей, создать администрацию и революционные суды, которые все должны покоиться на началах всеобщей подачи голосов и действительной ответственности должностных лиц перед народом. В то же самое время, для

защиты революции из добровольцев формируется коммунальная милиция. — Однако, никакая община не будет в состоянии защищаться, если она будет оставаться изолированною. Поэтому для каждой общины будет прямой необходимостью распространить революцию и за свои пределы, побудить к восстанию все соседние общины и по мере того, как это движение будет распространяться, объединяться с ними для взаимной обороны на федеральных началах. Они заключают между собой федеральный договор, основанный одновременно на солидарности всех и на автономности каждой. Этот договор составит конституцию провинции. Для ведения общих всем коммунам дел по необходимости придется образовать провинциальное правительство и провинциальное собрание или парламент. Та же революционная потребность побудит автономные провинции объединиться в федеральные области, области — образовать национальную федерацию, а нации — составить интернациональные федерации. — Так разрушенные единство и порядок, плод насилия и деспотизма, снова возродятся из лона самой свободы.

о) Необходимость конспирации и сильной тайной организации, сходящейся в одном интернациональном центре, для подготовки этой революции.

(Относительно организации национальной семьи см. *Национальная исполнительная власть*, статьи 95, 96, 97.)

III. Организация правящих органов общества.

А. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ [46]).

67. Интернациональное общество получит свою окончательную и правильную организацию через *учредительное собрание*, которое будет созвано *временной центральной Юнтой*, что произойдет, когда число братьев дойдет до 70 или когда этого созыва потребуют интернациональные братья по крайней мере двух стран.

68. Все активные братья и специально приглашенные их директориями почетные братья являются членами этого учредительного собрания по праву. Но так как даже в Лондоне было бы трудно организовать тайное собрание, состоя-

щее из более чем 50 человек, и так как, вероятно, не все будут иметь возможность туда поехать, то братья, которые останутся дома, осуществят свое право при посредстве своих императивных, подробно отвечающих на все главнейшие вопросы мандатов, которые они доверят поехавшим на собрание братьям.

69. Открывшееся учредительное собрание сосредоточит в своих руках всю учредительную, законодательную, судебную и административную власть общества. Оно обсудит общую программу, организацию, регламент, исповедание веры или катехизис интернациональной семьи и окончательно их утвердит, ибо все, что мы делаем в настоящее время, носит лишь временный характер. Это собрание установит также окончательно интернациональное революционное правительство, которое, по необходимости, будет состоять из *интернациональной Юнты и высшего* совета и разойдется лишь после того, как оно озаботится изысканием финансовых средств, без которых ни революционное правительство не может существовать, ни какое-либо продуктивное революционное действие не может быть выполнено.

IV. Временная организация органов управления общества.

А. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ.

70. В ожидании окончательной организации общества, активные интернациональные братья образуют в каждой стране *автономный и суверенный интернациональный совет данной страны*, который должен иметь в своих руках, *за исключением учредительных функций*, все остальные функции интернационального учредительного собрания, но, конечно, лишь с тем, чтобы отправлять таковые в границах своей страны.

71. Принципы, распоряжения и законы, которые во всех их частностях изложены в этом основном договоре, наш *революционный катехизис*, со включением *временной организации и временного регламента интернационального общества*, будут служить безусловно неизменной и обязательной основой конституции интернациональных советов в каждой стране, без права последних вносить в них какие бы то ни

было изменения, право, которым может обладать лишь учредительное собрание. Таким образом каждый интернациональный совет должен во всех своих действиях, распоряжениях и мероприятиях, касающихся организации его страны, строго их придерживаться.

72. *Общий интернациональный совет или национальное учредительное собрание* данной страны состоит из всех [49]) наличных чужих интернациональных братьев, которые или были кооптированы советами этой страны, или обладают выданными их директориями верительными грамотами.

73. Общий совет или национальное учредительное собрание может созываться лишь при редких и чрезвычайных обстоятельствах; а потому его заменяет *интернациональный центральный совет данной страны,* состоящий из всех активных местных или чужих, кооптированных или снабженных верительными грамотами, интернациональных братьев, которые имеются налицо в месте пребывания *национальной Юнты.*

74. *Центральный совет* во всех своих действиях ответствен лишь перед национальным учредительным собранием. Он образуется первым и затем в свою очередь образует все областные и провинциальные советы страны, которые могут законно функционировать лишь после того, как они будут облечены им всей полнотою власти.

75. *Областные и провинциальные советы* отличаются друг от друга лишь названием; права их — одинаковы, провинциальные советы не зависят от областных, и все в одинаковой мере подчинены *центральному совету.* Все различие между ними сводится к следующему: первые, состоя при *областных исполнительных комитетах,* контролируют деятельность последних, в то время как провинциальные советы, имея при себе лишь *провинциальные исполнительные комитеты,* являются контролирующими органами лишь над этими последними.

76. Подобно центральному совету, *областные и провинциальные советы* состоят из всех проживающих в месте их нахождения активных интернациональных братьев, местных и чужих, кооптированных или имеющих верительные грамоты. — Желательное число братьев для образования его —

7 или больше, но и при меньшем числе братьев от центральной директории будет всегда зависеть образовать советы в составе 5 или даже 3 членов. Каждый активный интернациональный брат, местный или чужой, кооптированный либо снабженный верительной грамотой, тотчас после своего прибытия должен явиться в помещение подлежащего центрального, областного или провинциального совета и на все время своего пребывания облекается правами и обязанностями члена наравне с прочими братьями совета, неся равные с ними обязанности и ответственность.

77. Вне советов, к которым они принадлежат, активные интернациональные братья не пользуются никакой властью и не имеют права вмешиваться в дела общества, за исключением тех случаев, когда они, по характеру своей постоянной должности или возложенной на них специальной миссии, на то уполномочены. Однако, они должны стараться за всем наблюдать, все примечать и обо всем услышанном и увиденном ими докладывать подробно директориям своих советов. — Если их встретится несколько в месте, где нет совета, то те из них, которые знают условные знаки, будут запросто собираться между собою на совещания, результаты которых равным образом должны докладываться подлежащим советам, в состав которых каждый из них входит.

78. Хотя *областные и провинциальные советы* и состоят из интернациональных братьев, которые и по рангу и по правам ничем не уступают тем, которые входят в состав *центрального совета*, все же иерархически они будут им подчинены, прежде всего, в виду потребностей организации и службы, а затем и потому, что один лишь центральный совет заменяет учредительное собрание.

Б. СОСТАВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕТОВ СТРАНЫ.

79. Каждый интернациональный совет состоит из исполнительной директории, включающей в себе председателя, секретаря и казначея совета, и из рядовых братьев, членов совета.

80. Председатели и секретари всех подчиненных советов, областных и провинциальных, назначаются *директорией*

центрального совета, которая равным образом и устраняет и заменяет их другими. Сами советы избирают простым большинством голосов своих *казначеев* при условии, чтобы на стороне большинства были голоса председателя и секретаря.

81. *Председатель и секретарь* центрального совета выбираются или большинством двух третей голосов фактических членов, и в этом случае они могут быть устранены, сменены и заменены другими все тем же большинством голосов, или же (исчисленным согласно ст. 92, к) большинством национального *учредительного собрания*; в этом случае требуется такое же большинство голосов для устранения и замены их.

a) В случаях крайней необходимости, например, в случае измены, проявления малодушия или по причине явно пагубного руководства делами, когда безусловно необходимо применять категорическое решение, центральный совет может по единогласному, исключая голоса обвиняемых, постановлению временно устранить и председателя, и секретаря, или обоих вместе, заменив их временными должностными лицами; но он должен немедленно же созвать учредительное собрание.

b) Во всех других случаях, когда *центральный совет* недоволен своим председателем или секретарем, он может, постановлением, принятым двумя третями голосов, исключая голоса обвиняемых, потребовать от *центральной директории* их смещения, после чего последняя заменяет их другими по своему выбору.

c) [50]).

d) Каждый совет может потребовать от своего председателя и секретаря замены казначея другим лицом, постановлением, принятым двумя третями голосов, не считая голоса заинтересованного лица. Председатель и секретарь могут по соглашению между собою сменить казначея и потребовать от совета выбора на эту должность другого лица, порядком, указанным в статье 79.

e) Во всех случаях подсчета двух третей голосов, как совета, так и учредительного собрания, дробь считается за единицу (напр., когда в голосовании приняли участие 8 человек, то для образования $^2/_3$ требуется $5^1/_3$, т.-е. 6 голосов).

При принятии решения простым большинством, в случае равенства голосов, голос председателя дает перевес.

f) Собрание совета считается законным, когда оно происходит под председательством председателя или секретаря, и только в исключительных случаях под председательством казначея, и то, если последний имеет на то специальный мандат от одного из этих двух должностных лиц. — Кроме того, на заседании должны присутствовать не менее $^3/_4$ всех членов совета. Решение совета считается законным лишь при том условии, что оно принято числом голосов, превышающим половину числа всех членов совета.

g) Для выбора нового интернационального брата безусловно необходимо единогласное решение *всех действительных членов* совета (см. ст. 48 и 49). Замены одного или обоих членов директории областного или провинциального советов можно потребовать от центральной директории постановлением, принятым квалифицированным большинством не менее двух третей всех действительных членов совета.

Такое же большинство голосов требуется для постановления центрального совета о созыве учредительного собрания и для смены его председателя и казначея, а также и для замены их другими лицами, если эти должности были замещены самим советом.

h) Мы называем *действительными членами* совета всех тех членов, которые проживают в местонахождении совета или на расстоянии не более двух часов пути от него.

82. Казначей центрального совета избирается последним тем же способом, как избираются казначеи областного и провинциального советов (см. ст. 80 и 81).

Центральная директория и центральный совет [51]).

83. Прежде чем организоваться в центральный совет, все активные интернациональные братья, которые должны войти в его состав, имеют заслушать в общем собрании *наш основной договор, заключающий в себе революционный катехизис, организацию интернациональной семьи и этот временный регламент.* По принятии таковых все они приносят одновременно клятвенное обещание интернациональных братьев (см. I, ж). Затем они прежде всего избирают себе

председателя и секретаря (см. ст. 80), затем казначея (ст. 81 и 79), приводят их к присяге, и совет считается открытым.

84. *Председатель, секретарь и казначей* образуют *центральную директорию.*

а) Клятвенное обещание членов центральной директории:

«Клянемся, как члены *исполнительной центральной директории,* добросовестно соблюдать основные начала, распоряжения, предписания и законы *основного договора.* Клянемся употребить всю власть, коей вы нас облекли, на выполнение этих законов и проведение этих начал во всех национальных и интернациональных организациях этой страны, которые мы совместно с вами оснуем. Клянемся вам проявлять при служении обществу непреклонную справедливость и неослабную преданность, забывая о самих себе. Клянемся обратить на прочное утверждение в этой стране революционной организации всю энергию, ум и деятельность, на какую мы только способны».

85. Центральная директория (то же правило относится и к областным и провинциальным директориям) будет прилагать все старания к тому, чтобы выносить свои решения единогласно, когда же такого единогласия достигнуть не удастся, то — двумя голосами против одного.

а) *Председатель и секретарь,* согласившись между собою, могут всегда потребовать замены казначея. — Когда же председатель и секретарь уже не могут сговориться между собою, следовательно не могут работать вместе, оба они должны подать в отставку, и тогда, даже в случае, если они были избраны национальным учредительным собранием, центральный совет, впредь до созыва нового учредительного собрания, временно заменяет их путем выборов квалифицированным большинством голосов трех четвертей всех действительных членов (дробь считается за целую единицу), это — в случае если они были выбраны учредительным собранием, а если их избрал центральный совет, то путем новых выборов, двумя третями голосов всех действительных членов этого совета, который может переизбрать одного из них, но отнюдь не обоих.

b) В случае болезни или временной отлучки одного из членов центральной директории он может с согласия двух других членов сам назначить себе заместителя.

86. Все три члена центральной директории могут быть избраны из числа местных или иностранных кооптированных или снабженных верительными грамотами братьев. Надлежит по возможности избегать того, чтобы они одновременно были облечены какой-либо исполнительной функцией.

87. *Власть и обязанности центральной директории.*

a) Она назначает трех членов национальной Юнты не иначе как из числа местных интернациональных братьев. Эти члены Юнты обязаны повиновением одной лишь директории и могут во всякое время быть ею по ее усмотрению устранены и заменены другими, а потому одна лишь директория ответственна за них перед национальным учредительным собранием.

Братья, состоящие членами центрального совета (конечно, за исключением тех из них, которые сами несут какую-нибудь службу в национальной Юнте или в одном из областных комитетов), будут осведомлены об именах членов национальной Юнты лишь в том случае, когда директория единогласно признает это полезным [52]). . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

87. b) Одна центральная директория, всякий раз как она то найдет нужным, будет получать отчеты от Юнты, и, опуская имена и отдельные подробности, касающиеся заговора, которые, из предосторожности, должны быть известными лишь очень немногим, она будет докладывать два раза в месяц, или чаще, если найдет нужным, о ходе пропаганды и успехах организации *центральному совету. Центральный совет* будет подвергать обсуждению эти доклады, одобрять или отвергать направление, данное директорией; а все решения, принятые простым большинством голосов (в том числе не менее двух членов директории) или квалифицированным большинством двух третей голосов действительных членов (в том числе не менее одного члена директории), получат силу закона, который передается *директорией национальной Юнте* к исполнению . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

87. n) До учреждения *временной интернациональной центральной юнты центральная директория* одна будет поддерживать сношения с *центральными директориями* других стран, после же учреждения такой Юнты равным образом одна директория будет сноситься с нею.

88. b) Когда *временная интернациональная юнта* будет учреждена, на ее обязанности будет лежать устанавливать и менять по своему усмотрению условные знаки и пароли; до тех пор эту обязанность должна нести центральная директория 13, которая была учреждена первою, а потому и несет временно обязанности центральной Юнты [53]).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

94. a) Центральная директория той страны, которая первая получит окончательное устройство, разошлет в другие страны несколько делегатов с полномочием назначить там новых интернациональных братьев и организовать в каждой стране интернациональный центральный совет.

b) Делегат созывает всех активных интернациональных братьев данной страны, читает им *интернациональный договор* (революционный катехизис, организацию национальных и интернациональных семей, временные регламенты). По принятии таковых (а иначе они и не могут поступить, если они желают к нам примкнуть), он им предложит формулировать свою национальную программу и свой регламент по организации заговора в их стране. [Убедившись в соответствии таковых началам интернационального договора, делегат приступает к организации центрального совета, приводит всех к присяге, организует выборы директории, членов каковой тоже приводит к присяге, после чего новый центральный совет вступает в свои права.]

94. c) Национальные учредительные собрания отдельных стран, представленные своими центральными советами, еще непосредственнее и, пожалуй, полнее *своими центральными директориями, будут являться по отношению друг к другу как независимые суверенные власти, которые, однако, все*

в одинаковой мере, т.-е. безусловно, подчинены основным началам, предписаниям и законам интернационального договора.

d) Объединенные основными началами, законами и целью, они образуют крепкую *революционную федерацию* с единым верховным законом — всегда действовать в согласии.

e) Во исполнение этого закона, основанного на очевидной необходимости, центральные директории всех стран, образованные тайно для общей революционной деятельности, по совещании со своими центральными советами, а если окажется нужным, то и со своими национальными учредительными собраниями, согласятся между собою относительно учреждения общими силами *временной интернациональной Юнты*, которую они облекут всей той властью, какая им покажется необходимой, с тем, чтобы эта Юнта могла деятельно способствовать удовлетворению развивающихся интересов интернационального общества и служит им, т.-е. служит великому делу социальной и универсальной федералистической революции.

f) Временная интернациональная Юнта будет иметь непосредственные сношения только с центральными директориями стран.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

95. a) Во главе национальной семьи и революционной организации каждой страны будет стоять *национальная Юнта*, состоящая из трех членов, которые все должны быть интернациональными братьями; они назначаются *центральной директорией*, которая является единственной непосредственной властью, имеющей право отдавать приказания *национальной Юнте*, и которой последняя во всех случаях обязана безусловным повиновением.

. . . . . .

d) Учреждением национальной Юнты она приступает к революционной организации страны, строго придерживаясь программы и регламента. Она разделит страну на области, а эти последние — на провинции и в каждой из них создаст *областные комитеты*, а при их посредстве — *провинциальные комитеты*.

96. Областные комитеты.

a) Каждый областной комитет состоит из трех членов, которые, поскольку это возможно, все являются *интернациональными братьями*. — В случае нужды, по распоряжению национальной Юнты, такой комитет может состоять из двух членов и даже из одного.

b) Входящие в состав областного, провинциального или даже общинного комитета интернациональные братья принадлежат по праву к ближайшему интернациональному совету со всеми правами братьев; однако, они никогда не должны в этом совете говорить о делах, связанных с их должностью, причем одна лишь *директория* этого совета в праве потребовать от них обстоятельный доклад обо всех лицах и делах, связанных с их службой.

c) Когда областные или провинциальные комитеты состоят частью из интернациональных, частью из национальных братьев, то лишь первые из них будут иметь непосредственные сношения с директориями советов и будут известны национальным братьям лишь как таковые. — Когда же комитеты состоят исключительно из национальных братьев, то, так как директории не могут иметь с ними непосредственных сношений, эти последние делегируют одного из членов своего совета, для которого они испросят у национальной Юнты через посредство центральной директории особую миссию, дабы этот делегат мог получать доклады этих комитетов и передавать их директории.

d) Члены областных комитетов обязаны безусловным повиновением *национальной Юнте*. — Все они назначаются ею, ею же устраняются и замещаются. Однако, прежде чем они могут принять на себя эту должность, национальная Юнта должна их представить центральной директории, без утверждения которой их назначение состояться не может.

e) Областные комитеты, приступающие к организации своих провинций, прежде всего представляют *национальной Юнте* имена своих кандидатов на должность членов провинциальных комитетов и, по утверждении таковых, образуют эти комитеты.

f) [Того же порядка придерживаются провинциальные комитеты при учреждении окружных комитетов.]

96. Когда *центральная директория* командирует *чрезвычайного делегата* для проверки деятельности областных и провинциальных директорий и советов, последний получает или неограниченные, или ограниченные полномочия, обеспечивающие ему безусловное или условное повиновение со стороны советов и директорий.

Когда центральная директория почтет за благо командировать чрезвычайного делегата для проверки деятельности национального заговора какой-либо степени, национальная Юнта будет обязана снабдить его необходимыми полномочиями, дабы его всюду признавали и оказывали в необходимых случаях должное повиновение.

II.

Интернациональное братство [54]).

(Отрывок.)

(Осень 1868 г.)

I. ПРОГРАММА И ЦЕЛЬ.

(Интернациональные братья) не признают никакой другой родины, кроме всемирной революции, никакой чужбины и никакого другого врага, кроме реакции во всех ее проявлениях, никакой другой цели, кроме установления свободы, равенства и справедливости на развалинах старого строя, и разрушения всего того, что образует современный порядок.

Итак, мы хотим радикальной и всемирной, одновременно философской, политической, экономической и социальной революции, с тем, чтобы от современного порядка, основанного на частной собственности, эксплоатации одних людей другими, нищете, невежестве и всякого рода авторитетах, не осталось камня на камне, мы хотим, чтобы он сменился обществом, основанным на полном развитии человеческой личности через солидарность всех, на полной свободе, на фактическом равенстве, одним словом, на совершеннейшей, доступной нам справедливости. И мы говорим: Мир трудящимся, свобода и справедливость для всех. Долой угнетателей, владык, опекунов, эксплоататоров всякого рода. Полное уничтожение всякого государства, всякой церкви, всех религиозных, политических, бюрократических, судебных, финансовых, полицейских, экономических, университетских и фискальных учреждений. Пусть все миллионы несчастных человеческих существ, которых обманывают, угнетают, мучат и эксплоатируют, наконец, вздохнут полной

грудью, свободные от всяких уз, в правде, свободе, равенстве и справедливости.

Отрицая свободную волю, мы признаем за каждым обществом право на самозащиту, но мы отрицаем его право наказывать; впрочем, так как мы убеждены в том, что личное и социальное зло заключается не в отдельных лицах, а в организации вещей и социальных отношений, мы безжалостно будем уничтожать эту организацию и эти отношения, чтобы иметь возможность, без опасности для революции щадить людей.

В самой революции мы — враги всего, что является авторитарной системой, претензией на официальное руководство народом. Революции совершаются народом, имеют свое основание в народе, и всякая революционная сила, образующаяся вне народа, неизбежно направлена против него. Вполне доверяя инстинктам народных масс, мы ищем революционных средств в организованном освобождении того, что ныне называют *дурными страстями*, и в уничтожении того, что на том же буржуазном языке называется *общественным порядком*. Мы призываем *анархию*, это проявление жизни и стремлений народа, из которого должны непосредственно выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок и сила революции.

II. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА [55]).

Отрицательная сторона. В качестве немедленных мер мы хотим: отмены и ликвидации государства — отмены всякого законного вмешательства при уплате коллективных или частных долгов и при законной передаче наследств; роспуска судебного персонала, отмены официальной юстиции и полиции — и привилегий; сожжения всех рентных, гипотечных документов и законных титулов на владения, финансовых ценностей, концессионных, брачных и метрических свидетельств и т. д. и т. д. Уничтожения законного юридического права, которое всюду заменяется революционным фактом: захвата коллективом всего социального капитала, земельной собственности, горных промыслов, квартир, общественных зданий, церквей, орудий производства, сырья, ценных металлов и готовых продуктов.

Положительная сторона. Самопроизвольная организация инсуррекционных групп всех наций и всех восставших стран без малейшего внимания к территориальным делениям и существующим государственным границам в временные общины, немедленная посылка делегатов всех этих стран и общин с императивными мандатами в центр революции, быстрая федерация всех общин, перманентность баррикад и всех центров сопротивления, деление делегатского корпуса на совершенно отдельные и независимые друг от друга комитеты, которые могут быть распределены следующим образом: местные и федеральные комитеты продовольствия, труда, общественного обучения, временной охраны ценностей, путей сообщения общего пользования, временной передачи ценностей земледельческим и промышленным объединениям, организации общин, международных сношений и т. д.; из всего этого составится великий федеративный союз революционной солидарности, все действия которого будут вдохновляться непосредственно народными массами и непосредственно от них получать одобрение. Провозглашение всемирной и солидарной моральной революции. Действительный союз или, вернее, братское слияние социалистических революционеров всех стран против всякой реакции.

Во время, после (и даже до) революции члены (интернационального братства) будут сохранять и укреплять свою организацию, дабы своей совместной и согласованной деятельностью заменить всякую официальную диктатуру, ибо таковая неизбежно поведет к восстановлению политического, руководящего, опекающего государства, которое, уже в силу этого, было бы неизбежно эксплоататорским, милитаристским, бюрократическим, аристократическим и буржуазным [56]).

Итак, (интернациональные братья) всех стран должны на другой день после революции объединиться, по возможности еще теснее, чтобы организовать анархию и грозное освобождение революционных инстинктов масс, не подавляя их; они должны наложить на революционное движение всех стран тот характер универсальности, без которого не может долго продолжаться ни одно движение, без которого оно, в конце концов, не привело бы ни к чему. Таким путем они создадут непобедимую революционную силу, которая, зато-

пив и прорвав все искусственные границы государств, соединив в один общий союз все производственные ассоциации: общины, провинции и страны, говорящие на разных языках, но восставшие во имя одного принципа и одних и тех же народных интересов, — образуют великое отечество революции и противопоставят его его единственному врагу, единственному, чужому для него, — миру реакции. Она объявит последней войну не на жизнь, а на смерть, и не перестанет быть воинствующей и разрушающей революцией, пока гденибудь на земле будут существовать неравенство, угнетение, эксплоататоры, опекуны или господа.

(Интернациональные братья), убежденные в том, что все национальные революции в настоящее время настолько солидарны, что победа одной неизбежно превратится в победу всех других и что ни одна не может победить, если немедленно не распространится во-вне, будут тратить бо́льшую часть своих усилий и средств на те страны, которые, по их мнению, ближе всего находятся к социальной революции, не пренебрегая, вместе с тем, пропагандистской и организационной работой в других странах.

Вполне понятно, что первая страна, которая будет иметь счастие победоносно провести революцию, немедленно сделается центром пропаганды и революционной деятельности для всех других стран, и что она поспешит предложить *(революционному братству)* всю свою поддержку и все средства, необходимые для успеха.

III. ТАЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

I. Эта организация делится на две категории: I *(интернациональная семья, или братство)* II *(национальные братья)*.

Устав.

II. Сообразно всем программам и характеру революционной деятельности *интернационального братства, интернациональные братья* не признают другого отечества, кроме революции, и никакого другого революционного дела, кроме дела рабочих в их борьбе против индивидуально наследственной собственности на землю и капитал и против существования самого государства, не имеющего иного назначения как охранять эту собственность своей силой и гарантиро-

вать ее своими законами. — Все так называемые национальные и патриотические интересы они должны подчинить высшему интересу всемирной революции.

III. Никто не может вступить в (интернациональное братство), если он формально и бесповоротно не обязуется порвать со всеми заблуждениями республиканской и даже буржуазно-социалистической политики и не примет вполне серьезного решения, отбросив всякие уступки тому, что на языке мудрецов этой политики называется практическими необходимостями сегодняшнего дня, отныне руководствоваться в своих поступках единственно указаниями, даваемыми нашей революционной политикой.

Всякая иная политика с точки зрения *(интернационального братства)* — реакционна. *(Братство)* столь же энергично отрицает обманчивые отсрочки буржуазного социализма, как и диктаторские претензии авторитарных революционеров, которые, под предлогом спасения народа, хотят, временно и в виде, будто бы, необходимой переходной ступени, наложить на него новую узду и навязать ему свой авторитет, столь же угнетающий и деморализующий, как тот, который они намереваются уничтожить. *(Революционное братство)* отвергает так называемое революционное государство и изгоняет из своей среды, всех, которые, хотя провозглашают свою платоническую любовь к нашей программе, но откладывают ее осуществление на лучшие времена, а между тем, утверждая, что они — люди практики, предают наши принципы и нашу революционную политику в интересах республиканизма и буржуазного социализма или в интересах революционной диктатуры.

IV. *(Интернациональные братья)* должны быть солидарны в своей пропаганде, политической деятельности и конспирации. Они обязуются, следовательно, отказаться от всякой личной политики. Никто из них не должен предпринимать ничего серьезного, не посоветовавшись, если есть к тому время и возможность, со всеми *(интернациональными братьями)*, находящимися поблизости, исключая случай получения разрешения или особого задания от своего *(национального бюро)* [57]).

III.

Программа общества международной революции [58]).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Теоретические основы.

I. *Отрицание бога и принципа власти как человеческой, так и божественной, а также всякого опекания одних людей другими*, даже в том случае, если бы эту опеку предполагали установить над совершеннолетними, но лишенными образования, лицами или над невежественными массами — во имя ли высшего разума или научной истины, представляемых группой признанных интеллигентных и патентованных лиц, или же тем или другим классом, что повело бы в том и в другом случае к образованию своего рода *умственной аристократии*, наиболее отвратительной из всех и наиболее вредной для свободы.

Прим. 1. Позитивная и рационалистическая наука является единственным светочем, который может привести человека к познанию истины и которая может дать мерило для личного поведения человека и для его отношений к обществу. Но и наука подвержена ошибкам; но даже, если бы она их и не совершала, то и в таком случае она не должна присвоивать себе право управлять людьми вопреки их убеждению и их воле. Общество, действительно свободное, может признать за наукой только двоякого рода право, осуществление которого является в то же время и ее обязанностью: это, *во-первых*, воспитание и образование лиц обоего пола, одинаково доступное и обязательное для всех

детей и подростков до их совершеннолетия, когда воздействие всякой власти должно прекратиться, *во-вторых*, распространение и внедрение в умы своих научных выводов и положений посредством совершенно свободной пропаганды.

Прим. 2. Отрицая безусловно *опеку* над людьми (в какой бы форме она ни проявлялась), которую хотели бы установить люди науки, практики и опыта над невежественными массами, мы далеки от того, чтобы отрицать *естественное и благодетельное влияние знания и опыта* на эти массы, но лишь при условии, чтобы это влияние оказывалось просто путем естественного воздействия высшего интеллекта на низшие и чтобы оно не было облечено ни в какие официальные формы и не сопровождалось бы никакими особыми привилегиями — политическими или социальными, — ибо эти две вещи неизбежно вызывают, с одной стороны, порабощение народных масс, а с другой — развращение и отупение (abetissement) самих представителей ума и науки.

II. *Отрицание свободы воли и права общества наказывать* вследствие того, что всякий человек без исключения является не чем иным, как неизбежным (involontaire) продуктом той естественной и социальной среды, в которой он родился, вырос и живет. Существуют четыре основных причины человеческой безнравственности (immoralité): 1) *отсутствие разумной гигиены и рационального воспитания*; 2) *неравенство экономических и социальных условий*; 3) *невежество народных масс*, которое является естественным результатом их экономического и социального положения, и 4) неизбежное последствие указанных явлений — *рабство*. Воспитание, образование и организация общества согласно требованиям свободы и справедливости должны заменить *наказание*. В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество — в интересах самозащиты от неисправимых лиц, не преступных, но социально опасных, — не будет иметь нужды применять к этим лицам какие-либо

наказания, кроме как лишения их гарантий и солидарности, т.-е. устранения или исключения их из данного общества.

III. Отрицание свободы воли отнюдь не есть отрицание *свободы. Свобода является, напротив, неизбежным следствием и результатом естественной и социальной необходимости.*

Прим. 1. Человек не свободен по отношению к законам природы, которые являются основой и необходимым условием его существования. Он зависит от законов природы, которые властвуют над человеком точно так же, как они господствуют и над всем существующим. Ничто не в состоянии избавить человека от роковой непреложности этих законов; всякая попытка человека к восстанию против этих законов привела бы его лишь к самоуничтожению. Однако, благодаря способности, присущей человеческой природе, как таковой, и которая неизбежно побуждает человека бороться за свое существование, *человек может и должен постепенно освобождаться от тяжелой подчиненности и от естественной и подавляющей его враждебности внешнего мира, который его окружает, — будет ли это в области чисто физической или социальной — при помощи мысли*, науки, посредством применения знания к инстинкту желания, т.-е. при помощи своей *разумной воли.*

Прим. 2. Человек является последним звеном, высшей ступенью в непрерывном ряде существ, которые, начиная с простейших элементов и кончая самим человеком, и составляют известный нам мир. Человек — животное, которое, благодаря более высокому развитию своего организма, в особенности мозга, обладает способностью мыслить и выражать свои мысли словами. В этом состоит все различие, отделяющее человека от всех других видов животных — его старших братьев во времени, но младших в отношении умственных способностей. Различие это, однако, огромно. Это различие — единственная причина всего того, что мы называем нашей историей, сущность и смысл которой могут быть выражены кратко в следующих

словах: *человек исходит от животности, чтобы притти к человечности, то-есть к устройству своего общественного существования на основах науки, сознания, разумного труда и свободы.*

Прим. 3. Человек — животное общественное, подобное многим другим животным, появившимся на земле до него. *Человек не создает общества путем свободного договора: он рождается в недрах общества и вне общества он не мог бы жить, как человек, ни даже стать человеком, ни мыслить, ни говорить, ни хотеть, ни действовать разумно.* В виду того, что общество формирует и определяет его человеческую сущность, человек находится в такой же абсолютной зависимости от общества, как от самой физической природы, и нет такого великого гения, который всецело был бы свободен от влияния общества.

IV. *Социальная солидарность является первым человеческим законом, свобода составляет второй закон общества.* Оба эти закона взаимно дополняют друг друга и, будучи неотделимы один от другого, составляют всю сущность человечности. Таким образом свобода не есть отрицание солидарности, наоборот, она представляет собою развитие и, если можно так сказать, очеловечение последней.

V. *Свобода* не есть независимость человека по отношению к непреложным законам природы и общества. *Свобода, это — прежде всего способность человека к постепенному освобождению от гнета внешнего физического мира при помощи науки и рационального труда; свобода, наконец, это — право человека располагать самим собою и действовать сообразно своим собственным взглядам и убеждениям,* — право, противополагаемое деспотическим и властническим притязаниям со стороны другого человека, или группы, или класса людей, или общества в его целом.

Прим. 1. Не следует смешивать социологических законов, — иначе называемых законами общественной физиологии, и которые столь же обязательны и неизбежны для всякого человека, как и законы физической природы (ибо эти законы, по существу своему, являют-

ся также физическими), — с законами политическими, уголовными и гражданскими, которые в большей или меньшей степени выражают нравы, обычаи, интересы и взгляды, в определенную эпоху господствующие в обществе или в части этого общества, в отдельном общественном классе. Вполне естественно, что, будучи признаны большинством людей или хотя бы только господствующим классом, эти законы оказывают большое влияние на каждого человека — благотворное или вредное — в зависимости от их характера. Но для самого общества нисколько не хорошо, не справедливо и не полезно, чтобы эти законы могли быть предписаны властническим или насильственным образом кому бы то ни было вопреки его собственному убеждению. Ибо последнее означало бы покушение на свободу, на личное достоинство, на самую человеческую сущность членов общества.

VI. *Естественное общество, в недрах которого рождается каждый человек и вне которого человек никогда не смог бы стать разумным и свободным существом, само очеловечивается лишь по мере того, как все люди, составляющие это общество, становятся все более и более индивидуально и коллективно свободными.*

Прим. 1. *Быть индивидуально свободным* значит, для человека живущего в общественной среде, — не поступаться ни мыслью, ни волей перед какой-либо властью, кроме своего собственного разума и собственного понимания справедливости; одним словом, не считать за истину ничего другого, кроме того, в чем человек сам убежден, и не подчиняться никакому иному закону, кроме того, который приемлет его совесть. Таково conditio sine qua non (непременное условие) сохранения человеческого достоинства, неоспоримое право человека — признак его человечности.

Быть коллективно свободным значит — жить среди свободных людей и быть свободным их свободой. Человек, как мы уже сказали, не мог бы стать разумным существом, обладающим сознательной волей, а следовательно, не мог бы и завоевать себе индивидуаль-

ную свободу вне общества и без его содействия. Свобода каждого является результатом общей солидарности. Но если признать эту солидарность за основу и считать ее непременным условием всякой личной свободы, то будет вполне ясно, что человек, живущий среди рабов, даже на положении их господина, неизбежно будет рабом их рабства, и что сделаться действительно и вполне свободным он сможет лишь путем их освобождения. Следовательно, свобода всех необходима для моей свободы; отсюда следует, что неверно утверждение, что свобода всех является пределом и ограничением моей свободы, что равносильно полному отрицанию последней. Наоборот, общая свобода всех представляет необходимое условие для бесконечного расширения свободы личной.

VII. *Личная свобода каждого человека становится действительной и возможной только благодаря коллективной свободе общества, частью которого человек является в силу естественных и непреложных законов.*

Прим. 1. Свобода — подобно человечности, чистейшим выражением которой она и является — представляет собою не начало, а, наоборот, завершительный момент истории. Человеческое общество, как мы уже сказали, начинается с животности (bestialité). Первобытные люди и дикари так мало сознают свои человеческие свойства и свое естественное право человека, что начинают с взаимного пожирания друг друга; к несчастью, и современные дикари не перестали это делать и до сих пор. — Вторым периодом на пути исторического развития человеческого общества является рабство. Третьим периодом, в средине которого мы живем в настоящее время, является эпоха экономической эксплоатации или порядок наемного труда (салариат). Четвертым периодом, к которому мы стремимся и, надо надеяться, приближаемся, будет эпоха *справедливости*, эпоха свободы в равенстве и во взаимной солидарности.

VIII. *Первобытный человек становится человеком свободным, очеловечивается и делается нравственным, осознает все более и более свою человеческую сущность лишь по мере того, как эти человеческие права он начинает признавать и за другими людьми.* — Следовательно, в интересах своей собственной личности, своей собственной нравственности и личной свободы каждый человек должен стремиться к свободе, к нравственности и к человечности всех людей.

IX. *Уважение к свободе другого человека представляет, следовательно, высший долг каждого человека. — Любить эту свободу и служить ей — вот единственная добродетель. Это — основа всякой морали; другой не существует.*

X. *Так как свобода есть результат и самое высшее выражение солидарности, то-есть взаимности интересов, то она может быть осуществлена полностью лишь при условии равенства.* Политическое равенство может быть основано только на равенстве экономическом и социальном. Осуществление свободы через равенство — вот справедливость.

XI. Ввиду того, что труд является единственным источником всех ценностей, полезностей и социальных богатств, то человек, который является существом социальным по преимуществу, не может жить не трудясь.

XII. Только ассоциированный (associé) труд может служить для поддержания существования большого и маломальски цивилизованного общества. Все, что обозначают под именем цивилизации, не могло быть создано иначе, нежели путем такого ассоциированного труда. Весь секрет бесконечной производительности труда человеческого заключается, прежде всего, в использовании более или менее научно развитого разума (который сам является, в свою очередь, продуктом трудовой деятельности предшествующих и настоящих поколений) и затем в разделении труда, но при непременном условии комбинирования или ассоциирования этого разделенного труда.

XIII. Все исторические несправедливости, все войны, все политические и социальные привилегии имели и имеют своей главной причиной и своей целью захват и эксплоатацию какого-либо ассоциированного труда в пользу более сильных: народов-завоевателей, классов или отдельных личностей.

Такова истинная историческая причина рабства, крепостничества и системы наемного труда, т.-е., резюмируя все это кратко, — причина так называемого *права частной и наследственной собственности*.

XIV. С того момента, когда право частной собственности оказалось принятым и утвердившимся, общество должно было разделиться на две части: с одной стороны, собственническое и привилегированное меньшинство, эксплоатирующее принудительно ассоциированный труд народных масс, и, с другой стороны, порабощенные миллионы пролетариев, в виде ли рабов, или крепостных, или наемных рабочих. На долю первых, благодаря досугу, вытекающему из-за отсутствия необходимости трудиться для удовлетворения своих потребностей, выпали все блага цивилизации, воспитания и образования, а другие, то-есть многомиллионные массы, оказались осужденными на постоянный принудительный труд, на полное невежество и на безысходную нужду.

XV. Цивилизация меньшинства человеческого рода основана, таким образом, на вынужденном варварстве огромного большинства. Привилегированные лица всех политических и социальных оттенков, все собственники, в силу самого своего положения, оказываются естественными врагами, эксплоататорами и угнетателями миллионов народных масс.

XVI. Вследствие того, что досуг, это драгоценное преимущество господствующих классов, столь же необходим для развития умственных способностей, как необходимы известный достаток и некоторая свобода деятельности для выработки характера, вполне естественно, что господствующие классы оказались с самого начала более цивилизованными, более развитыми, более очеловеченными и, в известной степени, даже более нравственными, чем народные массы. — Но в виду того, что, с другой стороны, бездеятельность и всякого рода привилегии ослабляют физически и морально представителей меньшинства, направляют их ум на ложный путь, заставляя его защищать ложь и несправедливость, выгодные с частными интересами меньшинства, совершенно очевидно, что рано или поздно привилегированные классы должны впасть в испорченность, отупение и вырождение. Это мы и наблюдаем, действительно, в настоящее время.

XVII. С другой стороны, полное отсутствие досуга и повседневный принудительный труд естественно и неизбежно обрекают народные массы на состояние варварства. Труд сам по себе не мог и не может способствовать развитию их умственных сил, так как, благодаря их вынужденному наследственному невежеству, вся разумная часть работы — приложение к труду научных завоеваний, комбинирование и управление производительными силами — предоставлялась и предоставляется почти исключительно еще и теперь представителям буржуазного класса; одна лишь мускульная, неразумная, механическая часть работы, ставшая с введением машин еще более отупляющей благодаря разделению труда, предоставлена народу, который в полном смысле слова убивается (assomé) своим повседневным, подневольным трудом.

Несмотря, однако, на все это, благодаря громадной морализующей силе, присущей труду, как таковому, благодаря также тому, что, требуя справедливости, свободы и равенства для себя самого, рабочий тем самым требует их и для всех, ибо нет на свете человеческого существа, за исключением, пожалуй, женщин и детей, с которыми обращались бы еще хуже, чем с рабочим; наконец, благодаря тому, что современный рабочий мало пользовался благами жизни и не успел еще развратиться в такой степени, как господствующие классы; и еще благодаря тому, что при отсутствии образования рабочий обладает тем огромным преимуществом, что его нетронутые ум и сердце не были развращены эгоистическими интересами и корыстной ложью, что он сохранил в себе неиспользованной всю природную энергию, между тем как все привилегированные классы вырождаются, слабеют и загнивают; — благодаря всему этому один только рабочий не утратил веру в жизнь, имеет настоящее представление об истине, свободе, равенстве и справедливости и стремится к их осуществлению; в силу этого только рабочему принадлежит будущее.

Наша социалистическая программа.

XVIII. Рабочий требует и должен требовать:

1) Уравнения политического, экономического и социального всех классов и всех людей, живущих на земле.

2) Уничтожения наследственной собственности.

3) Передачи земли в пользование сельскохозяйственным ассоциациям, а капитала и всех орудий производства — индустриальным ассоциациям работников.

4) Уничтожения отцовского, семейного права, то-есть деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности, а также уравнения женщины с мужчиной в правах политических, экономических и социальных.

5) Содержания, воспитания и образования всех детей обоего пола до достижения ими совершеннолетия на счет общества, причем обучение, научное и промышленное, включая сюда и все отрасли высшего преподавания, должно быть равное и обязательное для всех.

Школа должна заменить собою церковь и сделать ненужным более уголовные кодексы, наказания, тюрьмы, палачей и жандармов.

Дети не являются ничьей собственностью — ни родителей, ни даже общества; они принадлежат только их собственной грядущей свободе. Но в детях свобода эта еще не реализована, она у них лишь в потенции, ибо действительная свобода, т.-е. полное ее сознание и осуществление ее во всякой личности, выражающееся, главным образом, в чувстве собственного достоинства и в настоящем уважении к чужой свободе и человеческому достоинству, — такого рода сознание свободы может развиться в детях лишь благодаря рациональному воспитанию их ума, а также их характера и воли. — Отсюда следует, что общество, вся будущность которого зависит от надлежащей постановки образования и воспитания детей и которое, поэтому не только в праве, но и обязано следить за этим, является естественным опекуном всех детей обоего пола; а так как общество, вследствие предстоящего уничтожения личного наследственного права, будет впредь и единственным наследником, то оно, естественно, будет считать одной из первейших своих обязанностей предоставление всех необходимых средств для содержания, воспитания и образования детей обоего пола без различия, независимо от происхождения детей и от их родителей.

Права родителей будут сводиться к тому, чтобы любить своих детей и иметь над ними естественный авторитет, поскольку последний не будет противоречить нравственности и препятствовать умственному развитию и грядущей свободе детей. — Брак в смысле гражданского и политического акта, как и всякое вмешательство в дела интимные, должен будет исчезнуть. Дети будут *принадлежать* естественно, а не по праву, — преимущественно матери, при разумном контроле общества.

Ввиду того, что дети, в особенности малолетние, не способны еще к вполне сознательному управлению своими поступками, *принцип опеки и авторитета*, который надлежит устранить совершенно из общества, будет все-таки находить естественное применение в деле воспитания и образования детей. Однако, авторитет и опека эти должны быть истинно гуманны и разумны и совершенно свободны от всяких теологических, метафизических и юридических пережитков; они должны будут исходить из того положения, что от рождения ни одно человеческое существо не является ни хорошим, ни испорченным, и что *добро*, т.-е. *любовь к свободе, сознание справедливости и солидарности, культ* или, *вернее, уважение и навык к истине, разуму и труду* — не могут быть развиты в человеке иначе, как только путем рационального воспитания, основанного на уважении как в теории, так и на практике к разуму, справедливости и свободе. Таким образом единственной целью этого *авторитета* должна быть подготовка всех детей к свободе. Этой цели авторитет может достичь только тем, что авторитет будет постепенно сводить самого себя «на-нет», уступая место самодеятельности детей, по мере приближения их к совершеннолетию.

Образование должно будет охватывать все отрасли науки, техники и промышленности. Оно должно быть одновременно и научным и профессиональным, общим — обязательным для всех детей, и специальным — применительно ко вкусам и наклонностям каждого из них так, чтобы всякий юноша и девушка, вышедшие из школы и достигшие гражданского совершеннолетия, были бы одинаково подготовлены как к умственному, так и к ручному труду.

Вышедшие из-под опеки и признанные обществом свободными членами общества, молодые люди вольны будут вступать или не вступать для работы в трудовые союзы. Однако, все они по необходимости пожелают вступить в эти объединения, так как с уничтожением права наследования и с переходом всей земли, капиталов и орудий производства в собственность международной, или, вернее, всемирной, федерации свободных рабочих союзов не будет более ни места, ни возможности для конкуренции, т.-е. существования обособленного труда.

Никто больше не сможет эксплоатировать чужой труд; каждый должен будет работать для того, чтобы жить. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голоду, если только он не отыщет какого-либо союза или коммуны, которые согласились бы из жалости содержать его. Но в этом случае, по всей вероятности, будет признано вполне справедливым не наделять этого человека какими-либо политическими правами, раз он, будучи трудоспособным, предпочитает, тем не менее, постыдно жить паразитом за счет чужого труда, так как не будет никакого другого основания для наделения человека политическими и социальными правами, кроме труда, выполняемого каждым отдельным членом общества. Впрочем, случаи подобного рода могут быть только *во время переходного периода*, когда будет еще, к сожалению, немало на свете личностей, выросших при современном порядке несправедливости и привилегий и не воспитанных в сознании справедливости и истинного человеческого достоинства, а также в уважении и в привычке к труду. По отношению к подобным личностям революционное или революционизованное общество будет находиться перед тягостной дилеммой: либо принудить их так или иначе работать, что было бы деспотизмом, либо же дать себя эксплоатировать бездельникам, а это явилось бы новым источником развращения всего общества.

В обществе, организованном на началах равенства и справедливости, которые являются основой подлинной свободы, при рациональной постановке дела воспитания и образования и под давлением общественного мнения, не могущего не презирать бездельников, раз оно зиждется на ува-

жении к труду, — нужно надеяться, что в таком обществе праздность и тунеядство станут невозможны. — Если же и будут, в виде исключения, редкие явления тунеядства, то оно будет справедливо рассматриваться как особого рода болезнь, от которой будут лечить в больницах.

Одни только дети, пока они не достигнут известного возраста, а впоследствии лишь постольку, поскольку необходимо будет дать им время для приобретения знаний и не перегружать их при этом чрезмерной работой, затем инвалиды, старики и больные смогут быть освобождаемы от труда без урона для их человеческого достоинства и без ущерба для их прав как свободных граждан.

XIX. В интересах своего полного экономического освобождения рабочие должны будут требовать полного и окончательного уничтожения государства со всеми его учреждениями.

Прим. 1. Что такое государство? Это — историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, над народными массами во имя какой-либо религии, либо исключительных привилегий одного или нескольких классов собственников в ущерб тысячам рабочих, подневольный труд которых они жестоко эксплоатируют. Завоевание, лежащее в основе прав собственности и личного наследования, тем самым явилось и фундаментом для всякого государства. Эксплоатация труда народных масс в пользу собственников, освященная *церковью* во имя вымышленного божества, которое попы постоянно заставляли становиться на сторону более сильных или более ловких, — вот что называется *правом*. Развитие благосостояния, комфорта, роскоши и утонченного и развращенного ума привилегированных классов, — развитие, необходимым условием которого являются нужда и невежество огромного большинства народа, — вот что называется *цивилизацией*. Организация, гарантирующая существование всего этого скопления исторических несправедливостей, и есть *государство*.

Следовательно, рабочие должны желать разрушения государства.

Прим. 2. Государство, неизбежно основанное на эксплоатации и порабощении масс и, в качестве такового, угне-

тающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость, неизбежно должно быть грубым, хищническим, грабительским и стремиться к завоеваниям. Государство — всякое государство безразлично, монархия или республика — есть отрицание человечности. Государство есть отрицание человечности потому, что, ставя своей высшей и абсолютной целью *патриотизм своих граждан*, ставя, согласно самой своей сущности, выше всего в мире интерес собственного самосохранения, собственной мощи внутри и распространение ее во-вне, — государство отрицает как частные интересы и человеческие права *своих подданных*, так и права чужеземцев, тем самым оно нарушает всемирную солидарность между народами и между людьми, ставит их вне справедливости, вне человечности.

Прим. 3. Государство — младший брат церкви. Государство не может привести никакого реального базиса для оправдания своего существования, кроме какой-нибо теологической или метафизической идеи. Будучи по природе своей противно человеческой справедливости, оно должно неизбежно основываться на богословской или метафизической фикции. В античном мире не было даже понятия нации или общества, так как общество было всецело поглощено и порабощено государством, а каждое государство выводило свое начало и право на существование и на господство от какого-либо бога или от целой совокупности богов, которые и считались исключительными покровителями того или иного государства. В древнем мире человек был неизвестен; самое понятие человечества не существовало. Были одни только граждане. Вот почему в той стадии цивилизации рабство было естественным явлением и необходимой базой свободы граждан.

Когда христианство разрушило языческое многобожие и провозгласило единого бога, государствам пришлось прибегнуть к святым из христианского рая: у каждого христианского государства оказалось по одному или по нескольку святых — его покровителей и защитников перед лицом господа бога, который, по этому случаю, вероятно, не раз должен был очутиться в весьма затруднительном положении. Кроме того, каждое государство находит еще и по сей день

нужным заявлять, что господь бог покровительствует ему особым и исключительным образом.

Метафизика и наука о праве, основанная в теории на отвлеченной общей идее, а в действительности на классовых интересах имущих, также пытались отыскать рациональную базу для оправдания существования государства. — Они прибегали для этого к фикции всеобщего и молчаливого соглашения, или к теории общественного договора, или же к фикции объективной справедливости и всеобщего народного блага, осуществляемого, по их словам, государством. — По мнению демократов-якобинцев, государство имеет своей задачей — способствовать торжеству всеобщих и коллективных интересов всех граждан над эгоистическими интересами отдельных личностей, общин и областей. государство, по их мнению, это — всеобщая справедливость и коллективный разум, одерживающие победу над эгоизмом и ограниченностью отдельных людей. — Государство, следовательно, фактом своего существования как бы утверждает, что отдельные люди неразумны, не могут организовать общественную жизнь, неспособны возвыситься над своими частными интересами. И вот на помощь этому приходит государство, которое, во имя так называемой свободы всех, — свободы коллективной и всеобщей, — которое в действительности есть лишь гнетущая абстракция, выведенная из отрицания или ограничения прав отдельных лиц и основанная на фактическом рабстве каждого. Но всякая абстракция может существовать лишь постольку, поскольку ее поддерживает положительная заинтересованность в ней реальных существ; в этом отношении *абстракция* «государство» действительно представляет весьма положительную заинтересованность правящих имущих и эксплоатирующих классов, называемых интеллигентными, так как во имя этой абстракции мы видим систематическое принесение в жертву интересов и свободы орабощенных масс ради выгоды привилегированного меньшинства.

Прим. 4. Патриотизм — добродетель и страсть политическая и государственная [1] . . . . . .

[1] На этом месте рукопись заканчивается. Прим. *Н. Лебедева.*

IV.

Два письма М. Бакунина Карлу Марксу.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В первых числах ноября 1864 г., проездом из Швеции в Италию, Бакунин имел встречу с Марксом в Лондоне. Сам Маркс, в известном «конфиденциальном сообщении», писал, что «последний [т.-е. Маркс. *Вяч. П.*] принял его [т.-е. Бакунина. *Вяч. П.*] в Международное Общество, для которого Бакунин обещал работать, не покладая рук. Бакунин поехал в Италию, получил там посланные Марксом *временные статуты и манифест к рабочим классам*, ответил «с большим энтузиазмом», но ничего не сделал. После нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он опять выплывает на поверхность в Швейцарии» [59]).

Первое письмо, которое дало повод Марксу говорить о «большом энтузиазме» Бакунина, до нас не дошло. Публикуемое ниже является вторым письмом Бакунина Марксу, в ответ на *третье* письмо Маркса. Маркс, очевидно, с нетерпением ждал результатов широковещательных обещаний Бакунина. Бакунин, напротив, не спешил с ответом и если принужден был ответить, то письмо его свидетельствует о том, что обещаний своих Бакунин *не выполнил* и в пользу Интернационала ничего не сделал. Его ссылки на Гарибальди и на ожидаемое решение печатать итальянский перевод — все это, разумеется, отписки, которые должны были замаскировать полное его бездействие. Вся дальнейшая деятель-

ность Бакунина показала, что Интернационал, — тот Интернационал, о котором он говорил с Марксом в Лондоне и развитию которого обещал способствовать, — был Бакуниным позабыт. Его захватила работа по организации своего собственного «тайного Интернационала», о котором имеются материалы в настоящем томе. Нет поэтому ничего удивительного, что все это не могло не вызвать в Марксе некоторого недоверия, возросшего после появления Бакунина в 1867 г. в буржуазной лиге Мира и Свободы и организации Альянса Международной Социалистической Демократии. Не могло уничтожить недоверия и второе письмо Бакунина Марксу. Напротив, тон письма, достолюбезный и неискренний, если его сопоставить с тогдашней деятельностью Бакунина, комплименты Марксу, провозглашение Интернационала новым «отечеством», наконец, выпады против Герцена, с которым Бакунин на самом деле вовсе не порывал личных отношений, — все это вместе взятое лишь способствовало обострению ранее создавшихся отношений.

Вяч. П.

I.

7 февраля 1865 г.
Флоренция
13. Via dei Pucci
2-e piano [60]).

Carissimmo (Милейший)! — *Формально* ты имеешь право сердиться на меня, так как я оставил без ответа твое второе письмо и до сих пор не ответил еще на третье [61]).

Вот причина моего молчания: согласно твоему желанию, я послал Гарибальди один экземпляр адреса интернационального комитета и до сих пор ожидаю его ответа. Кроме того, я жду, пока будет решено печатание итальянского перевода, чтобы послать его тебе.

Ты вряд ли сумеешь представить себе, как медлительны и нерешительны люди в этой стране. Отсутствие денег, эта основная и первичная, впрочем, весьма естественная, болезнь всех демократических организаций в Европе, задерживает всякую активную работу. Более того, деморализованным, — вследствие полного фиаско и ошибок демократической партии — централистской, политической, унитарной, — большинством в Италии овладели теперь в сильнейшей степени скептицизм и пресыщенность. Только социалистическая пропаганда — последовательная, энергическая и страстная — может еще вернуть этой стране жизнь и волю. Но для всего этого необходимо время, ибо все тут приходится начинать с начала.

В Англии вы, повидимому, идете вперед на всех парусах; что же касается нас, то мы едва осмеливаемся их poco a poco (понемногу) развернуть.

Я посылаю тебе стихотворение флорентийского производства. Надеюсь, оно тебе понравится.

К сожалению, организация представляет более трудное дело, чем стихи. Она, правда, тоже подвигается, но очень медленно. Ее успехи замедляются скептическим индифферентизмом, взаимным недоверием, невежеством и неспособностью так называемых шефов, так называемой демократии, деморализованной и сбившейся с пути. В Италии должна сорганизоваться новая демократия, основанная на абсолютном праве и едином культе труда. Элементы для этого имеются — Италия кишит ими. Поэтому не следует приходить в отчаяние. Но терпение! — как тут любят говорить. И этого терпения нужно много.

Мадзини сильно ошибается, продолжая думать, что инициатива нового движения придет из Италии. Англия, Франция, быть может, Германия, если говорить только о Европе, и эта великолепная Северная Америка — вот настоящий интеллектуальный и действительный центр человечества. Остальные пойдут на буксире.

А теперь, carissimmo amico, прости меня за долгое молчание, которое больше не повторится, и поцелуй почтительно от моего имени прекрасные руки твоей жены и твоей дочери.

Преданный тебе *М. Бакунин.*

P. S. — Как я только получу фотографии моей жены и свою собственную, я пошлю их вам, но взамен я попрошу у вас фотографию всеи «святейшей семьи» (la sanctissima famiglia).

II.

22 декабря 1868 г.
Женева 123.
Montbuillant [62]).

Мой старый друг!

Серно [63]) сообщил мне ту часть твоего письма, которая относится ко мне. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я оставаться твоим другом. Да, более чем когда-либо, дорогой Маркс, ибо лучше, чем когда-либо прежде, я понимаю теперь, как был ты прав, выбрав, — и нас приглашая за тобой следовать, — большую дорогу экономической революции и осмеивая тех из нас, которые блуждали по тропинкам на-

циональных или чисто политических предприятий. Я делаю теперь то дело, которое ты начал уже более двадцати лет назад. Со времени торжественного и публичного прости, которое я сказал буржуа на Бернском конгрессе, я не знаю теперь другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Моим отечеством будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Ты видишь, следовательно, дорогой друг, что я — твой ученик, и я горжусь этим. — Вот все, что я считаю необходимым сказать, чтобы объяснить тебе мои личные чувства и отношения.

Перейдем теперь к другим вопросам.

В своем письме к Серно ты говоришь, что мы неверно поставили вопрос, говоря об уравнении классов и индивидуумов. Это замечание вполне справедливо, поскольку оно относится к терминам, к формулировке, которой мы воспользовались. — Но эта формулировка была нам навязана глупостью и невероятной бестолковостью нашей буржуазной аудитории. Они имели глупость уступить нам, можно сказать, без всякой борьбы, почву равенства — и наша победа и заключается как раз в том факте, что мы могли констатировать, что они отвергают все условия реального и серьезного равенства. Именно это взбесило их и продолжает их еще бесить. — Впрочем, я охотно соглашаюсь, что мы лучше бы сделали, выразившись иначе, например, если бы мы сказали: Радикальное уничтожение экономических причин существования различных классов и экономическое, социальное и политическое уравнение как среды, так и условий существования и развития для всех индивидуумов, без различия пола, нации и расы.

Я посылаю тебе бандеролью все мои речи — за исключением одной — которые я произнес в Берне. — Господин Герцен просил у меня разрешения напечатать их в последнем Могикане, т.-е. в последнем номере его журнала [64]), который прекратился за отсутствием публики и читателей, и я не мог отказать ему. Но я прошу тебя верить, что между мною и им не существует *абсолютно* никакой солидарности. С 1863 г. в особенности, все наши политические, а теперь даже и частные, отношения совершенно прерваны. Он просил у меня разрешения изменить в *его смысле* речь, которую

я в Берне произнес о России, в ответ на речь моего друга Мрочковского, которую ты найдешь в «Колоколе». Как и все мои друзья из русской социалистической демократии, программу [65]) которой — редактированную мною — я также тебе посылаю, я поставил первым условием действительного освобождения — т.-е. экономического, социального и политического — русских и не-русских народов, заключенных в пределах русской империи, *радикальное уничтожение* этого царства. Для Герцена это было чересчур сильно, и мы разошлись.

Я посылаю тебе также программу Союза, который мы основали вместе с Беккером и многими итальянскими, польскими и французскими друзьями. Об этом предмете нам придется еще много беседовать. Я пришлю тебе скоро копию большого письма — почти брошюру, — которую я по этому поводу написал моему другу Цезарю де Папу. А теперь несколько слов о здешних событиях.

В Базеле происходит теперь большая стачка, в результате которой Интернационал получит 5 000 новых членов. В Женеве дела идут великолепно. Мы имели тут большое народное собрание, которое назначило постоянную комиссию для переписки с Базелем. Я и Беккер состоим ее членами. Среди рабочих я нашел прямо великолепных людей.

Передай от меня привет Энгельсу, если он не умер вторично, — ты знаешь, что его уже раз похоронили, — и передай ему, пожалуйста, один экземпляр моих речей, тоже Эккариусу и Юнгу.

Преданный тебе *М. Бакунин.*

Прошу тебя передать мой привет госпоже Маркс [66]).

V.

Письмо М. Бакунина в газету „La Démocratie“ [67]).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Письмо это, адресованное газете «La Démocratie», было издано отдельной брошюрой, в ряде других, выпущенных издателем Шарлем Луи Шассеном еще до выхода газеты в свет. Задавшись целью издавать в Париже большой ежедневный орган, направление которого выражалось его названием, Шарль Луи Шассен, известный республиканец, к сотрудничеству в газете, кроме ряда наиболее крупных политических деятелей, пригласил и Бакунина, бывшего в то время членом центрального комитета Лиги Мира и Свободы. Газета начала выходить 8 ноября 1868 г.; до ее выхода было выпущено несколько брошюр (М. Неттлау приводит их число — восемнадцать), в которых приглашенные сотрудники высказывали свои суждения по поводу программы будущей газеты. Среди них было письмо Бакунина, приводимое ниже.

В истории литературных выступлений Бакунина письмо это занимает видное место. По справедливому замечанию Макса Неттлау — оно, на-ряду с речью его на Женевском конгрессе Лиги Мира и Свободы, представляет собой первое социалистическое заявление, с которым публично выступил Бакунин перед широкой европейской публикой. До этого письма социалистические элементы в публичных выступле-

ниях Бакунина не были высказаны с такой решительностью. Бакунин и до письма в «La Démocratie» высказывался в итальянской печати, — но эти высказывания не имели широкого распространения, какое получило его письмо в «Démocratie».

Оно цитировалось и даже частично было напечатано в № 18 лондонского кооперативного журнала «The Social Economist» от 1 августа 1868 г.

Письмо это развивает мысли, положенные в основу большого устава 1866 года, напечатанного в настоящей книге. Заслуживает внимания подчеркивание Бакуниным имени Прудона как — «великого и истинного учителя». В 1868 году развитие бакунинского мировоззрения еще не продвинулось вперед так далеко, чтобы отрицать в Прудоне именно «истинность» его мировоззрения.

Письмо написано республиканцу, члену Лиги Мира и Свободы. Поэтому оно не звучит так анархически непримиримо, как зазвучали дальнейшие публичные выступления Бакунина. Еще не угасшие надежды нежно и незаметно привлечь к себе радикальные элементы Лиги Мира и Свободы, подобные Шассену, заставляли Бакунина приспособляться к аудитории, слух которой не выносил резких нот. Этим можно объяснить умеренно-социалистический характер его письма и совершенно завуалированные анархические нотки, которые здесь ограничиваются лишь прокламированием отрицательного отношения к государственной централизации. По той же причине вся статья производит впечатление красивого «общего места». Впрочем, в тех буржуазных кругах, для которых предназначалось письмо, и это «общее место» в те годы могло казаться страшно радикальным.

Вяч. П.

Париж, апрель 1868 г.

Нужно ли мне говорить вам, что, поскольку иностранцу позволено вмешиваться в ваши дела, я от всего сердца сочувствую вашему мужественному предприятию и вполне примыкаю к вашей программе? Вы задались благородной целью снова поднять печать вашей страны на ту высоту, с которой она никогда не должна была бы спускаться, несмотря на все бушующие вокруг нее бури, и снова приучить нас к тому, чтобы искать в ней вдохновений, от чего мы отвыкли за последние, приблизительно, девятнадцать лет.

Будьте уверены, что во всех странах все свободолюбивые и человеколюбивые люди будут радостно приветствовать конец французского затмения, даже если они не нуждаются в том, чтобы сияющее солнце Франции освещало их путь.

Время *народов-мессий* прошло. Свобода, справедливость и разум отныне перестают быть монополией той или другой нации. Отныне *инициатива* — употребляя любимое выражение Мадзини — эта инициатива (которую он, по примеру Данте, хочет признавать исключительно за своей родиной, прекрасной Италией) принадлежит всем народам; она распределена между всеми, — правда, в различной степени. Истинное разделение труда, соразмерно умственной и духовной силе каждой нации, и последним словом этого разделения будет федеративная организация Европы.

Все для каждого и все через каждого — вот что ныне должно быть нашим кличем, нашим лозунгом. Но гармония была бы далеко неполной, она была бы невозможной, если бы отсутствовали свет и могучее участие Франции. В этом смысле мы все радостно приветствуем ее пробуждение к свободе.

Я могу только вполне присоединиться к программе децентрализации, которую вы выдвигаете как главную основу своей программы. Семьдесят пять лет печального и горького опыта бесплодного шатания от несколько раз завоеванной и каждый раз снова утрачиваемой свободы к все более и более укреплявшемуся государственному деспотизму доказали Франции и всему миру, что в 1793 г. были правы жирондисты, а не ваши якобинцы. Робеспьер, Сен-Жюст, Карно, Кутон, Камбон и многие другие граждане Горы были великими и чистыми патриотами, но тем не менее справедливо, что они устроили государственную машину, ту чудовищную государственную централизацию, которая сделала возможной, естественной и необходимой военную диктатуру Наполеона I и которая, пережив все последующие революции, не ослабленная, но, наоборот, охраняемая, взлелеянная и развитая реставрацией и июльской монархией, равно как и республикой 1848 г., должна была неизбежно привести к уничтожению всех своих свобод.

Многие демократы старой унитарной, я сказал бы даже католической школы — в большинстве случаев она таковой, бессознательно для себя, и является — еще ныне думают, что достаточно коммунальной автономии и что организация свободы возможна при существовании освобожденных коммун, с одной стороны, и сильной государственной централизации — с другой. Эту веру громко исповедует знаменитый итальянский демократ Джузеппе Мадзини.

При всем моем глубоком и искреннем уважении к творцу современного итальянского единства, — печального зрелища, которое представляет собой в настоящее время эта самая Италия, было бы достаточно, чтобы заставить меня усомниться в справедливости его учения. Скажу, не колеблясь, что Мадзини и все, думающие, как он, впадают в глубокое заблуждение. Нет, коммунальной свободы никогда не будет достаточно, чтобы основать в какой-нибудь стране свободу; изолированная коммуна будет всегда слишком слаба, чтобы противостоять подавляющей централизации всей законодательной и исполнительной власти государства. Для того, чтобы коммунальная автономия превратилась в действительность, необходим между коммуной и государ-

ством посредник, который был бы сильнее ее: департамент или автономная провинция. Можно быть уверенным в том, что там, где не существует провинциальная автономия, *самоуправление* коммун будет только фикцией. С другой стороны, что бы об этом ни говорил Мадзини, государство, сильно централизованное внутри, всегда будет представлять собой во внешних сношениях только военную машину, которая, правда, сможет вступить в федерацию народов с целью господствовать над нею, но не для того, чтобы на равных со всеми прочими нациями условиях подчиниться высшему закону международной, т.-е. чисто человеческой, справедливости, которая по своему самому существу противоречит высшей теологической, политической и юридической справедливости государства.

Я с радостью вижу, что во Франции смело развернули знамя *антитеологизма*. Дух, запутавшийся в теологических и метафизических фикциях, склоняющийся перед иным авторитетом, чем разумная экспериментальная наука, может привести лишь к политическому и социальному рабству наций. Что бы ни говорили представители ее официальной морали и ее спиритуалистические демократы, только научный и гуманитарный материализм в состоянии построить свободу, справедливость, а следовательно и мораль, на действительно широких и непоколебимых основаниях. Не замечательно ли, в самом деле, что в то время как спиритуалисты, берущие за основу свободную волю, неизбежно приходят к учению об авторитете, т.-е. к более или менее открытому или замаскированному, но во всяком случае полному, отрицанию свободы, — мы, материалисты, исходя из как естественного, так и социального предопределения (неизбежности), провозглашаем постепенное освобождение человечества?

Вы — *социалист*. В настоящее время никто не имеет права называть себя демократом, если он, на-ряду с полнейшим политическим освобождением, не стремится к столь же широкому экономическому освобождению народа. Вы тысячу раз правы, не желая больше делить эти два великие вопроса, в сущности составляющие один единственный: *вопросы политический и социальный*.

Как и вы, я жалею об ослеплении той, будем, впрочем, надеяться, не слишком большой части рабочих в Европе, которые воображают, что, воздерживаясь от всякого вмешательства в политические дела своей страны, они тем лучше служат своим собственным материальным интересам, и которые думают, что они могут добиться экономического равенства и справедливости, составляющих ныне предмет стремлений рабочего класса, иным путем, чем путем свободы. История всех времен и стран неопровержимо свидетельствует о том, что справедливость никогда не дается тем, которые не умеют сами завоевать ее; логика подтверждает это свидетельство истории, заявляя нам, что не в природе привилегии, монополии, существующей власти — уступать или отрекаться, не будучи к тому принужденными; для того, чтобы право победило, оно, со своей стороны, должно сделаться силой.

Эта истина так проста, так хорошо доказана опытом каждого дня, что можно по справедливости удивляться тому, что еще существуют люди, сомневающиеся в ней. Равенство без свободы — нездоровая фикция, созданная мошенниками для того, чтобы обманывать дураков. Равенство без свободы — это деспотизм государства, а государство не может просуществовать ни одного дня, не имея, по крайней мере, одного эксплоатирующего и привилегированного класса: бюрократии, наследственной власти, как в России и в Китае, или фактической власти, как в Германии и у вас.

Наш общий великий и истинный учитель, Прудон, написал в своей прекрасной книге о справедливости в революции и в церкви, что самым гибельным сочетанием, какое только может образоваться, было бы соединение социализма с абсолютизмом, сочетание стремления народа к экономическому освобождению и материальному благосостоянию с диктатурой и сосредоточением всей политической и социальной власти в государстве.

Итак, да сохранит нас будущее от милостей деспотизма, но да спасет нас также от гибельных и отупляющих последствий авторитарного, доктринарного или государственного социализма. Пусть мы будем социалистами, но никогда не

сделаемся стадными народами. Будем искать справедливости, полной политической, экономической и социальной справедливости лишь через свободу. Не может быть ничего живого и человеческого вне свободы, и социализм, изгнавший ее из своей среды или не принявший ее за основу и за единственный творческий принцип, отбросил бы нас назад, непосредственно к рабству и зверству.

Но если мы, с одной стороны, должны энергично отвергнуть всякую социалистическую систему, не проникнутую принципом коллективной и индивидуальной свободы, с другой стороны, мы должны с той же энергией отмежеваться от всех партий, заявляющих, что они хотят оставаться чуждыми социальному вопросу, ужаснейшему и величайшему из всех вопросов, занимающих современный мир...

Ваша великая революция, начавшая свое благороднос дело «Декларацией прав человека», лишь тогда доведет его до конца, когда она — не только в вашей стране, но и на всей земле — сумеет организовать *общество на началах справедливости*: общество, установившее для всех своих членов обоего пола *равные первоначальные условия* с самого дня рождения каждого, поскольку это равенство зависит от социальной организации, следовательно не от естественного неравенства отдельных лиц; общество, которое в экономическом и социальном отношениях предоставляет каждому— по мере его личной энергии и способностей — равную для всех фактическую возможность достичь самого высокого положения, доступного человеку, сперва благодаря воспитанию и образованию, затем благодаря собственному труду каждого в свободной ассоциации или без ассоциации, — труду, который будет одновременно мускульным и нервным, ручным и умственным и будет рассматриваться как законный источник всякой личной, но не наследственной собственности, как главная основа всех политических и социальных прав.

Таково, по моему мнению, последнее слово революционной программы. Можно кричать о трудности ее осуществления, но нельзя, не отрицая всякую логику, не признать, что она содержит необходимое условие истинной справедливости. И мы, отказавшиеся от всякой теологической веры, дабы иметь право и силу принять человеческую веру, мы

должны во что бы то ни стало поддерживать программу справедливости.

Не правда ли, вы убедились, наконец, в том, что новое вино надо вливать в новые сосуды, и что мы отныне, для того чтобы иметь право учить этот народ и, в случае нужды, быть его вождями, повернувшись спиной к изнеможенной массе инвалидов теологии, привилегий, антисоциальной демократии и высшей политики, должны возложить все свои надежды на ту часть интеллигентной, трудолюбивой, но не доктринерской молодежи, которая сама испытывает потребность раствориться в народных массах, чтобы там почерпнуть жизненную силу, видимо уже недостающую высшим слоям общества, которую народ достаточно любит и уважает. Но прежде всего мы должны возложить нашу надежду на рабочий класс, более нравственный, благодаря труду, не истощенный злоупотреблением жизненными наслаждениями и потому являющийся ныне единственным хранителем и распорядителем будущего.

Вот мое исповедание веры, мой дорогой Шассэн. Если оно вам не очень не нравится, примите меня в число своих многочисленных сотрудников, а пока будьте любезны занести меня в список своих акционеров.

Михаил Бакунин

(Россия).

VI.

Письмо М. Бакунина в газету „Le Reveil".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Письмо это осталось незаконченным, неотосланным и было опубликовано Джемсом Гильомом лишь в 1911 году в V томе изданного в Париже Собр. соч. Бакунина. Оно было вызвано появлением в парижской республиканско-демократической газете «Le Reveil», редактировавшейся Делеклюзом, 2 октября 1869 г. статьи немецкого социал-демократа Мориса Гесса, направленной против Бакунина. Всего лишь три недели назад в дни базельского конгресса (5—12 сентября 1869 г.) происходил в суде чести разбор дела по обвинению Бакуниным Либкнехта в клевете и приведший к результатам, которые удовлетворили Бакунина. Появление статьи Гесса вслед за окончанием конгресса возмутило Бакунина. Именно состоянием крайней неуравновешенности можно объяснить те излишества, которые сорвались с его пера, а также приписывание Гессу таких вещей, которых он против Бакунина не высказывал.

Но, как часто бывало с литературными начинаниями Бакунина, в процессе работы он изменил первоначальное намерение. Начав писать письмо, разоблачавшее немецких евреев, он увлекся множеством нахлынувших доводов, соображений, материалов, исторических экскурсов; письмо вырастало и, когда достигло уже 37 страниц, Бакунин решил превратить его в брошюру, которая должна была состоять

примерно из четырех глав и иметь название: «Исповедание веры русского социал-демократа»; предисловие к «исповеданию» или первая глава должна была называться «Этюд о немецких евреях». Написанные 37 страниц, публикуемые нами, и предназначались быть этим этюдом.

Остановившись на таком решении, Бакунин обратился к Герцену с следующим письмом:

18 октября 1869. Chemin Vieux Billard, 40 chez M-r Dans (Genève).

«Любезный Герцен. Я послал через О-ва к моему хорошему приятелю Aristide Rey начало писания, пожалуй, небольшой книжки с разными апендиксами под громким названием Profession de foi d'un démocrate socialiste russe précédée d'une étude sur les Juifs allemands.

1-й chapitre готов, 2-й, 3-й и 4-й пишутся и пойдут как по маслу.

Первая глава, полемическая против немецких жидов, покажется тебе, может быть, слишком сыра, слишком груба. Предоставляю тебе полное право, не изменяя, разумеется, содержания и смысла, переменить форму, кой-где смягчить, а кой-где и посолить, — ведь у тебя афинской злой соли больше, чем у меня, — уверенный, что жидам сделается от этого не легче, а хуже. Ну, остальные главы будут гораздо серьезнее. Это род мемуаров или, скорее, отчета за последние шесть лет. Что же касается до беспардонного направления, то оно должно остаться всецело, не только по содержанию, но и по форме. Ведь ты давно знаешь, что это моя природа, а природы не переменишь. Жил и умру, как генерал Костинцкий.

Теперь вот еще в чем дело: Rolin, твой знакомый, обнадеживает меня, что книгоиздатель Dentu возьмется с радостью издать эту книжку и, может быть, даже кое-что заплатит.

Я подробно писал об этом Рею и просил его пойти к тебе от моего имени с О-м, дабы потолковать с тобой об этом предмете. Помоги, Герцен, и приложи совет и руку. Рей тебе понравится,— он малый умный и честный. Направь же его и научи, как лучше устроить дело.

Еду отсюда в будущую субботу прямо в Лугано, где пробуду по крайней мере всю зиму. Итак отвечай мне или Lugano, Poste restante или через Огарева.

Твой М. Бакунин» [68]).

Вместе с тем Бакунин не отказался от мысли напечатать предварительное письмо в «Reveil». Написав письмо в тот же день, он послал его Аристиду Рею, который должен был доставить письмо в редакцию. Приводим это письмо полностью:

18 октября 1869. Женева.

«Господа!

В № от 2 октября вашего журнала вы напечатали против меня статью, подписанную Морисом Гессом, которая полна клевет и лжи.

Если б десятая часть того, что он сообщает, была верна я был бы мало того, что очень опасным панславистом, — но агентом русского правительства, шпионом.

Вы понимаете хорошо, господа, что никто, какое бы право на публичное уважение он за собою ни чувствовал, не может промолчать подобные обвинения. Поэтому я начал писать брошюру, — небольшую книгу, которая содержит в себе изложение развития моих социалистических идей за последние шесть лет, под заглавием «Исповедь русского демократа социалиста, с прибавлением этюда о немецких евреях», — так как эти последние, а не один только г. Мор. Гесс, сделали себе в течение более 10 лет, из клевет против моего друга и соотечественника Александра Герцена и меня, почти ежедневное занятие, род ремесла.

Мы презирали их клеветы, пока они не выходили из границ немецкого журнализма, где личные нападки, самые несправедливые и самые гнусные, дело обыкновенное. Но вот теперь делается попытка перенести те же клеветы на более серьезное поле журнализма французского. Мы не должны, мы не можем больше молчать.

Господа, — я апеллирую к вашей чести и к вашей справедливости. Атакованный таким недостойным образом в вашем журнале, я должен иметь право там же напечатать и

мой ответ, — и я уверен, что, каковы ни были бы различия ваших принципов и моих, вы не откажете мне в этом праве.

Моя маленькая книга не может появиться раньше нескольких недель, и я не могу отлагать так надолго мой ответ. Вследствие этого я прошу моего друга г. Аристида Рея, друга и союзника моего в конгрессе Лиги Мира и Свободы, который происходил в Берне в прошлом году, и моего свидетеля в конгрессе работников, бывшем недавно в Базеле, — я прошу его передать вам, вместе с этим письмом,речь, которую я произнес в первом из этих конгрессов о вопросе русском, и мое более новое воззвание «К моим молодым братьям русским».

Моя речь слишком длинна, чтоб найти место в вашем журнале. Но воззвание коротко, и так как оно, надеюсь, будет достаточно, чтоб по крайней мере убедить вашу публику, что я не могу быть ни сторонником панславизма, ни другом русского правительства, ни какого из теперешних правительств, то я прошу вас, господа, напечатать его и думаю, что я имею право надеяться, что вы не откажете мне в этом удовлетворении.

Примите, господа, выражение моего высокого уважения.

Михаил Бакунин» [69]).

19 октября 1869 г. Аристид Рей посетил Герцена и передал ему как рукопись, так и письмо Бакунина, предназначенное для газеты. Герцену короткое письмо Бакунина не понравилось. Он нашел, что оно написано так, что вряд ли сможет появиться на страницах газеты. Он написал поэтому письмо сам и от своего имени передал редакции.

Письмо было следующего содержания:

ГОСПОДИНУ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «LE REVEIL».

Господин редактор.

В одном из нумеров вашей уважаемой газеты была напечатана статья г. Гесса, которая заставляет предполагать странное совпадение между учением Бакунина и взглядами петербургского правительства; это не первый раз, что немцы

нападают на нашего друга и на всех нас, пользуясь подобного рода оружием.

Я не потерял бы ни минуты для защиты нашего друга против этих явно нечистых инсинуаций, но я хочу дать вам случай ближе познакомить ваших читателей с Бакуниным. Посылаю вам письмо, которое он написал несколько месяцев тому назад русской молодежи. Я уверен, что не весь мир разделит убеждения Бакунина, но еще более того уверен, что их не разделяет петербургское правительство.

Примите, господин редактор, мои самые искренние приветствия.

Алекс. Герцен,
редактор «Колокола».

Париж, 19 октября 1869, Hôtel du Louvre [70]).

Письмо это появилось в газете 22 октября, но без приложения «Нескольких слов моим молодым друзьям в России». Вслед за письмом газета поместила заметку от редакции:

«Мы не находим нужным возвращаться к статье, задевшей чувствительность нашего корреспондента, чтобы заявить, что у нас никогда не было намерения атаковать политическую честность М. Бакунина.

«Reveil» сражается с теориями господина Бакунина, и будет сражаться при случае и впредь, в то же время готовое воздать должное энергическим убеждением страстного противника русского императорского деспотизма.

Мы заверяем также нашего уважаемого корреспондента, что статья, подобная той, которая является предметом его протеста, не найдет более места на страницах «Reveil».

Фр. Курне [71]).

Это заявление редакции удовлетворило Бакунина в той части инцидента, которая касалась газеты. Но намерение разоблачить немецких евреев осталось в силе. Это намерение не вызвало сочувствия Герцена. Герцен вообще не разделял *всех* возражений Бакунина на статью Гесса. Центральное

обвинение, которое бросал Гесс Бакунину, заключалось в его панславизме.

Считая Бакунина вождем «русской партии» в Интернационале, Гесс высказывал убеждение, что объективно деятельность этой партии «русских коммунистов» идет на пользу панславизма. Это обвинение, если отнести его к 1869 году, было, разумеется, вздорным. Но в прошлом Бакунина, действительно, были высказывания панславистского характера. Таково было мнение даже близких его друзей. Так, Герцен в письме Огареву от 18 сентября 1869 г. [72]) бросает мимоходом: «Бакунин был отчаянным панславистом, националистом, хотел Амурским Муравьевым Австрию заполонить». Из песни слова не выкинешь — не вычеркнуть из деятельности Бакунина и периода панславистских иллюзий. И не вина Гесса в том, что Бакунину не удалось сделать ясным для всех, что период этот ушел в прошлое и возврата к нему не было. В письме от 3 октября 1869 г. вскоре после прочтения статьи Гесса в «Reveil» Герцен писал Огареву: «В сущности, отними гнусные инсинуации, Гесс говорит то, что я говорю» [73]). Бакунин же с яростью возражал не только против инсинуаций Гесса, но и против тех его заявлений, которые нельзя было опровергнуть с помощью одного негодования. Характер записки Бакунина не понравился Герцену. «Он с ней опоздал, да она мне что-то не нравится (зачем толк о расах, жидах)», писал он Огареву 21 октября 1869 г. А 28 октября он сообщил Бакунину свое мнение письмом, которое приводим полностью:

28 октября (1869).

«Бакунину.

Письмо, которым изволили почтить, получил. Ответ пишу сейчас. Политика твоя мне не нравится. В Макиавелли ты не годишься с твоими divide [1]. Я никак не могу согласиться

[1] Разделяй.

на то, чтоб, по примеру русской цензуры, дозволять ругань титул. советн. и не бранить генералов. Маркса просто ты не хочешь зацепить, чтоб не портить свое отношение. Хорошо, ну, так оставь же и Гесса, и к-нию. Это — совет и мнение. Далее, что ты так кипятишься? Статья Гесса никем не была замечена и бесследно ухнула. Письмо мое (надеюсь, ты получил) к Делеклюзу покончило вопрос. Рей (который мне очень нравится) снес твою статью к молодежи в «Реформу» (она не то, что умна, но благородна, смела); там обещали ее поместить завтра или послезавтра. Нумер «Progrès», где о тебе, я отдал, на чем и все кончилось. Ходить к Дантю можно только в очистку совести. Совет мой таков. Рукопись (она теперь у Рея) со всеми приложениями я тебе пришлю; переправь впрохолодь первую часть, выдумай всему громкое заглавие, не обижая Маккавея и Ротшильда, и потом передай Чернецкому; печатай не все вдруг, а ливрезонами... это легче для расхода и платы. Когда будет все на мази, я помещу в десяти журналах annons'ы.

Доволен, что ли?

Пожалуй, оставь жидовскую улицу, как она есть, но совет мой, все же, обдумай.

Здесь много хорошего и серьезного. Но что за жалкие мандарины и брамины, что за жалкие журналы! Я думаю просто остаться пока здесь.

Вырубов меня не тешит, а бесит. Чистый и добрый человек, он доктринерством съел свое сердце и к окружающему относится, как адвокат или прокурор. Минутами он мне ненавистен.

Прощай» [74]).

Это письмо Герцена было ответом на письмо Бакунина, в котором последний слегка приподнимает завесу над своими планами, весьма далекими от того миролюбия, которое он обыкновенно прокламировал во всех своих разоблачительных и обличительных проектах. Вот что писал Бакунин Герцену:

28 октября 1869. Женева.

«Послезавтра еду в Лугано. Твое письмо получил и прочел со вниманием.

1. Насчет Маркса вот мой ответ: Я знаю так же хорошо, как и ты, что Маркс точно так же виноват против нас, как и все другие, и даже, что *он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, взводимых на нас.* Почему же я его пощадил и даже похвалил, назвал великаном? По двум причинам, Герцен. *Первая* причина — *справедливость.* Оставив в стороне все его гадости против нас, нельзя не признать, я по крайней мере не могу не признать, за ним огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергически и верно, вот уж скоро 25 лет, с *моего?* (?) *и* в котором он несомненно опередил нас всех. Он был одним из первых, чуть ли не главным основателем Интернац. Общества. А это в моих глазах заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы он против нас ни делал.

Вторая же причина — *политика* и, по-моему, совершенно верная *тактика.* Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохим политиком. Не сочти за самолюбие, если я тебе скажу, что ты ошибаешься. Дело в том, что ты меня судил и судишь по моим действиям в цивилизированном обществе, в буржуазном мире, и в самом деле я обращаюсь в этом мире без всякого расчета и без малейшей церемонии с ругательною, *беспардонною* откровенностью.

Но знаешь, почему я с ним так поступаю? Потому, что я не ставлю его в грош, не признаю в нем более никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что материальных средств и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо более, чем бы желательно было. Но с этой силой надо бороться, ее надо разрушить; с ней невозможны ни примирения, ни сделки, потому что она в действительности ничего более уступить не может, не может шага сделать вперед и силою вещей теснится назад. Бороться с нею прямо, открыто, беспардонно может быть для лица опасно и сопряжено для борющегося с большими неудобствами и неприятностями,— я это отчасти испытываю на себе, — но для дела, для народного дела полезно и необходимо; дабы народ, очистив свой вопрос от всякой буржуазной примеси, поставил его ясно и крепко. Необходимо и полезно также и для борющегося лица, в том смысле, что его откровенное отношение к бур-

жуазному миру поясняет его положение, доказывает его искренность и крепче ставит его на народной почве. Итак, я согласен с тобою, в буржуазном обществе и в буржуазных вопросах я не политик и не тактик и не хочу быть ни тем, ни другим. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также нерасчетливо, или, вернее, *с тем* же расчетом обращаюсь в мире рабочих. Это единственный мир, в который я верю на Западе, точно так же как (у нас в) мир мужицкий и грамотный мир беспардонных юношей, не находящих себе ни места, ни возможности занятия в России, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или бессознательно, т. е. по положению, принадлежащих революции, — которых ты до сих пор еще мне простить не можешь. В этом *черном* мире, единственной почве, на которой построится будущее, я, любезный Герцен, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно все его сильные и слабые стороны, равно *умности*, как и глупости, и стараюсь соображаться с ними так, чтобы и дело народное подвигалось, — это, разумеется, главная и первая цель, — но также и так, чтоб и мое положение в нем укреплялось. Мое обращение с Марксом, который меня терпеть не может, да, я думаю, и никого кроме себя и разве близких своих не любит, моя политика и тактика с ним да служит тебе на это доказательством.

Маркс несомненно полезный человек в Интернационале. Обществе. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма, — одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов. И я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его несомнено благодетельное влияние. А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, ~~— теперь же время еще~~ не пришло.

Я пощадил и превознес его также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе

наши враги, составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал: Divide et impera [1]. Если б я пошел теперь открыто войною против Маркса, три четверти интернац. мира обратились бы против меня, и я был бы в накладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начав же войну нападением на его сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости, Schadenfreude, тьма-тьмущая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей. Ну, а когда я ошибусь в расчете, и он за них вступится, то ведь он первый начнет открытую войну, ну, тогда и я покачусь назад et j'aurai le beau rôle. Зачем я напал так жестоко на Гесса? А потому, что он написал против меня злостно подлую статью, а главное, потому, что он сделал первую попытку перенести пакостные клеветы против нас во французскую журналистику.

Ну, теперь поговорим о моем писании, брошюре-книге. Батюшка Александр Иванович, будьте крестным отцом этого безобразного сочинения, его умывателем и устроителем. Издать его сделалось для меня, по всему настоящему положению, просто необходимостью.

Но я не художник, и литературная архитектура мне совсем не далась, так что я один, пожалуй, с задуманным зданием не справлюсь, или выйдет так, как рассказывают про кого-то, что он построил сначала дом, а потом стал выбивать в нем двери и окна.

1-я маленькая глава étude sur les Juifs allemands, не составляет сути, — это только род полемического предисловия, — главная цель рассказать и объяснить мою деятельность за последние шесть лет и сопровождавшее ее развитие политико-социальной мысли. Я знаю, что в книге будет много хорошего. А ты вот в каком смысле будь моим благодетелем и крестным отцом, — не как идеалист, а как реалист. Если б ты стал действовать как идеалист, то ты начал бы с того, что выбросил бы в окно всю мою натуру, так не подходящую к твоим привычкам и воззрениям, и заместо моей

[1] Разделяй и властвуй.

книги издал бы свою. Но, как реалист, ты скажешь себе — что делать с ним, ведь старика не переделаешь: Chassez le naturel, il reviendra au galop, — так постарайся только сгладить и уменьшить, по возможности, его естественные недостатки. Пусть он строит дом по-своему, а так как у него нет эстетики, ни архитектурного уменья, то не он, а я буду выбивать в нем окна и двери. Все же будет лучше, чем если он сам возьмется за эту работу. Работа скучная, я знаю, но возьмись за нее, я не говорю по старой дружбе, а по старой привычке жить вместе, действуя иногда врозь и иногда не переставая спорить друг с другом, но вместе и уважать друг друга. Такая привычка, образовавшаяся не в мире пошлостей, а высших человеческих интересов, стоит дружбы.

Дело вот в чем. По немногим листам, присланным мною тебе, ты еще не можешь, отнюдь не можешь судить о предполагаемой мною книге. Подожди немного; на-днях я пошлю тебе больше листов, и когда понятие твое окончательно составится, ты скажешь мне, что ты можешь, что ты хочешь сделать как в литературном, так и в материально-административном отношении в пользу появления этой книги. Работа, если ты за нее возьмешься, будет отчасти тяжелая, но, с другой стороны, и не лишенная интереса. Читая мое писание, ты, может быть, возгоришься благородным рвением, отчасти негодованием и решишься предпослать ему Préface, не ругательное, разумеется, и не абсолютно отрицающее, — тогда бы нужно было напечатать его особенно, — одобряющее отчасти, а отчасти протестующее. Я бы отвечал в Postpréface, а Огарев в jury d'honneur произнес бы свой приговор. Книга выйдет, пожалуй, странная, нечто вроде «Notre Dame de Paris», не гюгоская, а парижская, но все-таки интереснее и значительнее произведений напомаженного радикализма и приличного социализма. Если bourgeois от нее отворотятся, то работники станут читать, за это я отвечаю. А для меня этого будет достаточно, потому что для меня, повторяю еще раз, нет другой публики.

Прощай и отвечай покамест через Огарева или в Lugano, poste restante; потом пришлю адрес.

Твой М. Бакунин» [75]).

* * *

Мы воспроизводим первоначальный вариант письма, предназначавшегося для редакции «Reveil». Та рукопись, которую Бакунин превратил в первую часть «Profession de foi» и отослал Герцену с просьбой возвратить ее, как сообщает Гильом, не найдена в бумагах Бакунина [76]).

Письмо в «Reveil» является крайним образцом бакунинской полемики. Ничего более резкого в литературном наследстве Бакунина мы не знаем. По ненависти к еврейству, как нации, так странно звучащей в устах интернационалиста, можно судить о степени раздражения, вызванного статьями Гесса и Боркгейма. Бакунин явно преувеличивал смысл нападок, давая повод даже редакции «Reveil» подметить «щепетильность» его самолюбия. Герцен недоумевал, стоило ли подымать шум из-за статьи Гесса. Д. Рязанов, внимательнейшим образом исследовавший самые нападки Гесса и Боркгейма, не нашел в них тех обвинений, которые с страстью опровергал Бакунин. «Как ни слаба была с *нашей точки зрения*, — пишет Д. Рязанов, — статья Гесса, но в ней нет ни одного слова о Бакунине как об агенте или шпионе русского правительства. Она обвиняет *Бакунина* и *Швейцера* в том, что первый работает в пользу панславизма, а второй — в пользу пангерманизма. Кроме того, она содержит некоторые критические замечания о взглядах Бакунина и о его тактике на *конгрессе*. Как бы ни неосновательны были все эти обвинения, но нет *ничего неожиданнее того вывода*, который делает из них Бакунин» (последняя строка подчеркнута мною. *Вяч. П.* [77]). Мы отсылаем читателя к «Очеркам» Д. Рязанова, интереснейшим образом вскрывающего болезненное, нервическое отношение Бакунина к критике, направлявшейся против него из стана немецких социалистов. Рязанов говорит даже о «навязчивой идее» Бакунина. По крайней мере целый ряд самых ужасных обвинений, которые будто бы, по словам Бакунина, бросали ему в целом ряде изданий, на проверку оказывались мифическими.

В частности убеждение Бакунина, а вслед за ним и Гильома, Неттлау и других бакунистов, будто Маркс инспирировал все нападки Гесса и Боркгейма, являются плодом фантазии. Бакунин неверно представлял себе, во-первых, подлинные взгляды Маркса и, во-вторых, его отношение к целому ряду лиц и вопросов, имевших в глазах Бакунина первостепенное значение. Достаточно вспомнить оценку, которую дал Боркгейму Маркс в одном из своих писем Энгельсу, чтобы увидеть, как заблуждался Бакунин, полагая, что пером Боркгейма водил именно Маркс. Вот какими словами оценивал Маркс литературные таланты Боркгейма:

«Боркгейм — дельный человек и даже остроумный. Но когда он берет перо в руки — увы! — у него нет ни такта, ни вкуса. К тому же у него нет необходимого образования. Он похож на дикаря, который думает, что украшает свое лицо, татуируя его всевозможными кричащими красками. Банальности и комичные фразы попадаются у него постоянно. Почти каждая фраза наряжается у него в дурацкий колпак». И дальше Маркс говорит о его безграничном тщеславии, о том, что Боркгейм некоторые взгляды Маркса (речь идет о первом томе «Капитала») излагает «*прямо в юмористическом*» виде (курсив Маркса). «Для моих врагов, — добавляет он, — будет чрезвычайно выгодно, вместо того, чтобы критиковать мою книгу, сделать меня ответственным за господина Боркгейма, за его глупости и за принадлежащие ему лично выходки». «Сочлен по партии в пестрой куртке и в дурацком колпаке» — так определяет он дальше Боркгейма [78]). А ведь это определение гораздо более беспощадное и безжалостное, чем все ядовитые эпитеты, которыми наделял своих врагов Бакунин. На русском языке письмо в «Reveil» — за исключением нескольких отдельных цитат — печатается впервые.

Вяч. П.

ГРАЖДАНАМ РЕДАКТОРАМ ГАЗЕТЫ «LE REVEIL» [19]).

Господа.

В номере вашей газеты от 2 октября один немецкий еврей, которого я видел всего два раза в жизни, только что поместил статью против меня за подписью Морис Гесс; каждое слово этой статьи — наглая ложь или отвратительная клевета.

Что какой-то Морис Гесс клевещет, — это меня нисколько не удивляет. Но я имею право удивиться тому, что такая газета, как ваша, господа, публикует эту клевету. Я понимаю, что вы, с вашей точки зрения, отвергаете мои идеи. Вы — политические революционеры прежде всего. Я же — прежде всего социалист; и, убежденный в том, что полуправда столь же нелогична в теории, как гибельна на практике, убежденный в особенности в том, что ныне, в виду готовящихся событий, каждый обязан откровенно высказать то, что он думает, чего он хочет, что он собою представляет, я довожу принципы революционного социализма до их логического завершения.

Вы имеете право энергично нападать на мои принципы, но не имеете права клеветать на мою личность, и я не думаю, чтобы таково было ваше намерение. Предоставьте это темное дело немецким газетам, которые, редактируемые по большей части евреями, которые находят себе заработок и ежедневное занятие в гнуснейших, глупейших, грязнейших личных выпадах.

Господа редакторы, вы слишком честные, слишком серьезные политические деятели, чтобы не понять с самого начала истинного смысла и всего значения статьи, которую вы сочли нужным поместить в вашей газете. Люди чести — вы взяли на себя роль суда чести, и вы, конечно, понимаете, что,

помещая эту статью, вы приняли на себя двойной долг перед обществом и передо мной: опубликовать мой ответ и потребовать от моего подлого клеветника, чтобы он подтвердил доказательствами и фактами свои гнусные обвинения.

Я отвечу. Но сначала позвольте мне, господа, объяснить вам совершенно особенное положение, в котором я нахожусь по отношению к немецким журналистам, — евреям, вообще, и к г. Морису Гесс, в частности. Это объяснение представляется мне совершенно необходимым.

Прежде всего прошу вас верить, что я отнюдь не являюсь врагом или хулителем евреев. Каким бы каннибалом меня ни выставляли, мое варварство не заходит так далеко, и я уверяю вас, что в моих глазах все нации стóят одна другой. Каждая из них является этнографическим продуктом истории и поэтому не ответственна ни за свои недостатки, ни за свои качества.

По отношению к современным евреям можно заметить, что они по природе мало склонны к свободному социализму. Еще задолго до христианской эры их история придала им уклон, по существу меркантильный и буржуазный, в виду чего они, как нация, преимущественно являются эксплоататорами чужого труда и испытывают инстинктивное отвращение и страх перед народными массами, которые, впрочем, они презирают либо явно, либо тайно. Привычка эксплоатировать, развивая ум эксплоататоров, придает ему исключительную гибельную тенденцию, совершенно противоположную как интересам, так и инстинктам пролетариата.

Я очень хорошо знаю, что, высказывая так откровенно мою тайную мысль о евреях, я подвергаюсь огромной опасности. Многие разделяют это мнение, но очень мало кто решается публично высказывать его, так как еврейская секта, гораздо более могущественная, чем католические и протестантские иезуиты, ныне представляет собой в Европе истинную силу. Она деспотически господствует в торговле, в банках и захватила три четверти немецкого журнализма и очень значительную часть журнализма других стран. Поэтому горе тому, кто будет настолько неловок, что навлечет на себя ее неудовольствие.

Я очень хотел бы избежать этого несчастия; но, раз дело сделано, я, пользуясь преимуществами этого неприятного положения, осмелюсь высказать всю правду.

Не думайте, господа, что я одинаково осуждаю всех евреев. Это было бы несправедливостью и безумием. История доказывает нам, что политическая и социальная среда часто производят нечто, совершенно противоречащее ее собственной природе, — как бы энергичный протест против самой себя. Так, мы видим в настоящее время, что в среде американской демократии проявляется странно горячая склонность к империализму [80]). Так же точно, из юдаизма в свое время вышли Иисус Христос, святой Павел, Спиноза, и даже в наши дни он породил двух самых выдающихся социалистов нашего времени: Маркса и Лассаля.

Мне нечего говорить вам, господа, о том, что эти два человека сделали и что один из них продолжает делать для развития и распространения социалистической идеи. Маркс по справедливости считается одним из главных основателей Международного Общества Рабочих.

Но на-ряду с этими двумя евреями-гигантами была и есть толпа евреев-пигмеев; г. Морис Гесс принадлежит к их числу. Они светят лишь тем светом, который заимствуют у своих учителей, живут лишь обрывками их мысли, которую они перепродают в розницу. Скрываясь за кулисами немецкой прессы, они коллективно управляют ею и превратили ее в арену, где жалкие схватки между литературными ничтожествами сменяются бранью и самыми отвратительными личными выпадами. Лишенные всякого нравственного чувства и всякого личного достоинства, они ищут остроумия в грязи и делают себе из клеветы ежедневную забаву и времяпрепровождение.

Таково осиное гнездо, господа, ярость которого я имел несчастие навлечь на себя. Как это случилось? Каким злосчастным поступком заслужил я эту немилость? Не знаю. Могу только сказать вам, что предметом их яростных нападок являюсь не я один, а вся русская эмиграция и, в особенности, после меня, мой друг Александр Герцен: из этого я заключаю, что нападки эти относятся не столько к отдельным

лицам, как к национальности, и что достаточно быть русским, чтобы заслужить их оскорбления.

Что сделали им русские? Я понимаю, что можно ненавидеть русское правительство, Всероссийскую Империю, так как действительно никогда на свете не было правительства и империи более достойных ненависти. Впрочем, я повторял уже много раз: русская империя на самом деле представляется столь гнусной и является в действительности такой грубой только потому, что она с циничной откровенностью делает то, что все другие государства делают лицемерно. «В Европе, — добавил я в моей речи на Бернском конгрессе (сентябрь 1868 г. [81]), — добродетельными государствами могут быть только государства бессильные; и насколько даже они преступны в своих мечтаниях!» Все ныне существующие государства, основанные исключительно на систематической и организованной эксплоатации народного труда экономически и политически привилегированными классами, базируются на насилии и имеют единственной целью усиление своего могущества за счет соседних народов и всеми возможными средствами. Вот почему я прихожу к требованию уничтожения всех государств как необходимого условия водворения справедливости и мира во всем мире.

Но, признавая, что в сущности все государства стоят одно другого, потому что все они живут несправедливостью, грабежом и насилием, я без всяких оговорок соглашаюсь с тем, что из всех существующих государств русская империя является самым отвратительным, и что нельзя оказать всему человечеству большей услуги, как уничтожив ее возможно скорее. Признав это, можно ли считать народы, населяющие Россию, солидарными с политикой этой империи, жертвами которой они сами являются в первую очередь.

Не есть ли это кричащая несправедивость, бессмыслица? Ведь в этом случае пришлось бы возложить на французский народ ответственность за все преступления, совершенные его правительствами; и, так как германские государства во все времена оказывали самую усердную, самую твердую поддержку всякому деспотизму и всем политическим несправедливостям в Европе, пришлось бы заявить, что само существование германского народа несовместимо с существова-

нием справедливости и свободы на свете! — Но могут сказать — французский народ и германский народ — народы цивилизованные, между тем как русские — только варвары. — Пусть так: но цивилизованный раб, превращающийся в орудие в руках деспотов, не в тысячу ли раз хуже раба-варвара? Этот последний позволяет еще надеяться, что, приобщившись к цивилизации, он сможет завоевать свободу. Но чего можно ждать от первого?

Говорят, что русский народ является постоянной опасностью для цивилизации и независимости Европы. Нетерпеливый и дикий, он ждет только благоприятного времени, чтобы ринуться на нее, опустошить ее и покорить ее. Это тоже ложь, которая свидетельствует, если не о большой недобросовестности, то во всяком случае о большом невежестве и, пожалуй, о той и другом одновременно. Я доказал, на основании данных истории и статистики, что русские народы по собственному почину никогда не стремились на запад, — чего нельзя сказать, например, о германских народах по отношении к востоку, ибо вся Пруссия, часть Саксонского королевства и бо́льшая часть Австрийской империи образовались, как известно, лишь путем нашествия немецкой расы на славянскую и итальянскую [82]).

Но русские завоевали и поработили Польшу? — А кто призвал их туда? Не пруссаки ли и не австрийцы? Король-философ Фридрих II прусский и благочестивая Мария-Терезия австрийская не разделили ли пирог с нашей великой распутницей Екатериной II, которая, как по рождению, так и по всем своим политическим традициям, была тоже немка.

Но русские продолжают заливать кровью и терзать Польшу? Да, конечно, ужасные преступления совершаются там руками русских, да и немцев, служащих, как те, так и другие, царскому правительству. И никто больше нас не проклинает этих преступников и эти преступления! Но не думаете ли вы, господа, что австрийское правительство и его военные и гражданские чиновники при таких же обстоятельствах не поступили бы совершенно так же? Вспомните, что они сделали в Италии и в Венгрии в 1849 г.

Но в настоящее время, ответят мне, это правительство преобразовалось, реформировалось, гуманизировалось, сде-

лалось либеральным. Другими словами, оно сделалось сравнительно бессильным, и надо быть очень наивным, чтобы вообразить себе, что, если бы новые обстоятельства вернули ему его прежнюю мощь, оно немедленно не возвратилось бы к своим привычным традициям. А что думаете вы о великом прусском министре графе Бисмарке и об этой прусской армии и чиновничестве, которые, вдохновив новую политику Петербургского кабинета в Польше, сделались безвозмездными поставщиками его палачей, Муравьевых и прочих, в руки которых они предали столько польских жертв? — Наконец, чтобы вполне оценить степень политической цивилизованности и уважения к человечеству в самых цивилизованных странах Европы, вспомним о преступлениях, совершенных в Париже сначала буржуазией, а затем военщиной, в июне и в декабре.

Но, повторят мне еще раз, другие народы осели, они нашли свои естественные границы, тогда как русский народ, находящийся еще в состоянии варварства, грозит захватить Европу. — Повторю еще раз: это ложь, обличающая невежество и недобросовестность. Естественное движение русских народностей всегда толкало их на восток, а не на запад, и только деспотическая и чисто искусственная организация государства, по духу татарского и немецкого, но отнюдь не русского, толкает не народные массы, — на это она была бы неспособна, — но армии, устроенные и вышколенные по немецкому методу, на завоевание Европы. Итак, надо уничтожить Российскую империю? Конечно, надо уничтожить ее. Мы только этого хотим и требуем.

Но вот немецкие газеты вдруг воспылали странной нежностью к этому правительству, к этой империи, которую они еще так недавно проклинали. «Это правительство, — говорят они, — все же самое цивилизованное, что только есть в России. Если уничтожить его, что же останется? Варварство диких народов».

Или я больше ничего не понимаю, или это — отчаянный крик буржуазии, почувствовавшей себя в беде.

«Русская революция, — добавляют они, — и революционные проекты русских коммунистов еще опаснее завоевательных планов русского правительства. Это было бы

концом всякой цивилизации и всякого общественного порядка, — концом мира».

Но какое вам до этого дело, добрые люди, если можно считать твердо установленным, что русские народы, освободившись от ига империи, будут сидеть у себя дома и совершенно не захотят итти к вам? А знаете ли, почему они не захотят этого? Потому, что ваши страны густо населены, а наши — сравнительно пустынны. Русский народ всегда хотел только одного: земли, много земли; так вот, на юге и на востоке империи, в Новороссии и за Волгой до самого устья Амура, имеются огромные пространства земли, невероятно плодородные и никогда еще никем не обрабатывавшиеся. Не мы пойдем к вам, а, наоборот, вы почувствуете потребность притти к нам.

Поэтому вы твердо решили нанести нам этот визит. Посещение или, вернее, медленный захват славянского мира не является ли одной из ваших исторических привычек? Но вы любите пускаться в эти путешествия, взяв с собой всю свою цивилизацию и буржуазные нравы, свое римское право и милое вам организованное немецкое правительство, политически, правда, очень деспотичное, но в то же время экономически столь благоприятное для развития буржуазии. Вот почему, ворча против еще более немецкого, чем татарского, Петербургского правительства, вы так боитесь, что мы уничтожим его.

Итак, господа еврейские и немецкие буржуа, идите в Россию, вас ждет радушный прием. В этой огромной стране всем будет место. Но, приходя к нам, откажитесь от надежды навязать нам свои организованные правительства и свою буржуазную цивилизацию. Мы не хотим их, и то немногое, что ввезли к нам от вас, мы собираемся уничтожить.

Эту *высокую культуру*, которой гордятся немцы, и в неуважении к которой упрекает нас немецкая печать, мы действительно презираем; ибо мы судим ее по ее делам, а она дала только рабский народ и кучу литераторов и политиков, подобных г. Морису Гессу. Мы больше не уважаем вашу буржуазную цивилизацию, которой мы когда-то имели глупость восхищаться и которая ныне предстоит перед нами во всем своем постыдном бессилии. Да, если бы в Европе

под этим гниющим буржуазным миром не было могучего пролетариата, способного омолодить и оживить европейский мир, — пролетариата, почти столь же чуждого вашей государственной политике, вашей метафизической морали и вашей римской юриспруденции, как чужд им сам русский народ,— мы бы поистине думали, что пробил час гибели Европы. Но мы не думаем этого и ждем, чтобы восстание пролетариата в Европе дало сигнал народному восстанию в России.

Однако, если рабочие Запада будут медлить слишком долго, то русские крестьяне покажут им пример. В России народная революция делается все более и более неминуемой, и одним из ее первых последствий будет уничтожение всероссийской империи.

Я отлично понимаю, господа, что все эти мысли чрезвычайно неприятны немецкому журнализму. Я признаю за ним право нападать на них со всей возможной энергией, но я отрицаю его право клеветать на отдельных людей.

Вот уже более десяти лет, как Герцен и я подвергаемся самым гнусным клеветам с этой стороны. Герцен, до сих пор молчавший и отвечавший на эти нападки самым глубоким презрением, в конце концов тоже заговорит, и он расскажет лучше, чем я сумею это сделать, о всей той лжи, не жертвой, а мишенью которой он был. Поэтому я буду отвечать только за себя.

В 1851, 1852 или 1853 гг., — не могу сказать точно, — когда я был заперт в Петропавловской крепости в Петербурге, в Лондоне имел место митинг, на котором немецкие евреи-эмигранты заявили, что я вовсе не в тюрьме, отнюдь не лишен свободы; наоборот, что я пользуюсь всеми возможными удовольствиями, под покровительством русского правительства, любимым фаворитом которого я являюсь [83]).

Когда в 1861 г., после восьми лет крепости и 4 лет Сибири, мне удалось бежать оттуда через Амур (река, а не бог), Японию, Тихий Океан, Калифорнию, Панамский перешеек, Нью-Йорк и я в декабре приехал в Лондон, меня приветствовал ряд статей в маленькой английской газете, написанных или инспирированных, как я впоследствии узнал из верных источников, теми же немецкими евреями [84]). В этих статьях осмелились утверждать, что мне удалось

бежать лишь при помощи самого русского правительства и что, создав мне положение политического эмигранта и мученика за свободу, это правительство сделало меня еще более способным оказывать ему услуги, т.-е. исполнять обязанности шпиона в его интересах.

Когда я в другой английской газете ответил анонимному автору этих статей, что я буду отвечать на эти гнусности не с пером в руке, а рукой без пера [85]), это неизвестное лицо заявило в свое оправдание, что оно вовсе не хотело сказать, что я наемный шпион; но что я настолько преданный патриот империи, что я добровольно перенес все мучения тюрьмы и Сибири, чтобы затем иметь возможность лучше служить политике этой империи.

На подобные нелепости отвечать было нечего. Таково было мнение славного итальянского изгнанника Мадзини и моих соотечественников Огарева и Герцена. В утешение Мадзини и Герцен одновременно сообщили мне, что они тоже подверглись приблизительно таким же нападкам, вероятно исходившим от тех же самых людей, которым они ответили презрительным молчанием.

В декабре 1863 г., когда я проезжал через Францию и Швейцарию по пути в Италию, маленькая базельская газета, не помню какая, поместила статью, в которой она предупреждала относительно меня всех польских эмигрантов, утверждая, что *я увлек в пропасть много поляков*, — газета не назвала ни одного, — *всегда спасаясь сам*.

С 1863 по 1867 г., в течение всего моего пребывания в Италии, я был постоянным предметом неизменно клеветнических нападок со стороны многих немецких газет. Лишь немногие из этих статей попали мне на глаза, — в Италии мало читают немецкие газеты. Я узнавал только, что меня оскорбили или оклеветали, и, следуя примеру Мадзини и Герцена, обращал на них так же мало внимания, как я — скажу в скобках — на позорящие меня нападки русской печати.

Некоторые из моих друзей предполагали и предполагают, что мои клеветники находились на жаловании у русской дипломатии. Это не невозможно. Я тем более могу верить этому, что знаю определенно, как в 1847 г., после речи,

произнесенной мною в Париже на одном собрании поляков против императора Николая, речи, за которую г. Гизо выслал меня из Франции по просьбе российского посланника г. Киселева, этот последний постарался распространить среди польской эмиграции слух, будто я являюсь просто агентом русского правительства. Конечно, это правительство не отступает ни перед какими средствами. Но я все же не думаю, чтобы г. Боркгейм — немецкий еврей, приятель г. Мориса Гесса и еще более, чем он, избравший себе ремеслом клеветать на меня, — ни г. Морис Гесс когда-либо имели что-либо общее с русской дипломатией. Они просто вдохновляются своей собственной злостью и глупостью — вот и все.

Этот г. Боркгейм — странный человек, род маниака, который так ненавидит Россию и русских, что научился русскому языку. Научился он ему неважно, но достаточно для того, чтобы прослыть в глазах своих соотечественников ученым русским филологом. Я знаю его еще меньше, чем г. Мориса Гесса, так как встретился с ним всего один раз, в 1867 г. на мирном конгрессе в Женеве, где ему, к сожалению, помешали произнести яростную речь против России. Впрочем, он напечатал эту речь под странным заголовком «*Моя жемчужина перед Женевским конгрессом*» [86]). В ней он предлагает ни более, ни менее, как примирение и коалицию всех европейских государств — без различия форм правления и внутренней организации — для истребительного крестового похода против русского народа, народа, насчитывающего до 60 000 000, большую часть которого он советует уничтожить, оттеснив остатки его за Урал.

Уже гораздо позднее я узнал, что этот г. Боркгейм был уже много лет нашим главным клеветником. Не то, чтобы он был единственным, — я не хочу нанести этого оскорбления редакторам немецкой прессы, — но он превзошел их как глупостью, так и низостью своих выпадов против нас; таким образом г. Морис Гесс — который как в политике, так и в социализме, является ныне горячим и верным учеником знаменитого немецкого публициста г. Арманда Гэгг (Goegg) [87]), современного Атланта, несущего на своих плечах буржуазный мир и мир трудящихся, и, несомненно, главной опоры не менее знаменитой Лиги Мира и Свободы,

недавно освещенной, но не прославленной, вашим великим поэтом [88]) — г. Морис Гесс, в смысле клеветы, представляет собой лишь подражателя своего двойного соотечественника г. Боркгейма.

В 1868 г. г. Боркгейм снова напал на Герцена и на меня в полу-политическом и полу-социалистическом, полу-буржуазном и полу-рабочем журнале, который издавался в Лейпциге под названием «Demokratisches Wochenblatt» и, в настоящее время, недавно переименованный в «Volksstaat», является органом германской социал-демократической партии, образовавшейся на Эйзенахском конгрессе. Он задал нам ряд вопросов, на которые я ответил за себя в своей речи в Берне (сентябрь 1868); экземпляр этой речи имею честь препроводить вам [89]).

Раз вы взяли на себя роль судей, я имею право надеяться, господа, что у вас хватит терпения прочесть ее, и вы сможете судить сами о том, можно ли подозревать русского, говорящего так, в том, что он, открыто или тайно, служит интересам русского правительства и является сторонником панславизма.

Но мои клеветники, очевидно, не дают себе труда читать мои ответы им; и это вполне естественно, так как им нужна не истина, а клевета. Неудивительно поэтому, что г. Боркгейм со своим медным лбом, составляющим его талант и его силу, повторил те же нападки против меня в ряде статей, помещенных им около двух месяцев тому назад в «Zukunft», органе германской демократии, редактируемом в Берлине исключительно евреями [90]).

Я хотел бы, господа, чтобы один из вас потрудился прочесть эти две или три статьи, помещенные в этом журнале под заглавием «*Михаил Бакунин*». Что касается меня, я, признаюсь, никогда не читал ничего более туманного, более гнусно смешного и глупого, чем это последнее словоизвержение г. Боркгейма, по сравнению с которыми статья г. Мориса Гесса против меня могла бы показаться образцом ясности и порядочности. Меня особенно позабавило то, что для того, чтобы доказать, что я панславист и преданный слуга политики Российской империи, г. Боркгейм цитирует брошюру, которую я издал в Лейпциге в конце 1848 г., накануне

предсмертных судорог революции, раздавленной в июне и уже на три четверти побежденной деспотизмом [91]).

Не может быть ничего более ясно анти-панславистского и анти-русского, в официальном смысле этого слова, как содержание упомянутой брошюры. Что я проповедовал в ней? Разрушение Российской империи как существенное, безусловно необходимое условие освобождения славянской расы. Я говорил славянам: «Горе вам, если вы рассчитываете на эту императорскую Россию, на эту татарскую и немецкую империю, в которой никогда не было ничего славянского. Эта империя поглотит вас и будет терзать вас, как она делает с Польшей». Правда, я проповедовал в ней также разрушение Австрийской империи и прусской монархии, и это, может быть, непростительное преступление в глазах гг. Брокгейма и Гесса. Но чего же вы хотите, господа? Я не испытываю ни симпатии, ни восхищения, ни уважения к этим двум великим державам, какими бы германскими они ни были по происхождению, по тенденциям и по духу. В этом отношении, как и в отношении обожания буржуазной цивилизации, которого требуют от меня, я остаюсь неисправимым варваром.

Я сказал также славянам: «Бойтесь национальных страстей, которые стараются возбудить в ваших сердцах. Австрийская монархия, которая за всю свою долгую историю была всегда лишь угнетательницей народов, говорит вам сейчас о ваших национальных правах. Но разве она, наконец, признала эти права? Нет, она хочет раздавить свободу посредством гражданской войны между народностями, она хочет разрушить революционную солидарность народов, возбудив их друг против друга. Итак, протяните руку немецким, венгерским, итальянским революционным демократам; ненавидьте только своих угнетателей—привилегированные классы всех наций, но соединитесь сердцами и действием с их вечными жертвами — народами».

Вот какова брошюра, в которой г. Боркгейм ищет доказательств моего *панславизма*. Это не только подло, но и глупо [92]). Но еще более подло, чем глупо, то, что он, имея ее перед глазами, приводит из нее выдержки, конечно, искаженные или исковерканные, но не цитирует ни одного из тех

слов, в которых я клеймил и проклинал Российскую империю, заклиная славян не доверять ей, — а в брошюре такие слова попадаются на каждой строчке. Это позволит вам судить о честности этих господ. Впрочем, еще замечательнее, что с тех пор, как они начали это дело клеветы, им ни разу не удалось, я не говорю доказать, но хотя бы привести малейший факт, подтверждающий их обвинения против меня. И вы можете думать, что, имей они хоть тень какого-нибудь факта, они конечно не упустили бы случая широко использовать его. Поэтому, за неимением каких бы то ни было доказательств, им приходится обосновывать все свои рассуждения на одном единственном доводе, который кажется им неопровержимым. Вот этот довод: «Он — русский, следовательно он должен быть агентом русского правительства».

Таковы люди, против которых я должен защищаться, и это я имею право говорить так, после того, что я посвятил всю свою жизнь делу освобождения народных масс. Вы понимаете, господа, что у меня не может быть для них другого ответа, кроме презрения и, при случае, если они слишком надоедят мне и будут иметь несчастие попасться мне на глаза, — пощечин.

Еще одно слово о г. Морисе Гессе. Я очень мало знаю этого господина, так как видел его всего два раза в жизни. Первый раз около 25 лет тому назад в Париже, и до последнего конгресса рабочих, на котором я имел случай рассмотреть его вблизи, я сохранил о нем очень незначительное и бледное впечатление. Я помню, что встречал его несколько раз в обществе Карла Маркса, неоспоримое превосходство которого он, казалось мне, переносил с трудом.

Я его совершенно забыл и вспомнил о нем только в связи с его последней брошюрой [93]), которую принес мне мой друг Иоганн-Филипп Беккер с просьбой написать по поводу этой брошюры статью для «Égalité», органа Международного Общества Рабочих в Женеве.

Пробежав брошюру, я счел своим долгом отказаться, так как не нашел в этом претенциозном и туманном произведении ничего, кроме явного желания примирить буржуазную козу с пролетарской капустой.

Журнал не мог бы поместить ее, не изменив своей программе и своей репутации.

Второй раз я встретился с г. Гессом на последнем Базельском конгрессе [94]). Я не узнал бы его, настолько мы оба постарели, если бы И.-Ф. Беккер не представил его мне, охарактеризовав его как одного из отцов коммунистической церкви в Германии. Однако, я, уже предубежденный против него после прочтения последнего произведения, вышедшего из-под его пера, без труда догадался вскоре, что Беккер странным образом заблуждается на его счет. В старом ученике Маркса я нашел убежденного и фанатически преданного сторонника политических и социальных идей г. Арманда Гегга.

Г. Морис Гесс много говорит о моей деятельности на Базельском конгрессе. К сожалению, я ничего не могу рассказать о его деятельности, кроме того, что он неизменно аплодировал речам г. Гегга и всегда голосовал вместе с ним.

Но что же он имеет против меня? Ах! дело в том, что я имел несчастие дважды задеть его самолюбие: во-первых, откровенно сказав ему, что́ я думаю о его знаменитой брошюре, и, во-вторых, назвав настоящим именем его нечестное поведение при одном инциденте, возникшем между несколькими парижскими делегатами и мною. Inde irae (отсюда гнев). Он поклялся отомстить мне и мстит по-своему: клеветой и ложью.

Двусмысленным, полным коварных недомолвок языком, секретом которого владеют только люди этого сорта, он первым делом заявляет, что он *не сомневается в моей революционной честности* и не приписывает мне *никакой задней мысли, в которой нельзя было бы признаться, и которую можно предполагать у г. фон-Швейцера, главы прусских коммунистов*.

Но после этой риторической оговорки, которой показалось ему достаточно, чтобы заранее отвести от себя всякое обвинение, г. Морис Гесс, вдохновляясь лишь своим естественным недоброжелательством и желанием отомстить мне, осмеливается возвести на меня следующие обвинения:

1) «Будто я ввел на Базельский конгресс *русскую партию, весьма родственную прусской партии*. «Сторонники Бакуни-

на, — говорит он, — главы русского коммунизма, так же мало подозревали о той *услуге, которую они должны были оказать панславизму, как обманутые г. фон-Швейцером догадывались о том, что они работают на пользу прусского пангерманизма*». Эта двойная работа не имела, по мнению г. Мориса Гесс, иной цели, как навлечь на Европу *московское и прусское нашествие*.

Затем, продолжая лгать без малейшего стыда, как человек, принявший твердое решение или уже давно привыкший ко лжи, он добавляет:

2) «Что в прошлом году я уже сделал попытку *изменить организацию и принципы Интернационала, а также перенести местопребывание Генерального Совета из Лондона в Женеву*.

3) «Что Генеральный Совет, которому поручено поддерживать организацию и освободительные тенденции Международного Общества, уже имел до конгресса недоразумения со мной и что он не принял будто бы предложенных мною уставов для учреждения секций Интернационала на новой основе».

4) «Что, вместо того, чтобы вступить с Генеральным Советом в открытую борьбу, я будто бы предпочел принять *навязанные мне условия и начать подпольную работу против организации, с которой я не сумел или не посмел бороться открыто*».

5) «Что, отстаивая положения, наружно более революционные, чем те, которые были предложены Генеральным Советом, *провозглашая отмену права наследования, проповедуя самую насильственную и анархическую социальную ликвидацию и создавая для себя этими скорее демагогическими, чем демократическими приемами, народную партию* в нескольких французских и немецких секциях, *мало привычных к русским тонкостям*», я, будто бы, льстил себя надеждой побудить Базельский конгресс изменить принципы и управление Интернационала; но что «*эти интриги* были разоблачены конгрессом, так как Бакунин оказался не в силах бороться с принципами, которые до сих пор господствовали в среде Международного Общества; и, видя свое поражение в принципиальном вопросе, он не посмел поднять вопроса личного».

Такова, господа, клевета, которую нечестный и злой человек осмелился возвести на меня на страницах вашей газеты.

Если бы все эти гнусности были приписаны признанному дипломату Петербургского правительства, их можно было бы рассматривать как похвалу. Дипломатия всех стран, без единого исключения, в особенности русская дипломатия, не пользовалась ли во все времена привилегией низости и предательства? И то, что в частной жизни называется преступлением, подлостью, не превращается ли в высших сферах дипломатической работы в доказательства превосходства, исполнения долга, — в добродетель? Но направленные против русского эмигранта, громко заявляющего о своей вражде к правительству и всей политической системе своей родины, обвинения эти, брошенные в лицо человеку, «в революционной честности которого не хотят сомневаться», могут иметь только одно значение, а именно:

Бакунин является агентом-провокатором русского правительства, шпионом [95])

Таков, господа, единственный смысл статьи, которую вы поместили против меня в номере вашей газеты от 2 октября, и так как я не имею никакого права сомневаться ни в вашей честности, ни в вашей справедливости, я уверен в том, что вы не встретите никаких затруднений в опубликовании моего ответа, каким бы длинным он вам ни показался, и как бы он ни противоречил вашим собственным принципам.

Само собой разумеется, что этот ответ предназначается не для г. Мориса Гесса, с которым я полагаю, что уже покончил все свои счеты, — по крайней мере, в литературном отношении, — но для публики, перед которой он хотел оклеветать меня.

Самое тяжкое из обвинений, выдвинутых против меня, гласит, что я будто бы *являюсь тайным агентом Петербургского правительства и служу русскому панславизму*, как г. фон-Швейцер — это говорю не я, а г. Гесс, — служит политике г. фон-Бисмарка.

Но чтобы иметь право публично бросить человеку столь ужасное обвинение, не следует ли, по крайней мере, привести хоть несколько доказательств; и не имею ли я права, господа,

удивляться тому, что вы, честные и серьезные люди, не подумали потребовать этих доказательств от г. Мориса Гесса, прежде чем печатать его статью?

Повторяю, что с тех пор, как гг. немецкие евреи упражняются в искусстве клеветы, им ни разу не удалось привести хотя бы тень факта в подтверждение их низких обвинений против нас, — и, конечно, им недоставало не доброй воли, а именно фактов.

Ошибаюсь, — один факт против меня они нашли. И знаете какой? Я — друг Александра Герцена, панслависта и признанного защитника политики русского правительства. Следовательно, я должен быть русским шпионом. Как вы видите, эти господа ни в чем не сомневаются и не отчаиваются даже убедить европейскую публику в том, что Герцен—панславист и друг российского императора.

Я уже сказал вам, господа, что до самого последнего времени я отвечал презрением на всю эту низкую клевету. Я презирал ее, пока не заметил, что ей стараются открыть доступ в Международное Общество Рабочих и распространить ее там. Тогда я понял, что этому нужно раз навсегда положить конец.

Мне легко было оставаться спокойным и даже до известной степени равнодушным к клевете, которую распространяли обо мне в буржуазном мире. Чего же вы хотите, господа? Справедливо или несправедливо я считаю этот мир умирающим, которому, как я однажды уже имел случай сказать, остается сыграть последнюю роль: «умереть с изяществом». Что мир, чувствующий приближение смерти заговаривается, мстит за свое бессилие злобной клеветой, — какой в этом вред? Все это вполне естественно, и можно не отказывать ему в этом жалком утешении.

К тому же буржуазный мир имеет право чернить меня. В той скромной области, в которой я нахожусь, и так далеко как только хватает моего слабого голоса, я высказывал ему жестокие истины. Я констатировал видимые признаки его возрастающего упадка и, как мне кажется, доказал, что отяжелевшая и деморализованная обладанием приобретенными благами, отделенная отныне непроходимой пропастью от эксплоатируемого ею пролетариата, потеряв дерзость

мысли и действия, позволившую ей завоевать политическую власть, которой она теперь злоупотребляет, не понимая ничего в настоящем, еще менее осмеливаясь смотреть в будущее и оглядываясь только на прошлое, которого никакие силы на свете не могут возвратить ей, буржуазия потеряла всякую творческую способность как в политике, так и в социализме; и что, следовательно, она принуждена согласиться на передачу инициативы в политической и социальной жизни в руки мира трудящихся, который, для общего блага, должен все принять в свое лоно.

Все это, признаюсь, чрезвычайно неприятно, тем более, что является несомненной истиной. С моей стороны было бы действительно нехорошо сердиться на господ буржуа за то, что они отомстили мне хотя бы клеветой. А они, уверяю вас, не скупились на нее, особенно со времени моего выхода из Лиги Мира и Свободы, который, помимо моей воли, сопровождался известным шумом. С этого времени и все швейцарские газеты, как демократические, так и консервативные, яростно нападают на меня. Нет такого смешного ругательства, которого мне не пришлось бы выслушать от них, зато гг. Арманда Гегга и Шодэ они провозглашают спасителями общества. Одним из самых ожесточенных был бернский адвокат маленький Бек [96]), бывший когда-то моим другом, а теперь сделавшийся бешеным моим противником; в своей маленькой газете, название которой я не помню, он изобразил меня не только опасным панславистом, но и наемным агентом вашего императора.

На это я пожал плечами, и, чтобы немного отомстить за себя, я позволил себе поместить в «Égalité», одним из редакторов которой я тогда состоял, несколько, уверяю вас, весьма невинных шуток, не содержавших ни малейших личных нападок на порядочность гг. Бека, Арманда Гегга и Шодэ, столпов Лиги и спасителей буржуазного общества.

Но я никак не мог отнестись так же к клевете, которую люди, подозрительные не с точки зрения политики и того, что в просторечии называется личной честностью, а с точки зрения социализма и их искренности по отношению к миру трудящихся, — буржуа, называющие себя социалистами, постарались распространить против меня в Международном

Обществе. По моему глубокому убеждению это великое Общество является миром будущего, и насколько я равнодушен к буржуазному мнению, настолько высоко я ставлю мнение этого Общества.

Поэтому едва я узнал о том, что такие люди подло, исподтишка клевещут на меня в Обществе Рабочих, как я стал искать случая разоблачить их. Этот случай скоро представился.

Приблизительно за месяц до Базельского конгресса и накануне Эйзенахского я узнал, что один из предводителей новой социал-демократической партии в северной Германии — я не назову его [97]) — осмелился заявить, на полуоткрытом собрании друзей, «что я несомненно являюсь *чрезвычайно опасным агентом русского правительства*, что *я бежал из Сибири только при помощи этого правительства и что все доказательства тому находятся в его руках; что, основывая Альянс Социалистической Демократии, я хотел уничтожить Международное Общество Рабочих и что мне, хитрому дипломату, как и все русские, удалось даже обмануть и увлечь за собой старого немецкого социалиста И.-Ф. Беккера*».

Так как этот последний как раз отправлялся на Эйзенахский конгресс, то я вручил ему открытое письмо моему клеветнику, прося его прочесть ему это письмо в присутствии нескольких друзей, а в случае надобности — перед всем конгрессом. В этом письме я давал своему новому обвинителю месячный срок, чтобы собрать против меня все возможные доказательства, предупреждая его, что, если он не докажет своих гнусных обвинений против меня на Базельском конгрессе, где мы должны были встретиться с ним, я поступлю с ним, как с подлым клеветником [98]).

Приехав на конгресс в Базель, я действительно встретился с ним. Мои действия были указаны мне самой целью, к которой я стремился, — целью добиться решительного и полного объяснения в присутствии всех. Поэтому я должен был, по крайней мере в начале, воздерживаться от всяких личных выпадов. К тому же мне претило вносить в мир рабочей демократии буржуазные обычаи. В Интернационале существует только один способ добиться справедливости и удовлетворения оскорбленной чести: всенародный суд.

Равным образом мне претило занимать весь конгресс своим личным вопросом. К тому же Интернационал, несмотря на всю свою молодость, имел уже для подобных случаев установившуюся практику, а именно: образование суда чести.

Со своей стороны я выбрал из среды участников конгресса пятерых судей: Фрица Робера, делегата французской Швейцарии; испанца Гаспара Сентиньона, делегата Альянса Социалистической Демократии [99]) и рабочих секций Барселоны; лионского делегата Паликса; брюссельского делегата Цезаря де-Пап и венского делегата, австрийца Неймайера [100]). Из всех этих делегатов я знавал раньше только одного — Фрица Робера, с которым я несколько раз встречался в горах Юры; с остальными же я познакомился перед самым конгрессом в Женеве или в Базеле.

Со своей стороны мой противник выбрал пятерых немецких делегатов, в том числе секретаря Лондонского Генерального Совета гражданина Эккариуса и граждан Риттингаузена и Шпира. Я точно не помню, был ли в их числе г. Морис Гесс, но мне кажется, что да. Что же касается фамилии пятого, то я совершенно забыл ее. Кроме того, в качестве свидетеля на суде присутствовал всеми уважаемый социалист, старый И.-Ф. Беккер.

Господа, я избавлю вас от подробностей и ограничусь тем, что дам вам краткий отчет заседания этого народного суда.

Я обвинял своего противника в клевете и потребовал от него представления доказательств своего обвинения против меня. Он ответил, что мне неправильно истолковали его слова; что он, в сущности, никогда не обвинял меня и не говорил, что у него имеются доказательства против меня; что у него не было ни одного доказательства за исключением, быть может, следующего: именно, моего молчания после диффаматорских статей, которые Боркгейм поместил против меня в главном органе прусской демократии, газете «Zukunft», что, говоря обо мне в присутствии своих друзей, он лишь выразил свое удивление по поводу этого молчания; что, впрочем, он действительно обвинял меня в том, что основанием Альянса Социалистической Демократии я нанес ущерб Интернационалу.

Вопрос об Альянсе был выделен по просьбе члена Генерального Совета Эккариуса, который заметил, что так как Альянс признан ветвью Интернационала [101]), так как его программа и устав получили единогласную санкцию Лондонского Генерального Совета и его делегат был принят конгрессом [102]), то нет никаких оснований оспаривать его законность.

Что касается главного вопроса, то суд единогласно заявил, что мой противник проявил преступное легкомыслие, обвиняя члена Интернационала на основании нескольких диффаматорских статей, помещенных в буржуазной газете.

Это постановление было вручено мне в письменном виде. Впрочем, я должен сказать, что мой противник благородно признал перед всеми, что он был введен в заблуждение на мой счет, — это была наша первая встреча. Он протянул мне руку, и я перед всеми сжег письменное постановление, подписанное судьями [103]).

По просьбе моего бывшего противника я дал ему мою бернскую речь, а также ряд статей против панславизма, помещенных мною в 1867 г. в итальянской газете «Libertà e Giustizia». Два дня спустя он подошел ко мне в зале конгресса и сказал: «Я вижу, что я составил себе совершенно неправильное представление о вас. Вы прудонист, потому что вы хотите уничтожения государства. Я буду бороться с вами в своем журнале, так как я держусь совершенно противоположного мнения. Но я прошу вас оставить мне свои статьи, я напечатаю их, ибо обязан дать вам это удовлетворение».

Я поверил этому обещанию — и до сих пор жду его исполнения [104]).

Мне очень жаль, господа, что мне приходится сообщать вам все эти подробности. Они не будут очень интересны вашим читателям, но они необходимы для моей чести.

Еще одно слово по этому поводу. Я не могу сказать с полной уверенностью, что г. Морис Гесс был членом этого суда чести, но я почти уверен в этом; во всяком случае я безусловно уверен в том, что ни один из фактов, которые я только что рассказал вам, не остался ему не известным. После этого судите сами о его нравственных качествах.

Наконец, прочтите мою речь о России и Программу русской социалистической демократии, которую я опубликовал год тому назад, а также мое недавнее обращение «К моим молодым русским братьям» [105]), и скажите, возможно ли для честного и разумного человека обвинять меня в том, что я панславист, и не скажу агент, но хотя бы друг Петербургского правительства и Российской империи.

С тех пор как я начал заниматься политикой, у меня по отношению к России — одна главная мысль, одна цель: *разрушение этой империи народной революцией* как безусловно необходимое условие освобождения народа; и я бросаю вызов всем моим противникам и клеветникам, вместе взятым, предлагая им указать в моей жизни хоть один факт, одно слово, один поступок, которые находились бы в противоречии этой высшей цели моей жизни.

Перехожу к прочим обвинениям.

Прежде всего я наталкиваюсь на одно, чрезвычайно смешное: на мой, будто бы, союз с г. фон-Швейцером, главой значительной части лассалевских организаций в Германии. Я никогда не имел чести встречаться с г. фон-Швейцером, я никогда не состоял с ним ни в непосредственных, ни в косвенных сношениях. Будучи совершенно чужд ему, я не позволяю себе высказать никакого суждения о нем; но я могу быть уверен в том, что он, вероятно, не менее моего удивился, видя обе наши фамилии связанными общим обвинением.

Этот предполагаемый союз между «русским коммунизмом во главе с Бакуниным» и «прусским коммунизмом, *весьма родственным первому* и управляемым г. фон-Швейцером», является не чем иным, как одной из тех злобных глупостей, которые, повидимому, совершенно естественно расцветают в мало остроумном, но злобном мозгу г. Мориса Гесса.

Перехожу ко второму обвинению.

В прошлом году, говорит г. Морис Гесс, я, будто бы, «сделал попытку изменить организацию и принципы Интернационала, а также перенести место пребывания Генерального Совета из Лондона в Женеву».

Сперва рассмотрим мои преступные покушения против *организации Интернационала*.

Я являюсь автором *Уставов федеральной организации рабочих секций романской Швейцарии*, уставов, которые подверглись некоторым изменениям, но не исправлениям, со стороны романского конгресса, и о которых на Базельском конгрессе председатель этого конгресса гр. Юнг, секретарь Генерального Совета для Швейцарии, отозвался как об одних из лучших уставов, существующих в Интернационале.

В Уставе Женевской секции Альянса Социалистической Демократии, которого я также был единственным автором, вы найдете следующую статью:

Ст. 7. Мощная организация Международного Общества Трудящихся, единого и неделимого поверх всех государственных границ, без различия национальностей и без внимания к патриотизму, интересам и политике государств, является самым верным залогом и единственным средством для того, чтобы солидарно во всех странах добиться торжества дела труда и трудящихся.

Убежденные в этой истине, все члены секции Альянса торжественно обещают всеми своими силами способствовать увеличению мощи и прочности этой организации. Ввиду этого они обещаются поддерживать во всех профессиональных организациях, в которых они участвуют или имеют какое-нибудь влияние, постановления конгрессов и власть Генерального Совета, а также Федерального Совета романской Швейцарии и Женевского Центрального Комитета, поскольку эта власть установлена, определена и узаконена уставами.

Разве это можно считать покушениями против организации Интернационала [106]). Обвиняя меня в таких покушениях, г. Морис Гесс, как всегда, солгал и, больше того, он солгал сознательно, ибо он, хвастающийся тем, что был членом президиума Базельского конгресса, не может не знать, что единогласно принятое предложение, имевшее целью усилить международную организацию Общества Рабочих в ущерб патриотическим или национальным претензиям и тщеславию, было сделано мною. Он слышал, как я отстаивал тезис, что Международное Общество является в настоящее время для рабочих всех стран единственным путем осво-

бождения и спасения, их истинной родиной, и что поэтому оно должно пережить все ныне существующие политические государства и основать на их развалинах мир труда и человечества.

Господин Морис Гесс слышал все это; следовательно, он лжет сознательно, злобно, обвиняя меня в обратном; и он добавляет к этому еще одну смешную ложь по поводу попыток, которые я, по его мнению, будто бы сделал, чтобы добиться перенесения Генерального Совета из Лондона в Женеву. Никто ему этого не говорил, никто не мог сказать ему этого, потому что я первый со всей возможной энергией выступил бы против такой меры, если бы она была предложена, настолько она показалась бы мне роковой для будущего Интернационала.

Правда, женевские секции сделали за очень короткое время огромные успехи. Но в Женеве царит еще слишком узкий, слишком специально женевский дух, чтобы туда можно было перенести Генеральный Совет Международного Общества Рабочих. К тому же ясно, что пока будет существовать современное политическое устройство Европы, Лондон останется единственным подходящим для него местопребыванием, и нужно быть сумасшедшим или подлинным врагом Интернационала, чтобы пытаться перенести Совет в другой город.

Перейдем теперь к вопросу о принципах.

Г. Морис Гесс обвиняет меня в том, что я хотел изменить принципы Интернационала. Но как и в чем? Он предусмотрительно ничего не говорит об этом, потому что ему было бы очень трудно это сделать.

Два месяца под ряд, июль и август прошлого (1869) года, я был единственным редактором женевского журнала «L'Égalité». Я, естественно, воспользовался этим, чтобы развить мою мысль, и я постарался изложить принципы Интернационала так, как я их понимаю, в ряде статей, появившихся в этом журнале под следующими заголовками:

Усыпители, 5 статей, №№ 23—27.

Всестороннее образование, 4 статьи, №№ 28—31.

Суждение г. Куллери, 1 статья, № 28 [107]).

Политика Интернационала, 4 статьи, №№ 29—32.

Наконец, *Доклад комиссии по вопросу о наследовании*, № 32.

Большая часть этих статей, за исключением нескольких частных расхождений по вопросам безусловно второстепенного значения, была признана за правильное толкование истинных принципов Интернационала. Статьи, озаглавленные «Политика Интернационала», были даже перепечатаны официальным органом федерации бельгийских секций, брюссельским Интернационалом. Не правда ли, это может служить доказательством того, что я не старался изменить принципы Интернационала, но, наоборот, хотел способствовать их торжеству? И чтобы вы могли сами судить об этом, господа, я имею честь послать вам эти статьи. Вы увидите, что в этом вопросе г. Морис Гесс лжет или заговаривается, как он заговаривается и лжет во всех остальных вопросах.

Впрочем, одно можно сказать в защиту г. Мориса Гесса. Раз он, с отстаиваемыми им принципами чистого буржуазного социализма, наивно считает себя совершенным выразителем Интернационала, он должен в каждой из этих статей видеть опасную ересь, ибо содержание их во всем противоречит его принципам — если он таковые имеет — и его личности, существования которой я не могу отрицать, какой бы докучной и излишней она мне ни представлялась.

Его личность вполне проявляется в той лжи и клевете, которыми полна его статья. Что же касается его принципов, то, надо отдать им справедливость, они довольно откровенно выдают себя в конце этой статьи: это — программа всех более или менее демократически настроенных буржуа, которые снова хотели бы использовать народные силы, делая как можно меньше уступок народным интересам; это — программа буржуазной Лиги Мира и Свободы, программа пылкого Армана Гегга, не очень скромного изобретателя, рекламирующего свои собственные успехи и, вот уже тридцать лет, ведущего пропаганду того, что он очень серьезно называет своими социалистическими идеями и что никем еще никогда не было замечено; коллективиста в Базеле, спасителя буржуазного общества в Лозанне [108]), всегда преисполненного невозмутимой самоуверенностью и наивным шумливым самовосхищением; это — программа другого героя Лиги,

г. Гюстава Шодэ, красноречивого могильщика идей Прудона и надгробного камня его социализма; это, наконец, программа всех бездарностей или лентяев, которым собственные интересы мешают думать, а главное мешают желать истинного освобождения народа, но которые стараются выдавать себя за друзей народа, продолжая, более или менее удачно, служить делу буржуазной касты, еще столь могучей на вид, хотя в сущности уже осужденной и погибшей.

Г. Морис Гесс, очевидно, принадлежит к этой категории. Но, прежде чем рассматривать принципы, которые он ложно приписывает большинству Базельского конгресса и которые на самом деле были представлены на нем лишь ничтожным меньшинством, — он, естественно, вошел в это меньшинство, имевшее главным своим выразителем и главою героического представителя буржуазии на этом рабочем конгрессе г. Армана Гегга, — прежде чем произнести приговор над этими «принципами», которые, поистине удивительным образом оказались представленными на международном съезде рабочих, я должен сначала исправить несколько фактов, сознательно искаженных г. Морисом Гессом.

Он говорит о некоторых «недоразумениях», которые будто бы были у меня с Лондонским Генеральным Советом, «не принявшим предложенных мною уставов учреждения секций Интернационала на новой основе». Очевидно, он говорит об *Альянсе Социалистической Демократии*, которого я был далеко не единственным основателем, но в основании которого я имел честь участвовать. Этот Альянс существует и процветает, как никогда, в качестве признанной ветви Международного Общества Рабочих.

Для того чтобы лучше выяснить историю его основания, я должен сказать еще несколько слов о Лиге Мира и Свободы, членом которой я состоял целый год.

Да, к великому моему смущению, признаюсь, что я был членом буржуазной Лиги, и целый год я имел глупость не отчаиваться в возможности обратить ее к принципам социализма.

Я находился в Неаполе, когда до меня дошли первые слухи о демократическом и международном конгрессе мира, который должен был собраться в Женеве в сентябре 1867 г.

В то время я почти четыре года жил в Италии, где был свидетелем первоначального развития, правда, очень медленного и сначала неопределенного, но, тем не менее, определенно прогрессировавших социалистических стремлений, инстинктов и идей.

Нигде, как в Италии, нельзя лучше понять ничтожество старого принципа исключительно политической революции и упадок буржуазии, этой единственной представительницы идей 89 и 93 годов и того, что еще ныне называют революционным патриотизмом.

Проделавшая победоносную национальную революцию, омоложенная, торжествующая, к тому же имеющая столь редкое счастие обладать героем и великим человеком, Гарибальди и Мадзини, Италия, родина ума и красоты, должна была, казалось, в несколько лет опередить все прочие нации в смысле процветания и величия. Она опередила их всех в смысле нищеты.

Неполных пяти лет независимости оказалось достаточно, чтобы развалить ее финансы, повергнуть всю страну в безвыходное экономическое положение, убить ее промышленность, ее торговлю и, что хуже всего, уничтожить в буржуазной молодежи тот дух героической преданности, который более тридцати лет служил могучим рычагом в руках Мадзини.

Торжество национального дела, вместо того, чтобы все оживить, все раздавило. Погибло не только материальное благосостояние, умер самый дух; и можно было удивляться, видя в политически возрождающейся стране молодежь, насчитывающую не знаю сколько веков существования, ничего не забывшую и не желавшую ничему научиться.

Действительно, я не знаю другой страны, где буржуазная молодежь была бы столь невежественна в вопросах современности, столь безразлична к движению современного духа. Бьюсь об заклад, что и поныне в большинстве итальянских университетов еще толкуют Данте и тайны римской юриспруденции с необходимыми добавлениями в виде комментариев к политической системе Макиавелли и уроков политической экономии по Жан-Баптисту Сэ или Бастиа.

Кое-где мы еще находим там, под именем философии, кое-какие следы старой гегелианской школы. Что же касается

новой науки, позитивной, основанной на опытном анализе и на рациональной координации фактов, науки, которая, протягивая руку социализму и, вместе с ним, провозглашая себя материалистической и безбожной, должна революционизировать мир, — эта наука, представленная лишь двумя или тремя мужественными иностранными профессорами, только во Флоренции осмелилась открыто развернуть свое знамя.

Подавляющее большинство итальянской молодежи остается в полной власти древних традиций метафизики, юриспруденции и политики, т. е. теории буржуазного мира, который приговорен к смерти и скорую гибель которого социалисты всего мира надеются увидеть.

Однако надо отдать справедливость итальянской молодежи — она вообще очень мало занимается теорией и предпочитает ей практику. К сожалению, эта практика носит чисто индивидуальный характер, ограничиваясь, в большинстве случаев, подготовкой карьеры и заложением основ благосостояния молодых сыновей буржуазных семей.

Нельзя себе представить, какую огромную жажду общественных должностей и мест пробудило в итальянской буржуазии торжество национальной революции. Таким именно путем зародилась знаменитая Consorteria, эта буржуазная лига[109]), которая, захватив в свои руки все доходные места, угнетает, позорит, грабит теперь Италию и, всячески замарав грязью свое итальянское отечество, довела ее до разгрома при Кустоцце, Лиссе и Ментане.

Мадзинисты и гарибальдийцы заблуждаются, приписывая всю эту нищету и позор только несомненно гибельному влиянию монархии. Монархия в Италии, как и всюду, творит зло; это — ее ремесло. Но почему же она еще держится? Разве народ основал ее, приветствовал и поныне еще поддерживает ее. Нет, не народ, а буржуазия. И не деревенский или городской пролетарий, а адвокат, буржуа, бывший мадзинист и гарибальдиец, глава парламентской радикальной партии Криспи произнес ставшие столь знаменитыми слова: «Республика нас разделяет, а монархия нас объединяет». И партия Криспи, сливки буржуазного радикализма, и по сей день тщетно старается спасти эту несчастную монархию, падающую под тяжестью своих бесчисленных грехов.

Но почему же она старается спасти ее? Потому, что она инстинктивно понимает истинные интересы буржуазии; потому, что она поняла, что в настоящее время, по крайней мере в Европе, исключительно политические или буржуазные республики сделались невозможными, что торжество республики обязательно должно немедленно повлечь за собой торжество социализма, и потому, что она знает, что социализм будет концом буржуазии.

Менее проницательные, но более великодушные, чем партия, называющая себя парламентской левой, сторонники Гарибальди и Мадзини еще мечтают о революции; впрочем, их ряды уже сильно поредели, пораженные заразой личного утилитаризма, широко распространенного среди итальянской молодежи. Однако необходимо признать глубокую разницу, разделяющую гарибальдийцев и мадзинистов.

Партия генерала Гарибальди довольно эластична. Ей нехватает характера, потому что у нее отсутствуют принципы; связывает ее нечто вроде личного культа и более или менее слепой веры в звезду героя; таким образом, если Гарибальди исчезнет, его партия исчезнет вместе с ним. Политические и социальные идеи этой партии так неопределенны, так туманны, что были моменты, когда можно было думать, что сам король Виктор-Эммануил и роковой Ратацци от всего сердца примыкают к ней. Эта партия, распространенная и сейчас вплоть до официальных кругов, как в парламенте, так и среди итальянскиго чиновничества, охватывает кучу людей, которые по всем своим мыслям, политическим чувствам и интересам, связанным с их положением, могут быть чем угодно, только не революционерами. За ними следует толпа, впрочем чрезвычайно поредевшая и редеющая с каждым днем, толпа пылкой, подвижной, более или менее воинственной деклассированной [110]), праздной молодежи, стремящейся сделать себе карьеру или ищущей приключений, но не имеющей в голове ни единой мысли. Таков был почти всегда, таков теперь, более чем когда-либо, состав гарибальдийской партии.

С тех пор, как генерал Гарибальди, под влиянием советов знаменитого Манена (Manin) и маркиза Паллавичини-Тривульцио, отделился от Мадзини, чтобы предоставить свою

шпагу в распоряжение итальянской монархии, представленной Виктором-Эммануилом, его партия имеет только две мысли, две страсти. Первая — это завершение итальянского единства путем завоевания Венеции и Рима; вторая — это ненависть к папству.

Первое стремление она часто разделяла одновременно с итальянским правительством и с Мадзини; и нет сомнения, что скрытая и тайная, частью даже коварная, но тем не менее весьма реальная поддержка графа Кавура и откровенно энергичная и явная работа партии Мадзини в значительной степени способствовали успеху изумительной кампании в Сицилии и в Неаполе.

Воспользовался им один только король Виктор-Эммануил. Впрочем, извините, высшая и часть средней буржуазии, Consorteria южной Италии, также извлекла из него несомненную выгоду. Но самая значительная часть средней буржуазии, вся мелкая буржуазия, мелкие землевладельцы и деревенский и городской пролетариат, т. е. главная масса населения, относят к этому памятному времени одни — начало, другие — усиление своего разорения.

Итак, Гарибальди, влюбленный в великое итальянское единство, в могущество и славу итальянского государства и верный слуга монархии, в сущности не является революционером. Он только делался им иногда из негодования и нетерпения. Он слишком ревниво относится к чести своей родины, чтобы не испытывать вспышек гнева и негодования при виде постыдной уступчивости итальянского правительства и его рокового подчинения советам, чтобы не сказать приказаниям, своего опасного благодетеля, императора Наполеона III. И когда эта уступчивость и это подчинение дошли — как это и должно было случиться — до отказа на неопределенный срок от завершения великих судеб Италии, до отказа от завоевания вечного города — Рима, Гарибальди восстал.

Он, а с ним и его партия потерпели два ужасных поражения. Но он настолько связан со своим десятилетним прошлым, он настолько увлечен своими собственными идеями, что Аспромонте (1861) и Ментоны (1867) [111]), повидимому, оказалось недостаточно, чтобы доказать ему всю опасность

союзов с королями. Он не хочет понять, что королевская власть никогда не поднимет оружия против папства и что ни один итальянский король не будет настолько безумен, чтобы итти в Рим искать гибели монархии.

Подобно Гарибальди и очень задолго до него, Мадзини стремился осуществить *великую идею*: объединение всей Италии и уничтожение папства. Но он стремился и продолжает стремиться еще к другому: к итальянской республике; и он посвятил весь свой большой ум, свою железную волю, всю свою жизнь достижению этой цели. В нашем столетии нет более благородной, более высокой жизни, как его жизнь, и если Италия, вопреки хорошо известному словечку старого Меттерниха, видевшего в ней лишь «географический термин», ныне существует политически, конечно, никто не способствовал этому так, как Мадзини.

К сожалению, эта Италия, созданию которой он так способствовал, совершенно отлична от той, о которой он мечтал. Какова же причина этого несомненно печального факта. Дело в том, что как идеи, так и класс, на которых он основал весь свой план *итальянского возрождения*, умерли или находятся на смертном одре.

Идеи Мадзини хорошо известны: это — Dio e popolo, «бог и народ». Бог — это великая абстракция, великий протест человеческого существа против всей нищеты реальной жизни, это великая пустота, населенная и украшенная всеми людскими надеждами. *Народ*, как его понимает Мадзини, это — не подлинный народ с его нуждами, его интересами, его страданиями и его действительными стремлениями; это не бесчисленные миллионы человеческих существ, вечно насилуемых, угнетаемых, эксплоатируемых, избиваемых во славу государств и во имя выгоды привилегированных каст; это, наконец, не та мощная масса, которая, устав от своего рабства и осознав, наконец, свои человеческие права и свое всемогущество как коллектива, готовится теперь опрокинуть все, что угнетает ее, и основать на развалинах прошлого свой собственный мир, мир будущего.

Народ Мадзини — такая же абстракция, как и его бог, нечто вроде добровольной подножки для могущества, величия и славы его государства. Это — народ монахов,

религиозных фанатиков, которые, отказываясь от всех материальных благ и находя свое высшее счастие в самопожертвовании, обрекают себя на смерть во имя жизни великой Итальянской Республики и питают своим телом эту фикцию коллективной политической свободы, которую я не могу себе представить иначе, как в виде огромного кладбища, где, волей-неволей, похоронены все индивидуальные свободы.

(Здесь рукопись обрывается.)

VII—VIII.

Письма М. Бакунина и С. Нечаева в газету „Volksstaat".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вскоре после окончания Базельского конгресса среди противников Бакунина вновь подымается против него волна недоверия. В этот период борьбы с Бакуниным казались подозрительными не только тактика, которую вел он в Интернационале, но и близость к нему Сергея Нечаева. Фигура последнего европейским революционерам казалась весьма темной вследствие того, что сведения, распространявшиеся Нечаевым о самом себе, о своей революционной деятельности в России, об обстоятельствах своего бегства из России, опровергались сообщениями других русских, близко знавших обстоятельства дела, на которые ссылался Нечаев. Одним из наиболее серьезных разоблачителей Нечаева был Герман Лопатин, прибывший в Европу после побега из тюрьмы и опровергавший легенды, распространявшиеся о себе Нечаевым. К недоверию, которое питали к Бакунину его противники, присоединились еще подозрения, возбужденные Сергеем Нечаевым. Поэтому конец 1869 г. и начало 1870 г. были периодом, когда Бакунин стал подвергаться новым нападкам М. Гесса в парижской прессе и С. Боркгейма в немецкой, о которых мы говорили в предисловии к письму Бакунина в «Reveil». Как мы знаем, попытка Бакунина выступить с ответным разоблачением своих врагов (письмо

в «Reveil») не была доведена до конца, и письмо не увидело света. Но в апреле 1870 г. в газете «Volksstaat», редактировавшейся Вильгельмом Либкнехтом, появилась статья М. Бакунина под названием «Письма о революционном движении в России». Самый факт напечатания этой статьи в газете, редактором который был Вильгельм Либкнехт, говорит о том, что обвинения Бакуниным Либкнехта в вероломстве по отношении к нему, Бакунину, были несправедливы. Мы отмечали уже в своем месте, как Либкнехт редакторским карандашом прошелся по некоторым строкам своего корреспондента, направленным против Бакунина. Либкнехт же напечатал в «Volksstaat» и воззвание Бакунина к русской молодежи, и чрезвычайно резкие письма Нечаева, в которых автор квалифицировал Боркгейма, сотрудника «Volksstaat», как дурака и софиста. Дальнейших писем Бакунина в газете не появилось. Можно думать, что и здесь, как и в других случаях, сам Бакунин попросту отказался от «продолжений», забыл о них, погруженный с головой в другие дела, казавшиеся ему более неотложными, чем полемика с противниками. «Письма о революционном движении в России» имели своей целью ответить на нападки, раздававшиеся в газетах. Для той же цели был мобилизован и Сергей Нечаев, подвергавшийся в то время преследованиям русской полиции. Первое письмо его появилось в той же газете «Volksstaat» ранее письма Бакунина, а именно: 26 февраля 1870 г., а второе — в двух номерах от 14 мая и 4 июня того же 1870 г.

Эти три произведения Бакунина и Нечаева до сих пор не воспроизводились на русском языке. Честь их открытия, насколько нам известно, должна быть приписана Д. Б. Рязанову, впервые процитировавшему их в своем критическом исследовании «Анархистский товар под флагом марксизма». Ни словом о них не обмолвился новейший

исследователь С. Нечаева А. Гамбаров в своей книжке «В спорах о Нечаеве» (изд. «Моск. Рабочий», 1926). Не упоминает о них также и Ю. М. Стеклов в своей новейшей работе «Бакунин и подготовка нечаевского дела» («Историк-Марксист», том II). Письма Нечаева, относящиеся к последним месяцам совместной работы его с Бакуниным, сыграли немалую роль в создании той паутины недоверия, которая росла вокруг имени Бакунина. На людей, хотя бы по слухам знавших о действительной деятельности Нечаева, сведения, которые он сообщал о себе, должны были произвести ошеломляющее впечатление. Письма изобилуют измышлениями, хотя вместе с тем полны революционного пафоса. Но неправда, сообщавшаяся столь открыто, подрывала доверие к пафосу. Достаточно прочесть строки письма Маркса к Энгельсу от 5 июля 1870 г., касающиеся С. Нечаева, чтобы увидеть, какую жестокую и непоправимую ошибку совершил Бакунин, доверившись «тигренку» Нечаеву: от мистификаций, которые разоблачал Г. Лопатин, страдал Нечаев, но еще больше Бакунин. И обвинения, которыми после разрыва с Нечаевым стал осыпать последнего сам Бакунин, не могли уже снять с него самого той тени, которую набросила на него его недавняя близость к Нечаеву. Они пришли слишком поздно. Более того: обвинения, которые щедрой рукой обрушил на Нечаева Бакунин, лишь скандализовали его самого и целиком оправдывали недоверие, скопившееся к Нечаеву, а следом за ним — и к самому Бакунину. Мы не приводим здесь этих обвинений: читателю они должны быть известны из большого письма Бакунина к Таландье от 24 июля 1870 г.

Письма Нечаева имеют, разумеется, самостоятельный интерес. Написанные чрезвычайно энергическим языком, они обнаруживают характерную для Нечаева резкую прямолинейность суждений и слепую веру в свою правоту. На письмах этих несомненно влияние Бакунина. Д. Б. Рязанов

замечает даже, что так называемое «письмо Нечаева» (речь идет о первом из публикуемых ниже писем) было на самом деле письмом Бакунина. Это возможно: целый ряд оборотов, отдельные мысли и даже выражения напоминают писания Бакунина. В обоих письмах, а в особенности во втором, есть много мест, чрезвычайно ценных для определения нечаевского мировоззрения.

Вяч. П.

Письма о революционном движении в России Михаила Бакунина.

(В редакцию «Volksstaat») [112].

I.

Гражданин редактор!

Прежде всего приношу мою благодарность за перепечатку моего воззвания к русской молодежи [113]) и письма моего земляка *Нечаева* [114]) и в особенности за вашу сочувственную оценку совершающегося ныне в России революционного движения. Это признание со стороны Германии является новым для нас событием, так как с давних пор в вашей стране относились к нам лишь с антипатией и недоверием, не говоря уже о жалкой клевете, которой пытались облить представителей этого движения за границей, — клевете, к которой, к сожалению, я вынужден буду вернуться в одном из последующих писем. Я должен заметить, что немецкие публицисты-представители либерализма, радикализма и даже буржуазного социализма, не ограничились нападками на русское *правительство* и на *империю* «всея Руси», — к этим установлениям мы, русские *революционеры*, преисполнены ненавистью, о силе которой вряд ли имеет представление немецкая демократия, — но обрушились на весь русский народ. Это с их стороны было и неразумно, и несправедливо, и даже не очень осторожно. По пословице: «Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает» — они чересчур размахнулись и открыто обнаружили слишком много слепой и необдуманной ненависти и предрассудков, внушенных ложью и невежеством. Чем объясняется, что немцы, пользую-

щиеся столь великой репутацией учености и честности и отличающиеся, кроме того, действительно замечательной способностью познания как людей и вещей, так и наций и индивидов, в их неприкрытой и живой *действительности*, в их объективной *истинности*, — чем объясняется, что немцы, лишь только дело касается русских, отрекаются от всех этих отличающих их нацию превосходных качеств и обнаруживают как раз их противоположные стороны, — все присущие им недостатки характера, ума и сердца?

Да тем, что мы находимся в тесном соседстве и уже около полутора столетия оказываем друг на друга вредное влияние. Не удивляйтесь, гражданин редактор, что я говорю о *взаимном* вредном влиянии, а не о губительном влиянии одной только России на Германию. Вы, несомненно, знаете, что большей частью своей цивилизации Россия обязана немцам, и вам должно быть также известно, что в немецкой цивилизации можно отличить три различные и совершенно обособленные друг от друга части. Первая, к которой мы питаем глубокое уважение и горячую симпатию, — это ваш идеальный мир, ваша наука и ваше искусство. Мир этот, хотя он и был создан в Германии, никогда не претворялся там в действительность, и при печальном состоянии вашего правительства и вашей буржуазии может казаться лишь прекрасным сном.

Этому миру человеческих *идеалов* противостоит ваш *действительный* мир; неприкрашенный, грубый мир ваших государей, вашей знати, вашего пресмыкающегося духовенства, вашей военщины и вашего чиновничества.

Этому миру — вы знаете его лучше меня — нет дела до облагораживания человечества, до вашего искусства и науки, и он ничем не способствовал неувядаемой славе немецкого народа; скорее он является бессмысленным, самоуверенным, наглым *отрицанием* всего этого. Он не признает иного культа, кроме культа авторитета, и представляет не что иное, как грубую силу государя, олицетворяющего собою государство, — силу трафаретного государства, основанного на добросовестно-холопском духе немецкого чиновничества. Между этими двумя противопоставленными друг другу мирами находится брюхо, а именно, *буржуазный* мир.

Немецкая буржуазия представляет собой почтенный класс, соединяющий со многими семейными добродетелями большую политическую трусость. Находясь между идеальной и официальной общественными формами и заключенная в них обоих, она постоянно стремится к первой, никогда не достигая ее, и беспрестанно протестует против второй, не будучи в состоянии — или, вернее, не желая — порвать с ней. Она либеральна и даже демократична в своих мечтаниях; в действительности же она остается в высшей степени раболепной верноподданной и до крайности терпеливым жертвенным животным для ее государя, ее знати, ее военщины, ее чиновничества, ее государства.

Ныне, наконец, в Германии возникает *четвертый* мир — мир социал-демократии, мир труда и его носителей; это — мир будущего. И в Германии, как и во всех других странах, он осуществит то, что буржуазия могла только смутно предчувствовать, — всеобщую любовь к человечеству, справедливость и полную свободу каждого при всеобщем равенстве всех.

Из этих четырех миров, составляющих немецкую цивилизацию, лишь *два* имели влияние на Россию: идеальный и официальный. Мир *рабочих*, слишком молодой, мир сегодняшнего числа, так сказать, не успел еще распространить свое действие по направлению к Азии; немецкая же *буржуазия* по самой природе и обычаям своим до такой степени чужда национальному характеру русского народа, что *никогда* не могла приобрести на него какого-либо влияния. Зато ваш *идеальный* мир оказал огромное влияние на нашу учащуюся молодежь. Начиная с Ломоносова, — которого мы считаем отцом русской литературы и науки и который учился во второй [115]) половине XVIII века в Германии под руководством Вольфа, последователя и популяризатора *Лейбница*, — до настоящего дня, и в особенности в течение 30 лет рабства, терпеливо переносившегося нами под железным скипетром императора Николая, наука, философия, поэзия и музыка Германии были нашим прибежищем и нашим единственным утешением. Мы замкнулись в этом волшебном мире прекраснейших грез человеческих и жили больше в нем, нежели в окружающей нас ужасной действитель-

ности, выше которой мы старались себя поставить, согласно предписаниям наших великих немецких учителей. Я, пишущий эти строки, еще помню то время, когда, фанатик-гегельянец, — я думал, что ношу «Абсолют» в кармане, и с пренебрежением взирал на весь мир с высоты этой мнимовысшей истины.

Современное поколение умнее нас; оно вообще не занимается больше спекулятивной философией. Оно и слышать не хочет ни о «милосердом» боге теологии, ни о высшем и абстрактном бытии философов. Враг *всякого* деспотизма, оно от всего сердца содействует проповедуемому античным и современным атеизмом низвержению небесного владыки. Равным образом, оно презирает вашу науку о праве, которую оно с полным основанием считает философией *неравенства, отрицанием человеческого права.* С таким же пренебрежением оно отвергает ваши государственные и исторические науки и вашу политическую экономию; тем более, что они основаны *на* праве и философии.

Но зато оно со страстностью усвоило высказанные *Огюстом Контом* и *Боклем* положения о том, что в основе *исторических* наук должны лежать науки *естественные,* равно как не менее плодотворные идеи *Дарвина* о происхождении и превращении видов. Оно чтит *Фейербаха,* этого великого разрушителя трансцендентальной философии. Имена *Бюхнера, Фогта, Молешотта, Шиффа* и столь многих других знаменитых вождей реалистической школы Германии, пожалуй, лучше знакомы нашим русским студентам, нежели изучающим науку юным буржуа, проводящим свою молодость в *ваших* университетах. Вряд ли появляется в Германии, Англии или Франции хотя бы одно сочинение по позитивным наукам, которое не переводилось бы тотчас же и многократно и не читалось бы в России. То же самое относится и ко всем произведениям современной *социалистической* школы: сочинения *Прудона, Маркса* и *Лассаля* распространены в России по меньшей мере так же, как и в их родных странах.

Я заявляю с гордостью и радостью, что наша русская молодежь, — я говорю, само собой разумеется, о большинстве ее, — горячо реалистична и материалистична в теории,

но в то же время идеалистична на практике в том смысле, что она с таким ярым рвением домогается истины, что равнодушно переносит жесточайшие лишения, зачастую даже недостаток в необходимой одежде, голод и холод, и для нее победа великого принципа равенства, составляющего ныне все ее исповедание, стоит превыше всех соображений карьеры, доходного места и личностей. Их юношеский энтузиазм не гасится теми соображениями относительно будущего, от которых кровь в жилах ваших студентов течет более вяло и которые обусловливают то, что в самых задорных и воинственных героях ваших университетов уже обнаруживаются задатки завтрашнего филистера, мирного и преданного подданного. И, в противоположность буржуазной молодежи Парижа, она не растрачивает свою энергию и силы на публичных балах. Наша учащаяся молодежь, вышедшая, по большей части, из народа и вследствие своей бедности принадлежащая еще народу, ведет — по крайней мере, большинство ее — жизнь самоотречения: она страдает, она учится и она устраивает заговоры.

Благодаря этому практическому идеализму, воодушевляющему ее, она и способна ныне посвятить себя всецело великому делу освобождения народа.

Этот идеализм порождается двумя причинами: основной причиной является, несомненно, именно это тяжелое положение, эта благая нищета нашей молодежи. Она видит, что не только ее настоящее, но и все ее будущее осуждено вследствие политической, экономической и общественной организации империи. Не так ли? Ведь мы оба, гражданин редактор, в достаточной мере социалисты, чтобы знать, что материальные условия оказывают чрезвычайно мощное влияние на характер и на теоретические и практические стремления отдельных лиц. Поэтому мы, значительно менее кровожадные, нежели государственные мужи всех оттенков — реакционеры или якобинцы, — мы требуем, чтобы во время всеобщей социальной революции, приближающейся гигантскими шагами, с неуклонной последовательностью уничтожались государства, *привилегированные положения* и так называемые *правовые отношения*, существующие ныне между людьми и вещами, — но *не* люди. Не так ли? Мы убе-

ждены в том, что если бы — по предписанию Марата и по значительно более скромному и грозному выполнению Робеспьера и Сен-Жюста — мы снесли сто тысяч и более голов, то этим мы ничего не достигли бы; в то время как, напротив, если смело и основательно взяться за *экономическую* реорганизацию общества и при этом *устранять* со всей необходимой для того энергией все, препятствующее превращению социальной несправедливости в справедливость, — мы создали бы новый мир.

Возвращаясь к русской молодежи, я должен заметить, что большая часть учащихся в наших университетах, гимназиях, академиях и семинариях находится в счастливом положении: перед ними нет никакой карьеры, никаких верных средств к существованию; поэтому они прежде всего *революционны вследствие своего материального положения*, что является, по моему убеждению, наисерьезнейшим и наиреальнейшим способом быть революционером; но они также революционны и по пламенному и глубокому *убеждению*. И ничто столь не способствовало образованию у них этого убеждения или этого революционного сознания, как *немецкая наука*.

Это, возможно, удивит вас, граждане, и, однако, это так. Это может вас удивить потому, что та же самая западная наука, которая толкает русскую молодежь к социальной революции, оказывает сплошь и рядом совершенно противоположное действие на учащуюся молодежь Запада. Она и у вас часто преображает молодых людей — но не в революционных социалистов, а в доктринеров или в жрецов науки, образующих особый класс: аристократию духа. Члены этого класса обычно от всего сердца презирают народные массы. Они, люди науки, презирают их за невежество. И даже тогда, когда они называют себя социалистами и революционерами, они хотят этой революции сверху, но не снизу. Они признают себя призванными установить справедливость и считают народ неспособным завоевать и организовать эту справедливость *своими собственными силами*. Поэтому они мечтают о *диктатуре* в той или иной форме, или о так называемом *рабочем государстве*. Для этих детей буржуазии и духовно-привилегированных это является лишь еще

одним способом властвовать над народом. Ибо в случае, если останется хотя какое-нибудь государство, то по необходимости должны быть и государственные *люди*, и в неуклонной последовательности образуется государственный *класс*.

У нас в России есть также наша доктринерская молодежь — хотя и в значительно меньшем количестве, — и причины, делающие ее доктринерской, те же, что накладывают столь специфический отпечаток на характер большей части *вашей* буржуазной молодежи, именно, привилегированное материальное положение, виды и надежды на карьеру. Для того чтобы прежде всего и больше всего желать *освобождения* народа, надо болеть страданиями народа. И в этом как раз заключается благоприятное положение огромного большинства учащейся молодежи России. В речи, которую я произнес почти полтора года тому назад на конгрессе Лиги Мира и Свободы в Берне, я говорил, что среди русского студенчества насчитывается свыше 40 000 деклассированных молодых людей, не видящих иного выхода из тяжелого положения, в котором они находятся, кроме революции. Не естественно ли в таком случае, что ваша наука, сводящаяся в теории к отрицанию всякого божеского и человеческого авторитета и к установлению равенства в социальном мире, побуждает эту молодежь, революционную как вследствие своего материального положения, так и по убеждению, перейти из области *теоретических споров к действию?*

Итак, вы видите, гражданин редактор, что мы очень далеки от того, чтобы отрицать благодеяния, которыми мы обязаны немецкой науке, и, наоборот, преклоняемся перед ней с глубоким уважением.

В моем втором письме я буду говорить о *вредном* влиянии, которое оказал на Россию ваш *официальный мир*.

Два письма С. Нечаева в газету „Volksstaat“ [116])

I.

Гражданин редактор! От имени работающих для освобождения русских, я прошу вас дать в вашей газете место сообщению, содержание которого в настоящее время чрезвычайно важно для нас.

Неистовая злоба, овладевшая русским правительством в предчувствии своей неминуемой гибели, побуждает его подвергать народные массы жесточайшим и бессмысленным гонениям, — гонениям, которые, делая положение невыносимым, лишь ускоряют момент неизбежного социального кризиса. Масса высших сановников империи, вследствие вполне естественного страха и опасений за свое собственное существование, с бешенством тигров набрасывается на все то, что молодо и энергично. Ничто не руководит ими, кроме слепой ненависти, они не делают даже различия между своими противниками.

Эти злодеи, в предчувствии своего близкого конца, хватают женщин и даже детей и бросают их в свои инквизиторские тюрьмы. Варварство обращения с политическими заключенными переходит все пределы самого жестокого бесстыдства. Это татарско-немецкое правительство хочет завершить свою роль в истории русского народа, подвергая пыткам молодых людей обоего пола. Оно идет в своей гибели по трупам мучеников. Самый незначительный жандармский офицер обнаруживает не меньшую жестокость, чем знаменитый палач *Муравьев*. Но вся эта травля, все это избиение русского молодого поколения, которое должно платиться головою за свободу своего народа, которое должно бороться

с деспотизмом империи, чтобы дать, наконец, рабочей массе возможность свободно вздохнуть, — все эти неслыханные преследования станут понятны Европе только в том случае, если она мысленно перенесется к варварским сценам средних веков. И даже эта ужасная эпоха может дать только неполное представление о том, как поступают в России, по воле разнузданного деспотизма, с людьми, имевшими несчастье попасть в лапы этого тигра.

По вызову моих друзей я, изгнанник, тайно возвратился в свое отечество, чтобы снова занять место в рядах борцов за русскую свободу, победа которой близка. Вследствие неосторожности одного из товарищей, или, вернее, вследствие непредвиденного случая, мое возвращение было, к несчастью, обнаружено. Литератор *Катков* счел своею обязанностью шпиона поместить это известие в своей газете, и полиция начала самые тщательные розыски на основании этого сообщения своего агента. Вскоре я был арестован в маленьком провинциальном городке и, как это обычно делается с политическими изгнанниками, был без всякого суда сослан на каторгу [117]). Один из начальников Третьего Отделения не удовлетворился, однако, возложением на меня каторжного, рабского труда, но отдал приказ убить меня тайно. Розги и лишения всякого рода — *ничто* меня не миновало. На полдороге в Сибирь инквизиторский приказ должен был быть приведен в исполнение, тогда мне пришел бы конец. Но, к счастью для меня, мои товарищи не теряли даром времени, и благодаря их мужеству мне удалось вырваться из рук моих палачей, правда, полузамученным, но все же живым. Ведь эти слуги деспотизма так же жадны, как и жестоки, и за деньги способны не только продать, но даже *задушить* своих собственных хозяев [118]).

В высоких правительственных сферах не сомневались в том, что я был убит по дороге в Сибирь, Третье Отделение думало, на самом деле, что приказание его приведено в исполнение. Но, вследствие рокового стечения неожиданных обстоятельств, гроза, собиравшаяся над головами наших угнетателей, разразилась слишком рано.

Некоторые из наших прокламаций, тайно напечатанных и распространенных в России, были воспроизведены некоторыми европейскими газетами, но все же Европа вряд ли может составить себе представление о жестокостях, которые совершались за последнее время русским правительством в нашей бедной стране. Эти жестокости, одна мысль о которых вызывает ужас, усиливаются с каждым днем. Из сотен заключенных многие уже умерли под пытками, как истинные мученики, завещав нам свое геройское мужество и свою непримиримую ненависть к палачам народа.

Некоторое время спустя правительство, узнав, что я ускользнул от его палачей, решило скомпрометировать меня всеми возможными способами. Литературные ищейки излили на мое имя дьявольские потоки ядовитой слюны, они приписывали мне самые чудовищные и самые бессмысленные черты, они обвиняли меня в самых отвратительных поступках для того, чтобы испортить мою репутацию и помешать мне найти себе прибежище. Полчища шпионов и полицейских рыщут повсюду, снабженные моей фотографией, снятой уже 10 лет тому назад и не обнаруживающей поэтому никакого сходства со мной в настоящее время. Чтобы наверняка арестовать меня, эти люди задерживают всех, которые, по их мнению, имеют со мной хотя бы малейшее сходство. Господа Катков [119]) и Краевский помещали много раз в своих газетах с величайшим удовлетворением известие о том, что я арестован, и тотчас же вслед за этим должны были с величайшим сожалением сообщать, что агенты их ошиблись. Один из них пустил слух, что я за границей, — тогда, наступил конец всему. Но нет! Палачи на службе у русской государственной машины не успокоились.

Я был очень доволен по поводу распространившихся слухов о моей мнимой эмиграции за границу, так как, чем больше пространство, в котором совершаются преследования, тем легче ускользнуть от них. Я не подозревал, чему с некоторого времени подвергаются все работающие для установления свободы народов в Европе. Русское правительство выставило предлогом совершенное недавно убийство некоего Иванова и самым бесстыдным образом обвинило меня в участии в этом преступлении, чтобы приобре-

сти право требовать у иностранных правительств моей выдачи.

Русское правительство никогда не знало ни чести, ни справедливости. Оно сгнило до мозга костей. Еще более рассвирепев от того, что ему не удалось задушить меня, оно решило прибегнуть к клевете, надеясь, что благодаря этому способу оно скорее поймает меня. Опираясь на продажность русской прессы, оно, несмотря на всю невероятность факта, добилось того, что некоторые европейские газеты, занимающие, по всей вероятности, в своем отечестве то же положение, что газета господина Каткова в России, воспроизвели эту клевету, как истину. Между тем русское правительство обратилось к иностранной полиции с официальной просьбой задержать *меня как убийцу*. Предлогом для домашних обысков у русских эмигрантов, несколько человек из которых было даже арестовано, выставлялись розыски подделывателей кредитных билетов. И все это лишь с той целью, чтоб я был выдан русскому правительству.

Александр второй, царь-расточитель, без стыда и совести проматывал вместе со своей семьей и своими прислужниками богатства русского народа и сделал бесчисленное множество долгов; теперь он, как истый плут-торгаш (commerçant-filou), хочет тем или иным способом оправдать в глазах Европы предстоящее ему банкротство, а именно: он делает ответственными за невероятное расстройство финансов так называемых «политических агентов» («politische agente»), будто бы изготовляющих «фальшивые кредитки». С помощью подставных свидетелей русское правительство самым недостойным образом выдумывает всяческие обвинения и пытается придать некоторое подобие «справедливости» гнусным преследованиям своих несчастных жертв.

И европейские власти действительно верят или делают вид, что верят подобному вздору! Под предлогом розысков «убийцы и подделывателя кредиток Нечаева» европейские правительства дали русской полиции позволение рыскать по Европе. Как слышно, русские шпионы условились с полицией всех стран тайно подбросить фальшивые кредитки в дома тех русских и польских эмигрантов, которых решено арестовать. Под таким видом совершаются аресты.

Таким путем был арестован знаменитый Ярослав Домбровский, ускользнувший от виселицы, воздвигнутой для него генералами Муравьевым и Бергом.

Подобным образом были произведены аресты в Вене, и даже в «либеральной» *Швейцарской* республике уже имели место несколько домашних обысков, напр. у Булевского, Рачинского и др.

Кто мог предположить, что европейские страны, гордящиеся преимуществами своего «либерального режима», дозволят лакеям Александра Второго насмехаться над ними? К моему сожалению, я должен сказать, что эти страны отказываются, как кажется, оказывать покровительство тем, кто ищет у них защиты от преследований русского царя и жестокости его министров.

Возможно ли было предвидеть, что даже республиканские правительства протянут руку русским шпионам? Значит правда, что тот, кто не может примириться с тиранническими законами деспотизма и вследствие этого является врагом своего правительства, не может найти прибежища ни в каком другом государстве! — Как можно быть настолько легкомысленным, чтобы прислушиваться к клевете русского правительства? Разве то же самое правительство не обвиняло в 1865 г. покойного Алекс. Герцена в том, что он принимал участие в русских *пожарах?* И разве незадолго до этого то же самое правительство, испуганное влиянием, которое оказывал на народный дух талант *Чернышевского,* не обвинило его, с помощью подставных свидетелей, в самом заурядном преступлении, чтобы иметь «законный» предлог для ссылки его на каторжные работы? И разве это недостойное правительство, вслед за этим, увидев, что учащаяся молодежь преисполнена любви к народу, проникнута народным духом и хочет облегчить участь крестьян, не пыталось натравить народ на молодежь, распуская слухи, что студенты хотят восстановления крепостного права?

Нет, бесстыдство русского правительства уж слишком резко бьет в глаза, чтобы кто-нибудь мог быть введен таким путем в заблуждение! Разве последняя польская революция недостаточно научила Европу, что подразумевает русское правительство под понятием «политические эмигранты»? И од-

нако — едва верится, что это возможно — нелепая русская клевета встречает все же горячий прием в Европе!

Аресты и выдачи русских эмигрантов указывают на некоторого рода взаимное «закрывание глаз» у правительств всех наций, испуганных приближением народного суда. И раз правительства так хорошо столковались относительно угнетения, то надо надеяться, что и народы, в свою очередь, подадут друг другу руки для того, чтобы отвоевать обратно свою свободу и сообща обеспечить ее себе. Фактически существующие союзы правительств должны, значит, иметь своим последствием быстрое и мощное объединение оппозиционных элементов всех народов.

Моя выдача является убедительнейшим доказательством существования союза всех правительств против свободы народов. Если бы одновременно с этим возникла возможность общего соглашения всех *врагов* деспотизма, о! в таком случае я с радостью перенес бы все пытки, которым подверг бы меня царь и его палачи-генералы! Я бы охотно пожертвовал своей головой, если последствием этого была бы общая борьба против существующего положения вещей в Европе!

Вот что я хотел сказать народам Европы.

Нечаев.

II.

Лондон, 15 апреля. Гражданин редактор «Volksstaat»! Я был очень поражен, — я признаюсь в этом, — когда я прочел в № 22 вашей газеты статью автора «Русских писем», и я бы не счел нужным отвечать на содержащийся в ней вздор, если бы примечание редакции не заставило меня предположить, что она придает этой статье серьезное значение. Это соображение, гражданин редактор, побудило меня обратиться к вам с несколькими словами возражения по поводу невероятных уклонений от истины со стороны автора упомянутой статьи. Он упрекает прежде всего русских революционеров в том, что они никогда не оказывали сопротивления своему правительству в его страсти к завоеваниям, постоянно угрожающей Европе. Этот упрек кажется мне до чрезвычайности нелепым и совершенно недостойным помещения на столбцах вашей газеты.

Пока народ томится под игом деспотической власти, может ли он, — будь он русской, немецкой, французской или какой-либо иной национальности, — помешать правительству предпринимать войны, грозящие независимости других стран, если он не обладает даже силой, необходимой для того, чтобы отстоять свою собственную свободу? Оказывает ли *немецкий* народ, глубоко нами уважаемый, какое-либо противодействие многочисленным нападениям своих властителей на иностранные нации (на поляков, датчан) и на самое Германию? Препятствует ли он им заниматься ремеслом русских жандармов и выдавать наших политических эмигрантов другу и покровителю этих властителей, царю всея Руси? Не ясно ли для каждого разумного человека, что народные желания не имеют ныне *ничего* общего со стремлениями правительств — как в России, так и во всякой другой стране — и что правительство является всюду не выражением, но отрицанием народных стремлений. Это так ясно, что должно быть теперь понятно всякому, как бы слеп он ни был.

Но если это так, не должно ли признать, что тот, кто все же дает себе труд отождествлять действия правительств с интересами народа, обнаруживает либо неслыханную степень невежества и наивности, либо очень дурные намерения, в которых он не решается сознаться? В обоих случаях он оказывает истине и общему делу народов дурную услугу, и я не могу скрыть, гражданин редактор, что мне очень тяжело было встретить в вашей уважаемой газете и в вашей партии такого сорта дурака или софиста.

Далее он упрекает меня в том, что я даю русскому правительству название «татарско-немецкого». Я называю его немецким не только потому, что царствующая у нас династия *Шлезвиг-Готторнского* происхождения, но также и в особенности потому, что Петербургское правительство всегда пользовалось исключительно услугами этой расы ублюдков — чиновников-дворян и чиновников-буржуа, которые являются преданными слугами всех княжеских дворов, склонных содержать их и платить им, и которые не имеют ничего общего ни с немецким *народом*, ни с немецкими рабочими, хотя и происходят из Германии. Когда эти люди,

составляющие, так сказать, отбросы знатных немецких родов, не находят службы в Германии, так как все чиновные и военные должности уже заняты, то они приезжают в Россию, где их принимает правительство, проникающееся их духом, и где они находят широкое поле для своей деятельности и для своей жестокой эксплоатации.

Возможно ли, что «автор русских писем» — человек, которого редакция «Volksstaat» называет одной из главных опор социал-демократической партии в Германии,— простирает свой патриотизм до того, что принимает сторону всех немцев, входящих в состав нашего чиновничества и нашего войска и являющихся самыми ревностными палачами и самой верной опорой империи? Не должен ли был бы я скорее предполагать, что социал-демократическая партия отвергает всякую связь не только с немцами, которые отдаются служению русскому царю, но также и с частью немецкого общества, образующей в Германии и *против* Германии военный и гражданский мир и бюрократию? Или, быть может, «автор русских писем» думает, что в Германии все идет как нельзя лучше и нечего больше желать? Значит, там уж нет ни дворянства, ни буржуазии, ни бюрократии, ни полиции, ни высшей жандармерии, ни войска, которые угнетают и эксплоатируют рабочие массы? Все немцы образуют, значит, одну семью, живущую в свободе и равенстве. Тогда Германия, в которой так сильно чувствуется рука русского царя, представляет собой настоящий рай! Увы! к сожалению, каждый номер вашей газеты доказывает противное: глубокое недовольство царит в вашем рабочем мире, и «Volksstaat» является красноречивым и откровенным выражением этого недовольства. Вы *не* свободны, вы *не* равны и вы *не* счастливы. Вас *эксплоатирует* привилегированное меньшинство и вас угнетает педантичная и в то же время грубая организация вашего официального мира, налагающего оковы на вашу свободу. И как раз потому, что эти элементы, родившиеся и воспитанные в Германии, но с которыми вы, тем не менее, должны бороться, чтобы освободить от них Германию, — как раз потому, что они переселились в Россию и отождествляют себя там с нашим правительством, я позволил себе назвать это последнее «немецким». Мы,

русские, судим об этом национальном вопросе гораздо более здраво и нам чужды все эти тонкости патриотизма, которые, вдобавок, находятся в прямом противоречии с основными принципами социализма. Мы очень хорошо знаем, что неограниченная власть лишает человеческого достоинства не только всех без исключения людей, которыми она непосредственно пользуется, — любой национальности и расы, но, хотя и в меньшей степени, и всех тех, кого она угнетает. Мы объявляем во всеуслышание и напрямик, что все русские чиновники, наводняющие Польшу, Литву, Малороссию, балтийские провинции, Финляндию, Кавказ, включая и Великороссию, мою родину, в более тесном значении слова, равно как и все те, которые служат в качестве представителей царской империи за границей, являются и не могут являться не чем иным, как мерзавцами, способными на любое преступление и любую гнусность. Мы с отвращением отвергаем всякую солидарность с действиями нашего правительства, — внутри ли или вне России; но именно поэтому мы вынуждены считать дураками или бессовестными людьми всех тех, кто смеет утверждать, что существует, хотя бы, малейшая симпатия или малейшая связь между действиями правительства и стремлениями народа, первой жертвы этих действий.

Далее автор «Русских писем» говорит: «Было очень легко направить революционный дух, проявившийся в декабрьском восстании 1825 г., против поляков и турок» [120]). Это бесспорная, наглая ложь и, высказывая ее, наш анонимный обвинитель рассчитывал на полную неосведомленность немцев относительно заговора и восстания декабристов. Возьмите в руки книгу «Из мемуаров русского декабриста» (появившуюся в Лейпциге)! Вы увидите, что пять главных вождей этого заговора были повешены, а все остальные приговорены к каторжным работам и сосланы в сибирские рудники. Можно ли, следовательно, сравнивать революционные идеи и действия наших декабрьских заговорщиков с пассивным послушанием большинства русских офицеров, которые, подобно офицерам всех других стран, отправляются туда, куда правительство считает благоугодным их послать? Если бы автор «Русских писем» был добросовестным человеком,

то он должен был отметить, что в русской армии нашлось около сотни офицеров, рожденных в богатстве и знатности, но пренебрегших, однако, своим рангом, своей карьерой и всеми преимуществами своего общественного положения, чтобы посвятить себя святому делу освобождения народа; и затем он должен был бы указать число *немецких* офицеров дворян или мещан, поступивших так же!

Наш анонимный обвинитель начинает письмо в «Volksstaat», говоря с некоторым злорадством: «Герцен умер; берлинская «Zukunft» («Будущность») покончила с деятельностью Бакунина в Германии и тем самым свела на-нет его влияние во Франции и в Англии» [121]). Я дал себе труд прочесть эти «Русские письма» и могу сказать по поводу них лишь то, что они так же нелепы, как и отвратительны, полны клеветы, лжи, нелепостей и каждая строка их обнаруживает величайшее невежество и бессильную злобу. Возможно ли, что подобные писания могут производить хотя бы малейшее впечатление на столь ученое и добросовестное немецкое общество! Что же касается Бакунина, то я могу только сказать, что он, если судить по тому влиянию, которым пользуются его сочинения и его имя в России, и по той ненависти, которую он внушает русскому правительству, далеко не «умер». К тому же, так как он еще очень жив, то он сам сможет ответить, если сочтет это нужным.

Пока что я должен сделать еще одно замечание. Эти личные и полные ненависти нападки возмутили меня и вызвали во мне твердое убеждение, что автор «Русских писем» преследует здесь интригу, не имеющую ничего общего с великим делом освобождения народов, — это, впрочем, должно броситься в глаза каждому, читающему его статью. Степень его равнодушия к этому делу международной важности можно сравнить только со степенью страсти, с которой мы, русские революционеры, желаем торжества этого же дела. Он бы охотно похоронил под грязью, которой он нас забрасывает, всех русских революционеров, между тем, как мы счастливы, когда встречаем новых братьев, безразлично из какой страны — французов ли, немцев, испанцев, бельгийцев, итальянцев, англичан, даже турок и китайцев, при том, конечно, условии, что они согласны бороться *вместе* с нами против поли-

тического деспотизма правительств и против экономического деспотизма привилегированных классов.

Автор «Русских писем» настолько любезен, что предлагает мне политическое наследство Герцена и Бакунина и назначает меня вождем русской эмиграции. Это — попросту смешно. У этого господина, видимо, и намека нет ни на демократическую мысль в голове, ни на социалистическое чувство в сердце! Пусть он знает, что среди нас не имеется вообще вождей и диктаторов, и что мы занимаемся кое-чем другим, а не играем в эти детские и в то же время тошнотворные игры пустого тщеславия. Поле деятельности широко, и для каждого имеется место. Дело, предпринятое *нами*, так трудно и так велико, что никогда не будет достаточно отдельных, объединенных сил для выполнения его. Но, провозглашая меня наследником и вождем, этот господин настолько любезен, что дает мне совет, или, вернее, диктует предписания, которым я должен следовать. Он предлагает мне устроить вместе с моими товарищами заговор против внешней политики царя, чтобы положить конец его страсти к завоеваниям и посягательствам на Европу. Это, действительно, совет нелепый сверх всякой меры. Где найдется заговор, который мог бы помешать внешней политике правительства, не сломив предварительно могущества его внутри страны? Итак, обязанностью каждого демократа и каждого революционного социалиста, не являющегося простым болтуном и не играющего в детские игры, но стремящегося к серьезной деятельности, должно быть прежде всего уничтожение ига своего правительства. И так как в Европе повсюду царит угнетение, то кто может сомневаться в пользе и необходимости союза социалистических демократов всех стран против объединенных деспотических правительств? Но автор «Русских писем» не хочет допустить нас в этот союз: «Совместная деятельность русских революционеров, — говорит он, — с революционерами Западной Европы может быть принята нами в соображение только тогда, когда...» и т. д. [122]). Этот господин соображает, следовательно, что предложение, которое я сделал в моем письме, опубликованном в «Marseillaise» и «Volksstaat», относилось к людям его покроя! Если он причисляет себя

к революционерам Запада и если бы действительно было много подобных ему людей среди социал-демократов Европы, то у нас явилось бы лишь *одно* желание — бежать возможно дальше от такой компании, так как мы не можем иметь ничего общего с людьми, которые еще не избавились от национального чванства.

Мы можем заключить союз только с теми, положение которых так же невыносимо, как и наше, и которые по этой причине так же счастливы, как и мы, когда встречают *новых* союзников, новых соратников — безразлично какой национальности. За эти последние месяцы, когда вся европейская полиция преследовала меня по пятам, я нашел прибежище и братский прием у рабочего класса всех стран Запада. Я нашел поддержку у этих бедных, эксплоатируемых капиталом людей, положение коих ни в коем случае не лучше нашего. Здесь сызнова убедился я в искренней и полной общности стремлений и желаний, существующей среди угнетаемых и эксплоатируемых всех стран. У этих добрых и благородных рабочих я не встретил ни малейшей тени недоверия и тех национальных предрассудков и чувства узкого патриотизма, которые сквозят в каждой строке, в каждом слове автора «Русских писем». Не странно ли, что чувства, воодушевляющие немецких рабочих, менее знакомы ему, чем мне, все же иностранцу? И не доказывает ли это, что пропасть, отделяющая большую часть журналистов от рабочих масс, сделалась настолько велика, что чужеземные рабочие лучше и скорее столкуются с немецким народом относительно вещей, составляющих предмет их общих желаний, чем писатели, вроде «автора русских писем».

В убеждении, что социальная проблема не может быть разрешена *одной* изолированной страной и что эта проблема является существенно интернациональным вопросом, мы, русские революционеры, давно уже отбросили все предрассудки и узость национального чувства и сознали крайнюю необходимость тесного союза всех угнетаемых Европы и всего мира. Мы не обманулись в наших ожиданиях. Преисполненные любви к нашим братьям, социалистам Европы, мы нашли в их среде все то участие, которое мы ожидали. Рабочие всех стран встретили и приняли нас, как братьев,

и протянули нам свои сильные, честные руки потому, что эти дети народа знают нужду не из книг, но из действительности, из повседневной жизни, и потому, что для них слишком ясна необходимость объединения с целью общего освобождения.

Этим объясняются неслыханные успехи Международного Товарищества Рабочих, и оттого именно это уже мощное Товарищество растет не по дням, а по часам. Не достойно ли сожаления, гражданин редактор, что газета, подобная вашей, предназначенная быть выразителем чувств и желаний народа, допускает сотрудничество писателей, так мало понимающих эти чувства и желания?

Автор «Русских писем» задает мне, наконец, много вопросов, напоминающих допросы русской полиции: где, когда, как? и т. д. Не воображает ли он, что я буду рассказывать первому встречному о том, *как* я ускользнул из рук Третьего Отделения, «тайного кабинета Его Величества» (тайной полиции)? Но если б я сделал подобную нескромность, я заслужил бы презрение всех серьезных людей и совершил бы акт измены по отношению ко всем товарищам, помогавшим мне в этом бегстве. Цель, которую я поставил себе в моем письме, опубликованном «Marseillaise» и «Volksstaat», вовсе не заключалась в том, чтобы рассказать европейской публике мою историю, «мое прошлое», но попросту в том, чтобы представить этой публике подлинные отношения, существующие между русским правительством и людьми, работающими для освобождения народа в России. К тому же многие эпизоды моего бегства и раскрытия заговора сперва были опубликованы нашими тайными газетами, а затем перепечатаны многими газетами Запада. Они были по необходимости неполны, и я удивляюсь, как это автор «Русских писем» не воспользовался этим, чтобы написать еще несколько нелепых писем. Должен ли я вам признаться, господин редактор, что я от души смеялся, читая курьезный русский перевод его письма, написанный, очевидно, самим автором и опубликованный в вашей газете рядом с оригиналом. Ясно, что этот господин хотел таким образом показать немецкой публике, что он понимает русский язык, и тем самым придать больше веса своим выводам. Если даже оставить без внимания грамматические ошибки,

самодельные и совершенно неверные окончания, которыми он снабжает существительные, прилагательные и глаголы, и поистине забавное незнание употребляемых им *слов*, все же останавливаешься в изумлении перед крайне нелепой конструкцией его речи.

Ясно, что он не знает ни слова по-русски и что он ничего не понимает ни в отдельных словах, которыми он пользуется, ни в вещах, о которых он говорит. Чтобы понять смысл последней фразы его письма, я должен был прибегнуть к немецкому оригиналу, и я признаюсь, что в нем я также не мог усмотреть какого-либо смысла. Итак, разрешите мне еще раз, господин редактор, выразить протест против появления подобных писаний и подобных писателей в вашей газете. Те, которые хотя бы немного понимают по-русски, при чтении таких статей только пожмут плечами. Кроме того, дух, внушивший их, — дух ограниченный, злонамеренный, недоброжелательный, вдобавок весьма неостроумный, лишенный даже здравого человеческого разума и к тому же чрезвычайно невежественный. Как могла эта статья быть принята такой почтенной газетой, как ваша, органом рабочих Германии? Не правда ли? Ваша цель — не сеять раздора между народами, — это было бы лишь слишком по душе правительствам, — но, наоборот, объединять эти народы в общей деятельности [123]).

Но статьи, подобные статьям автора «Русских писем», если допустить, что они вообще оказывают на кого-либо какое-нибудь влияние, могут лишь вызвать разлад между народами. В убеждении, что вы сами честно и пламенно желаете полного выяснения отношений, как уже существующих, так и долженствующих завязаться между революционными русскими рабочими и освободительным движением в Европе вообще и в Германии в частности, — прошу вас, гражданин редактор, не отказать в опубликовании в вашей газете этого письма, равно как и других статей о России, которые мы намерены вам вскоре прислать.

С совершенной симпатией и уважением к вам, как защитнику дела рабочих, дела честных людей всего мира.

Нечаев.

IX.

Глава из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая глава воспоминаний получена нами из архива М. О. Гершензона, которому она была передана непосредственно Н. А. Тучковой-Огаревой. Не вошла эта глава в известную книгу «Воспоминаний», вышедшую в 1903 году отдельным изданием, вероятно, по соображениям семейного характера. И настоящая публикация, к сожалению, не является полной: мы принуждены были выпустить один абзац в 20 строк, не имеющий, впрочем, исторического значения, обнародование которого владельцы рукописи в настоящее время не считают возможным.

Публикуемая глава относится к периоду времени, мало исследованному. Центральным пунктом этой главы следует считать сведения, сообщаемые автором об отношениях Сергея Нечаева к Наташе Герцен. М. П. Драгоманов в своем известном издании переписки М. А. Бакунина сообщал такие сведения об этом эпизоде:

«Для склонения Наталии А. Герцен Бакунин устроил в Женеве свидание ее с Нечаевым при таинственной обстановке в его присутствии. Н. А. требовала прежде всего, чтоб ей сообщили, какие же ближайшие цели имеет названный комитет и что собственно он ей может приказать делать. Нечаев и Бакунин отказывались отвечать на эти вопросы

и требовали безусловного и априорного повиновения комитету. *Н. А. решительно не согласилась на такое требование.* Нечаев страшно сердился и назвал ее «кисейной барышней». Бакунин же отечески укрощал его словами: «Ну-ну, тише ты, тигренок» (курсив наш. *Вяч. П.*).

Этот комментарий вне всякого сомнения основан на сообщениях, полученных Драгомановым от членов семьи А. И. Герцена. Н. А. Тучкова-Огарева ныне своими воспоминаниями дает иную картину этих обстоятельств. На деле оказывается, что Наталья Александровна не только не отклонила «решительно» предложения Бакунина и Нечаева, *но была фактически в революционную конспирацию вовлечена*, выполняла даже поручения Нечаева и, что более всего беспокоило автора «Воспоминаний» — *укрывала даже Нечаева* от поисков швейцарской полиции. Раскрытием подлинной картины этих взаимоотношений Н. А. Тучкова-Огарева вносит весьма существенную поправку в историю, до последнего времени сопровождавшуюся намеками и недомолвками.

Несмотря на то, что Нечаев оказался на периферии внимания Тучковой-Огаревой, «Воспоминания», хотя и слабо, но дают представление об обстановке травли и ужаса, которая окружала Нечаева. Внимание, обращенное Наташей Герцен на его искусанные пальцы, — штрих очень характерный. И сколько бы автор «Воспоминаний» ни распространялся (очень сантиментально и с некоторой долей самолюбования) насчет «позора», каким покроет себя «свободная страна», если выдаст «политического» преступника, — на каждой странице ощущаются ненависть и боязнь, какие испытывала она к этому человеку: он был слишком «настоящим» революционером, чтобы вызывать сочувствие со стороны того слоя русской эмиграции, к которому принадлежала Н. А. Тучкова-Огарева.

Мы не отмечаем ряда мелких, но весьма любопытных штрихов, рассеянных в «Воспоминаниях» (характеристика, напр., Огарева и др.). Больше всего «Воспоминания» дают, разумеется, для характеристики их автора, имя которого останется в истории нашей общественности вследствие своей близости к двум крупнейшим людям эпохи. В этом смысле публикуемая ныне глава мало чем отличается от напечатанных ранее глав «Воспоминаний». Так же, как и в предыдущих, здесь перемешаны большое и малое; события исторической важности, которым автор не придавал большого значения, и мелочи, имевшие в его глазах первостепенный интерес. Это не умаляет, конечно, исторической ценности «Воспоминаний». Если в главах, ранее опубликованных, совершенно явственно ощущался отраженный свет «Былого и Дум», умалявший иногда самостоятельное значение мемуаров Тучковой-Огаревой, то в настоящей главе, передающей события, последовавшие после смерти Герцена, не заметно ничьих влияний. Здесь нет также никаких существенных фактов, которые стояли бы в противоречии с материалами, известными нам из ранее опубликованных источников.

Воспроизводим мы настоящую главу с подлинной рукописи. Не придавая большого значения стилистическим особенностям ее текста, мы печатаем текст по новой орфографии, внеся в него необходимые исправления.

Вяч. П.

Глава из воспоминаний.

(1871 год.)

Боюсь, что не успею рассказать все, что хотелось бы передать: я чувствую приближение старости, часто мной овладевает какая-то апатия, инерция... поэтому решаюсь записывать хоть отрывочно, что вспоминается.

После кончины Герцена, я совсем было решилась остаться в Париже для воспитания моей дочери, по совету Вырубова. Перемена в моих планах подготовила, быть может, в будущем те роковые обстоятельства, которые впоследствии разразились над моей головой страшным ударом, закончившим мою личную жизнь, затем осталась не жизнь, а служба: служба близким и дальним, служба убеждениям и воспоминаниям. — Но надо сказать прежде, что́ побудило меня изменить мое намерение основать свое жительство в Париже: вскоре после кончины А. И. Герцена, старшая дочь его Наташа поехала в Женеву с Тхоржевским для свидания с Н. П. Огаревым, там находились в то время Бакунин, Нечаев и много других менее замечательных сообщников-революционеров. Бакунин и Огарев знали о недавней болезни Наташи, болезнь которой едва начинала проходить и в которой ей постоянно мерещились самые драматические сцены из революции; во время болезни ее страдания были так сильны, так живы, что я сама настрадалась, глядя на нее. Тем не менее, эти господа решились, с странной необдуманностью, вовлечь ее в революционные бредни их партий. Видя в больной богатую наследницу части состояния Герцена, Бакунин не задумался пожертвовать ею для *дела*, забывая, что именно революционная обстановка могла угрожать ей рецидивом болезни. Бакунин делал это не из личной жадности к деньгам, он не придавал им никакого зна-

чения, но он любил революционное дело, как занятие, как деятельность более необходимую для его беспокойной натуры, чем насущный хлеб.

Наташа возвратилась к нам в Париж молчаливая, исполненная таинственности, и объявила нам, что намерена поселиться в Женеве близ Огарева. Ее брат А. А. [124]) и я были поражены не только ее решением, но и ее загадочным видом и ее задумчивостью. Со слезами на глазах А. А. просил меня ехать с ней в Женеву и не оставлять ее под исключительным влиянием революционеров. Но просить меня было лишнее, я любила Наташу; ходя за ней в ее двух болезнях, которые, вероятно, не без связи между собой, по словам научных людей, я радовалась, что судьба меня так поставила, что я могла в память Герцена доказать, что люблю его Наташу не менее своей дочери. А. А. и Мальвида фон Мейзенбург [125]) предлагали поместить Наташу в лечебное заведение, ходить за ней им казалось немыслимо, но я, чужая, не согласилась отдать ее на чужое попечение: «Пока ноги двигаются, не оставлю ее». Мой уход увенчался успехом, вскоре она стала поправляться, но ее любящий отец оставил нас, не видав ее здоровую. Это одно из самых тяжелых сознаний моих.

Приехав в Женеву, мы сначала поместились в каком-то маленьком пансионе; общество пансиона было весьма неинтересное, а пища казалась только для вида, питательного в ней ничего не было. По этому поводу, помню, как мы раз смеялись за table d'hôte'ом, когда какой-то молодой человек, вероятно какой-нибудь commis-voyageur, передал мне блюдо с серьезной важностью, говоря: «Permettez-moi, madame, de vous offrir ces ossements» [126]), так как мяса не было, а только кости.

Но возвращаюсь к моему рассказу. Каждый день с утра Наташа отправлялась к Огареву и там садилась за письменный стол, ей дали обязанность секретаря общества [127]), и некоторое время она не понимала, что они так же играют в тайны, как дети в куклы. Иногда она уходила с сильной мигренью, я отсоветовала ей итти, но она отвечала, что ей недозволено пропустить и одного дня; случалось, что ей становилось там еще хуже, она принуждена была бросить

работу, прилечь на диван и ночевать у Огарева, а я ее ждала в большом беспокойстве. Раз, часа через два после ее ухода, мне приносят от нее записку, в которой она говорит, что уезжает на два дня в Берн к Марии Каспаровне Рейхель, давнишнему другу Герцена и его семейства. На третий день она возвратилась и призналась мне, что вовсе не была у Марии Каспаровны, но что Нечаев посылал ее с поручением к какому-то господину, который жил в горах,—ей пришлось совершить трудный путь одной с проводником, ночевать в каком-то пустынном месте у глухой и неприветливой старухи. Ей дали комнатку на чердаке, дверь не затворялась, а хлопала от порывистого ветра. Наташа придвинула к двери какой-то тяжелый комод и тогда прилегла, но заснуть вовсе не могла. Слушая ее рассказ, у меня сердце замирало, я боялась, чтоб все эти волнения и страхи не подействовали бы на ее нервную, потрясенную болезнью натуру. К счастью, ожидаемых мною последствий не было, она, видимо, поправлялась; в наших беседах я ей доказывала, что все это игра, что, вероятно, никакой надобности не было посылать ее в горы, порученье придумано, чтоб испытать ее храбрость и послушание, а также чтоб заинтересовать ее. Переписываясь с сестрой, Александр Александрович искал тоже ослабить влияние Бакунина, говорил, что считал серьезной пропагандой действия своего отца и Огарева, но у этих революционеров нет никакой задачи, они только играют в революцию.

В то время мы занимались печатанием посмертного издания Герцена. Почему-то Нечаев и компания узнали, что в этом томе будет статья о нигилистах, и потому я получила по почте из Германии бумагу, озаглавленную «Народная Расправа»; послание это, очевидно, было написано в Женеве; в нем запрещалось печатать сочинения необдуманного, но талантливого тунеядца Герцена, и что если я и семья его не послушаемся этого предостережения, то будут приняты против нас решительные меры. Оригинал этой бумаги был отослан мною в редакцию «Русской Старины» при жизни М. И. Семевского.

Конечно, мы продолжали печатать, даже с большей энергией. Уведомленный мною об этом загадочном послании

Александр Александрович Герцен писал мне, чтоб я ехала к Карлу Фогту, посоветовалась бы с ним и отдала бы ему оригинал на сохранение, так как у меня была верная копия.

Я бывала иногда в семье Фогта, знала его милую жену и отправилась к ним по совету Александра Александровича, но на этот раз, посидев недолго с m-me Фогт, я сказала ей, что должна переговорить с ее мужем по серьезному делу. Она пошла к нему наверх и скоро возвратилась за мной, говоря, что Карл Фогт просит меня наверх, потому что лежит в страшной мигрени. Он был также подвержен этой болезни, как и вся семья Герцена.

Когда я вошла, Фогт в халате лежал на постели: лицо его выражало нестерпимое страдание, я старалась сжато передать ему в чем дело, рассказала в нескольких словах об угрозах нигилистов; он пришел в большое негодование и был одного с нами мнения, что эти угрозы должны только прибавить энергии в деле издания посмертного сборника, и охотно взял оригинал на сбережение. Так как я не знала, что значит *решительные меры*, то думала, не хотят ли они силой взять рукопись, и вручила ее Фогту.

Наташа поправлялась, после болезни хладнокровнее смотрела на революционеров, стала реже ходить к Огареву, реже видать Бакунина и его приверженцев, вследствие этого мы переехали из пансиона подальше и поселились в маленьком домике, который, вероятно, был построен для жильцов—скорей красиво, чем прочно. Домик находился в большом саду, тут же виднелся большой дом, в котором жил хозяин с своим семейством. Надо сказать несколько слов о хозяине, так как он был в своем роде редкостью; я забыла его антипатичную фигуру, он был олицетворенный bourgeois [1]) и заслужил репутацию страшного реакционера: среднего роста, замечательно худощавый, он походил на паука или на скелета, держался так неестественно прямо, что, казалось, он проглотил аршин и с тех пор потерял всякую эластичность, гибкость членов; голос его был отрывист, а звуком он напоминал скорей какую-нибудь хищную птицу, чем человеческий голос. Голова его была всегда гордо зака-

[1]) Мещанин (перевод автора).

нута назад, он носил шляпу (cheminée), и я не раз дивилась, как она не падает с его закинутой назад головы. Он приходил в умиление перед своей собственностью, он лелеял все, что ему принадлежало, и потому страстно любил занимаемую нами квартиру. По крайней мере раз в месяц, а иногда и чаще, он являлся к нам и с любовью осматривал все комнаты, — под разными предлогами, а в сущности он не доверял, он хотел видеть, как мы обращаемся с его собственностью, и давал нам почувствовать, что это все его, что мы тут так, для того только, чтоб собственность приносила доход. Иногда эти посещения были очень смешны, но большею частью они нам надоедали, потому что каждая из нас имела свое дело, а нужно было следовать за ним по комнатам, а иногда и сидеть с ним в гостиной. Тогда я занималась изданием посмертного сборника и, кроме того, занималась переводом на французский язык «Писем из Франции и Италии», а Наташа взяла на воспитанье старшего сына своего брата, его звали Тутс, это тот самый ребенок, о котором говорится иногда в письмах Герцена.

Маленький Тутс был хорошо одарен, но упрям и капризен до невероятности. Нередко бывали забавные сцены между терпеливой теткой и упрямым племянником. Раз он ни за что не хотел итти в школу, и когда тетка сказала, что сама не пошлет его, он объявил, что пойдет непременно, и раскричался на весь дом: ни Наташа, ни я не могли его унять. Я ушла от них; вдруг мне пришла блестящая мысль, унять его хитростью. Подождав немного, я опять вошла к Наташе и сказала ей при Тутсе, что хозяин присылал к нам и велел сказать, что этот ужасный крик так его беспокоит, что он просит нас запереть крикуна в подвал. Выдумка удалась как нельзя лучше: не только Тутс поверил, но и Наташа тоже.

— Неужели это правда? — спросила она меня по-английски.

— Конечно, все вздор, — отвечала я серьезно, чтоб не разуверить Тутса моим смехом.

Хозяин был такой странный, что можно было всему поверить.

В Женеве мы познакомились с одним соотечественником (из нигилистов). Он оставил Россию несколько лет тому

назад, был и в Америке. Он нам нравился тем, что был проще, откровеннее нигилистов. Он сказал нам, что фамилия его Серебреников, но весьма возможно, что эта была вымышленная фамилия. Многие из эмигрантов жили под вымышленными фамилиями.

Тогда уже полиция искала Нечаева, и вот раз во время прогулки Нечаева с Серебрениковым полицейские напали на них; однако Нечаев успел бежать, а Серебреникова схватили и отвели в тюрьму. В тюрьме Серебреникова допрашивали, записывали его показание, приезжал из Питера какой-то вызванный по телеграфу русский генерал, он читал показания Серебреникова и ходил смотреть на него в тюрьму. Когда его арестовали, Серебреников жил у Огарева; несколько дней после его ареста полицейский является к Огареву, говоря, что Серебреников просит свой sac-voyage с бумагами; Огарев не догадался, что это полицейская уловка, и выдал бумаги Серебреникова. Последний был в отчаянии, когда узнал об этом, потому что в бумагах были письма, имена, он мог многим повредить.

В это время русские эмигранты, не исключая и женщин, много толковали об убийстве Иванова Нечаевым; от самого Нечаева никто ничего не слыхал: он упорно молчал. Эмигранты разделились на две партии: одни находили, что надо подать прошение швейцарскому правительству, убеждая его не выдавать Нечаева и заявляя, что вся русская эмиграция с ним солидарна, другие, наоборот, не признавали никакой солидарности с ним и утверждали, что, не слыша ничего от самого Нечаева, нельзя сделать себе верного представления об этом деле и притти к какому-нибудь заключению, и мы с Наташей так же думали.

По этому поводу нашли нужным собрать всех эмигрантов и выслушать их мнение. Мы думали, что поговорят и не будет никакого собрания; однако Николай Иванович Жуковский, учивший в то время мою дочь русскому языку, сообщил нам однажды, что собрание эмигрантов непременно будет на-днях и что нас собираются тоже звать. Это не мало нас удивило, потому что мы отлично знали взгляд нигилистов на наше семейство: они называли нас аристократами, тунеядцами и пр. Однако вскоре нам принесли форменное при-

глашение, и мы решились итти для курьеза, не придавая никакой важности этому сборищу. Моя дочь, тогда двенадцатилетняя девочка, непременно хотела нас сопровождать, но, к счастию, мне удалось ее разговорить, ей надо было вставать рано, а собрание было назначено в 10 часов вечера и могло продлиться за полночь, мы жили далеко, пришлось бы итти пешком, потому что в такой поздний час в Женеве не нашлось бы экипажа. Потом мне не раз вспоминалось это собрание, и я радовалась, что моей дочери не было с нами.

В назначенный день вечером мы отправились обе и нашли café, в котором должно было происходить заседание эмигрантов. Это была в rez-de-chaussée [1]) очень большая зала: во всю длину комнаты помещался стол, покрытый клеенкой, а кругом стулья. В зале находилось уже много знакомых и незнакомых соотечественников; две или три висячие лампы ярко освещали всю комнату и присутствующих; наконец, явился и Огарев, и заседание началось. Председателем был, кажется, Мечников. По лицу Огарева я сейчас заметила, что он не совсем трезвый. Все сели, Огарев возле меня, облокотился на мой стул и дремал. Он старался внимательно слушать, что говорилось, но не мог и только изредка, кстати и некстати, говорил: «Пожалейте его, господа, просите за него» (т. е. за Нечаева). Последний ходил взад и вперед по комнате, не подходя к столу и не вмешиваясь в толки эмигрантов, однако его присутствие, вероятно, очень стесняло многих из них. Когда все сели и водворилась тишина, председатель сказал в нескольких словах, в чем заключалась цель собрания и какие вопросы он будет предлагать эмигрантам. «Желательно знать, много ли людей из нашего собрания считают себя солидарными с Нечаевым? Кто не солидарен, пусть поднимет руку». — Я подняла руку, Наташа и многие другие. Потом стали обсуждать, нужно ли просить швейцарское правительство, чтоб оно не выдавало русских политических преступников. Тут стало шумнее, и трудно было расслышать, что говорилось: иные внушали, что не нужно говорить об этом, потому что этого не было и не будет никогда. Другие говорили о безотрадном положении Серебреникова.

[1]) Нижний этаж.

Как доказать, что он не Нечаев: свидетели, выписанные из России, скучают, они начинают сомневаться, не он ли сам Нечаев, бумаги Серебренникова в руках русских шпионов. Как сделать, чтоб освободить Серебренникова, надо спешить придумать что-нибудь, каждый час дорог, его могут выдать на-днях.

Говорили, говорили и ничего не решили.

Когда пробила полночь, Мери [1]) пришла за Огаревым, к несчастию, она вовсе не была та кроткая женщина, которую так мило описала Т. П. Пассек, не знавшая ее ничуть. Лицо ее (couprosie) показывало, что она часто заглядывала в бутылку. По ее отрывистой походке, по неровным движениям я догадалась, что она пьяна, и старалась отодвинуть свой стул от Огарева, который ничего не замечал, добродушно улыбался и опять придвигался. Я рада была, когда все встали и начали собираться выходить. Огарев один все еще сидел. Вдруг, раздвигая бесцеремонно толпу, Мери подходит к нам, начинает говорить дерзости по-английски с поднятыми кулаками. «Господа, — вскричала я в испуге, — что мне делать, я не умею драться».

Тогда Нечаев и другие схватили Мери и повели ее вон. Кто-то из присутствующих подошел к Огареву и предложил ему проводить его домой. Мы стояли с Наташей, обрадованные нашему неожиданному избавлению, но испуганные за Огарева. Передав кому-то Мери, Нечаев опять подошел к нам, и мы обе в один голос стали просить его не оставлять Огарева одного с этой страшной женщиной.

— Нет, нет, — отвечал он, — я поручил охранять его, да что же делать, ему частенько достается, да кто виноват, зачем связался с такой женщиной!

Он не видел моего лица, вуаль моя была опущена, он не знал, какую боль он вызвал, какой упрек мне бросил.

Когда мы вышли, я протянула ему руку на прощанье и горячо благодарила за то, что он спас меня от оскорблений.

Мы направились домой, Нечаев шел возле нас, говоря, что, так как очень поздно, он проводит нас. На другой день

---

[1]) Известная по запискам Т. П. Пассек (прим. автора).

Наташа опять пошла к Огареву: ее занимала участь бедного Серебреникова.

Когда мы по вечерам оставались одни, она расспрашивала меня о моих впечатлениях относительно собрания эмигрантов. Вообще она всегда более любила расспрашивать, чем высказываться. Я отвечала ей, что для этого собрания не стоило и собираться.

— Какая солидарность, — говорила я, — с человеком, который не настолько уважает эмигрантов, чтоб разъяснить им дело Иванова; вот Серебреникова жаль, надо бы его спасти; я думаю об этом, Карл Фогт член в Grand Conseil, его очень уважают, ему поверят, но только как сделать, чтоб Фогт нам поверил.

— То есть в чем поверил? — спросила Наташа.

— Да, разумеется, в том, что Серебреников не Нечаев; он подумает, что мы хотим спасти Нечаева.

Несколько дней прошло после этого разговора.

— Нечаеву очень трудно скрываться, его ищут везде, — говорила мне как-то поздно вечером Наташа.

— Что же делать? — отвечала я. — Уезжал бы. Поздно, пора спать.

— Нет, посидим еще немного, — возразила она. — Скажи мне, что бы сделала, если б Нечаев пришел тебя просить укрыть его? — и она посмотрела на меня с своей милой улыбкой. — Ты скажи? А...

— Я не знаю, — да где здесь скрывать кого-нибудь, с нашим хозяином вдобавок. Ты знаешь мое мнение о Нечаеве? Бог с ним! Пойдем лучше спать.

— Но если б он пришел тебя просить скрыть его хоть на два, на три дня, — продолжала допрашивать Наташа, — неужели ты бы отказала, Натали, если нет крова над ним?

— Я его не люблю, не уважаю, и он не придет сюда, — отвечала я резко.

Вдруг раздался звонок.

— Как поздно, — говорю я, — кто бы это был, девушка спит!

— Постой, я посмотрю, — говорит Наташа, — а если это он?

Через несколько минут она возвратилась и сказала мне шопотом:

— А ведь это он!

— Как, неужели? — вскрикнула я в неприятном изумлении.

— Неужели ты его прогонишь! — говорила она тихо.

— Нет, этого нельзя сделать, но как мне это неприятно,— сказала я.

Подойдя к передней, я увидала Нечаева. Он поклонился и подал мне руку, говоря:

— Позвольте мне остаться у вас два-три дня, не более.

— Хорошо, — сказала я, — но долго здесь нельзя скрываться.

Он вошел незамеченный прислугой, потому что все спали.

Возле Наташиной комнатки была узкая, пустая комнатка, куда мы сами отнесли матрац, подушку и белье; он сделал себе постель на полу; в Наташиной комнате придвинули тяжелый туалетный стол к двери, которая находилась между этими двумя комнатами, кроме того, из обеих комнат было по двери в маленький коридорчик. Я привязала колокольчик к ножке туалетного стола и сказала Наташе, что, если двинут стол, колокольчик зазвенит, и я прибегу. Мне ужасно не нравилось такое близкое соседство Нечаева с Наташей, но другого помещения не было. Мы разошлись очень поздно и, усталые, крепко заснули. Но через несколько дней, рано поутру меня разбудил колокольчик, и я бросилась к Наташе.

— Колокольчик зазвенел, — говорила я испуганно.

— Но ведь это в пансионе напротив, ты меня разбудила,— говорила сонная Наташа.

— Ну, извини, я сама очень испугалась.

Нам пришлось сказать только моей дочери о присутствии чужого человека в доме; служащие не знали об этом и не ходили в пустую комнату, где окна были завешены. Под разными предлогами, моя дочь оставляла кушанья будто для себя и относила их Нечаеву. Днем он бывал в комнате у Наташи, к нему постоянно приходил какой-то итальянец-революционер Земперини, который все обещал принести Нечаеву рабочую блузу и корзину, но в сущности придет, поговорит и только.

Уже прошла неделя, что Нечаев поселился у нас; я очень желала, чтоб он отправился, но он все откладывал.

Положение Серебреникова становилось очень опасно, и потому я решилась отправиться к Карлу Фогту. На этот раз я застала его здоровым. Он сидел один в гостиной. Поздоровавшись с ним, я сказала:

— Я к вам, monsieur Vogt, с большой просьбой, вы наша единственная надежда.

— Что такое? Опять нигилисты вам угрожают? — спросил он.

— Нет, другое, — отвечала я. — Вы слышали об аресте нашего соотечественника Серебреникова, слышали, может, и об ошибке Огарева, который отдал sac-voyage Серебреникова полицейскому? Если Серебреникова выдадут, будет очень плохо и для него и для многих других, потому что в бумагах были письма, имена...

— Да, да, — сказал он, — я кое-что слышал об этом.

— Я бы желала, чтоб вы в Grand Conseil дали честное слово, что Серебреников не Нечаев — вам поверят.

— Понимаю, — сказал он с едва заметной улыбкой: — вы хотите спасти Нечаева и потому говорите, что это не он.

— Нет, действительно это не он, уверяю вас! — возразила я.

— Но какие же доказательства, что это не он? — спросил Фогт.

— Я не могу вам дать доказательств, я только даю вам честное слово, что это не он, — был мой ответ.

— Но если бы это был Нечаев, вы бы, вероятно, тоже готовы были сказать, что не он, чтоб его выпустили.

— Это правда, хотя я не из его друзей, и тогда надо бы стараться спасти его; что пользы Швейцарии покрыться таким позорным пятном: выдача политического преступника.

— Где же Нечаев? — спросил Карл Фогт.

— Он скрывается, — отвечала я, — честное слово, он на свободе, я это верно знаю, а доказательств не может быть.

Фогт молчал и сидел задумчиво, с замечательной проницательностью поднимая вдруг голову и обращаясь ко мне:

— Он скрывается у вас в доме! — воскликнул он.

— Вы отгадали, я не боюсь вам в этом признаться.

— Он вам враг и Герцену тоже, а вы подвергаетесь, чтоб спасти его, — сказал он с таким выражением в лице, которого я никогда не видала.

— Ну, что ж делать, это правда, — сказала я, вставая,— теперь вы верите и скажете, что Серебреников не Нечаев.

— Да, я сделаю это, — заключил он, протянул мне руку и крепко пожал ее. И мы расстались.

Когда мы сошлись вечером с Наташей, я передала ей разговор с Фогтом и его обещание. Наташа очень радовалась, что дело Серебреникова принимало такой счастливый оборот; через несколько дней мы узнали, что Серебреникова выпустили по вмешательству Фогта.

На другой или на третий день после моего посещения Карла Фогта, хозяин наш вздумал осматривать нашу квартиру; я с ужасом вспомнила о Нечаеве и отправилась за ним по комнатам: мы побывали везде, даже в кухне, потом он вошел в коридорчик возле Наташиной комнаты, а я стала спиной к двери, ведущей в пустую комнату, и думала, ни за что не пущу его сюда, но как? Надо что-нибудь придумать наскоро...

Долго хозяин меня продержал у этой двери, рассказывая мне свои планы для переделки дома; я не помню, что я ему наговорила, я была почти в лихорадке; наконец, к моей радости и удивлению, он поклонился, повернулся и ушел, а я подошла к окну и со страхом смотрела ему вслед, боясь, что он вернется назад, что бывало иногда с ним. Наконец, я вошла к Наташе, испуганная и не в духе. Наташа смеялась, глядя на меня:

— Что с тобой, на тебе лица нет?

— Еще бы! Я провела очень неприятные минуты у двери Нечаева; ну, что, если б хозяин ее отворил: увидал бы мужчину молодого, постель на полу, окны завешенные. Во-первых, что бы он подумал о нас! Хороши эти дамы в трауре! Потом он спросил бы паспорт у Нечаева, нашумел бы и выдал бы его полиции, тут бог знает какие могли бы быть последствия — нет, пора ему оставить и наш дом и Женеву, вот уж десять дней, как он у нас.

В эту минуту Нечаев вошел.

— Мне кажется, — сказала я, — что вам неудобно более оставаться у нас: хозяин нашего дома ужасный реакционер, он мог сегодня вас выдать, этим нельзя шутить.

— Да вот Земперини все обещает принести мне рабочую блузу и корзинку, и я выйду не замеченный никем, — отвечал мне Нечаев.

— Хорош революционер, который не мог в десять дней достать таких пустяков! Да вам куда надо ехать? — спросила я. — Вероятно, вы хотите переехать через озеро и высадиться в Савойе?

— Да, конечно, — сказал Нечаев, — надо удалиться хоть на время.

— Если вы согласны, я вас завтра сама отвезу, — сказала я живо.

Нечаев улыбнулся недоверчиво, и Наташа взглянула вопросительно на меня.

— Это очень просто, — сказала я, — вот увидите, будьте готовы завтра в двенадцать часов.

Я заказала с утра карету с парой хороших лошадей к двенадцати часам. В 12 часов карета с прекрасной парой гнедых лошадей стояла у нашего крыльца; хозяйка дома шла с детьми по саду, возвращаясь домой к обеду; увидав экипаж у нашего домика, она подошла ко мне и, поздоровавшись со мной, спросила, кто приехал к нам или кто едет? Мы всегда ходили пешком.

— Я еду, — отвечала я ей спокойно, — доктор мне велел, для здоровья моей дочери, ехать куда-нибудь подальше за город, вот я и взяла карету.

Удовлетворив свое любопытство, она раскланялась со мной и продолжала свой путь, а я вошла к Нечаеву.

— Вы готовы, карета подана — пойдемте, — сказала я торопливо.

Он протянул руку Наташе, простился с ней и последовал за мной.

Прислуга, приняв Нечаева за одного из русских, которые бывали у нас, не обратила на него никакого внимания, тем более, что все делалось открыто, днем и без всякой таинственности. Мы сошли втроем, я села с Нечаевым рядом, моя дочь впереди, и мы быстро помчались из Женевы, не помню теперь

в какое местечко, часа за три от Женевы. Когда мы оставили город за собой, я вздохнула с облегчением, хотя я и была уверена, что полиция никак бы не предположила, что Нечаев выехал из Женевы в полдень, в таком красивом экипаже и на таких быстрых конях; мне приятна была почти верная удача, а жутко, — это то чувство, которое, вероятно, испытывают игроки. Часа через три мы доехали до избранного нами местечка. Как водится, кучер подвез нас к единственному трактирчику, где ничего нельзя было найти съестного, но зато откуда вид на озеро был великолепен. В маленьком садике, окружающем трактир, были цветники и беседки с столами, в праздничные дни тут, вероятно, бывало много посетителей, которые, накатавшись вдоволь в лодках, закусывали незатейливыми швейцарскими блюдами и запивали местным вином. И мы поместились в одной беседке ее, спросили чего-нибудь поесть, нам подали сыр и белое, кисло-сладкое вино.

— Вы мне не верили,—сказала я Нечаеву с торжествующим видом,—а я скорее устроила ваш переезд, чем ваш Земперини.

Я была довольна и смеялась от души.

— Вас не знали, — возразил мне Нечаев, — я очень жалею, что судил о вас, не зная вас.

Но Нечаеву не сиделось, он, видимо, торопился: было так близко от спасенья, потому-то ему и было страшно, и он спешил перебраться на другую сторону. Прощаясь, он мне сказал, что никогда не забудет, что я сделала для него, благодарил и мою дочь за ее попеченье о нем и за уменье в эти годы хранить тайну. Он сел в лодку и долго махал нам платком — и переехал благополучно в Савойю.

Зачем он не уехал в Америку, как мы ему часто советовали с Наташей во время его пребывания в нашем доме? В то время я иногда жарко спорила с ним, говорила, что не понимаю нигилистов, что нужно у нас трудиться над реформами, над образованием народа, а они не знают, чего хотят и ни до чего не дойдут.

Раз Наташа сидела с ним одна в своей комнате. Нечаев заметил, что она пристально смотрит на его руки, и спросил ее об этом; сначала она не хотела сказать, что думает, но он настаивал.

— У вас пальцы какие-то странные, будто искусанные,— я думала, что это Иванов... — сказала она.

Нечаев не дал ей договорить.

— Какой вздор, — сказал он и стал ходить взад и вперед по комнате, а потом заговорил о другом [128]).

Впоследствии Нечаев вернулся опять в Женеву и был взят полицией [129]). Это случилось, когда я находилась с дочерью в горах, Тхоржевский тоже приехал туда, и мы ждали Наташу Герцен; вдруг получаю телеграмму, в которой говорится, что директор полиции желал бы видеться со мной, а я, простудившись, хворала в то время; Тхоржевский советовал отвечать, что, по случаю болезни, не могу его принять; но мне пришло в голову попробовать возбудить в нем человеческие чувства и гордость за родину. Я отвечала, что больна, но могу его принять.

Он приехал, и мы просидели с час вдвоем.

После обычных приветствий, он сказал мне:

— Вы знали Нечаева, я желал бы убедиться, его ли мы арестовали? — и положил карточки в разных видах одного лица.

— Я видела Нечаева тому несколько лет и мельком, ведь он не принадлежал к приверженцам Герцена, я бы боялась ошибиться, есть такие изумительные сходства, нельзя решить такой важный вопрос только по сходству, а если ошибутся, какие гибельные последствия. Я тоже желала вас видеть, чтоб просить вас спасти не только того, который в вашей власти, но и честь вашей родины. Неужели она наложит на себя такое неизгладимое пятно, как выдача политического преступника.

— Но наше правительство, — отвечал директор полиции, — смотрит на Нечаева как на простого уголовного преступника.

— А все-таки подкладка этого дела политическая, — возразила я, — и неужели Швейцария, страна свободы, унизит себя до выдачи обвиняемого.

— Вероятно, русское правительство обещало нашему судить Нечаева не как политического преступника, — отвечал он.

Я улыбнулась: волк обещал сберечь овец!

— Пожалуйста, — продолжала я с жаром, — если вам дорога честь вашей родины, дайте средства вашему заключенному скрыться, бежать хоть в Америку, там пока не выдают еще людей; подумайте: это пятно ничем не смоется, оно запишется в историю, пожалейте свободную Гельвецию, она не знает, что делает, она в буржуазной горячке!

Он встал, и мы расстались, не добившись желаемого ни тот, ни другой. Да где было, хоть и высшему полицейскому, понять боль, вызванную во мне возможностью такого падения страны, некогда гордой своей свободой и умением держаться независимо между большими государствами?

Старое Акшино, 20 октября 1894 г.

X.

Письма М. Бакунина к Альберу Ришару.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Публикуемые ниже шестнадцать писем относятся к наиболее интересным образцам эпистолярного наследства Бакунина. Первое письмо датировано 4 декабря 1868 г., последнее — 4 сентября 1870 г. Другими словами, переписка охватывает первый период борьбы в Интернационале и подходит вплотную к франко-прусской войне. Если принять во внимание, что значительная часть писем была зашифрована, что Альбер Ришар, член бакунинского Альянса, был агентом Бакунина в Лионе, его доверенным лицом и одновременно членом Лионской секции Интернационала, что главным содержанием переписки является судьба «Альянса» и борьба с Генеральным Советом, что в ней имеются, кроме того, замечания о русских делах и Нечаеве, о франко-прусской войне и о восстании в Лионе, — значительность этих писем, как исторического документа, делается ясной.

Среди них письмо от 1 апреля 1870 г. представляет исключительный интерес. Подобно многим другим документам, сделавшимся известными лишь в последнее время, это письмо проливает свет как на методы бакунинской конспиративной деятельности в недрах Интернационала, так равно и на цели, к которым он стремился. Здесь резче, чем в каких-нибудь других своих высказываниях, Бакунин говорит о «незримой», «коллективной» диктатуре «всех союз-

ных сил». В разных местах его переписки часто встречается слово «союзники» (Alliirte). Нелишним поэтому будет здесь указать, что этим словом Бакунин обозначал тот круг объединенных друзей, которых он считал участниками своей «незримой» революционной работы. Это были члены тайного Альянса, «братья», как иногда называл он их. Отрицая диктатуру «вообще», власть «вообще», Бакунин признавал лишь «единственную власть», «единственную диктатуру» — «незримую диктатуру» своей тайной международной организации, которая должна была «руководить народной бурей». Не лишены, затем, большого интереса замечания Бакунина, касающиеся общего хода революции. Конечное признание «незримого руководства» разнузданной анархией говорит о том, что Бакунина, в конце концов, выручала огромная революционная интуиция. Сам того не сознавая, он вносил в свои политические и теоретические заблуждения поправки столь существенные, что они отрицали самые основы его анархического миросозерцания.

В письмах к Ришару сказались все достоинства и недостатки бакунинской манеры конспирировать. Его пристрастие к шифрам, тайным знакам, условным обозначениям вполне понятно и нисколько не удивительно: без шифра не может и не должна обходиться ни одна тайная революционная организация. Но в Бакунине страсть эта, как и все прочее, принимала необычайные формы. Он создавал по нескольку шифров, старые меняя на новые, конспирируя, очевидно, не только против врагов, но и против друзей. Но шифры нередко терялись, сам Бакунин путал условные обозначения, в результате — некоторая часть его шифрованной переписки может быть раскрыта только по догадке. Что касается настоящих писем, — они находятся в благоприятных условиях, так как шифры, которыми зашифровал Бакунин их значительную часть, опубликованы полицей-

ским «историком» Интернационала, Оскаром Тестю, в его известной, ныне ставшей редкостью, книге «L'Internationale et Jacobinisme au ban de l'Europe» (Paris, E. Lachaud, éditeur, 1872, два тома). Шифры эти, вместе с массой других ценнейших документов, были захвачены полицией при арестах после лионского восстания, которые и дали возможность Тестю «написать» свою вздорную, несмотря на исключительную документальность, историю: бакунинский Альянс он отождествил с Интернационалом.

Что Бакунин пользовался несколькими шифрами в переписке с Ришаром, можно заключить по первому из публикуемых писем: оно не поддается расшифровке с помощью ключа, опубликованного О. Тестю. Здесь нам пришлось следовать за М. Неттлау, который, очевидно, располагает еще и другими ключами. Кроме того, в тех шифрах, которые опубликованы в книге Тестю, одно и то же слово имеет разные условные обозначения. Так, именем Юлия (Julie) в одном случае обозначен Б. Малон, в другом — Hénon [1]). В одном случае под именем M. Roux фигурирует Испания, в другом — Париж, который имеет еще ряд других условных обозначений, и т. п. Некоторые имена тщательно зашифровывались, другие в шифрованных письмах оставались раскрытыми. Мы не будем, разумеется, в этом кратком предисловии изучать характер шифров Бакунина. Говорим все это лишь для того, чтобы пояснить, почему в некоторых случаях даже с помощью ключей нам не удалось восстановить некоторых имен и раскрыть некоторые намеки. Там, где мы не имели никакой возможности расшифровать слово, мы в скобках ставили знак вопроса (?). Точно так же поступали мы в тех случаях, когда сомневались в правильности восстановленного нами смысла.

---

[1]) Мэр города Лиона.

Мы не будем здесь анализировать содержания публикуемых писем. Читатель, хотя бы бегло знакомый с эпохой I Интернационала и с борьбой, которую вел с Марксом Бакунин, без труда увидит неправоту тех авторов-анархистов, которые изображали конфликт в Интернационале исключительно как следствие злой воли Маркса, не взлюбившего Бакунина и желавшего истребить его влияние в Международном Обществе Рабочих. Маркс, правда, не любил Бакунина. Но ведь и Бакунин не любил Маркса. Маркс, правда, стремился «истребить» влияние Бакунина в Интернационале, но ведь и Бакунин стремился «истребить» влияние Маркса. Писатели, которые не хотят видеть агрессивности в поведении Бакунина, просто не понимают его как революционера, извращают его облик. В борьбе Маркса и Бакунина они изображают последнего в виде мирной, безответной овечки, тогда как Бакунин был из породы тигров: он не любил обороняться, но предпочитал нападать. И в письмах к Альберу Ришару, которые тщательно шифровал он не только от полицейского глаза, но и от своих друзей по Интернационалу, приподнимается завеса над тайной борьбой, которую прилежно и неустанно вел Бакунин против Генерального Совета.

Интерес писем, однако, не исчерпывается приведенным их содержанием. Они дают богатейший материал для уяснения некоторых взглядов Бакунина. Горячие слова о растворении личности в коллективе, апология невидимой организации, сеть которой раскинута по стране, не случайное упоминание ордена иезуитов — все это имеет первостепенный интерес в деле понимания организаторских приемов Бакунина. Его призыв к рабочим Франции, его критика буржуазии представляют собой едва ли не самые яркие страницы, когда-либо написанные Бакуниным. Не следует забывать, что письма были написаны по-французски и в переводе

потускнел, конечно, тот пафос, то напряжение страсти, которые характеризуют агитационный стиль Бакунина. Письма от 23 августа и 4 сентября 1870 г. должны быть отнесены к самым ярким образцам бакунинского эпистолярного наследства. Вместе с тем в них ярко проявилась основная черта его революционного характера, отмеченная еще Герценом: увлекать не доводами, а желанием. Он хотел верить и верил, что путь, на который он звал Францию в 1870 г., есть единственный победный путь. И потому, что им двигала вера, так потрясла его неудача 1870—1871 гг., от которой он уже не мог оправиться.

В некоторых письмах идет речь об обвинениях, направленных против А. Ришара. Насколько серьезны были неприятности, можно заключить по нижеследующим документам:

«Разговор председателя конгресса гражданина Э. Дюпона из Лондона с делегатом Гринаном по поводу протеста, заявленного против А. Ришара-сына.

Извлечение из переписки.

Что касается вопроса о Ришаре, позвольте мне, милостивый государь, привести вам *буквально* то, что мне сказал г. Дюпон, председатель, когда я вручил ему известные вам бумаги:

«Прошу вас, передайте г. Шетелю, другом которого я имею честь быть, передайте тем, кто в Лионе остался верным идее, передайте им, чтобы они бросили это дело. Эти частные, эти местные вопросы не могут обсуждаться на конгрессах; вы уже видите, что дело ..... (не разобрано) и его друзей, уже внесшее смуту в первый конгресс, повторяется на этом в еще более ожесточенной, еще более ядовитой форме. Неужели вы пожелаете бросить еще лишний элемент раздора в среду настоящего конгресса? Что скажут англичане, немцы, швейцарцы, когда увидят, что во Франции секции ведут междуусобную войну? Уже имеется война между парижскими делегатами. Нужно ли, чтоб они увидали еще и двух делегатов,

посланных лионцами, враждующими между собой? Согласен, *этот человек подделал документ*, согласен, *что он недостоин быть здесь, — это правда. Имеются все данные, чтобы его прогнать*, но он представляет секцию Интернационала, секцию Невилля, он делегирован по всем правилам; он представляет людей искренних, преданных ассоциации. Что ж, вы хотите, чтоб им нанесено было оскорбление устранением их в лице их представителя? Нет, прошу вас, бросьте это; это вопросы местные. У вас в руках документы, ну, что ж, пустите их в ход, расправьтесь своим судом, у себя. Докажите тем, кого он представляет, *что он недостоин этого, что их доверием злоупотребили. А эти бумаги, которые вы мне вручаете, будут положены в архив общества, так что мы можем в один прекрасный день, если он начал действовать против нас, против справедливости, раздавить его одним ударом. Итак, действуйте у вас по отношению к нему, как он того заслуживает, а если он поищет удачи где-либо в другом месте, мы будем действовать, мы, я вам это обещаю, от имени общества, и обещаю это вам всем.*

Подпись: *Гринан.*
С подлинным верно: *Карналь.*
С подлинным верно: *Члены суда чести».*

Суд чести, о котором сообщал Бакунин Ришару по получении этой бумаги, обратился к Евгению Дюпону со следующим письмом:

«Гражданину Э. Дюпону, члену Генерального Совета в Лондоне. *Интернациональный Союз Трудящихся.* Женева, апреля 1869.

Гражданин!

Весьма серьезные обвинения принесены Интернационалу в Женеве против гражданина Альбера Ришара, члена Интернационала в Лионе и делегата секции в Невилле на последнем конгрессе в Брюсселе, гражданами Кормье и Карналь, членами Лионской секции.

Центральный комитет женевских секций по ходатайству обвинителей и с согласия гражданина А. Ришара назначил

суд чести, которому поручено навести все справки и вынести свое решение в этом деле.

В числе обвинительных документов против гражданина А. Ришара имеется, гражданин, один, где вы названы и привлекаетесь в качестве свидетеля и даже как бы обвинителя. Мы посылаем вам копию с него. Это рассказ о разговоре, который вы будто бы имели, по словам гражданина Гринана, с ним, и *буквальное* повторение ваших собственных слов.

Нам важно знать, произнесли ли вы эти слова, да или нет, в особенности те, которые нами подчеркнуты, и которые могли исходить из уст только человека, вполне уверенного в виновности Альбера Ришара.

Вы поймете, гражданин, что разъяснение этого пункта имеет для нас большое значение. Ваше мнение, мнение человека, по всей справедливости уважаемого, и преданность которого и услуги, оказанные союзу Интернационала, известны всем, не может послужить, конечно, основанием для окончательного осуждения, но оно будет все же иметь немалый вес в обвинении, направленном против гражданина А. Ришара. Ибо мы не можем поверить, чтобы совестливый и серьезный человек мог произнести против него столь решительные, столь жесткие слова, не имея в руках неопровержимых доказательств его виновности.

Мы просим вас поэтому, гражданин, во имя справедливости, представителями которой ныне нас сделала воля товарищей, объявить нам возможно скорее, действительно ли вы произнесли эти слова, и в случае, если вы их произнесли, ознакомить нас с фактами, послужившими основанием для столь строгого приговора, который вы сочли долгом вынести гражданину А. Ришару.

Мы надеемся, гражданин, что вы поймете наше желание получить ваш ответ возможно скорее. Наша ответственность весьма велика. Приняв на себя тягостное поручение произнести приговор над честью гражданина, члена Международного Союза Трудящихся, мы должны рассматривать каждую по небрежности потерянную минуту как преступление.

Примите наш братский привет.

Члены суда чести».

Защита Ришара, за которую горячо принялся Бакунин, увенчалась успехом. Ришар был реабилитирован; Кормье и Карналь, а вместе с ними еще четыре человека, были исключены из Лионской секции Интернационала. Но вскоре Альбер Ришар показал, что напрасно хлопотал за него Бакунин: в январе 1872 г. Ришар вместе со своим другом, также бакунистом, Гаспаром Бланом, объявили себя бонапартистами.

Оригиналы писем, как мы упоминали, написаны на французском языке. Перевод сделан с копий проф. Г. А. Рачинским. Из шестнадцати писем, публикуемых нами, два отрывка (из писем I и IV) и одно письмо (XI) были опубликованы М. Неттлау в книге «M. Bakunin. Gesammelte Werke». Berlin. 1925. Verlag Sindikalist. Band 3.

Четыре письма — 1) от 10 августа 1870, 2) 16 августа 1870, 3) 23 августа 1870 и 4) 4 сентября 1870 — опубликованы им же в предисловии к I тому испанского издания сочинений Бакунина. («Obras completas de Miguel Bakunin». Buenos-Aires. 1924. 3 тома). Несколько отрывков из этой переписки использовано было Д. Гильомом в его четырехтомной работе «L'Internationale». Наконец, сам А. Ришар в воспоминаниях, напечатанных в № 17 (1 сентября) «Revue de Paris» за 1896 г., «Bakunin et l'Internationale à Lyon», опубликовал отрывки из писем от 7/II—1870, 1/IV—1870, 12/IV—1870 и 4/IX—1870.

Из всей пачки писем М. Бакунина к А. Ришару одно письмо, от 1 апреля 1870 г., имеется в нашем распоряжении не в полном виде.

Вяч. П.

I.

4 декабря 1868.

Дорогой друг, простите мое продолжительное молчание, я был завален работой. Прежде всего сообщаю вам, что центральная контора нашего нового торгового предприятия [130]), которое мы основали с помощью *Юлии* [131]), окончательно сорганизована. У вас имеются программы и устав этого нового торгового сообщества. Усердно прошу вас поэтому от имени нашей конторы устроиться так, чтобы иметь возможность помочь нам в этом предприятии. Для этой цели сговоритесь с нашими друзьями в равнине [132]) и предложите им устроить соответствующую контору. Когда *Ипполит* [133]) сговорится хорошенько с *Анной* [134]), гармония будет полной. Нам нужно добывать деньги. Займитесь нашими акциями, о которых сказано в нашей программе, а также подпиской, не забывая и об обычных поступлениях, согласно параграфу 6 устава, и не забудьте, что половина должна быть всегда отсылаема к Анне. Относительно остального вы сговоритесь с Ипполитом, с которым, как, я надеюсь, у вас будут всегда правильные сношения, а также с *Эдгаром* (?), дружбу с которым я вас умоляю поддерживать в особенности. — Вы пишете мне, дорогой друг, что «вы враг всяких уставов, и утверждаете, что они годятся только для забавы детей». Я совсем не разделяю вашего мнения по этому пункту. Излишняя регламентация отвратительна, и я думаю, как и вы, что «серьезные люди должны иметь заранее намеченный путь своего поведения и не должны от него отклоняться». Однако, условимся. Чтобы установить известную согласованность в действиях, необходимую, по-моему, между самыми серьезными людьми, стремящимися к одной и той же

цели, требуются известные условия, известные установленные правила, одинаково обязательные для всех, требуется соглашение, уговор, часто возобновляемый, иначе, если каждый будет действовать по своему усмотрению, самые серьезные люди в конце концов могут, должны будут притти к тому, что, при всей доброй воле, станут мешать друг другу, парализовать друг друга. Наступит дисгармония, а не гармония и спокойствие, к которым мы все стремимся. Надо знать, как, когда, где найти друг друга, к кому обратиться, чтобы иметь возможность воспользоваться содействием всех. Мы не богаты, и только объединив и упорядочив наши средства и наши совместные действия, мы достигнем создания капитала, способного конкурировать с объединенными капиталами наших противников [135]). Небольшой капитал, хорошо сорганизованный, имеет бóльшую ценность, чем большой капитал, дезорганизованный и плохо примененный. У вас уже 30 добрых друзей, несомненно, товарищей, исполненных доброй воли. Это хорошо для начала дела, но я надеюсь, что у вас будет их больше, и, чтобы извлечь из них всю возможную пользу, чтобы найти новых, не компрометируя слишком вашего капитала, вам так или иначе придется разделить их на группы. — Что я не совсем понял в вашем письме, это, что вы, восставая против мании уставов, в то же время в таком восторге от делегата равнины [136]), рекомендованного вам *Исидором* (?) и сообщившего вам о существовании компании [137]), значительно более регламентированной, чем наша, и вполне деспотически организованной, достойной властного духа Луи [138]). *Эмилия* (?) в письме ко мне отрицает, что *Мишель* (?), иначе говоря Фредерик (?), входит в эту компанию. Вас хотели, следовательно, обмануть; она не сомневается, что этот господин подослан к вам Луизой [139]). Она прибавила, что предупреждала вас об этом и письмом, и через друга, которого она к вам послала. Я настойчиво советую вам, дорогой друг, писать от времени до времени *Эмилии*: она прекрасная девушка, очень сдержанная и вполне преданная. Друзья собираются у нее десятого, двадцатого и тридцатого каждого месяца. Если вы напишете за день или за два до этих сроков, вы можете быть уверены, что ваше письмо будет прочтено всеми, и вы будете иметь

таким образом возможность получить в ответ более подробные сведения. Впрочем, я не замедлю вас известить, когда у меня будут интересные новости. Юлия, Виктор [140]), Жан [141]) и Жак [142]) — достойнейшие люди; я не сомневаюсь в том, что некоторые из них, в особенности два первых, а также последний, станут рано или поздно весьма дорогими друзьями для нас. Юлия, так сказать, уже вполне приобретена. Виктор еще внушает мне некоторое беспокойство, потому что он, повидимому, более или менее тесно связан с Луи; впрочем, видна уже заметная перемена в его взглядах на коммерческие операции. Он уже решительно больше не дорожит той безусловной и, так сказать, диктаторской централизацией капиталов, которая является существенной частью коммерческой системы Луи. И по этому поводу, дорогой друг, позвольте мне сказать вам, что вы неправильно понимаете и приемы и дух моей борьбы с диктатурой в делах. Я не желаю диктатуры одного капиталиста, или одной группы капиталистов, или одного рынка над другими. Я хочу, чтобы порядок, спокойствие в делах были результатом не единой воли, но коллективной, хорошо сорганизованной воли многих товарищей, рассыпанных в каждой стране и во всех странах. Это значит ставить тайное, но могучее действие всех заинтересованных на место управления, исходящего от единого центра; но, чтобы эта децентрализация стала возможной, нужна реальная организация, а организация не бывает без известной регламентации, которая в конце концов не что иное, как продукт взаимного соглашения или договора. Перечтите хорошенько наши статуты, предварительный проект которых был вам передан Эмилией, вы ничего другого там не найдете.

Анри [143]) и два других наших друга [144]) находятся сейчас в Мадрите. Что особенно благоприятно для наших дел — это то, что, повидимому, там скоро должно воцариться полнейшее спокойствие. По крайней мере, таков вывод из, впрочем, весьма необстоятельного письма, полученного мною от одного из этих господ. Как только я узнаю что-нибудь определенное, я не замедлю вас уведомить. Гамбург [145]) с своей стороны работает хорошо, он весьма деятельно и повсюду ведет организационную работу, вплоть до распро-

странения по Германии наших образцов и программ. Вы видите, мы хорошо развиваемся, всячески и везде [146]).

А теперь, дорогой друг, я хочу поговорить с вами о Женевском Интернационале. Мне поручено вместе с другими составить новый проект конституции романской Швейцарии для имеющего собраться 2 или 3 января в Женеве частичного конгресса. И кстати, скажите, пожалуйста, *г. Леону Шарди* [147]), если встретитесь с ним, что некто *Аристид Кормье* [148]), весьма юный человек, написал про него всякие ужасы секретарю Женевского Центрального Комитета. Я думаю, что хорошо бы его предупредить, но нужно в то же время добавить, что эти мерзости не произвели здесь никакого действия, не вызвали никакого вредного для репутации Шарди впечатления, ибо здесь его вообще любят и уважают, а этот Аристид известен за человека легкомысленного и пустоголового. Он рассказывает, будто Шарди вовсе не был правильно делегирован в Брюссель, и что он самовольно присвоил себе титул делегата. Попросите от моего лица г. Шарди никого не компрометировать и не подавать вида, что он узнал об этом гнусном доносе на него. Я ознакомился с этим конфиденциальным письмом только благодаря дружбе того, кому оно было адресовано, и не следует компрометировать ни меня, ни его. Но нам полезно предупреждать друг друга обо всем, что может быть выдвинуто против нас. Когда я узнаю еще что-нибудь в этом роде, я об этом предупрежу его через вас. А теперь вопрос: знаете ли вы некоего *Шапите* (?), когда-то сапожника, а теперь, говорят, бухгалтера и горбуна. Скажите нам, знаете ли вы его и что вы о нем знаете.

Преданный вам *Степ...*

II.

11 декабря 1868.

Дорогой друг, я только что получил ваше письмо со вложением того, которое вы написали к Юлии [149]). Она в отъезде: отправилась в Париж по личному делу, в то время как я сам уехал на несколько дней в Женеву; она должна вернуться завтра. Надеюсь, что она повидалась с вами проездом через Лион, что будет чрезвычайно полезно по отношению к тому

жалкому делу, которое этот бедный Аристид затевает против вас Перрон [150]). . . . . .
Этот *Аристид* [151]) был здесь и только вчера покинул Женеву. Он провел в ней несколько дней и, не теряя ни минуты, распространял против вас свои клеветы во всем Женевском Интернационале. В среде последнего вы нашли хороших защитников; но вы знаете, что всякая клевета, как бы смешна она ни была, и в особенности когда она излагается с апломбом г. Аристида, всегда производит некоторое действие, — не на нас, это само собой понятно, но на тех, кто вас не знает. Как бы смешна и грязна ни была вся эта история, необходимо в вашем интересе, и притом в вашем интересе по преимуществу, выяснить ее, тем более, что г. Аристид рассказывал всякому встречному, что он привез с собой уничтожающие вас документы. Он знает меня только в лицо и обменялся со мной всего парой слов в Интернационале; несмотря на это, он прибежал ко мне и, не застав меня, преподнес все дело моей жене, которая приняла его за сумасшедшего.

Вот пункты его обвинения против вас:

1. Вы были исключены за интриги и недостойное поведение из Интернационала в Лионе. За вами остаются там только ославленный кабачек г-жи *Барбе* [152]) и два-три друга, пользующиеся еще худшей славой, чем она.

2. Не достигнув того, чтоб секции Лиона делегировали вас в надлежащем порядке в Брюссель, вы втерлись в доверие некоторых членов секции в Невилле и мошеннически создали себе мандат от секции Невилля, подделав две подписи.

3. Вы поехали в Брюссель на деньги *г. Арлиса Дюфура*, очень богатого буржуа, иезуита, реакционера и члена Совета.

4. Вы, три или четыре недели тому назад, напечатали статью в похвалу Пресвятой Девы, подписанную Альбер Ришар, в иезуитском журнале Лиона, носящем название «L'Echo de Fourvière».

В подтверждение первого обвинения он привез документ, бумагу в две страницы, подписанную различными именами, которые, по его словам, принадлежат главнейшим членам Интернационала в Лионе. Я не помню имен, ибо все бумаги, привезенные Аристидом (всего счетом три), были по моему

требованию и в присутствии Ф. Беккера, Вери, Ардена (d'Arden) переданы Перре. Я объясню вам дальше почему. Вторая бумага — ваш мандат, который, не знаю как, попал в его руки, — мандат несомненно подложный и носящий три подписи: вашу, утверждает он, и подпись двух других лиц, руку которых, по его словам, вы подделали. Третья бумага — отчет, действительный или подложный, делегата Лиона (не помню его имени) г. Дюпону в Лондоне. Вот что я могу сказать об обвинительных документах, принесенных этим Аристидом. Я пошлю вам через несколько дней копии всех этих бумаг, со всеми именами. Он, правда, предложил передать мне все бумаги, но я отказался, чтобы иметь возможность быть вам более полезным, и потребовал, чтобы они в нашем присутствии и под нашей коллективной ответственностью были переданы Перре. Затем я предложил тотчас образовать суд чести из семи членов: 1) старого Беккера, 2) Перрона, 3) Гета (Guéta), 4) Перре, 5) Ардена, 6) Вери и 7) меня. Лучшего состава нельзя придумать. Мы серьезно возьмем дело вашей чести в свои руки и доберемся до корней этой клеветы. Выкорчевать ее тем необходимее, что она имеет очевидную тенденцию пускать везде ростки. Вы заметили, что Дюпон, а следовательно, и все другие лондонские члены предупреждены, а Аристид сам сказал мне, что написал в Париж Бедушу и Жаклару. Он предложил нам собрать сведения о вас у гг.: Блана, ткача, Набережная Пьера Сеза, 73; М. Карналь, ткача, коммивояжера, Набережная Бонди, 23; Вендри, красильщика; Пикорно; я заставил его продиктовать мне имена, вот почему я их запомнил. Наконец, он нам сказал, что это г. Боди, сапожник и член муниципального совета — улица Мадам, — выдал, что вы написали пресловутую статью о Св. Деве. На мой вопрос, почему он не привез с собой этой статьи, которая, раз было бы доказано, что она написана вами, сделала бы все остальные доказательства излишними, Аристид обещал, что он нам ее немедленно пришлет.

Простите, дорогой друг, что так долго занимаю вас, да еще во всех подробностях, такой смешной и грязной историей, но я думаю, что это лучшее доказательство дружбы, какое я могу дать вам в данном случае. Надо покончить

с клеветниками, надо их уничтожить, пролив возможно больше света. Но позвольте дать вам совет и обратиться в то же время к вам с просьбой. Я понимаю негодование, которое овладеет вами при чтении этого письма, но, в интересах вашей собственной чести и из чувства личного достоинства, сдержитесь; если узнают, что мы вам пишем, вы парализуете Перрона и меня, к нам станут относиться с недоверием и отведут нас, как судей. Аристид узнал, что вам писали из Женевы и что в этом письме его называли клеветником; это не оказалось полезным; потерпите еще несколько дней, и я вам обещаю, что вам будут посланы копии со всех выдвинутых против вас обвинений, со всеми именами.

Тем временем напишите нашим друзьям в Париже. Я с своей стороны сделаю то же, чтобы они были предупреждены, и чтобы никто не мог взять их врасплох. Надеюсь, что вы ответите на мое предыдущее письмо. Я весьма огорчен, что вы потеряли очки [153]), облегчавшие вам чтение моих писем. Найдите их, если возможно. А пока что не могу от вас скрыть, что я несколько удивлен и даже огорчен близостью и полнейшим согласием, которое установилось между вами и парижским комиссионером Тр. и его друзьями; он по всем вероятностям не более как только любовник Луизы [154]). Вы говорите, что он разделяет все ваши взгляды; разделяет ли он наши, и покинете ли вы нас, чтоб присоединиться к нему? По тому, что вы мне сказали о способе, которым он и его друзья устроили свои дела, я не понимаю, что вы, который, как мне кажется, на него не походите, всецело отдались ему. Впрочем, если вы считаете для себя возможным отдаваться вслепую комбинации, первоосновы которой от вас систематически скрывают, то вы, конечно, свободны это делать, но мы не можем последовать за вами, и тогда что ж? Мы расстанемся. Ибо вы сами поймете невозможность для вас принадлежать в одно и то же время к двум коммерческим предприятиям, различным, и которые несомненно принуждены будут вступить в конкуренцию друг с другом. Прошу вас, дорогой друг, если еще не поздно, не спешите покидать нас в поисках иной любви и не протягивайте руку комбинации, прежде чем вы не убедитесь, что она не только соответствует вашим взглядам, но и всецело

сходится со взглядами ваших друзей как в Женеве, так и в Париже. Итак, пишите регулярно в Париж и постарайтесь столковаться по этому вопросу с нашими друзьями. Надеюсь, что вы не посетуете на меня за эти замечания и увидите в них еще раз доказательство искренней дружбы.

Преданный вам *Степ...*

Мой усердный поклон г-же Барбе.

III.

22 декабря, вторник, 1868.

Дорогой мой друг. Ваше письмо совершенно осчастливило меня, доказав мне, что я имею в вашем лице друга и брата, на которого я могу безусловно положиться и рассчитывать. Согласие у нас полное. С нетерпением жду бумаг, о которых вы мне сообщаете. Ваше дело должно рассматриваться в Центральном Комитете сегодня [155]). Для вас лучше, чтобы кроме суда чести, составившегося по собственному почину по большей части из членов Союза, Комитет Интернационала составил бы специально свою комиссию, ибо Интернационал — это наша общая мать, мы только его ветвь, его дитя. Мы позаботимся о том, чтобы членами этой комиссии были люди столь же серьезные и разумные, как и честные, и чтобы они энергично повели это дело. Будьте потому покойны, ваша честь — наша честь. Мы постараемся, чтобы новая комиссия прямо обратилась к вам, официально сообщив вам о всех выдвинутых против вас обвинениях и послав вам копии со всех присланных сюда бумаг, с подписями. Не удивляйтесь, что я так долго не отвечал вам: я, все мы завалены работой; вы знаете, а, может быть, и не знаете, что в Базеле *очень серьезная* забастовка. Буржуа грозятся и ставят под вопрос самое существование Интернационала, насчитывающего, благодаря этой забастовке, около 7 000 членов в этом городе. До забастовки насчитывалось немного более 2 000. По этому поводу в субботу 19-го состоялось чрезвычайное собрание Центрального Комитета, а в воскресенье 20-го общее собрание, всенародное, которое великолепно удалось. Оно выбрало постоянную комиссию для связи с Базелем — я в нее вошел — и вотировало воззвание к тру-

дящимся Базеля. Я пошлю вам завтра не экземпляр его, но копию. Ваш Лионский Интернационал так дезорганизован, что не знаешь, к кому обратиться по этому случаю. Напишите мне, пожалуйста, всю правду о современном положении этой ассоциации в Лионе. Сколько имеется враждебных организаций, сколько каждая из них насчитывает членов, какие у них комитеты, и к которому из них следует обратиться? К которой из организаций принадлежат члены Союза? Ибо надеюсь, что они не вышли из Интернационала. Это было бы очень печально, так как Интернационал, как бы то ни было, представляет единственное основание, на котором мы можем и должны строиться, ибо он объединяет на практической почве всех трудящихся мира реальной солидарностью их повседневных интересов. Ответьте мне, прошу вас, возможно скорее на все эти вопросы. В другом письме поговорю с вами о других вопросах. А пока целую вас и жму руку всех друзей. Поблагодарите г-жу *Виржини* за ее милое письмо; только скажите ей по-дружески, что есть вещи, которые надо делать, но о которых не пишут.

Весь ваш...

IV.

Женева, пятница, 9 апреля 1869.

Дорогой друг. По твоему процессу ведется следствие, и скоро это дело будет рассмотрено судом. Виржини им занимается и действует энергично.

Это она посылает тебе два прилагаемых документа.

Теперь ты можешь заявить, что получил все документы, составляющие обвинение, и ответить на них, как сочтешь нужным, вызвать свидетелей и т. д.

Впрочем, последним написали, по крайней мере тем, адреса которых и имена имелись, т. е. главнейшим из них.

В остальном наши дела идут хорошо; я не мог приехать в Париж по своим личным делам, но буду, вероятно, принужден совершить это путешествие к концу месяца.

Скажи госпоже Барбе, что только обстоятельства, в которых мы находились, помешали нам напечатать ее письмо вовремя.

V.

14 апреля 1869.

Дорогой друг. Несколько месяцев прошло с тех пор, как я написал вам мое последнее письмо. Мое молчание имело различные причины. Главная, конечно, тот кризис, которого мы не могли избежать и который закончился благополучно, раз он имел результатом устранение нескольких лиц, которые наши только по имени, а в действительности отделялись от нас своей теорией и особенно всей своей практикой, чем только скрепил узы, которые нас соединяют с вами. Мы так стремились не потерять вас, что просили нашего друга *Т.* (?) повидаться с вами. Его посещение вас было чрезвычайно удачно, и все, что он нам рассказал по возвращении своем, исполнило нас радости и внушило нам большую веру в будущее. Вы удивляетесь, быть может, нашему молчанию после его возвращения из Лиона. Но вот объяснение его: мы надеялись, что двум нашим друзьям возможно будет съездить к вам, и поэтому я со дня на день откладывал письмо, которое собирался написать вам. Их поездка непременно состоится, но не ранее конца этого месяца, и, отлагая все подробности к тому времени, я не хочу и не могу дольше не писать вам, хоть для того, чтобы подать вам знак, что я жив, и получить такой же от вас.

Что касается жалкого обвинения, которое возбудили против вас, мы, поверьте, с ним расправимся и в скором времени. Мы приняли все меры, чтобы иметь возможность вынести наше окончательное решение в первых числах мая, предупредив гг. *Карналя* и *Кормье*, чтобы они выслали нам все доказательства, подтверждающие их обвинение против вас, до 1 мая; что может нас немного задержать, это, пожалуй, ответ г. Дюпона в Лондоне на письмо, с которым мы к нему обратились и копию с которого вам переслал *Перрон* [156]). Возможно, что, почувствовав себя в несколько затруднительном положении, он промедлит присылкой нам ответа. А теперь, дорогой друг, раз вы получили официально все документы по обвинению против вас, вы имеете полное право использовать их в смысле гласности, как вам будет угодно. С этой же почтой я посылаю г. *Паликсу* копию с обвини-

тельного акта против вас, а также с разговора Гринана с Э. Дюпоном. Я думаю, что вы отлично поступите, если по поводу него потребуете лично объяснений от г. Э. Дюпона, который, как мне сдается, хотел сыграть двойную игру. Итак, напишите ему и потребуйте от него объяснений по поводу «буквальных» слов, которые ему приписывают и которые содержат не более, не менее, как чудовищный приговор, брошенный вам. Пусть г. Дюпон даст объяснение: произнес он их, эти слова, да или нет? Мы выслушаем его, и если мы найдем его виновным в легкомыслии, или в клевете, то, несмотря на то, что он член Генерального Совета, мы осудим его, как и остальных клеветников, и обнародуем наш вердикт в «Равенстве». Мне нет надобности говорить вам, что это письмо совершенно конфиденциально, и что вы не должны показывать его *никому*. Только уверенность в том, что все, что мы говорим, остается между нами, дает нам возможность говорить друг с другом откровенно. Ах! дорогой друг, отчего вы расстались с вашим словарем [157]). Мне столько надо вам сказать. Вы, конечно, обратили внимание на полемику, возникшую между «Равенством» и г-жей Андре Лео, поддерживаемой г. Эли Реклю. Но что вы, вероятно, не представляете себе, — это, что *Малон* становится на сторону г-жи Андре Лео и буржуазного социализма всего ее кружка. Он дошел даже до того, что приглашает нас взять назад тот столь строгий, но столь справедливый и вместе с тем столь вежливый по форме приговор, который мы вынесли против них. Должен вам признаться, дорогой друг, что после поездки к нам *М.* [158]), сплетен, которые он себе позволил, и его слабостей, впрочем, совершенно платонических, к драматическим и сентиментальным непоследовательностям прекрасного пола, я потерял всякую веру в него, и никто из нас уже не смотрит на него, как на нашего. Его можно использовать, конечно, но при условии не пускать его в нашу среду. Это — предательская натура, помимо воли и сознания, предательская по слабости и тщеславию. Пусть нас будет мало, но людей последовательных, верных и искренних, и каковы бы ни были наши симпатии к тем или другим лицам, мужчинам или женщинам, раз они не были единодушно признаны нашими, будем перед ними молчать, как

рыбы, обо всем, что касается наших дел. Это верховный закон, сделаем для себя вопросом чести соблюдать его. Пожмите руку г-же Виржини и скажите ей, что мы все очень благодарны ей за ее статью. Так и надо говорить, но особенно так надо действовать. Прощайте, пишите мне по старому адресу, скоро узнаете все подробности от друзей.

Преданный вам *Степ...*

Сжигайте письма: это — ребяческая и опасная сентиментальность хранить их.

VI.

24 июля 1869.

Дорогой и многоуважаемый друг. Согласно вашей просьбе, 20 заявлений о присоединении и книжек, а также коробка сигар вам посланы, равным образом приняты меры, чтобы уведомления поступали к вам более правильно, а также и к тому, другому лицу. Мы сообщили самые подробные сведения и подали самые мудрые советы г-же *Ла-Мотт* [159]), а также тому лицу, которое нам должно 134 франка, не забывая, конечно, и г. *Ру* [160]). Все это сделано, мой уважаемый и дорогой, со всей возможной точностью, и мы имеем основание надеяться на хорошие результаты. Мы можем только приветствовать вашу разумную и упорную деятельность, и надеемся, что, когда 134 франка будут вам уплачены, мы будем иметь возможность встретиться с вами в сентябре. Мы сильно рассчитываем как на вас, так и на других наших друзей.

Вокерн.

VII.

29 июля 1869.

Дорогой друг. Я написал тебе письмо 24-го и отправил его тебе 25-го через твоего друга *Джузеппе* (?). Надеюсь, ты его уже получил. Это правда, что я страшно занят, но не настолько, чтобы не отвечать своим друзьям. Все, о чем ты нас просил, 20 образчиков и записные книжки, а также сигары отправлены тебе Шарлем [161]). Мы строго-настрого наказали регулярно посылать тебе уведомления, мы еще энергично подтвердим наше распоряжение. Я написал повсюду решительно всем нашим друзьям, назначал съезд на 6 сентября. Постарайтесь приехать в возможно большем числе. Ибо немцы проявляют кипучую деятельность, и я

боюсь, что они внесут в Базельский конгресс много доктринерства и буржуазного социализма.

Отвечай и главное сообщи мне, как были приняты наши посылки, а также мое предыдущее письмо.

Твой преданный *М. Б.*

VIII.

11 января 1870.

Дорогой друг. Уже около трех недель, как я послал тебе письмо через друга *Джузеппэ* [162]) в ответ на то, которое ты мне написал после посещения тебя друзьями, и мне не только любопытно, а я прямо с нетерпением желаю узнать, получил ли ты его. Я получил, наконец, письмо от Stepney. Оно решительно отрицательно и сухо, и огорчительно, и глупо до чрезвычайности. Мне сдается, что все мы, сколько нас есть, не пользуемся особым расположением в Лондоне [163]). Наши прямые и искренние приемы им не по вкусу. Но не огорчайся, дорогой друг, я жду в этом месяце очень богатого и довольно расположенного ко мне родственника и рассчитываю на него значительно более, чем на всех других. А пока что пишу тебе длинное письмо в ответ на все вопросы, которые ты мне поставил. Я пишу тебе немного медленно, потому что очень занят по утрам переводом, который я делаю для заработка, а по вечерам серьезной перепиской по поводу дел г-жи C. B. [164]). Я получаю очень интересные письма от г. и г-жи E. F. [165]). Они работают хорошо, очень хорошо, идут, не отклоняясь, прямым путем, единственно практичным, единственно плодотворным. Г-жа П. [166]), напротив, огорчает меня: никого-то нет, г-жа D. U. [167]) решительно строгая и сентиментальная вольнодумка, г-жа D. T. [168]) уже представляет нечто более серьезное. Жаль, что «Труд» перестал выходить. Что касается Рошфора и его «Марсельезы», то это мыльный пузырь, пустой звук. В ожидании моего письма и лучших новостей, чем те, которые я могу сообщить тебе сегодня, пиши мне, пожалуйста. Поклонись от меня г. D. Z. [169]).

Преданный тебе *М. Б.*

Пиши мне по следующему адресу:

Швейцария, Тессинский кантон, *Локарно*, г. Анжело Беттоли, для г-жи Стефани.

IX.

7 февраля 1870.

Мой брат и друг. Прости мне мое долгое молчание, и ты, я в том уверен, мне его простишь, когда узнаешь его причину. На ваш вопрос, г-жи D. Z. [170]) и твой, я вам отвечу: да, положение дел г. A. S. [171]) весьма серьезное и станет еще серьезнее весною. Его крах неминуем. Что из этого получится, один бог ведает! Будет ли то неудавшееся злостное банкротство? Будет ли то откровенное полное банкротство? Угадать невозможно. Одно несомненно, что положение крайне серьезно, и что через месяц, самое большее через два, произойдет скандал. Я был всецело поглощен его делами весь месяц. У меня не было ни одной свободной минуты, чтобы написать письмо. Мы сделали все, что только можно было сделать, лук натянут — стрела полетит, и тогда мы увидим, что случится. Нам не в чем будет упрекнуть себя, ибо мы выполним свой долг до конца.

Ах! мой дорогой, как эти ребята [172]) работают, какая дисциплинированная и серьезная организация и какая мощь коллективного действия, где все личности стираются, отказываются даже от своего имени, от своей репутации, от всякого блеска, от всякой славы, принимая на себя лишь риски, опасности, самые суровые лишения, но в то же время сознавая, что они сила, что они действуют. Ты помнишь моего молодого дикаря? Ну, так он вернулся. Он совершил такие подвиги, что у вас даже не поверят. Он перенес ужасные мучения: схваченный, избитый до полусмерти, затем освобожденный, он снова принимается за старое с удвоенной энергией. И все они таковы. Личность исчезла, а на месте личности — невидимая, неведомая, вездесущая рать, действующая повсюду, каждый день умирающая и каждый день возрождающаяся, их хватают десятками, они возрождаются сотнями; гибнут личности, но рать бессмертна, и мощь ее растет с каждым днем, ибо она пустила глубокие корни в мире черных рук и черпает из этого мира бесчисленное множество рекрутов.

Вот та организация, о которой я мечтал, мечтаю до сих пор и которую хотел бы видеть и у вас. К несчастью, вы еще в периоде индивидуального героизма, потребности индиви-

дуального красования, в периоде драматических эффектов и красивых исторических выступлений. Вот почему власть ускользает из ваших рук и от ваших действий остается лишь шум и фраза. Не пишешь ли ты мне, что если я того пожелаю, то могу сделаться Гарибальди социализма? Очень мне надо сделаться Гарибальди, да и вообще играть роль! Дорогой мой, я умру, и меня съедят черви. Но я хочу, чтобы наша идея восторжествовала. Я хочу, чтобы черные руки были действительно освобождены от всех властей, от всех героев настоящих и будущих. Для торжества этой идеи я хочу не выставления, более или менее драматического, моей собственной персоны, я хочу не *моей* власти, а *нашей* власти— власти *нашего* коллектива, *нашей* организации, *нашего* коллективного действия, ради которых я первый готов отказаться от своего имени, от своей личности, вычеркнуть их. Дорогой мой, время исторических и блестящих личностей прошло, и тем лучше. В этом истинный залог торжества демократии. Посмотри, с какой быстротой личности поглощаются, пожираются коллективом, растворяются в нем, в этом исполине о нескольких миллионах голов, имя которому — народ. И, повторяю, так лучше! Вглядись хорошенько в характер нашей эпохи — наблюдается характерная оппозиция массы против всякой власти и против всякой личности, которая захотела бы навязать свое влияние. И масса права — она действует в согласии с нашей программой. Ни одна личность уже не будет иметь никакой власти — больше не будет ни общественного порядка, ни общественного интереса. Что же должно занять их место, дабы революционная анархия не привела к реакции? — Коллективное действие невидимой организации, раскинутой по всей стране. Если мы не создадим этой организации, мы никогда не выйдем из состояния бессилия.Ты, который любишь размышлять, неужели ты не задумывался над главной причиной могущества и живучести иезуитского ордена? Хочешь, я тебе ее назову? Так вот, мой милый: она заключается в полном растворении личности в воле, в организации и действии коллектива. И я спрашиваю себя, разве это уж такая огромная жертва для людей истинно сильных, страстных и серьезных? Это — принесение в жертву видимости ради действи-

тельности, пустого честолюбия — ради подлинной власти, фразы — ради действия, жертва, которую я постоянно требую от всех наших друзей, и пример которой я первый готов показать. Я не хочу быть *я*, я хочу быть *мы*, я буду повторять это тысячу раз; лишь при этом условии мы можем восторжествовать, восторжествует наша идея. И вот! Это торжество и есть единственная моя страсть! [173])

Вот, дорогой друг, предисловие к длинному письму, которое я тебе пришлю, когда мои дела мне позволят его закончить. Я со дня на день поджидаю прибытия богатого кузена и преисполнен надежд. Итак, потерпи немного.

Друзья уговаривают меня посетить г-жу П. [174]). Да, но после прибытия кузена. Что касается г. D. U. [175]), то я хорошо сделал, что не тотчас тебе ответил, ибо тем временем ты успел переменить о нем свое мнение. Его, однако, не следует окончательно отвергать, но хранить его не в самом сердце, а в жировом покрове, окружающем его снаружи. Точно то же я скажу и о г-же D. U.: не как о личности — он очарователен, но с точки зрения коллектива: тут он бесполезен и даже вреден — он действует деморализующим образом; это — существо, которое никогда не выйдет из инертного состояния и сентиментальность которого всегда будет направлять его в сторону буржуазного социализма. Дорогой мой, я говорю на основании опыта, — уверяю тебя, что я очень его люблю, но я еще больше люблю наше дело, которому нельзя отдаваться наполовину. Или все, или ничего; и вот, ему никогда не удастся сложиться в это «все». Он деморализован кружком *Эли Реклю* и г-жи *Андрэ Лео*, этой нимфы Эгерии их всех, которая в свою очередь деморализована социалистом-миллионером, последователем Сен-Симона, Шарлем Ле Морнье. Итак, моя серьезная просьба: дорогой друг, не допускай г. и г-жу D. U. [176]) в недра нашего круга, *но так, чтобы они того не замечали*. Если держать их на передовых укреплениях, они могут быть полезны и при случае использованы.

Для того, чтобы пустить в ход *большие средства*, надо сперва иметь хотя бы *небольшие средства*, а таковые, я надеюсь, в скором времени найти с приездом моего *кузена* (?). Г-жа D. T. [177]) прекрасная и полезная особа, но она далеко

еще не всецело наша. Видел ли ты г. I. S., который поехал навестить г-жу [178]) П. (?). Он нам может быть очень полезен у себя, хотя он далеко еще не сильный человек. У него ум микроскопический, а не телескопический. Признаться сказать, из всех друзей, кроме, конечно, друзей г. A. S. [179]), более всего я доволен г. и г-жей E. F. [180]): они поняли, что для того, чтобы сделаться силой, необходимо коллективное действие, которое невозможно без серьезной организации, последняя же, в свою очередь, невозможна без соблюдения устава. — Они его соблюдают и достигают неслыханных успехов. Кстати, г. E. F. [181]) жалуется, что ты мало, или даже вовсе не занялся одним соотечественником, которого он тебе рекомендовал, и который, по его словам, вернулся столь же глупым, т. е. столь же *(не разобрано)* в политике, и столь же мало социалистом, как и уехал.

Addio! отвечай поскорее и *не теряй терпения*. Небо в конце концов несомненно нам улыбнется, и как только небесная роса выпадет, я направлю ее на твою главу. Да здравствует коллектив, да здравствуют. . . . . .! Когда будешь писать г-же D. Z. [182]), передай ей мой братский поцелуй.

Сожги это письмо.

Твой *М. Б.*

X.

12 марта 1870. Женева.

Дорогой друг и брат!

Обстоятельства, не зависящие от моей воли, мешают мне приехать, чтобы принять участие в вашем большом собрании 13 марта. Но мне не хотелось бы пропустить его, не высказав моим французским братьям моих мыслей и пожеланий.

Если бы я мог присутствовать на этом величественном собрании, вот что я бы сказал французским рабочим со всей той *варварской* откровенностью, которая характеризует русских демократов-социалистов.

Рабочие! Отныне рассчитывайте только на себя. Не деморализуйте и не парализуйте своей все возрастающей силы обманчивым союзом с буржуазным радикализмом. Вам больше нечего ждать от буржуазии. Политически и морально она умерла. И от всех ее исторических великолепий у нее осталась одна лишь сила, сила богатства, основанного на эксплоа-

тации вашего труда. Некогда она была велика, она была отважна, она была сильна мыслью и волей. Перед ней стояла задача разрушить один мир и создать другой, — мир современной цивилизации.

Вашими руками она разрушила феодальный мир, и на ваших плечах она основала мир новый. И, естественно, она желает, чтобы вы навеки оставались кариатидами этого мира. Она хочет сохранения его, вы же хотите, должны хотеть, его низвержения, его разрушения. Что же между вами общего?

Неужели вы будете настолько наивны, чтобы поверить, что буржуазия когда-нибудь согласится добровольно отказаться от того, что составляет ее благополучие, ее свободу, самое ее существование, как класса, экономически отделенного от экономически порабощенной массы пролетариата? Конечно, нет. Вы знаете, что правящий класс никогда не выносил сам себе приговора, что всегда ему в этом приходилось помогать. Знаменитая ночь 4 августа, честь которой напрасно приписывали всецело французскому дворянству, разве она не явилась вынужденным последствием всеобщего восстания крестьян, которые сжигали дворянские грамоты, а с ними вместе и замки.

Вы прекрасно знаете, что они предпочтут тысячу раз прибегнуть к защите парламентской лжи, а в случае нужды — и к защите новой военной диктатуры, чем согласиться даровать вам условия серьезного экономического равенства, единственные условия, приемлемые для вас.

Но, в таком случае, чего можете ожидать вы от буржуазного республиканизма? Что можете вы выиграть от союза с ним? Ничего! А потеряете вы все, ибо вы не могли бы вступить с ним в союз, не отказавшись от святого дела, единственного великого дела наших дней: дела окончательного и полного освобождения пролетариата.

Настало время провозгласить полный разрыв. Лишь этой ценой вы можете спастись.

Значит ли это, что вы должны оттолкнуть всякого, кто родился и воспитывался в буржуазной среде, но, проникнутый справедливостью вашего дела, придет к вам, чтобы ему послужить, чтобы помочь вам добиться его торжества?

Напротив, примите его как друга, как брата, лишь бы желание его было искренно, и он дал бы вам гарантии как теоретические, так и практические, искренности своих убеждений. В области теории он должен громко и безоговорочно провозгласить все принципы, последствия и условия серьезного экономического и социального равенства всех людей. В области практической он должен решительно и окончательно порвать все отношения экономического интереса, чувства и честолюбия, связывавшие его с буржуазным миром, осужденным на смерть.

Ныне вы носите в себе все элементы той силы, которая призвана обновить мир. Но элементы силы еще не составляют самой силы.

Чтобы сделаться силой реальной, эти элементы должны быть организованы, а для того, чтобы эта организация соответствовала своему основанию и своей цели, она не должна принимать в свою среду никакого чуждого ей элемента. Поэтому вы должны устранять из нее все, что присуще цивилизации, юридической, политической и социальной организации буржуазии. Даже если бы буржуазная политика была красна, как кровь, и горяча, как раскаленное железо, если она не ставит себе непосредственной и прямой целью разрушение права собственности и политического государства — этих двух твердынь, на которые опирается все господство буржуазии, ее торжество могло бы быть только гибельным для дела пролетариата.

Впрочем, буржуазия, которая дошла до крайних пределов интеллектуального и морального бессилия, не способна сама по себе совершить в наши дни революцию. Один лишь народ хочет ее и способен совершить ее. Чего же хочет эта передовая часть буржуазного класса, в лице либералов или демократов с исключительно политическим уклоном? Она хочет завладеть управлением народного движения, дабы еще раз обратить его себе на пользу, или как они сами говорят, чтоб спасти то, что они называют основами цивилизации, т. е. спасти самые основы господства буржуазии.

Дадут ли рабочие себя снова одурачить? Нет! Но, чтобы не даться в обман, что они должны сделать? Воздержаться от всякого участия в буржуазном радикализме и сорганизо-

вать вне его силы пролетариата. База такой организации имеется уже налицо: это — мастерские и союзы мастерских; создание касс сопротивления, как орудия борьбы против буржуазии, и их объединение, не только национальное, но и интернациональное. Создание, по примеру Бельгии, камер труда.

А когда час революции пробьет — ликвидация буржуазного государства и общества вместе с его юридическими отношениями. Анархия, т. е. подлинная, открытая народная революция, — анархия, юридическая и политическая, и экономическая организация снизу доверху и от периферии к центру торжествующего мира трудящихся.

А для того, чтобы спасти революцию, чтобы привести ее к благополучному завершению — в самой среде этой анархии действие коллективной диктатуры, невидимой, не облеченной никакой властью, но тем более действенной и могущественной, — естественное действие всех революционеров-социалистов, энергичных и искренних, рассеянных по всей поверхности страны, по всем странам, но крепко спаянных единой мыслью, единой общей волей.

Такова, дорогой мой, единственная, на мой взгляд, программа, смелое проведение которой приведет не к новым разочарованиям, а к окончательному торжеству пролетариата.

М. Бакунин.

XI.

1 апреля 1870 г. [183]).

[1.] . . . . . .

Кроме местного значения, борьба, которая разразится в Ла-Шо-де-Фон, будет иметь огромное международное значение. Она будет прообразом и предвестником борьбы, которую нам придется вести на будущем конгрессе Интернационала.

Желаем ли мы большой политики международного социализма или мелкой политики радикальной буржуазии, пересмотренной и подправленной с точки зрения обуржуазившихся рабочих?

Желаем ли мы упразднения буржуазных отечеств и политических государств и создания всемирного государства, социалистического и единого?

Желаем ли мы совершенного освобождения работников или только улучшения их судьбы? Желаем ли мы создать новый мир или подновить старый?

Таковы вопросы, какие мы должны изучить и подготовить к ближайшему конгрессу.

Вы, Лионская секция, предложите их Лондону. На нашей стороне будут испанцы, бельгийцы, итальянцы, швейцарские горные секции и, я надеюсь, большинство французов. А против себя мы будем иметь не рабочие массы (non les instincts ouvriers), но коалицию и союз вождей социал-демократической партии, и под влиянием этих самых немецких вождей, по большей части евреев, т. е. эксплоататоров и буржуа, включая и школу Маркса, против нас будут также английские и американские делегаты. Сомкнем же наши ряды и будем готовы к бою, так как дело идет о триумфе Интернационала и революции.

Либкнехт продолжает себя вести вероломно по отношению ко мне и вообще ко всем русским революционерам. Правда, он перепечатал мой «Призыв к молодым русским» (Appel aux jeunes Russes [184]) и письмо Нечаева, но в то же время он опубликовал против нас статью, одновременно глупую и подлую, написанную пройдохой, которого зовут Боркгейм, маленьким евреем, орудием Маркса. Заметь, что все эти наши враги, все эти шавки — евреи: Маркс, Гесс, Боркгейм, Либкнехт, Якоби, Вейсс, Кон, Утин и мн. другие — евреи. Все они принадлежат к этой предприимчивой, интригантской, эксплоататорской и буржуазной нации — по традиции и по инстинкту. Маркс, самый достойный среди них, обладает большим интеллектом, но в то же время следует признать, что он совершенно неуживчивый человек, отвратительный характер, тщеславный, раздражительный, завистливый, подозрительный, скрытный, вероломный, способный на все и интригант до-нельзя, как, впрочем, все евреи. Я начал серию писем в ответ всем этим еврейским и немецким шавкам. Я хочу покончить с ними. Первое письмо, уже законченное, переводится на немецкий и появится в «Volksstaat», в немецкой социал-демократической рабочей газете, редактируемой Либкнехтом. После этого я его напечатаю

по-французски в «La Marseillaise» и в «Le Progrès» в Локле. Прошу тебя, обрати внимание друзей на эти письма. [2.]

... Ты все твердишь: в основных пунктах мы согласны. Ах, друг мой, боюсь я, что именно в отношении основных пунктов у нас нет и тени согласия. По последним твоим письмам и известиям о тебе я вижу, что ты больше чем когда-либо стал сторонником централизации и революционного государства. Я же больше чем когда-либо — его противник; я вижу спасение только в революционной анархии, руководимой всецело незримыми коллективными силами, в единственной диктатуре, которую я приемлю, ибо только она совместима со свободным и целостным ходом революционного движения.

Твой план революции может быть сформулирован в следующих словах: коль скоро в Париже вспыхнет революция, Париж временно организует революционную коммуну. Тотчас подымаются Лион, Марсель, Руан и другие крупные города и немедля посылают своих революционных представителей в Париж, где вместе они образуют нечто вроде национального конвента, либо *комитета народного спасения* для всей Франции. Сей комитет декретирует революцию, декретирует уничтожение старого государства, ликвидацию прежних социальных отношений, коллективную собственность, и организует революционное государство, довольно сильное для того, чтобы подавить реакцию внутреннюю и внешнюю. Такова твоя мысль, не так ли?

Наша мысль, наш план прямо противоположен этому. Прежде всего, ни в какой мере не доказано, что революционное движение должно вспыхнуть именно в Париже. Не так уж маловероятно, что оно начнется в провинции. Допустим, однако, что, согласно традиции, зачинщиком будет Париж. По нашему мнению, Парижу надлежит взять в свои руки одну лишь негативную, т. е. открыто-революционную, инициативу, инициативу разрушения и ликвидации, но никак не организации. Если Париж восстанет и победит, в его праве и на его обязанности будет — провозгласить полнейшую ликвидацию политического, правового, финансового и административного государства, банкротство государственное и частное, уничтожение всяких сил, функций и властей

государственных, сожжение всех бумаг, официальных и частных документов. Париж, конечно, поспешит сорганизоваться в единое, более или менее революционное, целое. После того, как ассоциации объединившихся рабочих наложат руку на все орудия труда, на капитал во всех его видах, на здания, едва вооружатся они и организуются по улицам и районам, будет создана революционная федерация всех районов Парижа, федеративная коммуна. Коммуна сия вправе будет заявить, что она не считает себя вправе руководить и командовать Францией, что она призывает народ и все союзы Франции и того, что прежде называли «за границей», последовать примеру Парижа, произвести у себя на местах столь же коренную революцию, революцию, разрушающую государства, юридические права и привилегии собственности, а затем — объединиться в федерацию. Коммуна предложит этим французским, а также заграничным союзам по завершении революции этой, федерироваться с нею, в Париже ли, в другом ли каком месте, дабы все французские и иностранные революционные союзы прислали своих делегатов для совместной организации производственно-обменных отношений, что необходимо для создания учредительной хартии равенства, краеугольного камня всякой свободы, хартии чисто негативного характера, которая бы куда точнее установила, что подлежит полному уничтожению, нежели позитивные формы жизни на местах, каковые могут выработаться лишь путем живого практического опыта мест. Вместе с тем, как оружие революции организована будет дружная оборона против врагов революции, деятельная пропаганда последней и практическая революционная солидарность со всеми друзьями всех стран против врагов всех стран. [3.]

Одним словом, революция повсеместно должна быть независима от центра, каковой центр лишь ее выражением и продуктом должен быть, но не источником, не руководством и не первопричиной.

Необходимо, чтобы анархия, взмет всех местных страстей, пробуждение самочинной жизни повсюду достигли своего апогея, дабы революция живою, истинною и могучей была и осталась.

Революционеры-политиканы, приверженцы диктатуры, желают после первых побед успокоения страстей, хотят порядка, доверия масс, подчинения созданным на пути революции властям. Таким образом провозглашают новое государство. Мы же, напротив, будем питать, пробуждать, разнуздывать страсти, вызывать анархию к жизни, как незримые кормчие будем руководить ею в народной буре, руководить не конкретною, видимой властью, но коллективною диктатурой всех союзников, Alliirte. Диктатурой без титулов и знаков отличий, без официальных прав, диктатурой тем более мощной, что она лишена будет внешней видимости власти. Это — единственная диктатура, какую я приемлю. Но для того, чтобы она возымела свое действие, она должна быть налицо. А для сего надобно подготовить ее и организовать наперед, ибо она не возникнет сама собой ни из дискуссий, ни из разногласий и принципиальных споров, ни из народных собраний.

Пусть — немного союзников (Alliirte), но твердых, деятельных, выдержанных, верных и, прежде всего, свободных от тщеславия и личного честолюбия, сильных, людей, достаточно серьезных и возвышенных душою и сердцем для того, чтобы предпочесть истинное могущество тщеславным его атрибутам. Создайте вы эту *коллективную* и *незримую* диктатуру — и победа за вами. Революция будет иметь хорошего кормчего и победит. Но если нет — то нет! Если вас прельстит игра в комитет народного спасения, зримая диктатура, вы падете под ударами вами же созданной реакции.

Любезный друг, я преклоняюсь перед благородным инстинктом и столь пылким разумом французских рабочих, но я сильно боюсь любви их к эффекту, к драматичным, героическим и патетическим сценам.

Многие из наших друзей — я к ним причисляю тебя — готовятся в грядущей революции играть великую роль, роль государственных деятелей революции. Они клянутся стать Дантонами, Робеспьерами, Сен-Жюстами революционного социализма, заранее подготовляют красивые речи и блестящие coups, долженствующие повергнуть в изумление мир. Конечно, народные массы послужат подножием, пьедес-

сталом демократическому тщеславию их! Во имя спасения всех они будут создавать диктатуру, правительство. Смешное, плачевное заблуждение! Их целью будет лишь собственное честолюбие, и служить они будут только реакции. Они же сами будут реакцией.

Помни твердо об этом, друг мой и брат: нынешнее социалистическое движение, прямо противоположное всем политическим движениям, стремящимся к одному лишь господству и возвышению отдельных личностей, — нынешнее освободительное движение несовместимо с торжеством и диктатурой единиц. Коль скоро победят единицы, не социализм уже будет, но политика, дело буржуазии, социалистическое движение будет проиграно. Если же оно не будет разбито — потерпят жестокий крах тщеславные замыслы отдельных честолюбцев, стремления их к диктатуре.

Существует одна лишь единственная власть, единственная диктатура, коей организация благотворна и возможна, — коллективная незримая диктатура союзников во имя нашего принципа; и тем полезней и могущественней будет она, что лишена будет всякой официальной, видимой власти. Но для того, чтобы создать ее, нужны поистине сильные люди, люди, душою и сердцем стоящие выше жалкого тщеславия, стремящиеся к победе идей своих, но не своей личности, люди, которые предпочтут истинную власть обличью власти, которым ясно, что наш век — век коллективных, не индивидуальных сил, что коллектив сотрет в порошок всякого, кто вздумает диктовать ему свою волю.

Ты слишком умен, чтобы не понять всего этого. Но сердце твое и характер — не уступят ли они твоему разуму? Вот в чем вопрос. Что победит в тебе? Любовь к справедливости и равенству или стремление увидеть себя в исторической позе? Достанет ли у тебя силы победить в себе итальянскую похвальбу, которая кажется тебе лучшим средством, чтобы магнетизировать массы, — эту манию позы и жажду славы, что мучит тебя и поныне?

Ты видишь, я говорю с откровенностью друга и брата, я считаю себя вправе говорить все до последнего слова, ибо я чувствую в сердце огромную к тебе любовь и, хоть и вижу в тебе немалую дозу индивидуализма, надеюсь на ра-

зум твой и твое сердце, которые выше твоих недостатков, — одним словом — верю в твою дружбу ко мне. Если ты сохранишь ее и после этого письма, я счастлив буду, что написал его.

Одно слово еще. В одном из писем ты говорил мне, что я мог бы стать Гарибальди социального движения. Ты, право, слишком хорошего мнения обо мне. Будь уверен, я знаю себя хорошо и не вижу за собой ни достоинств, ни недостатков, которые необходимы, чтобы создать героя: и меньше всего я забочусь о том,чтобы создать себе историческое имя[185]).

Знаешь, в чем мое честолюбие? Оно велико, но стремится не к славе и шумихе. Оно в том, чтобы помочь вам создать эту незримую коллективную силу, которая одна только и может спасти революцию. [4.]

XII.

17 апреля 1870.

Дорогой друг. Я получил твое письмо. Я много подумал над ним. Мы были, мы есть и мы останемся друзьями, братьями и близкими союзниками. Иначе и быть не может, ибо мы любим друг друга и уважаем. Поступать иначе значило бы стать врагами самим себе, что было бы бессмыслицей. Я возвращаюсь завтра в Локарно. Я останусь там не более двух недель и вернусь сюда на все лето. Я дал твой адрес моему другу и соотечественнику..... (не разобрано. *Вяч. П.)* союзнику внешнему, не близкому, чтобы он рассказал тебе в подробностях все, что произошло на конгрессе в Ла-Шо-де-Фоне и позже. Кузен сообщил мне окончательно о своем прибытии к началу мая. Следовательно, в мае мы увидимся и тогда поговорим обо всем друг с другом, о теории и о практике, но особенно о практике. Если будешь мне писать немедленно, то адрес локарнский; если нет, то пиши по адресу Перрона.

Преданный тебе *М. Б.*

XIII.

10 августа 1870. Локарно.

Дорогой мой друг. Пишу тебе только для того, чтобы получить о тебе известия, ибо я очень обеспокоен твоим

молчанием. Зная благородный пыл твоих патриотических чувств, я боюсь, что ты записался в добровольцы. Это, несомненно, будет очень благородно, но в то же время и глупо. У тебя есть обязанности по отношению к твоей семье, и ты должен заботиться об ее интересах. К тому же, вот прекрасный случай осуществить то дело, которое *Джемс* [186]) и *Франсуа* [187]) предлагали тебе в Лионе от моего имени в конце прошлого года: это — крупное дело, коммерческое предприятие, охватывающее Швейцарию, Италию и Испанию. Друг мой, если ты хочешь всех нас спасти от разорения, надо немедленно взяться за него. В этом смысле я написал *Августу* [188]) очень пространное письмо, а также *Джемсу*, *Эдуарду* [189]) и *Франсуа*. Последнему я написал, чтобы он уговорил *Жерома* [190]) вернуться домой для того, чтобы энергично приняться за это дело, разумеется, предварительно сговорившись с тобой. Я писал также Франсуа, чтобы он непременно приехал, и притом как можно скорее. Ожидаю я также Эдуарда и *Беппе* [191]). Ты видишь, что я не сплю. К несчастью, в Италии царит страшное возбуждение, словно накануне революции. Король и его правительство преисполнены благожелательности по отношению к Франции и императору, но народ в целом относится к вам враждебно. Всюду — лихорадочное волнение, решительные протесты против войны и против союза с вами. Громко приветствуют — увы! несомненные победы пруссаков. Решаются громко говорить о низвержении императора, намереваясь затем подвергнуть той же участи короля. Король колеблется. Консервативная партия толкает его на войну с Пруссией и на провозглашение осадного положения во всей Италии. С другой стороны, в Милане уже стреляли, всюду строились баррикады, и народ, повидимому, готов повсюду к восстанию. Чем все это кончится? Будем надеяться на лучшее. Тем временем не будем забывать о наших делах и, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, отказавшись от мелочных и узких спекуляций, будем извлекать все, что возможно, из настоящего положения, чтобы осуществить в крупном и широком масштабе наш план, наши проекты. Лишь этой ценою можем мы спастись от грозящего нам полного разорения. Твой *Бенуа*.

XIV.

16 августа 1870. Локарно.

Дорогой друг. Получил твое письмо от 13-го. Оно меня вполне удовлетворило тем, что я узнал из него, что ты здоров и попрежнему хорошо настроен по отношению к нашим делам. Мне кажется невозможным в настоящее время вступать в переговоры с крупным шелковым торговцем. Полагаю, что после его блестящих спекуляций он сделался совершенно несговорчив. Надо, чтобы он сперва потерпел крупный убыток, и тогда с ним можно будет вступить в переговоры; думаю, как и ты, что *Август* и *Эдуард* для этого окажутся наиболее подходящими людьми. Уже около десяти дней как я вступил в сношения с *Августом*. Он первый написал мне о протестах, вызванных одной из твоих спекуляций, которая, признаюсь, и меня немало удивила, показавшись мне более опасной, чем полезной, более опасной по своему моральному действию, чем полезной по своим практическим результатам. Я вовсе не пурист, но думаю, что нарушение устава допустимо, лишь когда предвидится крупная и верная прибыль. Весьма возможно, что издалека я не мог уловить, в чем именно заключалась эта прибыль. Впрочем, сейчас у нас дело поважнее. Нам надо спастись от *разорения* и привести к *благополучному концу наши дела*, которым состояние рынка, вызванное этой проклятой войной, грозит сильным расстройством. Я получил из Неаполя письмо от нашего друга *Беппе*. Он пишет мне от своего имени и от имени *Эдуарда*, что их капиталы готовы; что они и все их клиенты сходятся в убеждении, что никогда ни время, ни обстоятельства не были так благоприятны, как в настоящую минуту, для начала предприятия, и они решили приступить к нему, хотя бы они располагали одними лишь итальянскими капиталами; а в таких капиталах нет недостатка — отовсюду к ним приходит множество *предложений*: из Милана, из Генуи, из Турина, а также из Флоренции. Они, конечно, прекрасно понимают пользу, которую принесло бы более *всеобщее сотрудничество, образование крупной международной компании*; и они спрашивают меня, не захотят ли внести в это дело свои

капиталы капиталисты юга Франции, Испании и известной части Швейцарии. Я ответил им, пригласив их приехать для переговоров со мной, обещав взять на себя посредничество между ними и друзьями из других стран. Теперь я жду, будучи уверен, что они приедут. Тогда-то я и поговорю с Эдуардом о деле с *шелком*. Что же касается дела с *вином*, то я уверен, дорогой друг, что повести успешные и в широком масштабе переговоры можно будет лишь тогда, когда будет пущена в ход наша крупная спекуляция. Раньше того оно не даст серьезных результатов и может даже нас разорить — игра не стоит свеч. Но когда крупное предприятие будет поставлено на ноги, надо будет заняться в широких размерах *торговлей вином*, конечно, предварительно сорганизовав ее так, чтобы она принесла нам все те выгоды, которые мы вправе ожидать от нее.

Итак, ты видишь, дорогой друг, что теперь можно с уверенностью рассчитывать на участие итальянских капиталистов; их содействия, впрочем, что я говорю, их непосредственного действия, даже без нас и помимо нас, можно с уверенностью ожидать в ближайшем будущем. Лишь бы сами мы оказались налицо. Об этом нам и надо подумать. Я написал *Августу* два длинных письма, в которых я ему изложил как с общей точки зрения, так и в деталях мой план, мои взгляды на лучший способ начать и развить наши спекуляции, дабы привести их к желанной цели и установить, наконец, нашу торговлю, наше благосостояние на действительно прочных основах. Я просил *Августа* (не разобрано) тебе эти письма, или же передать тебе подробную сводку их, дабы между нами было полное соглашение. Такое соглашение необходимо в настоящее время более чем когда-либо. Напиши *Джемсу* [192]), чтобы (не разобрано) его немного. Что же касается *Шарля* [193]) и *Жука* [194]) их придется оставить с их теологией. Я их считаю неизлечимыми. Возможно, что мне скоро понадобится поехать по делам в Женеву. Но я извещу тебя об этом заблаговременно. Итак, продолжай адресовать свои письма сюда.

Твой *Бенуа*.

XV.

23 августа 1870. Локарно.

Дорогой друг. Получил твое письмо от 20-го. Ты прав: мне не следовало критиковать тебя в письме к твоему другу; я никогда больше не стану этого делать; когда я сочту нужным сделать тебе замечание, я обращусь непосредственно к тебе, и то в случае крайней необходимости. Давай поэтому руку, и больше об этом говорить не будем. У нас есть много других предметов разговора. Мой дорогой, ты, все вы в Лионе находитесь в печальном заблуждении относительно *дел торговца шелком* [195]). Вас самым недостойным образом обманывают. Дела этого торговца идут лучше, чем когда-либо, а, напротив, у его конкурентов тают прямо на глазах. Поэтому не будем больше заниматься *шелками* и поговорим *лучше о винах*.

У меня едва хватает мужества говорить о наших частных делах, так я подавлен общественными бедствиями. Базен разбит, наполовину уничтожен, заперт в стенах Меца и лишен всякой связи с Парижем, ибо прусский корпус занимает железную дорогу между Мецем и Тионвиллем. Он поставлен в такое отчаянное положение, что принужден или позорно сдаться пруссакам за неимением провианта для пропитания своей уже сильно потрепанной армии, или предпринять отчаянное движение в тылу пруссаков, будучи окруженным бесконечно превышающими его силами. А тем временем армия Наследного Принца, подкрепленная новыми частями, которые ежедневно приливают по немецким и французским железным дорогам, движется к Шалону, который будет в состоянии выставить против нее самое большее, армию в 100 или 120 тысяч человек, еще очень плохо организованную. Эта армия сделает, конечно, героические усилия, но кончится тем, что она будет разбита, раздавлена бесспорным численным превосходством. Пруссаки двинутся на Париж, и, *если весь французский народ не поднимется, — они возьмут Париж.*

Такова подлинная истина, дорогой друг, клянусь тебе тем, что для меня всего священнее, моей честью, говорю тебе это с глубоким отчаянием в сердце, исполненный стыда,

бешенства, но это чистейшая и полнейшая истина, и если вам говорят противоположное, если только стараются вас утешить, если обещают вам, что те меры, которые приняты недавно в Париже, спасут Париж и Францию — вам лгут, вас обманывают самым недостойным образом! Париж и Франция могут быть спасены только огромным народным подъемом. Надо, чтобы везде народ взялся за оружие и сорганизовался сам, с тем, чтобы начать против немцев-захватчиков истребительную войну, войну до конца, смертный бой. Он не должен больше позволять, чтобы ему навязывали вождей, он должен сам выбирать их; вы окружены предателями, и в прессе, и в правительстве, и в администрации,— вас продают везде. Вспомните слова Дантона в эпоху и среди опасностей, которые, конечно, не были более страшными, чем настоящие опасности и эпоха: «Прежде чем итти против врага, надо уничтожить и парализовать его в тылу у себя». Надо повергнуть *внутренних пруссаков*, чтобы иметь возможность затем уверенно и безопасно итти против пруссаков внешних. Патриотическое движение 1793 г. ничто в сравнении с тем, которое вам придется поднять теперь, если вы хотите спасти Францию от рабства на 50 лет, от нищеты, разорения, унижения, гибели. Итак, вставайте все, друзья, при пении Марсельезы, которая снова становится сегодня законным гимном Франции, глубоко современным, гимном свободы, народным гимном, гимном человечества, ибо дело Франции, наконец, снова стало делом человечества. Актом патриотизма мы спасем всеобщую свободу, только бы восстание народа было всеобщим и искренним и шло под водительством не изменников, продавшихся или готовых продаться либо пруссакам, либо Орлеанам, которые идут с ними, но народных вождей.

Только при этом условии Франция будет спасена. Не теряйте поэтому ни минуты, не ждите больше сигнала из Парижа! Париж обманут, парализован опасностью, которая ему грозит, и, в особенности, плохо направляем. Вставайте по собственному почину, беритесь за оружие, смыкайтесь в ряды, организуйтесь, уничтожайте внутренних пруссаков, чтобы ни одного не осталось больше у вас в тылу, и спешите освободить Париж.

Если в течение десяти дней во Франции не произойдет народного восстания, Франция погибла. Ах, если б я был молод, я не писал бы писем, я был бы среди вас.

А теперь поговорим о наших винах. Дорогой друг, несмотря на общественное бедствие, я полагаю, что мы можем довести это дело до благополучного конца. Нужно хорошенько и немедленно сорганизовать его. Оно одно может теперь спасти нас от разорения. И я думаю, что обстоятельства, столь печальные для нашей родины, ему крайне благоприятны, только бы люди, которым вы поручите это дело, были людьми разумными и верными. Правда, нам удастся реализовать немного денег с помощью наших турок, но это будут сущие пустяки. Впрочем, я пишу *Бернару* [196]) и *Августу*, чтобы они выслали тебе возможно скорее маленькую сумму. Но это такая мелочь, что о ней почти не стоит говорить; все наши надежды, как и надежды наших итальянских друзей (для начала), покоятся теперь на первых значительных суммах, которые вы можете, вы должны реализовать теперь на винах, несмотря на общее волнение в стране и даже с помощью его. *Беппе* в настоящую минуту у меня. Он уезжает завтра. Он братски обнимает тебя и велит сказать тебе, чтобы ты на него рассчитывал. Он не будет терять ни минуты, он будет работать денно и нощно и с доброй надеждой, только бы мы могли дать ему взаймы необходимые для начала деньги, которые он нам вернет с хорошими процентами, как только ему удастся начать как следует дело.

Я, вероятно, скоро уеду, чтобы присоединиться к Августу и Бернару. Но по получении этого письма напиши мне немедленно и адресуй твое письмо сюда. Продолжай адресовать твои письма сюда, впредь до отмены с моей стороны.

Преданный тебе *Бенуа*.

Жду от тебя ответа.

XVI.

4 сентября 1870. Локарно [197]).

Я удивляюсь вашему оптимизму. Вот официальная депеша из Берлина:

«Прусский король королеве. Седан, 2 сент., $1^1/_2$ часа пополудни. Генерал Вимпфен, заменивший в командовании армией тяжело раненого маршала Мак-Магона, подписал капитуляцию, сдавшую нам Седан и признавшую всю армию военнопленной. Император, еще ранее сложивший с себя всякое командование, сдался лично мне, передав управление страной регентству в Париже. Я определю его местопребывание после разговора с ним в ближайшем времени. Какие события по милости божией! Вильгельм». А вот и другая официальная депеша из Берлина:

«St-Barbe, *1 сентября*. Со вчерашнего утра, в течение целого дня и целой ночи, Базен вел против нас бой со всей своей армией. Он был повсюду отражен с огромными потерями. Французы дрались с отчаянной храбростью, но они под конец вынуждены были уступить и отброшены нами в Мец».

Итак, регулярная, официальная сторона закончена. У нас нет ни армии, ни императора. Начнет ли действовать народная сторона, или же Франция, спустившись в разряд третьестепенной державы, вынуждена будет подчиниться игу Пруссии: на Париж уже не приходится рассчитывать. Есть там Паликао, Шивро, Пиетри, императрица и правые; за ними идут орлеанисты — Тьер и Трошю и, наконец, в третьем ряду республиканцы-радикалы — Гамбетта, *мудрый, рассудительный, положительный* республиканец, с Жюлем Фавром, Жюлем Симоном, Кератри, Ферри, Пеллетаном и многие другие подобные (не разобрано). Эти господа уже дали меру своего ума и своей силы. Они скопцы, они преступно потеряли целый месяц, каждый день которого был драгоценен для поднятия народного восстания и для вооружения Франции. Страх перед социализмом, перед действительным народным восстанием сделал их глупыми и бессильными. — Впрочем, Париж, поглощенный собственной обороной, не будет иметь возможности организовать национальную оборону Франции. Французский народ не должен больше рассчитывать ни на какое правительство, ни ныне существующее, ни даже революционное. Если у него есть мозг и сердце, если он не импотент, он будет рассчитывать только на себя одного. Его правительственная машина, его государство разбиты.

Францию может спасти лишь немедленное, всеобщее анархическое восстание всего населения, как городов, так и сел, анархическое в том смысле, что оно должно зародиться и сорганизоваться вне всякой опеки, вне всякого руководства, официального и правительственного, снизу вверх, смело повсюду провозглашая низложение государства со всеми его учреждениями и отмену всех существующих законов, сохраняя в неприкосновенности лишь один закон, закон спасения Франции от врага внешнего — пруссаков, и от врага внутреннего — изменников.

Призыв ко всем коммунам: пусть они организуются и вооружаются, вырвав оружие из рук тех, которые его теперь удерживают и скрывают. Пусть они пошлют своих делегатов в любое место за чертой Парижа для образования временного правительства, действительного правительства спасения Франции.

Надо, чтобы инициативу принял на себя один из больших провинциальных городов, Лион или Марсель. Надо, чтобы рабочие этих городов имели смелость взять на себя эту инициативу, немедленно, без колебаний, без задержек. Им уже нечего колебаться, положение достаточно ясно, все перед ними налицо. Радикальная буржуазия безмозгла и бессильна. Администрация состоит из бонапартистов. Все спасение Франции таким образом в руках одних рабочих, в руках этого городского народа, который должен суметь увлечь за собой народ сельский. Вопрос только в том, мужчины ли или евнухи рабочие? Социалисты-революционеры ли они, или только социалисты-доктринеры, живые ли они люди, или евнухи подобно буржуа. Да дерзают же они во имя человечества и Франции! Их ответственность огромна, ибо судьба Франции и европейского социализма на их совести. Положение ясно, повторяю, если лионские и марсельские рабочие не восстанут немедленно, Франция и европейский социализм погибли. Итак, колебание было бы преступно. Я в вашем распоряжении и жду от вас немедленного ответа.

Бенуа.

XI.

Письмо М. Бакунина к Эскиросу.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Письмо это написано Бакуниным в Марселе, где он скрывался после подавления Лионского восстания, в надежде найти здесь благоприятную почву для новых революционных попыток. Шарль Алерини, один из друзей Бакунина, находившийся в Марселе во время пребывания там Бакунина, в письме своем Джемсу Гильому, написанном в 1876 г., рассказывает об обстоятельствах, при которых у Бакунина возникла мысль обратиться к Эскиросу. Представитель крайней левой в законодательном собрании, социалист и республиканец, Эскирос правительством национальной обороны был поставлен во главе управления департаментом Бюш-дю-Рон.

Приказ о розыске Бакунина был разослан во все концы Франции. Майор республиканской гвардии в Марселе Поль Гавард имел приказ об его аресте и приводе.

Когда сведения об опасности, грозившей Бакунину, сделались известными его друзьям, они направились к Гавард и после беседы он дал им честное слово, что будет разыскивать Бакунина лишь там, где встретить его не сможет, а если встретит, то постарается его не заметить. Вместе с тем друзья приняли решение, что, если будет необходимость защитить Бакунина от ареста, то они окажут сопротивление силой. Они обратились, кроме того, к Эскиросу лично, чтобы

узнать, — как пишет Алерини, — о его намерениях по отношению к Бакунину.

Эскирос принял их любезно, высказал свое «доброе отношение» и «уважение» к Бакунину и объявил им, что «хотя Турское правительство и указало ему на последнего как на прусского агента, он не придает никакой веры этому сообщению».

«В отношении меня, — добавил Эскирос, — Бакунин может быть совершенно спокоен, я не буду беспокоить его и не приму никаких мер, предписанных против него правительством. Однако возможно, что непосредственно из Тура или Лиона высланы специальные агенты, чтобы задержать его, и в таком случае, если они будут действовать без моего ведома, я лишен буду возможности воспрепятствовать им в этом».

Серьезность последнего замечания заставила друзей настойчиво советовать Бакунину уехать из Марселя. Согласившись на эти предложения, Бакунин перед отъездом решил обратиться к Эскиросу с письмом, которое мы приводим ниже. Письмо осталось незаконченным и, очевидно, даже не было отправлено.

24 октября в понедельник он выбрался из Марселя. Подробности отъезда из Марселя — у Guillaume, L'Internationale, т. II, стр. 112—115.

Вяч. П.

20 сего октября. 1870.
Окрестности Марселя [198]).

Гражданин и милостивый государь!

Я имел честь направить вам через одного из моих марсельских друзей брошюру, опубликованную мною под следующим заглавием: «Письмо к французу о современном кризисе». Она содержит письма, написанные в августе месяце, задолго до капитуляции Седана [199]). Но издатель, мой друг, который изрядно сократил их, чтобы не сказать кастрировал [200]), полагая, повидимому, что не пришло еще время говорить всю правду, — нашел нужным датировать их сентябрем.

Письма эти, адресованные моему другу, гражданину Гаспару Блану в Лионе, одному из наиболее преданных благополучию Франции молодых людей, каких мне только случалось встречать, и которого г. Шальмель-Лакур, чрезвычайный комиссар, держит сейчас в тюрьме под смешным и гнусным предлогом, будто он является прусским агентом,— письма эти, я надеюсь, покажут вам, гражданин Эскирос, что я также не являюсь ни другом, ни сторонником прусского короля, ни, равно, какого бы то ни было другого деспота.

Г. Шальмель-Лакур и г. Андриэ, прокурор республики в Лионе, осмелились выдвинуть против меня бесчестную эту клевету. Не мне, конечно, жаловаться на остроту полемики между борющимися сторонами. Я не имел бы на это права, ибо и сам я, когда и как только мог, высказывал свою неумолимость ради интересов, ради блага людей и политической и социальной организации, коей господа эти, в ущерб благополучию Франции, являются ныне едва ли не естественными защитниками, образуя во всей своей совокупности нынешнее злополучное всемогущество буржуазии.

Я резко нападал и на принципы и на так называемые права моих противников по политике и по социализму. Но никогда я не затрагивал личностей и всегда превыше всего боялся клеветы.

Что может быть теперь легче, не правда ли, чем клеймить эпитетом пруссака всякого, кто имеет несчастье не разделять заказного энтузиазма по отношению к этим якобы спасителям Франции, чья косность, бездарность и самовлюбленное бессилие губят Францию.

Вы, гражданин Эскирос, не спросите меня, как, может быть, спросят другие: «Что вам до всего этого, вам, иностранцу?» Ах, милостивый государь, нужно ли мне вам доказывать, что дело Франции стало теперь делом всего мира? Что поражение и гибель Франции было бы поражением и гибелью свободы, всего, что есть человечного в мире? Что окончательное торжество идеи и могущества Пруссии, военной, чиновничьей, дворянской и иезуитско-протестантской Пруссии, было бы величайшим несчастьем, какое только может постигнуть всю Европу. Если восторжествует Пруссия, — с европейской гуманностью будет покончено по меньшей мере на полстолетие; нам, старикам, останется одно — умереть! Увы! Как не понял я, что мой друг Александр Герцен был прав, после горестных июньских дней 1848 г., — дней, когда буржуазия Парижа и всей Франции воздвигла трон Луи Бонапарта на развалинах надежд и всех законных чаяний пролетариата, — когда он заявлял, что Западная Европа отныне мертва, и что для возрождения, для продолжения истории есть только два источника — Америка, с одной стороны, и восточное варварство — с другой!

Поборник западной революции, — не вашего казенного мира буржуазии, мира, который я презираю и ненавижу всем сердцем, — я всегда спорил с ним, защищая эту революцию. Он же, прежде горячий приверженец ее, потерял в нее веру. Я продолжал верить в нее, невзирая на крушение, невзирая на преступление, совершенное в июне буржуазией. Он говорил, что Европа отныне сгнила, что она стала трусливою резонеркой, без веры, без страсти, без творческих сил, как некогда Bas Empire. Я соглашался с ним во всем в отношении вашей буржуазной цивилизации, но замечал

при этом, что в Западной Европе, под пластом буржуазии таится мир варварства sui generis: городской пролетариат и крестьянство. Не пресытившись и даже не вкусивши жизни, не будучи ни развращены, ни обездушены упадочной этой культурой, но, напротив, непрестанно питаемы трудом, который, каким бы ни был он рабским и придавленным, тем не менее продолжает быть живым источником разума и силы, — пролетариат и крестьянство имеют перед собой будущее; следовательно, говорил я, нет необходимости во вторжении восточного варварства для обновления Запада Европы, ибо в недрах своих Запад таит собственное варварство, которое — придет время — обновит его культуру.

Герцен не верил ни во что, и был убит скорее скептицизмом своим, нежели болезнью. Я, напротив, был полон веры; я был социалистом-революционером не только в теории, но и на деле; это означает, что я верил в осуществление социалистической теории, — и потому-то мне довелось пережить его. Я был и остаюсь социалистом не потому только, что социализм это *подлинная* свобода, *подлинное* равенство и *подлинное* братство, гуманная и вселенская справедливость, но также вследствие одного соображения, относящегося к социальной физиологии.

Я являюсь социалистом, потому что я пришел к тому убеждению, что все классы, которые до сей поры, так сказать, создавали великих деятелей и героев исторической трагедии, умерли. Умерло дворянство; буржуазия умерла и сгнила. Она доказывает это сейчас достаточно ясно. Кто же остался? Крестьянство и пролетариат городов. Только они могут спасти Европу от прусского милитаризма и бюрократизма, верных союзников и родичей кнута дорогого моего императора Всея Руси.

Итак! Все, что я вижу сейчас во Франции, повергает меня в чувство, близкое к отчаянию. Я начинаю — подобно Герцену — опасаться, что крестьянство и пролетариат, во Франции, в Европе, также мертвы. Что тогда? Тогда — погибла Франция, погибла Европа.

Но нет! За время краткого моего пребывания в Лионе и в окрестностях Марселя, я увидел, я почувствовал, что народ далеко не мертв. Он таит в себе все великие инстинкты

и все могучие силы великого народа. Ему нехватает одного, — организации и правильного руководства; не того руководства, не той организации, которые навязываются ему сверху, авторитетом государства, за подписью то ли его императорского величества Наполеона III, то ли его республиканского величества господина Гамбетты; но руководства и организации, которые образуются снизу вверх, и являются подлинным выражением народной жизни и деятельности.

Само собой разумеется, гражданин Эскирос, что для того чтобы обратиться к вам с подобным письмом, я должен иметь большое к вам, доверие. Знаете ли вы, откуда у меня эта вера? Никогда не имел я чести встречаться с вами. Но я читал написанное вами и я знаю вашу жизнь. Я знаю, что вы никогда не боялись быть последовательным революционером, никогда не противоречили самому себе, ни разу не принесли народное дело в жертву интересам класса, партии или личного тщеславия. Наконец, милостивый государь, в несчастном этом Законодательном Корпусе, после поражений, разрушивших французские армии, и — разрешите мне сказать вам это — посреди трусости и глупости, выраженных всеми вашими коллегами левой, — теми же, что ныне образуют правительство Национальной Обороны, — вы были единственным, кто предложил последнее средство, которое оставалось для спасения Франции, именно: путем издания воззвания от имени Законодательного Корпуса пробудить самочинную организационную деятельность всех коммун Франции, *вне всякой административной и правительственной опеки государства*. Коротко говоря, вы хотели провозгласить ликвидацию, или, вернее, просто констатирование полного развала и не-существования государства. Этим самым вы привели бы Францию в состояние революции.

Я всегда понимал, а теперь это должно было стать очевидным для всех, что вне этого героического средства нет спасения для Франции. Законники, составляющие ваше теперешнее правительство, стали на иную точку зрения. Лишенные всех средств, образующих мощь государства, они вздумали играть — о, невинные! — в управление государством. Этой игрой они парализовали всю Францию. Они

запретили ей всякое движение, всякую самочинную деятельность, под тем курьезным, — а при настоящих условиях — и преступным предлогом, что, дескать, одни лишь представители государства вправе пользоваться монополией мысли, движения, действия. В ужасе от того, что государство рушится и рассыпается у них под руками, они, дабы сберечь его, сохранили всю прежнюю администрацию — бонапартистскую, военную, юридическую, коммунальную и гражданскую. До того дошли они в своем тупом доверии к себе, в преступной своей самовлюбленности, что возомнили, будто, с той поры как они стали у власти, даже бонапартисты, люди, неразрывно связанные с прошлым солидарностью преступления, преобразятся в патриотов и республиканцев. Затем, чтобы поправить эту ошибку и устранить ужасающие последствия ее, они разослали во все концы чрезвычайных комиссаров, префектов, помощников префектов, генеральных адвокатов и прокуроров республики, — таких же худосочных республиканцев, ублюдков (bâtards) Дантона, какими являются и сами. Что же сделали все эти адвокатишки, все эти фаты в желтых перчатках буржуазного республиканства? Они сделали единственное, что могли: повсюду они стали на сторону буржуазной реакции и против народа; приканчивая повсюду самочинную деятельность народа, они прикончили Францию. Теперь не приходится закрывать глаза. Вот уже 46 дней существует республика; что сделано для спасения Франции? Ничего — и пруссак шагает вперед.

Такова была мысль, таковы были чувства, гражданин, которые господствовали при создании Комитета Спасения Франции в Лионе, которые продиктовали текст воззвания, которые побудили моих друзей к выступлению двадцать восьмого сентября, — выступлению, неудача которого — смею сказать — была несчастьем для Франции.

Многие из друзей моих в письмах, посланных в Лионский «Прогресс», имели слабость отрицать наличие реальной цели в этом неудавшемся выступлении [201]). Они ошибаются. В эпохи, подобные нашей, больше, чем когда бы то ни было, нужно иметь смелость не утаивать правды.

Цель была такова. Мы хотели свергнуть Лионский муниципалитет, — муниципалитет, конечно, реакционный,

но еще более тупой и ни на что неспособный, чем реакционный, который парализовал и продолжает парализовать всякую подлинную организацию Национальной Обороны в Лионе; мы хотели в то же время уничтожить всякую официальную власть, разрушить остатки имперской администрации, которая продолжает держать под гнетом народ, снимая шляпу перед их величествами королями Ивето [202]), кои воображают себя владыками и благодетелями в Туре; наконец, созвать Национальный Конвент спасения Франции. Коротко говоря, мы хотели в Лионе добиться того же, что вы, гражданин Эскирос, пытались сделать созданием Лиги южной Франции, Лиги, которая, несомненно, всколыхнула бы Юг, если бы не парализовали ее эти короли Ивето.

Ах, милостивый государь, во многом повинны поборники (les avocats) правительства Национальной Обороны! Они убивают Францию. И, если им дана будет воля, они окончательно отдадут Францию пруссакам.

Пора мне заканчивать это слишком длинное письмо...

(Рукопись обрывается.)

XII.

Мои личные отношения с Марксом.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот отрывок («Мои личные отношения с Марксом» закончены не были) дошел до нас в неполном виде: первые 5 страниц не сохранились, или, если и сохранились, пока еще не найдены. По догадке Макса Неттлау, в распоряжении которого находится оригинал этой рукописи и который опубликовал ее в 1924 г., этот отрывок предназначался Бакуниным для какой-то другой рукописи. Содержание отрывка говорит о том, что он принадлежит к серии тех задуманных обличительных работ, с помощью которых Бакунин намеревался разоблачить сгущавшиеся против него подозрения и нанести удар врагам, в первую очередь Карлу Марксу.

Мы не будем здесь производить исследование всех перипетий борьбы между Марксом и Бакуниным. Настоящая книга представляет собой *материал* для такого исследования. Полностью оно будет нами дано во втором томе нашей работы о Бакунине и в отдельной книге, специально посвященной проблеме «Маркс и Бакунин». Здесь мы ограничиваемся поэтому самыми краткими указаниями, чтобы помочь ориентироваться в вопросе лицам, которые пожелают заняться его изучением.

В основе всех обвинений, которые бросал Марксу Бакунин, лежит роковое недоразумение: Бакунин видел в Марксе

постоянного тайного инспиратора той борьбы, принимавшей уродливые формы, которая велась против Бакунина в Интернационале в ответ на его тайную деятельность в недрах МТР. Приписывая Марксу безграничную ненависть, которую Маркс будто бы питал к нему, Бакунин загорался такой же, если не большой ненавистью, и его настоящая рукопись является ярким образцом тех Геркулесовых столбов, до которых мог доходить Бакунин в полемическом своем ожесточении. Не надо пускаться в документальные изыскания, чтобы видеть, как не сводит концов с концами в этом злобном памфлете наш автор, с одной стороны, говорящий о «страстной преданности Маркса делу пролетариата», в котором «никто не имеет права сомневаться», и тут же рядом утверждающего, будто Ротшильды могут ценить заслуги Маркса, а сам Маркс испытывать инстинктивное влечение и глубокое почтение к Ротшильду; Маркс — один из организаторов Международного Товарищества Рабочих, поставившего целью уничтожение буржуазии, и Маркс, которого слушаются даже несоциалистические и монархические газеты; Маркс — «вот уже тридцать лет как служит делу пролетариата с неизменной выдержкой и верностью», «он посвятил этому делу всю свою жизнь», т. е. Маркс интернационалист, — и тот же Маркс, здесь же рядом, оказывается «пангерманистом до мозга костей». Можно было бы привести еще целый ряд самых скандальных противоречий, скандальных именно потому, что они вызваны той же злобой и ненавистью, которые Бакунин приписывал Марксу. И так бывало всегда, когда Бакунин, закусив удила, рвался без оглядки вперед, одержимый бешеным желанием мстить своему воображаемому клеветнику. Не имея возможности не признавать авторитета Маркса, Бакунин принужден был подчеркивать положительные его стороны как ученого, революционера,

организатора, страстного сторонника и вождя международного пролетариата. Но, воздав должное, он стремился выискать в нем такие черты, которые сделали бы понятной и близкой его друзьям мысль о том, что, несмотря на все эти заслуги, Маркс — низкий человек, клеветник, поставивший себе целью истребить Бакунина именно потому, что Бакунин обидел его самолюбие, Бакунин осмелился ему перечить, Бакунин не поблагодарил его за книгу! В этом выискивании мелких и пустяковых мещанских мотивов Бакунин лишний раз дискредитировал себя, как крупного деятеля, не желавшего в враждебности к нему Маркса видеть крупных политических мотивов и сводившего борьбу к уязвленному будто бы самолюбию Маркса. Впрочем, иногда (как, напр., в некоторых письмах Герцену) Бакунин признавал, что речь идет о «борьбе на жизнь и на смерть», что речь идет не о пустяках, а о «принципе» и т. п. Но в своих оправдательных попытках, адресованных различным друзьям, он скатывался в мещанское болото мелких инсинуаций, домыслов, низких заподозриваний, нисколько не отличающихся от тех, в которых он обвинял Мориса Гесса, Боркгейма, Утина и других третьестепенных фигур, действительно переходивших всякие границы в борьбе с Бакуниным. Он не замечал, что, обвиняя своих противников в употреблении мелких и ничтожных средств борьбы, сам пользовался этим оружием...

Его ненависть к Марксу, в основе которой лежали политические разногласия и которая разгорелась лишь ко времени обострения борьбы в Интернационале (см., напр., письма Бакунина Марксу в настоящем томе), заострялась благодаря убеждению Бакунина, будто Маркс был постоянным источником клевет, неоднократно возникавших по его адресу. Если история с опубликованием заметки в «Neue Rheinische Zeitung» (1848 г.) могла отойти в прошлое, то

особенное негодование Бакунина вызывали клеветнические выпады против него, печатавшиеся в английской прессе, в то время когда он находился в Петропавловской крепости, и позднее, когда он только что появился в Лондоне после побега из Сибири. Это убеждение разделял с ним Герцен, который и внушил Бакунину мысль о Марксе, как инспираторе клеветнической кампании. И когда Бакунин в настоящем отрывке и в других своих писаниях утверждал, будто «Маркс и К° распустил обо мне самые низкие слухи, прокричал и пропечатал их в английских и немецких газетах», то он был прав, поскольку во главе этой кампании действительно стоял человек по имени Маркс. Но Бакунин, а вместе с ним и Герцен ошибались, полагая, что этот Маркс был *Карлом* Марксом. То был *другой* Маркс, не Карл, а *Френсис,* и исследование Д. Б. Рязанова выяснило это с такой убедительностью, что ныне даже ученики и страстные защитники Бакунина принуждены признать, что Карл Маркс здесь не при чем. Макс Неттлау в одном из примечаний к настоящему отрывку замечает: «Необходимо упомянуть, что клевета 1853 г. началась с письма от 23 августа, подписанного F. M. («The russian agent Bakunin» — «Русский агент Бакунин»). Этот бесстыдный клеветник назывался Francis Marx, он был англичанином и не имел ничего общего с Карлом Марксом, который еще в апреле 1854 писал Энгельсу, что узнал о существовании „весьма тупоумного урквартиста по имени Маркс“» («Bakunins gesammelte Werke», Berlin, 1924, III B., S. 214). Бакунину, очевидно, оставалось неизвестным, что в октябре 1852 г. в американской газете «New-York Daily Tribune» в корреспонденции, написанной Энгельсом, но подписанной Марксом, в строках, посвященных дрезденскому восстанию, было сказано, что восставшие «*нашли способного и хладнокровного вождя в русском эмигранте Бакунине* (курсив Маркса и Энгельса),

который впоследствии был взят в плен и в настоящее время заключен в казематах Мункача в Вене» (К. Маркс, Собр. историч. работ, перев. В. Базарова и И. Степанова, изд. С. Скирмунта, Петербург, 1906, стр. 388). Можно ли думать, что Маркс, если бы у него остались сомнения насчет политической честности Бакунина, подписался бы под этими строками, а Энгельс написал бы их? Бакунину осталось также неизвестным, что в том же 1853 г., когда печатались заметки по его поводу в английской печати, в той же газете «The Morning Advertiser» в № от 2 сентября 1853 г. была напечатана статья «Michel Bakunin», бравшая его под защиту. Автор этой статьи указывал на то, что лицо, скрывавшееся за инициалами «F. M.», «страдало манией, которая состояла в том, что все революционеры вообще — агенты русского царя».

Но кто же был этот автор, защищавший Бакунина и указывавший на маниакальность Френсиса Маркса? Этим автором был *Карл* Маркс. Бакунин поэтому заблуждался, когда писал в настоящем отрывке, что Маркс говорил неправду, уверяя его в том, будто никогда не выступал против него ни словом, ни делом. Достаточно прочитать письмо Маркса, написанное Энгельсу после свидания с Бакуниным в Лондоне в 1864 г., чтобы увидеть, что Маркс говорил Бакунину правду. За подробностями этой истории мы отсылаем к книге Рязанова «Очерки по истории марксизма» указ. изд. («По поводу одной легенды», стр. 335) и к первому тому нашей работы о Бакунине (2 изд., стр. 443 и дальше). Даже Неттлау должен признать, что, поскольку можно судить по переписке Маркса и Энгельса, она принимает по отношению к Бакунину вполне враждебный тон только *в декабре 1868 г.*, т. е. после того, как вполне выяснились агрессивные и дезорганизаторские, с точки зрения Маркса и Генерального Совета, планы Бакунина по отношению

к Интернационалу. Необходимо здесь отметить, что, говоря о лондонском свидании с Марксом, Бакунин ни словом не упоминает об обещании своем содействовать в Италии Интернационалу и распространить Учредительный Адрес и статуты, полученные им от Маркса. Ведь письма Бакунина Марксу, которые читатель найдет на стр. 134—139 настоящей книги, вполне подтверждают утверждения Маркса, сделанные им в «конфиденциальном сообщении», о том, что Бакунин был принят в Интернационал в 1864 г., обещал работать, уехал— и не ударил пальцем о палец в интересах дела, которому высказывал открыто полное свое сочувствие. Обходит Бакунин также молчанием свой временный союз с буржуазными демократами Лиги Мира и Свободы, который ведь также не мог не оказать своего влияния на охлаждение к нему отношений Маркса. Бакунин старательно и последовательно обходит молчанием все принципиальные, существенные, важнейшие моменты, которые могли вызвать к нему вражду Маркса, останавливаясь на мелочах, пустяках, мещанских домыслах и составляя из них картину, которая могла убедить только пигмеев.

Этим, в конце концов, совершенно не убедительным характером попыток можно, пожалуй, объяснить, что защитительные и разоблачительные проекты памфлетов Бакунина остались незаконченными. Он бросал их неиспользованными, они как бы умирали еще до появления на свет. В литературном наследстве Бакунина эти писания, разумеется, наименее принципиальные и наиболее мелкие. Они говорят о том, до каких ложных средств борьбы мог доходить великан Бакунин, когда терял самообладание.

Мы не говорим о психологической обстановке, в которой могли рождаться такие произведения. Здесь не место об этом распространяться. Но что душевное состояние, в которое иногда ввергали Бакунина возникавшие вновь и вновь

подозрения, бывало крайне тяжелым, заставлявшим его, в отчаянии и бешенстве, хвататься за первое попавшееся оружие — в этом нельзя сомневаться. Но характеристика обстоятельств его биографии, обусловливавших такую обстановку, не входит в план настоящих вступительных замечаний.

Мои личные отношения с Марксом [203]).

(Конец 1871 г.)

Однако, пусть это не страшит вас. Конфликт этот не только не повредил развитию и распространению Интернационала, но, напротив, способствовал его укреплению, благодаря тому, что принципы Интернационала и цель его были определены еще более точно. Конфликт был столь же неизбежен, как тот конфликт в итальянской демократии, который теперь отделяет вас от Мадзини. Вы убеждены, не правда ли, что ваш разрыв, разрыв подавляющего большинства итальянской демократической партии с мадзинистским меньшинством или сектой, не только не повредил этой партии, но, наоборот, имел своим следствием лишь понуждение ее к еще более народному, свободному и по необходимости социалистическому развитию; он увеличил духовные силы ее и дееспособность и тем самым повысил число серьезных и преданных ей членов.

Точно так же мы убеждены, что небывалый протест, который в настоящее время поднимается в Интернационале против собственных наших мадзинистов, будет благоприятен для более мощного и прямолинейного его развития. Потому что и у нас имеется своя мадзинистская группа, препятствующая нашему прогрессу, мадзинистская не в религиозном отношении — так как они атеисты, как и мы — но в смысле своих авторитарных тенденций.

Это — старая история: власть развращает даже умнейших и преданнейших. Такие люди, как Маркс, Энгельс и некоторые другие, господствующие в настоящее время *в Лондонском Генеральном Совете*, несомненно умны и преданы делу. Они оказали величайшие услуги Интерна-

ционалу — не как члены Генерального Совета, ввиду того, что роль Генерального Совета, как это и необходимо для свободного развития Интернационала, сильно ограничена нашим общим уставом, а средства его, очень значительные на бумаге, в действительности ничтожны и до сих пор не позволяли ему даже приступить к выполнению обязанностей, возложенных на него уставом и постановлениями конгресса [204]). Если Интернационал за несколько лет так мощно развился и усилился, то это следует отнести не за счет в силу необходимости ничтожной деятельности Генерального Совета, но за счет справедливости и ценности принципов Товарищества, принципов, кои представляют не что иное, как строго обдуманное и верное выражение самых интимных, глубоких и страстных чаяний пролетариата всех стран; таким образом, вышеназванные люди оказали большие услуги Интернационалу не как члены бессильного— и по своим правам и фактически — Генерального Совета, но благодаря личной пропаганде и деятельности. Маркс — человек большого ума и, к тому же, ученый, в самом широком и глубоком смысле этого слова. Он основательный национал-экономист [205]) по сравнению с коим Мадзини, экономические знания которого в высшей степени поверхностны, вряд ли может быть назван даже учеником. Далее, Маркс страстно предан делу пролетариата. В этом сомневаться никто не имеет права: вот уже скоро тридцать лет, как он служит ему с неизменною выдержкой и верностью. Он посвятил этому делу всю свою жизнь. Мадзини, теперешнее бессилие коего ищет печальной утехи в яде несправедливых инвектив и произвольно придуманных басен и клеветы [206]), утверждает, что Маркс воодушевлен только ненавистью, а не любовью. Уговоримся ясно: глубокая, серьезная, страстная любовь к человечеству всегда сопровождаема неназистью. Нельзя любить справедливость и не питать притом ненависти к несправедливости, нельзя любить свободу без ненависти к авторитету, нельзя любить человечество без ненависти к психическому и моральному источнику всякого деспотизма, к аморальной фикции небесного деспота, господа бога. Нельзя любить угнетенных и не ненавидеть угнетателей, поэтому нельзя любить про-

летариат и в то же время не ненавидеть буржуазию. Маркс любит пролетариат, поэтому он ненавидит буржуа. Нельзя в течение тридцати лет со страстной преданностью служить делу, не любя его; только отвратительная предвзятость клеветы может осмелиться отрицать любовь Маркса к делу пролетариата.

К большим и неоспоримым заслугам этим следует еще добавить, что Маркс был инициатором и главным вдохновителем основания Интернационала.

Таковы услуги, оказанные им. Но всякая медаль имеет оборотную сторону, всякий свет — свою тень и каждый человек — свои недостатки. Поэтому никогда нельзя доверить одному человеку власть над великой народной массой, даже если человек этот — гений, увенчанный всеми добродетелями; точно так же власть эта не может быть доверена пусть умнейшему, пусть искреннейшему меньшинству; по закону, неразрывно связанному с самой властью, всякая власть влечет за собой злоупотребление властью, и всякое правительство, даже избранное путем всеобщего голосования, неизбежно склоняется к деспотизму.

Итак, у Маркса есть свои недостатки. Вот они:

1. Прежде всего он обладает недостатком всех ученых по призванию, он — *доктринер*. Он безусловно верит в свои теории и презирает весь мир с высоты этих теорий. Как ученый и умный человек, он, конечно, имеет свою партию, ядро слепо преданных друзей, которые присягают только ему, только его мыслями думают, имеют только его волю, — короче, обожают, молятся на него и развращают его своим обожанием, в чем достигли уже изрядных успехов. — Благодаря этому он вполне серьезно смотрит на себя, как на папу от социализма или, вернее, коммунизма, потому что он по всем своим теориям авторитарно настроенный коммунист, который подобно Мадзини, но, руководясь другими идеями и действуя гораздо более реальными и земными способами, чем Мадзини, хочет освобождения пролетариата при помощи централизованной государственной власти.

2. К этому самообожанию абсолютных его и абсолютистских теорий присоединяется, как естественное следствие —

ненависть, которую Маркс питает не только по отношению к буржуазии, но и по отношению ко всем, даже революционным социалистам, ко всем, кто осмеливается возражать ему и следовать отличному от его теорий образу мыслей.

Маркс, — странная черта в столь умном и столь преданном человеке, черта, находящая себе объяснение только в его воспитании немецкого ученого и литератора и в особенности в его нервозности еврея, — Маркс крайне тщеславен, тщеславен до грязи и бешенства. Если кто-либо имел несчастье, хотя бы самым невинным образом, задеть его болезненное, всегда обидчивое и всегда раздраженное тщеславие, Маркс становится непримиримым его врагом; с этого момента он считает все средства дозволенными, и действительно употребляет самые позорные, непозволительные средства, чтобы унизить своего врага в общественном мнении. Он лжет, измышляет и распространяет грязнейшие поклепы. — В этом отношении Мадзини был прав, когда говорил об его ужасном характере; но я прошу вас, любезные друзья, принять во внимание, что Мадзини сам, несмотря на естественное величие своей души, — подхлестываемый сознанием растущего своего бессилия, — в последних полемических спорах со своими противниками вел себя почти совершенно так же.

Ибо Мадзини и Маркс, сколь ни различны они в других отношениях, — каковое различие далеко не всегда в пользу Маркса, — движимы одною страстью: *политическим честолюбием*, которое у одного является религиозным, у другого — научным и доктринерским, честолюбивым стремлением *управлять, воспитывать и организовывать массы* сообразно своим собственным идеям. Мадзини, личное бескорыстие, душевная чистота и возвышенный образ мыслей которого известны, ищет победы своих идей, своей партии, своих апостолов. Маркс, чьи инстинкты значительно менее бескорыстны, одержим страстным желанием увидеть победу своих идей, пролетариата, и вместе с тем — своей собственной личности. Таким образом честолюбие одного возвышенно и прежде всего бескорыстно, честолюбие же другого более личного свойства, но обоих честолюбие вынуждает к одному и тому же образу действий. Зло кроется

в стремлении к власти, в любви к господству, в жажде авторитета, а Маркс глубоко заражен этим злом.

3. Его теории создают для того прекрасную почву. Как глава и вдохновитель, если не главный организатор немецкой коммунистической партии, вообще говоря, он — слабый организатор и скорее обладает талантом путем интриг раскалывать, а не объединять — *он авторитарный коммунист и сторонник освобождения и реорганизации пролетариата через государство*, следовательно, сверху вниз, благодаря уму и знаниям просвещенного меньшинства, которое естественно обращается к социализму и для блага *необразованных и глупых масс* воздействует на них своим *законным авторитетом*.

Эта политическая система почти равнозначна системе Мадзини и отличается от нее только программой. Этим можно отчасти объяснить взаимную их ненависть, и неспособность обеих сторон воздать друг другу должное. Между ними стоят не только идеи и пункты программ; они к тому же соперники в борьбе за одну и ту же власть. Потому что оба, один ради своих идей и апостолов, другой ради своих идей и себя самого, не довольствуются надеждой на то, что когда-нибудь станут править своею собственной страной, они мечтают о *всемирной власти*, о *мировом государстве* — Мадзини — через посредство Италии, которая первая организуется согласно его идеям и затем станет царицею мира, Маркс —через посредство Германии, немецкой расы, которая должна возродить мир по его методу [207]). Мадзини — итальяниссимо, а Маркс — пангерманист до мозга костей.

Одно различие между ними к чести Мадзини. Он любит своих верных друзей, своих апостолов, больше чем самого себя; он по отношению к ним весьма, иногда даже слишком, снисходителен и достаточно благодарен, чтобы от глубины души прощать несправедливости, ошибки, вины своих друзей, относящиеся к нему лично. Зато не прощает он измены своей религии, божественным идеям своим.

Маркс любит свою собственную личность куда сильнее, чем своих друзей и апостолов, и никакая дружба не может противостоять самому мелкому оскорблению его тщеславия. Значительно легче он прощает измену своей философской

и социалистической системе; он рассматривает подобную измену как доказательство глупости или, по меньшей мере, умственной неполноценности своего друга, и это тешит его. С той минуты, как он перестает видеть в друге своем соперника, который мог бы досягнуть до его высоты, друг, пожалуй, даже станет ему милее. Но он никогда никому не простит погрешности в отношении его собственной личности: его надобно боготворить, поклоняться ему как идолу, чтобы он вас любил; надо по меньшей мере бояться его, чтобы он терпел вас. Он любит окружать себя ничтожествами, лакеями и льстецами. Несмотря на это, в его близком кругу можно найти несколько выдающихся людей.

В общем, можно, однако, сказать, что в интимном кругу Маркса мы встречаем очень мало братской откровенности; зато здесь имеются в избытке задние мысли и дипломатия. Здесь ведется нечто вроде молчаливой борьбы, здесь налицо компромисс между себялюбием отдельных лиц, а там, где на сцену выступает себялюбие — нет больше места для братских отношений. Всякий — настороже, всякий опасается, как бы не стать ему жертвой, как бы не быть уничтоженным. Весь круг Маркса — нечто вроде взаимного договора между себялюбиями, из коих он состоит. Маркс в этом кругу жалует почести, и тут же строит коварные козни, подымает, всегда втихомолку и втайне, преследования против тех лиц, которых он не взлюбил, или против тех, кто имел несчастье не воздать ему поклонения в той мере, как то от них ожидалось.

С той минуты, как он прикажет начать преследование, преследование это уже не останавливается ни пред какими низостями и подлостями. Сам еврей, он объединяет вокруг себя, в Лондоне и во Франции, но главным образом в Германии, целую массу маленьких более или менее смышленых, интригующих, шустрых евреев, спекулянтов, каковы евреи повсюду, торговых или банковских агентов, литераторов, политиков, корреспондентов газет всевозможных оттенков, одним словом, маклеров в литературе, наподобие того, как они являются маклерами в коммерции, одной ногой в банке, другой в социалистическом движении, а задом рассевшихся на немецкой прессе, ибо они заполнили все газеты, — и вы

можете вообразить, до чего тошнотворна в результате литература.

— И вот, весь этот еврейский мир, который образует секту грабителей, вампир, прожорливый паразит, мир, тесно и крепко спаянный не только вопреки границам государств, но и вопреки всем различиям в политических мнениях, — этот еврейский мир в настоящее время в большей своей части находится в распоряжении, с одной стороны, Маркса, а с другой — Ротшильда. Я уверен, что Ротшильды ценят заслуги Маркса, а Маркс со своей стороны испытывает инстинктивное влечение и глубокое почтение к Ротшильдам.

Это может показаться странным. Что может быть общего между коммунизмом и крупным банком? О! Коммунизм Маркса желает мощной государственной централизации, а таковая в настоящее время немыслима без центрального государственного банка; а там, где будет подобный банк, там паразитирующая еврейская нация, нация, спекулирующая народным трудом, всегда найдет средства для своего существования...

Как бы то ни было, факт заключается в том, что большая часть этого еврейского мира, преимущественно в Германии, находится в распоряжении Маркса. Достаточно ему подать знак, чтобы они начали кого-нибудь преследовать, и целый поток брани, грязных поклепов, смешной и низкой клеветы обрушился на несчастного во всех социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических газетах. В Италии, где так строго — по крайней мере внешне — блюдется чувство взаимного такта и человечного уважения, нельзя составить себе должного представления о грязном тоне и поистине низменных способах повседневной полемики в немецкой прессе. Эти еврейские литераторы особенно отличаются в искусстве трусливой, полной ненависти и коварства, инсинуации. Они редко обвиняют открыто, они инсинуируют, «они слыхали — как говорят — утверждают — возможно, что это не соответствует истине, но все же...» и затем бросают вам в лицо самую нелепую клевету [208]).

Я могу порассказать об этом на основании собственного опыта. Мы с Марксом — старые знакомцы. Я встретил

его впервые в Париже в 1844 г. Я был уже эмигрантом. Мы сошлись довольно близко. Он тогда был более крайний, чем я, да и теперь он, если и не более крайний, то несравненно ученее меня. В то время я ничего не смыслил в национальной[209]) экономии, я еще не освободился от метафизических абстракций, и мой социализм был чисто инстинктивным. Хотя по годам и моложе моего, он уже был атеистом, ученым материалистом и мыслящим социалистом. Как раз в это время он разрабатывал первоосновы теперешней своей системы. Мы встречались довольно часто, потому что я питал к нему большое уважение за его ученость и серьезную, страстную преданность делу пролетариата, хотя эта преданность и уживалась всегда в нем с личным честолюбием; я жадно искал бесед с ним, бесед, которые всегда были поучительны и остроумны, если только не вдохновлялись мелочной ненавистью, что, к сожалению, бывало слишком часто. Однако полной близости между нами не было никогда. Наши темпераменты не подходили друг к другу. Он называл меня сентиментальным идеалистом — и был прав; я называл его вероломным, коварным и тщеславным человеком — и также был прав.

В 1848 г. мы разошлись во мнениях и, должен сказать, правота гораздо больше была на его стороне, чем на моей. Он основал в Париже и в Брюсселе секцию немецких коммунистов и, объединившись с французскими и некоторыми английскими коммунистами, поддерживаемый своим другом и неизменным товарищем Энгельсом, учредил в Лондоне Первый Международный Союз Коммунистов разных стран. Там он составил вместе с Энгельсом, от имени этого общества, высоко-замечательное произведение, известное под названием *Коммунистического Манифеста*.

Сам я, охваченный опьянением революционного движения в Европе, значительно больше был занят негативной, чем позитивной стороной революции, то есть, разрушением существующего больше, нежели созиданием и организацией того, что должно было за сим последовать.

Существовал, однако, один пункт, в котором правота была на моей стороне. Как славянин, я желал освобождения славянской расы из-под немецкого ярма путем революции,

то есть путем разрушения государств русского, австрийского, прусского и турецкого, и через реорганизацию народов снизу вверх путем самоосвобождения на основе полного экономического и социального равенства, а не властью авторитета, сколь бы революционным он ни называл себя и сколь бы разумен он ни был в действительности.

Уже в то время начали выявляться между нашими системами различия, которые разделяют нас ныне, с моей стороны совершенно сознательно. Мои идеи и чаяния должны были быть весьма неприятны для Маркса. Прежде всего потому, что они не были *его* идеями, затем потому, что они противоречили убеждениям авторитарных коммунистов, наконец, потому, что он, как немецкий патриот, не признавал, как не признает и теперь, права славян на освобождение от немецкого ига; он теперь, как и тогда, полагает, что немцы призваны цивилизовать их, то есть добром или злом германизировать [210]).

Дабы наказать меня за такую дерзость, как стремление к осуществлению идеи, отличной от его воззрений и даже противоположной им, Маркс отомстил мне тогда по своему обычаю. Он был редактором выходящей в Кельне «Новой Рейнской Газеты». В одном из номеров этой газеты я нашел корреспонденцию из Парижа, в которой было сказано, что г-жа Жорж-Занд, с которой я некогда был знаком, *по слухам кому-то* сказала, что необходимо остерегаться Бакунина, так как *возможно*, что он является *чем-то вроде* русского агента [211]).

Это обвинение обрушилось на меня внезапно, как кирпич на голову, как раз в то время, когда я был полностью погружен в революционную организацию, и на много недель совершенно парализовало мою деятельность. Все мои немецкие и славянские друзья отшатнулись от меня. Я был в то время первым русским, который принял деятельное участие в революции, и нет надобности мне указывать вам какие чувства привычного, традиционного недоверия овладевают всяким западным умом, когда он слышит о русском революционере. Итак, я прежде всего написал г-же Занд [212]).

Она поспешила ответить мне присылкой копии письма, которое было послано ею в редакцию «Новой Рейнской

Газеты», — письма, которое содержало формальное и строгое опровержение [213]). Я находился в Бреславле, и послал друга моего, поляка (Косцельского), в Кельн, с поручением потребовать формального и полного опровержения заметки. Маркс напечатал опровержение, свалил вину на парижского корреспондента и заявил, что газета приняла эту корреспонденцию в его отсутствии: он слишком хорошо меня знает, чтобы когда-либо быть способным и т. п. и т. п. — куча комплиментов и уверений в дружбе и уважении. Тем дело и кончилось.

Спустя несколько месяцев, я встретил его в Берлине. Общие друзья заставили нас обняться. А затем, во время полу-шутливого, полу-серьезного разговора, Маркс сказал мне: «знаешь ли ты, что я теперь стою во главе столь хорошо дисциплинированного тайного коммунистического общества, что стоит мне сказать одному из его членов: иди убей Бакунина, и он тебя убьет». — Я ответил, что в том случае, если у (его) тайного общества нет другого дела, кроме убийства людей, не угодных Марксу, оно может быть только обществом прислужников или смешных хвастунишек.

После этого разговора (август 1848) мы не видались до 1864 г.

Я был арестован в 1849 г., судим в Саксонии и приговорен к смерти. В 1850 г. был выдан Австрии ввиду того, что саксонский король не хотел никого казнить, хотя мы все трое, я и оба товарища (Рекель и Гейбнер), отказались просить о помиловании [214]), был судим в Австрии и, приговоренный к смерти, был в 1851 г. выдан России, ввиду того, что Австрия дала саксонскому королю обещание не казнить меня, каковое обещание Россия в свою очередь должна была повторить тому же саксонскому королю, который, как вы видите, будучи страстным ботаником, не был злым человеком. В России провел я шесть лет в крепости и в 1857 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал в 1861 г. через Японию, Великий Океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек и Нью-Йорк. В конце декабря 1861 г. я прибыл в Лондон.

Я встретил здесь соотечественников своих Герцена и Огарева и через них познакомился с Мадзини.

Тогда Герцен, Огарев и Мадзини рассказали мне следующее: Пока я далеко не весело проводил время в русских крепостях и в Сибири, Маркс и К⁰ распустил обо мне самые низкие слухи, прокричал и пропечатал их в английских и немецких газетах; они говорили, что это ложь, будто я заперт в крепости, что, напротив, царь Николай принял меня с распростертыми объятиями и предоставил мне все удобства и удовольствия жизни, что я развлекаюсь с галантными женщинами за шампанским и т. д. и т. д.

Это было низко, но в то же время и глупо... Они, впрочем, понесли достаточно жестокое наказание, и я навеки сохраню благодарность Мадзини и его благородному другу, поляку Ворцелю, главе польской демократии, за то, что они энергично стали на мою защиту, покуда я был еще в отсутствии и не мог сам защищаться.

Едва я приехал в Лондон, одна английская газета («The Free Press», 5 марта 1862 г.), издаваемая некиим Урквартом, туркофилом и сумасбродом, напечатала, что русское правительство, повидимому, прислало меня в качестве шпиона. Я написал ответ в газету (12 марта, «The Working Man», 1 апреля), где потребовал от анонимного клеветника, чтобы он назвал себя и обещал ответить ему не с пером в руке, а рукой без пера. Он проглотил это, и меня оставили в покое.

1862 год я пробыл в Лондоне, причем, конечно, не искал случая встретиться с Марксом. В начале 1863 г. я поехал в Швецию, чтобы вести там подготовку к русской революции, которая должна была прийти на помощь польской; я принял даже участие в морской экспедиции, которая должна была привезти нас к берегам Польши. Преданные капитаном английского парохода, который должен был нас туда доставить, мы лишь с большим трудом ушли от преследования русского военного судна.

В конце 1863 г. я вернулся из Швеции в Лондон и уехал оттуда, через Бельгию, Францию и Швейцарию, в Италию, с рекомендательными письмами от Мадзини и моего прежнего друга Аврелия Саффи ко всем друзьям.

Я был на Капрере и имел там честь познакомиться с генералом Гарибальди. Я провел зиму и часть лета 1864 г.

в Тоскане и вернулся в августе 1864 г., через те же страны, в Швецию. В октябре я опять был в Лондоне.

В это время я получил от Маркса записочку, которая у меня еще имеется; в ней он осведомлялся, приму ли я его у себя на следующий день. Я ответил ему утвердительно [215]). Он пришел ко мне, и мы с ним побеседовали. Он клялся, что никогда не выступал против меня ни делом, ни словом, что, напротив, он всегда питал ко мне искреннюю дружбу и большое уважение. Я знал, что он говорит неправду, но я, действительно, не сохранил злого чувства.

Возобновление знакомства, впрочем, очень интересовало меня в другом отношении. Я знал, что он принимал громадное участие в основании Интернационала. Я читал написанный им от имени Генерального Совета временный манифест, манифест — значительный, серьезный и глубокий, как все, что выходит из-под его пера в тех случаях, когда он не ведет личной полемики. Короче, мы расстались внешне как лучшие друзья, хотя я и не ответил на его посещение.

Я возвратился во Флоренцию, где провел всю зиму, и откуда весной 1865 г. переехал в Неаполь. Здесь я оставался до сентября 1867 г., — времени первого конгресса Лиги Мира и Свободы в Женеве.

Я обменялся несколькими письмами с Марксом. Затем мы снова потеряли друг друга из виду. Как раз на Женевском конгрессе старый коммунист Филипп Беккер, также один из основателей Интернационала и друг Маркса, впрочем, на немецкий лад, из тех, кому ничего нет милее как порассказать о других что похуже, если только возможно сделать это не компрометируя себя, — Беккер передал мне от имени Маркса первый, пока единственный, том в высшей степени важного, ученого, глубокого, хотя и весьма абстрактного произведения, — «*Капитал*».

Тогда я совершил ужасную ошибку: я позабыл написать Марксу, чтобы поблагодарить его.

Спустя несколько месяцев...

(Рукопись обрывается.)

XIII—XV.

Из конспиративной переписки М. Бакунина.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Письма Бакунина к интернационалистам Романьи и испанским альянсистам можно считать ярким образчиком тех «конфиденциальных сообщений», какие рассылал Бакунин своим «союзникам» и «братьям». Если «конфиденциальное сообщение» Маркса, вызвавшее много анархистских укоров и обличений, оказалось на деле, — как это доказал Д. Рязанов [1]), — лишь официальным, предназначенным для всех секций, но не подлежащим опубликованию сообщением, т. е. документом, лишенным всякой таинственности и заговорщицкого элемента (оно было законспирировано Марксом лишь от полицейских ищеек), то письмо «интернационалистам Романьи», напротив, является «сообщением», законспирированным, прежде всего, от Генерального Совета, хотя заострено было именно против руководящего органа Интернационала и его самого влиятельного вождя. Бакунин в этом случае, как и во многих других, вопреки анархистским легендам, если и оказывается *жертвой*, то такой, которая *нападает*.

Письмо интернационалистам Романьи заключает в себе все характерные черты бакунинских зашифрованных ин-

[1]) «Анархистский товар под флагом марксизма». — «Очерки по истории марксизма», Москва, 1923, «Московский рабочий», стр. 272 и дальше.

структивных писем, которые он во множестве рассылал своим друзьям в разные страны. Самый характер письма, с условными кличками вместо имен, его пространность, тщательное взвешивание каждого указания, подробное рассмотрение всех возможных случаев, несмотря на мягкий, советующий тон, говорят о том выдающемся положении, какое занимал Бакунин в среде своих «союзников». А ведь переписка Бакунина была огромна, значительнейшую часть своего времени он тратил на писание этих пространнейших инструкций, и те сведения, какие имеются в его дневниках, говорят о размахе его корреспонденции — Италия, Испания, Франция, Швейцария. И характер этих инструкций, будь то послание Альберу Ришару, его лионскому агенту, или испанцу Мораго, его агенту в Мадриде, — всегда одинаков: они направлены к разрушению Генерального Совета, к уничтожению его руководящего положения. Весь смысл и настоящего письма исчерпывается этой задачей.

Особенности письма «Интернационалистам Романьи» заключаются еще в том, что, будучи адресовано нескольким интимным друзьям, как обыкновенно называл Бакунин членов своего тайного Альянса, оно должно было, передаваясь из рук в руки, сделаться достоянием широкого круга лиц.

Цель письма ясна: заставить итальянцев войти в Интернационал, точнейшим образом выполнить все формальности. Вхождение итальянцев в Интернационал давало Бакунину новый отряд единомышленников для решительного сражения на Гаагском конгрессе: у Бакунина ведь не было сомнений, что итальянские делегаты будут на его стороне. Вся аргументация, заостренная против Генерального Совета, обнажала этот замысел, совершенно прозрачный в свете общих планов. Искусно лавируя между признанием поло-

жений Интернационала и своими поправками, меняющими характер этих положений, Бакунин весьма тонко обрабатывал сознание итальянцев, приводя их к мысли о необходимости превращения Генерального Совета в простое статистико-справочное бюро.

Не изменил себе Бакунин в этом письме и в тактике по отношению к Марксу. Считаясь с ни с чем не сравнимым авторитетом Маркса в революционных кругах, Бакунин расточает ему похвалы, пересыпая их намеками, обвинениями и дискредитирующими замечаниями. Даже еврейство Маркса играло в руках Бакунина свою язвительную роль.

Но письмо сделало больше, чем автор предполагал. Ему не удалось удержать пылкую итальянскую молодежь в тех границах, на которых он ей предлагал остановиться. Она, очевидно, плохо разобралась в сокровенной сути его замыслов, но его филиппики против Генерального Совета восприняла полностью и вместо того, чтобы завоевать себе в глазах этого Генерального Совета легальное положение соблюдением тысячи формальностей и показным смирением, попросту открыто отказалась от всякого сотрудничества с ним, решила не посылать своих делегатов на Гаагский конгресс (конференция в Римини, август 1872 г.) и, таким образом, фактически оказалась вне Интернационала. Заботливо подсаживаемые на лошадь Бакуниным пылкие итальянцы перескочили через нее.

Отсутствие итальянских делегатов ослабило численно его фракцию, и это, разумеется, не могло не сказаться на работах конгресса.

Письмо это публикуется на русском языке впервые. Полностью оно вообще увидело свет лишь в 1924 г., обнародованное Максом Неттлау в третьем томе указанного издания сочинений Бакунина. Отрывки из этого письма

были использованы Неттлау в его рукописной трехтомной биографии, доступной только исследователям.

Еще более значительный интерес имеют его письма испанским альянсистам. Предназначенные для узкого круга интимных друзей, эти письма, в конце концов, разрушают легенду, усиленно поддерживаемую некоторыми анархистскими историками, об отсутствии у Бакунина агрессивных планов по отношению к Интернационалу. Эти письма весьма обстоятельно обнажают ту цель Бакунина, о которой он не распространялся открыто, но которая, тем не менее, была руководящей в его деятельности, а именно: захват руководства Интернационалом. Бакунин представлял себе дело так, будто в пределах Интернационала ведут борьбу две тайных фракции, марксистов и бакунистов. Он заблуждался. В Интернационале именно он был организатором тайной фракции, добивавшейся возможности изнутри, невидимо руководить Интернационалом. Именно для этого необходимо было Бакунину превратить Генеральный Совет из главного штаба организованных в международном масштабе пролетарских сил в простое статистическо-справочное бюро. Функции же боевого руководящего центра он оставлял за своим Альянсом.

Предлогом для написания этих писем, как видно из самой переписки, послужило распадение тайного Альянса в Мадриде, основанного в Испании Джузеппе Фанелли по поручению Бакунина.

Вяч. П.

Письмо М. Бакунина Людовику Набруцци.

(3 января 1872 г.[216])

Любезный гражданин — любезный брат.

Я с радостью принимаю братскую дружбу, которую вы предлагаете мне во имя общих наших принципов, — принципов, которые могут быть сформулированы в нескольких словах, если понимать эти слова в смысле самом открытом, серьезном и широком: *Все для трудового народа и все через него.*

Пусть станет, наконец, действительностью для трудового народа все, что до сих пор было лишь теологической, метафизической, политической, юридической фикцией: свобода, цивилизация, благосостояние, равенство, справедливость, человечность. Для этого необходимо, чтобы все человеческие существа, мужчины и женщины, стали работниками умственного и физического труда с равными правами и на равных условиях; необходимо, чтобы, как сказано в обращенной к крестьянам прокламации Парижской Коммуны, *земля* (Grund und Boden) *принадлежала крестьянам*, и каждый владел только тем, что обрабатывает собственными руками; чтобы орудия, инструменты и фабричные здания принадлежали рабочему, вернее союзу рабочих, чтобы капитал стал коллективной собственностью, и все стали рабочими. Потому что тот, кто живет без труда, ничего не производя, неизбежно живет в ущерб труду других.

Для этого необходимо, чтобы все рождающиеся на свет человеческие существа нашли в обществе одинаковые средства для развития, одинаковые средства к существованию,

для воспитания и усовершенствования своего во всех отраслях индустрии, науки и искусств, в зависимости от природных способностей и свободного выбора каждого, — чтобы, с другой стороны, не существовало больше ненавистного разделения на работников умственного и физического труда; все должны работать и мозгом и рукой, различаясь только в зависимости от действительных природных своих задатков. — Для этого необходимо уничтожение юридических прав, и, в первую очередь, уничтожение прав наследования; потому что покуда будет существовать право наследования и одни будут рождаться в богатстве, а другие в нищете, будет существовать неравенство в исходном пункте, и в силу необходимости—наследственные классовые различия, неизбежным следствием которых является господство богатых классов и порабощение массы пролетариата. — Следственно, необходимо уничтожение государства, государства, которое с благословения церкви имеет своим назначением одно лишь узаконение, укрепление и охранение господства высших классов и эксплоатацию труда народного на пользу богачей. Поэтому необходима реорганизация общества снизу вверх путем свободного основания ассоциаций и федераций производственных и сельскохозяйственных, научных и художественных так, чтобы рабочий стал в то же время и человеком науки и искусства, а художник и ученый — человеком ручного труда; эти свободные ассоциации и федерации имеют в основе коллективное владение землей, капиталом, сырьем и орудиями труда, т. е. всеми ценностями, связанными с производством; в личное владение с правом передачи по наследству предоставляется только то, что действительно служит для личного пользования и по природе своей не может рассматриваться как капитал, служащий для нового производства.

Вот, любезный мой друг, в главных чертах истинная программа Интернационала. Такова ли ваша программа? Есть ли у вас желание распространять ее? Если так, подадим друг другу руки и будем вместе работать.

Я был искренне счастлив увидеть у вас удивительные успехи в деле организации рабочих обществ, и жду круп-

ных результатов от вашего Fascio operaio[217]). — Лишь одно обстоятельство заботит меня.

Я вижу, конечно, что все вы интернационалисты в душе; но вам нехватает еще смелости объявить себя открыто секциями Интернационала. Эту смелость имели неаполитанцы, сицилианцы, туринцы, как раз сейчас образуется новая интернациональная секция в Милане. Почему одни только романцы остаются позади? Разве меньше у них решимости, прямоты, мужества, чем у других? — Мужество романцев вошло в поговорку. Значит, здесь имеет место политика, дипломатическая мудрость. Любезный брат, разрешите сказать вам, что политика эта представляется мне неудачной, так как она не достигает цели, а дипломатия, на мой взгляд, далеко не умна. Прежде всего она никого не обманывает, и вам приходится переносить все невыгоды интернациональных секций, не пользуясь их преимуществами. — Невыгоды эти вы несете уже потому, что весь официальный мир, так же как и мадзинисты, которые в настоящее время представляют собой особый вид весьма клеветнически и *весьма обличительно* (denunziatoricher) настроенного официозного мира, — весь этот мир уже третирует вас, как если бы вы открыто вступили в Интернационал; с другой стороны, Интернационал не может считать вас своими, покуда вы как бы боитесь или стыдитесь открыто признать его. Вы, таким образом, вынуждены переносить невыгоды враждебного отношения одних, не пользуясь преимуществами дружбы и братского союза с другими. — Так бывает всегда, когда кто-либо занимает двусмысленное положение и тщится сохранить его. Я получил вчера письмо от Lupo [218]), который пишет мне следующее:

«Мы с вами; мы не можем еще принять решения, которое окончательно связало бы нас, из соображений, приведенных в письме Гарибальди к Lucca [219]) в Мантуанской «Favilla».

Я не читал этого письма и прошу вас, любезный друг, прислать мне этот номер «Favilla». Но, и не прочитав письма Гарибальди, я открыто скажу вам, что думаю об отношениях генерала к Интернационалу. Настоятельно только прошу вас не показывать моего письма никому кроме

вполне серьезных друзей, так как мы прежде всего должны избегать сплетен и личного предубеждения.

Никто не преклоняется столь искренне и глубоко перед народным героем Гарибальди, как я. Его поход во Францию, все его поведение там были поистине возвышенны по своему величию, самоотверженности, простоте, выдержке и героизму. Никогда не был он в моих глазах столь велик. Глубокое, инстинктивное его понимание народного дела, которое никогда не изменяло ему в важных случаях, и теперь побудило его открыто выступить на защиту Парижской Коммуны и Интернационала, против ненавистных и чисто теологических нападок Мадзини. Однако, да будет разрешено мне сказать это открыто, все, что Гарибальди с того времени писал об Интернационале, показывает, что он совершенно не понимает и не знает его. Гарибальди [220]). . . . . — или, вернее, где дело касается фактов, — он с нами, где дело касается теории, он против нас. — Idée fixe его — диктатура, а нет ничего столь противного социальной революции, как диктатура. Все его политические идеи, а он слишком стар и слишком упрям, чтобы изменить им, — все его политические привычки приковывают его к старому миру, к тому, что мы желаем разрушить. Друг и сторонник Паллавичини Тривульцио, как мог бы он стать когда-либо нашим сторонником и другом?.. А что общего у нас с Паллавичини Тривульцио? Друзья, позвольте сказать вам это со всей откровенностью, какой обязан я братьям и какой обязан прежде всего делу, которому служу, — если вы имеете несчастье следовать политическому и социалистическому руководству Гарибальди, вы заблудитесь в лабиринте невозможных противоречий, ибо политика его есть постоянное противоречие, а социализм его, — не как инстинкт, а как продуманная система, — столь же ничтожен, как и социализм Мадзини.

Не пришло еще разве время для масс, при всей благодарности, при всем уважении к великим мужам прошлого, раз навсегда избавиться от их диктатуры, от всякой диктатуры вообще? Диктатура хороша, необходима в период политических революций, которые разрушают одни государства, чтобы основать другие, свергают одно влады-

чество, чтобы в тот же час создать на его месте другое. Но она невозможна в социальной революции, которая раз навсегда полагает конец всякому владычеству, всякому государству.

Брат! покончим с прошлым, найдем в себе мужество взглянуть вперед. Придите, не стыдясь, не тайком, а открыто, в Интернационал; будьте уверены, это единственное серьезное, истинное, живое создание нашего времени во всех странах. Да будут нашим лозунгом высокие слова революционнейшего из всех героев реформации, Ульриха фон Гуттена: alea jacta est! (жребий брошен!). И, коль скоро назвались вы Рубиконом, перешагните Рубикон, подайте нам руку, присоединитесь к нам и провозгласите себя открыто перед лицом всего мира секциями Интернационала.

Передайте это письмо Lucca [221]) и Lupo, которым оно также послужит ответом, — и всем, кто пользуется вашим серьезным доверием. Только большая просьба к вам, любезные друзья. По возможности избегайте говорить обо мне и даже открыто называть мое имя. Уверяю вас, не из малодушия и не из личной осторожности обращаюсь я к вам с этой просьбой. У меня есть на то причины совсем иного характера.

Работа социальной революции в целом и Интернационала в частности, — не индивидуальная, но в существенных своих чертах коллективная работа. Единичные личности, все отдельные личности растворяются у нас в коллективе, и нам ненавистна претенциозная, тщеславная, честолюбивая и доминирующая индивидуальность. Мы — заклятые враги всякого, коллективного или индивидуального, владычества. — Все, кто приходит к нам bona fide, нам желанны, и если их намерения серьезны, они находят у нас место для свободного развертывания деятельности своей и способностей во всей полноте; при одном только условии: что они не захотят играть выдающейся роли и не станут мечтать о господстве. Нам не надобно вождей, и мы их никогда не потерпим. Идея, даже родившаяся у одного, если она хороша и находит себе признание, в тот же час становится общим достоянием; потому идеи наши никогда

не имеют персональных ярлыков, — таков наш обычай, наш закон.

Я прошу вас отнести это ко мне. Это необходимо, прежде всего, с итальянской точки зрения, дабы никто не сказал, что русский, варвар, калмык пытается создать себе партию в вашей стране; это нанесло бы жестокий удар нашей пропаганде. И без того уже Мадзини и мадзинисты не упускают случая воспользоваться этой клеветой,—нелояльным, но верным оружием.

Итак, само собой разумеется, мое имя не будет произнесено. Вы доверяете искренней моей преданности делу, которому вы призваны служить в скором времени лучше, нежели я это делал, ибо вы молоды, а я стар. — От чистого сердца говорю я вам все, что думаю, чувствую, желаю, все, чем живу — от вас зависит принять то, что вам подойдет, и отбросить ненужное; с того момента, когда вы примете какую-нибудь идею, она перестанет быть моей, она — ваша.

Последнее слово, последний братский совет: не ищите руководства вверху, среди немногих более или менее известных людей, которые пользуются вашим доверием; так же мало ищите его среди вас самих, среди литературной и образованной молодежи. Ищите его внизу, в среде, которую Мадзини пренебрежительно именует массой, а другие, более откровенные, *сволочью*, потому что в инстинктах этой сволочи таятся ныне в зародыше все идеи и все силы будущего.

Братски обнимаю вас и жду от вас в скором времени ответа сколь возможно братского.

Преданный вам *Сильвио*.

Друзья мои, Paolo и Marco из Милана, черкнут вам несколько слов [222]).

Рубикону [223]) и всем остальным друзьям.

23 января 1872 года.

Любезный брат и друг!

Я с восхищением прочел ваше последнее письмо. Таким образом, у нас царит согласие и полная гармония по поводу всех главных пунктов. Тем лучше, теперь мы можем быть уверены, что впредь всегда будем итти нога в ногу. Необходимо только, чтобы мы столковались по поводу последнего пункта, который касается практики Интернационала и состоит в четком и ясном разграничении *обязательного и факультативного* для всех секций Интернационала.

Наши идеи, — ваши, мои и многих других близких наших друзей внутри и вне Италии, — идеи, которые, без сомнения, составляют самую передовую из всех представленных в Интернационале систем, ибо они не удовлетворяются меньшим, нежели коренное и неумолимое разрушение современного социального мира в отношениях экономическом, религиозном, метафизическом, политическом, юридическом и гражданском, — разрушение, в результате которого произойдет замена существующих учреждений новым порядком, возникшим из взаимодействия позитивной науки, с одной стороны, и самочинного, абсолютно-свободного движения автономных ассоциаций, с другой, — эти идеи, несомненно, все мы глубоко убеждены в этом, являются последним, самым верным, самым последовательным и лучшим выражением и разъяснением программы Интернационала; *но они никоим образом не обязательны ни для отдельных членов Интернационала, ни для его секций и федераций.*

Усвойте, любезный друг, убеждение, что у Интернационала нет обязательного учения, какое имеется, напр., у республиканского альянса Мадзини, где каждый член должен безусловно разделять религиозную, метафизическую, политическую и буржуазно-социалистическую программу мэтра.

Интернационал предоставляет всем своим секциям свободу, самую широкую как в отношении теорий, так и в отношении практической организации. Мадзинисты, авторитарные с ног до головы, не понимающие, что возможно жить и организовываться без диктуемых сверху вниз мыслей и тактики, считают это отсутствие официального учения в Интернационале величайшим преступлением или, по меньшей мере, явною глупостью; они не хотят понять, что навязанные сверху вниз теории создают лишь беспомощные, бесплодные секты, подобные республиканскому альянсу Мадзини, но никак не могут создать мощной ассоциации пролетариата всех стран по типу Интернационала.

Допустим, что пожелали бы навязать наши идеи всем секциям Интернационала. Чего этим бы достигли? Была бы создана секта, еще более бессильная и малочисленная, нежели секта Мадзини. Итак, Интернационал широко раскрывает двери для пропаганды всякого рода идей: наших идей наравне с идеями наших противников; не к теоретической, всемирной, чудовищной, иллюзорной, немыслимой солидарности стремится он, но *к всемирной, практической солидарности* между всеми членами, всеми принадлежащими к Интернационалу рабочими секциями и федерациями, к *интернациональной солидарности каждого со всеми и всех с каждым*, к солидарности пролетариата против буржуазного мира, к экономической в первую очередь, но также, в случае надобности, политической и юридической борьбе, невзирая на все искусственные границы государств.

Пример: наши братья, рабочие Юрской федерации, во многих отношениях, и прежде всего в вопросах политики, придерживаются сейчас совершенно иных точек зрения, нежели немецкие рабочие. Последние называют нас анархистами, мы же именуем их авторитаристами. Однако, если бы в Германии вспыхнула забастовка или если бы немецкие рабо-

чие тем или иным образом восстали бы против нынешнего правительства, против деспотизма, одновременно военного и буржуазного, вы увидали бы, что юрские рабочие поддержали бы своих братьев, рабочих Германии, всеми находящимися в их распоряжении средствами; будьте уверены, что справедливо и обратное: рабочие Германии сделают то же для юрских рабочих.

Это мы называем независимой от каких бы то ни было теорий *практической солидарностью*. Результаты ее огромны. Первое следствие — уничтожение границ между государствами и создание великого интернационального отечества для всего пролетариата, интернационального стана рабочих всех стран, объединенных и организованных для дружной борьбы с той эксплоатацией и гнетом, что несет им стан угнетателей и эксплоататоров, в свою очередь, интернациональный стан буржуазного мира. Второе следствие — уничтожение отечеств, не *естественных* отечеств, кои остаются неприкосновенными, а искусственных, политических отечеств, государств; сие ведет к разрыву солидарности, всегда, впрочем, фиктивной, между пролетариатом и буржуазией одного и того же государства; между ними разверзается пропасть; для рабочего, принадлежащего к Интернационалу, отныне братья — все рабочие, все пролетарии других стран, врагом же рабочего является его соотечественник-буржуа, если последний его экономически эксплоатирует.

Эти два следствия, главным образом, и отталкивают Мадзини, так как он вполне основательно видит в них коренное отрицание политического отечества и гибель всех своих планов, планов буржуазной революции, цель которой — победа нового великого государства, т. е. новые темницы для пролетариата. Эти же следствия, напротив, обеспечивают победу человечества на основах труда и экономического и социального равенства.

Вот в чем задача нашей ассоциации, вот что называем мы *практической солидарностью Интернационала*.

Продумали ли вы с должным вниманием основные положения нашего общего устава?

Задача их состоит именно в том, чтобы определить цели, условия и практические средства осуществления этой соли-

дарности; поэтому-то они безусловно обязательны для всех членов секций и федераций Интернационала. Эти основные положения настолько кратки, что я могу легко привести их здесь.

Принимая во внимание:

1. Что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих (разрыв между пролетариатом и буржуазией).

2. *Что борьба за освобождение рабочих должна вести не к созданию новых привилегий, а к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого* (не только политического, но и экономического) *классового господства.* (Это означает, что в организованном на началах справедливости обществе не должно существовать различного образа жизни; все люди на земле, и мужчины и женщины, должны впредь работать умственно и физически, всякий в меру своих сил и способностей, что предполагает колоссальную социальную и в то же время политическую революцию, направленную к уничтожению государства.)

3. *Что экономическое подчинение рабочего обладателю средств производства является источником рабства во всех его видах: всякой социальной нищеты, умственного отупения и политической зависимости.* (Столь простое, столь глубоко истинное положение, справедливость коего всякий может установить на основании повседневного опыта, всякий, если только дух его не затемнен теологией или метафизикой, положение это заключает в себе в зародыше всю философию социализма и именно потому является душой Интернационала. Оно означает в действительности, что весь капитал и вся земля должны стать коллективной собственностью рабочих обществ. Однако ввиду того, что вывод сей не был определенно сформулирован в основных положениях, секциям предоставляется свобода принимать или не принимать его.)

4. *Что поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство.* (Это означает, что Интернационал отвергает всякую политику, которая не ставит своей непосредственной и прямой целью экономическую и социальную революцию, победа коей даст полную

свободу каждому отдельному человеку, — свободу, основанную на действительном равенстве всех.)

5. *Что все стремления к достижению этой великой цели оставались до сей поры безуспешными вследствие недостатка (практической) солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза* (практической солидарности) между *рабочими различных стран.* Что освобождение рабочих в конечном счете составляет не местную или национальную задачу, но интернациональную и т. д. и т. д.

Вот главные пункты программы Интернационала.

Эти *основные положения* и, вообще, *Общий Устав,* включая сюда пункты регламента, принятые последовательно тремя конгрессами — в Лозанне (1867), Брюсселе (1868) и Базеле (1869) (но не самовольные постановления последней тайной конференции, которую Генеральный Совет самовольно собрал в сентябре 1871 г. в Лондоне), — составляют единственную, так сказать, законную основу нашей великой ассоциации. Ввиду этого они *безусловно обязательны* для всех отдельных лиц и сообществ, которые желают признания их членами Интернационала.

Для признания рабочего общества секцией Интернационала недостаточно со стороны оного одного только общего выражения сочувствия основным принципам Интернационала. Оно должно выполнить следующие условия:

1) Оно должно, прежде всего, признать Общий Устав как основной закон, как единственный базис своего дальнейшего существования и деятельности.

2) Об этом своем признании общество должно сообщить лондонскому Генеральному Совету, сообщить непосредственно или через посредство своего совета или местного комитета, если таковой существует; это необходимо должна сделать каждая секция.

3) Каждая новая секция, даже в том случае, когда она принадлежит к местной федерации, должна выработать свой собственный устав, во всех пунктах соответствующий Общему Уставу, и немедленно переслать один экземпляр этого устава Лондонскому Генеральному Совету, непосредственно или через посредство своего совета или местного комитета.

4) Каждая секция должна также тем же путем сообщить Лондонскому Совету о числе своих членов и, по возможности, скорее переслать по 10 сантимов годового взноса с каждого члена.

5) Если несколько секций объединяются в одну федерацию (как, напр., ваши романские секции, объединенные на федеративных началась в Fascio operajo [224]), совет или комитет из избранных представителей этой федерации должен незамедлительно послать Лондонскому Генеральному Совету экземпляр федеративного договора. Вместе с тем этот совет или местный комитет становится законным и постоянным посредником между каждой секцией федерации и Генеральным Советом.

Таким образом, для каждого члена Интернационала существует, так сказать, три закона, которые, впрочем, должны находиться в полном соответствии друг с другом: a) Общий Устав, b) местный федеративный договор, c) особый устав его секции.

В высшей степени желательно, чтобы каждый член Интернационала вполне проникся духом этих трех законов и по возможности знал их от доски до доски.

Прежде всего, должен быть усвоен *Общий Устав:* это — наш катехизис. Надеюсь, он у вас имеется. На всякий случай посылаю вам экземпляр на французском языке. Не можете ли вы отпечатать несколько тысяч его по-итальянски, чтобы каждый член ваших секций получил по экземпляру?

Таковы *условия, абсолютно обязательные* для всех обществ, желающих стать полноправными секциями Интернационала.

Пренебрежения хотя бы одним единственным из этих пяти условий достаточно, чтобы превратить вас в неинтернациональную, чужую Интернационалу организацию и *лишить вас права посылать своих делегатов на наши конгрессы.*

Выполнили ли вы все эти условия? Я сомневаюсь в этом. Если нет, поспешите, любезные друзья, их выполнить, дабы не остаться вам за пределами организации Интернационала, несмотря на все ваше сочувствие ему и его принципам.

Рассмотрим теперь *права*, предоставленные *Генеральному Совету* Общим Уставом и утвержденными конгрессами пунктами регламента.

По духу нашего Общего Устава Генеральный Совет может быть лишь *центральным бюро* для корреспонденции и статистики федераций и секций всех стран, но не правительством, не властью, которая правомочна постановлять что бы то ни было.

Все новые секции и федерации должны присылать ему свои уставы, которые он *обязан* немедленно подвергать рассмотрению; и, если эти уставы не содержат решительно ничего противоречащего Общему Уставу, он *обязан* их немедленно утвердить; с этого времени секция или федерация становится вполне полноправной, если она выполняет все остальные условия. Если Генеральный Совет находит в особом уставе новой секции или федерации пункты, которые кажутся ему противоречащими Общему Уставу, он отсылает его обратно со своими замечаниями; если замечания эти справедливы, секции или федерация должны изменить свой устав; в том случае, когда они настаивают на своей точке зрения, вопрос разрешается окончательно ближайшим всеобщим конгрессом.

Других прав, кроме этого, Генеральный Совет не имеет. Только последний Базельский конгресс в сентябре 1869 г. несколько расширил власть Генерального Совета, — в разрез с духом нашего Общего Устава. Это было большой ошибкой. Я должен сознаться, что немало способствовал тому, что конгресс совершил эту ошибку.

Mea culpa, mea maxima culpa [225]).

Это произошло при следующих обстоятельствах.

В октябре и ноябре 1868 г. мои друзья и я, мы организовали в Женеве новую секцию, названную *Альянсом Социалистической Демократии*. Я посылаю вам членскую книжку с особой программой и регламентом нашей секции, которые были сформулированы мною самим. Вы, несомненно, найдете, что этот регламент, — не программа, а только регламент, — преисполнен чрезмерно авторитарным духом; наученный опытом, я в настоящее время сам бы отверг и, действительно, отвергаю его. Это было следствием крупного

заблуждения, которое я тогда разделял со многими своими друзьями. Нам казалось, что местные и национальные комитеты так же, как и Генеральный Совет, не обладающие двумя главными элементами реальной власти правительств — вооруженной силой и финансовыми средствами, — никоим образом не могут проявить деспотизма и злоупотребления властью. Одним словом, я тогда говорил, — и сознаю, что говорил большую глупость, — что из всех государств я не питаю страха и ненависти только к одному: к великому интернациональному государству пролетариата, представленному, с одной стороны, нашими конгрессами, а с другой — Генеральным Советом, ввиду того, что последний лишен средств для порабощения.

С той поры опыт показал мне, что он обладал по меньшей мере одним весьма могущественным средством. Это средство — интрига, взаимное соглашение и заговоры тщеславных и честолюбивых лиц, кои создают себе из Интернационала пьедестал.

Чтобы несколько оправдать свою ошибку, напоминаю вам, что я жил в то время в Женеве, где вместе со своими друзьями изо всех сил боролся против духа национализма или узкого патриотизма, который владел коренными женевскими рабочими, пользующимися избирательными правами, гражданами маленькой республики и в то же время — членами Интернационала.

Вам надобно знать, что пролетариат Женевы, собственно говоря, распадается на две группы: коренных рабочих Женевы и пришлых рабочих, по преимуществу французов, савойцев, пьемонтцев и немцев. Первые, женевцы, до известной степени наследуют от отца к сыну работу по различным специальностям, составляющим в совокупности часовую индустрию, либо работают по ювелирной части, или строят музыкальные ящики, или являются печатниками. Они зарабатывают несравненно лучше рабочих иностранных, кои выполняют все прочие работы; последние — портные, сапожники и, в первую очередь, строители. Иные из женевских рабочих зарабатывают от 15 до 20 фр. в день, средний их заработок (ежедневный) равняется $7^1/_2$—10 фр., минимальный —5 фр. У прочих же рабочих максимум составляет

5 фр., минимум же ежедневной заработной платы колеблется между 3 и $2^1/_2$ фр.

Коренные женевские рабочие одеваются по-барски и любят придать себе господский шик. В душе они буржуа, буржуа, прежде всего, по патриотизму своему и тщеславию. Они весьма шумливы, но ни в какой мере не революционны. Напротив, так как их индустрия является индустрией роскоши, они боятся социальной революции, первые же удары которой неизбежно будут направлены против всего, связанного с роскошью, что сулит им кое-какие неприятные моменты. Их реакционное самосознание усугубляется еще заблуждением, что они являются свободными гражданами маленькой республики, чем они глупейшим образом гордятся. Это республиканское и патриотическое тщеславие постоянно делает их жертвой обмана и предает их в руки вожаков буржуазно-радикальной партии, кои пользуются рабочими как необходимым и удобным орудием и усердно ухаживают за ними ко времени выборов. Ввиду того, что они имеют больше досуга и денег и, как женевские граждане, могли в свое время посещать школы республики, они в общем несколько образованнее иностранных рабочих и, конечно, значительно лучше свыклись с общественной жизнью; они, таким образом, обладают известным литературным и парламентским лоском, что придает им обычно еще больше наглости и глупости. К этому надобно еще добавить, что их профессиональные союзы, вполне совершенные с точки зрения их интересов и буржуазного патриотизма, значительно старше Интернационала. Существуют союзы, кои насчитывают более 50 и 75 лет; так как они состоят исключительно из женевских граждан, они, конечно, держат под строгим контролем и влиянием своих членов, которые почти всегда возвращаются в свое маленькое отечество, даже в тех случаях, когда им приходится на несколько лет покинуть его. Потому-то неизбежно эти женевские союзы оказываются проникнутыми узко женевским духом.

Рабочие остальных профессий, в особенности рабочие строительного дела, большинство которых составляют столяры, кузнецы, слесаря, кровельщики, каменщики, каменотесы и т. п., несравненно грубее, невежественнее

и терпят большую нужду; именно поэтому они по своим инстинктам и естественным стремлениям настроены более социалистично и революционно, нежели рабочие-женевцы. От социальной революции они ничего не теряют, но приобретают все. Вследствие того, что они не являются женевскими гражданами и не пользуются благами, которые предоставляет таковым маленькая республика, — мало заманчива для них роль орудия в руках радикальной буржуазии Женевы.

Это они в 1865 г. организовали первую секцию Интернационала в Женеве. Коренные женевские организации вошли в Интернационал только с весны 1868 г. Однако, едва вступив, они захотели править по своей воле Интернационалом, придать ему специальный, узко женевский и буржуазный характер, т. е. пошли совершенно в разрез с духом и целью Интернационала. Они достигли своей цели легко по многим причинам: более образованные и привычные к политической жизни и публичным дискуссиям, куда лучше организованные, нежели строительные рабочие, вдобавок руководимые честолюбивыми, изрядно ловкими и пронырливыми вожаками, они, конечно, очень быстро стали играть первую скрипку в Женевском Интернационале, — к великой радости буржуазно-радикальной партии, которая 4 года кряду, с 1864 г., терпела поражения на выборах и сильно рассчитывала на новую силу Интернационала в надежде на блестящий реванш.

Этому необходимо было помешать: Интернационал не мог стать орудием в руках буржуазной политической партии, сколь бы радикальной она себя ни именовала; впрочем, в данном случае радикализм ее был весьма дурного тона и фактически не шел дальше пословицы:

«ôte-toi de la place, coquin, pour que je m'y mette» [226]).

С этой целью в октябре 1868 г. была организована в Женеве *секция Альянса Социалистической Демократии*. Главной ее целью было создать такую организацию строительных рабочих, которая могла бы противостоять честолюбивым интригам женевских буржуа. Программа ее вырыла пропасть между интернациональной политикой пролетариата и национальной, патриотической политикой всех до единой буржуазных партий. По тем же причинам регламент

ее высоко вознес *авторитет Генерального Совета*, представителя Интернационала, противопоставив его *узко национальным* и реакционным тенденциям, царившим в Женевской федерации. — Эти соображения разъясняют и, по крайней мере, до известной степени оправдывают нашу ошибку. Никто из нас не подумал, что Генеральный Совет может использовать этот авторитет для чего-либо иного, кроме поддержания принципов Интернационала против всех узких, национальных и буржуазных посягательств, никто не думал, что он в угоду честолюбию некоторых руководителей своих может подать руку женевской реакции, с целью превратиться в правящий орган.

Как и следовало ожидать, после недолгих предварительных переговоров Генеральный Совет единогласно утвердил устав новой секции Альянса; у нас на руках имеются письма, в которых нам сообщают, что выдвинутые ассоциацией принципы вполне признаются членами Генерального Совета. Однако Женевский федеральный совет, руководимый реакционной фракцией женевцев, никак не согласился принять эту секцию в романскую федерацию. В записке Юрской федерации, составляемой сейчас в Невшателе, все эти факты будут подробно освещены, дабы раз навсегда отвечено было на всю низость и клевету, что распространялась и продолжает распространяться на наш счет.

Итак, в сентябре 1869 г. я явился на Базельский конгресс с опасением, что руководимая фракцией интриганов и реакционеров местная федерация может употребить во зло свою власть; я думал найти противодействие этому в авторитете Генерального Совета. Однако бельгийцы держались на конгрессе совершенно иных взглядов; впрочем, они лучше нас осведомлены были относительно тайных, весьма авторитарных стремлений некоторых членов Генерального Совета, в частности Маркса, доминирующего в этом Совете, — личности весьма значительной, весьма умной и ученой, человека, оказавшего Интернационалу очень большие услуги, но виновного в стремлении своем стать диктатором, виновного, пожалуй, в меньшей степени, нежели друзья его, желавшие сделать из него нечто вроде папы от Интернационала. Бельгийцы решительно отвергали всякую власть

Генерального Совета. Делегат их Гинс [227]) и я, мы вступили в ожесточенную борьбу. Нам предложено было договориться между собой и предложить общую резолюцию. Мы сделали это, и резолюция была принята. Резолюция эта, формулированная в пунктах IV, V, VI и VII *административных постановлений Базельского конгресса*, гласит следующее:

«*IV. Каждая новая секция или общество, желающие вступить в Интернационал, должны сообщить о своем присоединении Генеральному Совету.*

V. Генеральный Совет вправе допустить или отвергнуть присоединение всякого нового общества или группы, каковым предоставляется право апеллировать к ближайшему конгрессу. — Там, однако, где имеются федеративные группы, он обязан до приема или отказа в приеме новой секции или общества запросить мнения федеративного совета, причем за ним сохраняется право предварительного — до конгресса — решения.

VI. Равным образом Генеральный Совет вправе впредь до ближайшего очередного конгресса исключить любую из секций Интернационала. — Каждая группа секций со своей стороны может принять в свой союз или исключить из него отдельную секцию или общество, при этом она не вправе исключить их из Интернационала, но может ходатайствовать о том перед Генеральным Советом.

VII. В случае конфликтов между обществами, ветвями одной национальной группы или между группами различных национальностей Генеральный Совет вправе брать на себя разрешение спорного вопроса, при этом разрешается апеллировать к ближайшему конгрессу, каковой выносит окончательное решение».

Таковы пункты, в формулировке которых я повинен, по меньшей мере, на три четверти. Мне остается только еще раз повторить:

Mea culpa, mea maxima culpa!

Однако, — я подчеркиваю это снова, — ни я, вносивший предложения, ни Базельский конгресс, утвердивший эти пункты, не могли представить себе, чтобы Генеральный Совет, который до того времени был столь разумно сдержан и осмотрителен, когда-либо мог возыметь безумное желание о

превращении своем в правящий орган. Страх перед этим был всем так чужд, столь прочно было в Интернационале представление о Генеральном Совете, как о слуге, а не господине и наставнике, как о простом бюро, а не о правительстве, что вслед за этим, в течение трех лет три последующих конгресса, Лозаннский, Брюссельский и Базельский, беспечно переизбирали в Генеральный Совет все тех же людей, все тот же состав.

Ежели поступать бы по всем правилам, каждый новый конгресс должен был бы избирать новый Генеральный Совет, в Лондоне или в каком-либо другом месте, и каждая национальная федерация была бы на нем представлена по крайней мере одним делегатом, избранным ею и посланным в Лондон, либо другой на этот год намеченный город, где бы он представлял собой все интернациональные секции своей страны.

До сих пор в Европе существует только одна страна, в которой Генеральному Совету обеспечено спокойствие. Швейцария, без сомнения, очень свободная страна, но она слишком слаба, чтобы противостоять давлению более или менее деспотических и милитаристических правительств, пограничных с ней. К тому же права иностранцев здесь еще довольно ограничены, и правительство кантонов так же, как и правительство Союза, всегда имеет возможность выслать их за пределы страны или по меньшей мере из одного кантона в другой, под предлогом охраны общественной безопасности. Таким образом, остается только одна Англия, самым благоприятным пунктом которой является Лондон.

Однако жизнь в Лондоне дорога. Рабочие федерации каждой страны должны были бы ежегодно расходовать от 1 800 до 2 400 франков на содержание посланного туда делегата. Ввиду того, что они не могут и не хотят нести подобных расходов, национальные федерации вынуждены избирать своих делегатов из числа своих соотечественников, рабочих Лондона. Однако в большинстве случаев они их не знают и потому не могут судить ни о деятельности их, ни об их честности. Не шуточное, впрочем, дело быть добросовестным и деятельным представителем своей страны в Генеральном Совете: делегату приходится непрерывно поддерживать обширную

корреспонденцию со всеми федерациями, а часто и со всеми секциями своей страны, он должен составлять статистические и экономические цифровые данные по своей стране для докладов Генеральному Совету, благо, последний, согласно доныне еще не осуществленным постановлениям всех конгрессов, ежемесячно должен опубликовывать отчет об общем положении Интернационала в Европе и в Америке, — отчет, рассылаемый всем секциям Товарищества.

Что за труд! Он требует, с одной стороны, довольно развитого научного опыта, а с другой — много времени. Где найти достаточное число рабочих, которые в состоянии были бы и пожелали бы вести подобную работу без всякого вознаграждения?

К счастью для Интернационала, в Лондоне нашлась группа людей, весьма преданных великой Ассоциации, которые в полном смысле этого слова явились ее основателями и инициаторами. Я говорю о маленькой группе немцев, во главе которых стоит Карл Маркс.

Эти почтенные люди считают меня врагом и третируют меня, как такового, где и когда только могут. Они глубоко заблуждаются. Я нисколько не враг им и, наоборот, испытываю живейшее удовлетворение, когда могу воздать им должное. Мне часто случается делать это, ибо я считаю их поистине значительными и достойными уважения людьми как в отношении ума и знаний, так и в отношении страстной их преданности и неодолимой верности делу пролетариата, — преданности и верности, которые были испытаны 20 годами работы.

Маркс — величайший экономист и социолог нашего времени. Мне приходилось в жизни встречать многих ученых, но я ни в ком из них не встречал столько учености и глубины. Энгельс, нынешний секретарь для Италии и Испании, ученик и друг Маркса, является также весьма выдающимся умом. Уже в 1846—1848 годах они вместе основали партию немецких коммунистов и с той поры не прекращали своей работы в том же направлении. Маркс сформулировал столь глубокие и прекрасные *основные положения* Общего Устава и облек плотью дружные, инстинктивные стремления пролетариата едва ли не всех стран Европы, оформив и

1863—1864 году идею Интернационала и предложив основать его.

Как вы видите, любезный друг, все это — великие и прекрасные заслуги, и было бы грубой неблагодарностью с нашей стороны, если бы мы не оценили их значения.

Как же случилось, что мои друзья и я, мы отделились от Маркса и его друзей?

Сему есть две причины:

Во-первых, теории наши различны, можно даже сказать, диаметрально противоположны.

Маркс — авторитарно, централистически настроенный коммунист. Он хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, — *но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического, временного правительства*, то есть путем отрицания свободы. Его экономический идеал —государство в качестве единственного владельца земли и всех видов капитала, государство, обрабатывающее землю с помощью сельскохозяйственных ассоциаций, хорошо оплачиваемых и руководимых инженерами и финансирующих все промышленные и торговые ассоциации.

Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего, что зовется юридическим правом и, с нашей точки зрения, является перманентным отрицанием человеческих прав. Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов [228]).

Вы видите, трудно представить себе две более противоречащих одна другой теории, чем наша. Однако существует еще одно, на этот раз чисто личное, расхождение между нами. Мы ни в какой степени не удивлены, не огорчены, не оскорблены тем, что Маркс и его друзья исповедуют учение, отличное от нашего. Враги всякого, как доктринерского,

так и практического, абсолютизма, мы склоняемся с уважением не перед теориями, которых не можем признать истинными, но перед правом каждого следовать своим собственным теориям и проповедывать их. Мы жадно читаем все, что публикует Маркс, потому что всегда находим в этом много весьма поучительного.

Маркс настроен иначе. В своих теориях он столь же абсолютен, как и на практике, поскольку для него то возможно; его действительно выдающийся ум уживается рядом с двумя отвратительными недостатками: он тщеславен и ревнив. Ему был ненавистен Прудон потому лишь, что великое имя это и заслуженная его слава уязвляли его. Нет тех гадостей, которых он не писал бы о нем. Маркс эгоцентричен до безумия. Он говорит: *мои* идеи, и не хочет понять, что идеи не принадлежат никому, что стоит хорошо посмотреть, и всегда окажется, что именно лучшие и величайшие идеи являются продуктом инстинктивной работы всех; единичному индивидууму принадлежит лишь выражение их, их оформление. Маркс не хочет понять, что идея, даже выраженная им самим, с того момента, как она понята и воспринята другими, становится собственностью этих других в той же мере, как и его.

Маркс, и без того склонный к самопочитанию, был вконец испорчен обожанием учеников своих, которые сделали из него нечто в роде доктринера-папы; а для психического и морального здравия умнейшего даже человека ничего нет столь рокового, как обожание и почитание его непогрешимым. — Все это еще более усилило эгоцентричность Маркса, так что он начинает ненавидеть всякого, кто не хочет гнуть перед ним шею.

Вот главная причина ненависти к нам Маркса и марксистов. К этому надобно добавить, что, ненавидя кого-либо, они считают допустимой в отношении к нему всякую подлость. Нет тех гадостей, той клеветы и лжи, которой они не стали бы распространять на его счет в своих частных беседах и переписке, равно как и в газетах. Таков метод борьбы со своими противниками немцев вообще, и в особенности немецких евреев. Маркс — немецкий еврей, так же как и многие другие главные и второстепенные вожди той же партии

в Германии; впрочем, в этом отношении мадзинисты начинают походить на марксистов. Хочется сказать, что все авторитаристы на один лад.

Кажется мне, всего, что я сказал, достаточно, чтобы разъяснить вам причину расхождения нашего. Я возвращусь теперь к *Генеральному Совету*.

С момента его основания Маркс без перерывов является истинным его руководителем. Вокруг него объединяется небольшая группа немцев, учеников его; все они члены Генерального Совета. Совет, собственно говоря, из них и состоит. Дюпон представлял в нем Францию и в то же время исполнял обязанности секретаря для Италии и Испании, где до 1869 г. не было ни единого интернационалиста; затем, имеется группа англичан, которые занимаются исключительно делами Англии и Америки.

Точнее говоря, до Базельского конгресса (сентябрь 1869) непосредственная, действительная деятельность Генерального Совета распространялась лишь на эти две страны да еще на Германию. Деятельность эта сводилась к нулю для Бельгии, Франции, Швейцарии, Италии и Испании. И от этого дело шло нисколько не хуже, напротив, эта полная свобода, это отсутствие всякого, так сказать, официального вмешательства способствовало собственному развитию, организации и самочинному объединению секций и местных и национальных групп. С сентября 1868 г., только лишь после Брюссельского конгресса, Интернационал начал действительно широко развиваться в Бельгии, во Франции и в Швейцарии; два итальянца, оба — члены секции Альянса Социалистической Демократии в Женеве, основали первые интернациональные секции в Италии (в частности, в Неаполе) и в Испании [229]).

Вынужденная бездеятельность Генерального Совета, вынужденная вдвойне, так как, с одной стороны, за ним не признавали права на более энергичное вмешательство, а с другой, — у него для этого не было достаточных материальных средств, — бездеятельность эта не только не изумляла и не огорчала латинских секций, напротив, они считали подобное положение в порядке вещей, находили его вполне законным и полезным. Генеральный Совет в представлении

всех был только чем-то вроде знамени, напоминающего всем секциям об их интернациональном характере, чем-то вроде точки над i. Никто не смотрел на него, как на правящий орган, обладающий какой бы то ни было властью.

Если бы его рассматривали как власть, то не потерпели бы, чтобы он в течение трех лет, с 1866 до 1869 г., состоял из одних и тех же лиц, кои имели право, если находили нужным, возобновлять и пополнять свой состав; Базельский конгресс также не допустил бы сохранения подобного положения вещей еще на четвертый год: это, ведь, означало бы учреждение подлинной диктатуры, диктатура же всего противнее духу Интернационала. Однако ввиду того, что в глазах всех Генеральный Совет не представлял правительства, никто не находил дурным либо опасным оставление его в прежнем составе еще на год.

По этим причинам мною предложены были вышеупомянутые пункты IV, V, VI и VII, утвержденные Базельским конгрессом.

Все мы думали, что Генеральный Совет, стоящий превыше всех национальных и местных различий, не заинтересованный во всех тех вопросах, что могут вызывать раскол в местных секциях и национальных группах, наилучшим образом сможет при всякого рода конфликтах отстаивать великий принцип интернациональной справедливости.

Мы все обманулись. Лондонский Генеральный Совет или, вернее, немецкая его группа, управлявшая им марксистская секта, лелеяла весьма честолюбивые планы; англичане, до тоїй поры составлявшие в Совете большинство, были отчасти партийными сторонниками Маркса, главным же образом — это можно утверждать почти безусловно — они проявляли лишь очень слабый интерес к делам на континенте; их мысли и работа концентрировались в области английского рабочего движения. Оджер и Кремер — весьма замечательные люди, коммунисты, материалисты, атеисты, косвенным образом ученики великого английского социалиста-филантропа Оуэна, но они — не больше, чем англичане, и, как таковые, очень мало, почти ничего не смыслят в революционном движении на континенте. — Таким образом, фактически все руководство Генеральным Советом было

в руках Маркса. Оно находится в его руках и теперь, ибо нас не обмануть большим числом французских коммунаров, введенных в Генеральный Совет. Они были тщательно подобраны. Вы легко поймете, что из большого числа лиц, составлявших Парижскую Коммуну, достаточно много было ничтожеств; большинство из них, к сожалению, были скорее якобинцы, нежели социалисты, а вам известно, что мечта всех якобинцев, которые являются чисто политическими революционерами типа Робеспьера, — это сильная власть, культ авторитета. Во всей этой старой, ныне осужденной, школе имеется одна лишь заметная личность — Гамбетта. Был еще и другой, Делеклюз, этот прекрасный старик; он, однако, просвещенный логикой фактов, вполне присоединился к социалистическому меньшинству, из числа членов коего в настоящее время столь мало осталось в живых; среди них на первом месте, несомненно, стоял друг наш Варлэн.

Таким образом, марксисты допустили в Генеральный Совет лишь некоторое число незначащих коммунаров, — и Серрайе, теперешний секретарь для Франции, — наиболее незначащий из них; предварительно заручились они со стороны коммунаров торжественным заверением, что те будут действовать под авторитарным руководством Маркса. — Возможно, что здесь имеется и двое-трое французов независимых; в таком случае, можно быть уверенным, что они выйдут из Совета, как не раз уже выходили или отказывались вступать туда другие.

Я могу с полным знанием дела уверить вас, что, несмотря на все их потуги и всю шумиху, которую они подняли, их влияние на Францию равно нулю.

Фактическое влияние сконцентрировано теперь в руках *французской секции Социалистической Пропаганды и Действия*, основанной в Женеве и принадлежащей к Юрской федерации, а также в руках Бельгийской федерации. Первая охватывает весь юг Франции; последняя — север; в Париже обе братски встречаются.

В настоящее время стало вполне очевидным, что еврейско-немецкая или марксистская группа, которая и теперь главенствует в Генеральном Совете, всегда лелеяла честолю-

бивую мысль о превращении Интернационала в особый вид хорошо регламентированного и хорошо дисциплинированного государства, — государства, подчиненного единому правительству, вся власть коего будет сконцентрирована в руках Маркса.

Если эта тенденция не проявилась до сентября 1869 г., тому причиной послужило одно обстоятельство: до того времени еще не было средств для обеспечения за ней победы. У марксистов не было ни денег, ни большинства на конгрессах, так как большинство, преобладающее большинство, на конгрессах состояло из делегатов от федераций латинских стран: бельгийцев, французов, романских швейцарцев, а эти делегаты никогда не проявляли склонности подчиниться кнуто-германской диктатуре.

На Базельский конгресс впервые явились в очень большом числе делегаты от Германии, Австрии и немецкой Швейцарии, прекрасно организованные, к тому же члены единой патриотической, пангерманской партии, называвшейся рабочей партией немецкой социалистической демократии.

Побуждаемые Марксом и марксистами, повинуясь строжайшей дисциплине, немецкие и немецко-швейцарские делегаты предложили Базельскому конгрессу новую политическую программу; будь эта программа утверждена, она потрясла бы до основания истинную программу Интернационала и сделала бы из него орудие буржуазного радикализма. Их проект горячо был поддержан всеми немецкими и английскими делегатами Генерального Совета. К счастью, латинские делегаты еще и на этот раз оказались в большинстве, и проект немцев был отвергнут. Отсюда — гнев.

Немецкие вожди, потерпевшие на сей раз поражение, дали себе слово привести с собой на следующий конгресс еще больше немецких делегатов. — Однако этот конгресс не мог состояться. Ужасная война, которой суждено было закончиться раздроблением Франции, началась в августе 1870 г.

Созыв конгресса стал, таким образом, невозможен.

Социалистические демократы Германии, надо признаться, мужественно вели себя в течение этой войны. В то время как

немецка. буржуазия всех политических оттенков, опьяненная неслыханными победами, рукоплескала зверству бесчисленных своих армий, терзавших Францию, они одни нашли в себе смелость протестовать. Не имея достаточных для возмущения сил, они не могли делать ничего другого; но то, что делалось ими, делалось с достойным уважения блеском. Многие из их вождей были брошены в тюрьму, но все же не прекратили на своих собраниях и в своих газетах антипатриотического, но тем более человеческого протеста.

Это было прекрасно с их стороны; куда менее прекрасно было то, что они сумели извлечь для себя пользу из этого периода всеобщего замешательства; в то время когда все мы поглощены были всецело изысканием средств для спасения Франции путем великого народного возмущения, они, говорю я, извлекли из этого пользу для того, чтобы еще энергичнее повести свои честолюбивые интриги и самым низким образом оклеветать тех, кто поборол и победил их на Базельском конгрессе.

Именно в это время Генеральный Совет, или, вернее, главенствующее в нем марксистское ядро, заключил наступательный и оборонительный союз с реакционной кликой, царившей в ту пору в Женевской федерации. Генеральный Совет послал своих агентов одновременно в Италию и в Испанию, имея в виду все ту же цель [239]). Его официальный орган в Германии «Volksstaat» громко заявлял, «что *после победы немецких армий и поражения Франции инициатива социалистического движения должна перейти от Франции к Германии*».

Подготовив таким образом почву, они сочли себя в силах нанести решительный удар. Они не осмелились созвать общий конгресс, *как должны были бы сделать*, так как на этот конгресс неизбежно явились бы и все их противники, — а они не без оснований опасались, что их дела, совершенные во мраке интриг, должны будут выступить на яркий свет общественного мнения, которое всегда убийственно действует на интригу. Потому они созвали только всех своих друзей или тех, кого считали достаточно подготовленными для восприятия их дружбы, то бишь, их авторитета, созвали на тайную конференцию, — на конференцию, кото-

рая не носила законного характера и потому не пользовалась законными правами конференции, вследствие чего результаты ее недействительны и фиктивны.

На этой конференции, собравшейся в Лондоне в сентябре 1871 г., они внесли свои предложения. Что же произошло? Эти предложения были единогласно отвергнуты бельгийскими, французскими и испанскими делегатами. Я полагаю, там не было итальянцев, по крайней мере итальянцев, делегированных от Италии. Однако, так как марксисты совершенно произвольно предоставили возможность участвовать в конференции большому числу никем не делегированных немцев, так же как русскому еврейчику, жалкому интригану [231]), и англичанам, — они имели большинство; это большинство вотировало за все их предложения, имеющие целью не что иное, как облечение Генерального Совета диктаторской властью; Генеральному Совету на-ряду с другими полномочиями предоставляется право верховной цензуры над всеми газетами Интернационала, при посредстве коих он может опубликовывать свои декреты, свои указы; право посылки во все страны делегатов с чрезвычайными полномочиями, коим разрешается присутствовать на всех заседаниях национальных или местных советов; право некоторым лицам давать исключительные полномочия основывать секции Интернационала, другим же отказывать в них, — отказывать в том праве, которое на основании Общего Устава принадлежит без исключения всем, кто бы этого ни пожелал.

Наконец, конференция вотировала еще тайные положения, которые могут быть сообщены только федеративным советам...

Одним словом, мы имеем здесь дело с полным превращением Интернационала в управляемое единообразным, дисциплинарным путем государство, с превращением Генерального Совета в диктаторское правительство. Это было смертным приговором Интернационалу.

Невероятные эти, поистине безумные, бессмысленные декреты вызвали во Франции, в части Швейцарии, в Бельгии, в Италии и в Испании возбуждение, недовольство и всеобщий протест.

Друзья наши из Юрской федерации, непосредственно задетые двойною, — женевской и немецкой, — интригой, заговорили первыми. Вы читали единогласно вынесенный французско-юрским конгрессом энергичный протест и передали его вместе с вашим одобрением в Fascio operajo [232]).

Вслед за выступлением швейцарских юрцев сказали свое слово бельгийцы.

Изо всех европейских интернациональных организаций бельгийская, — я не стану пускаться в объяснения, — является наиболее разумной, пылкой, деятельной, солидной и замечательной во всех отношениях. На втором месте после нее стоит Испанская федерация, коей первый зародыш заложен был в Испании одним из итальянских друзей [233]) в 1868 году. Бельгийская федерация имеет вполне самостоятельное происхождение.

В Бельгии существует кучка в пятнадцать, не более, человек молодых людей, молодых буржуа по рождению и воспитанию, которые, однако, вполне преданы делу пролетариата, вплоть до готовности разорвать все узы чувств, привычек, интересов и тщеславия, которые прежде соединяли их с буржуазным миром. Шестеро или семеро из них отличаются широким научным кругозором, высоким, просвещенным, исключительным по своей всесторонности и глубине умом, находящим, к тому же, опору в великодушном сердце, стойкой революционной пылкости и воле. Рабочее население столь же серьезно, сколь многочисленно. В Бельгии господствует и процветает, как вам известно, крупная промышленность, а крупная промышленность означает в то же время и великую нужду. Так же, как и итальянцы, бельгийский народ по всем своим историческим традициям федералистичен. — Основные элементы были, таким образом, уже даны, а в уме, знаниях и воле, потребных для организации этого столь богатого сырого материала, также не было недостатка. Отсюда проистекала изумительная организация Интернационала в Бельгии; вполне естественно, что на наших конгрессах всегда с большим уважением прислушивались к голосу бельгийцев; все знали, что все сказанное ими глубоко продумано и заслуживает самого серьезного внимания, ибо никогда они не вносили на конгресс

предложения, не убедившись предварительно, что предложение это действительно выражает желания их соотечественников.

Все это придает чрезвычайную вескость постановлениям, вынесенным на последнем Бельгийском конгрессе [234]), — постановлениям, кои окажут серьезное влияние на решения ближайшего всеобщего конгресса. Возможно, что вы читали эти резолюции, однако, опасаясь противного, я приведу их здесь.

Бельгийский рабочий конгресс.

«Бельгийская федерация на своем конгрессе 24 и 25 декабря 1871 г.,

имея в виду ежедневно распространяемую реакционной прессой абсурдную клевету, которая стремится изобразить Интернационал деспотическим обществом, подчиненным исходящей сверху и распространяющейся на всех его членов по иерархической линии дисциплине и предписаниям,

принимая во внимание то обстоятельство, что, напротив, *борющийся против деспотизма и централизации Интернационал постоянно считал необходимым согласование своей организации со своими принципами*,

заявляет раз навсегда, что Интернационал представляет собой не что иное, как союз совершенно автономных федераций и никогда не был не чем иным, что Генеральный Совет является простым корреспондентским и осведомительным центром и никогда не был не чем иным.

Бельгийская федерация приглашает все местные федерации (по ее терминологии это означает — национальные) выступить с аналогичными декларациями, дабы принудить к молчанию тех, кто считает нас орудием в руках нескольких лиц.

С другой стороны, принимая во внимание, что Общий Устав, сложившийся в период организации Товарищества, до известной степени дополнявшийся на каждом конгрессе, недостаточно точно определяет права федераций и не вполне отвечает требованиям современной практики, —

она заявляет, что имеется налицо потребность в серьезном пересмотре Устава.

Вследствие этого,

Бельгийская федерация поручает Бельгийскому совету выработать проект нового устава, который и опубликовать для того, дабы он был подвергнут обсуждению в секциях и на ближайшем Бельгийском конгрессе (который должен собраться в конце июня, — так как Бельгийская федерация собирает ежегодно два конгресса через шестимесячные промежутки). *После одобрения со стороны Бельгийской федерации проект должен быть предложен на ближайшем конгрессе Интернационала.*

Бельгийская федерация приглашает прочие местные (национальные) федерации последовать ее примеру с тем, чтобы ближайший интернациональный конгресс мог заключить окончательный федеративный договор».

Здесь все сказано ясно, не так ли? Здесь имеет место полное присоединение к положениям, высказанным в циркуляре Юрского конгресса, с той только разницей, что Юрская федерация, непосредственно затронутая конференцией и Генеральным Советом, должна была разрешить местные вопросы и разногласия с Генеральным Советом, в то время как Бельгийская федерация, у которой с ним не было, так сказать, личного спора, подняла этот вопрос в той же плоскости, но в безличной форме. И, поступая так, она действовала вполне правильно.

Существует еще одно различие: Юрский конгресс потребовал немедленного и чрезвычайного созыва всеобщего интернационального конгресса, Бельгийская же федерация, не высказываясь по этому поводу прямо, повидимому, желает отложить все вопросы до очередного, обычного общего конгресса, который должен собраться в сентябре (1872), по всей вероятности в Швейцарии, так как, во-первых, никакое другое континентальное государство не может обеспечить делегатам всей желательной безопасности, а, во-вторых, Швейцария является едва ли не центральным государством.

С той минуты, как Бельгийский конгресс внес предложение о пересмотре устава, предложение столь разумное и справедливое, что я не сомневаюсь в единогласном его при-

нятии, немедленный созыв общего конгресса, казалось бы, является бесцельным. Столь важные вопросы не могут и не должны быть проголосованы слишком поспешно. Все секции всех стран должны изучить реформы, которые представляются для них необходимыми, и в той или иной степени договориться между собою; затем они должны на своих национальных конгрессах как можно точнее согласиться относительно общего проекта, дабы их делегаты могли согласованно выступать на интернациональном конгрессе. Все это требует времени, и, еще не зная решения наших юрских друзей, я почти уверен, что они одобрят удлинение срока, необходимое для осуществления предложения бельгийцев, и откажутся от своего требования немедленного созыва всеобщего конгресса.

Ввиду того нового оборота, который принимает вопрос, я желал бы внести во все секции и федерации Италии следующие предложения:

1) Так как Бельгийский конгресс относит свое приглашение ко всем местным, то есть национальным, федерациям, мне кажется справедливым, полезным и уместным, чтобы все секции и федерации Италии, мысленно объединив в одно целое вполне идентичные в основе своей предложения Юрского и Бельгийского конгрессов, немедленно сообщили о своем полном присоединении к ним как *Юрскому комитету* (адрес: — Швейцария — Бернская Юра — Сонвиллье — Господину Адэмару Швитцгебелю, граверу), так и *Бельгийскому совету* (через посредство брюссельской газеты «La Liberté»; новый адрес: в редакцию «Liberté» — Брюссель — улица de la Samaritaine, 13).

2) Чтобы о своем присоединении они немедленно опубликовали во всех итальянских, а также испанских социалистических газетах.

3) Чтобы все секции и федерации Италии немедленно начали между собой переписку с целью соглашения относительно средств и путей для достойной подготовки к обсуждению этого в высшей степени важного вопроса, — ибо оно должно решить всю будущую судьбу Интернационала: а также с целью — дать делегатам итальянских секций возможность выступить на ближайшем общем конгрессе с пол-

ным знанием того, какое мнение они должны там представить, что должны делать и говорить.

4) Чтобы все итальянские секции и федерации приняли *новый проект устава*, который, согласно постановлению Бельгийского конгресса, должен быть вскоре выработан и опубликован бельгийским советом, *за общую основу* для проработки по секциям вопросов, связанных с реформою устава.

Если бы итальянские секции и федерации решились на это, они, на мой взгляд, поступили бы в высшей степени разумно. Все ваши секции — новички в Интернационале, они не знают его прежних обычаев и традиций, его настоящего положения и обстоятельств. Если бы вы составляли проекты нового устава, беря за основу только наш старый устав, вы рисковали бы представить на общий конгресс проекты реформ, столь чуждых единому мнению других федераций, что вся ваша работа пропала бы даром, а тем самым умалилось бы и должное ваше влияние на этом конгрессе. С другой стороны, на основании всех приведенных выше причин, я беру на себя смелость заверить вас, так сказать, наперед, что из всех проектов, предложенных конгрессу, Бельгийский, о котором я, впрочем, пока еще не имею ни малейшего представления, окажется в целом наиболее полным, наиболее разумным, наиболее отвечающим современным потребностям. Вместе с тем, приняв сей проект за основу ваших работ, *вы ни в какой мере не отказываетесь от самостоятельности суждений своих и свободы мысли*. Вы только положите в основу изучения и работы всех итальянских секций общий базис, а затем *предоставите каждой секции право изменять бельгийский проект по своему усмотрению*.

Я настолько убежден в пользе подобного образа действия, что предложил его также нашим друзьям в Юре, равно как и французам и испанцам.

5) По окончании изучения этого проекта и внесения каждой секцией своих изменений, делегаты секций могут доложить о полученных результатах на *всеитальянском демократическом конгрессе, который вы предполагаете собрать весной*; вы можете, далее, на этом конгрессе сами составить *проект, который представлял бы общую мысль всей итальян-*

ской федерации, — одним словом, вы можете сделать то же самое, что предполагают сделать бельгийцы.

Таковы мои предложения, любезные друзья. Я бы очень желал, чтобы на ближайшем общем конгрессе Интернационала, который, по всей видимости, может быть созван уже в первых числах сентября, Италия была представлена полно и разумно. Для этого необходима посылка на конгресс большого числа делегатов, с очень точными инструкциями и с *императивным мандатом*, по крайней мере в отношении главнейших вопросов, — делегатов, стоящих на должной высоте, обладающих полным знанием принципов, обязательств, положения и жизненных условий нашего великого Международного Товарищества.

Только в подобном случае Италия скажет свое веское слово на нашем ближайшем общем конгрессе и сможет принять деятельное, подобающее ей, участие в великом деле перестройки Интернационала.

Однако для допущения итальянских делегатов на конгресс в качестве полноправных членов *абсолютно необходимо*, чтобы все итальянские секции, ими представленные, выполнили все условия, которые предъявляются общим уставом и регламентом ко всякой новой секции или федерации.

Вы должны *точно и быстро выполнить все эти требования* (их пять, и я подробно перечислил их в этом письме) *не только для вашей романской федерации* (Fascio operajo), *как целого, но и для каждой секции в отдельности, иначе, в этом вы можете быть вполне уверены, ваши делегаты не будут допущены на конгресс*.

Таков наш закон, и Генеральный Совет не преминет обратить его против вас, которые, едва вступив в великую интернациональную семью, осмелились, в качестве непокорных детей, какими являетесь вы, возмутиться против отеческого его авторитета.

Настоятельно прошу вас, не давайте ему в руки этого прекрасного предлога; выполните, не теряя ни единого дня, с точностью математиков и педантичностью ученых все обязательства, возлагаемые нашими основными законами на новые секции. Как это ни мало вероятно, не исключена возможность того, что даже в случае, если вы педантично вы-

полните все эти обязательства, Генеральный Совет, недовольный вами уже за симпатичный ваш протест в пользу Юрского конгресса, — окажется настолько глуп и туп, что откажет вам в приеме.

Но этим он сам даст вам оружие в руки. Вы, несомненно, давно сообщили всем интернациональным обществам в Италии: в Сицилии, Неаполе, Риме, Ливорно, Флоренции, Милане, Турине и Генуе, о рождении вашего великого романского Fascio [235]) и не замедлили вступить в связь, братскую и солидарную, со всеми этими итальянскими секциями и федерациями, дабы они послужили основанием для близкой организации *вашей итальянской федерации*. Если вы послушаетесь моего совета, вы сделаете то же самое и по отношению к Бельгийской, Юрской и Испанской федерациям, а также и по отношению к вновь образовавшейся французской секции Пропаганды в Женеве, каковая в настоящее время концентрирует всю работу по Южной Франции.

Адрес бельгийцев — адрес «Liberté» в Брюсселе. — Написать французской секции вы можете через посредство Адэмара Швитцгебеля (адрес его я вам указал — Бернская Юра, Сонвиллье). Испанцам пишите через посредство двух газет их, — «La Federacion» в Барселоне и «La Emancipacion» — в Мадриде.

Чтобы заявить всем этим иностранным федерациям о своем рождении, воспользуйтесь прекрасным случаем и присоединитесь, — *в весьма сдержанных, самых братских выражениях*, — к их протесту против лондонского произвола, сообщив им в то же время о полном вашем присоединении к вынесенным в Юре и в Бельгии резолюциям.

Таким путем вы прочно обоснуетесь и устроитесь в Интернационале со всеми правами местной автономной федерации, прежде еще, нежели Генеральный Совет успеет утвердить вас или отказать вам в приеме. Если он, как я надеюсь, утвердит вас, — тем лучше. Если же он совершит глупость и откажет вам в приеме после того, как вы и по отношению к себе и по отношению к нему выполните все обязательства нашего регламента, вам достаточно будет довести до сведения всех объединенных секций и федераций в Италии и других

вышеназванных странах об этом глупом и совершенно произвольном отказе, чтобы со всех сторон поднялся страшный протест против Генерального Совета; вы выиграете сражение еще прежде, нежели вступите в битву.

Однако я опять повторяю это, мало вероятно, чтобы Генеральный Совет отказал вам в приеме. Скрепя сердце, конечно, но все же он почувствует себя вынужденным принять вас. В этом случае необходимым образом создадутся регулярные отношения между вами и Лондонским Генеральным Советом, в частности — его секретарем для Италии, *Фридрихом Энгельсом*; адрес его: Frederick Engels Esq. 256, High Holborn, London, W. C. England. Именно к нему вы должны, прежде всего, направлять все извещения, пожелания и проч., что имеются у вас, а также все деньги, посылаемые вами для Генерального Совета.

Он вам напишет, и первое, что он сделает, будет, несомненно, попытка доказать вам, что вы заблуждаетесь относительно намерений и планов Генерального Совета. Именно поэтому я счел нужным написать вам это весьма длинное письмо и рассказать подробно, как происходили все эти дела, чтобы вы могли ответить ему с полным знанием дела, *однако ни разу не упоминая обо мне, о чем я вас очень прошу*. Если вы будете в затруднении, как ответить ему на тот или иной вопрос, я всегда к вашим услугам.

Выполните по отношению к Генеральному Совету все обязательства, возлагаемые на вас Общим Уставом и регламентом нашим, с дополнениями, кои внесены конгрессами, сами, — и ничего больше. Резолюции последней конференции не имеют законной силы, они недействительны. Если от вас потребуют чего-либо на основании постановлений этих конференций, отвечайте, что не признаете их и протестуете против них вместе с Бельгийскими, Юрскими, Французскими и Испанскими федерациями.

Так, напр., если Генеральный Совет пришлет вам *communiqué* с приказанием поместить его в ваших газетах, напечатайте его, если содержание вам нравится, и оговорите при этом ясно, что публикуете его только потому, что вам оно нравится, — если же оно вам будет не по душе, не печатайте его.

Если Генеральный Совет пришлет вам делегата, снабженного чрезвычайными полномочиями, примите его по-братски, как вы, несомненно, принимаете всякого другого члена Интернационала, — но не как чрезвычайного делегата, правительства коего в Интернационале нет.

По общему нашему уставу и регламенту, Генеральный Совет не вправе посылать и навязывать автономным федерациям и секциям своих проконсулов; это — самоуправное изобретение самоуправной конференции.

Если, наконец, Генеральный Совет разрешил бы себе отдать вам какое-либо приказание, отвечайте ему, что для вас он не больше и не меньше, чем центральное бюро для корреспонденции и статистики, которое является слугой, а не господин Интернационала.

Последний совет, любезные друзья.

— Избегайте, поскольку это возможно, в ваших газетах открытой полемики с Генеральным Советом. Не следует заявлять, как в одном из недавних нумеров вашего Fascio operajo, что Генеральный Совет отдается во власть пангерманской идеи. Мы можем говорить об этом в наших беседах, в интимной нашей переписке, однако не все, о чем говорится в такой переписке, подлежит опубликованию. Последуем примеру, данному нам бельгийцами: на заседаниях своего последнего конгресса они энергично нападали на самоуправные шаги и действия Генерального Совета, в особенности, властвующей в нем немецкой фракции, — однако в вынесенных конгрессом резолюциях и в статьях его газет («L'Internationale», «La Liberté», «Le Mirabeau von Verviers» и др.) они при обсуждении того же вопроса тщательно заботятся о том, чтобы практически не вовлекать Генеральный Совет в свою полемику, и постоянно остаются в высокой сфере принципов.

Даже в том случае, если бы вы, действительно, вынуждены были выступить против Генерального Совета, вам надлежит облечь свое выступление в самую братскую и сдержанную форму.

Теперь я все сказал, если вы захотите взять на себя труд внимательно прочесть это письмо, вы будете знать не

меньше моего о современном положении и обо всех вопросах внутренней организации, которые в настоящее время заботят великую нашу Ассоциацию. Справедливо, нет ли, я считал необходимым это последнее и пространное разъяснение; впредь обещаю не писать вам больше длинных писем, ибо весьма вероятно, что вам некогда их читать, а мне самому, могу вас уверить, чтобы писать их приходится урывать время за счет других, крайне спешных дел.

Письмо это, которое я сперва предназначал для одного только Рубикона, я теперь обращаю ко всем вам, которые были так добры, что написали мне; прошу вас прочесть его и написать мне открыто, в каких пунктах вы согласны со мной, а в каких — нет. Итак, письмо это назначается для всех интимных друзей.

Я посылаю его прежде всего другу Burbero [236]), который прочтет его первым и скажет вам от имени новой секции, организованной в Милане, согласен ли он или нет с его содержанием.

Я прошу его по возможности скорее переслать письмо в первую очередь другу *Рубикону*, который будет так добр передать его Lupo [237]), тот перешлет его Lucca [238]) и т. д.

С живым нетерпением, во имя друзей наших, буду я ждать ваших ответов.

Сильвио [239]).

Фрагменты испанских писем Бакунина об Интернационале и Альянсе [240]).

Адресованы Пауло [241]).

I.

21 мая 1872 г. Локарно.

Дорогой брат!

Я имею право называть вас так, во-первых, как один из старейших братьев-учредителей Альянса, а затем как ближайший друг, истинный брат того, кого мы называем *Кристофом* [242]), который, по нашему поручению, прибыл в конце октября 1868 г. из Женевы в Испанию и был фактически первым основателем Интернационала и Альянса, сперва в Мадриде, затем в Барселоне.

Если вы услышите обо мне дурное — а я знаю, что самовластная, правящая, скажу просто, реакционная клика (Koteria) Маркса, который пользуется своим официальным положением в Лондонском Генеральном Совете и средствами, полученными им не для интриг против своих противников и не для захвата диктатуры, к которой он стремится, побуждаемый своим честолюбием,— я знаю, эта клика самым возмутительным образом клевещет на меня и на моих друзей, — словом, на всех, которые не хотят признать ни его системы, ни этой диктатуры; что он распространяет о нас самую отвратительную и смешную ложь не только в Испании, но и в других странах; я знаю, что зять Маркса и чрезвычайный комиссар в Испании, господин Лафарг [243]), которого послали туда, повидимому, для того, чтобы внести раздор и дезорганизацию, я знаю, что он описал меня испанским товарищам

в самых черных красках. Но у меня слишком высокое представление о вашем здравом человеческом разуме, революционном чутье и вашей личной преданности нашему великому принципу и нашему великому делу, о вашей справедливости и, наконец, о вашей проницательности, чтобы не быть уверенным, что вы поймете, что люди, которых оскорбляют такие господа, как Лафарг и его покровители и руководители, не могут быть дурными. — Наконец, если вам нужны еще рекомендации, то я уверен, что друзья, которые перешлют вам это письмо, не откажутся дать их. — Итак, я обращаюсь к вам с полным доверием и всем авторитетом брата.

Мы получили очень печальное известие: Альянс в Мадриде, как и в Барселоне, распадается и уже отчасти распался. Это распадение мы считаем большим несчастием с точки зрения революционной солидарности всех стран, а виновников этого распадения и опубликования секретов Альянса — большими преступниками; организация, по существу своему, должна всегда оставаться тайной и невидимой, и никто из нас не мог бы предать ее, не обесчестив себя и не нарушив высшего долга, исполнять который мы взаимно обязались.

Но, дорогой брат, я пишу вам это письмо не для того, чтобы выражать напрасные сожаления, а чтобы сказать вам, что настоящие виновники, предавшие Альянс из злобы или неизлечимого слабоволия, должны быть навсегда удалены из него, а добрые, т. е. энергичные, интеллигентные, преданные, усердные, самоотверженные, стремящиеся не к личной славе, а к победе революции, могущие отказаться от своего личного я во имя общей идеи, общего действия, люди, с воодушевлением готовые итти на смерть и при всем том *умеющие хранить тайну*, — эти люди должны воссоздать Альянс, следуя при этом высшему правилу: допускать в него только очень серьезных людей, серьезных в смысле ума и революционной страстности, а главное — в смысле испытанной силы характера.

В этом отношении распад, происшедший в некоторых испанских центрах, можно считать, до известной степени, счастьем, ибо он позволяет воссоздать у вас Альянс на новых, гораздо более серьезных основах. Если ваши организации

могли распасться, это доказывает, как легкомысленно набирались их члены и как плох был их состав. Поэтому я предлагаю вам в будущем придерживаться правила, которое вошло в практику групп Альянса во всех странах и благотворное действие которого эти группы постоянно на себе испытывают [244]). Правило это заключается в том, чтобы впредь каждая группа, каждая секция групп принимала новых членов только *единогласно*, а не просто по большинству голосов членов, входящих в секцию. Если вас двое, то третьего вы можете принять только в том случае, если вы оба вполне согласны между собой и одинаково уверены в его полезности, силе духа, преданности, энергии и способности хранить тайну. При этом выборе вы должны руководствоваться только программой Альянса, тем, насколько новый член принимает чувством и умом эту программу, и его действительной способностью проводить эту программу с энергией, сохранением тайны, постоянством и умом, а главное, навсегда отказаться от разрозненных личных выступлений по собственному почину и в своей деятельности всегда подчиняться коллективной воле; последняя способность всегда отсутствует у тщеславных и честолюбивых людей, которые, часто бессознательно, ищут во всех тайных обществах лишь пьедестала для собственной личности, ореола личной славы или личного возвышения. Поэтому мы приняли за правило не допускать в наше святое святых, в наш тесный товарищеский круг и братское общение, честолюбивых и тщеславных людей, как бы близки они ни были к нам по мыслям и революционному настроению и несмотря на их ум, познания и ту пользу, которую они могли бы принести нам своими связями и своим влиянием. Мы предпочитаем скорее отказываться от них, чем принимать их в нашу среду, так как их честолюбие или тщеславие рано или поздно посеяло бы среди нас семена раздора и дезорганизации. Они захотели бы сделаться вождями, руководителями, господами, а таких мы в своей среде не признаем и признавать их революционными социалистами не можем. Только тот может и имеет право быть нашим, кто способен вполне раствориться в братской солидарности и коллективной деятельности членов Альянса, не для того, чтобы сделаться ра-

бом, а, наоборот, для того, чтобы закалиться и сделаться сильным, свободным и умным благодаря силе, свободе, уму и вечно и повсюду действенной помощи всех.

Наша цель — создание мощного, но всегда невидимого революционного сообщества, которое должно подготовлять революцию и руководить ею; но даже во время открытой революции, оно, ни в совокупности, ни в лице отдельных своих членов, не займет официального общественного правящего положения, так как в действительности не имеет иной цели, как уничтожить все правительства и повсеместно, навсегда сделать их существование невозможным; оно предоставляет полную свободу революционному движению масс и их социальной организации снизу доверху на основах добровольной федерации и безусловнейшей свободы, но оно следит за тем, чтобы при этом никогда не могли вновь возникнуть власти, правительства и государства; со всяким проявлением честолюбия, коллективного (как у клики Маркса) или индивидуального, оно борется путем естественного, *никогда не принимающего официальную форму*, влияния всех членов нашего Альянса, рассеянных по всем странам и сильных только той солидарностью своей работы и тем единством принципов и целей, которые всегда должны существовать среди них.

Вы понимаете теперь, что для того, чтобы быть достойным членом Альянса, человек должен обладать большим характером и серьезным революционным пылом, главное, ничего не бояться и иметь чорта в теле, а кроме того, безусловно и раз навсегда отказаться от всякого личного интереса тщеславия, честолюбия, карьеры и жажды славы. Чувствуете ли вы себя способным на это? Если да, то протяните нам руку.

У меня есть очень милые друзья, которых я люблю от всего сердца и очень уважаю, как честных людей и даже как общественных деятелей, но которых я никогда не принял бы в члены Альянса, так как они не удовлетворяют тому или другому из перечисленных условий. — Что же касается честолюбивых и тщеславных людей, то многие из них могут сослужить нам большую службу, и надо уметь их использовать. Но знаете ли вы, каким образом? Оказывая на них

желаемое влияние через одного из наших братьев, получившего специальное поручение в этом смысле, иногда ему можно поручить создание особой явной или тайной организации, в действительности руководимой и управляемой этим братом, *фактически* подчиненной Альянсу, но в которой брат играл бы второстепенную по внешности роль под началом честолюбивого и тщеславного человека; это очень трудное дело, на которое способны очень немногие и на которое можно решаться лишь в редких, исключительных случаях, когда это действительно стоит труда и когда располагают людьми, способными играть эту двойную роль, не подвергаясь деморализации.

Для того, чтобы с пользой воздействовать на влиятельных, блестящих людей, сильных своим положением или талантом, существует верное средство всегда предоставлять им кажущуюся инициативу, честь первого начинания, блестящую, почетную роль, довольствуясь, не для себя, а для всего Альянса, фактической деятельностью и властью. Уговорить человека, которому вы внушили хорошую мысль, что он сам напал на нее и передал ее вам — это вообще хороший способ и, вместе с тем, отличное практическое испытание личного самоотречения. Но, повторяю, это чрезвычайно трудно и может быть выполнено без опасности для себя лишь такой группой, которая настолько хорошо и крепко спаяна и обладает такой нравственной силой, что может не опасаться за моральную стойкость всего коллектива и отдельных его членов. — А первым условием этой моральной стойкости каждого и всех является полное знание всеми каждого отдельного члена, охватывающее как общественную, так и частную жизнь. Все члены Альянса, на всех ступенях организации, по крайней мере все те, которые знают друг друга и должны жить вместе и всегда мыслить и действовать сообща, — все они должны стать действительно братьями, верить и доверять друг другу и всему братству. Этого можно добиться лишь действительным, постоянным осуществлением совместной работы. Можно с самого начала обещать себе это и желать этого, но достигнуть этого можно лишь ежедневным служением общему делу, которое учит нас узнавать и любить друг друга, доверять и помогать друг другу, мыс-

лить и действовать только сообща; каждый приносит коллективу свои лучшие мысли, так что мысль, раз высказанная и принятая коллективом, немедленно превращается из личной мысли в общую. Оставаясь непреклонными во всем, что касается нашего принципа, нашего высшего закона, нашей нравственности, взаимного знания и солидарности во всех предприятиях и делах, мы должны быть очень снисходительны друг к другу, ибо, как отдельные люди, мы полны слабостей, глупости, недостатков и ошибок, почему мы и признаем необходимость жить и действовать сообща. Наш ум, наша сила заключается не в каждом из нас в отдельности, а в нашем братстве, в нашем коллективе. Итак, мы должны признать многое, конечно, при условии, чтобы от этого не страдал Альянс. И если мы находим, что один из братьев поступил дурно, мы не должны сплетничать об этом за его спиной, а должны сказать ему об этом в присутствии всех братьев, без всякой злобы, задней мысли и эгоистического злорадства. Лишь привыкнув к этому высшему правилу — необходимому условию постоянного и настоящего братства, мы станем братьями, и тогда с нашей программой, этим справедливейшим и полным выражением истинных и глубочайших инстинктов и стремлений народа, мы создадим [245])... мы будем силой, как бы мало нас ни было.

Но для того, чтобы начать осуществлять это братство в нашей среде, мы должны сперва произвести надлежащий отбор и не принимать никого, кто был бы неподходящим, по той или иной причине. Мы больше не имеем права ошибаться и для того, чтобы сделать эти ошибки при выборе трудными, редкими или совершенно невозможными, мы должны принять правило о единогласном выборе. Ясно, что такой способ пополнения очень затруднителен и очень замедлит распространение У [246]), но он обеспечивает его солидарность, надежность, серьезный характер, т. е. три условия, без которых У был бы только очень скверной и очень опасной шуткой. Но так как мы стремимся только к народной революции, которая делалась бы не для народа, а исключительно самим народом, то нашей армией является народ, и нам нужно лишь организовать генеральный штаб, который помог бы народу организоваться. Поэтому мы будем стремиться

не к увеличению числа братьев, а к улучшению их качеств и к прочности и искренности их братского союза.

Помогая вам закладывать в 7896 [247]) первые основы А[248]) и У, Кристоф допустил организационную ошибку, последствия которой вы теперь испытываете. Он смешал Интернационал с Альянсом и тем дал повод друзьям в 3521 [249]) основать Интернационал с программой Альянса. На первый взгляд это могло казаться большой победой, на деле же это было для обоих причиной беспорядка и дурной организации.

Интернационал и Альянс отнюдь не враги, как старается доказать всему миру лондонская синагога Маркса. Напротив, Альянс является необходимым дополнением к Интернационалу, дополнением, без которого последний превратился бы в своего рода чудовищное международное государство, под диктатурой Маркса, — чего, повидимому, и добивается ныне клика Маркса — и сделался бы послушным орудием для проведения планов, честолюбивых и потому противоречащих истинному освобождению народных масс. Но при единой конечной цели, ближайшие цели обеих организаций различны. Интернационал имеет целью объединить трудящиеся массы, миллионы трудящихся, невзирая на национальные и местные особенности, в единый огромный, компактный организм; назначение Альянса — придать этим массам действительно революционное направление. Программы обеих организаций, отнюдь не противоречащие друг другу, различаются степенью развития. Программа Интернационала, если рассмотреть ее серьезно, содержит в зародыше, но только в зародыше, всю программу Альянса. Программа Альянса — это конечное объяснение программы Интернационала.

Если бы основатели Интернационала дали этому великому обществу определенную и положительную политическую, социалистическую и философическую доктрину, они сделали бы большую ошибку. Они создали бы лишь небольшую ассоциацию, секту, а не укрепленный лагерь пролетариата всего мира против господствующих эксплоататорских классов. Какая социалистическая, политическая и философская идея могла бы в наши дни объединить под их

знаменем миллионы пролетариев всех стран? С положительной доктриной удалось бы собрать, самое большее, несколько тысяч человек, да и то навряд ли. Мадзини сказал когда-то: «Интересы разъединяют, идеи соединяют». Что интересы разъединяют буржуа между собой — это совершенно справедливо. Но неправда, что идеи соединяют их сколько-нибудь заметным образом. Что же касается пролетариев, то, наоборот, только интересы или, вернее, один великий интерес к хлебу и освобождению, интерес общий во всех странах, на всех ступенях цивилизации и умственного и нравственного развития может объединить их в сплоченную массу. Что касается идей, как таковых, т. е. теоретического развития, то мы только признаем, дорогой мой, что, за исключением нескольких очень редких моментов в истории, когда массы, поднятые взрывом революционных страстей, возвышались до уровня идей, те же массы в своей ежедневной жизни, под гнетом лишений, принудительного труда и подавляющих забот каждого дня абсолютно равнодушны к идеям, если только не враждебны им. Им нельзя поставить этого в упрек: все правительства держат их в полном невежестве, систематически культивируемом во благо привилегированным классам; они подавлены отупляющей работой и голодом, — и я думаю, глубокое равнодушие, проявляемое ими ныне по отношению к политическим и философским идеям, и их исключительная забота о том, что буржуазные идеалисты с всегда сытыми желудками и телом, погруженным в сладкую дремоту, называют «*презренными материальными интересами*», — я думаю, что безразличие и забота, господствующие ныне в массах, и не могут быть поставлены им в упрек; наоборот, в них следует видеть доказательство безошибочного инстинкта и большого природного здравого человеческого разума. Ибо *материальное или экономическое освобождение* фактически является единственной и первой основой всех прочих свобод.

Большая заслуга основателей Интернационала и деятелей Женевского конгресса (сентябрь 1866 г.) заключается в том, что они это поняли и положили в основу всей программы нашей великой ассоциации. Если бы в программу они внесли атеизм и материализм, то это, наверное, оттолкнуло

бы миллионы очень серьезных, т. е. очень угнетенных, нуждающихся, трудящихся. Не то, чтобы народ был действительно религиозен, наоборот, я с радостью констатирую, что с каждым днем религиозность во всех странах падает. То, что народ еще называет религией или считает за свою религию, есть, с одной стороны, продукт механической, рутиноподобной традиции, дурная привычка его коллективного духа, а с другой,— еще в большей степени, это — инстинктивный, энергичный и вполне практический протест против узости и нищеты его теперешнего существования. Достаточно будет социальной революции дать ему более широкий взгляд на земное — и он перестает думать о небе. Итак, массы в сущности не религиозны, но считают себя таковыми, и ясно выраженный атеизм отпугивает их воображение. Так же обстоит дело и с господствующими еще в воображении народа реакционными политическими и социалистическими [250]) идеями. Пролетариат испытывает инстинктивное отвращение к власти и государству, но, если вы нападаете на церковь и государство, он не понимает вас и часто по традиции даже восстанет против вас; он держится за идеи, противоречащие его собственным инстинктам. Народ привык к авторитету церкви или государства, жертвой которых он всегда является, и часто любит их, как во многих браках жена любит побои от мужа. Это рабская привычка, и, к сожалению, массы сохраняют еще много следов этой отвратительной привычки... Существует только *одно* средство излечить его: социальная революция, истинное освобождение масс. Только тогда массы поймут те идеи, семена которых созревают в их инстинктах, и со всей страстностью примут всю программу Альянса, как вернейшее выражение их собственных стремлений. Но если навязать программу Альянса Интернационалу, то он наберет во всей Европе каких-нибудь 2 000—3 000 членов. Правда, это были бы очень ценные члены, самые развитые, энергичнейшие, искреннейшие революционные социалисты Европы. Но что такое 3 000 человек против объединенной мощи богатых классов и государства, всех государств? Они были бы совершенно бессильны. Эта огромная коалиция реакции и эксплоатации может быть сломлена лишь организованной силой масс,

всех миллионов пролетариев, а в настоящее время эти миллионы, конечно, не примут социалистической и философской программы Альянса.

Они также не примут и программы Маркса [251]). . . .

. . . . . .

. . . . . .

II.

Братья [252]).

Я — старый и близкий друг, могу сказать, брат Кристофа, друга и брата, память о котором многие из вас, наверное, сохранили. С ним вместе я был одним из первых основателей А. [253]). И на основании этого двойного звания я обращаюсь к вам, братья А.

Злополучная распря, вызванная эгоистической борьбой между братьями, которые, повидимому, принесли в жертву своему личному тщеславию и честолюбию нашу великую цель — победу всемирной социальной революции, — привела в конечном итоге к распадению Альянса в Мадриде.

Я не навязываюсь в судьи над кем бы то ни было, но во имя наших принципов и во имя всех наших братьев я должен сказать, что те, которые способствовали этому распадению, которые выдавали тайну А., тайну, хранить которую мы обязались под честным словом, взяли на себя тяжкую вину.

Предать А. — значит предать революцию. Ибо А. не имел иной цели, как только служить революции. Мы не представляем собой теоретического или исключительно экономического учреждения. А. — не академия и не мастерская, он по существу своему боевая ассоциация, цель которой — организация народных масс для уничтожения государства и всех ныне существующих религиозных, политических, судебных, экономических и социальных учреждений, для полного освобождения всех превращенных в рабов, эксплоатируемых трудящихся всего мира.

Цель нашего содружества — совершенно освободить массы, чтобы земледельческое и промышленное население могло реорганизоваться и составить федерацию, основанную на принципах справедливости, равенства, свободы и соли-

дарности, от низу доверху, непринужденно, свободно, без всякой официальной реакционной и даже так называемой революционной опеки.

Тем, кто спросит нас, какая польза от Альянса теперь, когда ведь существует Интернационал, мы ответим: конечно, Интернационал великолепное учреждение, он, несомненно, прекраснейшее, самое полезное, самое благодетельное создание нашего столетия. Он создал основу солидарности трудящихся всего мира. Он дал им начатки организации, выходящей за границы всех государств, вне мира эксплоататоров и привилегированных. Он сделал больше: он уже ныне содержит зародыш организации будущего единства и в то же время пробуждает в пролетариате всего мира сознание собственной силы. Все это, конечно, огромные услуги, оказанные великому делу всемирной социальной революции. Но этого учреждения недостаточно для организации и руководства революции.

Все серьезные революционеры, которые так или иначе принимали деятельное участие в трудах Интернационала с 1864 г., года его основания, должны были убедиться в этом. Интернационал подготовляет элементы революционной организации, но он не осуществляет ее. Он подготовляет их путем открытой и легальной борьбы солидарно объединенных рабочих трудящихся всех стран против эксплоатирующих труд капиталистов, землевладельцев и промышленных предпринимателей, но дальше этого он не идет. Единственное, чем он занимается, кроме этой весьма полезной работы, это — теоретическая пропаганда социалистических идей среди рабочих масс, также очень полезная работа, необходимая для подготовки массовой революции, но еще очень далекая от революционной организации масс.

Одним словом, Интернационал является огромной средой, благоприятной и необходимой для этой организации, но он еще не сама организация. Интернационал принимает в свое лоно всех честных работников без различия политических и религиозных убеждений при единственном условии признания солидарности борьбы трудящихся против эксплоатирующего труд буржуазного капитала со всеми вытекающими из этого последствиями. Это единственное

положительное условие, которое достаточно для того, чтобы отделить мир трудящихся от мира привилегированных классов, но оно недостаточно, чтобы дать первым революционное направление. Программа Интернационала так широка, что в него могут вступать даже монархисты и католики. И эта ширина программы безусловно необходима для того, чтобы Интернационал мог охватить сотни тысяч трудящихся: только при таком количестве членов он сделается реальной силой. Если бы Интернационал выработал себе более подробную программу и более определенную в политических, религиозных и социальных вопросах; если бы он признал обязательную и, так сказать, официальную доктрину; если бы он, например, требовал для вступления в него принятия атеистических принципов в религии или коммунализма [254]) в политике, — он собрал бы каких-нибудь несколько тысяч членов и оттолкнул бы от себя миллионы промышленных и земледельческих рабочих, которые по своему положению и инстинктам являются революционерами, атеистами, социалистами, но которые еще не избавились от долгой привычки к реакционному мышлению. Он образовал бы довольно посредственную партию, которая насчитывала бы во всей Европе едва несколько тысяч человек. И та партия сама неминуемо раскололась бы на много различных фракций. Ибо где есть официальная теория, там неминуемо возникают отличные от нее и противоположные теории. Появились бы буржуазные социалисты, мирные социалисты, кооператоры, авторитарные социалисты, которые надеются на освобождение путем реформ государства, и революционные социалисты, которые ждут его только от уничтожения государства.

Все эти теории с еще многими другими оттенками уже существуют ныне в Интернационале; но пока ни одна из них не провозглашена официальной доктриной, до тех пор эти различия в учении и вытекающая из них мирная борьба внутри самого Интернационала далеко еще не являются злом; наоборот, в них заключается много хорошего, поскольку они способствуют развитию мышления и непринужденной умственной работе каждого; они не могут подорвать солидарность, связывающую трудящихся всех стран, так как эта солидарность носит не теоретический, а чисто прак-

тический характер. Это, повторяю, — солидарность экономической борьбы труда против капитала со всеми вытекающими из нее практическими последствиями. Например, рабочие Юрской федерации, отрицающие всякую авторитарную, властную организацию и принявшие за программу уничтожение государства, глубоко отличаются в этом отношении от германских рабочих, в значительном большинстве принимающих, повидимому, теорию, созданную Марксом; и все же, если в Германии вспыхнет забастовка, то рабочие Юры будут первыми, которые всеми средствами поддержат ее. Я не уверен, но надеюсь, что и рабочие Германии поступили бы так же. Это истинная, единственная солидарность, создаваемая Интернационалом. Она носит вполне практический характер и продолжает существовать, сохраняя свою силу, несмотря на все теоретические разногласия, могущие возникнуть среди различных групп трудящихся.

Но эта солидарность может существовать лишь при том условии, что никакая политическая, социалистическая или философская теория никогда не станет официальной, обязательной теорией Интернационала. До поры до времени всякая официальная теория была бы бессмысленной (nonsens). Чтобы иметь мужество и повод навязать ее, ее пришлось бы провозгласить абсолютной, а время абсолютного прошло, по крайней мере, в лагере революции, — для сторонников свободы и человечества абсолютное абсурдно. Далее, так как определенная теория никогда не была и не может быть произведением индивидуального мышления всех, так как теории, поскольку они являются обстоятельными и законченными теориями, всегда вырабатывались и будут вырабатываться небольшим числом людей, то так называемая абсолютная теория в действительности никогда не будет не чем иным, как мыслью нескольких человек, деспотически навязываемой всем, — теоретическим деспотизмом, который неминуемо вырождается в практический деспотизм и эксплоатацию.

Именно это, как мы видим, само собой происходит в лоне Интернационала. Всемогущая в Генеральном Совете клика Маркса пользуется разгромом французских революционных социалистов, которые до сих пор боролись с ней, но

теперь убитые, рассеянные, сосланные, высланные или приведенные к молчанию, не могут возвысить своего голоса, и, повидимому, старается навязать Интернационалу, в качестве официальной доктрины, политическое и социалистическое учение Маркса об освобождении трудящихся классов властью большого централизованного государства. Попутно с этой целью и как логическое последствие ее клика преследует другую цель — преобразовать Генеральный Совет, всегда лично руководимый Марксом, и сделать Совет правительством, официальным руководителем, диктатором Интернационала; в настоящее время она, щедрой рукой рассыпая клевету, ведет обширную работу и интригу, чтобы подготовить конгресс, который, провозгласив обязательный характер доктрины и замаскированную, конечно, диктатуру Маркса для всех секций Интернационала, объявил бы еретическими те секции, которые не пожелали бы принять эту доктрину и склониться перед этой диктатурой.

Вот неизбежное последствие официальных доктрин.

Если Интернационал не хочет изменить своему призванию, он не должен принимать никакой официальной доктрины. Что же случится тогда? Различные идеи, все ярче освещаемые борьбой и свободной пропагандой, направляемые собственным инстинктом и все глубже проникающие в революционное сознание, будут под влиянием самой практики и неизбежных последствий всемирной борьбы труда против капитала медленно, но верно, вырабатывать свои собственные мысли, теории, которые будут прокладывать себе дорогу снизу вверх, а не будут навязаны сверху вниз [255]).

Я сказал, что эта работа будет происходить и происходит медленно. Но не так медленно, как можно было бы подумать. Люди, по опыту знакомые с развитием Интернационала, знают огромные успехи, которые за очень немного лет сделало самосознание трудящихся, благодаря полной свободе, существовавшей до сих пор в Интернационале, — свободе пропаганды и организации.

По моему мнению, эти успехи неизмеримы. Но я признаю, что их еще недостаточно, чтобы дать стихийной силе масс революционную организацию, а пока такой организации не будет, массы, каково бы ни было численное превосходство

их над привилегированными классами, всегда будут угнетаться этими последними.

Я с радостью замечаю, что во всех странах привилегированные классы в значительной степени утратили прежнюю силу. Они, безусловно, лишились моральной силы; они больше не верят в свое право, они знают, что они несправедливы, ненавистны, они презирают самих себя. Это уже много, и вместе с моральной силой они очевидно и неизбежно теряют и умственную силу. Они гораздо ученее пролетариата, что не мешает им становиться все глупее. Они потеряли всякое умственное и моральное мужество. Они уже не осмеливаются смотреть вперед, а только оглядываются назад. Все это неизбежно означает для них смертный приговор. Пролетариат, который еще при их жизни наследует их умственную и моральную силу, в настоящее время уже готовится штурмовать их последние политическое и экономическое укрепления.

Все это так; но нельзя делать себе иллюзий — укрепления очень еще сильны; имя им — государство, церковь, биржа, полиция, армия и, далее, тот большой международный и публичный, легальный, откровенный заговор, который называется дипломатией.

Все это умно организовано и сильно, благодаря своей организации; и перед лицом этой страшной организации пролетариат, объединенный, сгруппированный и сплоченный в Интернационале и благодаря ему же остается еще неорганизованным. Что значит его численность? Народ, даже целый миллион, несколько миллионов, отступает в страхе перед несколькими десятками тысяч солдат, которые содержатся на его счет, на деньги буржуазии, добытые его собственным трудом, и направлены против народа.

Самая многолюдная, самая передовая, наилучшим образом организованная секция Интернационала, организована ли для борьбы? Вы хорошо знаете, что это не так. Было бы уже много, если бы вы из тысячи рабочих могли в день борьбы собрать сто, самое большее — двести. Для того, чтобы организовать силу, недостаточно общности интересов, чувств и мыслей; необходимо объединить волю и характер. Наши враги организуют свои силы при помощи

денег и государственной власти. Мы можем организовать свои силы лишь при помощи убеждения и страсти.

Мы не можем и не хотим иметь никакой другой армии, кроме народа, массы. Но для того, чтобы вся эта масса восстала — а только при этом условии она может победить — что должно случиться? Что нужно для того, чтобы наэлектризованные восставшие массы не страдали от внутренних противоречий и не парализовали друг друга движениями по противоположным направлениям?

Существует только одно средство: именно, обеспечить себе содействие всех народных вождей. Я называю народными вождями людей, в большинстве вышедших из народа, живущих его жизнью и пользующихся в народе большим влиянием, благодаря своему умственному и нравственному превосходству. Многие из них злоупотребляют этим влиянием в своих личных интересах. Это — очень опасные люди, которых надо избегать, как чумы и, где только можно, бороться с ними и уничтожать их. Надо отыскивать хороших вождей, таких, которые свой собственный интерес видят только в общем интересе. Но как найти и узнать их, и кто достаточно умен, проницателен и силен, чтобы сначала не ошибиться в их выборе, а затем, найдя их, суметь их убедить и организовать без посторонней помощи?

Очевидно, эта работа не под силу одному человеку, а может быть предпринята и доведена до благоприятного конца лишь многочисленной группой союзников. А для этого они должны сначала сговориться между собой, взявшись за руки для совместной работы. Но так как эта работа имеет практическую революционную цель, то взаимное соглашение — необходимое условие ее — не может состояться открыто, иначе инициаторы подверглись бы преследованиям официального и официозного мира и были бы уничтожены прежде, чем чего-нибудь добились бы.

Это соглашение и вытекающее из него объединение могут, следовательно, произойти только тайно, т. е. потребует устройства заговора, настоящего тайного общества.

Таковы идея и цель Альянса. Он представляет собой тайное общество, образовавшееся в самом лоне Интернационала, чтобы дать последнему революционную органи-

зацию, чтобы превратить его и все не входящие в него народные массы в достаточно организованную силу, которая могла бы уничтожить политико-клерикально-буржуазную реакцию и разрушить все экономические, юридические, религиозные и политические установления государств.

Последняя Лондонская конференция [256]) провозгласила анафему против всякого тайного общества, которое захотели бы образовать внутри Интернационала. Этот удар очевидно направлен против нас. Но клика Маркса, руководившая этой конференцией, как она ныне руководит Генеральным Советом, не решилась сказать большинству участников конференции то, что она сказала только своим ближайшим друзьям и доверенным, а именно, что она вела все дело только к тому, чтобы, произнося приговор над нами, расчистить дорогу для собственного заговора, для тайного общества, существующего под руководством Маркса с 1848 г., основанного Марксом, Энгельсом и покойным Вольфом и являющегося не чем иным, как почти исключительно германским обществом *авторитарных коммунистов* [257]).

То, что я говорю, не предположение, а факт, известный многим лицам и несколько раз выплывавший в Германии на различных политических процессах [258]). Итак, если откинуть некрасивые личные отношения, в которых наши мстительные неутомимые противники не брезгали самыми позорными, грязными приемами следует признать, что внутренняя борьба, возникшая ныне в Интернационале, является не чем иным, как борьбой двух тайных обществ, противоположных как по принципам, так и по системе организации; одно из них, *авторитарные коммунисты*, существует, как я уже сказал, с 1848 г., а другое *Альянс революционных социалистов*, хотя и возникло в 1864 г., *но в Интернационал вступило* лишь с 1868 г.

Начнем с того, что воздадим нашим противникам должное там, где они этого заслуживают. Маркс необыкновенный человек. Это выдающийся ум, человек очень ученый, особенно в области экономических вопросов, к тому же человек, который, насколько мне известно со времени моей первой встречи с ним в Париже в 1845 г. [259]), всегда был искренно, целиком и без остатка преданным делу освобождения проле-

тариата; этому делу он оказал неоспоримые услуги, никогда сознательно не изменяя ему, но теперь он невероятно компрометирует его своим ужасным тщеславием, ненавистническим, злобным характером и стремлением к диктатуре даже в социал-революционной партии. Его тщеславие, настоящее тщеславие еврея, фактически не знает границ, и это очень жаль. Это излишняя роскошь, ибо тщеславие понятно в ничтожном существе, которое, не представляя собой ничего, хочет казаться всем. Маркс обладает очень положительными, очень высокими качествами, большой силой ума и энергией, которые, как мне кажется, могли бы избавить его от труда прибегать к жалким средствам тщеславия. Это, уже от природы очень большое, тщеславие значительно усилилось под влиянием низкопоклонничества друзей и учеников. Очень личный (persönlich), ревнивый, обидчивый и мстительный, как бог своего народа — Иегова, Маркс не терпит, чтобы кого-нибудь признавали богом, кроме него, — мало того, он не терпит, чтобы в его присутствии отдавали должное другому социалистическому писателю или деятелю движения. Прудон, который не был богом, но, конечно, был великим революционным мыслителем, оказавшим огромные услуги делу развития социалистических идей, именно по этой причине сделался предметом неприязни со стороны Маркса. Хвалить Прудона в его присутствии значило нанести ему смертельное оскорбление и навлечь на себя его вражду со всеми последствиями, а эти последствия — сперва ненависть, затем самая грязная клевета. Маркс никогда не брезговал самой отвратительной и коварной ложью, если он считал, что может без большой опасности для себя использовать эту ложь против человека, имевшего несчастье навлечь на себя его гнев. Я сказал, что Маркс крайне личен. Вот доказательство этому: он еще верит в частную собственность на идеи. После смерти знаменитого агитатора и основателя социал-демократии в Германии, Лассаля, бывшего в очень значительной степени учеником Маркса, авторитарным коммунистом и провозвестником освобождения трудящихся классов через посредство государства, как и он, после его смерти, говорю я, Маркс выпустил первый, и пока единственный, том своего большого труда «Капитал». В пре-

дисловии он с горечью *обвиняет* [260]) Лассаля в том, что тот украл у него, Маркса, идеи и даже форму идей: обвинение несправедливое уже потому, что Лассаль, полемизируя в одном из своих сочинений с Шульце-Деличем, после развития некоторых мыслей добавляет: эти мысли и употребленные мною выражения придуманы, собственно, не мною; я позаимствовал их из одного прекрасного еще не изданного труда Маркса. Маркса это объяснение не удовлетворяет. Итак, мы уличили Маркса в собственнических инстинктах, да еще в области идей, менее всего могущих считаться частной собственностью. Его друзья так хорошо знают эту манию своего учителя, что пример, его ближайший старейший друг Энгельс, тоже очень интеллигентный человек, издавая довольно значительный труд о восстании немецких крестьян в XVI столетии [261]), не преминул заявить во введении, что главные мысли, положенные в основу этого труда, принадлежат не ему, а Марксу.

Далее, надо признать, что Маркс очень серьезный, очень глубокий мыслитель-экономист. Он имеет то огромное преимущество перед Прудоном, что он реалист, материалист. Несмотря на все усилия стряхнуть с себя традиции классического индивидуализма, Прудон оставался всю свою жизнь неисправимым идеалистом, который, как я говорил ему за два месяца до его смерти [262]), вдохновлялся то библией, то римским правом и всегда оставался метафизиком до кончиков ногтей. Его величайшим несчастьем было, что он никогда не занимался естественными науками и не усвоил себе их методов. У него был гениальный инстинкт, часто подсказывавший ему правильный путь, но увлекаемый дурными или идеалистическими привычками своего ума, он постоянно впадал в старое заблуждение, вследствие чего превратился в ходячее противоречие — мощный гений, революционный мыслитель, вечно возившийся с призраками идеализма и никогда не имевший сил победить их.

Маркс как мыслитель стоит на правильном пути. Он выставил основное положение, что все религиозные, политические и юридические процессы в истории являются не причинами, а следствиями экономических процессов. Это — великая и плодотворная мысль, честь изобретения которой

принадлежит не исключительно ему; многие другие издали видели ее и даже отчасти выразили, но на долю Маркса выпала честь дать ей прочное обоснование и положить ее в основу всей своей экономической системы. С другой стороны, Прудон гораздо лучше понимал и чувствовал свободу. Когда Прудон не предавался доктринерству и метафизике, он обладал истинным чутьем революционера, он поклонялся сатане и провозглашал анархию. Очень возможно, что теоретически Маркс может дойти до более рациональной системы свободы, но ему недостает чутья Прудона. Как немец и еврей, он с ног до головы *властен* (Autoritär).

Отсюда — две противоположные системы: анархическая система Прудона, которую мы расширили, развили и очистили от всех метафизических, идеалистических, доктринерских надстроек, четко и ясно положив в основу всякого дальнейшего развития материю в науке и социальную экономию в истории, и система Маркса — главы немецкой школы авторитарных коммунистов.

Основы этой системы — следующие. Как и мы, авторитарные коммунисты стремятся к упразднению частной собственности. Они отличаются от нас, главным образом, тем, что проповедуют всеобщую экспроприацию государством, мы же добиваемся ее путем упразднения государства и естественно охраняемого государством юридического права. Поэтому мы провозгласили на Базельском конгрессе (1869 г.) отмену права наследования, между тем, как они протестовали там против этого, говоря, что этой отмены не потребуется, раз государство будет единственным собственником. Государство, говорят они, должно быть единственным землевладельцем и в то же время единственным банкиром. Государственный банк, заменив ныне существующие частные банки [263]), имеет право снабжать деньгами только народный труд, так что все трудящиеся — земледельческие и промышленные рабочие — фактически сделаются наемными рабочими государства. Английские коммунисты этой же школы заявили на Базельском конгрессе, что земля должна обрабатываться под руководством государственных инженеров.

Мы отвергли эту систему по двум соображениям: во-первых, потому, что вместо того, чтобы ослабить государствен-

ную власть, она усиливает ее, сосредоточивая всю полноту власти в руках государства. Правда, они говорят, что государство будет народным государством, управляемым собраниями и чиновниками, которые будут непосредственно избираться народом и подлежать народному контролю. Это — та же парламентарная, представительная система, система всеобщего избирательного права, исправленная введением референдума и прямого всенародного голосования всех законов. Но мы знаем, чего можно ждать от такой системы представительства. Ясно, что система Маркса, как и система Мадзини, ведет к созданию очень сильной, так называемой народной власти, т. е. к господству интеллигентного меньшинства, которое одно в состоянии справиться со всеми сложными вопросами, неизбежно вытекающими при централизации, а следовательно, к порабощению масс и их эксплоатации этим интеллигентным меньшинством. Вот система *революционных* авторитетов свободы, навязанной и управляемой сверху, т. е. вопиющая ложь.

Вторая причина, почему мы отвергаем эту систему, заключается в том, что она ведет прямо к созданию новых больших национальных государств, отдельных, а потому неизбежно соперничающих и враждебных друг другу, т. е. к отрицанию интернационализма, человечества. Ибо, если они не претендуют на создание единого, всемирного государства — а это было бы нелепым замыслом, давно осужденным историей — они неизбежно должны основывать большие национальные государства или, что еще вероятнее, большие государства, в которых одна раса, самая сильная и развитая, будет порабощать, угнетать и эксплоатировать другие, таким образом марксисты, сами не сознавая этого, неизбежно приходят к пангерманизму.

III.

... является [264]) фактически религией, религией человечества.

Вот мысль, цель и конституция Альянса. Это — общество братьев, солидарных до смерти и не знающих другой цели, кроме победы нашей революции. Мы должны относиться

друг к другу очень бережно и вместе с тем быть очень откровенными и всегда правдивыми. Никто из нас не совершенен и не может предъявлять такой смешной претензии. Мы полны ошибок, слабости и часто, к сожалению, очень часто, дурн. Все это не имеет значения, если только мы будем верны друг другу и нашей программе и приобретем хорошую привычку взаимно дополнять друг друга при нашем совместном мышлении и действиях.

Так ли вы организованы? Повидимому, не так, если вы могли распасться и разойтись? Истинный Альянс нерасторжим, братья, а какую минуту выбрали вы, чтобы разойтись? Минуту, когда ставится вопрос о жизни или смерти пролетариата всей Европы. Разве это не измена революции?

В Испании слышны раскаты революционной грозы, а вы разошлись накануне великой борьбы? И по каким причинам? Не из принципиальных соображений, а для удовлетворения личного тщеславия, личного честолюбия!

Объединенные, вы, как бы мало вас ни было, будете сильны не для себя, а для победы революции; разъединенные, вы будете безвольными и бессильными обломками тащиться на буксире событий. Подумайте о том, что время индивидуальных побед прошло. Наше время — время больших народных объединений, которые все влекут за собой и захлестнут в своем потоке отдельные индивидуальности, как бы последние ни были сильны в действительности или в своем воображении.

Именем всех наших братьев, именем социальной революции, именем нашей религии, нашей страсти, именем вас самих, вашей чести, вашей совести, вашего долга, я заклинаю тех из вас, которые не солгали сами себе и друг другу, когда вы захотели вступить в Альянс, как братья, воссоздать Альянс, забыв все жалобы и ошибки прошлого, простив друг другу и растворив все мелкие личные страсти в великой революционной страсти, в нашей общей мысли и деятельности.

Михаил Бакунин, член-учредитель Альянса.

IV.

5 апреля 1872 г. Локарно.

Дорогой союзник и товарищ [265]).

Наши барселонские друзья просили меня написать вам, что я исполняю с тем большим удовольствием, что я узнал, что я и мои друзья, члены Альянса в Юрской федерации, как в Испании, так и в других странах сделались мишенью для клеветы со стороны Лондонского Генерального Совета. Поистине очень печально, что в это время, время ужасного кризиса, когда на много десятилетий решается участь пролетариата всей Европы, и когда все друзья пролетариата, человечества и справедливости должны были бы братски соединиться, чтобы оказать сопротивление общему врагу — миру привилегированных классов, организованных в государства, — очень печально, повторяю, что люди, в прошлом оказавшие большие услуги Интернационалу, ныне побуждаемые дурной авторитарной страстью, снисходят до лжи и сеют семена раздора вместо того, чтобы повсюду создавать свободные объединения, которые одни могут дать силу.

Чтобы дать правильное представление о наших стремлениях, мне нужно сказать только одно. Наша программа та же, что ваша, провозглашенная на вашем прошлогоднем конгрессе [266]), и если вы останетесь верны ей, то вы — с нами по той простой причине, что мы — с вами. Мы презираем принцип диктатуры, правительственной власти и авторитета, как презираете его и вы. Мы убеждены, что всякая государственная власть является источником развращения правящих и причиной порабощения управляемых. Государство означает господство, а природа человека устроена так, что всякое господство превращается в эксплоатацию. Как враги государства во всех случаях, во всех его проявлениях, мы не можем потерпеть государства в лоне Интернационала. Мы считаем Лондонскую конференцию [267]) и принятые ею резолюции честолюбивой интригой и государственным переворотом, и поэтому мы протестовали и будем протестовать до конца. Я не касаюсь личных вопросов, которыми, к сожалению, будет слишком полон ближайший всеобщий конгресс, если только этот конгресс состоится, в чем

я лично сильно сомневаюсь, ибо если события будут развиваться так, как теперь, на европейском материке скоро не останется ни одного места, где делегаты пролетариата смогут собраться для свободного обсуждения своих дел. А теперь все взоры обращены на Испанию на исход вашего конгресса [268]). Что из него выйдет? Если это письмо вообще дойдет до вас, вы получите его после конгресса. Застанет ли оно вас в разгаре революции или в разгаре реакции? Все наши друзья в Италии, Франции и Швейцарии в мучительном напряжении ждут известий о вашей стране.

Вы, без сомнения, знаете, что в Италии Интернационал и наш дорогой Альянс получили очень большое развитие [269]). Народ в деревне и городах находится в совершенно революционном состоянии, т. е. в отчаянном экономическом положении, и массы начинают серьезно организовываться, их инстинкты начинают превращаться в идеи [270]). До сих пор Италии недоставало не инстинктов, а именно организации и идеи. И та и другая начинают вырабатываться, так что в настоящее время Италия, быть может, является самой революционной страной после Испании, вместе с Испанией. В Италии есть то, что отсутствует в других странах, — пылкая, энергичная, совершенно деклассированная [271]), лишенная всяких видов на карьеру и на будущее молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена морально и умственно, как буржуазная молодежь других стран. Ныне она, очертя голову, бросается в революционный социализм со всей нашей программой, программой Альянса. Наш гениальный и мощный противник Мадзини умер; мадзинистская партия совершенно дезорганизована, а Гарибальди все больше и больше увлекается этой молодежью, которая называет себя его именем, но заходит или забегает гораздо дальше, чем он. Я послал барселонским друзьям один итальянский адрес и скоро пошлю еще несколько. Важно и необходимо, чтобы члены Альянса в Испании вступили в непосредственные сношения с итальянскими. Получаете ли вы итальянские социалистические газеты? Рекомендую вам, главным образом, «Eguaglianza» («Равенство») в Джирдженти, в Сицилии — «Campana» («Колокол»), в Неаполе — «Fascio operajo» («Рабочий союз»), в Болонье — «Il Gasettino

Rosa», а лучше все «Il Martello» («Молот») в Милане, который, к сожалению, конфискован, и все сотрудники арестованы.

В Швейцарии рекомендую вам двух членов Альянса: Джемса Гильома (Швейцария, Невшатель, 5, rue de la Place d'Armes) и гравера Адэмара Швицгебеля — члена и секретаря-корреспондента Юрской федерации (Швейцария, Бернская Юра, Сонвилье, граверу Адэмару Швицгебелю).

Союз и Братство.
М. Бакунин.

Пожалуйста, поклонитесь от меня брату Мораго и попросите его прислать мне свою газету.

Получаете ли вы *Бюллетень* Юрской федерации?

Прошу вас сжечь это письмо, так как оно содержит имена.

XVI.

Письмо М. Бакунина в газету „La Liberté".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее письмо предназначалось Бакуниным для опубликования в социалистической газете «La Liberté», выходившей в Брюсселе. Газста эта на своих страницах поместила отчет о Гаагском конгрессе, исключившем Бакунина из Интернационала. Письмо и должно было, во-первых, протестовать против исключения, во-вторых, разоблачить «интригу», в результате которой Бакунин оказался исключенным, и, в-третьих, изложить платформу самого Бакунина. Письмо осталось не законченным и не напечатанным. Впервые оно увидело свет в 1894 г. в брюссельском журнале «Société Nouvelle» (июль — август 1894 г., стр. 5—31), опубликованное Максом Неттлау с значительными неправильностями, как указывает Джемс Гильом. Из 31 стр., составляющих рукопись, первые 16 страниц были затем утеряны. С исправлениями рукопись напечатана Гильомом в IV томе парижского Собрания сочинений Бакунина, откуда нами и извлекается. При этом с сохранившимся оригиналом Гильом сверил лишь стр. 17—31. Наконец, рукопись эта включена Максом Неттлау в недавно вышедший III том берлинского издания сочинений Бакунина.

Подобно большинству полемических произведений Бакунина, письмо это в значительнейшей части своей далеко от истины. В приложениях к настоящей книге, принадлежащих перу Маркса, Энгельса и Лафарга, а также в письмах Энгельса к Теодору Куно, читатель найдет соответственный фактический материал, освещающий события, о которых идет речь — с другой точки зрения. *Вяч. П.*

В редакцию «La Liberté».

5 октября 1872. Цюрих.

Господа редакторы!

Опубликовав резолюцию о моем исключении, вынесенную конгрессом марксистов в Гааге, вы, надо полагать, найдете справедливым опубликовать также и мой ответ. Вот он.

Торжество гр. Маркса и его приверженцев было полным. Марксисты, уверенные в своем большинстве, — задолго подготовленном и организованном с великой ловкостью и вниманием, хотя и без особенного почтения к принципам *Морали, Истины и Справедливости*, провозглашаемым ими столь часто на словах и столь редко на деле, — марксисты сбросили с себя маску, и, как и пристало людям властолюбивым, во имя народного господства, — каковое отныне должно служить точкой опоры для всех, претендующих на управление массами, — они отважно объявили рабскую зависимость народа от Интернационала.

Если бы Интернационал не был так жизнен, если бы он был основан только на организации руководящих центров,— как воображают они, — а не на реальной солидарности интересов и действенных чаяниях пролетариата всех стран цивилизованного мира, на свободном и самочинном объединении рабочих секций и федераций, независимо от какой бы то ни было руководящей опеки, — декреты этого злополучного Гаагского конгресса, — чрезмерно угодливое и точное воплощение марксистской теории и практики, — повели бы к гибели, к смерти Интернационала. Они превратили бы в нечто смешное и отвратительное эту прекрасную ассоциацию, в создании которой, с охотой это констатирую, г. Маркс принимал самое деятельное и самое разумное участие.

Государство, правительство, всемирная диктатура! В стане социал-демократии, — в новых формах, — но с теми же притязаниями, — мечты Григориев VII, Бонифациев VIII, Карлов V и Наполеонов!

Можно ли вообразить что-либо более нелепое и в то же время — возмутительное?

Утверждать, что группа лиц, хотя бы и наиразумнейших, с наилучшими намерениями, сумеет стать мозгом, душой, направляющей и объединяющей волей революционного движения и экономической организации пролетариата всех стран, — это такая ересь против здравого смысла и исторического опыта, что невольно спрашиваешь себя, — как мог дойти до сего человек, столь проницательный, как г. Маркс?

Папы, по крайней мере, находили себе оправдание в том, что в их руках была ниспосланная им Святым Духом истина, в которую они якобы верили. У г. Маркса нет этого оправдания, и я не обижу его предположением, что он научным путем изобрел нечто, похожее на абсолютную истину. Но коль скоро не существует абсолюта, не может быть ни непогрешимой догмы для Интернационала, ни, следовательно, официальной политической или экономической теории, а потому наши конгрессы никоим образом не должны претендовать на выполнение роли церковных соборов, провозглашающих принципы, обязательные для всех верующих.

Лишь один закон действительно обязателен для всех членов Интернационала, отдельных лиц, секций и федераций, — закон, являющийся единственной для них основой: это — во всей своей широте, со всеми своими последствиями и выводами — *международная солидарность всех трудящихся всех профессий и всех стран в экономической борьбе их с эксплоатацией труда.*

Именно в реальной организации этой солидарности рабочих масс всех стран и всех наречий, только в самочинной деятельности рабочих масс и в абсолютно-свободном, постольку сильном, поскольку свободном их объединении, — таится реальное и живое единство Интернационала, но никак не в их обезличении декретом и розгой какого бы то ни было правительства.

Должна ли возникнуть и возникнет ли на самом деле из этой все ширящейся организации воинствующей солидарности пролетариата против буржуазной эксплоатации политическая борьба пролетариата против буржуазии, можно ли сомневаться в этом? И марксисты, и мы сходимся в этом вопросе. Но тут же, непосредственно, встает новый вопрос, так глубоко отделяющий нас от марксистов.

Мы полагаем, что политика, обязательно революционная политика пролетариата должна иметь своей единственной и непосредственной целью разрушение государства. Нам непонятно, как можно говорить о международной солидарности, если хотеть сохранить государство, — разве что возмечтать о вселенском государстве, т. е. о вселенском рабстве, мечте великих императоров и пап. Ибо по самой своей природе государство есть враг этой солидарности и, следовательно, вечная первопричина войны. Мы не считаем возможным вести речь о свободе пролетариата и действительном освобождении масс в государстве и при посредстве государства. Государство означает господство, а всякое господство предполагает порабощение масс и, следовательно, их эксплоатацию в интересах данного правящего меньшинства.

Мы не допускаем мысли, — даже на переходную революционную эпоху, — ни о национальных конвентах, ни об учредительных собраниях, ни о временных правительствах, ни о так называемых революционных диктатурах; ибо мы убеждены в том, что революция чиста, честна и реальна только в массах, и в том, что, если она сосредоточивается в руках нескольких руководящих лиц, она неизбежно и немедленно становится реакцией. Таково наше убеждение, и не место нам здесь развивать эти мысли.

Марксисты стоят на совершенно иной точке зрения. Как и пристало добрым германцам, они являются поклонниками власти и государства, а потому проповедниками политического и социального учения, поборниками порядка, устанавливаемого сверху, как всегда во имя всеобщего голосования и господства масс, каковым предоставляется в удел честь и счастье повиноваться вождям, избранным господам их. Марксисты не допускают мысли о другом освобождении, кроме того, которое они ожидают от своего так называемого

народного государства (Volksstaat). Они столь мало враждебны патриотизму, что даже самый их Интернационал зачастую кажется окрашенным в пангерманистские цвета. Конечно, между политикой Бисмарка и политикой марксистов—заметная разница; но между марксистами и нами—пропасть. Они—государственники, мы—анархисты quand même.

Таковы две основные политические тенденции, разделяющие ныне Интернационал на два лагеря. С одной стороны, строго говоря, только лишь Германия, с другой — в разной степени — Италия, Испания, Швейцарская Юра, большая часть Франции, Бельгия, Голландия и — в самом близком будущем — славянские народы. Эти две тенденции столкнулись на Гаагском конгрессе, и, благодаря великой ловкости г. Маркса, благодаря совершенно искусственной орĝанизации его последнего конгресса, германская тенденция победила.

Значит ли это, что проклятый вопрос был разрешен? Он не был даже как следует продискутирован, — большинство голосовало как хорошо вымуштрованный полк, и своим голосованием задушило дискуссию. Разногласие существует поныне, оно живет, и грозней, чем когда бы то ни было, и сам г. Маркс, несмотря на все свое опьянение победой, конечно, не воображает, что он так легко рассчитался с ним. И даже если он на мгновенье возымел столь пустую надежду, дружный протест юрских, испанских, бельгийских и голландских делегатов (не говоря уже об Италии, которая даже не сочла нужным послать своих делегатов на этот слишком явно подтасованный съезд), — протест, столь же сдержанный по форме, столь энергичный и многозначительный по содержанию, — должен был быстро разуверить его в этом [272]).

Этот протест сам по себе, конечно, не что иное, как слабый покуда предвестник грозной оппозиции, которая вырастет в ближайшее время во всех странах, действительно проникнутых принципом и страстью социальной революции. И вся эта буря будет вызвана злополучным стремлением марксистов — создать из политического вопроса базу, непреложный принцип для Интернационала.

В самом деле, между двумя только что указанными тенденциями примирение сейчас невозможно. Только практика

социальной революции, большой, новый исторический опыт, только логика событий могут рано или поздно привести обе стороны к общему решению. Будучи глубоко убеждены в правильности нашей точки зрения, мы надеемся, что тогда сами же немцы, — рабочие Германии, а не их вожди, — присоединятся к нам, чтобы разрушить казематы народов, именуемые государствами, и чтобы осудить политику, которая на деле является лишь искусством господствовать и стричь массы.

Но что делать сейчас? Сейчас, когда разрешение вопроса и примирение на почве политики невозможны, нужно, со взаимной терпимостью предоставить каждой стране неоспоримое право следовать тем политическим тенденциям, которые ей больше по душе и которые кажутся ей более соответствующими особенностям ее положения. Потому нужно, исключив из обязательной программы Интернационала все вопросы политического характера, стремиться к созданию единства этой великой ассоциации исключительно на почве экономической солидарности. Эта солидарность нас объединяет, тогда как политические вопросы неизбежно нас разъединяют.

Несомненно, что ни итальянцы, ни испанцы, ни рабочие Юры, ни французы, ни бельгийцы, ни голландцы, ни славянские народности, эти исторические враги пангерманизма, ни даже пролетариат Англии и Америки никогда не подчинятся политическим устремлениям, диктуемым сегодня германскому пролетариату тщеславием его вождей. Но даже если допустить, что за это неподчинение властям новый Генеральный Совет наложит интердикцию на все эти страны и что новый Собор марксистов исключит их и объявит изгнанными из лона Интернационала, — ослабеет ли от этого экономическая солидарность, естественно, необходимо и фактически связующая пролетариат всех этих стран с пролетариатом Германии? Если рабочие Германии объявят забастовку, если они восстанут против экономической тирании своих работодателей, если они восстанут против политической тирании правительства, которое является естественным покровителем капиталистов и прочих эксплоататоров народного труда, — останется ли в бездействии пролетариат

всех этих, исключенных марксистами, стран, станет ли, сложа руки, бесстрастно наблюдать борьбу? Нет, он отдаст борющимся свои последние гроши, и, больше того, он отдаст всю свою кровь германским братьям, не спрашивая их предварительно о том, какова будет та политическая система, в которой они думают искать свое освобождение.

Вот в чем кроется истинное единство Интернационала: в общих чаяниях и в самочинном движении народных масс всех стран, а не в правительстве какого бы то ни было рода, не в непреложной политической теории, продиктованной этим массам конгрессом. Это настолько очевидно, что нужно быть сильно ослепленным жаждою власти, чтобы не понять этого.

Я понимаю на худой конец, что коронованные и некоронованные деспоты могли мечтать о скипетре мира; но что сказать о друге пролетариата, о революционере, который утверждает, что горячо стремится к освобождению масс и в то же время, занявши место руководителя и верховного арбитра всех революционных движений, в каких бы странах они ни вспыхнули, осмеливается мечтать о порабощении пролетариата всех этих стран одной единственной мысли, мысли, выросшей в его собственном мозгу!

Я считаю Маркса весьма серьезным, хотя не всегда вполне искренним революционером, человеком, который действительно желает, чтобы поднялись массы; и я спрашиваю себя, как может он не видеть, что установления вселенской диктатуры, коллективной ли, индивидуальной ли, диктатуры, которая в каком бы то ни было виде нуждалась бы в главном инженере от мировой революции, который бы направлял и управлял освободительным движением масс во всех странах подобно тому, как управляют машиной, — что установления подобной диктатуры достаточно было бы, чтобы убить революцию, парализовать и подменить все народные движения?

Где тот человек, где та группа людей, которая, как бы ни была она гениальна, осмелилась бы утверждать, что она может хотя бы только объять и понять бесконечное множество интересов, стремлений и действий столь своеобразных в каждой стране, в каждом округе, в каждой местности, во всякой

профессии, огромное целое стремлений и интересов, которое, не обезличенное, но объединенное общим великим желанием и немногими основными принципами, проникшими отныне в сознание масс, — создаст грядущую социальную революцию?

Что сказать о международном съезде, который, якобы в интересах этой революции, предлагает пролетариату всего цивилизованного мира правительство, облеченное диктаторской властью, с инквизиторским, жреческим правом отрешать местные федерации, налагать интердикции на целые нации во имя принципа якобы официального, а на деле — изобретенного лично г. Марксом и превращенного голосованием искусственно созданного большинства в абсолютную истину?

Что сказать о конгрессе, который, разве для того, чтобы еще явственней стало его бессилие, отправляет это диктаторское правительство в Америку, составив его из людей, вероятно честнейших, но темных, в достаточной мере невежественных и совершенно ему не знакомых? Наш враг, буржуазия, прав, когда насмехается над нашим конгрессом и утверждает, что Международное Товарищество Рабочих борется со старыми тираниями, дабы создать новую и дабы достойным образом сменить существующие нелепости, создает новый абсурд.

Не должны ли мы поэтому, ради чести и благополучия самого же Интернационала, поспешить заявить во всеуслышание, что этот злополучный Гаагский конгресс, далеко не будучи выразителем стремлений всего европейского пролетариата, был, несмотря на видимую правильность, которой пытались окутать его, лишь жалким порождением лжи, интриги и возмутительного злоупотребления доверием и авторитетом, слишком долго, к несчастью, остававшимися в руках покойного Генерального Совета?

В действительности, это был отнюдь не конгресс Интернационала, но конгресс Генерального Совета; марксисты и бланкисты Совета, составляя, примерно, треть общего числа делегатов и ведя на поводу, с одной стороны, хорошо вымуштрованный батальон немцев, с другой — несколько одураченных французов, приехали в Гаагу не затем, чтобы

подвергнуть серьезному обсуждению условия освобождения пролетариата, но чтобы установить в среде Интернационала свое безраздельное господство.

Г. Маркс, более тонкий и более ловкий, чем его союзники-бланкисты, обыграл их точно так же, как до него Бисмарк обыграл дипломатов империи и французской республики.

Бланкисты, повидимому, явились на Гаагский конгресс в надежде, — надо думать, подогреваемой самим г. Марксом, — на то, что при помощи Генерального Совета они сумеют обеспечить за собой руководство социалистическим движением во Франции, — они не сомневались в том, что сохранят влиятельное положение в Совете. Г. Маркс не охотник до того, чтобы делить с кем-нибудь власть, но более чем вероятно, что он не пожалел положительных обещаний французским коллегам, без поддержки которых он не собрал бы большинства на Гаагском конгрессе.

Но, воспользовавшись их услугой, он вежливым манером выпроводил их вон и, согласно плану, наперед составленному им и его ближайшими приверженцами, немцами Америки и Германии, он отправил Генеральный Совет в Нью-Йорк [273]), покинув своих вчерашних друзей, бланкистов, в весьма неутешительном положении заговорщиков, павших жертвою собственного заговора. Два таких поражения в такой короткий срок делают мало чести французской сметке.

Но тут может встать вопрос: не развенчал ли г. Маркс сам себя, отправив правительство Интернационала в Нью-Йорк? Ни в какой мере. Никто не оскорбит его предположением, что он принимал всерьез это правительство, что он хотел передать в неопытные, слабые руки руководство Интернационалом, — он, считающий себя в некотором роде отцом его и едва ли не ментором. Правда, он способен сильно повредить Интернационалу своим честолюбием, но он не может стараться разрушить его. А разве не повела бы к неизбежному разрушению Интернационала передача диктаторских полномочий в руки неспособных к руководству людей? Где же выход из этого тупика?

Разгадка ясна для всякого, кто знает или догадывается, что, под сенью официального, призрачного нью-йоркского

руководства, в Европе установлено анонимное руководство так называемых агентов нью-йоркского ядра, совершенно безответственных, стоящих в тени, но тем более сильных агентов, говоря прямо, — тайная и реальная власть г. Маркса и его присных. В этом весь секрет гаагской интриги. Этим объясняется торжествующая и спокойная позиция г. Маркса: он уверен, что впредь весь Интернационал в его руках; и, если только он не заблуждается, у него есть все основания ликовать, ибо, вкушая втайне божественную сладость власти, он сумеет все неудачи и злополучия взвалить на голову несчастного Нью-Йоркского Генерального Совета. Для того, чтобы удостовериться в том, что именно такова в действительности мысль г. Маркса, достаточно повнимательней прочесть один из сентябрьских номеров «Volksstaat», главного органа социал-демократической партии германских рабочих, который, как таковой, непосредственно вдохновляется г. Марксом. Здесь, в полуофициальной статье, излагаются с чисто немецкой наивностью и неловкостью все причины, понудившие диктатора этой партии и его ближайших друзей перенести руководящее ядро Интернационала из Лондона в Нью-Йорк. Основных мотивов, которые вызвали этот coup d'Etat — два.

Первый — невозможность притти к соглашению с бланкистами.

Если г. Маркс до корней волос проникнут пангерманистскими настроениями, которые так пышно расцвели в Германии после побед Бисмарка, — бланкисты прежде всего являются французскими патриотами. Не зная и презирая Германию, как и подобает истым французам, они легко позволили г. Марксу взять в свои руки безраздельное управление делами германской партии, но ни за что на свете не согласились бы они уступить ему руководство во Франции, где, само собой разумеется, они берегут власть для себя. А диктатура во Франции — это именно то, к чему горячей всего, как истый немец, стремится г. Маркс, — горячей даже, чем к диктатуре в Германии.

Как бы немцы ни опередили Францию материально и даже политически, в моральном и социальном отношении они всегда будут чувствовать себя позади. Это неодолимое

чувство превосходства Франции — вечный источник всякой ревности и враждебности, прикрытых и неприкрытых вожделений, закипающих в душе немца при одном только имени Франции.

Немец никогда не почувствует себя признанным всеми, покуда его репутация, его слава, его имя не будут приняты Францией.

Быть признанным общественным мнением этой нации, и в особенности общественным мнением Парижа, — вот что всегда было заветной мечтой всякого просвещенного немца. А верховодить Францией, и через посредство Франции, мнением всего мира, — какая честь, и, главное, какое могущество!

Г. Маркс слишком умный и в то же время слишком тщеславный и честолюбивый немец, чтобы не понять этого. И нет такого заигрывания, которого он не использовал, чтобы добиться признания со стороны революционного и социалистического мнения Франции. Ему, как будто, отчасти удалось это, так как бланкисты, побуждаемые собственным тщеславием, которое заставляло их искать союза с этим претендентом на диктатуру в Интернационале, пошли на его удочку. Благодаря его всемогущему покровительству, они стали членами Лондонского Генерального Совета.

По началу это соглашение было безукоризненным, так как, будучи в равной мере авторитарны и властолюбивы, марксисты и бланкисты объединены были общею ненавистью против нас, против непримиримых противников всякой власти и всякого управления, а следовательно, и того порядка, который они предполагали положить в основу работы Интернационала.

И, тем не менее, их союз не мог быть прочен, так как г. Марксу неугодно было с кем-либо делить свою власть, а они не могли уступить ему диктатуру во Франции; немыслимо было им долго оставаться друзьями. Вот почему еще до Гаагского конгресса, даже когда существовала еще видимость нежнейшей между ними дружбы, г. Маркс и его друзья приняли решение об исключении бланкистов из Генерального Совета. «Volksstaat» признает это открыто и добавляет, что, ввиду невозможности отстранить их во время пребывания

Совета в Лондоне, решено было перенести последний в Америку.

Второй мотив, также признанный «Volksstaat», — это явственное отныне неподчинение рабочих Англии. Надобно полагать, в этом нелегко было признаться г. Марксу, так как для него это серьезный провал.

Не довольствуясь своей экономической ученостью, без спору весьма серьезной и глубокой, и своим столь же неоспоримым и замечательным талантом политического интригана, г. Маркс, чтобы стоять выше своих соотечественников и управлять ими, неизменно имел на своем луке две тетивы,— одну французскую, другую английскую; первой для него была злосчастная имитация французского духа, второю — более удачное подражание английскому практическому рассудку. Г. Маркс более двадцати лет провел в Лондоне в среде английских рабочих, и, как это почти всегда бывает среди немцев, которые, стыдясь в глубине души своего отечества, перенимают и утрируют самым неуклюжим образом обычаи и язык страны, где живут, г. Маркс любит казаться больше англичанином, чем сами англичане.

Спешу оговориться, что, изучая в течение столь долгих лет со свойственной ему проницательностью экономическое положение Англии, он приобрел детальное и весьма глубокое знание экономических отношений между трудом и капиталом в этой стране. Все его писания служат тому доказательством; если отвлечься от гегельянского жаргона, с которым ему не удалось развязаться, окажется, что под тем нарочитым предлогом, что все прочие страны, отставшие от Англии с точки зрения крупно-капиталистического производства, неизбежно уступают ей и в отношении социальной революции, г. Маркс принципиально обращает свое внимание лишь на жизнь Англии. Можно подумать, что это англичанин, говорящий исключительно перед лицом англичан.

С точки зрения интернациональной, заслуга в этом, конечно, невелика; все же из этого можно заключить, что г. Маркс должен оказывать на английских рабочих вполне заслуженное и благотворное влияние. И в самом деле, повидимому, между ним и изрядным числом крайне активных английских рабочих в течение долгих лет существовала

самая серьезная близость и большое взаимное доверие; вследствие этого всем казалось, что он вообще пользуется в Англии значительным авторитетом, и это, конечно, немало увеличивало престиж его на континенте.

С нетерпением и верой здесь во всем Интернационале ожидали момента, когда в результате его деятельной и разумной пропаганды, миллион рабочих, составляющих ныне грозную ассоциацию тред-юнионов, перейдет, со всеми своими пожитками, в наш лагерь.

Эта надежда близка к осуществлению, во всяком случае — частично. Уже образовалась формально примыкающая к Интернационалу Английская федерация. Но странное дело! Первым шагом этой федерации было открыто порвать все дружественные сношения с г. Марксом; судя по тому, что говорит об этом «Volksstaat», а главное, судя по горьким словам и оскорблениям, неосмотрительно брошенным г. Марксом на Гаагском конгрессе английским рабочим, пролетариат Великобритании решительно отказался склонить шею под ярмо социалистического диктатора Германии. Обхаживать народ в течение двадцати с лишним лет, чтобы притти к таким результатам! На все лады распевать хвалы английским рабочим, ставить их в пример, достойный подражания, пролетариату всех других стран — и потом быть вынужденным проклясть их без никаких и объявить их проданными всем реакциям мира! Какая неудача, какой провал, — не для английских рабочих, но для г. Маркса!

Провал, надо сказать, вполне заслуженный.

Г. Маркс слишком долго изволил мистифицировать английских членов Генерального Совета. Пользуясь отчасти их незнанием положения вещей на континенте, отчасти их прискорбным к ним безразличием, он в течение долгих лет с успехом заставлял их делать то, что он хотел [274]).

Между г. Марксом и английскими членами существовал как бы молчаливый уговор, по которому г. Маркс не должен был вмешиваться в собственно английские дела, или, вернее, не должен был вмешиваться больше, нежели то было им угодно; со своей стороны, они всецело оставляли на его попечении руководство деятельностью Интернационала на континенте, до коего им было мало дела. К чести этих граждан

надо заметить, что они глубоко убеждены были в лойяльности и справедливости г. Маркса.

Теперь мы знаем, до какой степени злоупотреблял этим доверием г. Маркс. Мы знаем, что все дела Интернационала, верней, все интриги, которые бывали посеяны и взращены в нашей великой ассоциации от имени Генерального Совета, создавались и руководились узким кружком Маркса, состоявшим почти исключительно из немцев, — кружком, выполнявшим в некотором роде функции Исполнительного Комитета: этот комитет осведомлен был во всем, все решал, все приводил в исполнение. Прочие же члены, составлявшие большинство Генерального Совета, наоборот, не знали решительно ничего. С ними обращались так заботливо, что не затрудняли их даже необходимостью подписывать циркуляры Генерального Совета. За них расписывались члены кружка, так что до последней минуты они не имели ни малейшего представления о всех гнусностях, ответственность за которые возлагалась на них без их ведома.

Легко вообразить, с каким успехом пользовались столь благоприятным положением люди, подобные г. Марксу и его друзьям, — политики, достаточно опытные, чтобы действовать без зазрения совести. Нет надобности, я полагаю, останавливаться на том, какова была цель этой великой интриги. Этой целью было установление при помощи Интернационала революционной диктатуры г. Маркса в Европе.

Новый Альберони [275]), г. Маркс, чувствовал в себе достаточно смелости, чтобы замыслить и осуществить подобный план. Что до средств его выполнения, — должен заметить,— с далеко не искренней легкостью и пренебрежением говорил он о них в своей последней речи в Амстердаме.

Правда, как говорил он, для покорения мира у него нет ни войск, ни финансов, ни крупповских пушек. Но зато у него есть исключительный дар интриги и решимость, не останавливающаяся ни пред какой низостью; кроме того, к его услугам — изрядный корпус агентов, организованных по иерархии и действующих по его прямым приказаниям; нечто вроде социалистической и литературной франк-масонской ложи, где его соотечественники, немецкие и прочие евреи, занимают видное место и выказывают рвение, достой-

ное лучшего применения [276]). Наконец, в его руках было великое имя Интернационала, имя, излучающее магическую силу на пролетариат всех стран, имя, которым слишком долго позволено было ему пользоваться для выполнения своих тщеславных проектов.

Открытую борьбу г. Маркс начал с 1869 г. и в особенности с 1871 г. До Базельского конгресса (сентябрь 1869 г.) ему удалось маскировать свои планы.

Но резолюции, принятые этим конгрессом, возбудили в нем гнев и опасения, и тогда он отдал своим клевретам приказ перейти в яростное генеральное наступление против тех, кого с той поры он возненавидел, видя в них непримиримых противников его принципов и его диктатуры. Открыт был огонь против меня и моих друзей,— и в первую очередь, против меня, — сперва в Париже, потом в Лейпциге и Нью-Йорке и, наконец, в Женеве. Вместо пуль, Марксовы артиллеристы закидали нас грязью. Это был целый поток глупой и грязной клеветы. Уже весной 1870 г. мне было известно, благо, г. Утин (русский еврейчик, всякими кривдами старающийся завоевать себе положение в этом злосчастном Женевском Интернационале) [277]) раззвонил об этом во всеуслышание, что г. Маркс написал ему конфиденциальное письмо, в котором просил собрать против меня все факты, другими словами, все басни, все обвинения, самого гнусного характера, с якобы доказательствами, добавляя при этом, что ежели оные доказательства будут правдоподобны, они использованы будут против меня на ближайшем конгрессе. Именно с той поры начали плесть пресловутую клевету, основанную на былых моих отношениях с несчастным Нечаевым, отношениях, о которых я еще не могу говорить [278]) и которые только что послужили марксистам из комиссии для расследования поводом, чтобы продиктовать марксистскому конгрессу в Гааге заранее приготовленное постановление о моем исключении.

В целях характеристики честности марксистских агентов и газет, — да будет дозволено мне рассказать еще один анекдот.

Я настолько привык к тому, что меня систематически и регулярно разоблачают чуть не в каждом номере «Volks-

staat», что обычно не утруждаю себя чтением всех тех глупостей, что они против меня измышляют. В виде исключения мои друзья указали мне на одну из них; мне кажется полезным привести ее здесь, тем более, что в ней особенно ярко выражена вся лойяльность и все прямодушие г. Маркса. Уважаемая лейпцигская газета, официальный орган германской социал-демократической партии, поставила, повидимому, своей задачей доказать, что я являюсь не кем иным, как агентом на жаловании у русского правительства. С этой целью она опубликовала целый ряд совершенно неслыханных фактов, как, например, то, что покойный мой соотечественник Александр Герцен и я, мы получали значительные субсидии от панславистского комитета, организованного в Москве под непосредственным руководством Санкт-Петербургского правительства, и что после смерти Герцена я был осчастливлен удвоенным пенсионом. Само собой разумеется, мне нечего было ответить на столь потрясающие факты.

В номере «Volksstaat» от [279])... рассказывается следующий анекдот. В 1848 г., когда Бакунин находился в Бреславле, где немецкие демократы имели глупость принять его с полным доверием, не замечая, что он занят был ведением панславистской пропаганды, — в это время кельнская «Новая Рейнская Газета», издаваемая гг. Марксом и Энгельсом, опубликовала корреспонденцию из Парижа, где говорилось, что г-жа Жорж-Занд высказалась насчет Бакунина весьма подозрительным образом, говоря, что здесь следует быть осторожным, что неизвестно ни кто он, ни чего хочет, — что он, короче говоря, личность весьма двусмысленная и т. д. и т. д. «Volksstaat» добавляет, что Бакунин ничем не ответил на столь прямо брошенное обвинение, и что, наоборот, после опубликования этой корреспонденции он исчез, именно— укрылся в России и не показывался до 1849 г., когда вынырнул в Германии, чтобы принять участие в Дрезденском восстании, само собой разумеется, в качестве провокатора.

Между тем вот каковы были факты в действительности. Гг. Маркс и Энгельс на самом деле опубликовали против меня эту *корреспонденцию*, что доказывает только, что уже тогда они питали ко мне самую нежную дружбу и исполнены были духом лойяльности и справедливости, который по-

ныне является отличительной их чертой. Я не считаю нужным перечислять здесь те факты, что вызвали тогда эти знаки их ко мне благорасположения; но вот, что, мне кажется, следует добавить, так как «Volksstaat» позабыл, или не счел нужным упомянуть об этом. В 1848 г. я был моложе, впечатлительней, а следовательно, значительно менее терпелив и равнодушен, нежели теперь; и едва прочел я сию парижскую корреспонденцию из газеты гг. Маркса и Энгельса, как поспешил обратиться с письмом к г-же Жорж-Занд, которая в те времена играла куда более значительную революционную роль, чем то кажется теперь, и к которой я питал тогда самое искреннее и самое живое восхищение.

Письмо это, в котором я спрашивал у нее объяснения приписываемым ей высказываниям на мой счет, было передано ей другом моим Адольфом Рейхелем, ныне — музыкальным директором в Берне. Г-жа Занд ответила мне очаровательным письмом, выражая мне самую искреннюю дружбу. Вместе с тем она обратилась с решительным письмом к гг. Марксу и Энгельсу, с возмущением требуя отчета в злоупотреблении ее именем в целях оклеветания друга ее Бакунина, — человека, к которому она питает столько же дружбы, сколь уважения.

Я, со своей стороны, просил друга моего, поляка Косцельского, направлявшегося по личной своей надобности в Кельн, потребовать от моего имени у гг. редакторов «Новой Рейнской Газеты» либо публичного опровержения, либо дачи мне удовлетворения с оружием в руках. Под двойным этим нажимом сии господа неожиданно стали весьма любезны и сговорчивы. Они опубликовали присланное им г-жей Занд письмо, — письмо, весьма мало льстившее их самолюбию,— и приписали несколько строк от себя, выражая свое сожаление по поводу того, что *в их отсутствие* в их газете было помещено нелепое письмо, затрагивавшее честь их «друга Бакунина», к коему они также преисполнены самой горячей дружбы и уважения. Ясно, что после подобного заявления,— которое «Volksstaat» может найти в одном из июльских или августовских номеров «Новой Рейнской Газеты» за 1848 г., равно как и в памяти гг. Маркса и Энгельса, которые, конечно, не станут от него отпираться, — мне не было надоб-

ности требовать от них какого-либо другого удовлетворения. Что же касается моего якобы бегства в Россию, то этим господам, как никому другому, известно, что я оставил Германию лишь в 1850 г., когда, после года вынужденного пребывания в Кенигштейнской крепости, меня, в оковах, перевели в Прагу, затем — в Ольмюц, а оттуда, все еще в цепях, — в 1851 г. — в Санкт-Петербург [280]).

С подлинным отвращением приходится мне вспоминать всю эту историю. Я делаю это теперь в первый и в последний раз, дабы показать, с какого рода людьми мне суждено бороться. Их ярость против меня, никогда не затронувшего их лично, больше того, никогда о них не говорившего, систематически уклонявшегося от самых ответов на их грязные поклепы, — это яростное упорство, с которым, с момента бегства моего из Сибири в 1861 г., они стараются оклеветать и очернить меня во всех своих личных письмах и во всех своих газетах, представляет собой, на мой взгляд, столь странное явление, что до сего дня я все еще не могу его осмыслить. Их выпады против меня не только безобразны и отвратительны, — они глупы. Как не понять этим господам, что, нападая на меня с таким ожесточением, они куда больше способствовали моей известности, нежели я сам; ибо все эти возмутительные басни, что они так страстно распускают на мой счет во всех концах мира, не устоят, конечно, под тяжестью собственной вздорности; мое же имя останется, и с этим именем, их же руками разнесенным по всему миру, связана будет подлинная и законная честь — быть неумолимым и непримиримым противником — не личностей этих господ, до которых мне мало дела, но авторитарных их теорий и смешных и отвратительных претензий на мировую диктатуру. И если бы имя мое стало славным, не питая никакой злости к ним за все их выпады, я должен был бы им быть глубоко признателен, ибо, силясь очернить меня, они сделали то, что никогда не было ни в помышлениях моих, ни в моем вкусе: они создали мне известность.

В марте 1870 г., опять-таки во имя Генерального Совета и за подписью всех его членов, г. Маркс выпустил против меня разоблачительный циркуляр, изданный на французском и немецком языках и адресованный местным федерациям [281]).

Только шесть-семь месяцев тому назад, узнал я об этом циркуляре, — по случаю последнего процесса гг. Либкнехта и Бебеля, — где он фигурировал и был публично зачитан в качестве обвинительного против них материала. В этом меморандуме, направленном, повидимому, исключительно против меня, и которого подробностей я не знаю и поныне, г. Маркс, между прочим, советует своим друзьям вести *подпольную работу* в Интернационале [282]); далее, касаясь меня, он, среди прочих любезностей, бросает мне обвинение в том, что я внутри Интернационала, — и явно с целью разрушить его, — организовал тайное, пагубное общество, именуемое Альянсом. Но верхом курьезности показалось мне, что в ту пору, когда я покойнейшим образом сидел в Локарно, в полном отдалении от каких бы то ни было секций Интернационала, г. Маркс обвинил меня в том, что я веду ужасную интригу, — не образец ли это того, как порой ошибается, кто мерит других на свой аршин, — интригу, которой цель — перенести Генеральный Совет из Лондона в Швейцарию, с явным намерением установить в нем мою диктатуру. Заканчивался циркуляр мудрейшим и победоноснейшим доказательством необходимости, — которая, видимо, исчезла теперь, — пребывания Генерального Совета в Лондоне, каковой город, вплоть до Гаагского конгресса, казался г. Марксу естественным центром, истинной столицей мирового капитала (la vrai capitale du commerce mondial»)[283]). Повидимому, он перестал быть ею с той поры, когда английские рабочие пошли против г. Маркса, верней, с той поры, когда они раскусили стремление его к диктатуре и уразумели слишком уж ловкие способы, которыми пользовался он, чтобы достичь ее.

Но решительная, открытая борьба между нами началась с сентября 1871 г., с эпохи знаменитой Лондонской конференции, — открытая постольку, поскольку это возможно со стороны столь правительственно-настроенных и осмотрительных людей, как г. Маркс и его приверженцы.

Крушение Франции пробудило, повидимому, пылкие надежды в душе г. Маркса, между тем как торжество г. Бисмарка, — которого в лежащем передо мной полуофициальном письме г. Энгельс, alter ego и ближайший друг г. Марк-

са, называет весьма полезным слугой социальной революции, — вызвало в нем жестокую ревность [284]). Конечно, как немец, он гордился его торжеством, и, как социал-демократ, вместе с г. Энгельсом, льстил себя надеждой, что в конечном счете эта победа прусской монархии рано или поздно превратится в победу великого республиканского народного государства с ним во главе. Лично же он был жестоко обескуражен тем, что кто-то другой, а не он, прошумел и достиг высоты.

Я обращаюсь к памяти всех, кто имел случай слышать и видеть немцев в течение 1870 и 1871 гг. Всякий, кто дал себе хоть сколько-нибудь труда проникнуть в глубину их мыслей сквозь противоречивость уклончивых их высказываний, согласится со мной, что за ничтожными исключениями не только среди радикалов, но даже среди подавляющего большинства социал-демократов, на-ряду с истинной болью за участь павшей под ударами деспота республики, было полное удовлетворение тем, что Франция низвергнута, а Германия вознесена столь высоко. Даже те из них, кто наиболее смело боролся против патриотического угара, охватившего тогда всю Германию, даже гг. Бебель и Либкнехт, заплатившие и платящие поныне своей свободой за яростный протест против прусского варварства, — во имя прав Франции, даже они проявляли несомненные признаки этого национального торжества [285]). Так, я припоминаю, что в одном из сентябрьских номеров «Volksstaat» за 1870 г. помещена была следующая фраза, — не имея перед собой газеты, я не могу ручаться теперь за точность цитаты, но смысл ее так поразил меня тогда, что я до сих пор не забыл его, не забыл ее общего тона: «Теперь, — говорилось там, — когда вследствие поражения Франции *инициатива социалистического движения перешла из рук Франции в руки Германии*, перед нами встали задачи особой важности» [286]).

В этих словах вся суть, все надежды, все тщеславие марксистов. Они серьезно верят, что военная и политическая победа, только что одержанная немцами над Францией, знаменует собой наступление поворотного этапа в истории,— этапа, начиная с которого Германия призвана играть во всех отношениях первую роль в мире, — вне всяких сом-

нений, для спасения того же мира. Франция и все прочие латинские народы *были*, славян — *еще нет*, к тому же они слишком некультурны, чтобы стать *чем-нибудь* самостоятельно, без помощи Германии; одна лишь Германия в настоящее время *есть*. Все это вызывает в немцах тройное чувство. По отношению к латинским народам, «*некогда развитым и могучим, но теперь приходящим в упадок*», они испытывают некоторого рода милосердное почтение, смешанное со снисходительностью; они вежливы с ними, верней пытаются быть вежливыми, так как вежливость не входит ни в обычаи, ни в натуру немцев. По отношению к славянам они выказывают презрение, но в этом презрении немало боязни; подлинное чувство их к ним — ненависть, ненависть угнетателя к угнетаемому, со стороны которого он опасается грозного возмущения. Наконец, по отношению к самим себе они стали исключительно самовлюбленны, самоуверенны, надменны, — что нисколько не красит их; они воображают, что составляют кое-что и кое-что могут сделать под объединяющим и *революционным* (добавил бы несомненно г. Энгельс) игом своего пангерманистского императора.

Г. Маркс тщится сделать в социалистическом мире, в среде европейского пролетариата, то же, что сделал в мире политики и буржуазии г. фон-Бисмарк, именно: заменить французскую инициативу инициативой и господством германским, а так как, по его и его учеников мнению, самой передовой германской мыслью является его собственная мысль, он решил, что пришло время ее теоретической и практической победы в Интернационале. Такова была единственная цель созванной им в сентябре 1871 г. Лондонской конференции.

Эта идея марксистов наглядно изложена в пресловутом Манифесте немецких коммунистов, изданном и опубликованном в 1848 г. гг. Марксом и Энгельсом. Это — теория освобождения пролетариата и государственной организации труда.

На Гаагском конгрессе, насколько мне известно, г. Энгельс, встревоженный тем отвратительным впечатлением, какое произвело чтение нескольких страниц манифеста, поспешил заявить, что Манифест является устаревшим документом, теорией, оставленной даже ее авторами. Если он

сказал так, это было неискренне, ибо перед самым конгрессом марксисты старались распространить этот документ во всех странах.

Помимо того он буквально воспроизведен во всех своих главных чертах в программе социал-демократической партии немецких рабочих. Основной момент, который нашел себе место также и в Манифесте, изданном г. Марксом в 1864 году от имени временного Генерального Совета, и который был вычеркнут из программы Интернационала Женевским конгрессом 1866 года — это *завоевание политической власти рабочим классом.*

Понятно, столь незаменимые люди, как гг. Маркс и Энгельс, не могут не быть поборниками программы, которая, освящая и превознося политическую власть, открывает широкую дорогу честолюбиям. Если будет политическая власть, необходимо будут и подданные, — правда, на республиканский манер преображенные в граждан, но все же подданные, которые, как таковые, принуждены будут повиноваться, ибо без повиновения немыслима никакая власть. Мне скажут, что они будут повиноваться не людям, но ими же установленным законам. Я отвечу на это, что всякий знает, как создает законы народ даже в наиболее демократических, наиболее свободных, но политически управляемых странах, и что означает его повиновение этим законам. Всякий, кто не склонен принимать видимость за чистую монету, признает, что, даже в этих странах, народ повинуется не законам, действительно им создаваемым, но законам, созданным от его имени, и что повиновение этим законам для него значит только одно, — подчинение произволу того или другого правящего и руководящего меньшинства или, что то же, свободное рабство.

Есть в этой программе еще один момент, который нам, анархистам-революционерам, стремящимся к полному освобождению народа, глубоко антипатичен, — это определение пролетариата, мира трудящихся, как *класса*, а не как *массы*.

Известно ли вам, что это означает? Не более, не менее, как новую аристократию, аристократию фабрик и городов, куда не войдут те миллионы, что составляет пролетариат деревень, — те миллионы, что, по предвидениям господ

немецких социал-демократов, и будут играть роль подданных в их великом, так сказать, народном государстве. *Класс, власть, государство* — эти три термина неразделимы; каждый из них необходимо предполагает наличие двух остальных, все вместе они определяются следующими словами: *политическое порабощение и экономическая эксплоатация масс.*

Марксисты считают, что, подобно тому как в прошлом столетии класс буржуазии низверг класс дворянства, чтобы занять его место и понемногу поглотить его, вместе с ним господствуя и эксплоатируя трудящихся города и деревни,— городской пролетариат призван теперь свергнуть класс буржуазии, поглотить его и разделить с ним эксплоатацию сельского пролетариата, этого пария истории, с тем чтобы потом последний восстал и уничтожил все классы, всякое господство, одним словом, всякое государство.

Нельзя сказать, чтобы они совершенно отвергали нашу программу. Они упрекают нас только в том, что мы хотим поспешить, опередить медленный ход истории, пренебречь позитивным законом последовательных эволюций. Подобно тому, как с чисто немецкой смелостью заявляли они в своих работах, посвященных философическому анализу прошлого, что кровавое поражение восставших немецких крестьян и торжество деспотических государств в XVI веке сильно способствовало революционному прогрессу, — сейчас они с такой же смелостью удовлетворяются установлением нового деспотизма, якобы в интересах рабочих города и в ущерб интересам сельских работников.

Все тот же немецкий темперамент и та же логика ведут их прямым, фатальным путем к тому, что мы называем *буржуазным социализмом*, и к заключению нового политического пакта между радикальной, или вынужденной стать радикальной, буржуазией и *интеллигентным*, уважаемым, т. е. должным образом *обуржуазившимся*, меньшинством городского пролетариата, — в ущерб интересам широких масс не только деревенского, но и городского пролетариата.

Таков истинный смысл рабочих кандидатур в парламентах существующих государств, и таков смысл завоевания политической власти рабочим классом. Ибо, даже с точки зрения того же городского пролетариата, в исключительных инте-

ресах которого хотят захватить политическую власть, — разве не ясно, что народный характер этой власти будет не чем иным, как фикцией?

Очевидной невозможностью будет, чтобы несколько сотен, или даже несколько десятков тысяч, — что я говорю, — даже всего только несколько тысяч людей могли действительно осуществлять эту власть. В силу необходимости, они вынуждены будут осуществлять ее через своих уполномоченных, т. е. вынуждены будут доверить ее группе людей, ими же выбранных в качестве представителей и правителей; это будет означать — неизбежный возврат к лжи и рабству репрезентативного или буржуазного режима. После краткой свободы, либо после пиршества революции, граждане нового государства, — они проснутся рабами, игрушками и жертвами новых честолюбцев.

Нетрудно понять, как и почему ловкие политики с такой страстностью хватаются за программу, открывающую перед их честолюбием столь широкие горизонты; но понять, как могут серьезные рабочие, в чьей груди живым огнем горит чувство солидарности с товарищами по рабству и нищете во всем мире, рабочие, стремящиеся к тому, чтобы освободиться не в ущерб всем, но путем освобождения всех, дабы пользоваться свободой вместе со всеми, а не стать в свою очередь тиранами, — как честные рабочие могут увлечься подобной программой,—вот что действительно трудно понять.

Все же я твердо верю, что немного лет пройдет, и сами же рабочие Германии, уяснив себе фатальные последствия теории, которая может быть по душе лишь честолюбию буржуазных их вождей, либо тех немногих рабочих, что стараются, взобравшись на плечи других, стать в свою очередь господствующими и эксплоатирующими буржуа, — сами же рабочие Германии отвергнут ее с презрением и с гневом,— и с тою же страстью, с какой это делают теперь рабочие великих южных стран, Франции, Испании, Италии, так же как голландские и бельгийские рабочие, примут истинную программу рабочего освобождения, — программу разрушения государств.

В ожидании этого, мы признаем за ними полное право итти по тому пути, по какому им заблагорассудится, с тем

чтобы и нам была предоставлена та же свобода. Мы признаем даже возможность того, что их обязывает избрать именно этот путь вся их история, особая их натура, состояние их цивилизации и все их настоящее положение. Пусть, если им это угодно, немецкие, американские и английские рабочие стремятся завоевать политическую власть. Но пусть позволят они рабочим других стран с такой же энергией итти к разрушению какой бы то ни было политической власти. Свобода для всех и взаимное уважение этой свободы — таковы основные условия международной солидарности.

Но г. Маркс, очевидно, не ищет этой солидарности, ибо он отказывается признать эту свободу. Чтобы подкрепить свой отказ, он имеет специальную теорию, которая, впрочем, является лишь логическим выводом из всей его системы.

Политическое состояние всякой страны, говорит он, есть всегда продукт и верное выражение ее экономического положения; чтобы изменить первое — надо только изменить последнее. В этом, по г. Марксу, весь секрет исторических эволюций. Он нисколько не принимает в расчет других элементов истории, таких, как самоочевидное воздействие политических, юридических и религиозных институтов на экономическое положение. Он говорит: «Нищета порождает политическое рабство, государство»; но он не позволяет прочесть фразу обратно и сказать: «Политическое рабство, государство, в свою очередь, порождает и поддерживает нищету, как необходимое условие своего существования; так что, дабы уничтожить нищету, надобно уничтожить государство». И, странное дело, он, запрещающий своим противникам схватиться с политическим рабством, с государством, как с *действенной* причиной нужды, — он предлагает своим друзьям и ученикам из немецкой социал-демократической партии рассматривать завоевание власти и политических свобод как предварительное, абсолютно необходимое условие экономической эмансипации.

Точно так же пренебрегает г. Маркс еще одним крайне важным элементом в историческом развитии человечества, именно: темпераментом и особенностями в характере всякой расы и всякой народности, темпераментом и характером,

которые, конечно, сами по себе являются продуктом множества этнографических, климатических, экономических, так же как и исторических причин, но которые, будучи однажды даны, оказывают, часто помимо и вне зависимости от экономических условий, существенное влияние на судьбы страны и даже на развитие экономических ее сил.

Среди этих, так сказать естественных, элементов и особенностей есть одна, которой действие имеет положительно решающее значение в истории каждого отдельного народа, — это интенсивность инстинкта мятежа и, тем самым, свободы, которым он одарен или который он сохранил. Этот инстинкт — явление вполне первичное, животное; в той или иной степени он присущ всякому живому существу, и энергия, жизненная сила этого существа измеряется его интенсивностью. У человека, наряду с экономическими нуждами, он является наиболее мощным фактором во всех освободительных движениях. А так как инстинкт этот зависит от темперамента, а не от степени моральной и интеллектуальной культуры, хотя он обычно и воздействует на последнюю, — случается порой, что цивилизованные народы обладают им лишь в слабой степени, — потому ли, что он иссяк в течение предшествовавшего их развития, потому ли, что самый характер их цивилизации заглушил его, потому ли, наконец, что с первых же шагов их исторической жизни они были слабее одарены им, нежели другие народности.

В предыдущей моей работе [1]) я пытался доказать, что именно в таком положении находится германская нация. Она обладает целым рядом других существенных качеств, благодаря которым достойна всякого уважения: она трудолюбива, экономна, разумна, прилежна, осмотрительна, просвещенна; это — великая резонерка, приверженная иерархической дисциплине и одаренная значительной силой экспансии; мало привязанные к собственной стране, немцы отправляются повсюду в поисках средств к существованию, и, как я уже отмечал, легко, если не всегда удачно, воспринимают нравы и обычаи чужих стран, где живут. Но, не-

[1]) *Кнуто-германская империя*, которой опубликована мною первая часть и которой продолжение я собираюсь выпустить в ближайшее время. (Примечание Бакунина.)

смотря на все эти неоспоримые достоинства, им не хватает свободолюбия, инстинкта мятежа. Это — наиболее безропотный и послушный народ в мире. К этому присоединяется еще один крупный недостаток, — дух стяжания, медленного и систематического овладения и господства, — что, особенно в данное время, ставит под серьезную угрозу освобождение мира.

Такова была в прошлом, такова и теперь Германия дворянства и буржуазии. Может ли германский пролетариат, вековая жертва последних, может ли он стать солидарным духу завоеваний, царящему ныне в верхах этой нации? На деле, конечно, нет. Ибо народ-завоеватель в силу необходимости бывает порабощен, и рабом является — народ. Победа всецело противоречит его интересам и его свободе. Но он солидарен с захватчиками в своем воображении, и будет солидарен, покуда не поймет, что то пангерманское, республиканское и якобы народное государство, которое сулят ему в более или менее близком будущем, — если оно когда-нибудь и воплотится в жизнь, будет не чем иным, как новою формой самого сурового рабства для него же, для пролетариата.

Во всяком случае, до настоящего времени он, повидимому, не понял этого, и никто из его вождей, из ораторов, никто из публицистов не потрудился покуда разъяснить ему это. Наоборот, все силятся увлечь его на путь, где ему не снискать ничего, кроме ненависти со стороны всего мира и собственного порабощения; и доколе будет он, подчиняясь своим руководителям, следовать за страшным миражем народного государства, — ему не взять в свои руки инициативы в деле социальной революции. Эта революция придет к нему со стороны, — вероятно, с юга, — и тогда, зараженный мировым мятежом, он разнуздает народные страсти и одним ударом опрокинет господство тиранов своих и так называемых освободителей.

Размышления г. Маркса приводят к выводам прямо противоположным. Принимая в соображение одни лишь экономические условия, он утверждает, что наиболее передовыми и, следовательно, наиболее способными совершить социальную революцию странами являются те, в которых современ-

ное капиталистическое производство достигло самой высокой ступени своего развития. Только они, не в пример всем прочим, являются цивилизованными странами, только они призваны поднять и повести эту революцию. Эта революция будет заключаться в экспроприации, — то постепенной, то стремительной (violente), в экспроприации имеющихся собственников и капиталистов и в присвоении всех земель и капиталов государством, которое, дабы справиться с великой своей экономической и политической миссией, обязательно должно будет быть мощным и в сильнейшей степени концентрированным. Государство будет управлять и руководить обработкой земли при помощи назначаемых им инженеров и командующих армиями сельских рабочих, организованных и дисциплинированных для этой работы. В то же время, на развалинах существующих банков, государство воздвигнет единый банк, который будет финансировать весь национальный труд и национальную торговлю.

На первый взгляд столь, казалось бы, нехитрый план организации может соблазнить воображение более жадных до справедливости и равенства, чем до свободы, рабочих, — тех, кто безрассудно полагает, что справедливость и равенство могут существовать без свободы, — как будто завоевание и укрепление справедливости и равенства можно поручить другим, и особенно правящим, сколько бы ни твердили они, что избраны и контролируются народом. В действительности для пролетариата это означало бы режим казармы, где масса обезличенных рабочих и работниц пробуждалась бы, засыпала, работала и жила под бой барабана; для ученых и ловкачей это означало бы привилегию господства. А для евреев, влекомых огромностью международных сделок национальных банков,—широчайшее поле для доходных афер.

Во внутренних отношениях рабство, во внешних — бесконечная война, — если только все народы «низших» рас, латинской и славянской, — латинской, уставшей от буржуазной цивилизации, славянской, почти не испытавшей ее и презирающей ее инстинктивно, — не откажутся подчиниться игу прежде всего буржуазной нации и игу государства, называющего себя народным и потому более деспотического.

Социальная революция в том виде, в каком ее представляют себе, какой желают и на какую надеются латинские и славянские рабочие, — бесконечно шире той, которая обещана им немецкой, или марксистской, программой. У них речь идет не о мелочно-расчисленном освобождении рабочего класса, осуществимом лишь в течение очень долгих сроков, но о полной и реальной эмансипации всего пролетариата, не только в отдельных странах, но у всех народов, как цивилизованных, так и нецивилизованных, — ибо новая, действительно народная цивилизация будет создана самим фактом этой всемирной эмансипации. И первым словом этой эмансипации будет *свобода*, не та политическая, буржуазная свобода, что провозглашается и восхваляется г. Марксом и иже с ним, как первый шаг к победе, но *великая свобода человечества*, свобода, которая, разбив все догматические, метафизические, политические и юридические оковы, ныне гнетущие мир, даст всему миру, — как сообществам, так и отдельным лицам, — полную автономию движения и развития, раз навсегда освободив их от всякого рода надзирателей, управителей и опекунов.

Вторым словом этой эмансипации будет *солидарность*. Не марксистская солидарность, организованная сверху вниз каким-либо правительством и предложенная, хитростью или силой, народным массам; не та солидарность всех, что является отрицанием свободы каждого в отдельности, и тем самым становится ложью, фикцией, не та солидарность, которой оборотная сторона — рабство, но солидарность, которая является утверждением и осуществлением всякой свободы, которая проистекает не из какого-либо политического узаконения, но из самой коллективной природы человека, солидарность, смысл которой в том, что ни один человек не свободен, покуда не свободны все окружающие его, все оказывающие малейшее, прямое ли, косвенное ли, влияние на его жизнь. Эта истина прекрасно выражена в «Декларации прав человека», обнародованной Робеспьером, где говорится, что *рабство последнего из людей есть рабство всего человечества*.

Солидарность, которой мы ищем, ни в какой мере не являясь результатом какой бы то ни было искусственной

или авторитарной организации, может возникнуть лишь как самопроизвольный продукт социальной жизни, как экономической, так и моральной, как результат свободной совокупности общих интересов, чаяний и стремлений. Главными устоями ее является *равенство, коллективный труд*, обязательный для всех не в силу законов, но в силу самого хода вещей, *и коллективная собственность*; путеводной звездой — *опыт*, т. е. практика коллективной жизни, и *наука*; конечная ее цель — *устроение человечества*, следовательно, разрушение всех государств.

Вот идеал, не божественный, не метафизический, но человечный и *практический*[1]) идеал, единственный, удовлетворяющий чаяния латинских и славянских народов. Они хотят полной свободы, полного единения, полного равенства; одним словом, они хотят одной лишь человечности, и они не согласятся на меньшее даже в виде чего-

[1]) Практический в том смысле, что осуществление его будет куда легче, нежели осуществление марксистского идеала, который, не говоря уже о жалких его целях, представляет еще то серьезное неудобство, что он совершенно неприложим к жизни. Не впервые люди, провозглашающие *практические* и *возможные* вещи, будут в будущем названы утопистами, а те, кого теперь принимают за утопистов, завтра названы будут практическими людьми. Нелепость марксистской системы состоит именно в надежде на то, что, обкарнав свыше всякой меры социалистическую программу, дабы она принята была радикальной частью буржуазии, удастся сделать из этой части буржуазии невольного бессознательного пособника социальной революции. В этом кроется серьезная ошибка; весь исторический опыт показывает нам, что союз, заключенный между двумя различными партиями, всегда оказывается на пользу партии более ретроградной; подобный союз неминуемо ослабляет более передовую партию, урезывая и подменяя ее программу, подрывая моральную ее силу и веру в самое себя. Между тем, чем больше лжет ретроградская партия, тем тверже она стоит на своем истинном пути.

Пример Мадзини, который, несмотря на свою строгую революционность, всю жизнь провел в сношениях с монархией и все же, при всей своей одаренности, кончил тем, что был одурачен ею, — этот пример должен стоять перед нами. Что касается меня, я твердо уверен в том, что все эти заигрывания марксистов с радикализмом буржуазии, с реформизмом ли, с революционностью ли ее могут повести лишь к одному, — к дезорганизации нарождающегося могущества пролетариата и, следовательно, к дальнейшей консолидации существующей буржуазной власти. (Примечание М. Бакунина).

либо временного и переходного. Марксисты назовут их стремления безумием, не в первый раз им выслушивать подобные упреки; ни разу это не заставило их сойти со своего пути; ни разу не променяли они великолепия этой цели на буржуазное убожество марксистского социализма.

Восстание коммунаров в Париже возвестило социальную революцию. Значение этой революции не в тех более чем слабых попытках, которые сделаны были ею, поскольку позволено то было временем и возможностями; ее значение — в поднятых ею вопросах, в том ясном свете, который бросила она на истинную природу и цель революции, в надеждах, которые она везде пробудила и тем самым — в могучем волнении, вызванном ею в народных массах всех стран, и особенно в Италии, где народное возмущение началось именно с момента Парижского восстания, прошедшего под знаком протеста Коммуны и рабочих ассоциаций против Государства. Это восстание разом поставило Францию на свое место, и столица мировой революции, Париж, снова взяла в свои руки инициативу из-под носа и из-под пушек бисмаркизованных немцев.

Результат был настолько потрясающ, что сами же марксисты, все положения которых были опрокинуты этим восстанием, принуждены были обнажить перед ним голову. Они пошли дальше: наперекор простейшей логике и истинным своим чувствам, они объявили, что программа и цель этого восстания — их программа и их цель. Это — поистине чудесное превращение, но превращение вынужденное. Им пришлось пойти на это, дабы не бросили и не покинули их все, — столь сильно было волнение, вызванное этой революцией во всем мире.

Все же, нужно преклоняться перед отвагой и ловкостью г. Маркса, который два месяца спустя возымел смелость созвать конференцию Интернационала в Лондоне, с тем чтобы изложить там свою жалкую программу. Эта смелость, впрочем, объясняется двумя моментами. Прежде всего народный Париж пал, и во всей Франции, за весьма немногими исключениями, было мгновенно водворено молчание. Кроме того преобладающее большинство французских представителей, прибывших в Лондон, составляли бланкисты, —

мне кажется, я достаточно ясно изложил причины, побудившие бланкистов искать союза с г. Марксом, который вместо того, чтобы встретить противников в этих авторитарных представителях Парижской Коммуны в Лондоне, нашел в них в то время сильную поддержку.

Наконец известно, как была сработана эта конференция; она составлена была из близких г. Марксу людей, тщательно им отобранных и еще нескольких одураченных лиц. Конференция голосовала за все, что он счел нужным ей предложить, и марксистская программа, превратившись в официальную истину, была принята, как обязательная для всего Интернационала.

Но с того момента, как в Интернационале появилась официальная истина, появилась надобность и в правительстве, которое бы о ней пеклось. Таково было второе предложение г. Маркса; оно было принято, как и первое. С этого времени Интернационал был прикован к мысли и воле немецкого диктатора. Ему дано было право цензуры надо всеми газетами и всеми секциями Интернационала. Признана была необходимость секретной переписки между Генеральным Советом и всеми местными совстами, кроме того, ему было дано право посылать тайных агентов во все страны, дабы вести там интриги в его пользу и сеять дезорганизацию, — к вящшей чести г. Маркса; одним словом, он был облачен в полной степени тайною властью.

Чтобы обеспечить себе спокойное пользование ею, г. Маркс нашел нужным прибегнуть еще к одной мере. Ему нужно было во что бы то ни стало погубить в общественном мнении противников его диктатуры, и он оказал мне честь, уготовав мне первое место в их числе. Вследствие этого, он принял геройское решение изничтожить меня. С этой целью он вызвал из Женевы своего маленького ставленника и соотечественника [287]) г. Утина, который не снабжен был никакими официальными поручениями и, повидимому, приехал в Лондон со специальной целью выдвинуть против меня, перед лицом всей конференции всякого рода ужасы и бесчестья. Я не знаю еще, о чем он говорил, но я сужу об этом по следующему факту. Гражданин Ансельмо Лоренцо Асприльо, делегат испанской федерации, по воз-

вращении в Испанию, отвечая на вопрос кое-кого из моих друзей, написал следующее:

«Если Утин говорил правду, Бакунин должен быть подлецом; если лгал, то сам он — подлый клеветник».

Заметьте к тому же, что все это имело место совершенно без моего ведома, и что узнал я об этом лишь по ответу г. Лоренцо Асприльо, ответу, который был передан мне только в апреле или мае месяце.

Наконец, циркуляр Генерального Совета [288]), превращенного таким образом в официальное правительство, поставил изумленный Интернационал перед совершившимся coup d'Etat.

Я полагаю, г. Маркс, опьяненный своим триумфом, — слишком легким, чтобы быть прочным, — и диктаторской властью, которой его облекли, зашел в своем ослеплении так далеко, что не подозревает о страшной буре, которую должен был вызвать в независимых сёкциях Интернационала проделанный им coup d'Etat. Честь первого мятежа принадлежит Юрской федерации...

(Рукопись обрывается.)

XVII.

Статья М. Бакунина „Интриги г-на Утина".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Впервые рукопись эта, написание которой относится к августу 1871 г., была опубликована в 1925 году в январском номере журнала «Голос Труженика», издающегося в Чикаго. Рукопись эта была предоставлена журналу Максом Неттлау и воспроизведена, как сообщает редакция, с сохранением всех грамматических и стилистических особенностей оригинала, но по новой орфографии. Написан оригинал по-русски. Так как подлинная рукопись находится в личном архиве М. Неттлау и оказывается для нас недоступной, мы воспроизводим статью в таком виде, как она напечатана в американском журнале.

Статья эта принадлежит к той серии задуманных, но не выполненных обличительных произведений Бакунина, которыми он намеревался «покончить» со своими противниками. Но, подобно тому, как это не однажды случалось с другими его аналогичными намерениями, статья по поводу интриг г. Утина осталась не оконченной. Начав писать специально об Утине, Бакунин, по обыкновению своему, увлекся экскурсией в область теоретических рассуждений о воле и воспитании, о личности и обществе, о свободной мысли и о том, может ли человек сохранить свою нравственность в безнравственных условиях и т. п.

Эти соображения, к сожалению, оборванные буквально на полуслове, придают интерес этой неоконченной работе, хотя она и не дает ничего нового по сравнению с другими писаниями Бакунина. В смысле полемических красот она также ничего не прибавляет к тому, что имеется в письме в газету «Reveil», которое написано в более резких тонах.

То обстоятельство, что полемические произведения Бакунина всегда фатально оставались незаконченными, дает основание предполагать, что в глазах самого Бакунина эти произведения, вероятно, теряли свою силу, лишь только изливалось на бумагу негодование, которое заставляло Бакунина браться за перо.

Вяч. П.

Интриги г-на Утина.

Чрезвычайно неприятно говорить о личных делах. Еще неприятнее распространяться о проделках маленького господина, который только из того и бьется, чтоб о нем говорили, но вся личность которого не стоит траты слов. Есть люди, однако, которые, при всей микроскопичности сил, ума и других достоинств своих, одарены одною громадною способностью — способностью обратить на себя невольное внимание всякого, имевшего несчастье встретиться с ними.

Эти люди похожи на комаров. Комар — животное не большое и не сильное, но зато в высшей степени несносное. Одним жужжанием своим он может вывести из терпения человека самого равнодушного и терпеливого. К тому же природа одарила его жалом, правда микроскопическим, но наполненным яда, и он щекочет вас им, жужжа в ваших ушах свою вызывающую песнь победы, до тех пор пока, выведенные из терпения, вы его не прихлопнете.

Вот уже более года, как г-н Утин привязался ко мне как комар. Пора же и мне поступить с ним, как с комаром поступают.

* * *

В первый раз встретился я с г-м Утиным в Лондоне в октябре 1863 года. До тех пор самое существование его было мне неизвестно. Огарев представил мне его как одного из бежавших членов комитета общества «*Земли и Воли*», что, впрочем, не могло его возвысить в моих глазах, так как этот комитет, по свидетельству нашего покойного друга Потебни, состоял *большею частью* из мальчиков, игравших в революцию и в тайные общества [289]).

Двухчасового разговора с г-ном Утиным было достаточно, чтоб убедить меня, что он принадлежал не к серьезным членам этого комитета. Маленький господин с большими претензиями — вот все впечатление, вынесенное мною из первой встречи. Впрочем, впечатление это было так слабо, что в продолжение четырех лет, проведенных мною потом в Италии (от начала 1864 до сентября 1867 года), я успел забыть совершенно черты его лица и, вероятно, позабыл бы самое имя его, если б время от времени до меня не доходили смутные слухи о скандалезной войне, поднятой г-м Утиным против А. И. Герцена.

Во второй раз встретился я с ним в сентябре 1867 года в Женеве, на первом конгрессе *Лиги Мира и Свободы*. В этот раз он произвел на меня самое странное впечатление — впечатление тщеславно-беспокойного жидка, лезущего из кожи для того, чтоб сделать себя во что бы то ни стало и каким бы то ни было средством известным. Первым словом его было: «*Я объявляю всем, что я партизан Бакунина, а не Герцена*». И в самом деле несколько французских членов конгресса, обратились ко мне с вопросом: «ce que c'est donc que ce Monsieur, qui vient declarer à tout le monde qu'il est votre partisan et non celui de Herzen?» [290]). Я должен был признаться, что я этого господина совсем или почти совсем не знал, не знал, откуда и за что мне сия благодать.

После конгресса г-н Утин снова куда-то исчез. Я поселился подле Vevey у Н. И. Жуковского. Жуковский задумал и предложил мне издавать вместе с ним русский журнал. Он страстно предался этому предприятию. Не было денег, он достал денег: один русский знакомый, которого я назову г-н X, дал ему тысячу рублей на издание журнала.

Признаюсь, что я долго не поддавался на предложение Жуковского. Я был исключительно занят интернациональною пропагандою, боялся, что издание русского журнала возьмет у меня слишком много времени; к тому ж с Россиею не имел более никаких сообщений, а с другой стороны, наученный опытом А. И. Герцена, опасался слишком близкого соприкосновения с русскою эмиграционною грязью, в которой злостно-клеветливое празднословие и сплетня

заступают место великого дела. Однако горячее упорство Жуковского победило мою неохоту. Мы решились издавать вместе *«Народное Дело»*.

В это время, т. е. около конца зимы 1868 года, появился вновь г-н Утин, и на этот раз в продолжение нескольких месяцев, прожитых вместе, я успел узнать его досконально.

Прежде всего поразили меня его драматизм, фразерство, а потом его непроходимая бестолковость. Редко я встречал в человеке такое отсутствие простоты в мысли, в чувстве, в слове и в деле. Вечно преследуемый мыслью о самом себе, этот несчастный человек в самых обыденных поступках, в малейших проявлениях своей страдальчески-исковерканной личности, силится доказать себя и себе, и другим. Он не умеет ни есть ни пить просто; не может позабыть ни на одну минуту, что он страшный революционер и конспиратор, неумолимый террорист и, вместе с тем, человек, обрекший себя на великий подвиг и на высокую жертву, на мучение, на верную гибель для спасения человечества вообще и России в особенности. Эта фраза, перешедшая в него вероятно, вместе с восточною кровью, воплотилась во всем его существе. Она делает его в одно и то же время беспрестанным мучеником и комедиантом и — увы — неутомимым интриганом.

Вечное позирование, рисование и становление себя на подмостки, тщеславные и пустозвонно-великодушные речи, одним словом весь этот выспренний и комический драматизм маленького человека, тщетно силящегося сделаться чем-нибудь, действует отталкивающим образом на всякого серьезного человека, особенно на мужчин; но зато нередко производит действие обаятельное на женщин, ищущих впечатлений и содержания. Вот почему у г-на Утина приверженцев немного, но зато есть с полдюжины поклонниц, принимающих его мишуру за чистое золото и приносящих ему немалую пользу. Посредством их распространяет он свои клеветы, расставляя сети свои, ловит новых людей и сооружает себе пьедесталик.

Чтоб убедиться в умственной несостоятельности г-на Утина, довольно прочесть несколько нумеров издаваемого им *«Народного Дела»*, начиная от второго. В первом номере

он не участвовал, я имел терпенье прочесть их все, от доски до доски, и пусть убьют меня, если я в состоянии передать то, что в них сказано. Редкая способность наговорить множество слов, более или менее красивых и звонких, и не высказать ни одной мысли. Цель у этого несчастного журнала повидимому, только одна: поведать миру, что революция есть революция и что г-н Утин пророк ее! Недаром покойный Серно-Соловьевич сказал мне, незадолго перед своею смертью, в присутствии нескольких женевских интернационалов: «*Утин своими отвратительными революционными фразами заставил меня возненавидеть самое слово революция*» [1]).

Все статьи в «*Народном Деле*» написаны почти исключительно г-ном Утиным и свидетельствуют, правда, о его неутомимой, но вместе с тем и совершенно бесплодной работе. Каждую статью этого журнала можно сравнить с щегольским, разумеется, всегда *красивым* футляром без всякого содержимого. Есть смутные, недодуманные представления о всевозможных предметах. Видно, что г-н Утин многое слышал, читал и ничего не понял. Представления его перепутаны самым комическим образом, друг с другом как-то не вяжутся и большею частию уничтожают друг друга, так что на той же самой странице вы найдете и положение и опровержение его, и последний результат каждой статьи оказывается почти всегда равным нулю; а над всею вереницею ненужных слов парит торжествующее «*Мы*» потомка царя Давида, не могущего ни нарадоваться на себя, ни наговориться о себе досыта. Литературное хвастовство г-на Утина разве может быть сравнено только с его хвастовством житейским. Оно доходит до уморительного пафоса: «*Когда Мы сложим свои головы*» (а головы всегда остаются пусты и целы); «*Мы докажем в будущем номере*» (а ведь никогда ничего не докажут); «*Мы напишем такую историю, какой еще никогда не было*»... и т. д. Одним словом

[1]) Замечательно, что в надгробной речи, произнесенной им в память Серно-Соловьевича, г-н Утин дерзнул назвать Серно-Соловьевича *своим другом*. Такова правдивость г-на Утина! Та же самая правдивость заставляет его теперь уверять родственников А. И. Герцена, что он всегда был его почитателем. (Примечание Бакунина.)

в этих статьях весь г-н Утин. Он не пожалел себя, не скупился собой, дал свое лучшее, и это лучшее оказалось ни к чему не пригодным.

А ведь нельзя сказать, чтоб г-н Утин не трудился серьезно, чтоб он легкомысленно приступал к делу. Напротив, я мало встречал русских людей, трудящихся, как трудится он. Он мученик, он страдалец, он Тредьяковский в изучении вопросов политических и социальных. Вечно обложенный книгами, как старая дева пластырями и шпанскими мушками, он роется в них с утра до вечера, ищет в них фактов, которые старается заучить наизусть. Но это множество самых разнородных фактов, которыми он старается наполнить свою бедную голову, не только не обогащают, напротив, окончательно добивают ее. Он одарен замечательною неспособностью мыслить, понимать, схватывать сущность, настоящий характер предмета. Голова его так устроена, что каждый факт остается в ней разрозненным, бесплодным, сухим фактом, не способным породить соответствующую ему мысль, и потому не способным сгруппироваться с другими однородными фактами в стройную логическую систему. Факты связаны в его голове только памятью, и лишь только он хочет употребить их на дело, доказать ими что бы то ни было, они уничтожают друг друга. В этом состоит трогательная, трагическая сторона его истинно мученических умственных усилий, — сторона, объясняющая и извиняющая очень многое. Он бежит за мыслью, а мысль бежит от него и никогда ему не дается. Мудрено ли, что истомленный и доведенный до отчаяния вечною неудачею, пораженный глубоким равнодушием публики к самым усиленным произведениям его головы и пера, он бросил служение делу и стал искать значения, силы и славы в интриге?

Впрочем, если никакой предмет ему не дается, то причины этому должно искать не в одной только умственной неспособности, но также и в существенном нравственном недостатке. Предмет дается только тому, кто сам отдается ему и умеет забыть себя в нем совершенно; кто, отказавшись от личных любимых фантазий и от личного произвола и отложив в сторону все собственные, частные интересы, материальные, честолюбивые и тщеславные, ищет в пред-

мете только присущей ему логики, мысли. — Ну, к этому самозабвению в предмете г-н Утин всего менее способен. Приступая к какому бы то ни было общему вопросу, он задается прежде всего следующим совершенно личным вопросом: «Какое место займу *я* в нем? Как должен *я* к нему относиться, в видах моего честолюбия и славолюбия?»

Такое яростно-личное отношение ко всякому вопросу и делу, сопряженное с совершенною теоретическою несостоятельностью, должно, разумеется, породить много нелепостей, а также и гадостей.

* * *

Со времени приезда г-на Утина в Vevey, я сделался ежедневным свидетелем горячих споров между ним и Н. И. Жуковским. Жуковский стоял за народ и за жизнь. Г-н Утин отстаивал против него диктатуру университетской, более или менее доктринерно-настроенной молодежи и верховное право отвлеченной, вненародной и к народному *варварству и невежеству* аристократически относящейся науки. Жуковский отнюдь не отвергал науки; напротив, он был всегда убежден в необходимости ее для очеловечения человека. Он думал только, и по-моему совершенно справедливо, что наука не последняя цель, а вместе с практическим делом, которое становится тем успешнее и тем шире, чем более оно руководится научным знанием, должна быть одним из главных средств для жизни; и что жизнь для человека, так же как и для животного, — для человека, разумеется, жизнь человеческая, т. е. обнимающая полноту развития и удовлетворения всех его способностей и потребностей, а следовательно, также и потребность знания, науки,— все-таки составляет последнюю цель общества и всякого человека. Как последовательный материалист, реалист и социалист, он думал, вместе с Аристотелем и Прудоном, что на первом череду стоит вопрос об удовлетворении материальных потребностей и вещественных условий человеческой жизни, и что удовлетворение потребностей идеальных должно быть плодом, результатом а не основанием и не причиною удовлетворения первых; что, одним словом, вопрос о хлебе насущном стоит теперь

впереди, а что за ним следует вопрос о науке — и в этом я был с ним совершенно согласен. В этом ведь состоит вся суть нынешнего, практического, народного *социализма*, в противоположность народо-эксплоатирующей политике.

Между тем Жуковский знал очень хорошо, что при нынешних условиях цивилизации насущный хлеб и материальное благосостояние народа обусловливаются наукою, что прокормление и экономическое благоустройство миллионов невозможно без применения науки к жизни и к общественному делу. Но тут рождался вопрос: каким образом наука приступит к народу?

Путем ли вольной пропаганды, лишенной всякого официального или государственного авторитета; посредством народных школ, основанных и содержимых самим же народом, освобожденным от всякой власти, от всякой верховной опеки? Или посредством государственной власти, перешедшей путем счастливой *политической* революции из настоящих самодержавных рук в *чистые* руки революционной, образованной молодежи? Жуковский стоял за первый путь, г-н Утин, разумеется, за второй.

Жуковский, так же как и я, ненавидит всякую власть и думает, что самому лучшему человеку достаточно стать человеком власть имеющим или политически-могущим для того, чтобы превратиться рано или поздно в каналью, в эксплоататора народного благоденствия, в утеснителя народной свободы.

В самом деле, власть, всякая власть, равно как и всякая привилегия, всякое установившееся общественное преимущество заключает в себе начало зловредное и столь могущественно развращающее, что никакая личность, как бы крепка она ни была в умственном и нравственном отношении, не в силах устоять долгое время против вытекающей из него порчи, — начало *постоянного общественного поощрения личному эгоизму*, превозвышению, тщеславию, самоволью, деспотизму, честолюбию и корыстолюбию, одним словом, всем мерзким страстям, которыми человеческая природа так богата, и которые, помимо личного произвола, личных добродетелей или личных пороков людей, облеченных привилегиями или властью, становится *непре-*

менными результатами того исключительного положения, в которое эти люди поставлены.

Таков общий закон, закон, не допускающий ни малейшего исключения. Возьмите самых самоотверженных и чистых людей, известных в истории или воображаемых ею, возьмите, например, Христа и Сократа и представьте себе, что они были бы королями, министрами, воеводами, чиновниками или говоря вообще, какими бы то ни было *начальниками*. Я говорю не обинуясь, что они в таком случае сделались бы непременно более или менее скотами: притеснителями, эксплоататорами, душегубами. Ведь они стали, один Христом, а другой Сократом, только потому, что они были не начальниками, а жертвами начальства. Этот вопрос так важен, что я прошу позволения забыть г-на Утина на короткое время, для того, чтобы выяснить его лучше, т. е. вопрос, а вместе с вопросом, пожалуй, и г-на Утина. На разрешении этого вопроса зиждется вся *анархическая теория безвластия*.

Вопрос этот подразделяется на два вопроса:

1-й. Может ли человек сохранить всецело свою личную нравственность в среде и в условиях безнравственных?

2-й. Власть и привилегии, не разлучные с нею, не составляют ли главной сути и постоянно действующей причины общественной безнравственности?

На *первый вопрос* мы, как материалисты и социалисты, должны ответить решительным отрицанием. Мы знаем, что каждый человек во всем объеме и в малейших подробностях своего существа, своих помыслов, чувств, хотений и действий, в каждую минуту жизни своей есть продукт внешней природы и общественной среды, его произведших и обусловливающих все существование его до последней минуты. Нам известно, что так называемая свободная воля не что иное, как *нервозная сила*, образующаяся в человеке действием внешних причин и влияний или так называемого воспитания, посредством постоянного упражнения его в удержании невольных или рефлективных движений, равно как и в покорении второстепенных и преходящих аппетитов, хотений, страстей, — главной и постоянной целью, заданной ему или собственною постоянною страстью, внутренним

убеждением или могущественным напором общественного мнения.

Нет сомнения, что наибольшее развитие *силы воли* составляет вместе с *силою мысли*, а также и вместе с *смыслом справедливости* или *общественного уравнения*, с страстью общественной солидарности или человеческого братства — одно из главных условий *личного достоинства* человека. Спешу прибавить, что, говоря о достоинстве человека, я отнюдь не придаю этому слову старого идеального значения; беру его не в смысле самородка, зависящего будто бы только от себя и создающего и определяющего себя самовольно,— а в смысле *невольного продукта* причин *внутренних*, т. е. присущих его личному организму, и *внешних*, т. е. материально-экономических и общественно-политических условий среды, его произведшей. Умен или глуп человек; одарен ли он сильною или слабою волей; существует ли в нем страсть справедливости или нет, — он ни в том ни в другом случае не виноват. Но достоинство его, его *личная ценность* в одном случае падает, в другом возвышается.

Сила воли обусловливается прежде всего здоровым организмом, но потом и еще более *воспитанием*; причем должно заметить, что распущенная система, проповедуемая ныне под предлогом свободы, и состоящая в безграничной уступке всем хотениям ребенка, далеко не способствует к развитию сильной воли. Воля развивается, напротив, упражнением, сначала, разумеется, принужденным, в удержании своих инстинктивных движений и похотей; а с этим постепенным образованием и сосредоточением внутренней силы образуется мало-по-малу и сосредоточенность внимания, памяти и самостоятельность мысли в ребенке. Человек, не способный владеть собою, побеждать в себе преходящие похоти, воздержать себя от невольных и вредных движений и действий, не привыкший противостоять внутренним и внешним напорам, — одним словом, не имеющий воли, — просто дрянь.

В древнем, греческом и римском мире главною заботою общественного воспитания было развитие воли, точно так же в нашем новейшем мире главное внимание обращено на развитие знания и мысли. Можно даже сказать, что в настоящее время правительства употребляют все усилия для

того, чтобы не дать развиться сильной воле в воспитанниках, вероятно, на том основании, что от воли до свободы не далеко. Этим отчасти объясняется факт несомненный, что в древнее время было больше героев, чем ныне.

Несомненно также и то, что человек, в котором природа и воспитание создали сильную волю, не так легко поддается напору и влияниям общественной среды, как поддается им человек, одаренный лишь слабою волею. Однако, как бы ни был силен человек, общество все-таки сильнее его. Сила его только относительная, сила же общества, в отношении к нему, почти абсолютная. Побороть общества он не может, но, одержимый справедливою или несправедливою страстью и вооруженный непреклонною волею, он может умереть, пасть жертвою за свою страсть, за свое убеждение, за свою мысль, и если мысль его справедлива, может победить общество самою смертью своею.

Сильная воля сама по себе ни нравственна, ни безнравственна. Были изверги, одаренные чрезвычайною волею. Нравственность или безнравственность воли зависит от ее содержания и цели. Цель же и содержание даются ей *мыслию*.

Сила мышления, равно как и сила воли, обусловливается в каждом человеке *организмом* и *воспитанием*. Как будет впоследствии, через не знаю сколько веков, когда на всем земном шаре воцарится полнейшее общественное равенство, мы не знаем. Но теперь нет возможности отрицать, что есть организмы, от самого рождения, умные и глупые. Мозговое равенство еще не установилось в человечестве. В утешение можно заметить, что число чрезвычайно умных, гениальных людей, а также число чрезвычайно глупых людей от рождения, идиотов, в сравнении с массою человечества чрезвычайно мало. Огромнейшее большинство состоит из людей, одаренных способностями средними, умеренными, почти равными, хотя и чрезвычайно разнообразными. А ведь в настоящее время не в меньшинстве, а в большинстве дело.

Большая часть различий, существующих ныне, в умственном отношении, происходит не от рождения, а от воспитания. Сила мышления развивается *упражнением в мышлении* и правильным, целесообразным руководством дет-

ских и юношеских мозгов в великом деле разумного познавания. Сила мышления далеко не обеспечивает еще справедливость его выводов. Были и есть люди чрезвычайно умные, одаренные замечательною энергиею, даже богатством и строгою последовательностью мысли, которые пороли и до сих пор еще порют дичь. К этому числу принадлежат все богословы, метафизики, огромное большинство прошедших и нынешних экономистов и юристов, именно всех тех, которые смотрят на существующий экономический порядок и на юридическое право не как на преходящие исторические явления, а как на нечто абсолютное. Сила мышления есть, как бы сказать, только формальная сила, применяемая равно и к дельному содержанию, и к нелепости. Она, как уже было замечено выше, обусловливается прежде всего счастливым устройством мозга, а потом и еще в большей мере постоянным и разумно направленным и рассчитанным упражнением той мозговой деятельности, которую мы называем мышлением. Способность и привычка мыслить приобретается и развивается точно так же, как и все другие хорошие и дурные привычки нашего организма. Но справедливость выводов и заключений мышления не зависит только от его строгой последовательности и силы. Она зависит настолько же от разумности или от действительности материала, служащего ему предметом. Кем же дается этот материал для мышления? Общественною средою и, прежде всего, общественным воспитанием.

Воспитатели живут и действуют в известном обществе и во всем своем существе, в малейших подробностях жизни своей, большею частию, сами не подозревая того, насквозь проникнуты его убеждениями и предубеждениями, интересами, страстями, привычками. Они передают их всецело питомцам своим, причем надо, однако, в утешение заметить, что, так как, вследствие естественной наклонности человека давить все, что слабее его, почти все воспитатели — притеснители и деспоты, и так как спасительный дух противоречия, этот залог свободы и всякого прогресса, пробуждается в человеке почти с колыбели, дети и юноши обыкновенно ненавидят своих воспитателей, не верят им и, протестуя против их рутинного, общепринятого учения, стано-

вятся способными создать или принять новые. Вот одна из главных причин, почему юноши, пока они еще сидят на школьной скамье и не успели еще принять прямого и положительного участия в общественных интересах, более способны, чем совсем взрослые люди, принять новую истину. Но лишь только они оставили школу, лишь только заняли в обществе определенное место и прониклись условиями, привычками, интересами и, как бы сказать, логикою известного, более или менее льготного положения, они, или по крайней мере огромное большинство между ними, становятся наравне с старшими, против которых прежде бунтовали, а иногда даже пуще их рабами общества и в свою очередь притеснителями младшего поколения во имя общественных предрассудков.

Общественная среда и общественное мнение, всегда выражающие материальные и политические интересы этой среды, ложатся тяжелым гнетом на свободную мысль [1]), и много надо мысленной силы и еще более противообщественных интересов и страсти для того, чтобы устоять против этого гнета. Путем положительных, а также и отрицательных действий само общество порождает в человеке свободную мысль, оно же большею частию и подавляет ее. Человек есть до такой степени общественное животное, что вне общества он немыслим. Долго, целые тысячелетия прогуливался человеческий род отдельными стадами по земному шару, прежде чем в общественно-животной среде одного из таких человеческих стад пробудилась вместе с первым словом и с первым проблеском мысли первая самосознательная или свободная личность. Вне общества человек никогда не перестал бы быть неразумным и бессловесным животным, в тысячу раз беднее и зависимее от внешней природы, чем большая часть четвероногих, над которыми он так гордо возвышается ныне; а для того, чтобы создать одну из самых бедных ныне существующих свободных личностей, потребно было соединение общественных усилий бесчисленного множества поколений. Итак,

[1]) Свободную в смысле независимости от рутинных общепринятых мнений. (Примечание Бакунина.)

лицо, свобода и разум лица суть продукты общества, а не общество — создание лиц, и чем выше, чем полнее, чем свободнее развит человек, тем более он есть продукт общества, тем более он получил от него и тем более он обязан ему. Общество в свою очередь бывает обязано лицам. Можно даже сказать, что нет такого бедного природою, воспитанием и жизнью обиженного лица, которое бы своим слабым трудом, своим еще слабейшим развитием, умственным и нравственным, и рядом своих никем не замечаемых отношений и действий не влияло бы в свою очередь, хоть и в самой микроскопической мере и, разумеется, нисколько не подозревая и не желая того, на развитие общества, его произведшего. Ведь действительная жизнь общества, в каждую минуту его существования, есть не что иное, как сумма всех жизней, развитий, отношений и действий всех лиц, его составляющих. Но эти лица собрались и соединились не произвольно, не по договору, а независимо от своего сознания и воли. Они не только собраны и соединены, но порождены и в материальном, и в умственном, и в нравственном отношении обществом, материальную, умственную и нравственную жизнь которого они выражают и действительно составляют. Поэтому их действие, сознательное, а большею частью бессознательное, на общество, их породившее, есть действие самого общества на себя через их посредство. Они — обществом порождаемые и развиваемые орудия общественного саморазвития.

Смешно представление индивидуалистов школы Жан Жака Руссо и прудоновских мутуалистов, воображающих, что общество есть результат свободного договора личностей, абсолютно друг от друга не зависимых и вступающих во взаимную связь и зависимость только в силу заключенных между ними условий. Точно как будто бы эти люди с неба упали и принесли с собою на землю и слово, и волю, и мысль самородные, вполне отрешенные от всякого земного, т. е. от всякого общественного происхождения. Да если бы общество состояло из таких абсолютно друг от друга не зависимых личностей, то им бы не было ни нужды, ни даже малейшей возможности соединиться; не было бы самого общества, а *свободные* личности, за невозможностью жить

и действовать на земле, должны бы были обратным путем улететь на небо.

Человек не создает общества, но рождается в нем, и рождается не свободным, а, напротив, совершенно опутанным, как сын той или другой общественной среды, созданной длинным рядом прошедших влияний, развитий и исторических фактов. Он носит на себе печать того края, того климата, того народного типа, того сословия, тех экономических и политических условий общественной жизни и, наконец, того места, деревни или города, того дома, того семейства и того круга людей, в среде которых он родился. Все это определяет его характер, природу, дает ему определенный язык, навязывает ему, без малейшей возможности сопротивления с его стороны, целый готовый мир созерцаний, мыслей, привычек и чувств и ставит его, помимо всякого произвола и выбора и гораздо прежде, чем в нем могло пробудиться какое бы то ни было сознание, в строго определенные отношения с окружающим его общественным миром. Он становится органическим членом известного общества помимо и прежде всякой воли и, опутанный им внутри и снаружи, проникнутый до конца его верованиями, предрассудками, страстями и привычками, он есть в самом начале не более, как самое невольное и самое верное отражение того общества.

Поэтому всякий человек рождается и в самые первые года своей жизни остается рабом общества — пожалуй, даже и не рабом, потому что для того, чтобы быть рабом, надо сознавать свое рабство, а бессознательным и совершенно невольным отпрыском своего общества. Каким же образом рождается в нем отдельное самосознание, сомнение, своя мысль, дух и поползновения свободы, дух бунта?

Я уже сказал выше, начало освобождения заключается в спасительном инстинкте противоречия, в самоохраняющем протесте ребенка против чужого насилия. Но этого было бы далеко не достаточно для укрепления образования в нем свободной мысли и свободной воли, если бы его инстинктивному протесту противостоял общественный мир вполне гармонический, строго сплоченный и не являющий в себе самом ни малейшего противоречия. Где ж было бы слабому

ребенку или юноше бороться против такого могущества; оно задавило бы и обратило бы его несомненно в раба безвыходного. К счастью для человечества, такого вполне гармоничного общественного строя нет и никогда не было на свете. Всякое общество полно противоречий и представляет собою борьбу нескончаемую [1]), борьбу научную, борьбу

[1]) Существуют, однако, две огромные страны в Азии, в которых после многовековой борьбы, доведшей их до значительной степени развития, наступило затишье; борющиеся элементы успокоились, покорились, и окаменелое общество приняло мертво-гармоничный строй, делающий всякое дальнейшее развитие изнутри, всякое самородное национальное движение почти невозможным. Движение без сомнения есть, потому что все, что существует, движется, и борьба продолжается, но это движение и продолжение борьбы так слабы, что для того, чтобы возвратить жизнь этим странам, Китаю и Индии, необходимо вмешательство и, пожалуй, насильственное вторжение внешних, чужестранных элементов. Вторжение Европы в Азию пробудит к новой жизни более чем треть всего человечества, огромные массы в 650 до 700 миллионов людей, заснувших мертвым сном, именно вследствие прекращения всякой борьбы, вследствие окончательной победы, одержанной государством над обществом и окаменелою, на привилегии основанную, организациею общества над лицом. Все правительства, все государства без исключения, ставя себе главною целию *водворение порядка и тишины в обществе*, стремятся инстинктивно и насколько им позволяет настроение его к доведению его до китайского или до индийского окаменения. Всякое государство имеет целию победу смерти над жизнию. Особенно всероссийское государство, которому для достижения этой цели представляется, с одной стороны, пожалуй, менее затруднений, чем государствам западным. Россия по характеру своему страна полуазиатская, долго страдавшая безличностью, или, что все равно, патриархальностью отношения лица к семье, к общине, к государственной власти. Общественная инициатива, до сих пор еще весьма слабая, принадлежит в ней не лицу, а общине, а в последней, опять-таки не лицу, а семье, т. е. главе семейства. Лицо в ней сознательно подчинено, робко, бесправно: «я миру не указчик!». Но без личной самостоятельности, без личной инициативы и мысли, без личного бунта нет прогресса. Вот чего не должны бы были позабывать наши славянофилы и вообще все слепые поклонники *русской общины*. Правда, что *община наша*, в экономическом отношении, представляет ту огромную выгоду, что чуждая личному праву она основана на общинной поземельной собственности. То, к чему стремятся западные народы, у нас уже есть отчасти действительность: коллективная собственность земли и на основании этой собственности зародыш политической организации: *общинный мир*. Но этот мир или, вернее, механическое сочетание этого бесчисленного множества

религиозную, политическую, экономическую; борьбу общества против государства; борьбу партий и сословий в государстве и, наконец, борьбу семейную.

(Рукопись обрывается.)

М. Бакунин.

отдельных миров, лишенных всякой органической связи между собой и соединенных только внешним образом официальною властью чуждого, враждебного им и поедающего их государства — существует вот уже тысячу лет и до сих пор не произвело из себя ничего путного, кроме этого поганого государства, бича внутри, противочеловеческого пугала снаружи. Почему же русские общины не умели до сих пор соединиться, почему они не создали... (Примечание Бакунина обрывается).

XVIII.

Письмо Бакунина по поводу циркуляра Генерального Совета „Мнимый раскол в Интернационале“ (12 июня 1872 г.) [291].

Товарищам редакторам бюллетеня Юрской федерации.

Локарно, 12 июня 1872 года.

Любезные товарищи по несчастью!

Дамоклов меч, которым нам столь долго грозили, наконец, опустился на наши головы. Собственно говоря, не меч, а просто обычное оружие господина Маркса, — ушат грязи.

Действительно, все имеется налицо в этом новом *особом* частном циркуляре Лондонского Генерального Совета, помеченном 5-м марта 1872 года, но опубликованном, кажется, только в последние дни: смехотворные выдумки, подтасовки, циническая ложь, низкая клевета, короче — все воинское снаряжение, с которым господин Маркс обычно выходит на поле брани. Это — с грехом пополам приведенное в систему собрание всех абсурдных и грязных историй, что стряпались и распространялись против нас и, прежде всего, против меня, более извращенной, нежели остроумной злобой немецких и русских евреев, друзей его, агентов, учеников и в то же время подручных, — распространялись в течение почти трех лет кряду, преимущественно со времени злосчастного этого Базельского конгресса, на котором мы осмелились голосовать вместе с большинством против политики Маркса.

Я не забыл еще восклицания, которое тогда сорвалось при мне у одного из подписавших настоящий циркуляр: «Маркс будет очень недоволен!» Он, действительно, был

очень недоволен, и я почувствовал это первым, так как разъяренная синагога избрала меня козлом отпущения, долженствующим искупить общие наши прегрешения. Вы помните статью немецкого еврея Морица Гесса в «Rêveil» (осень 1867), которая вскоре была перепечатана и дополнена Боркгеймом и другими немецкими евреями из «Volksstaat'a»? Я не говорю уже о русском еврейчике из Женевской «Egalité» [292]). Это был какой-то поток грязи, обрушившийся на меня, на нас всех.

Два с половиною года сносили мы молча эти мерзостные нападки. Наши клеветники начали с туманных обвинений, смешанных с трусливыми двусмысленностями и ядовитыми инсинуациями, которые, однако, были в то же время настолько глупы, что если бы даже ничто другое не заставляло меня молчать, мое молчание можно было бы объяснить и оправдать поднимавшимся во мне смешанным чувством — отвращения и презрения. Позднее, ободренные долготерпением этим, истинных причин коего им было не понять, они довели свою грязную злобу до того, что прокричали меня платным панславистским, русским, наполеоновским, бисмарковским, даже папским, агентом.

Это, действительно, было слишком глупо, чтобы на это отвечать. Однако мое молчание имело в основе причины значительно более важные, нежели естественное отвращение к возне с дерьмом.

Я не хотел давать этим почтенным гражданам предлога, которого они, очевидно, искали, чтобы низвести важную принципиальную борьбу до их уровня, сделав из нее жалкий личный вопрос. Я не хотел взять на себя ни малейшей доли в страшной ответственности, что падет на тех, кто мог в угоду личному честолюбию бросить семена раздора и разложения в Международное товарищество рабочих, от которого пролетариат стольких стран ждет своего спасения. Я не желал доставить буржуазной публике столь грустного для нас, столь веселого для нее зрелища наших внутренних раздоров.

Наконец, я считал необходимым воздержаться от нападения на клику, в которой, как я охотно признаю, есть люди, оказавшие неоспоримые услуги Интернационалу.

В настоящее время люди сии, несомненно, бесчестят себя и причиняют великое зло Интернационалу, прибегая к клевете, для того чтобы одолеть противников, которых они, повидимому, отчаиваются победить силой своих доводов. Нет сомнений, большое усердие к делу пролетариата самым отталкивающим образом сочетается в них с изрядною дозой тщеславной гордости и честолюбивых личных и расовых планов...

Однако все же остается несомненным, что усердие это искренно. По меньшей мере я вполне в этом убежден, не в отношении всех, но в отношении большей части из них; поэтому, ввиду их солидарности, я должен был воздержаться от выступления против одних, дабы пощадить других.

Впрочем я всегда имел намерение впоследствии привлечь всех своих клеветников к суду чести, в коем ближайший конгресс мне, без сомнения, не откажет. И коль скоро это жюри даст мне все гарантии беспристрастного и серьезного приговора, я смогу разъяснить ему с необходимыми подробностями все факты политического и личного характера, не опасаясь нескромной болтовни.

Существует, однако, еще другой ряд фактов, вполне общественного характера, которые сознательно и злостно искажаются кликой Маркса, на сей раз с одобрения всех членов Генерального Совета. Восстановление истины в отношении этих фактов и, по мере моих сил, разрушение системы лжи, построенной господином Марксом и его последователями, будет предметом работы, которую я намереваюсь издать до созыва конгресса.

Я хочу закончить это письмо последним замечанием. Ничто не показывает лучше гибельности господства Маркса в Генеральном Совете, чем настоящий циркуляр. Если мы просмотрим 47 подписей, стоящих под ним, мы едва ли найдем среди этих лиц семь или восемь таких, которые в данном случае могут высказывать свое суждение с *некоторым* знанием дела. Все прочие, услужливые и слепые орудия гнева и политики Маркса, подписали позорящий нас приговор, никогда не слышавши и не видавши нас, осудили и приговорили нас, не удостоив нас ни одним вопросом! [293]).

Вот как понимают в Генеральном Совете в Лондоне *справедливость, истину и нравственность*, которые, согласно основным положениям нашего общего устава, должны лечь в основу всех коллективных и индивидуальных отношений в Международном Товариществе Рабочих.

Ах, господин Карл Маркс! Легче поставить их во главу программы, чем провести их в жизнь!

Поневоле кажется, что в настоящий момент, когда Бельгийская федерация ставит под вопрос дальнейшее существование Генерального Совета [294]), все члены этого Совета стремятся доказать, что сейчас существование его стало не только излишним, но и вредным к тому же.

Привет и единение!

Михаил Бакунин.

XIX—XX.

Письма Бакунина в „Journal de Genève“ и в бюллетень Юрской федерации.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Оба письма говорят об отказе Бакунина от политической деятельности.

Если решение уйти на покой, о котором Бакунин говорит в первом письме, мотивируется непрекращавшимися нападками, которые содержала брошюра об Альянсе, то второе письмо, появившееся вслед за первым (первое напечатано 25 сентября 1873 г., второе в октябре того же года) выставляет другую мотивировку. Но обе мотивировки оказались ложными. Отказ от борьбы был лишь политическим маневром, хотя, быть может, на выбор самого маневра оказало влияние действительное утомление

В это как раз время, начиная с августа 1873 г., он вместе с Карло Кафиеро, только что приехавшим из Италии, обдумывал план, приведенный затем в исполнение, сущность которого рассказана самим Бакуниным в оправдательной записке, предназначавшейся им для своей жены и написанной в Шплюгене в июле 1874 г. Вот что читаем мы в этой записке по интересующему нас вопросу:

«В то время он [295]) в первый раз с большей горячностью высказал мысль, которой он упрямо оставался верен до своего возвращения из России [296]). Он сказал, что я отныне должен держаться вдали от всяких революционных высту-

плений и предоставить это молодым людям, оставаясь всегда деятельным и всегда тайным, хорошо замаскированным центром постоянного международного заговора. Я настойчиво оспаривал эту мысль, не в ее подробностях, с которыми я был согласен, но в самом принципе, так как, если бы я принял этот принцип, то неизбежно осудил бы себя на незавидную, а главное совершенно бесполезную роль Далай-Ламы, которого ценой больших расходов откармливали бы во благо всему миру. Я соглашался с Кафиеро, что состояние моего здоровья, мой вес, болезнь сердца и происходящая от нее связанность моих членов и движений отныне сделали меня мало пригодным для авантюристических предприятий, требующих, прежде всего, физической силы и полной эластичности и быстроты движений. Но я все время настаивал на своей обязанности и на самом праве бросаться в каждое революционное движение, принимающее более или менее общий, устойчивый и серьезный характер, и я всегда чувствовал и думал, что самым достойным концом для меня было бы пасть во время сильного революционного штурма.

Впрочем, в то время это было между нами чисто академическим спором, так как обстановка была такова, что нельзя было думать о революционном предприятии. Испанская революция только что потерпела позорное крушение, вследствие недостатка энергии и революционной страстности, как у вождей, так и у масс, а весь остальной мир находился в состоянии самой мрачной реакции. Только в Италии замечались некоторые признаки революционного пробуждения, но нужна была еще большая работа, чтобы создать там народное государство. Итак, я соглашался с Кафиеро в том отношении, что не только я, но и все мы должны на некоторое время, по возможности... [297]), чтобы тем лучше работать тайно, и что для этого нет лучшего средства, как надеть по всей линии маски мирных и очень материалистически настроенных буржуа.

Сообразно этой новой системе было решено, что я, как постоянный центр общества, должен больше чем когда-нибудь играть роль уставшего и разочарованного революционера, который вследствие этого разочарования, наступившего после потери всех иллюзий, страстно предался мате-

риальным интересам собственности и семьи. Это было тем более необходимо, что наш кружок сделался не только целью преследований и слежки со стороны всех правительств, но также мишенью яростных нападок более или менее социалистических революционеров других партий и, главным образом я, объектом доносов и гнусной клеветы со стороны немцев и евреев школы Маркса и К°.

Итак, я должен был изображать очень состоятельного буржуа, поглощенного исключительно семейными интересами. Но тут было одно довольно неприятное обстоятельство, не ускользнувшее от нашего внимания. Все знали, что я до сих пор был очень беден и жил в состоянии, граничащем с нищетой. Как могли бы мы объяснить миру чудесное и столь внезапное изменение моего материального положения? Мы с Кафиеро долго обсуждали этот вопрос и пришли к заключению, что нам нечего давать отчет тому буржуазному миру, к которому мы чувствовали только ненависть и презрение; ведь я мог бы получить наследство или получить из России часть моего состояния путями, которые, конечно, должны были бы сохраняться в тайне, чтобы избежать преследований и конфискаций со стороны русского правительства; далее, что... [298]), если бы воспользовались долее этим предлогом, не может нас беспокоить; наоборот, мы могли бы скорее радоваться этому, так как это только помогло бы нам скрыть нашу игру.

Итак, в соответствии с этим решением, я в один прекрасный день превратился, правда, не в богатого, но во всяком случае в состоятельного буржуа, не дав никому, кроме ближайших друзей, объяснения по поводу того, как это случилось. Здесь, в Локарно, исключениями были трое: Эмилио Беллерио, Зайцев и Ремиджио Кьеза, — Зайцев, как очень преданный и скрытный личный друг, и Кьеза потому, что он нужен был нам во многих отношениях, и потому, что он оказывал нам действительно большие услуги, до сих пор ни разу не заставляя нас пожалеть об оказанном ему доверии. Кроме того, об этом знали еще д-р Якоби и его жена, как наш друзья, и Острога, как очень старый член Альянса и другие. Но даже почтенный Паоло Гавирати [299]), к которому я чувствую глубокое уважение, и который мне так

часто доказывал свою неизменную дружбу, даже он не был посвящен в нашу тайну по следующей причине: было решено, что я приложу все усилия, чтобы получить права швейцарского гражданства в кантоне Тессин, а Гавирати, больше чем кто-либо другой, мог и должен был помочь мне в этом, чего бы он, конечно, не сделал, если бы он подозревал, что я попрежнему активно занимаюсь политикой, из страха скомпрометировать свою милую Швейцарию, вообще, и Тессинский кантон, в частности. Я замечу еще, что Гавирати никогда не задал мне ни одного нескромного вопроса и, несмотря на всякого рода слухи, распространяемые обо мне, никогда не проявил ни малейшего недоверия и всегда, везде и во всем помогал мне.

Вследствие этих принятых сообща решений я, месяц спустя, опубликовал два письма, в которых заявил, что, ввиду болезни и возраста, удаляюсь от всякой политической деятельности в частную жизнь».

«Два письма», о которых говорит Бакунин, и есть те самые, которые приводятся ниже.

Мы видим, что отказ Бакунина от политической деятельности был, по его словам, «маскировкой», закончившейся весьма печально. Вилла «Бароната» была действительно приобретена, на нее было потрачено много средств, но она послужила причиной для крупной ссоры Бакунина с его революционными друзьями, в результате которой Бакунин уже не для видимости, а на самом деле решил уйти из общественной жизни, на этот раз окончательно. Этот печальный эпизод биографии Бакунина рассказан в статье М. П. Сажина (Арман Росс) «Бакунин и его вилла Бароната» (см. «Воспоминания», издание «Каторга и Ссылка», Москва, 1925), в книге Ю. Стеклова «Борцы за социализм», часть I (ГИЗ, Москва, 1923) — «Последние годы жизни Бакунина» и в популярной нашей книжке «Жизнь Михаила Бакунина», в главе пятнадцатой (3-е изд. «Прибоя», Москва, 1926).

Вяч. П.

Письмо Бакунина по поводу брошюры об Альянсе (сентябрь 1873 г). [300])

Господам редакторам «Journal de Genève».

Господа, не в моих привычках отвечать на оскорбления и клевету в газетах. В самом деле, у меня было бы слишком много дела, если бы я захотел заниматься всеми глупостями, которые газетам угодно печатать обо мне, особенно с 1869 г.

К самым ожесточенным моим клеветникам, наряду с агентами русского правительства, принадлежит, конечно, глава немецких коммунистов, г. Маркс, который, без сомнения ввиду своего тройственного характера, как коммунист, немец и еврей, таит против меня ненависть и, утверждая, что он одновременно ненавидит русское правительство, всегда действует в полной гармонии с последним, по крайней мере в том, что касается меня. Чтобы очернить меня в глазах публики, г. Маркс использовал не только слишком услужливые органы печати, но также своих личных корреспондентов, комитеты, конференции и конгрессы, даже самый Интернационал, без малейшего колебания превратив это прекрасное и великое общество, основанию которого он способствовал, в орудие своей личной мести.

Как раз сегодня мне сообщили о появлении брошюры под заглавием «Интернационал и Альянс». Мне сказали, что она представляет собой отчет следственной комиссии, назначенной Гаагским конгрессом. Кто не знает ныне, что этот конгресс был не чем иным, как Марксовой подтасовкой, и что эта комиссия, где заседали два шпика (Дентрэг и ван Гэддэгэм) [301]), приняла резолюции, которые, по ее собственному заявлению, она была не в состоянии обосновать, потребовав вместо этого от конгресса вотума доверия; един-

ственный приличный член комиссии [302]) энергично протестовал в особом мнении против этих одновременно одиозных и смешных выводов.

Мало удовлетворенный неловкостью своих агентов, г. Маркс взял на себя труд лично составить новый доклад [303]), который он теперь публикует за своей подписью и подписями нескольких своих доверенных друзей.

Эта новая брошюра, как мне говорят, является форменным доносом, жандармским доносом на общество, известное под названием Альянса. Увлекаемый яростной ненавистью, г. Маркс не побоялся дать сам себе пощечину, публично взяв на себя роль доносчика, клеветника и полицейского агента. Это его дело, и если это ремесло ему нравится, пусть он им занимается. И я отступаю от закона молчания, который я возложил на себя, не для того, чтобы возражать ему...

Но сегодня, господа, я думаю, что имею право сделать такое исключение, чтобы опровергнуть ложь или, выражаясь парламентским языком, ошибки, проникшие на столбцы вашей газеты.

В вашем номере от 14 сентября, которого я не мог достать, вы, как мне сообщили, напечатали корреспонденцию одной парижской газеты, «Liberté» или «Journal des Débats», в которой анонимный автор нагло утверждает, будто он слышал, как я признавался, — что я говорю? — как я хвастался, — что был причиной всех революционных судорог, потрясающих Испанию. Ведь это просто глупо. С таким же успехом можно было бы сказать, что я вызвал все бури, опустошающие море и сушу.

Эти господа клевещут на меня так, что делают из меня бога.

Нужно ли мне уверять вас, что я никогда не произносил таких слов? Я даже уверен, что никогда не встречался с этим господином, и я требую, чтобы он назвал себя и указал день и место, где и когда мы с ним встретились.

Но вы сами, господа, в номере вашей газеты от 19-го числа, приписываете мне произведения, в опубликовании которых я не принимал никакого участия [304]). Поэтому я позволяю себе обратиться к вам с просьбой, в которой ваша справедливость не может отказать мне. Если вы захотите еще раз

сделать мне честь напасть на меня, то обвиняйте меня лишь по поводу тех произведений, которые подписаны моей фамилией.

Признаюсь вам, все это возбудило во мне глубокое отвращение к общественной жизни. С меня этого довольно, и я, проведший всю свою жизнь в борьбе, устал. Мне больше шестидесяти лет [305]), и болезнь сердца, ухудшающаяся с годами, делает мне жизнь все труднее. Пусть другие, более молодые люди, принимаются за работу; что касается меня, то я больше не чувствую в себе силы, а может быть также необходимой веры, чтобы продолжать катить Сизифов камень против всюду торжествующей реакции. Поэтому я удаляюсь с арены борьбы и требую от моих милых современников только одного — забвения.

Отныне я не нарушу больше ничьего покоя; пусть и меня тоже оставят в покое [306]).

Не слишком ли много ожидаю я от вашей справедливости, господа, если надеюсь, что вы не откажете поместить это письмо?

Михаил Бакунин [307]).

Письмо Бакунина Юрской федерации.

Товарищам Юрской федерации.

Обращение.

Дорогие товарищи!

Я не могу и не имею права уйти из общественной жизни, не обратившись к вам с последним словом благодарности и участия.

С тех пор, как мы познакомились с вами, вот уже около четырех с половиной лет, вы, несмотря на все ухищрения наших общих врагов и на подлую клевету, которую они распространяли обо мне, сохранили уважение, дружбу и доверие ко мне. Вы даже не испугались названия «бакунисты», которое они бросили вам в лицо, так как вы предпочли быть наружно зависимыми, чем сознательно несправедливыми.

Впрочем, вы всегда в высшей степени сознавали независимость и полную самостоятельность (Spontaneität) своих мыслей, наклонностей и действий, а коварное намерение наших противников было так прозрачно, что вы смогли с глубочайшим презрением отнестись к их клеветническим и оскорбительным инсинуациям.

Вы сделали это, и именно потому, что у вас хватило мужества и выдержки, вы теперь одержали столь полную победу над честолюбивой интригой марксистов и на пользу свободы пролетариата и всего будущего Интернационала [309]).

При могучей поддержке ваших братьев в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Америки вы

снова поставили великое Международное Общество Рабочих на тот путь, с которого чуть не свела его попытка Маркса захватить диктатуру.

Оба последние конгресса, заседавшие в Женеве, дали нам блестящее, решающее доказательство справедливости и, вместе с тем, прочности вашего дела.

Ваш конгресс, конгресс свободы, собрал делегатов всех главных федераций Европы, за исключением Германии; он громко провозгласил и вполне обосновал или, вернее, подтвердил автономию и братскую солидарность трудящихся всех стран. Авторитарный или марксистский конгресс, состоявший исключительно из немецких и швейцарских рабочих, которым, повидимому, надоела свобода, сделал тщетную попытку снова склеить разбитую и отныне смешную диктатуру Маркса.

Не поскупившись на оскорбления, которые они бросали направо и налево, как бы для того, чтобы доказать, что они представляют собой большинство женевских и немецких рабочих, они пришли к половинчатому решению, которое не является уже полным авторитетом, столь дорогим сердцу Маркса, но еще меньше — свободой, и разошлись, глубоко разочарованные и недовольные собой и другими. Этот конгресс был могилой.

Итак, ваша победа, победа свободы и Интернационала над авторитарной интригой — полная. Еще вчера, когда она, казалось, не определилась — хотя я сам никогда не сомневался в ней, — никто не имел бы права покинуть ваши ряды. Но теперь, когда эта победа является совершившимся фактом, каждый получает обратно свободу действовать так, как того требует его личное положение.

Я пользуюсь этим, дорогие товарищи, чтобы просить вас согласиться на мой выход из членов Юрской федерации и Интернационала.

У меня много причин, чтобы поступить так. Не думайте, что я делаю это вследствие личных оскорблений, которыми меня осыпали все эти последние годы. Я не скажу, что я оставался совершенно равнодушен к ним, но я нашел бы в себе еще достаточно силы, чтобы оказать сопротивление, если бы я думал, что мое дальнейшее участие в вашей работе,

в вашей борьбе за победу дела пролетариата, могло бы принести пользу. Но я держусь другого мнения.

По происхождению и личному положению, но, конечно, не по симпатиям и направлению, я — только буржуа, и, как таковой, я мог заниматься среди вас только пропагандой. Теперь я пришел к убеждению, что время больших теоретических речей, печатных или устных, прошло. За последние девять лет в лоне Интернационала развилось больше идей, чем нужно для спасения мира, если бы одни идеи могли спасать, и я готов поспорить со всяким, кто бы стал утверждать, что можно изобрести еще новые идеи.

Теперь — время не идей, а действий и фактов. Теперь важнее всего — организовать силы пролетариата. Но эта организация должна быть делом рук самого пролетариата. Если бы я был молод, я бы вошел в рабочую среду и, принимая участие в трудовой жизни моих братьев, одновременно разделил бы с ними великий труд по этой необходимой организации.

Но мой возраст и мое здоровье не позволяют мне сделать это; наоборот, они навязывают мне уединение и покой. Всякое напряжение, лишняя поездка могут иметь для меня самые серьезные последствия. В моральном отношении я чувствую себя еще довольно сильным, но физически я очень скоро устаю и сознаю, что не имею больше силы, необходимой для борьбы. Поэтому в лагере пролетариата я был бы только лишним грузом, а не помощником.

Вы видите, дорогие товарищи, что все заставляет меня распрощаться с вами. Живя вдали от вас и от всего мира, какую пользу я мог бы принести Интернационалу вообще и Юрской федерации в частности? Ваша большая и прекрасная ассоциация, которая отныне будет чисто воинствующей и чисто практической, не может терпеть в своей среде синекур и почетных должностей.

Итак, я ухожу, дорогие товарищи, преисполненный благодарности вам и сочувствия вашему великому и святому делу — делу всего человечества. Я и впредь буду с братским участием следить за всеми вашими шагами и с радостью приветствовать каждую вашу новую победу.

До самой смерти я буду ваш.

Но, прежде чем нам расстаться, позвольте мне дать вам последний братский совет. Друзья, международная реакция, центр которой теперь находится не в несчастной Франции, шутовским образом посвященной сердцу *Иисуса*, а в Германии, в Берлине, и она так же хорошо представлена социализмом г. Маркса, как и дипломатией г. фон-Бисмарка, — эта реакция, поставившая себе конечной целью пангерманизацию Европы, — в настоящее время угрожает поглотить и погубить все. Она объявила войну не на жизнь, а на смерть, Интернационалу, ныне представленному только автономными и свободными федерациями. Хотя вы принадлежите к еще свободной республике, вы, как и пролетарии всех остальных стран, принуждены бороться с ней, так как она встала между вами и вашей конечной целью — освобождением пролетариата всего мира.

Предстоящая вам борьба будет ужасна. Но не падайте духом и знайте, что, несмотря на огромную материальную мощь ваших противников, ваша конечная победа обеспечена, если вы будете верно исполнять следующие два условия:

1. Твердо держитесь принципа большой и широкой народной свободы, без которой даже равенство и солидарность — только ложь.

2. Все больше организуйте практическую, воинствующую международную солидарность рабочих всех профессий и всех стран и помните, что, как бы бесконечно слабы вы ни были в отдельности, в изолированных городах или странах, вы будете черпать бесконечную, непобедимую силу в этом всемирном коллективе.

Прощайте. Ваш брат.

Михаил Бакунин [309]).

Приложения

I. Письма Ф. Энгельса к Куно.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Помещаемые ниже письма Ф. Энгельса впервые были опубликованы в журнале «Die Gesellschaft» (ноябрь 1925 г.), за исключением краткой выдержки из одного письма, которая приведена в брошюре анонимного автора «Friedrich Engels Politisches Testament», Berlin, 1920 («Политическое завещание Фридриха Энгельса»), и которая на русском языке была напечатана в сборнике В. Адоратского: «К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма», издание «Московского Рабочего» (стр. 211—213).

Письма эти относятся к годам 1871—1872, содержание их касается борьбы между марксистским и бакунистским крыльями Интернационала. Этого совершенно достаточно, чтобы историческое значение их оказалось исключительным, даже независимо от того, что письма принадлежат Фр. Энгельсу, каждая строка которого представляет огромную ценность.

Несмотря на обширную литературу, посвященную борьбе Бакунина и Маркса в Интернационале, глубокий смысл и самый характер этой борьбы до сего времени еще остается не раскрытым полностью. Причиной здесь является то обстоятельство, что анархистские историки, которые больше всего писали об этой борьбе, пустили в обращение великое множество легенд, еще не рассеянных исторической критикой. А страстность, с какой обличали они Маркса, считая его главным и единственным виновником борьбы, приведшей к распаду I Интернационала, терроризовала даже некоторых марксистских исследователей, которые вместо анализа действительности занимались подысканием обстоя-

тельств, смягчающих жестокое отношение Маркса к Бакунину. Марксистская литература не имеет еще специального исследования, посвященного проблеме «Маркс — Бакунин»: работа Бернштейна, стремившегося примирить непримиримое и найти некую среднюю линию, по классическому образцу, «нельзя не признаться, но следует сознаться», отдельные главы Меринга, несколько глав Стеклова, исследовательские фрагменты Д. Рязанова — это почти все, что было написано серьезного по вопросам борьбы Бакунина и Маркса. Работа Иекка в счет не идет: автор «Интернационала» является образцом историка, ослепленного страстью. В этом смысле он оказывается родным братом Джемса Гильома, с той лишь разницей, что последний свою ненависть направляет против Маркса, Иекк — против Бакунина.

Страстный характер писем сразу вводит читателя в атмосферу *борьбы* с Бакунинным. Но письма Энгельса не характеризуются одной лишь страстностью. Центральное место занимают в них обвинения, которые анархистскими историками, а следом за ними, например, Э. Бернштейном, смягчаются, отстраняются, удаляются с центра внимания. Анархистская историческая литература во главу угла отношений между Марксом и Бакуниным ставит различие их интеллектуальных и психологических обликов, непримиримое чувство вражды, которую питали будто бы друг к другу эти два человека. При этом Маркс наделяется всеми качествами коварного, вероломного и тщеславного честолюбца, которому не давали покоя успехи противника, которого томило ревнивое желание в корне убить его влияние; отсюда неразборчивость в средствах, чтобы скомпрометировать его личность. В обширной анархистской литературе, начиная от монументальных работ Макса Неттлау и кончая язвительными компиляциями Н. К. Лебедева, *личная* неприязнь Маркса к Бакунину объявляется руководящим мотивом деятельности Маркса. Из писем Энгельса явствует, что здесь личная неприязнь явилась следствием именно агрессивности Бакунина: именно последний был нападающей стороной. Дело было вовсе не в том, кто из соперников будет иметь честь руководить Международным Товариществом Рабочих.

Это мещанская постановка вопроса. Вопрос заключался в том, пойдет ли Интернационал по тому пути, который намечался Марксом и его сторонниками, или по пути, на который увлекал Международное Товарищество Рабочих Бакунин. В одном из писем Энгельс бросает такое замечание: «Итальянцам надо еще пройти известную школу, чтобы понять, что такое отсталое крестьянское население, как оно может показаться только смешным, если захочет указывать рабочим больших промышленных народов, как им освободиться». Da ist der Hund begraben. А ведь бакунизм был идеологическим выразителем крайнего революционного порыва именно отсталого крестьянского населения, наиболее эксплоатируемого «чернорабочего люда», безработной и потому протестующей интеллигенции и других слоев, погибавших под колесами торжествующего капитализма. Революционный протест этих мелкобуржуазных и не освободившихся от мелкобуржуазной психологии масс, требовавший немедленного разрешения социальной проблемы, немедленного устранения государства, как причины всех зол, немедленной социальной ликвидации — и выразил с необычайной силой бакунизм. Но свою идеологию Бакунин пытался закрепить организационно; для осуществления всеразрушающей беспощадной революции ему нужен был рычаг. Этот рычаг искал он в Италии, организуя в годы 1864—1866 тайный союз социалистов-революционеров, в поисках этого рычага забрел в Лигу мира и свободы и лишь в 1868 г. ему сделалось совершенно ясным, что рычаг этот — Интернационал, и он — в руках Маркса.

Ставил себе или не ставил Бакунин целью вырвать этот рычаг из рук Генерального Совета? Пытался он или не пытался захватить «власть» в Интернационале с тем, чтобы повернуть его деятельность на тот путь, какой он находил необходимым? От ответа на этот вопрос уклоняются анархистские историки. Потому что положительный ответ на него оправдал бы без всяких разговоров и ненависть, которую Маркс и Энгельс питали к Бакунину, и все те крутые меры, с помощью которых они *спасали* Интернационал от Бакунина. Для Маркса и Энгельса суть вопроса была не в том, что Бакунин мог оказывать то или иное влияние на ход дел в Ин-

тернационале. Вопрос стоял так: угрожает ли Интернационалу захват или разрушение Генерального Совета бакунистами или не угрожает? Ставил себе агрессивные цели Бакунин или не ставил? Мы отвечаем на эти вопросы утвердительно: да, такие цели Бакунин себе ставил, да, он стремился вырвать «рычаг» революции из рук Генерального Совета, чтобы орудовать этим рычагом по-своему, во имя, разумеется, интересов революции, которым Бакунин был предан не менее беззаветно, чем его противники.

Борьба между Марксом и Бакуниным происходила не вокруг вопроса о том, кому из них *лично* быть во главе Генерального совета. Повторяем — лишь мещанская слепота может подсказывать такое нищенски убогое раскрытие антагонизма двух величайших революционеров девятнадцатого века. Борьба шла между двумя путями революции, между двумя мировоззрениями, между двумя, в ту эпоху исключавшими друг друга, революционными системами. Их нельзя было примирить, согласовать, впрячь в одну колесницу истории. Или одна, или другая — так был поставлен вопрос, и Маркс, жестоко ополчаясь против бакунизма в Интернационале, выполнял свое историческое назначение, сознание которого в нем было весьма остро. Маркс превосходно сознавал, *что* он делал, *какие* ценности защищал, *каков* был удельный вес его политической работы. Здесь ведь и заключены корни той непреклонной веры в себя, какие отличали Маркса и делали его таким страшным и непереносимым для филистеров.

Письма Энгельса вводят и нас в атмосферу борьбы не между лицами, но между направлениями.

«Тайное общество бакунистов в Испании — совершенно достоверный факт» — вот что беспокоит Энгельса. «Мы встречаем в разных формах стремление подменить программу Интернационала программой Бакунина и его компании», — пишет он в другом месте, — а ведь эта «подмена» не была для Маркса и Энгельса пустым звуком. Только люди, совершенно чуждые революции, способны равнодушно созерцать попытки враждебного «направления» направить ход событий в ту или иную сторону. Маркс таким человеком не был и готов был итти как угодно далеко, чтобы спасти то

направление, какое считал правильным. Другой вопрос: соответствовало ли его субъективное понимание объективному ходу вещей? Бакунин ведь не менее Маркса и Энгельса предан был революции, не менее их обоих субъективно убежден был именно в своей правоте. Но такова судьба всех великих столкновений, исход которых решает история. А ведь исторический приговор — теперь-то мы знаем это хорошо — оказался не в пользу Бакунина. Он был «одержим» революционной идеей не менее, чем Маркс. Но его «идея» была отсталой, по сравнению с «идеей» Маркса, а в положение он был поставлен такое, при котором ему приходилось нападать первому. Именно здесь корень вопроса: нападающей стороной был не Маркс, как хотят изобразить дело анархисты, а Бакунин. Он ведь в самом деле создавал заговор в недрах Интернационала, стремясь извнутри невидимо руководить «Международным Товариществом Рабочих».

Отсюда понятно ожесточение, с каким писал свои письма Энгельс. С точки зрения «благородных» нравов можно, разумеется, сожалеть о резкости выражений, которую позволяли себе воюющие стороны. Но Энгельс и Маркс, так же как и Бакунин, игнорировали священный ужас филистеров, получивших воспитание в аристократических и иных салонах.

Отметим еще великолепно сформулированное Энгельсом расхождение бакунистов и марксистов в понимании государства и капитала (в письме от 24 января 1872). Немногими скупыми фразами Энгельс вводит в понимание того, как глубоки и существенны были теоретические противоречия, разделявшие Маркса и Бакунина.

Нам остается сказать несколько слов о корреспонденте Ф. Энгельсе. Теодор Куно — по профессии инженер-механик — сын крупного чиновника в Рейнской провинции. До 1871 года имя его неизвестно. В конце шестидесятых годов он познакомился в Хемнице с Бебелем и Либкнехтом, которые ввели его в социал-демократическую партию. Это был честный революционер, терпевший преследования полиции за свою политическую деятельность. Он много скитался по разным странам. В конце 1872 г. переселился в Америку, в Нью-Йорк, где и умер в начале настоящего века. В Аме-

рике он принимал участие в рабочем движении и сотрудничал в социалистической газете «New-Yorks Volkszeitung».

Поводом к переписке между Энгельсом и Куно послужило письмо Куно от 1 ноября 1871 г., в котором он обратился к Энгельсу с просьбой дать ему рекомендации к миланским членам Интернационала и прислать ему соответствующую литературу и статуты Интернационала. Вместе с тем он выразил желание работать в Италии. Ответ Энгельса служит началом печатаемой нами переписки. Т. Куно председательствовал в комиссии на Гаагском конгрессе, разбиравшей вопрос о Бакунине и принявшей решение об исключении его из Интернационала.

В немецком издании письма опубликованы Б. Николаевским. Им же написаны примечания, переведенные нами вместе с письмами.

Вяч. Полонский.

I.

122. Regents Park Road, N. W. Лондон, 13 ноября 1871.

Уважаемый друг!

В ответ на ваше письмо от 1 с. м. я с сожалением должен сказать, что в данное время мы не имеем никаких связей в Милане, за исключением Gazz[ettino] Rosa, которой мы посылаем для напечатания документы, но которая пока не делала нам никаких предложений об образовании секций и т. п. Движение в интернациональном духе только теперь так внезапно и неожиданно возникло в Италии, что оно еще совершенно неорганизованно; а мордухайцы [310]), как вам известно, принимают всякие меры, чтобы помешать организации. В Милане должны быть подходящие элементы, это вытекает уже из того, что Gazz[ettino] R[osa] [311]) находит читателей. Пока вам не остается ничего другого, как искать их, я же обещаю вам прислать адрес первого, который ко мне оттуда обратится. Это, наверное, скоро случится, так как, благодаря предстоящим многочисленным публикациям Генерального Совета, мое имя, как секретаря для Италии, довольно быстро станет везде известно. Милан — большой промышленный город, бывший до сих пор центром мадзинизма, для нас еще особенно важен потому, что вместе с Миланом мы приобретем также и промышленные округа шелкового производства Ломбардии. Поэтому все, что вы и ваши друзья в состоянии будете сделать для общего дела в Милане, будет иметь совершенно особенное значение.

В Турине у нас имеется сильная секция (адр. Proletario Italiano) [312]), из Лоди («Plebe») [313]) пропали письма, в которых, вероятно, также сообщалось об образовании секций.

Риччиотти Гарибальди я видел сегодня утром у Маркса, это очень интеллигентный молодой человек, очень спокойный, но больше солдат, чем мыслитель. Он может, однако, стать очень полезным. Так же как и старик, он в своих теоретических взглядах проявляет больше доброжелательности, чем ясности; но все же его последнее письмо к Петрони имеет для нас огромное значение [314]). Если его сыновья проявят во всех больших кризисах такой же верный инстинкт, как старик, то они могут многое сделать. Можете ли вы достать для нас надежный адрес в Генуе? Нам необходимо посылать старику наши

издания в Капреру, а Р[иччиотти Гарибальди] говорит, что многое конфискуется.

Так как мое имя теперь, вероятно, также хорошо известно мордухайцам, прошу письма мне посылать по адресу:

Miss Burns, 122. R. P. R. N. W. London (как написано в заголовке письма), а не в High-Holborn, куда я прихожу только один раз в неделю и где все залеживается.

Внутренний конверт не нужен.

Посылаю вам по почте первую попавшуюся английскую газету и вкладываю в нее:

1. Resolutions de la Conference de l'Inter [nationale] a Londres [315]), Sept. 1871.

2. Гражданскую войну во Франции. Адрес Генерального Совета.

3. Новое издание статутов, до сих пор напечатанных только по-английски. Французское и немецкое издания скоро появятся.

Напишите мне поскорее.

Salut et Fraternité [316]). *Ф. Энгельс.*

II.

Лондон, 24 января 1872.

Дорогой Куно!

Я только что получил через [И. Ф.] Беккера ваше письмо и вижу из него, что проклятые мордухайцы перехватили мое подробное письмо к вам от 16 декабря. Это тем более досадно, что в нем содержались все необходимые сведения о бакунинских интригах, и вы на добрый месяц раньше были бы обо всем осведомлены, и еще потому, что я просил вас там, в качестве иностранца, который может подвергнуться высылке, держаться лучше несколько в стороне от публичной агитации, чтобы вы могли там оставаться и сохранить свое место, которое тем временем, к сожалению, погибло. Карточки отменены решением конференции [317]) о марках и заменены последними, с карточками давно уже было много злоупотреблений, так как очень много незаполненных карточек попало в руки полиции, которая их использовала. Через несколько дней я пришлю 10 марок вместо квитанции за полученные 10 франков, у меня сейчас нет марок. О старом капитане с деревянной ногой здесь ничего неизвестно, с Генеральным Советом он не связан [318]). Я охотно прислал бы вам статуты [319]), если бы у меня имелись какие-нибудь.

По-фран[цузски] и по-англ[ийски] они напечатаны, по-немецки они на-днях появятся, италь[янский] перевод лежит готовый для печати в моем письменном столе, но 1) у нас нет денег, чтобы печатать их на свой собственный счет, и 2) довольно сомнительно, признают ли там составленное Генеральным Советом, согласно с постановлениями конференции, пересмотренное издание ввиду вызванного Бакуниным общего возмущения итальянцев против конференции Г[енерального] Совета; пока это не выяснено, печатание, по моему мнению, бесполезно. Между тем, там появилось несколько итальянских изданий статутов, напр., в Джирдженти [экспедиция «Eguaglianza»],

также в Равенне (сведения можно было бы получить в экспедиции закрывшегося Romagnolo-Ludowico Nabruzzi в Р[име]), а также «La Plebe» в Лоди, «Corso Palestro» выпустил их в продажу по 10 сант. Хотя они плохо, а отчасти даже неправильно переведены и содержат только первоначальные постановления об управлении, но пока придется ими пользоваться.

Беккер пишет, что сообщит вам об интригах Бакунина, но я на это не полагаюсь и вкратце сообщаю вам необходимое. Бакунин, который до 1868 г. вел интриги против Инт[ернационала], затем, потерпев фиаско на Бернском конгрессе мира [320]), вступил в Инте[рнационал] и тотчас же начал *в нем* конспирировать против Г[енерального] С[овета]. У Бакунина особая теория — смесь прудонизма и коммунизма, причем прежде всего важно то, что главным злом, которое необходимо устранить, он считает не капитал, а следовательно, не возникшее из него классовое противоречие между капиталистами и наемными рабочими, а *государство*. В то время как огромная масса социал-демократических рабочих вместе с нами придерживается того взгляда, что государственная власть представляет только организацию, которую придают себе господствующие классы, землевладельцы и капиталисты, для ограждения своих общественных привилегий, Бакунин утверждает, что государство создало капитал, что капиталист владеет своим капиталом *только по милости государства*. Так как государство является, таким образом, главным злом, то прежде всего следует разрушить государство, и тогда капитал уже сам собой погибнет; мы же, наоборот, говорим: уничтожьте капитал, присвоение всех средств производства немногими, и государство само погибнет. Разница здесь существенная; разрушение государства без предварительного социального переворота — абсурд, уничтожение же капитала именно и *является* социальным переворотом, заключающим в себе изменение всего способа производства. Но так как для Бакунина государство составляет главное зло, то не следует делать ничего, что может сохранить государство, т. е. какую бы то ни было форму государства, республику, монархию или какую-либо другую форму. Отсюда вытекает, таким образом, *полный абсентеизм от всякой политики*. Совершить политический акт, в особенности принимать участие в выборах, было бы изменой принципу. Следует вести пропаганду, ругать государство, организоваться, и когда *все* рабочие будут привлечены, т. е. большинство, тогда надо уничтожить все власти, уничтожить государство и заменить его организацией Интернационала. Этот великий акт, которым начинается тысячелетнее царство, называется *социальной ликвидацией*.

Все это звучит чрезвычайно радикально и так просто, что в течение 5 минут это можно выучить наизусть, и поэтому-то эта бакунистская теория очень скоро встретила сочувствие в Италии и в Испании среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров. Но рабочую массу не так-то легко убедить, что общественные дела их страны не являются в то же самое время их собственными делами; они по природе

склонны к политике, и кто проповедует им, что им следует оставить в стороне политику, от того они в конце концов отворачиваются. Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких условиях значит бросить их в объятия попов или буржуазных республиканцев.

Так как по мнению Бакунина Интернационал должен быть создан не для политической борьбы, а для того, чтобы при социальной ликвидации он мог тотчас же занять место старых государственных организаций, то он должен возможно больше соответствовать бакунинскому идеалу будущего общества. В этом обществе прежде всего не существует *власти*, так как власть = государству = абсолютному злу. (Они, конечно, не говорят нам, как они будут вести фабрику, пользоваться железной дорогой, управлять кораблем без твердой воли в последней инстанции, без единого руководства.) Не существует также власти большинства над меньшинством. Каждая личность, каждая община автономны, но как возможно общество, хотя бы только из двух человек, без того, чтобы каждый до некоторой степени не отказался от своей автономии, об этом Бакунин опять-таки умалчивает. Интернационал должен, таким образом, быть построен по такому образцу. Каждая секция автономна, а внутри каждой секции автономна также каждая личность. Долой *базельские постановления* [321]), которые предоставляют Ген[еральному] Совету опасную и деморализующую его власть! Даже если эта власть *добровольно* ему предоставлена, она должна быть уничтожена, именно *потому, что* она власть!

Такова вкратце самая суть шарлатанства. Но кто же авторы базельских постановлений? *Сам господин Бакунин* с братией!

Когда эти господа на Базельском конгрессе увидали, что им не удастся провести своего плана перенести Ген[еральный] Совет в Женеву, т. е. взять его в свои руки, они стали действовать иначе. Они основали Alliance de la Dem[ocratie] Sociale — интернациональное общество — *внутри* большого Интернационала под предлогом, который вы теперь опять можете встретить в бакунистской итальянской печати, напр., в «Proletario [Italiano]», «Gazz [ettino] Rosa», что для горячих латинских рас определенная программа более необходима, чем для холодных флегматичных северян.

Но этот план потерпел неудачу, благодаря противодействию Ген[ерального] Совета, который, конечно, не мог допустить существования какой-нибудь отдельной *интернациональной* организации внутри Интернационала. С тех пор мы встречаем в разных формах стремление подменить программу Интернационала программой Бак[унина] и его компании; с другой стороны, реакция Жюль Фавра и Бисмарка вплоть до Мадзини обрушивалась именно на пустое бакунинское фразерство, когда речь шла о нападках на Инт[ернационал]. Это вызвало необходимость выступления против Мадзини и Бакунина 5 дек[абря], напечатанного также в Gazz[ettino] Rosa [322]).

Цвет бакунизма состоит из двух-трех дюжин человек в Юре, которые едва ли имеют за собой 200 рабочих; авангардом являются молодые адвокаты, доктора и журналисты в Италии, которые везде

теперь выступают от имени итальянских рабочих, некоторые также в Барселоне и в Мадриде, отдельные лица из них — в очень редких случаях рабочие — выступают иногда в Лионе и Брюсселе — здесь единственным экземпляром является Робен [323]). Поводом для них послужила созванная по необходимости, вместо ставшего совершенно невозможным конгресса, конференция; а так как в Швейцарии большая часть находившихся там французских эмигрантов перешла на их сторону, потому что они (прудонисты) нашли там родственные тенденции, а также по личным мотивам, то они начали кампанию. Конечно, везде в Инт[ернационале] встречались недовольные меньшинства и непризнанные гении, и на них не без основания возлагались надежды.

В настоящее время их боевые силы состоят из:

1. Самого Бакунина — Наполеона этой компании.

2. 200 немцев и 40—50 членов французской секции (эмигрантов в Женеве).

3. В Брюсселе — из Гинса (Hins), ред[актора] «Liberté», который, однако, открыто не выступает за них.

4. Здесь — остатки никогда не признанной нами французской секции 1871 г., которая уже раскололась на 3 враждующие друг с другом части, затем около 20 человек из немецкой секции, вследствие массового выступления из Инт[ернационала] выброшенных лассалианцев типа господина Ф. Швейцера, которые, как защитники крайней централизации и сильной организации, являются удивительно подходящими элементами для союза анархистов и автономистов!

5. В Испании — из нескольких личных друзей и последователей Бакунина, которые имели сильное влияние на рабочих, в особенности в Барселоне, по крайней мере теоретически. Но испанцы зато обращают большое внимание на организованность, и отсутствие ее у других народов сильно бросается в глаза. В какой мере Бакунин может здесь рассчитывать на успех, выяснится только на испанском конгрессе в апреле, а так как там будут преобладать рабочие, то я ничего не опасаюсь.

6. Наконец в Италии, насколько мне известно, сек[ции] Турина, Болоньи и Джирдженти высказались за созыв конгресса ранее установленного срока.

Бакунистская пресса утверждает, что 20 итальянских секций примкнули к ним; я их не знаю. Во всяком случае руководство везде находится в руках друзей и приверженцев Бакунина, которые сильно шумят; но при более подробном расследовании дела, вероятно, выяснится, что у них не особенно много сторонников, так как в конце концов огромнейшая масса итальянских рабочих до сих пор состоит еще из мадзинистов, которые останутся ими до тех пор, пока там программа Интернационала отождествляется с *воздержанием* от политической деятельности.

Во всяком случае в настоящее время в Италии в Инт[ернационале] господами положения являются бакунисты. Ге[неральный] С[овет] и не думает на это жаловаться. Итал[ьянцы] имеют право делать

сколько угодно глупостей, и Г. С. будет бороться с этим только путем мирных дебатов. Они имеют также право высказаться за конгресс в духе юрцев, хотя, конечно, в высшей степени странно со стороны секций, которые только что вступили и ни о чем еще не могут знать в таком деле, без всяких рассуждений стать на чью-либо сторону, в особенности раньше, чем они выслушали *обе* стороны! Я высказал по этому поводу всю правду туринцам и сделаю это также в других секциях, которые высказались подобным же образом. Ибо всякое такое выражение солидарности является косвенным одобрением содержащихся в циркуляре несправедливых обвинений и лжи против Г. С., который, впрочем, в скором времени выпустит по этому поводу свой циркуляр. Если вы *до появления* его можете помешать подобному выражению солидарности со стороны испанцев, то вы исполните все наши желания.

Комичнее всего то, что эти же самые туринцы, которые высказываются в пользу юрцев, следовательно, здесь упрекают нас в авторитаризме, теперь вдруг требуют от Г. С., чтобы он властно выступил против враждебной туринской Federatione Operaja (рабочей федерации) в такой форме, в какой он до сих пор никогда этого не делал, подверг изгнанию Beghelli из Фиэнанозо, который даже не входит в Интернационал и т. п. И все это еще раньше, чем мы выслушали Fed[eratione] Op[eraja], *что* же последняя скажет на это!

В прошлый понедельник я послал вам «Rev[olution] Social[e [324])] с юрским циркуляром, один № женевской «Egalité» [325]) (номера с ответом Женевского федерального комитета, представляющего в 20 раз больше рабочих, чем юрцы, у меня, к сожалению, больше нет) и номер «Volksstaat», из которого вы увидите, что думают об этой истории наши друзья в Германии. Сакс[онское] областное собрание 120 делегатов из 60 мест — единогласно высказалось за Г[енеральный] С[овет]. Бельгийский конгресс (25—26 декабря) требует пересмотра статутов, но на очередном конгрессе (в сентябре). Из Франции мы ежедневно получаем выражения одобрения. Здесь (в Англии) все эти интриги, само собою разумеется, не находят почвы. И, конечно, Г[енеральный] С[овет] не созовет чрезвычайного конгресса в угоду нескольким интригам и болтунам. Пока эти господа держатся на законной почве, Г[енеральный] С[овет] охотно предоставляет им свободу, так как эта коалиция самых разнородных элементов скоро распадется; но если они что-нибудь предпримут против статутов или постановлений конгресса, тогда Г. С. исполнит свой долг.

Если только подумать, в какой момент эти господа начинают свою конспирацию, — именно тогда, когда везде идет ожесточенная травля Интернационала, — то нельзя отделаться от мысли, что эти господа при этом подкуплены международной полицией (Mardochaerei). И это действительно так. В Безье (Beziers) женевские бакунисты имели корреспондентом центрального комиссара полиции! Два главных бакуниста, Альбер Ришар из Лиона и Леблан, были здесь и заявили одному рабочему, Шоллю из Лиона, к которому они обратились,

что единственное средство сбросить Тьера — это опять посадить на престол Бонапарта, и что они с этой целью разъезжают на *бонапартовский* счет, чтобы вести среди эмигрантов пропаганду о реставрации Бонапарта [326]). Это называют эти господа воздержанием от политики! В Берлине подкупленный Бисмарком «Новый Социал-Демократ» [327]) поет ту же самую песенку. Насколько русская полиция принимает в этом участие, я пока оставляю в стороне, но Бакунин был сильно запутан в нечаевском деле (он хотя отрицает это, но мы здесь имеем подлинные русские сообщения, так как я и Маркс понимаем по-русски, то он ни в чем не может нас разубедить), и Нечаев либо рус[ский] агент-провокатор, либо во всяком случае действовал так, как если бы он был таковым; а кроме того, среди русских друзей Бакунина имеются всякие подозрительные личности [328]).

Мне очень жаль, что вы потеряли свое место, я определенно писал вам, чтобы вы избегали всего того, что могло бы к этому повести, так как ваше присутствие в Милане для Интернационала гораздо важнее того влияния, которое можно иметь *публичным выступлением*. Тайно также можно многое сделать и т. д. Если у меня будет возможность оказать вам помощь при переводах, то я сделаю это с величайшим удовольствием, скажите мне только, с каких языков и на какие вы можете переводить и *чем* я могу быть вам полезным. Мою карточку эти полицейские собаки, значит, также перехватили. Посылаю вам другую и прошу прислать две ваши, из которых одна послужит для того, чтобы дочь Маркса дала одну карточку ее отца для вас (у нее самой имеется еще пара хороших).

Кроме того, прошу вас быть осторожным со *всеми* лицами, которые близко связаны с Бакуниным. Все секты обыкновенно крепко держатся друг за друга и занимаются интригами. *Всякое ваше сообщение* тотчас же будет передано Бак[унину], можете на это положиться. Одним из его основных принципов является утверждение, что держать обещание и тому подобные вещи — это буржуазные предрассудки, к которым истинный революционер всегда в интересах дела должен относиться с презрением. В России он это открыто высказывает, в Западной Европе он учит этому тайно. Напишите мне поскорее, если бы нам удалось, чтобы миланская сек[ция] не участвовала в хоре других итальянских секций, то это было бы очень хорошо.

Salut и Fraternité.

Ваш *Ф. Энгельс.*

Если вы пишете мисс Б[эрнс], то *не нужен* ни внутренний конверт, ни *упоминание моего имени*, я все сам открываю.

Следующее письмо Энгельса к Куно не попало в руки адресата, который был уже арестован и выслан из Италии. Приводимое ниже письмо застало уже Куно в Лютихе.

III.

Лондон, 22 апреля.

Дорогой Куно!

Сегодня утром я получил ваше письмо, которого я с беспокойством ожидал. Гондольфи [329]) недавно писал мне, что есть предположение, что ит[альянское] правительство выдало вас Пруссии. О вашем аресте и т. п. я узнал из газет, которые указывали, что вас выслали ввиду «отсутствия средств к жизни». В миланской газете была подобного рода полицейская заметка. Эта история имеет большое значение. Это первый акт интернационального полицейского заговора между Пруссией, Австрией и Италией, и если вас не отправили по этапу с баварской границы в Дюссельдорф, то вы обязаны этим только *глупости* баварцев. Завтра вечером я сделаю об этой истории доклад Генеральному Совету, и затем она будет помещена в официальном отчете «Eastern Post» [330]) и станет известна во всем мире. Но вы, однако, напишите корреспонденцию об этом от своего собственного имени и пошлите ее в «Volksstaat» [331]), в женевскую «Egalité» и в «Gazz[ettino] Rosa». Об Англии, Америке и Испании, а также Фран[ции] мы позаботимся здесь. Эти негодяи должны увидеть, что влияние членов Интернационала больше влияния короля Италии. Как только вещь эта будет напечатана, я пошлю вам экземпляр вместе с другими газетами, которые мне удастся собрать для вас, это будет не особенно много.

Совет Либкнехта, чтобы вы написали Бисмарку, очень хорош, но по совершенно другим причинам. Во-первых, Бисмарк не только не будет содействовать вам в получении вознаграждения за убытки, но он будет очень рад случившемуся и будет только злиться, что баварцы отпустили вас, не поняв, что здесь был прекрасный случай провезти этапным порядком через всю Германию члена Интернационала. Но вы должны написать Б[исмарку], чтобы иметь потом возможность послать его несомненно очень уклончивый ответ Бебелю, который по этому поводу поднимет *шум в рейхстаге*. Но, конечно, и речи не может быть о том, чтобы Бисмарк даже подумал наказать Италию за то, что она так хорошо исполнила его предписания. Вы не должны удивляться тому, что встретили такую незначительную поддержку со стороны партийных товарищей. Уже из одного из ваших предыдущих писем я видел, что у вас есть еще юношеские иллюзии о поддержке, которую можно встретить в несчастьи; к сожалению, мой ответ на него был конфискован мордухайцами и не получен вами. Но к этому надо еще прибавить, что хотя теоретически наши немецкие рабочие далеко опередили всех других, на практике они, однако, далеко еще не сбросили с себя ветхого Адама и, благодаря мелкобуржуазным немецким условиям, особенно в денежных вопросах, отличаются ужасной бессердечностью. Поэтому меня совершенно не удивляет то, что вам пришлось испытать в этом отношении. Если бы у меня были деньги, я послал бы вам немного, но мы в этом отношении здесь крайне стеснены. У нас здесь больше ста нуждающихся (и в *буквальном смысле*

нуждающихся, так как ни одна нация не терпит такой нужды за границей, как французы) эмигрантов Парижской Коммуны, а то, что не пошло в их пользу, было отправлено одному очень славному парню в Корк, в Ирландию, который основал там Интернационал и, благодаря этому, подвергся преследованиям попов и буржуазии и совершенно разорился — в данный момент у нас ничего нет. Если мы откуда-нибудь кое-что получим, я позабочусь о том, чтобы вы не были забыты.

Напишите мне, в каких отраслях вашей профессии вы работали практически и что вы вообще можете делать, я постараюсь что-нибудь подыскать для вас. Хотя Англия наводнена иностранными инженерами, но все же, может быть, можно что-нибудь сделать. У меня есть кое-какие хорошие связи.

Во время вашего тюремного заключения произошли разные события. В Турине Terzaghi за контрабанду и подозрительные сношения с полицмейстером (Questore) изгнан из Em[ancipation] del Pr[oletario] [332]), он выпустил еще 2—3 номера «Proletario [Italiano]», в которых он их, как прежде Fed. Operaja, называет canaglia, borghesi, vigliachi (сволочью, буржуа, подлецами) и т. п., но газета, как почти все новые мелкие газеты в Италии — «Martello», «Campana» [333]) и др.,— теперь совершенно погибла. Я написал Т. [334]) и спросил его, основательны ли эти обвинения, он прислал мне номер «Prol[etario] Italiano», полный ругани, и пишет, что это все негодяи! Человек этот уже давно казался мне подозрительным; Регис (который под именем Тешан был у вас и теперь находится в Женеве) узнал, что он постоянно ездит к Бакунину в Локарно; очень хорошо, что он теперь проявил себя как обыкновенный негодяй.

В Болонье рабочий союз (Fascio operajo) Романьи устроил конгресс, на котором они проявили себя настоящими бакунистами [335]). Романьолы (Romagnolen) вступают в Интерн[ационал], но и слышать не хотят о признании статутов и т. п. Они еще нам не писали, хотя конгресс происходил еще 18 марта; они встретят у нас холодный прием. Равеннская секция писала нам, сообщила о своем присоединении, но salva la propria autonomia (под условием собственной автономии); я просто спросил их: принимают они наши статуты или нет?

В кипе присланных мне газет я только что прочитал, что Пецца и Тестини также арестованы в Милане приблизительно 30 марта [336]).

Циркуляр Генерального Совета о Бакунине и его сторонниках сдан в печать и будет готов в конце следующей недели [337]). Я вышлю его вам немедленно по его выходе. Он высказывается в очень категорической форме и вызовет ужасный скандал. Газеты я рассчитываю послать вам завтра «Gazz[ettino] Rosa» и некоторые другие и вообще все, что мне удастся собрать.

В Сарагоссе от 8 до 11 апреля происходил Испанский интернациональный конгресс, причем наши товарищи победили бакунистов. Теперь обнаружилось, что в Испании Alliance de la Dem[ocratie] Soc[ialiste] спокойно продолжала существовать внутри Интернационала как *тайное общество* под руководством Бакунина — тайное

общество, направленное не против правительства, а против массы рабочих! У меня есть полные основания подозревать, что то же самое происходит и в Италии. Какие сведения имеете вы об этом?

Если из того места в Испании, которое Беккер имеет для вас в виду, — что-нибудь выйдет, дайте мне тотчас же знать об этом, чтобы я мог дать вам туда рекомендации к нашим товарищам.

Это место, вероятно, в Каталонии, единственной промышленной провинции Испании, и там вы могли бы оказывать очень полезное влияние, так как хотя рабочая масса там очень хороша, она оставляет там в руках бакунистов газету («La Federacion») Барселоны и самые влиятельные места.

В Турине единственной газетой теперь является «L'Antichristo» [338]), нечто вроде еженедельной «Gazzettino Rosa». Кроме того, существуют еще «La Plebe» в Лоди, «Il Fascio Operajo» в Болонье, «L'Eguaglianza» в Джирдженте — все другие итальянские газеты прекратили свое существование. Из опыта других стран мне давно было ясно, что так должно случиться. Недостаточно для этого иметь во главе несколько человек, масса же в Италии еще слишком отсталая, чтобы могло существовать столько газет.

Потребуется еще долгий и упорный труд с гораздо большим теоретическим содержанием, чем то, которым обладают бакунисты, чтобы массы перестали увлекаться мадзинистскими глупостями.

Очень благодарен вам за миланский адрес. Не лучше ли было бы, если бы вы сперва написали этому человеку и попросили его прислать вам отчет о теперешнем положении Интернационала в Италии, который вы могли бы уже переслать мне, а уж затем я ответил бы ему?

Теперешним корреспондентом и секретарем состоит М. Гондольфи, один из бакунистов, следовательно.

Напишите мне поскорее опять, в особенности о том, что вы можете делать по своей специальности, чтобы я мог кое-что предпринять.

С сердечным приветом ваш *Ф. Э.*

Адрес, по которому вы писали мне, самый лучший (адрес вашего дюссельд[орфского] письма) 23 апреля 72.

IV.

Лондон, 7 мая 1872.

Дорогой Куно!

Очень хорошо, что вы пишете по вашему делу Б[исмарку], хотя бы только с целью заставить его оскандалиться и дать случай Бебелю явиться с этим в рейхстаг. Вы, вероятно, получили уже «Eastern Post» с отчетом о заседании Генерального Совета, в котором я рассказываю о вашем деле, посланную отсюда 2-го с. м., а также посланные вам 24 и 27 апреля газеты. Я сообщил также о заговоре для устройства поджога [339]), но отчет, который я завтра посылаю вам, очень плохо составлен, как это бывает всегда, когда я не сам составляю эти вещи.

Я писал о вас приятелю в Манчестер, бумагопрядильщику, который, наверное, все сделает для вас. К сожалению, он теперь проводит в Манчестере только два дня в неделю, так как остальное время он в течение недель четырех должен проводить на фабрике своего отца в провинции, и поэтому он до своего окончательного возвращения очень мало может сделать для вас. К несчастью, и другой мой инженер (Consulting Engineer), имеющий большие связи, теперь уехал на два месяца в Германию. Если я в ближайшее время не сообщу вам ничего утешительного, то вы должны приписать это указанным причинам.

Тайное общество бакунистов в Испании [340]) — совершенно достоверный факт. Отчет брюссельской «Liberté» о конгрессе в Сарагоссе, который вы, вероятно, на-днях найдете в «Volksstaat» (второй), даст вам подробные сведения об этом. К счастью, лучшие люди из него скоро поняли, что интересы этого тайного общества и интересы Интернационала совершенно не тождественны, и так как они принимают близко к сердцу интересы Интернационала, то они тотчас же изменили свое отношение и остались в тайн[ом] обществе лишь затем, чтобы следить за ним и парализовать его. Один из них был здесь в качестве делегата на конференции и убедился, что все, что там ему говорили об интригах, диктатуре и т. п. Генерального Совета, совершеннейший вздор. Вскоре после этого один из наших лучших товарищей, полуфранцуз, полуиспанец [341]), приехал в Мадрид, и это решило дело. У испанцев прекраснейшая организация, которой они с полным правом гордятся, прекрасно сохранившаяся в течение шести месяцев, и вот являются эти ослы из Альянса Бакунина на Сарагосский конгресс и требуют, чтобы они парализовали деятельность этой организации только ради автономии секций. Все, в чем юрские филистеры упрекали Генеральный Совет, все требования, которые они предъявляли Генеральному Совету, аннулирование всех предоставленных ему полномочий, низведение Генерального Совета до роли простого бюро корреспонденций, — все это применили эти господа в Испании к Испанскому федеральному совету. Но испанские рабочие высмеяли, конечно, этих доктринеров и единодушно заставили их замолчать. Это самый тяжелый удар, который до сих пор был нанесен Бак[унину] — на Испанию он твердо надеялся; между тем пример этот повлияет и на Италию.

Я ни минуты не сомневаюсь в том, что та же самая тайная организация существует и в Италии, хотя, может быть, и не в такой определенной форме, как в склонной к формализму Испании. Лучшим доказательством этого служит для меня почти военная точность, с которой там со всех концов страны раздавался одновременно данный сверху лозунг — заметьте себе, это те люди, которые в противовес народу и Интернационалу всегда проповедуют dal basso all'alto (снизу вверх)! Что вы не были посвящены, вполне понятно, ведь даже из бакунистов в это эзотерическое общество допускаются одни лишь вожди. Между тем из Италии приходят отдельные хорошие вести. Феррарцы подчинились, признали статуты и административный регламент и

прислали свои собственные статуты на утверждение, что также совершенно противоречит данному бакунистами паролю. Труднее всего в Италии войти в непосредственные сношения с рабочими. Повсюду проникли эти проклятые бак[унистские] доктринеры, адвокаты, врачи и т. п. и ведут себя так, как если бы они от рождения были представителями рабочих. Если нам где-нибудь удается прорвать их ряды и притти в соприкосновение с самими массами, то там все скоро налаживается, но за отсутствием адресов это почти нигде не удается. Поэтому было так важно, чтобы вы могли остаться в М[илане] и от поры до времени посещать тот или другой город с одним или двумя хорошими товарищами; в главных пунктах можно было бы в полгода справиться со всей этой сволочью. Относительно испанской полиции я могу вам только сказать, что, по всем видимостям, она ужасно глупа и что среди нее нет решительно никакого единства. Напр., один из наших лучших товарищей в Мадриде должен был быть выслан по распоряжению министра внутренних дел, но губернатор Мадрида заявил quod non (что нет), и он спокойно остался там.

8 мая. Когда это письмо было уже написано, я получил ваше письмо из Серенга [342]).

Я не могу понять истории с прус[ской] полицией.' Полиция *абсолютно* ничего не могла вам сделать, если только вы не дали ей повода для судебного преследования, но ведь вы этого избегали. Может быть, ваш отец сыграл комедию, чтобы избавиться там от неудобной для него истории.

Во всяком случае, я здесь посылаю вам 50 фр. банкнотами, подробное описание в конце. Адресов в Серенге у меня нет, но я сейчас же напишу Цезарю де Пэпу, Hôpital St. Jean, Брюссель (члену Бельгийской федерации), чтобы он прислал вам адреса, а также Альфреду Герману [343]), 57, Mont St. Martin, Liège (я не знаю, находится ли он еще в Люттихе). Если вы получите не скоро письмо от де Пэпа, то напишите ему и сошлитесь на меня. Если вы поедете в Люттих, разыщите Германа, к которому я прилагаю здесь несколько строчек, он может дать вам все; это лучше, чем если я напишу ему по почте; его, может быть, нет уже там — ведь от вас это совсем близко. Недоставленное письмо, вскрытое на почте, могло бы скомпрометировать вас.

Довольно комичный секрет о Беккере я разъясню вам в моем следующем письме.

А пока искренне ваш *Ф. Э.*

Письмо Герману надо передать только *лично ему*, он также живет у реакционеров-родителей и братьев и сестер.

8 мая вечером. — Так как из-за получения при[лагаемых] денег, 50 фр. Banque de France Nota (помечено 11 октября 1871, № 2, 648, 626 наверху налево, 626 наверху направо, комната 106), запоздал с отправкой этого письма заказным, что необходимо при посылке денег, то у меня есть еще время рассказать вам историю с Беккером, которая является лишним примером того, насколько всемирная исто-

рия состоит из разных мелких дрязг. Старый Беккер еще с давних пор сохранил свои старые понятия об организации, существовавшей еще до 1848 года: маленькие союзы, руководители которых сохраняют между собой более или менее организованную связь для придачи общего направления всей организации; иногда допустима некоторая конспирация и т. п., к этому надо прибавить еще также сохранившуюся от тех времен уверенность, что центральный орган немецкой организации должен находиться *вне* Германии. Но когда был основан Интернационал, и Беккер взял в свои руки организацию немцев в Швейцарии, он основал в Женеве секцию, которая постепенно, основывая новые секции в Швейцарии, Германии и т. д., превратилась в «главную секцию» «группы секций немецкого языка» и претендовала на верховное руководство не только среди немцев в Швейцарии, Америке, Франции и т. д., но и в Германии и Австрии. Это был метод старой революционной организации до 1848 г., и пока в основе его лежал принцип добровольного подчинения секций, против этого ничего нельзя было возражать; но добрейший Беккер забыл только, что для таких мелких средств и целей все здание Интернационала было слишком грандиозно. Однако Беккер и его сторонники все же что-то *делали*, и всегда оставались прямыми и официальными секциями Интернационала.

Тем временем рабочее движение в Германии развилось, освободилось от цепей лассалианства и *принципиально* высказалось под руководством Бебеля и Либкнехта за Интернационал. Движение стало слишком сильным и приобрело слишком большое самостоятельное значение, чтобы оно могло признать руководство женевской главной секции; немецкие рабочие созывали собственные конгрессы и избирали свои собственные органы управления. Однако отношение немецкой рабочей партии к Инт[ернационалу] никогда не было ясно. Отношение это оставалось чисто платоническим, действительного членства не существовало, даже и для отдельных лиц (за единичными исключениями), а образование секций запрещалось законом. Тогда в Германии решено было признавать только *права* членства, но не считаться с *обязанностями*, и только на Лондонской конференции было постановлено, чтобы исполнялись также и обязанности.

Вы поймете теперь, что должно было возникнуть не только нечто вроде соревнования между вождями в Германии, с одной стороны, и Женевской главной секцией, с другой стороны, но что неизбежны были также и отдельные конфликты, особенно из-за уплаты взносов. Насколько по обыкновению авторитарно держал себя Генеральный Совет, вы можете видеть из того, что он никогда не интересовался всем этим делом. Обе стороны в одних вопросах правы, в других нет. Беккер с самого начала считал Интернационал чрезвычайно важным, но он хотел придать ему давно уже устаревшую форму. Либкнехт и др. правы в том отношении, что немецкие рабочие желают сами управлять собою, а не управляться тайным собором в Женеве; но на самом деле они хотели подчинить Интернационал своим специфическим немец-

ким целям и сделать его служебным органом. Генеральный Совет вмешался бы только по требованию обеих сторон — или в случае серьезного конфликта. Либкнехт, очевидно, принял вас за беккеровского агента, разъезжающего в интересах Женевской главной секции, и этим объясняется то недоверие, с которым он, очевидно, принял вас. Он еще тоже один из людей 1848 года и придает больше значения таким пустякам, чем они заслуживают. Вы должны быть рады, что не переживали этого времени — я говорю не о первом революционном восстании от февраля до июня, — оно было грандиозно, — а о демократических дрязгах, начиная с июня 1848 г. и последующей эмиграции 1849—51 гг. — ведь теперь движение бесконечно грандиознее. Это, надеюсь, объяснит вам прием, оказанный вам в Лейпциге. Впредь не следует придавать значения подобным мелочам, — это вопросы, острота которых с течением времени сама собой притупляется. Когда вы столкнетесь с бельгийскими секциями Интерн[ационала], вы, может быть, тоже будете разочарованы. Прежде всего не составляйте себе преувеличенного представления об этих людях. Это очень хорошие элементы, но дело в общем приобрело известную рутину, и фраза для них важнее дела. Громкими словами, как автономия и стремление к авторитаризму, в Бельгии также можно собрать большую аудиторию. Eh bien, vous verrez pour vous-même [344]).

С приветом ваш *Ф. Э.*

V.

Лондон, 10 июня 1872.

Дорогой Куно!

Пишу вам второпях несколько слов. Я сегодня послал вам по почте 1 на адрес Германа, вложенными в кельнскую газету, 2 экз. (из которых один для вас) циркуляра Ген[ерального] Совета против интриг Бакун[ина] [345]). Вы там найдете весь необходимый материал от начала до конца.

У нас имеются теперь в руках доказательства об испанском тайном обществе la Alcanza, и на конгрессе будет жаркая схватка. В Италии оно *наверно* также существует. Если бы Регис мог туда поехать! Но бедняга теперь состоит газетным репортером в Женеве, чтобы как-нибудь прожить. Кафьеро в Неаполе и еще кто-то в Турине [346]), имя которого еще мне неизвестно, передали мои письма юрцам — для меня это не важно, но самый факт предательства неприятен. Итальянцам надо еще пройти известную школу, чтобы понять, что такое отсталое крестьянское население, как оно может показаться только смешным, если захочет указывать рабочим больших промышленных народов, как им освободиться.

Впрочем, я теперь не получаю больше итальянских газет, поэтому не могу и вам посылать их. У Кафьеро, который обыкновенно посылал их, повидимому, совесть не совсем чиста.

Письмо из Дюссельдорфа, которое я вам переслал, вы, вероятно, уже получили.

Мы знаем, что дела в Бельгии идут довольно вяло. Апатичность этой нейтральной нации (Sit venio verbo) служит причиной того факта, что интриган и осел [347]) могут там задавать тон. Инт[ернационал] в Бельгии приходит все больше в упадок, благодаря апатии интеллигентов и испытанных вождей. Впрочем, эти крикливые умники оказали нам величайшую услугу своим новым проектом статутов. Предложение об упразднении Г[енерального] Совета положило конец последнему остатку его влияния (которое было довольно веско, так как это была одна из старейших федераций). Испанцы прямо называют это предательством. Жаль, что вы не едете в Испанию — публика там понравилась бы вам. Из всех романцев у них больше всего данных. И вы могли бы там быть очень полезны, эти господа нуждаются в некотором количестве немецкой теории, и они очень восприимчивы к этому. К тому же они ужасные фанатики, исполнены такой классовой ненависти к буржуа, о которой ни мы, северяне, ни колеблющиеся итальянцы не имеем ни малейшего представления.

Настоящим автором проекта статута опять-таки является, конечно, Бакунин. Проект составлен Гинсом, а этот последний по сродству душ и через свою жену — русскую — является орудием Б[акунина].

Либкнехт 15 апреля садится в тюрьму [348]). Когда мои приятели опять вернутся в Манчестер, я поищу что-нибудь для вас, пока я ничего не могу сделать. При всех ваших неудачах, вы все же счастливы, что имеете профессию, с которой довольно легко пробиться в случае нужды, по крайней мере на континенте. Здесь это гораздо труднее, благодаря другой организации труда.

Ваше последнее описание того впечатления, какое произвел на вас Дюссельдорф, рассмешило меня до слез. А для нас, филистерствующих вуппертальцев, Дюссельдорф всегда был маленьким Парижем, где благочестивые господа из Бармена и Эльберфельда содержали своих любовниц, ходили в театр и развлекались по-царски. Но там, где у человека живет реакционная семья, там ему всегда будет неприятно. Кроме того, прогресс промышленного развития, который захватил также и Дюссельдорф, имеет во всей Германии крайне гнетущий, смертельно скучный характер сам по себе, так что я могу себе представить, что вуппертальская пустота и скука проникла теперь и в Дюссельдорф.

Но мы в одно прекрасное утро изгоним это оттуда и опять запоем ту старую песенку, которую 30 лет тому назад пели в Милане:

Nun, nun, semper nun,
Ese ciappem la ciopra
La pagaremo nun!

Но буржуа должны заплатить за ciopra (кафтан).

Ваш *Ф. Энгельс.*

VI.

Лондон, 5 июля 1872.

Дорогой Куно!

Вчера я послал Г[ерману] для вас несколько английских и испанских газет.

Бельгийцы производят такое же впечатление на всякого приезжающего туда. Весь Инт[ернационал] там одна пустая болтовня, за которой ничего не кроется. В этом, главным образом, виноваты вожди, из которых один только де Пэп действительно дельный, но апатичный человек, Гинс же *болтун* (пустомеля); зато он хитер, честолюбив и активен. Через свою жену — русскую — Гинс непосредственно связан с Бакуниным и по его поручению составил *гнусный* проект об упразднении Г[енерального] С[овета]. Гинс теперь в Вервье. Вы бы сделали полезное дело, если бы немножко последили за ним. В Вервье есть также немецкая секция, связанная с «Volksstaat'ом». Я написал корресп[онденту] П. Шлебаху (14 июня), rue du Pont, 2, послал также «Scissions», но до сих пор не получил ответа. Было бы очень хорошо, если бы вы могли съездить туда и связаться с тамошней публикой.

Я писал Гепнеру [349]), чтобы вам из Германии прислали мандат на конгресс, но на всякий случай было бы хорошо, если бы вы получили мандат от немецкой секции Вервье, если она сама не посылает когонибудь на конгресс. Бакунин и К° приложат все усилия, чтобы побить нас на конгрессе, а так как эти господа не разбираются в средствах, то мы должны принять все меры. Они пошлют делегатов от различных обществ, вовсе не входящих в Инт[ернационал], и будут стараться предоставить этим господам право голоса, как делегатам Инт[ернационала], с целью оставить в меньшинстве Г. С. посредством коалиции самых разнородных элементов. Швейцер и Газенклевер вступили уже в открытый союз со здешними негодяями Везиньером, Ландеком, Смитом, Шнейдером и др., а эти последние, в свою очередь, состоят в переписке с юрцами и с американскими проходимцами (см. о них в «Emancipacion») [350]), которую я вчера послал вам. Какой прием встретили там «Scissions»? Я послал Герм[ану] в общем 5 экземпляров, но они должны быть размножены. Делает ли это Г[ерман]? И как он вообще держится? На последнем Бельгийском конгрессе он, как я слышал, энергично выступал в пользу Г. С. Сомнительно, чтобы вы могли получить право бельгийского гражданства. Право американского гражданства можно получить только посредством предварительного заявления и пятилетнего пребывания в стране.

Конгресс [351]) состоится во всяком случае. От полицейского вмешательства на континенте никогда нельзя быть гарантированным; но тогда надо сесть на пароход, поехать в Англию и устроить его там. Назначить его уже заранее в Англии было неудобно. Хотя только здесь полиция оставляет вас в покое, он все же подвергся бы нападкам противника. Г. С.,—говорили бы они,—созывает конгресс в Англии, потому что только там он имеет искусственное большинство.

Бакунин выпустил по поводу «Scissions» очень сердитое, но очень слабое ругательное письмо [352]). Этот медведь взбешен, что его, наконец, вытащили на белый свет из его берлоги в Локарно, где интриги и происки не могут помочь. Он теперь заявляет, что он является жертвой заговора всех европейских *евреев*.

На чем старик себе сломает шею, это на существовании «альянса» в Испании, по крайней мере, *в виде тайного общества*. У нас не только имеются в руках доказательства этого, но дело это теперь совершенно официально известно в Мадриде и т. п., так что об отрицании и речи быть не может. Этот достойный человек, который везде вел себя, как самый преданный передовой борец Интернационала, организовал этот тайный заговор, чтобы захватить общее руководство и при помощи своих посвященных в дело клевретов, иезуитов водить за нос, как стадо баранов, огромную массу рабочих! Если бы это было принято, я бы ни одного дня не остался больше в Интернационале. Недоставало еще, чтобы я был игрушкой в руках Бакунина! Самым тяжелым ударом для него было то обстоятельство, что мы обнаружили это дело и угрожаем ему разоблачением на конгрессе. А теперь Лафарг (зять Маркса, живущий уже 8 месяцев в Мадриде) указал ему, что он, Б[акунин], собственноручно составил тайные инструкции, которыми там должен руководствоваться Интернационал, и прислал их в Испанию!

Прилагаемое письмо получилось сегодня.

Кланяйтесь сердечно Герману, здоров ли он уже?

Ваш *Ф. Э.*

VII.

Лондон, 4 августа 1872.

Дорогой Куно!

Бельгийский федеральный совет не мог оказать нам большей услуги, чем своим выступлением против немецкой секции Вервье. Этим он доказал, как необходимо существование Генерального Совета для ограждения независимости секций *от федерального совета*. Но Бельгийский федеральный совет может исключить н[емецкую] сек[цию] лишь из Бельгийской федерации, а не из Интернационала. Règlement Général, titre IV: Conseils ou Comités fédéraux, art. 4. Toute fédération pourra refuser d'admettre ou exclure de son sein des sections ou sociétés, sans toutefois pouvoir les priver de leur caractère d'internationalité. (Общие статуты отд. IV: Советы или федеральные комитеты, ст. 4. Всякая федерация может отказаться принять или исключить из своей среды секции и общества, *не имея, однако, права лишить их* интернационального характера.) Н[емецкая] секция Вервье имеет теперь, таким образом, право в качестве независимой секции по пар[аграфу] 7 общих статутов (конец параграфа) непосредственно сноситься с Советом. Обратите внимание публики на это и повлияйте на них, чтобы они написали сюда, — до сих пор от них ничего еще не получено.

Получил ли Шлебах в Верв[ье] мое письмо, и почему он не отвечает?

Посылаю вам номер «Emancipacion» и циркуляр Лафарга (зятя Маркса) по-испански, и прошу вас хорошо с ними ознакомиться [353]). Вы из этого увидите, о чем шла речь для Бакунина, — о тайном обществе в самом Интернационале, посредством которого можно было бы забрать его в руки. К счастью, план этот здесь еще своевременно обнаружен. На этой истории Б[акунин] сломает себе шею. Генеральный Совет выпускает во вторник обращение по этому поводу, которое в то же самое время обвиняет испан[ский] федеративный совет [354]), куда входит 5 членов Альянса.

Я очень спешу — я должен редактировать это обращение, а, кроме того, у меня ужасно много другой работы по Инт[ернационалу] для конгресса.

Ваш *Ф. Э.*

Скажите Герману, что *я* искал для него работы, но до сих пор ничего еще не мог найти. Итти к Jackson and Sons бесцельно, как я убедился в этом в последний раз в феврале. Скажите Г[ерману], чтобы он написал сюда своему другу Приньо, это самый подходящий человек [355]).

VIII.

122 Regents Park Road, N. W.
Лондон, 29 октября 1872.

Дорогой Куно!

Твое письмо от 8-го и протокол получил, очень благодарен за то и другое [356]).

«Bulletin jurassien», который вы уже, вероятно, получили, и отправляемый сегодня из Брюсселя «Internationale» [357]) докажут вам, что дело серьезно и что абсолютно необходимо, чтобы *Зорге* отбросил, по крайней мере, всякие сомнения и принял решение, чтобы не только обеспечить единство действия, но прежде всего самое действие [358]). Если не будут приняты энергичные меры и не будет немедленно объявлено о закрытии Юрской федерации за ее решения на конгрессе, которые топчут ногами статуты и постановления Гаагского конгресса, а также не будет заявлено об исключении членов антиавтономистского конгресса, поскольку они вообще входят в Инт[ернационал], то эти господа могут сильно зазнаться. Пока еще не поздно, бельгийцы испугались своей первоначальной храбрости и стали колебаться, в Испании оппозиция против членов Альянса с каждым днем увеличивается, уже там требуют созыва чрезвычайного испанского конгресса для рассмотрения гаагского выступления федерального с[овета] и делегатов, но все это может опять остыть, если не реагировать на наглое поведение юрцев; а что эти господа напрягают все силы, вы можете видеть из письма Гельса (Hales) [359]) в «Int[ernationale]». Гельс — кор-

респондент юрцев и раздает здесь бесплатно их бюллетень с грозными статьями всякому, кто желает его получить, и рассылает его во все секции.

Я должен кончить. Почта отходит. М[аркс] и я завалены работой для конгресса и для печати, а также перепиской, как никогда до сих пор. Зорге, вероятно, получил уже «Emancipacion», ты можешь перевести ее ему. Следующий пароход опять привезет несколько номеров. После «Volksstaat» это самая лучшая наша газета.

История с Фогтом доставила нам большое удовольствие [360]). Все мы сердечно кланяемся Зорге и тебе.

Твой *Ф. Энгельс.*

Лафарг с женой третьего дня приехали сюда.

II. Отрывки из брошюры К. Маркса „Мнимый раскол в Интернационале".

ЧАСТНЫЙ ЦИРКУЛЯР ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [361]).

Женева, 1872 г.

Доныне Генеральный Совет вменял себе в обязанность абсолютную сдержанность относительно борьбы внутри Интернационала и ни разу не ответил открыто на открытые нападки на него со стороны некоторых членов Товарищества.

Но если бы и возможно было хранить молчание и далее, несмотря на упорные попытки некоторых интриганов создать умышленную путаницу между Интернационалом и обществом, враждебным ему с самого возникновения, — то одна та поддержка, которую европейская реакция находит в скандалах, вызываемых этим обществом, — в тот момент, когда Интернационал переживает самый серьезный, с основания своего, кризис, — вынудила бы Генеральный Совет изложить историю этих интриг.

I.

После падения Парижской Коммуны первым актом Генерального Совета было издание манифеста о «Гражданской войне во Франции», где он объявлял себя солидарным со всеми действиями Коммуны, которыми как раз тогда воспользовались буржуазия, пресса и европейские правительства, чтобы излить потоки самой гнусной клеветы на побежденных Парижа. Часть рабочего класса не поняла еще даже, что дело его потерпело поражение. Доказательством этого являются, в числе прочих, заявления о выходе из Совета двух его членов, граждан Оджера и Лукрафта, открещивающихся от всякой солидарности с этим манифестом. Можно сказать, что со времени опубликования его во всех цивилизованных странах ведет свое начало единство взглядов рабочего класса на парижские события.

С другой стороны, для Интернационала открылся великолепный способ пропаганды в буржуазной прессе и в особенности в английской прессе, которая вследствие этого манифеста вынуждена была вступить в полемику, поддерживаемую возражениями Генерального Совета.

Прибытие в Лондон многочисленных беглецов Коммуны заставило Генеральный Совет выступить в качестве комитета помощи и свыше 8 месяцев нести эти обязанности, лежащие совершенно вне его обычной компетенции. Само собой разумеется, что побежденным и изгнанникам Коммуны не на что было надеяться со стороны буржуазии. Что же касается рабочего класса, то просьбы о помощи поступали в тяжелое время. Швейцария и Бельгия приняли уже свой контингент беглецов, которых они должны были поддерживать или которым нужно было помочь перебраться в Лондон. Суммы, собранные в Германии, Австрии и Испании, были отправлены в Швейцарию. В Англии великая борьба за 9-часовой рабочий день, решительное сражение которой было дано в Ньюкестле, поглотила как индивидуальные взносы рабочих, так и организованные фонды тред-юнионов; впрочем, фонды эти, согласно уставу, предназначались исключительно для профессиональной борьбы. Тем не менее, благодаря непрестанным хлопотам и переписке, Совету удалось собрать, небольшими суммами, деньги, раздаваемые им еженедельно. Американские рабочие великодушно отозвались на его призыв. Как хорошо было бы, если бы Совет в действительности обладал теми миллионами, которыми напуганное воображение буржуазии так щедро наделяет кассу Интернационала.

После мая 1871 г. несколько беглецов Коммуны были призваны в Совет на место французов, которые, вследствие войны, были лишены в нем представительства. Среди кооптированных таким образом членов находились старые интернационалисты и меньшинство, состоявшее из лиц, прославившихся своей революционной энергией и избрание которых являлось данью уважения к Парижской Коммуне.

Погруженный в эти занятия, Совет должен был вести подготовительные работы к конференции делегатов, о созыве которой он только что объявил.

Жестокие меры, принятые бонапартистским правительством против Интернационала, помешали созыву конгресса в Париже, как то было предписано Базельским конгрессом. Пользуясь правом, дарованным ему пунктом 4 устава, Генеральный Совет в своем циркуляре от 12 июля 1871 г. созвал конгресс в Майнце. В письмах, разосланных в то же время различным федерациям, он предлагал им перенести местопребывание Генерального Совета из Англии в другую страну и просил, чтобы делегаты были снабжены императивными мандатами по этому поводу. Федерации единогласно высказались за то, чтобы Генеральный Совет остался в Лондоне. Вспыхнувшая несколько дней спустя франко-прусская война сделала всякий конгресс невозможным. И тогда запрошенные нами федерации уполномочили нас назначить срок ближайшего конгресса, смотря по обстоятельствам.

Лишь только политическая ситуация представила к тому малейшую возможность, Генеральный Совет созвал частную конференцию, ссылаясь на прецеденты конференции 1865 г. и частные административные заседания, происходившие во время каждого конгресса.

Открытый конгресс был невозможен, и созыв его означал бы выдачу головой континентальных депутатов правительствам в тот момент, когда реакция справляла свои оргии, когда Жюль Фавр требовал от всех правительств, даже от английского, выдачи бежавших коммунаров, как уголовных преступников; когда Дюфор предлагал парламенту «деревенщины» закон, ставивший Интернационал вне закона, — закон, лицемерную подделку которого Малу впоследствии преподнес бельгийцам; когда в Швейцарии один эмигрант был заключен предварительно, в ожидании решения федерального правительства относительно требования выдачи; когда охота на интернационалистов была очевидным для всех базисом союза между Бейстом и Бисмарком; причем Виктор-Эммануил поспешил присоединиться к пункту этого союза, направленному против Интернационала; когда испанское правительство, отдав себя всецело в распоряжение версальских палачей, вынудило Мадридский федеральный совет искать прибежища в Португалии; в тот момент, наконец, когда первой обязанностью Интернационала было сомкнуть свои ряды и поднять перчатку, брошенную правительствами.

Все секции, находившиеся в регулярных сношениях с Генеральным Советом, были своевременно приглашены на конференцию; несмотря на то, что она не была открытым конгрессом, конференция эта встретилась с серьезными затруднениями. Само собой разумеется, что в том состоянии, в каком находилась Франция, посылка ею депутатов была невозможна. В Италии единственной организованной тогда секцией была неаполитанская: в тот момент, когда она должна была назначить делегата, она была разгромлена военной силой. В Австрии и в Венгрии самые активные члены находились в заточении. В Германии над некоторыми более известными членами тяготело обвинение в государственной измене, другие сидели в тюрьме; и денежные средства партии поглощались необходимостью помощи их семьям. Американцы прислали конференции подробную записку о положении Интернационала в их стране, а расходы по посылке делегации употребили на поддержку эмигрантов. Впрочем, все федерации признали необходимость замены открытого конгресса частной конференцией.

Конференция, происходившая с 17 по 23 сентября в Лондоне, поручила Генеральному Совету опубликовать ее резолюции, кодифицировать ее административный регламент и издать его, вместе с просмотренным и исправленным Генеральным Уставом, на трех языках, привести в исполнение резолюцию о замене членских марок членскими билетами, реорганизовать Интернационал в Англии и, наконец, изыскать средства на требующиеся для всего этого расходы.

С момента опубликования работ конференции, реакционная пресса — от Парижа до Москвы, от Лондона до Нью-Йорка — объявила, что в резолюции о политике рабочего класса содержатся также опасные замыслы — «*Таймс*» обвинил ее в «холодно рассчитанной дерзости» — что настоятельно необходимо поставить Интернационал вне закона. С другой стороны, резолюция, клеймящая сектантские секции сомни-

тельной репутации, послужила находящейся на-чеку международной полиции предлогом для того, чтобы с шумом требовать автономной свободы рабочих, защищаемых ею, в противность унизительному деспотизму Генерального Совета и конференции. Рабочий класс испытывал действительно такой тяжелый гнет Интернационала, что Генеральный Совет получил из Европы, Америки, Австралии и даже из Восточной Индии массу заявлений о присоединении и извещений об образовании новых секций.

II.

Доносы буржуазной прессы, равно как и ламентации международной полиции, встретили сочувственный отклик, — даже в нашем Товариществе. В недрах его затевались интриги, направленные, по видимости, против Генерального Совета, в действительности же против Товарищества. Душой этих интриг является неизбежный *Международный Альянс Социалистической Демократии*, детище русского, Михаила Бакунина. По возвращении своем из Сибири он в «*Колоколе*» Герцена проповедывал, как плод своего многолетнего опыта, панславизм и войну рас. Позже, во время своего пребывания в Швейцарии, он был избран в Центральный Комитет Лиги Мира и Свободы, основанной в противовес Интернационалу. Так как дела этого общества шли все хуже и хуже, то председатель его, г. Г. Фогт, по совету Бакунина, предложил конгрессу Интернационала, собравшемуся в Брюсселе в сентябре 1868 г., вступить с Лигою в союз. Конгресс единогласно заявил: одно из двух: или Лига преследует те же цели, что и Интернационал, — в таком случае она не имеет никаких оснований для самостоятельного существования, или цели их различны, — тогда союз невозможен. На конгрессе Лиги, состоявшемся несколько дней спустя в Берне, свершилось обращение Бакунина. Он предложил оппортунистическую программу, о научной ценности которой легко судить по этой единственной фразе: *экономическое и социальное уравнение классов*. Поддерживаемый ничтожным меньшинством, он порвал с Лигой, чтобы войти в Интернационал, намереваясь заменить Генеральный Устав последнего своей оппортунистической программой и Генеральный Совет — своей личной диктатурой. Для этой цели он создал специальное орудие «*Международный Альянс Социалистической Демократии*», который должен был стать Интернационалом внутри Интернационала.

Бакунин нашел необходимый для создания этого общества элемент в связях, заключенных им во время своего пребывания в Италии, и в кружке русских эмигрантов, служивших ему эмиссарами и вербовщиками среди членов Интернационала в Швейцарии, во Франции и в Испании. Однако только после повторных отказов Бельгийского и Парижского федеральных советов в признании *Альянса* он решился представить на утверждение Генерального Совета устав своего нового общества, являвшийся не чем иным, как точным воспроизведением

«непонятой» Бернской программы. Совет ответил следующим циркуляром от 22 декабря 1868 г.:

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОМУ АЛЬЯНСУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Около месяца тому назад несколько граждан образовали *Центральный Инициативный Комитет* нового международного общества, именуемого: «*Международный Альянс Социалистической Демократии*» и ставящего своей *специальной задачей* изучение политических и философских вопросов на основе этого великого принципа *равенства* и т. д...

Печатные программы и регламент этого Инициативного Комитета были получены Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих лишь 15 декабря 1868 г. Согласно этим документам, упомянутый Альянс «растворен всецело в Интернационале», в то время как сотворен он был всецело вне Интернационала. Наряду с *Генеральным Советом Интернационала*, избранным последовательными конгрессами — Женевским, Лозаннским и Брюссельским, — должен быть, согласно инициативному уставу, другой Генеральный Совет в Женеве, сам себя назначивший. Наряду с местными группами *Интернационала* имеются местные группы *Альянса*, которые, через посредство своих национальных бюро, действующих вне национальных бюро *Интернационала*, «*будут просить Центральное Бюро Альянса о приеме их в Интернационал*»; таким образом, Центральный Комитет *Альянса присваивает себе право приема в Интернационал*. Наконец, и *для генерального конгресса Международного Товарищества Рабочих* есть дублер — *генеральный конгресс Альянса*, ибо, как гласит инициативный устав, во время ежегодного конгресса рабочих «будут совершаться в отдельном помещении публичные заседания» делегации Международного Альянса Социалистической Демократии, являющегося ветвью Международного Товарищества Рабочих.

Принимая во внимание:

что наличие второй международной организации, действующей внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, было бы наивернейшим средством дезорганизовать Интернационал;

что любая группа лиц, проживающих в какой-либо местности, может пойти по стопам инициативной Женевской группы и под более или менее благовидным предлогом влить в Международное Товарищество Рабочих другие международные товарищества, со своими специальными задачами;

что, таким образом, Международное Товарищество Рабочих вскоре сделалось бы игрушкой в руках интриганов всех национальностей и всех партий;

что, кроме того, по уставу Международного Товарищества Рабочих, в Интернационале допускаются лишь местные ветви и национальные ветви (см. пункт I и пункт VI устава);

что секциям Международного Товарищества Рабочих воспрещается пользоваться уставами и административными регламентами, противоречащими уставу и административному регламенту Международного Товарищества Рабочих (см. пункт 12 административного регламента);

что устав и административный регламент Международного Товарищества Рабочих могут пересматриваться лишь на генеральном конгрессе, и в том случае, если две трети присутствующих делегатов выскажутся за такой пересмотр (см. пункт 13 административного регламента);

что вопрос уже предрешен резолюциями против *Лиги Мира*, единогласно принятыми на Брюссельском генеральном конгрессе;

что в этих резолюциях конгресс объявляет, что *Лига Мира* не имеет никакого основания для самостоятельного существования, раз, согласно ее последним заявлениям, цель и принципы ее тождественны с таковыми Международного Товарищества Рабочих;

что многие члены инициативной группы, будучи делегатами на Брюссельском конгрессе, голосовали за эти резолюции, —

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих на заседании своем от 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) Все пункты устава Международного Альянса Социалистической Демократии, построенные на связи его с Международным Товариществом Рабочих, объявляются не имеющими силы и недействительными.

2) Международный Альянс Социалистической Демократии не признается ветвью Международного Товарищества Рабочих.

Дж. Оджер, председатель собрания.
В. Шо, генеральный секретарь.

Лондон, 22 декабря 1868 г.»

Несколько месяцев спустя Альянс снова обратился к Генеральному Совету с вопросом: признает ли он его *принципы, да или нет?* В утвердительном случае Альянс объявляет себя готовым распасться на секции Интернационала. В ответ он получил следующий циркуляр от 9 марта 1869 г.:

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Согласно пункту 1 нашего устава, в Интернационал допускаются все рабочие общества, стремящиеся к той же цели, а именно: *взаимопомощь, прогресс и полное освобождение рабочего класса.*

Так как секции рабочего класса в различных странах находятся в различных условиях развития, то отсюда по необходимости следует, что теоретические их мнения, отражающие действительное движение, также должны расходиться. Однако общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, возможность более свободного обмена мнений в органах различных национальных секций, наконец, непосредственное обсуждение вопросов на генеральных конгрессах, — все это мало-по-малу приведет к выработке общей теоретической программы.

Таким образом, *критическое исследование программы Альянса* не входит в задачи Генерального Совета. Мы не должны заниматься расследованием, является ли эта программа исчерпывающим выражением пролетарского движения.

Нам важно знать, не содержит ли она чего-нибудь такого, что противоречило бы *общим тенденциям* нашего Товарищества, то есть идее *полного освобождения рабочего класса.* В вашей программе есть одна фраза, которая с указанной точки зрения не удовлетворяет этому требованию. Второй пункт ее гласит:

«Он (Альянс) стремится прежде всего к *политическому, экономическому и социальному уравнению классов*».

Уравнение классов, истолкованное буквально, сводится к *гармонии между Капиталом и Трудом*, так настойчиво проповедуемой буржуазными социалистами.

Великой же целью *Международного Товарищества Рабочих* является не уравнение классов—, отношение противоречие, осуществить которое невозможно, — но, наоборот, *уничтожение классов* — вот в чем настоящий секрет пролетарского движения. Однако, если рас-

сматривать эту фразу: *уравнение классов*, в общем контексте, то кажется, что она просто сорвалась с пера. Генеральный Совет не сомневается, что вы охотно согласитесь вычеркнуть из вашей программы фразу, дающую предлог к столь опасным недоразумениям. За исключением случаев противоречия общим тенденциям нашего Товарищества, его принципы предоставляют каждой секции право свободной формулировки своей теоретической программы.

Следовательно, нет препятствий к превращению секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

Если *роспуск Альянса* и *присоединение секций к Интернационалу* решены окончательно, то, согласно нашему уставу, необходимо ***представить Совету сведения о местонахождении и численности каждой новой секции***».

ЗАСЕДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОТ 9 МАРТА 1869 ГГ.

Альянс согласился на эти условия и был принят в Интернационал Генеральным Советом, который, будучи введен в заблуждение некоторыми подписями на программе Бакунина, предположил, что Альянс был уже признан Женевским романским комитетом. Этот последний, напротив, все время избегал всякого общения с Альянсом. Теперь Альянс добился своей непосредственной цели: представительства на Базельском конгрессе. Несмотря на нечестные приемы, к которым прибегли сторонники Альянса, — приемы, употребленные в этом случае, и только этот единственный раз, на конгрессе Интернационала, — Бакунин был обманут в своих ожиданиях: конгресс отказался перенести местопребывание Генерального Совета в Женеву и официально санкционировать сен-симонистское старье, — немедленное уничтожение наследственного права, из какового уничтожения Бакунин сделал практический исходный пункт социализма. Это было сигналом к открытой и беспрерывной войне, которую Альянс вел не только против Генерального Совета, но и против всех секций Интернационала, отвергающих программу этой сектантской клики и, в особенности, учение о полном воздержании от политической деятельности.

Еще до Базельского конгресса Нечаев приехал в Женеву. Бакунин завязал с ним сношения и основал в России тайное общество среди студенчества. Скрывая все время свою собственную особу под именем всяких «революционных комитетов», он домогался неограниченной власти, в соединении со всякими надувательствами и мистификациями времен Калиостро. Главный способ пропаганды этого общества состоял в том, чтобы компрометировать в глазах полиции ни в чем неповинных лиц, посылая им из Женевы письма в желтых конвертах, снабженных на наружной стороне печатью на русском языке: «Тайный революционный комитет». Публичный отчет о Нечаевском процессе показывает, что именем *Интернационала* злоупотребляли самым гнусным образом [1]).

[1]) В ближайшем будущем будет опубликована выдержка из Нечаевского процесса. В ней читатель найдет образцы изречений — глупых и гнусных одновременно — ответственность за которые друзья Бакунина возлагали на *Интернационал*.

Альянс в это время выступил с открытой полемикой против Генерального Совета: сначала в «Progrès» («Прогресс») Локля, затем в Женевском «Égalité» («Равенство»), официальном органе Романской федерации, в который проникли несколько членов Альянса из свиты Бакунина.

Генеральный Совет, пренебрегший нападками «Progrès», личного органа Бакунина, не счел возможным оставить без внимания выпады «Égalité», так как он мог предположить, что они совершаются с одобрения Романского федерального комитета. Он выпустил тогда циркуляр от 1 января 1870 г., в котором говорится: «Мы читаем в «Égalité», в номере от 11 декабря 1869 г.: «Безусловно, Генеральный Совет небрежно относится к чрезвычайно важным вещам. Мы ему напоминаем о его обязанностях и о первом пункте регламента: Генеральный Совет обязан выполнять постановления конгресса и т. д. Если бы мы захотели, то могли бы предложить Генеральному Совету столько вопросов, что одни ответы на них составили бы довольно длинный бюллетень. О них будет речь позже. Пока и т. д.»... Генеральному Совету неизвестен пункт, — ни устава, ни регламента, — согласно которому он обязан вступать в переписку или полемику с «Égalité» или давать «ответы на вопросы» газет. Генеральный Совет считает представителем ветвей романской Швейцарии только Женевский федеральный комитет. Когда Романский федеральный комитет обратится к нам с вопросами или с выговорами единственным законным путем, т. е. через посредство своего секретаря, то Генеральный Совет охотно ответит ему. Но Романский федеральный комитет не имеет никакого права передавать свои функции редакторам «Égalité» и «Progrès», или разрешать этим газетам узурпировать эти функции. Говоря вообще, опубликование административной переписки Генерального Совета с национальными и местными советами не может не нанести значительного ущерба общим интересам Товарищества. Итак, если остальные органы Интернационала последуют примеру «Progrès» и «Égalité», то Генеральный Совет станет перед альтернативой: или дискредитировать себя перед публикой своим молчанием, или нарушить свой долг, отвечая публично. «Égalité» поддержала «Progrès», предложивший парижской газете «Travail» («Труд») обрушиться со своей стороны на Генеральный Совет. Это почти что Лига общественного благополучия».

Однако еще до ознакомления с этим циркуляром Романский федеральный комитет удалил сторонников Альянса из редакции «Égalité».

Циркуляр от 1 января 1870 г., равно как и от 22 декабря 1868 г. и от 9 марта 1868 г., был одобрен всеми секциями Интернационала.

Само собой разумеется, Альянс не выполнил ни одного из принятых им условий. Его мнимые секции оставались тайной для Генерального Совета. Бакунин старался удержать под своим личным руководством несколько групп, разбросанных по Испании и Италии, и Неаполитанскую секцию, которая, под его влиянием, откололась от Интернационала. В остальных итальянских городах он вел переписку

с маленькими ячейками, в состав которых входили не рабочие, но адвокаты, журналисты и прочие буржуазные доктринеры. В Барселоне несколько друзей старались поддержать его влияние. В некоторых городах юга Франции Альянс пытался основать сепаратистские секции под руководством Альбера Ришара и Гаспара Блана из Лиона, к которым мы еще вернемся. Одним словом, интернациональное общество внутри Интернационала продолжало волноваться.

Решительный удар Альянса, попытка захватить в свои руки управление романской Швейцарией, должен был быть нанесен на конгрессе в Лашодефоне, открывшемся 4 апреля 1870 г.

Борьба завязалась из-за вопроса о праве приема делегатов Альянса, праве, оспариваемом делегатами Женевской федерации и Лашодефонскими секциями.

Несмотря на то, что, согласно их собственному подсчету, сторонники Альянса представляли только пятую часть членов федерации, им удалось, благодаря повторению базельских махинаций, создать себе фиктивное большинство одного или двух голосов; большинство, которое, по словам их собственного органа (см. «Solidarité» («Солидарность») от 7 мая 1870 г.), представляло только пятнадцать секций, в то время как в одной Женеве их было тридцать! После этого голосования Романский комитет разбился на две партии, продолжавшие заседать порознь. Сторонники Альянса, считавшие себя законными представителями всей федерации, перенесли местопребывание Романского федерального комитета в Лашодефон и основали в Невшателе свой собственный орган «Solidarité» («Солидарность») под редакцией гражданина Гильома. Специальной миссией этого молодого писателя была клевета на женевских «фабричных» рабочих, этих ненавистных «буржуа», война с «Égalité», органом Романской федерации, и проповедь полного воздержания от политической деятельности. Авторами самых выдающихся статей на эту последнюю тему были: в Марсели — Бастелика и в Лионе — оба главных столпа Альянса: Альбер Ришар и Гаспар Блан.

По своем возвращении, женевские делегаты созвали свои секции на общее собрание, которое, несмотря на противодействие Бакунина и его друзей, одобрило образ действий своих депутатов на Лашодефонском конгрессе. Через некоторое время Бакунин и его наиболее деятельные сторонники были исключены из старой Романской федерации.

Не успел Романский конгресс закрыться, как новый Лашодефонский комитет апеллировал к интервенции Генерального Совета в письме, подписанном: Ф. Робер, секретарь, и Анри Шевалей, президент. Два месяца спустя орган комитета «Solidarité» от 7-го обозвал этого последнего *вором*. По рассмотрению оправдательных документов, предъявленных обеими сторонами, Генеральный Совет 28 июня 1870 г. постановил оставить за Женевским федеральным комитетом его прежние функции и предложил новому федеральному комитету принять местное название. Так как это решение обмануло его ожидания, Лашодефонский комитет обвинил Генеральный Совет в авторитаризме, забывая,

что он первый потребовал его вмешательства. Упорство, с которым комитет продолжал держаться присвоенного им имени, вносило такое смущение в ряды Швейцарской федерации, что Генеральный Совет был вынужден прекратить всякие сношения с ним.

Луи-Бонапарт только что сдал в Седане свою армию. Со всех сторон поднимались протесты интернационалистов против продолжения войны. Генеральный Совет, в манифесте своем от 9 сентября, разоблачил завоевательные стремления Пруссии, указывал на опасность ее победы для дела пролетариата и предсказывал германским рабочим, что они будут первыми жертвами этой победы. Он созывал в Англии *митинги*, служившие противовесом пруссофильским тенденциям двора. В Германии рабочие интернационалисты устраивали демонстрации, требуя признания республики и «почетного для Франции мира».

Со своей стороны, воинственная натура пылкого Гильома внушила ему блестящую идею анонимного манифеста, опубликованного в качестве приложения к официальному органу «Solidarité». В манифесте этом требовалось образование швейцарских вольных отрядов для борьбы с пруссаками; самому Гильому помешали сражаться, по всей вероятности, его абстенционистские убеждения.

Вспыхнуло восстание в Лионе. Бакунин поспешил туда и, при поддержке Альбера Ришара, Гаспара Блана и Бастелика, водворился 28 сентября в Ратуше, но поставить стражу у дверей он воздержался,— вероятно потому, что это было бы политическим актом. Он был выгнан оттуда самым жалким образом как раз в тот момент, когда, после тяжких родовых мук, появился, наконец, на свет его декрет об *уничтожении государства*.

В октябре 1870 г. Генеральный Совет, ввиду отсутствия своих членов-французов, кооптировал гражданина Поля Робена, бежавшего из Бреста, одного из наиболее видных сторонников Альянса и, больше того, автора нападок на Генеральный Совет, помещенных в «Égalité». В Совете он, с этого времени, не переставал нести обязанности официального корреспондента комитета в Лашодефоне. 14 марта 1871 г. он предложил созвать частную конференцию Интернационала для разрешения швейцарского спора. Совет, предвидя, что в Париже готовятся великие события, отказал категорически. Робен несколько раз возвращался к своей просьбе и даже предложил Совету принять окончательное решение по поводу спора. 25 июля Генеральный Совет постановил включить это дело в число вопросов, которые будут представлены на рассмотрение конференции, имеющей быть созванной в сентябре месяце 1871 г.

10 августа Альянс, мало склонный подвергать свою деятельность расследованию конференции, объявил, что он распущен с 6-го числа этого месяца. Но 15 сентября он появляется вновь под названием *Секции атеистов-социалистов* и требует приема в Совет. Согласно пятой административной резолюции Базельского конгресса, Совет не имел права принять ее, не запросив предварительно Женевский феде-

ральный комитет, который был измучен двухлетней борьбой с сектантскими секциями. Кроме того, Совет заявил уже английским христианским рабочим обществам (Joung men's Christian Association), что Интернационал не признает теологических секций.

6 августа, в день роспуска Альянса, Лашодефонский федеральный комитет, повторяя свою просьбу об официальных сношениях с Советом, заявляет ему, что он будет продолжать игнорировать постановление от 25 июля, считает себя Романским федеральным комитетом по отношению к Женеве и «что судьей в этом деле должен быть генеральный конгресс». 4 сентября тот же комитет выразил протест против компетенции конференции, созыва которой он первый домогался. Конференция могла бы, в свою очередь, полюбопытствовать, какова была компетенция Парижского федерального комитета, которого Лашодефонский комитет просил вынести решение по поводу швейцарского спора. Она удовольствовалась подтверждением постановления Генерального Совета от 28 июня 1870 г. (см. мотивы этого в женевской «Égalité» от 21 октября 1871 г.) [362]).

III.

. . . . . .

IV.

Люди Альянса, скрывавшиеся за Невшательским федеральным комитетом, желая устроить новую попытку дезорганизации Интернационала, уже в более широком масштабе, созвали на 12 ноября 1871 г. конгресс своих секций в Сонвилье. Уже в июле учитель Гильом, в двух письмах другу своему Робену, угрожал Генеральному Совету подобным походом, если только тот не примет их сторону в споре с «женевскими разбойниками».

Конгресс в Сонвилье состоял из шестнадцати делегатов, претендовавших на представительство в общем девяти секций, в число которых входила и новая секция пропаганды и революционно-социалистического действия.

Эти шестнадцать дебютировали анархическим декретом, объявляющим Романскую федерацию распущенной; последняя поспешила вернуть альянсистам их «автономию», выгнав их из всех своих секций. Впрочем, Совет должен отметить, что у них хватило здравого смысла принять название Юрской федерации, данное им Лондонской конференцией. Затем конгресс шестнадцати приступил к «реорганизации» Интернационала, выпустив «циркуляр ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих», направленный против конференции и Генерального Совета.

Сперва авторы циркуляра обвиняют Генеральный Совет в том, что в 1871 г. он созвал конференцию вместо конгресса. Из данных нами ранее объяснений явствует, что эти нападки направлены непосредственно по адресу всего Интернационала, единодушно согласивше-

гося на созыв конференции, — на которой, впрочем, Альянс был достойным образом представлен гражданами Робеном и Бастелика.

На каждом конгрессе присутствовали делегаты Генерального Совета, так, например, на Базельском конгрессе их было 6. Шестнадцать утверждают, что «большинство на конференции было заранее искусственно создано, вследствие того, что были допущены шесть делегатов Генерального Совета с правом решающего голоса». В действительности же дело обстояло так: из делегатов Генерального Совета на конференции французские эмигранты являлись представителями Парижской Коммуны, а английские и швейцарские члены Совета могли принимать участие в заседаниях лишь изредка, как это видно из протоколов, которые будут представлены ближайшему конгрессу. Один из делегатов Совета имел мандат от национальной федерации. Согласно письму, адресованному конференции, с высылкой мандата другому делегату задержались, так как в газетах появилось сообщение о его смерти. Остается один делегат; таким образом число представителей одной только Бельгии относилось к числу представителей от Совета, как 6 к 1.

Международная полиция, которую в лице Гюстава Дюрана не допустили на конференцию, горько сетовала на нарушение Генерального Устава, сказавшееся в созыве «тайной» конференции. Она, видимо, тогда еще не вполне ознакомилась с нашим генеральным регламентом и не знала, что административные заседания конгресса *обязательно* должны быть *частными*.

Тем не менее, ее жалобы нашли сочувственный отклик у шестнадцати из Сонвилье, восклицающих: «И для увенчания здания одно из постановлений этой конференции гласит, что Генеральный Совет сам назначит время и место ближайшего конгресса или *заменяющей* его конференции; таким образом, нам угрожает упразднение генеральных конгрессов, этих торжественных публичных заседаний Интернационала».

Шестнадцать не пожелали понять, что этим постановлением Интернационал лишний раз подчеркивает, пред лицом правительств, что он непоколебим в своем решении так или иначе созывать свои общие собрания.

На общем собрании женевских секций от 2 декабря 1871 г., где граждане Малон и Лефрансе встретили самый дурной прием, эти последние внесли предложение одобрить постановления шестнадцати из Сонвилье, выразить порицание Генеральному Совету и признать незаконной конференцию. — Конференция постановила, что «резолюции конференции, не подлежащие гласности, *будут* сообщены *федеральным советам разных стран через посредство* секретарей-корреспондентов *Генерального Совета*». Эта резолюция, находящаяся в полном соответствии с Генеральным Уставом и регламентом, была следующим образом искажена Б. Малоном и его друзьями: «*Некоторая часть* резолюций конференции *будет* сообщена *лишь* федеральным советам *и* секретарям-корреспондентам». Они обвиняют также Генеральный

Совет в том, что он «изменил принципу искренности», отказавшись выдать полиции свои резолюции, предав их «гласности», — резолюции, исключительной целью которых является реорганизация Интернационала в тех странах, где он запрещен.

Граждане Малон и Лефрансе жалуются, кроме того, еще на то, что «конференция посягнула на свободу мысли и ее выражения... даровав Генеральному Совету право открыто дезавуировать всякий печатный орган секций и федераций, на страницах которого обсуждаются либо принципы, на коих зиждется Товарищество, либо интересы данных секций и федераций, либо, наконец, общие интересы всего Международного Товарищества (см. «Égalité» от 21 декабря)». Что же такое, на самом деле, имеется в «Égalité» от 21 декабря? Резолюция конференции, где она «уведомляет, что в будущем Генеральный Совет должен открыто дезавуировать все органы, называющие себя органами Интернационала, которые, по примеру «Progrès» и «Solidarité», будут обсуждать на своих столбцах, перед буржуазной публикой, вопросы, подлежащие обсуждению лишь в местных комитетах, федеральных комитетах и в Генеральном Совете, или на частных и административных заседениях конгрессов, федеральных или генеральных».

Для того, чтобы по достоинству оценить кисло-сладкие ламентации Б. Малона, надо принять во внимание, что эта резолюция раз навсегда положила конец попыткам некоторых журналистов говорить как бы от лица ответственных комитетов Интернационала и играть в нем роль, которую журнальная богема играет в буржуазном мире. Женевский федеральный комитет имел уже случай наблюдать следствие таких попыток, когда члены Альянса редактировали официальный орган Романской федерации, «Égalité», в совершенно враждебном своему комитету духе.

Впрочем, Генеральный Совет не нуждался в Лондонской конференции для того, чтобы «публично заклеймить и дезавуировать» злоупотребления печатным словом, так как Базельский конгресс (рез. 11) постановил, что «секции должны немедленно посылать в Генеральный Совет все газеты, содержащие нападки на Товарищество». «Ясно,— говорит Романский федеральный комитет в своей декларации от 20 декабря 1871 г. («Égalité» от 24 декабря), — что этот пункт был составлен не для того, чтобы Генеральный Совет хранил в своем архиве газеты, выступающие против Товарищества, но для того, чтобы он мог ответить им и в случае надобности уничтожить гибельные последствия клеветы и злонамеренной хулы. Ясно также, что этот пункт относится ко всем газетам вообще, и если мы не считаем возможным терпеливо переносить нападки буржуазных газет, то тем более мы должны, через посредство Генерального Совета, органа нашей центральной делегации, дезавуировать газеты, прикрывающиеся в своих выступлениях против нас именем нашего Товарищества».

Заметим, кстати, что «*Таймс*», этот Левиафан капиталистической прессы, «Progrès» (лионский), орган либеральной буржуазии, и «Jour-

nal de Genève» (женевская газета), ультра-реакционный орган, делали по адресу конференции те же упреки и почти в тех же выражениях, что и граждане Малон и Лефрансе.

Высказавшись против созыва конференции, затем против ее состава и ее якобы тайного характера, циркуляр шестнадцати обрушивается на ее резолюции.

Констатировав сперва, что Базельский конгресс добровольно отрекся от власти, «даровав Генеральному Совету право отвергать и принимать секции Интернационала или же временно закрывать их», он далее приписывает конференции следующее преступление: «Эта конференция... приняла постановления, долженствующие превратить Интернационал, свободную федерацию автономных секций, в иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, отданных всецело во власть Генерального Совета, который, по своему усмотрению, может отказывать им в приеме или даже приостанавливать их деятельность»!! Далее он возвращается к Базельскому конгрессу, который «извратил полномочия Генерального Совета».

Все противоречия циркуляра шестнадцати сводятся к следующему: конференция 1871 г. ответственна за постановления Базельского конгресса 1869 г., и Генеральный Совет виноват в том, что следовал уставу, который предписывает ему исполнять резолюции конгрессов.

В действительности же, настоящая причина всех этих нападок на конференцию более интимного характера. Во-первых, с помощью этих резолюций, она помешала умелым интригам людей Альянса в Швейцарии. Затем, основатели Альянса с изумительной настойчивостью создавали и поддерживали в Италии, в Испании, в части Швейцарии и в Бельгии умышленную путаницу между *оппортунистической программой Бакунина и программой Международного Товарищества Рабочих*.

Две резолюции конференции — о политике пролетариата и о сектантских секциях — выяснили это умышленное недоразумение. Первая, осуждающая проповедываемое Бакуниным воздержание от политической деятельности, находит полное оправдание в ее мотивировке, основывающейся на Генеральном Уставе, на резолюции Лозаннского конгресса и на других прецедентах [1]).

---

[1]) Вот резолюция конференции о *политической деятельности рабочего класса*:

«Принимая во внимание мотивировку подлинного устава, в которой говорится: экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, *как средство*;

«Принимая во внимание *Учредительный Адрес* Международного Товарищества Рабочих, который гласит: собственники земли и собственники капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и упрочения своей экономической монополии. Они не только не будут содействовать освобождению труда, но будут продолжать ставить ему возможно больше препятствий... Следовательно, завоевание политической власти сделалось первой обязанностью рабочего класса;

Перейдем теперь к сектантским секциям.

Первая фаза в борьбе пролетариата с буржуазией всегда отмечается сектантским движением. Оно имеет свое оправдание в эпоху, когда пролетариат не развит еще настолько, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители подвергают критике социальные противоречия и предлагают фантастические разрешения их, которые должны быть целиком приняты, распространяемы и осуществляемы рабочей массой. По самой своей природе секты, основанные по инициативе отдельных лиц, абстенционны, чужды всякой живой деятельности, — политике, забастовкам, союзам,— словом, всякому общему движению. Пролетариат в массе своей всегда остается равнодушным или даже враждебным к их пропаганде. Парижские и лионские рабочие и знать ничего не хотели о сен-симонистах, фурьеристах, икарийцах, равно как английские чартисты и тред-юнионисты об оуэнистах. Эти секты, являющиеся рычагами движения при своем возникновении, становятся препятствием на его пути, лишь только оно их перерастает; тогда они делаются реакционными; примерами служат секты Франции и Англии и в последнее время лассалианцы в Германии, сделавшиеся простым орудием полиции после того, как в течение целого ряда лет задерживали организацию пролетариата. Наконец, эти секты представляют собою детство пролетарского движения, подобно тому, как астроло-

---

«Принимая во внимание резолюцию по этому вопросу *Лозаннского конгресса* (1867 г.): «социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения»;

«Принимая во внимание заявление Генерального Совета по поводу мнимого заговора французских интернационалистов накануне плебисцита, где говорится: «согласно основам нашего устава, все наши секции в Англии, на континенте и в Америке ставят, без сомнения, своей специальной задачей не только служить центром боевой организации рабочего класса, но также поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — экономическому освобождению рабочих;

«Ввиду того, что неправильные переводы подлинного устава дали повод к ложным истолкованиям его, вредящим развитию и деятельности Международного Товарищества Рабочих;

«Пред лицом необузданной реакции, насильственно подавляющей всякие освободительные стремления рабочих и стремящейся грубой силой сохранить классовое деление общества и политическое господство имущих классов, проистекающее из этого деления;

«Принимая, кроме того, во внимание: что против этой коллективной силы имущего класса пролетариат может реагировать, как класс, только *образуя со своей стороны особую политическую партию, противопоставляющую себя всем старым партиям имущего класса*;

«Что это создание пролетариатом политической партии необходимо для обеспечения торжества социальной революции и ее конечной цели: *уничтожения классов*;

«Что объединение рабочих сил, уже достигнутое экономической борьбой, должно также послужить рычагом для рабочего класса в его борьбе против политического господства эксплоататоров, —

«Конференция напоминает членам *Интернационала*:

«Что в боевом состоянии рабочего класса его экономическое движение и его политическая деятельность неразрывно связаны между собой».

гия и алхимия — детство науки. Пролетариат должен был перешагнуть через эту фазу для того, чтобы стало возможным основание Интернационала.

В сравнении с фантастическими и антагонистическими организациями сект, Интернационал является реальной и боевой организацией класса пролетариата всех стран, сплоченного в общей борьбе против капиталистов, земельных собственников и их классового могущества, организованного в Государство. Поэтому устав Интернационала признает лишь простые «рабочие» общества, стремящиеся к одной и той же цели и следующие одной и той же программе, которая ограничивается тем, что намечает лишь основные вехи пролетарского движения; теоретическая же разработка ее произойдет впоследствии, как результат импульса, даваемого потребностями практической борьбы и обменом мнений, происходящим в секциях. Поэтому Интернационал допускает все без исключения социалистические убеждения в своих органах и на своих конгрессах.

Подобно тому, как во всякой новой исторической фазе возникают на мгновенье старые заблуждения, чтобы вскоре исчезнуть, так и в недрах Интернационала возродились сектантские секции, хотя и в не резко выраженной форме.

Альянс, считающий возрождение секций громадным прогрессом, представляет собою убедительное доказательство того, что время их миновало. Ибо, если при их возникновении они являлись элементами прогресса, то программа Альянса, слепо повинующегося «Магомету без Корана», представляет собою лишь нагроможденные в беспорядке замогильные идеи, скрывающиеся под звучными фразами, которые могут либо пугать идиотов-буржуа, либо служить бонапартистским и иным прокурорам поводом для преследования интернационалистов [1]).

Конференция, на которой были представлены социалисты всех оттенков, единогласно одобрила резолюцию против сектантских секций, в убеждении, что эта резолюция, возвращая Интернационал к его настоящему полю деятельности, отметит новую фазу в его поступательном движении. Сторонники Альянса, которым эта резолюция наносила смертельный удар, увидели в ней лишь победу Генерального Совета над Интернационалом, вследствие чего «одержала верх специальная программа» нескольких его членов, «их личная доктрина», «ортодоксальная доктрина», «официальная теория, единственно имеющая право гражданства в Товариществе». Впрочем, этих нескольких членов нельзя даже считать виноватыми: это было необходимым следствием, «развращающим результатом» того, что они входили в состав Генерального Совета, ибо «абсолютно невозможно, чтобы человек,

[1]) Опубликованные за последнее время полицейские труды об Интернационале, к которым можно отнести и циркуляр Жюля Фавра иностранным державам и доклад члена парламента «деревенщины» Саказа о проекте Дюфора, изобилуют цитатами, заимствованными из высокопарных манифестов Альянса. Фразеология этих сектантов, весь радикализм которых заключается в словах, как нельзя более на руку реакции.

имеющий власть (!) над себе подобными, оставался нравственным человеком. Генеральный Совет делается очагом интриг».

По мнению шестнадцати, даже Генеральному Уставу можно предъявить тяжкое обвинение. Именно: он даровал Генеральному Совету право кооптировать новых членов. Облеченный этой властью, говорят они, «Генеральный Совет может, когда помешать этому уже нельзя будет, кооптировать целый штат, который совершенно преобразует большинство и тенденции Совета». Судя по их словам, кажется, одной принадлежности к Генеральному Совету достаточно для того, чтобы люди лишились не только *нравственности*, но и простого здравого смысла. Иначе как же предположить, что большинство, путем добровольной кооптации, само себя превратит в меньшинство?

Вдобавок, сами шестнадцать, как кажется, не очень убеждены во всем этом, ибо далее они жалуются на то, что «в течение пяти лет сряду» Генеральный Совет «состоял из *одних и тех же лиц, постоянно переизбираемых*», и тотчас же вслед за этим повторяют... *большинство из них* не являются законными уполномоченными, *так как они не были избраны конгрессом*».

В действительности же состав Генерального Совета постоянно изменялся, хотя некоторые из основателей остались в нем, как это имеет место и в Бельгийском, Романском и других федеральных советах.

Генеральный Совет должен удовлетворять трем существенным условиям для выполнения своих полномочий. Во-первых, состав его должен быть довольно многочисленным, вследствие большого количества возложенной на него работы; затем, он должен состоять из «рабочих, принадлежащих к различным нациям, представленным в Международном Товариществе», и, наконец, в нем должен преобладать рабочий класс. Но зависимость рабочего от его работы служит постоянной причиной изменений в составе Генерального Совета, — спрашивается, каким образом мог бы он удовлетворять этим непременным условиям без права кооптации? Тем не менее, Совету кажется необходимым более точное определение этого права, каковое пожелание он и высказал на последней конференции.

Перезбрание Генерального Совета целиком в его составе последовательными конгрессами, на которых Англия была очень слабо представлена, как будто указывает на то, что он исполняет свой долг в пределах своих возможностей. Но шестнадцать видят в этом, наоборот, лишь доказательство «слепого доверия» конгрессов, доверия, доведенного в Базеле «до некоторого подобия добровольного отказа от своих прав в пользу Генерального Совета».

По их мнению, «нормальной ролью» Совета должна быть роль «простого справочно-статистического бюро». Для подтверждения правильности этого определения они ссылаются на некоторые пункты неверно переведенного устава.

В противность уставам всех буржуазных обществ, Генеральный Устав Интернационала лишь слегка касается его административной

организации. Разработку ее он предоставляет практике и урегулирование — будущим конгрессам.

Тем не менее, так как только единство и солидарность действий секций различных стран могли придать им отличительный характер интернациональности, устав уделяет больше внимания Генеральному Совету, чем другим составным частям организации.

Пункт 5 подлинного устава гласит: «Генеральный Совет будет нести обязанности интернационального агента для различных национальных и местных групп» и дает затем несколько примеров, как он должен действовать. Среди этих примеров есть предписание, как должен поступать Совет, «чтобы в случае, когда нужно действовать без промедления, — как, например, при возникновении международных споров, — все группы Товарищества могли выступать одновременно и единообразно». Затем следует: «Если Генеральный Совет сочтет это необходимым, он может взять на себя инициативу предложений, представляемых на рассмотрение местных и национальных секций». Кроме того устав определяет роль Совета при созыве конгрессов и подготовке к ним и возлагает на него некоторые работы, которые он должен будет представить этим конгрессам. Подлинный устав так мало разграничивает самопроизвольную деятельность групп с общей деятельностью товарищества, что пункт 6 гласит: «Так как рабочее движение в каждой стране может быть обеспечено лишь силой, проистекающей из единения и солидарности, в то время как, с другой стороны, деятельность Генерального Совета будет значительно более успешна... члены Интернационала должны прилагать все усилия к тому, чтобы объединить стоящие особняком рабочие общества их стран в национальные ассоциации, представляемые центральными органами».

Первая административная резолюция Женевского конгресса (пункт 1) гласит: «Генеральный Совет *обязан выполнять* резолюции конгрессов». Эта резолюция легализовала позицию, занятую Генеральным Советом с момента его возникновения, именно: исполнительной делегации Товарищества. Довольно трудно было бы исполнять приказания без хотя бы морального «авторитета», раз нет никакого другого «свободно признанного авторитета». В то же самое время Женевский конгресс поручает Генеральному Совету издать «официальный и обязательный текст устава».

Тот же самый конгресс постановил (админ. рез. Женевск. конгресса, пункт 14): «Каждая секция может иметь свои частные устав и регламент, применительно к местным условиям и законам своей страны, но они ни в чем не должны противоречить Генеральным Уставу и регламенту».

Заметим, прежде всего, что нигде нет ни малейшего намека на особые декларации принципов или на специальные миссии, которые могла бы возложить на себя та или иная секция — помимо общей цели, преследуемой всеми группами Интернационала. Дело попросту идет о праве секций приноравливать Генеральные Устав и регламент «к местным условиям и законам своих стран». Во-вторых, кто должен

устанавливать соответствие частных уставов с Генеральным Уставом. Ясно, что, не будь «авторитета», на который была бы возложена эта функция, резолюция эта была бы недействительной. Тогда не только могли бы образовываться полицейские и враждебные Интернационалу секции, но также проникновение в Товарищество деклассированных сектантов и буржуазных филантропов могло бы извратить его характер, и численностью своей они раздавили бы рабочих на конгрессах.

С самого своего возникновения национальные и местные федерации присвоили себе право, каждая в своей стране, принимать или отвергать новые секции, в зависимости от того, находились ли их уставы в соответствии с Генеральным Уставом или нет. Выполнение той же функции Генеральным Советом предусматривается пунктом 6 Генерального Устава, предоставляющим *независимым местным обществам*, т. е. обществам, организующимся вне федеративного союза их страны, право находиться в непосредственных сношениях с Советом. *Альянс* не погнушался воспользоваться этим правом, чтобы удовлетворить условиям, необходимым для посылки делегатов на Базельский конгресс. Пункт 6 устава предусматривает препятствия со стороны закона к образованию национальных федераций в некоторых странах, где, вследствие этого, Генеральный Совет призван исполнять обязанности федерального совета (см. «*Протоколы конгресса и т. д. в Лозанне, 1867 г.*», стр. 13).

Со времени падения Коммуны эти препятствия со стороны закона во многих странах еще более возросли и сделали еще более необходимой усиленную деятельность в них Генерального Совета для недопущения подозрительного элемента в ряды Товарищества. Так, недавно французские комитеты прибегли к вмешательству Генерального Совета, дабы избавиться от полицейских шпионов, и, в другой великой стране, интернационалисты потребовали, чтобы признавались исключительно секции, основанные либо непосредственными уполномоченными Совета, либо самими интернационалистами. Они мотивировали свою просьбу необходимостью удаления из их среды провокаторов, следствием шумного усердия которых явилась идущая усиленным темпом организация секций неслыханного радикализма. С другой стороны, так называемые антиавторитарные секции без всяких колебаний апеллируют к Совету, лишь только в их рядах возникают разногласия, и даже требуют беспощадной кары для своих противников, как это имело место во время лионского спора. Совсем недавно, уже после конференции, Туринская «рабочая федерация» решила провозгласить себя секцией Интернационала. Вследствие происшедшего затем раскола, меньшинство основало общество: «Освобождение Пролетария». Оно примкнуло к Интернационалу и дебютировало резолюцией в пользу юрцев. Его орган «Il Proletario» («Пролетарий») изобилует возмущенными фразами против всякого авторитаризма. Посылая взносы общества, секретарь его предупредил Генеральный Совет, что прежняя федерация, возможно, также пришлет свои взносы. Затем он продолжает: «Как вы, по всей вероятности, читали в «Proletario», общество

«*Освобождение Пролетария*»... объявило... что оно отказывается от всякой солидарности с буржуазией под маской рабочих, составляющей *рабочую федерацию*», и он просит Генеральный Совет «сообщить эту резолюцию всем секциям и отказаться от взносов в 10 сантимов, если они ему будут присланы» [1]).

Подобно всем остальным интернациональным группам, Генеральный Совет обязан вести пропаганду. Он выполняет это посредством своих манифестов и своих уполномоченных, которые устроили первые собрания Интернационала в Северной Америке, в Германии и во многих городах Франции.

Другая обязанность Генерального Совета заключается в оказании помощи бастующим, обеспечивая им поддержку всего Интернационала (см. доклады Генерального Совета различным конгрессам). Следующий факт, среди прочих, показывает, какой вес имело вмешательство Генерального Совета в забастовки. Общество противодействия английских железолитейщиков само по себе является международным тред-юнионом, имеющим разветвления в других странах и в особенности в Америке. Тем не менее, во время забастовки американских литейщиков, эти последние нашли необходимым прибегнуть к посредничеству Генерального Совета, чтобы помешать ввозу в их страну английских литейщиков.

Рост Интернационала вынудил Генеральный Совет, равно как и федеральные советы, взять на себя обязанность третейского суда.

Брюссельский конгресс постановил: «Федеральные советы должны каждую четверть года представлять Генеральному Совету отчет об *управлении* и *состоянии финансов* их областей *(администр. резол. № 3)*.

«Наконец, Базельский конгресс, вызывающий желчную ярость шестнадцати, лишь оформил административные отчеты, явившиеся результатом роста Товарищества.

«Если он чрезмерно расширил полномочия Генерального Совета, то чья же тут вина, если не самого Бакунина, Швицгебеля, Ф. Робера, Гильома и других делегатов Альянса, которые шумно требовали этого? Не виновны ли они случайно в «слепом доверии» к Лондонскому Генеральному Совету?»

Вот две из резолюций Базельского конгресса.

«№ IV. Всякая вновь организующаяся секция или общество, желающие примкнуть к Интернационалу, должны немедленно известить Генеральный Совет о своем присоединении», и № V: «Генеральный Совет вправе принять или отвергнуть всякое новое общество или группу, которые могут апеллировать к ближайшему конгрессу».

---

[1]) Таковы были в то время кажущиеся мнения общества «Освобождение Пролетария», представляемого его секретарем-корреспондентом, другом Бакунина. В действительности же тенденции этого общества были совершенно иными. Выгнав за расхищение фондов, а также за дружеские отношения с начальником Туринской полиции своего вдвойне вероломного представителя, это общество представило разъяснения, положившие конец всяким недоразумениям.

Что же касается местных независимых секций, организующихся вне федерального союза, то эти пункты лишь подтверждают образ действия, которого держались с самого возникновения Интернационала и сохранение которого является вопросом жизни и смерти для Товарищества. Но зашли слишком далеко, обобщая этот образ действий и прилагая его безразлично ко всем секциям и обществам, находящимся в процессе образования. Эти пункты дают, действительно, Генеральному Совету право вмешиваться во внутреннюю жизнь федерации: но ведь Генеральный Совет ни разу и не применял их в этом смысле. Пусть шестнадцать назовут ему хотя бы один случай, когда он вмешивался в дела новых секций, желающих присоединиться к существующим группам или федерациям.

Только что цитированные нами резолюции относятся к секциям, находящимся в процессе образования; следующие же резолюции — к уже признанным секциям:

«VI. Равным образом Генеральный Совет имеет право временно закрыть секцию Интернационала, впредь до ближайшего конгресса».

«VII. В случае возникновения конфликта между обществами или ветвями национальной группы, или между группами различных национальностей, Генеральный Совет имеет право разрешать спор, причем стороны могут апеллировать к ближайшему конгрессу, который выносит окончательное решение».

Эти два пункта необходимы для чрезвычайных случаев, хотя до сей поры Генеральный Совет ни разу не воспользовался ими. Данный выше исторический очерк показывает, что он не распустил ни одной секции и что в случае разногласий он выступал лишь в качестве судьи, приглашаемого обеими сторонами.

Мы приходим, наконец, к обязанности, навязанной Генеральному Совету самим процессом борьбы. Как бы оскорбительным ни казалось это сторонникам Альянса, — но именно вследствие настойчивых атак, которым подвергается Совет со стороны всех врагов пролетарского движения, он очутился в авангарде защитников Международного Товарищества Рабочих.

V.

Расправившись с Интернационалом в его настоящем состоянии, шестнадцать указывают нам, каким он должен быть.

Прежде всего, Генеральный Совет будет номинально простым справочно-статистическим бюро. Так как его административные функции прекратятся, то переписка его по необходимости сведется к воспроизведению извещений, уже опубликованных в органах Товарищества. Следовательно, можно обойтись и без справочного бюро. Что же касается статистики, то эта работа неосуществима без мощной организации и в особенности, как на то определенно указывает подлинный устав, без общего управления. Но так как это сильно пахнет «авторитаризмом», то бюро, может быть, и будет, но, во всяком случае, не статистическое. Одним словом, Генеральный Совет исче-

зает. Такая же логика поражает федеральные советы, местные комитеты и другие «авторитарные» центры. Остаются лишь автономные секции.

Какова же будет теперь миссия этих «автономных секций», вольно федерированных и счастливо избавившихся от всякой власти, «даже если эта власть избрана и установлена трудящимися»?

Здесь необходимо дополнить циркуляр докладом Юрского федерального комитета конгрессу шестнадцати:

«Для того, чтобы сделать из рабочего класса истинного представителя новых интересов человечества», нужно, чтоб их организация была «руководима идеей, которой суждено победить. *Извлечь* эту идею из потребностей нашей эпохи, из интимных тенденций человечества, при помощи непрерывного изучения явлений социальной жизни, *содействовать проникновению* этой идеи в недра наших рабочих организаций, — такова должна быть цель и т. д.». Наконец, нужно основать «в недрах наших рабочих масс настоящую революционно-социалистическую *школу*».

Итак, автономные рабочие секции внезапно превращаются в *школы*, учителями в которых будут уважаемые господа из Альянса. Они *извлекают идею* при помощи «непрерывного изучения», не оставляющего ни малейших следов. Они, затем, «содействуют *проникновению* ее в недра наших рабочих организаций». Для них рабочий класс представляется лишь грубой материей, хаосом, которому для придания формы необходимо дуновение их Духа Святого.

Все это не что иное, как перепев старой программы Альянса, начинающейся следующими словами: «Социалистическое меньшинство Лиги Мира и Свободы, отделившись от этой Лиги», намеревается основать «новый Союз (Alliance) Социалистической Демократии... ставя *своей специальной задачей* изучение политических и философских вопросов»... Вот она, та идея, которую они «извлекают». «Подобное предприятие... предоставит искренним социалистическим демократам Европы *возможность* столковаться и подтвердить свои идеи» [1]).

Таким образом, по их собственному признанию, меньшинство буржуазного общества проникло в Интернационал незадолго до Базельского конгресса — с исключительной целью воспользоваться им, *как средством* предстать перед рабочими массами в качестве жрецов тайной науки, науки, укладывающейся в четыре фразы, кульминационным пунктом которой является «экономическое и социальное равенство классов».

[1]) Люди Альянса, не перестающие упрекать Генеральный Совет за созыв частной конференции, — в такое время, когда открытый конгресс был бы верхом измены или глупости, — эти безусловные сторонники абсолютной гласности организовали, вопреки нашему уставу, в недрах Интернационала настоящее тайное общество, направленное против самого Интернационала, с целью поставить его секции, без их ведома, под жреческое управление Бакунина. Генеральный Совет намеревается потребовать у ближайшего конгресса расследования по поводу этой организации и ее основателей в некоторых странах, например в Испании.

Помимо этой «теоретической миссии», новая организация, предлагаемая вместо Интернационала, имеет также свою практическую сторону. «Будущее общество,— гласит циркуляр шестнадцати,— будет лишь обобщением той организации, которую даст себе Интернационал. Поэтому мы должны озаботиться возможным приближением этой организации к нашему идеалу».

«Может ли равное и свободное общество выйти из авторитарной организации? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен теперь же стать верным отображением наших принципов свободы и федерации».

Иными словами, — подобно тому, как средневековые монастыри представляли собой отражение жизни небесной, Интернационал должен быть отражением Нового Иерусалима, «зародыш» которого Альянс носит в чреве своем. Парижские коммунары не потерпели бы поражения, если бы, поняв, что Коммуна является «зародышем будущего человеческого общества», они отбросили всякую дисциплину и всякое оружие, — вещи, которые должны исчезнуть, когда не будет больше войн!

Но для того, чтобы определенно установить, что шестнадцать и не замышляли этого миленького проекта дезорганизации и обезоружения Интернационала в тот момент, когда он борется за свое существование, — Бакунин только что опубликовал подлинный текст проекта в своей записке об организации Интернационала (см. «Almanach du Peuple pour 1872» («Народный Альманах на 1872 г.»), Женева,

VI.

. . . . . .

VII.

Через несколько недель после конференции в Лондон прибыли господа Альбер Ришар и Гаспар Блан, самые влиятельные и самые пылкие члены Альянса, с поручением навербовать среди французских эмигрантов помощников, готовых работать над восстановлением Империи; это, по их мнению, является единственным средством избавиться от Тьера и не остаться в то же время с пустым карманом. Генеральный Совет предупредил заинтересованных лиц и в том числе Брюссельский федеральный совет об их бонапартистских происках.

В январе 1872 г. они сбросили маску, выпустив брошюру: «*Империя и новая Франция. Воззвание народа и молодежи к совести Франции. Соч. Альбера Ришара и Гаспара Блана.* Брюссель. 1872 г.».

С обычной для шарлатанов Альянса скромностью они в таких выражениях расхваливают свой товар:

«Мы, сформировавшие великую армию французского пролетариата... мы, влиятельнейшие вожди Интернационала во Франции [1])...

[1]) Под заглавием «*К позорному столбу*» «Egalité» (в Женеве) от 15 февраля 1872 г. говорит:

мы, к счастью, мы не расстреляны, и мы здесь, чтобы водрузить перед ними (тщеславными членами парламента, сытыми республиканцами, мнимыми демократами всех видов) знамя, под сенью которого мы сражаемся, — и, несмотря на клевету, несмотря на угрозы, несмотря на всякие нападки, ожидающие нас в будущем, — бросить в лицо изумленной Европы призыв, который исходит из глубины нашей совести и который найдет себе отклик в сердцах всех французов:

«Да здравствует император!»

«Наполеону III, опозоренному и оплеванному, нужна торжественная реабилитация», и господам Альберу Ришару и Гаспару Блану, получающим содержание из тайных фондов Наполеона III, эта реабилитация была специально поручена.

Впрочем, сознаются они, «сторонниками Империи нас сделало естественное развитие наших идей». Вот признание, которое, должно быть, очень приятно их единоверцам из *Альянса*. Как в прекрасные дни «Solidarité», А. Ришар и Г. Блан декламируют свои старые фразы о «политическом воздержании», которое, по свидетельству их «естественного развития», осуществляется лишь при совершеннейшем деспотизме, когда рабочие воздерживаются от всякого политического вмешательства, подобно тому как заключенный воздерживается от всякой прогулки на солнце.

«Время революционеров, — говорят они, — миновало... коммунизм остался лишь в Германии и в Англии, в особенности в Германии. Впрочем, там он уже давно серьезно разрабатывается, и оттуда он распространился по всему Интернационалу, и этот внушающий тревогу успех немецкого влияния в Товариществе не мало содействовал тому, что развитие последнего приостановилось или, вернее, приняло новое направление в секциях центральной и южной Франции, которые никогда не получали пароля ни от какого немца».

Не кажется ли, что говорит сам великий иерофант, с основания Альянса взявший на себя, в качестве русского, специальную миссию быть представителем *латинских рас?* или «истинные миссионеры» из

«Еще не наступило время для изложения истории разгрома движения коммунаров на юге Франции, но уже ныне мы, бывшие, по большей части, свидетелями столь прискорбного подавления восстания 30 апреля в Лионе, можем уже сейчас заявить, что это восстание потерпело неудачу отчасти вследствие низости, предательства, краж Г. Блана, который втирался повсюду, исполняя приказания остававшегося в тени Ришара.

«При помощи своих злоумышленных махинаций им удалось скомпрометировать некоторых лиц из числа принимавших участие в подготовительных работах Комитетов Восстания.

«Больше того, этим предателям удалось до такой степени дискредитировать Интернационал в Лионе, что ко времени Парижской революции Интернационал внушал лионским рабочим лишь величайшее недоверие. Отсюда — полное отсутствие организации, отсюда — неудача восстания, неудача, по необходимости повлекшая за собой падение Коммуны, предоставленной своим собственным силам. Только после этого кровавого урока нашей пропаганде удалось сплотить лионских рабочих вокруг знамени Интернационала».

Альбер Ришар был баловнем, пророком Бакунина со товарищи.

«Révolution Sociale» (2 ноября 1871 г.), возвещающие о «попятном шествии, которое стараются навязать Интернационалу немецкие и бисмарковские умы?

Но, к счастью, истинная традиция не утрачена, и г-да Альбер Ришар и Гаспар Блан не расстреляны. И «работа» их состоит в том, чтобы «придать новое направление» Интернационалу в центральной и южной Франции, пытаясь основать секции бонапартистские и вследствие этого по самому существу своему «автономные».

Что же касается организации пролетариата в политическую партию, как то рекомендовала Лондонская конференция, то «*после восстановления Империи мы* — Ришар и Блан — мы живо разделаемся не только с социалистическими теориями, но и с началом осуществления их, которое обнаруживается в революционной организации масс».

Одним словом, пользуясь великим «принципом автономии секции», который «составляет истинную силу Интернационала... в особенности в странах *латинской расы*» («Révolution Sociale» от 4 января), эти господа строят свои расчеты на анархии в Интернационале.

Анархия — вот конек их учителя Бакунина, заимствовавшего у социалистических систем лишь ярлычки. Все социалисты понимают под анархией следующее: как только будет достигнута цель пролетарского движения, уничтожение классов, исчезнет власть государства, служащая для удержания громадного производящего большинства под игом немногочисленного эксплоатирующего меньшинства, и правительственные функции превратятся в простые административные функции. Альянс ставит вещи вверх ногами. Он проповедует анархию в рядах пролетариата, как наивернейшее средство для сокрушения социальных и политических сил, сосредоточенных в руках эксплоататоров. Под этим предлогом Альянс требует от Интернационала, чтобы он, в тот самый момент, когда старый мир старается раздавить его, заменил свою организацию анархией. Международной полиции больше ничего и не требуется для того, чтобы обеспечить навеки существование республики Тьера, прикрывая ее императорской мантией [1]) [364]).

---

[1]) В своем докладе о законе Дюфор член парламента «деревенщины» Саказ обрушивается прежде всего на «организацию» Интернационала. Эта организация внушает ему величайшее отвращение. Констатировав, «восходящее движение этой грозной Ассоциации», он продолжает, «эта Ассоциация отвергает... тайный образ действия сект, предшествовавших ей. Ее организация была создана и видоизменялась на виду у всех. Благодаря мощи своей организации... Интернационал постепенно расширял сферу своей деятельности и влияния. Он прокладывает себе доступ во все страны». Затем он «в общих чертах» описывает его «организацию» и заключает: «Таков в его мудрой цельности... план этой обширной организации. Сила ее в самом этом замысле. Сила ее также в массе ее приверженцев, сплоченных в общей деятельности, и, наконец, в непобедимом импульсе, который может привести их в движение».

III. Отрывки из брошюры Ф. Энгельса и П. Лафарга „Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих".

ДОКЛАД И ДОКУМЕНТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГААГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА [365]).

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Международное Товарищество Рабочих, поставив себе целью собрать воедино разрозненные силы всемирного пролетариата и стать, таким образом, живым выразителем общности интересов, объединяющей рабочих, должно было по необходимости открыть доступ социалистам всех оттенков. Его основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, санкционировавшие на международных конгрессах Генеральный Устав Товарищества, забыли о том, что самая широта их программы позволит всякого рода деклассированным элементам проникнуть в Интернационал и основать в недрах его тайные организации, деятельность которых будет направлена не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и случилось с *Альянсом Социалистической Демократии*.

На Гаагском конгрессе Генеральный Совет потребовал расследования по поводу этой тайной организации. Конгресс возложил эту обязанность на комиссию из пяти человек (граждане Куно, Люкен, Сплингард, Вишар и Вальтер, сложивший свои полномочия). Комиссия сделала свой доклад на заседании 7 сентября. Конгресс постановил:

1. Исключить из Интернационала Михаила Бакунина, как основателя Альянса и за личный его проступок.

2. Исключить Джемса Гильома, как члена Альянса.

3. Опубликовать документы, относящиеся к Альянсу.

Так как члены комиссии расследования об Альянсе были рассеяны по различным странам, то она не смогла опубликовать документы, легшие в основу ее доклада, и гражданин Вишар, единственный проживающий в Лондоне член ее, передал их протокольной комиссии, которая ныне под своей ответственностью воспроизводит их в последующем докладе.

Дело об Альянсе было столь обширно, что комиссия, заседавшая во время конгресса, успела ознакомиться лишь с наиболее важными документами, необходимыми для того, чтобы притти к какому-либо практическому заключению; так, например, большая часть русских документов не могла быть передана на ее рассмотрение. Так как доклад, представленный ею конгрессу, затрагивал только часть вопроса, то ныне он не может уже нас удовлетворить. Поэтому мы были вынуждены изложить историю Альянса для того, чтобы читателю стали ясны смысл и значение этих документов.

Опубликовываемые нами документы относятся к нескольким категориям. Некоторые из них были опубликованы порознь, причем, по большей части, на французском языке; но чтобы всецело постичь дух Альянса, необходимо эти документы поставить в связь друг с другом, так как в таком сочетании они предстают в совершенно новом свете. К числу таковых относится программа открытого Альянса. Некоторые документы относятся к Интернационалу и появляются в печати впервые; иные к Испанской секции тайного Альянса, о существовании которого было заявлено членами Альянса весной 1871 г. Тот, кто следил за испанским движением той эпохи, найдет здесь лишь более точные данные относительно фактов, составляющих в большей или меньшей мере общественное достояние. Важность этих документов заключается не в том, что они издаются в первый раз, а в том, что в первый раз они сопоставлены таким образом, что обнаруживается та общая тайная деятельность, из которой они проистекают, и в особенности в том, что мы сравниваем их с двумя категориями последующих документов. К первой относятся опубликованные на русском языке документы, которые раскрывают перед нами истинные программу и образ действий Альянса. Эти документы, из-за языка, на котором они были написаны, оставались до сих пор неизвестными Западу, и это обстоятельство позволило авторам их дать в них полную волю своему воображению и своему языку. Предлагаемый нами точный перевод их даст читателю возможность определить, какова в действительности умственная, нравственная, экономическая и политическая ценность вождей Альянса.

К последней категории относится лишь одна вещь — тайный устав Альянса; это — единственный более или менее крупный по размеру документ, опубликовываемый в первый раз в этом докладе. У некоторых, быть может, возникнет вопрос, допустимо ли для революционеров опубликовывать устав тайного общества, так сказать, заговора? Но, во-первых, комиссия по Альянсу на Гаагском конгрессе определенно указала на этот устав, как на подлежащий опубликованию в числе прочих документов, и ни один из делегатов, даже член, представлявший меньшинство комиссии, не голосовал против. Поэтому конгресс, распоряжения которого мы должны исполнять формально, приказал произвести это опубликование; по существу же дела надо заметить следующее:

Вот общество, которое под личиной самого крайнего анархизма, ведет атаку не против существующих правительств, но против революционеров, отвергающих его ортодоксию и его руководство. Основанное меньшинством буржуазного конгресса, оно вкрадывается в ряды международной организации рабочего класса; пробует сначала захватить в свои руки управление ею, но, увидев, что план этот терпит крушение, работает над его дезорганизацией. Оно нагло пытается подставить свою сектантскую программу и свои узкие идеи на место широкой программы, великих стремлений нашего Товарищества. Оно организует в открыто существующих секциях Интернационала свои маленькие тайные секции, повинующиеся одному и тому же паролю и действующие согласно заранее выработанному плану, вследствие чего им во многих случаях удавалось захватить власть над открытыми секциями; в своих органах оно публично выступает против всех тех, кто отказывается рабски повиноваться его воле, и, по его собственным словам, — провоцирует открытую войну в наших рядах. Для достижения своей цели оно не отступает ни перед какими средствами, ни перед какой низостью; ложь, клевета, запугивания, тайные засады — все для него одинаково допустимо. В России, наконец, оно выдает себя за Интернационал и под его флагом совершает уголовные преступления, мошенничества, убийство, — ответственность за которое правительственная и буржуазная пресса возлагает на наше Товарищество. И Интернационал должен хранить молчание по поводу всего этого, потому только, что общество, виновное в этих преступлениях — общество тайное! Интернационал имеет в своем распоряжении устав этого общества, своего смертельного врага; устав, в котором оно открыто называет себя современным иезуитским орденом и заявляет, что его право и его обязанность — пользоваться всеми средствами иезуитов; устав, проливающий свет на целый ряд враждебных действий со стороны Альянса, объектом которых был Интернационал — и в то же время Интернационал не имеет права воспользоваться этим уставом, так как это значило бы выдать тайное общество.

Против всех этих интриг есть одно только средство — но зато сокрушительное, именно: совершеннейшая гласность. Раскрыть эти махинации в их совокупности — значит обезвредить их. Покрывать же их своим молчанием было бы не только наивностью, над которой вожди Альянса первые посмеялись бы, но и трусостью. Больше того, это было бы предательством по отношению к тем интернационалистам Испании, членам тайного Альянса, которые не поколебались известить нас о его существовании и об образе его действий, лишь только он стал в явно враждебные отношения к Интернационалу. Кроме того, все, что содержится в уставе, заключается уже, — и в еще более резкой форме, — в документах, опубликованных на русском языке самими Бакуниным и Нечаевым. Устав является лишь их подтверждением.

Пусть главари Альянса кричат, что мы выдаем их. Мы их выдаем презрению рабочих и благосклонности правительств, которым они оказали такие ценные услуги, дезорганизуя рабочее движение. Цю-

рихская «Tagwacht», отвечая Бакунину, имела полное право сказать. «Если вы и не состоите на жаловании у полиции, то в одном не может быть сомнения: ни один оплаченный агент не смог бы причинить столько вреда, сколько причинили вы».

II.

ТАЙНЫЙ АЛЬЯНС.

Альянс Социалистической Демократии всецело буржуазного происхождения. Он не был порождением Интернационала; он — отпрыск Лиги Мира и Свободы, мертворожденного общества буржуазных республиканцев [1]). Интернационал стоял уже твердо на ногах, когда Михаил Бакунин вздумал разыграть роль освободителя пролетариата. Интернационал мог ему предложить лишь общее для всех его членов поле деятельности. Чтобы приобрести в нем какое-либо значение, он должен был ранее завоевать свои шпоры упорной и самоотверженной работой; он решил, что у буржуа Лиги ему представляются и лучшие шансы, и менее тяжелый труд.

В сентябре 1867 г. его выбирают членом Перманентного Комитета Лиги Мира, и он принял свою роль всерьез; можно даже сказать, что вместе с Барни, теперешним депутатом в Версале, он был душой этого Комитета. Бакунин, претендовавший на звание теоретика Лиги, должен был, с ее благословения, издать труд: «Федерализм, социализм и антитеологизм» [2]). Однако Бакунин скоро убедился в том, что Лига остается незначительным обществом и что входящие в состав ее либералы видят в ее конгрессах лишь повод для сочетания увеселительной поездки с высокопарными речами, в то время как Интернационал, наоборот, растет с каждым днем. Тогда он задумал привить Лигу к Интернационалу. Для приведения этого плана в исполнение, Бакунин проходит в члены Женевской секции, куда его принимают по предложению Элизара в июле 1868 г.; с другой же стороны, Комитет Лиги, по его настоянию, принимает решение предложить Брюссельскому конгрессу Интернационала договор оборонительного и наступательного союза между обоими обществами. И для того, чтобы конгресс лигистов санкционировал этот свежеиспеченный проект, Бакунин составил, а затем убедил Комитет подписать и разослать тайный циркуляр «господам» Лиги. В нем он открыто признает, что Лига, бывшая доныне пустым фарсом, может приобрести значение, лишь противопоставив союзу угнетателей «союз народов, союз трудящихся... Мы можем сделаться чем-нибудь лишь в том случае, если станем искренними и серьезными представителями миллионов трудящихся». Провиденциальная миссия святой Лиги состояла в том, чтобы наградить рабочий класс буржуазным парламентом, самого себя назначив-

[1]) Среди них находились также несколько социалистов. (Примечание в новом немецком переводе.)

[2]) Эта библия «*измов*» прекратилась на третьем выпуске ввиду непредставления рукописи.

шим, и которому рабочие должны были передать все заботы о своем политическом руководстве. — «Чтобы сделаться целительной и действительной силой, — говорится в заключение циркуляра, — наша Лига должна стать *чисто-политическим выражением* великих экономических и социальных интересов и принципов, кои ныне победоносно развиваются и распространяются великим Международным Товариществом Рабочих Европы и Америки».

Брюссельский конгресс осмелился отвергнуть предложение Лиги. Велики были разочарование и гнев Бакунина. С одной стороны, Интернационал ускользал из-под его покровительства. С другой стороны, председатель Лиги, профессор Густав Фогт, как следует отчитал его: «Или ты не был уверен в успехе нашего предложения, — писал он Бакунину, — в таком случае ты скомпрометировал нашу Лигу, или же ты знал, какой сюрприз нам готовили твои друзья из Интернационала, — и в таком случае ты обманул нас самым недостойным образом. Я тебя спрашиваю, что мы теперь скажем нашему конгрессу?»... Бакунин ответил письмом, которое читалось любому желающему. «Я не мог предвидеть, — говорил он, — что конгресс Интернационала ответит нам оскорблением, столь же грубым, сколь и претенциозным, но это — следствие интриг некоей клики немцев, ненавидящих русских. (Своим слушателям он разъяснял на словах, что под этой кликой он подразумевает клику Маркса.) Ты спрашиваешь меня, что мы будем делать? Я убедительно прошу о чести ответить на это грубое оскорбление с трибуны нашего конгресса, от имени нашего комитета».

Вместо того, чтобы сдержать свое слово, Бакунин предпочел переменить фронт. Он предложил Бернскому конгрессу лигистов программу фантастического социализма, в которой требовал уравнения классов и индивидов — чтобы таким образом перещеголять дам Лиги, требовавших лишь уравнения полов. Снова потерпев фиаско, он, вместе с ничтожным меньшинством, покинул конгресс и отправился в Женеву [1]).

Союз буржуа с рабочими, о которых мечтал Бакунин, не должен был ограничиваться лишь открытым Альянсом. Тайный устав Альянса Социалистической Демократии (см. оправдательные документы № 1) содержит указание на то, что в недрах самой Лиги Бакунин уже закладывал основы тайного общества, которое должно было взять на себя управление Лигой. Не только название руководящих групп тождественны с таковыми же Лиги (Перманентный Центральный Комитет, Центральное Бюро, национальные комитеты), но в тайном уставе определенно заявляется, что «бо́льшая часть членов-учредителей Альянса» — «прежние члены Бернского конгресса». Для того, чтобы заставить признать себя вождем Интернационала, нужно было пред-

[1]) Среди отколовшихся мы встречаем имена Альбера Ришара из Лиона, ныне полицейского агента Бонапарта; Гамбуцци, неаполитанского адвоката (см. главу об Италии); Жуковского, впоследствии секретаря открытого Альянса, и некоего Бюттнера, женевского жестяника, принадлежащего в настоящее время к ультра-реакционной партии.

стать в качестве всегда другой армии; тайная же организация должна была обеспечить ему абсолютную преданность этой армии. После того, как его общество открыто влилось бы в Интернационал, Бакунин рассчитывал создать разветвления его во всех секциях и таким образом сделаться неограниченным руководителем Интернационала. С этой целью он основал в Женеве Альянс (открытый) Социалистической Демократии. С виду он был лишь открыто существующим обществом, входящим в состав Интернационала, но имеющим, однако, свою особую международную организацию, центральный комитет, национальные бюро, секции, не зависимые от нашего Товарищества; на-ряду с нашим ежегодным конгрессом, Альянс должен был созывать свой открытый конгресс. Но за этим открытым Альянсом таился другой, в свою очередь руководимый еще более тайным Союзом Интернациональных Братьев, лейб-гвардией диктатора Бакунина.

В тайном уставе «Организации Союза Интернациональных Братьев» говорится, что в этом Союзе различаются «три степени»: *I) интернациональные братья; II) национальные братья*; III) полутайная, полу-открытая организация Международного *Альянса Социалистической Демократии* [366]).

. . . . . .

Революционное прошлое перманентного «гражданина Б.» не было настолько блестяще, чтобы он мог льстить себя надеждой, что диктатура, которую он себе захватил, будет ему обеспечена навеки в тайном Альянсе, — а в открытом и подавно. Следовательно, он должен был скрыть ее под демократической болтовней. Тайный устав предписывал, поэтому, что временное Центральное Бюро (читай: перманентный гражданин) будет функционировать до первого открытого общего собрания Альянса, которое назначит членов нового перманентного Центрального Бюро. Но, «так как настоятельно необходимо, чтобы Центральное Бюро состояло исключительно из членов Перманентного Центрального Комитета, то последний должен, при посредстве своих национальных комитетов, позаботиться о такой организации местных групп и таком *руководстве* ими, чтобы они *посылали делегатами* на это собрание *лишь членов Перманентного Центрального Комитета*, или, за неимением таковых, лиц, *вполне преданных руководителям* своих национальных комитетов, — для того, чтобы Перманентный Центральный Комитет *всегда играл главную роль* во всей организации Альянса». Эти инструкции даются не министром или префектом Бонапарта накануне выборов, но отъявленным врагом всякого авторитета, архианархистом, апостолом организации снизу вверх, Байардом автономии секций и свободной федерации автономных групп, Святым Михаилом Бакуниным — для обеспечения своей перманентности.

Мы только что проанализировали тайную организацию, предназначенную для обеспечения вечной диктатуры «гражданина Б.», теперь перейдем к ее программе. «Сообщество интернациональных братьев желает революции всемирной, социальной, философской, экономической и политической вместе, для того чтобы в Европе сначала, а затем

и во всем остальном мире не осталось камня на камне от существующего порядка вещей, основанного на собственности, на эксплоатации, на господстве и на принципе авторитета, — религиозного или метафизического и буржуазно-доктринерского или даже якобински-революционного. При крике: мир рабочим, свобода угнетенным и смерть поработителям всякого рода, мы хотим уничтожить все государства и все церкви, со всеми их учреждениями и законами, религиозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и социальными, — чтобы все эти миллионы бедных человеческих существ, обманутых, порабощенных, мучимых, эксплоатируемых, освободились от всех своих начальников и благодетелей, официальных и официозных, обществ и личностей, и вздохнули, наконец, с полной свободой».

Вот это, действительно, наиреволюционнейшая революционность! Для достижения этой головоломной цели вовсе не нужно прежде всего бороться с существующими государствами и правительствами при помощи способов, употребляемых обыкновенными революционерами, но, наоборот, атаковать звучными и докторальными фразами «организацию Государства и его естественное последствие и основание — индивидуальную собственность». Следовательно, дело идет не о ниспровержении бонапартистского, прусского или русского Государства, но о ниспровержении Государства абстрактного, Государства как такового, Государства, нигде не существующего. Но если интернациональным братьям, во время их ожесточенной борьбы с этим заоблачным Государством, удастся избежать кастетов, тюрем и пуль, хранимых реальными Государствами про запас для обыкновенных революционеров, то мы видим в то же время, что они оставили за собой право пользоваться, с разрешения папы, всеми преимуществами, представляемыми этими реальными буржуазными государствами. Фанелли, итальянский депутат, Сориано, чиновник правительства Амедея Савойского, и, быть может, Альбер Ришар и Гаспар Блан, полицейские агенты Бонапарта, свидетельствуют, как сговорчив папа в этом отношении... Поэтому-то полиция и не обращает внимания на Альянс, или, говоря откровенно, заговор «гражданина Б.» против абстрактной идеи Государства.

Первым актом революции должно быть, следовательно, декретирование уничтожения Государства, как Бакунин и сделал 20 сентября в Лионе, несмотря на то, что это уничтожение Государства по необходимости является авторитарным актом. Под Государством он разумеет всякую политическую власть, революционную или реакционную, «так как для нас неважно, называется ли эта власть церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой. Мы их всех ненавидим и отвергаем по одной и той же причине, ибо они представляют собой обязательный источник эксплоатации и деспотизма». Да, он заявляет, что все революционеры, которые на другой день после революции хотят «создать революционное государство», значительно опасней всех существующих

государств, и что «мы, интернациональные братья, естественные враги этих революционеров», так как первейшей обязанностью интернациональных братьев является дезорганизация революции.

Ответ на эти фанфаронады относительно немедленного уничтожения государства и установления анархии уже дан в частном циркуляре последнего Генерального Совета: «*Мнимый раскол в Интернационале*». Март 1873 г.

«Анархия — вот конек их учителя Бакунина, который заимствовал у социалистических систем лишь ярлычки. Все социалисты понимают под анархией следующее: как только будет достигнута цель пролетарского движения — уничтожение классов, — исчезнет власть Государства, служащая для удержания громадного производящего большинства под игом немногочисленного эксплоатирующего меньшинства, и правительственные функции превратятся в простые административные функции. Альянс ставит вещи вверх ногами. Он проповедует анархию в рядах пролетариата, как самое верное средство для сокрушения социальных и политических сил, сосредоточенных в руках эксплоататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы он, в тот самый момент, когда старый мир старается раздавить его, заменил свою организацию анархией».

Но проследим анархистское евангелие вплоть до его выводов. Предположим, что декретом уничтожено Государство. Согласно пункту 6, последствиями этого акта будет: банкротство Государства, прекращение уплаты частных долгов при вмешательстве Государства, прекращение платы всяких податей и всяких налогов, роспуск армии, магистратуры, бюрократии, полиции и священников (!), упразднение официального правосудия, сопровождаемое ауто-да-фе всех документов на собственность и всего бумажного хлама, юридического и гражданского; конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу рабочих ассоциаций и союз этих ассоциаций, который «составит Коммуну». Эта Коммуна даст ограбленным таким образом лицам лишь самое необходимое, предоставив им полную свободу приобрести больше своим собственным трудом.

События в Лионе показали, что простого декрета об уничтожении Государства далеко недостаточно для исполнения всех этих прекрасных обещаний. Но зато вполне достаточно оказалось двух рот буржуазной национальной гвардии для того, чтобы эти лучезарные грезы оказались разбитыми и чтобы Бакунин стремглав бежал обратно в Женеву со своим чудодейственным декретом в кармане. Также не мог он считать своих приверженцев настолько глупыми, чтобы они не видели необходимости хотя в каком-нибудь плане организации для обеспечения исполнения его декрета. Вот этот план:

«Для организации Коммуны: федерация перманентных баррикад и учреждение Совета Революционной Коммуны посредством делегирования одного или двух депутатов от каждой баррикады, одного от улицы или от квартала; депутаты снабжены императивными мандатами; они всегда ответственны и могут быть отозваны во всякое время».

(Презабавные штуки, эти баррикады Альянса, на которых, вместо того, чтобы драться, составляют мандаты.) «Организованный таким образом *коммунальный совет* может выбирать из своей среды особые *исполнительные комитеты* для каждой отрасли революционного управления Коммуной». Восставшая столица, сорганизованная таким образом в Коммуну, объявляет тогда другим коммунам страны, что она отказывается от всяких притязаний на управление ими; она предлагает им реорганизоваться революционно и тотчас же послать к условленному месту встречи ответственных и могущих быть отозванными депутатов, снабженных императивными мандатами, чтобы учредить федерацию восставших ассоциаций, коммун и провинций и организовать революционную *силу*, достаточную для победы над реакцией. Эта организация не ограничится коммунами восставшей страны, и другие провинции или страны могут принять в ней участие, в то время как «провинции, коммуны, товарищества и отдельные лица, которые станут на сторону реакции, *не будут включены в Коммуну*». Следовательно, уничтожение границ сочетается здесь с самой снисходительной терпимостью по отношению к реакционным провинциям, которые не замедлят возобновить гражданскую войну.

Итак, мы имеем, в этой анархической организации трибун-баррикад, сперва коммунальный совет, затем исполнительные комитеты, которые по необходимости должны быть облечены какой-либо властью и опираться на вооруженную силу для того, чтобы иметь возможность хоть что-либо исполнить; далее мы имеем целый федеральный *парламент*, главной задачей которого должна быть организация этой *вооруженной силы*. Этот парламент, равно как и коммунальный совет, — может вручать *исполнительную власть* одному или нескольким *комитетам*, которые вследствие самого этого факта приобретают авторитарный характер, в процессе борьбы все более и более заостряющийся. Мы имеем, следовательно, все элементы «авторитарного Государства», прекраснейшим образом восстановленные, и ничто не изменится, если мы назовем эту машину «организованной снизу вверх революционной коммуной». Имя ничего не меняет в деле; организация снизу вверх существует в каждой буржуазной республике, и императивные мандаты известны были еще в средние века. Да и сам Бакунин признает это, когда (пункт 8) он называет свою организацию «новым революционным государством».

Что же касается практической ценности этого революционного плана, согласно которому дискуссируют вместо того, чтобы драться, но мы не будем тратить на него слов.

Теперь мы откроем секрет всех этих волшебных ящичков Альянса с двойным и тройным дном. Для того, чтобы строго следовали ортодоксальной программе, и чтобы анархия всегда вела себя хорошо, необходимо, чтобы «среди народной анархии, составляющей самое жизнь и всю энергию революции, *нашелся орган единства мысли и революционного действия*. Этим органом должна быть *Тайная и Всемирная Ассоциация Интернациональных Братьев*».

«Эта Ассоциация исходит из убеждения, что революции никогда не делаются — ни личностями, ни тайными обществами. Они делаются как бы сами собой, силою вещей, движением событий и фактов. Долго подготовляются они в глубинах инстинктивного сознания народных масс, затем они разражаются... все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, — это сначала помочь рождению революции, распространяя среди масс идеи, соответствующие инстинктам масс, и организовать не армию революции, — армией должен быть всегда народ («пушечное мясо») — *но революционный главный штаб*, состоящий из преданных, энергичных, интеллигентных личностей и в особенности из искренних и нечестолюбивых и нетщеславных друзей народа, способных служить посредниками между революционной идеей» (монополизированной ими) «и народными инстинктами».

«Число этих лиц не должно быть, следовательно, очень велико. Для интернациональной организации во всей Европе *достаточно ста революционеров, сильно и серьезно сплоченных*. Двух-трех сотен революционеров будет достаточно для организации самой большой страны».

Таким образом, картина сразу меняется. Анархии, «разнузданной народной жизни», «дурных страстей» и пр. уже недостаточно. Для обеспечения успеха революции необходимо *единство мысли и революционного действия*. Интернационалисты стараются создать это единство путем пропаганды, дискуссий и общественной организации пролетариата; — а Бакунину для этого нужна лишь тайная организация ста человек, привилегированных представителей *революционной идеи*, главный штаб, состоящий в распоряжении революции, сам себя назначивший и находящийся под командой перманентного «гражданина Б.». Единство мысли и действия означает не более, как ортодоксию и слепое повиновение. Perinde ac cadaver. Вот мы и у иезуитов.

Утверждать, что сто интернациональных братьев должны «служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами» — значит вырывать непроходимую пропасть между революционной идеей Альянса и пролетарскими массами; это равносильно заявлению, что невозможно вербовать эту лейб-гвардию где-либо помимо привилегированных классов.

III.

АЛЬЯНС В ШВЕЙЦАРИИ.

Альянс подобен Фальстафу: он... «находит, что осторожность — лучшая часть храбрости». Поэтому «чорт, сидящий в теле» интернациональных братьев, ни капельки не мешает им смиренно преклоняться перед властью существующих Государств, энергично протестуя в то же время против абстрактного Государства, удары же их он направляет исключительно против Интернационала. Сперва они хотели господствовать в нем; не добившись этого, они пытались дезорганизировать его. Мы теперь рассмотрим деятельность его в разных странах.

Интернациональные братья были только главным штабом в распоряжении революции; им нехватало армии. Они решили, что Интернационал был задуман и создан исключительно для этой цели. Чтобы быть допущенным к командованию над армией Интернационала, нужно было всунуть туда открытый Альянс. Боясь, что они уронят свое достоинство, если попросят у Генерального Совета разрешения вступить в Интернационал, так как таким образом они признали бы его власть, они с этой целью многократно и напрасно обращались к Бельгийскому и Парижскому федеральным советам. Повторные отказы заставили Альянс обратиться 15 декабря 1868 г. к Генеральному Совету с просьбой о приеме. Альянс прислал свой устав и свою программу, в которых открыто объявлял о своих намерениях. (Оправдательные документы, № 11.) Несмотря на заявление Альянса, что он «совершенно растворяется в Интернационале», он намеревался образовать внутри него новую интернациональную организацию. Наряду с Генеральным Советом Интернационала, избираемым конгрессами, должен был существовать Центральный Комитет Альянса, заседающий в Женеве и сам себя назначивший; на-ряду с местными группами Интернационала — местные группы Альянса, которые, через посредство своих национальных бюро, функционирующих вне национальных бюро Интернационала, «будут ходатайствовать перед Центральным Бюро Альянса о приеме их в Интернационал». Центральное Бюро Альянса присваивало себе, таким образом, право приема в Интернационал. На-ряду с конгрессами Интернационала имеют место конгрессы Альянса, так как «на ежегодных конгрессах рабочих делегация Альянса» должна была «открыто заседать в отдельном помещении».

22 декабря Генеральный Совет (в письме, опубликованном в его циркуляре: «*Мнимый раскол в Интернационале*», заявил, что эти притязания находятся в явном противоречии с уставом Интернационала, и категорически отказал в приеме Альянса. Несколько месяцев спустя Альянс снова обратился к Генеральному Совету, спрашивая его, соглашается ли он с его принципами или нет. В случае утвердительного ответа он объявлял себя готовым распасться на простые секции Интернационала. Генеральный Совет, 9 марта 1869 г. (см. «*Мнимый раскол в Интернационале*», стр 8), ответил, что он не может высказаться по поводу научной ценности программы Альянса, так как это находится вне его компетенции, и что если заменить: «уравнение классов» — «уничтожением классов», то отпадут препятствия к превращению секций Альянса в секции Интернационала. Он прибавлял: «*Если роспуск Альянса и вступление секций в Интернационал* — вопрос решенный, то необходимо, согласно нашему регламенту, *известить Совет о местопребывании и численности каждой новой секции*».

22 июня 1869 г. Женевская секция Альянса сообщила Генеральному Совету о совершившемся роспуске Международного Альянса Социалистической Демократии, всем секциям которого предлагалось «преобразоваться в секции Интернационала». После этого формального

заявления, введенный в заблуждение некоторыми подписями на программе, которые давали повод предполагать, что Альянс был признан Романским федеральным комитетом, Совет принял его. Мы должны заметить, что ни одно из условий не было когда-либо исполнено Альянсом. Наоборот: тайная организация, скрытая под открытым Альянсом, только с этого момента широко развернула свою деятельность. За Женевской секцией Интернационала скрывалось Центральное Бюро тайного Альянса, за Неаполитанской, Барселонской, Лионской, Юрской секциями — тайные секции Альянса. Опираясь на это франкмасонство, о существовании которого не подозревали ни рядовые члены Интернационала, ни административные центры его, — Бакунин надеялся захватить в свои руки управление Товариществом на Базельском конгрессе в сентябре 1869 г. На этот конгресс тайный Альянс, благодаря употребленным им не вполне честным приемам, был представлен, по меньшей мере, десятью делегатами, в числе которых находились пресловутый Альбер Ришар и сам Бакунин. Делегация привезла с собой много незаполненных мандатов, которыми не пришлось воспользоваться ввиду отсутствия верных людей, хотя мандаты эти и предлагались базельским интернационалистам. Однако этого числа не оказалось достаточным даже для того, чтобы конгресс санкционировал уничтожение права наследования, — Сен-симонистское старье, из которого Бакунин намеревался сделать практический исходный пункт социализма, — и тем более не удалось навязать конгрессу перенесение Генерального Совета из Лондона в Женеву, о чем мечтал Бакунин.

Между тем в Женеве происходила открытая война между Романским федеральным комитетом, почти единодушно поддерживаемым женевскими интернационалистами, и Альянсом. Союзниками последнего в этой войне были: «Progrès» («Прогресс») в Локле, редактируемый Джемсом Гильомом, и женевская «Égalité» («Равенство») — официальный орган Романского федерального комитета, редактируемый, однако, комитетом с альянсистским большинством и по всякому поводу нападавший на Романский федеральный комитет. Не теряя из виду своей главной цели — перенесения местопребывания Генерального Совета в Женеву, — редакция «Égalité» открыла кампанию против существующего Генерального Совета и предложила парижскому «Travail» («Труд») поддержать ее. Генеральный Совет, в своем циркуляре от 1 января 1870 г., заявил, что он не намерен вступать в полемику с газетами. Между тем Романский федеральный комитет устранил людей Альянса от редактирования «Égalité».

В то время секта не надела еще свою антиавторитарную маску. Так как она надеялась завладеть Генеральным Советом, то на Базельском конгрессе первая предложила выработанные ею административные резолюции, коими предоставлялась Генеральному Совету та самая «авторитарная власть», на которую она так яростно обрушилась два года спустя. Ничто не дает лучшего представления о том, что она подразумевала под авторитарной ролью Генерального Совета, как следую-

щая выдержка из локлевского «Progrès», редактируемого Джемсом Гильомом (4 декабря 1869 года) по поводу разногласий между «Sozial-Demokrat» («Социал-Демократ») и «Volksstaat» («Народное Государство» [1]).

«Нам кажется, что Генеральный Совет нашего Товарищества *обязан вмешаться*, начать расследование по поводу происходящего в Германии, *вынести решение* по делу Швейцера и Либкнехта *и тем самым положить конец неопределенности*, в которую нас повергает это странное положение вещей».

Можно ли верить, что это пишет тот же самый Гильом, который 12 ноября 1871 г. в циркуляре Сонвилье обвинял тот же самый Генеральный Совет, некогда столь мало авторитарный, в «желании внести в Интернационал *принцип авторитета*»?

С самого появления их в свет органы Альянса не ограничились пропагандой своей специальной программы, — это им никто не мог бы поставить в вину, — но настойчиво создавали и поддерживали умышленную путаницу между их программой и программой Интернационала. Это повторялось повсюду, где только Альянс имел в своем распоряжении печатный орган или сотрудничал в нем, — в Испании, в Швейцарии, в Италии, но до высшего совершенства система эта была доведена в русских изданиях.

Секта выступила со своим решительным ударом на конгрессе Романской федерации в Лашодефоне (4 апреля 1870 г.). Дело шло о том, чтобы заставить женевские секции признать открытый женевский Альянс частью федерации и перенести федеральный комитет и его орган в одну из местностей Юры, где тайный Альянс властвовал безраздельно.

При открытии конгресса двое делегатов «секции Альянса» потребовали принять их. Женевские делегаты предложили отложить этот вопрос до конца конгресса и немедленно приступить к обсуждению программы, так как это несравненно важней. Они заявили, что их императивные мандаты предписывают им лучше уйти с конгресса, чем принять в их группу эту секцию «ввиду интриг и властолюбивых тенденций людей Альянса, и что голосовать за прием Альянса значит голосовать за раскол в Романской федерации». Но Альянс решил не упускать этого случая. Близость маленьких юрских секций дала ему возможность обеспечить себе ничтожное фиктивное большинство, ибо Женева и крупные центры Интернационала были лишь очень слабо представлены. По настоянию Гильома и Швицгебеля, секция Альянса была принята спорным большинством в один или два голоса. Женевские делегаты получили от своих секций, немедленно запрошенных по телеграфу, приказ удалиться с конгресса. Так как интернационалисты Лашодефона поддерживали женевцев, то альянсисты вынуждены были оставить помещение конгресса, принадлежавшее местным секциям. Несмотря на то, что, согласно их собственному органу (см.

[1]) «Sozial-Demokrat» — тогдашний орган лассальянцев; «Volksstaat» — орган возглавляемой Бебелем и Либкнехтом группы немецкой социал-демократии. (Примечание в новом немецком переводе.)

«Solidarité» («Солидарность») от 7 мая 1870 г.), они представляли лишь 15 секций, в то время как в одной Женеве их насчитывалось тридцать, они присвоили себе титул Романского конгресса, назначили новый Романский федеральный комитет, в котором блистали Шевалей и Коньон [1]), и повысили в чине «Solidarité» Гильома, сделав его органом Романской федерации. Что касается Гильома, то специальной миссией этого юного школьного учителя было — клевета на женевских «фабричных рабочих», этих ненавистных «буржуа»; война с «Égalité», органом Романской федерации, и проповедь полного воздержания от политической деятельности. Авторами самых выдающихся статей на эту последнюю тему были: в Марселе — Бастелика и в Лионе — оба столпа Альянса, Альбер Ришар и Гаспар Блан.

Случайное и искусственно созданное большинство Лашодефонского конгресса вдобавок еще явно нарушило устав той самой Романской федерации, на представительство которой оно претендовало; причем надо заметить, что вожди Альянса принимали деятельное участие в составлении этого устава. Согласно пунктам 53 и 55, всякое значительное постановление конгресса, чтобы получить силу закона, должно быть санкционировано двумя третями федерированных секций. А, между тем, Женевская и Лашодефонская секции, высказавшиеся против Интернационала, уже составляли свыше двух третей общего числа. На двух многолюдных общих собраниях женевские интернационалисты, несмотря на противодействие Бакунина и его друзей, почти единогласно одобрили поведение их делегатов, которые, под гром аплодисментов, предложили Альянсу вернуться к прежнему положению и отказаться от своих притязаний быть частью Романской федерации; на этих условиях может быть заключен мир. Немного позже несколько разочаровавшихся членов Альянса предложили распустить его, но Бакунин и его приверженцы изо всех сил воспротивились этому. Несмотря на все, Альянс продолжал настаивать на том, что он входит в состав Романской федерации, которая вследствие этого вынуждена была исключить из своей среды Бакунина и других главных вождей.

Итак, имелось два романских федеральных комитета: один в Женеве, другой в Лашодефоне. Огромное большинство секций осталось верным первому, в то время как ко второму присоединилось лишь 15 секций, которые, как мы увидим далее, одна за другой прекратили свое существование.

Едва успел закрыться Романский конгресс, как новый Лашодефонский комитет апеллировал к интервенции Генерального Совета в письме, подписанном: Ф. Робер, секретарь, и Анри Шевалей, президент (см. последнее примечание). По рассмотрении оправдательных

[1]) Два месяца спустя орган этого же самого комитета — «Solidarité» от 7 июля — называет этих обоих лиц *ворами*. Они действительно представили великолепное доказательство анархического революционного духа, обворовав кооперативное товарищество портных в Лашодефоне.

документов обеих сторон, Генеральный Совет, 28 июня 1870 г., постановил сохранить за Женевским комитетом его прежние функции и предложить новому Лашодефонскому федеральному комитету принять местное название. Так как это решение обмануло его надежды, то Лашодефонский комитет обрушился на Генеральный Совет с обвинениями в авторитаризме, забывая, что он первый потребовал его вмешательства. Упорство, с которым Лашодефонский комитет держался присвоенного себе титула Романского федерального комитета, создавало такое замешательство в рядах Швейцарской федерации, что Генеральный Совет вынужден был прекратить всякие сношения с ним.

4 сентября 1870 г. в Париже была объявлена республика. Альянс решил, что «пробил час спустить с цепи революционную гидру в Швейцарии» (стиль Гильома). «Solidarité» выпустила манифест, в котором предлагалось образовать швейцарский вольный отряд против пруссаков. Этот манифест, если верить Гильому-педагогу, чтобы не быть «ни в коем случае *анонимным*», «не был», однако, «подписан». К несчастью, весь воинственный пыл Альянса испарился с конфискацией газеты и манифеста. Но я, восклицал пламенный Гильом, горевший желанием «рискнуть своей жизнью», «я, я останусь на своем посту... в типографии газеты» («Юрский Бюллетень», 15 июля 1872 г.).

В Лионе вспыхнуло революционное движение. Бакунин помчался туда, чтобы присоединиться к своему лейтенанту Альберу Ришару и своим сержантам Бастелика и Гаспару Блану. 28 сентября, в день его прибытия, народ завладел ратушей. Бакунин водворился там, и тогда наступил критический, столь долго ожиданный момент, когда Бакунин смог, наконец, совершить наиреволюционнейший акт, свидетелем которого был когда-либо мир — он декретировал *Уничтожение Государства*. Но Государство, под видом и образом двух рот буржуазной национальной гвардии, вошло в одну из дверей, перед которой забыли поставить стражу, как метлой вымело залу и вынудило Бакунина бежать со всех ног обратно в Женеву.

В тот самый момент, когда воинственный Гильом защищал «на своем посту» сентябрьскую республику, его верный Ахат Робен бежал от этой республики в Лондон. Хотя Генеральный Совет знал, что он был одним из наиболее ревностных сторонников Альянса и, больше того, автором нападок, направленных против Генерального Совета и помещенных в «Égalité», — несмотря на сообщение брестских секций о далеко не отважном поведении Робена, он все же включил его в свой состав, ввиду отсутствия французских членов. С этого момента Робен беспрерывно исполнял должность официозного корреспондента Лашодефонского комитета. 14 марта 1871 г. он предложил созвать тайную конференцию Интернационала для того, чтобы покончить со швейцарским спором. Совет, предвидя, что в Париже готовятся великие события, категорически отказал в этом. Робен многократно возвращался к своей просьбе и раз даже предложил Совету вынести окончательное

решение по поводу спора. 25 июля Генеральный Совет постановил включить это дело в число вопросов, которые будут представлены на обсуждение конференции, имеющей быть созванной в сентябре месяце 1871 г.

10 августа Альянс, мало склонный подвергать свою деятельность расследованию конференции, объявил, что он распущен с 6 числа этого месяца. Однако, получив подкрепление в лице нескольких французских эмигрантов, он вскоре появился вновь под другими названиями, как то: «Секция социалистических атеистов» и «Секция революционно-социалистической пропаганды и действия». Следуя 5-й резолюции Базельского конгресса и в согласии с Романским федеральным комитетом, Генеральный Совет отказался признать эти секции, новые очаги интриг.

Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.) подтвердила постановление Генерального Совета от 28 июня 1870 г. относительно юрских диссидентов.

Так как «Solidarité» прекратила свое существование, то новые приверженцы Альянса основали «Révolution Sociale» («Социальная Революция»), где работала госпожа Андре Лео, та самая, которая на Лозаннском конгрессе Лиги Мира заявила, в то время как Ферре сидел в тюрьме, ожидая момента отправки в Сатори, что «Рауль Риго и Ферре — две зловещие личности Коммуны, которые до настоящего времени (до казни заложников) не переставали требовать кровавых мер, правда, безрезультатно».

С первого же своего номера эта газета поспешила стать на одном уровне с «Figaro», «Gaulois», «Paris-Journal» и другими бульварными листками, перепечатывая их мерзости о Генеральном Совете. Газета сочла момент благоприятным для того, чтобы разжечь огонь национальной ненависти в недрах самого Интернационала. По ее словам, Генеральный Совет был немецким комитетом, руководимым бисмарковским умом.

Конференция своими тремя резолюциями: о швейцарском споре, о политической деятельности рабочего класса и об открытом дезавуировании Нечаева — поразила Альянс в самое сердце. Первая из этих резолюций содержала открытое порицание псевдо-романского Лашодефонского комитета и одобрение поведения Генерального Совета. Она советовала юрским секциям примкнуть к Романской федерации и, если этот союз окажется невозможным, то предписывала горным секциям принять название Юрской федерации. Она заявляла, что если их комитет будет продолжать газетную войну на глазах у буржуазной публики, то Генеральный Совет дезавуирует эти газеты. Вторая резолюция — о политической деятельности рабочего класса — положила конец смятению, которое Бакунин пытался создать в Интернационале, включив в свою программу учение о полном воздержании от политической деятельности. — Третья резолюция, о Нечаеве, угрожала непосредственно самому Бакунину. В дальнейшем, когда мы будем говорить о России, мы увидим, до какой степени Бакунин был лично

заинтересован в том, чтобы скрыть гнусные поступки Альянса от Западной Европы.

Альянс совершенно справедливо увидел во всем этом объявление войны и немедленно открыл поход. Юрские секции, поддерживавшие псевдо-романский комитет, собрались 12 ноября 1871 г. на конгрессе в Сонвилье. Там было 16 делегатов, претендовавших на представительство девяти секций. Согласно докладу федерального комитета, секция в Куртелари, представляемая двумя делегатами, «временно прекратила свою деятельность»; центральная секция в Локле «в конце концов распалась», но временно сконструировалась вновь, чтобы послать двух делегатов в совет шестнадцати; секция резчиков и гильошеров в Куртелари (два делегата) «организовалась в общество противодействия» вне Интернационала. Лашодефонская секция пропаганды (1 делегат) «находится в критическом положении, и состояние ее не только не улучшается, но скорее обнаруживает признаки ухудшения». Центральной Невшательской секции «пришлось много перестрадать, и если бы не самоотверженность некоторых ее членов, падение ее было бы неминуемо». Два кружка для изучения социальных наук в Сонвилье и Сент-Имье (4 делегата) в районе Куртелари образовались согласно отчету, вследствие роспуска центральной секции в Куртелари; следовательно, несколько членов этого района были представлены три раза, шестью депутатами! Секция Мутье (1 делегат) состоит, повидимому, лишь из своего комитета. Итак, из 16 делегатов 14 представляют мертвые или умирающие секции. Но, чтобы судить о степени дезорганизации, которую внесла в эту федерацию проповедь анархии, почитаем этот доклад еще немного. Из двадцати двух секций только девять были представлены на конгрессе; семь ни разу не ответили ни на одно сообщение комитета, и четыре объявили себя окончательно умершими. Вот та федерация, которая считала себя призванной в корне изменить организацию Интернационала!

Конгресс в Сонвилье начал, однако, с того, что склонился перед постановлением Лондонской конференции, давшей ему название Юрской федерации; но в то же время, чтобы доказать свой анархизм, он объявил всю Романскую федерацию распущенной. (Эта последняя вернула юрцам их автономию, выгнав их из своих секций.) Затем конгресс выпустил свой крикливый циркуляр, главной целью которого было опротестовать законность конференции и апеллировать по этому поводу к генеральному конгрессу, который должен быть созван в самом непродолжительном времени.

Циркуляр обвиняет Интернационал в том, что он отступил от своего духа, который должен быть не чем иным, как «одним грандиозным протестом против авторитета». До Брюссельского конгресса все шло к лучшему в лучшем из обществ, но в Базеле депутаты потеряли голову; их охватило «слепое доверие», и они «покусились на дух и букву Генерального Устава», в котором так определенно провозглашается автономия каждой секции и каждой группы. Следовательно, Интернационал начертал на своем знамени авторитет, а Юрская феде-

рация, эта марионетка Альянса, автономию секций. Мы уже видели, каким образом Альянс собирался осуществить эту автономию.

Но грехи Базельского конгресса были превзойдены грехами Лондонской конференции, резолюции которой «стремятся сделать из Интернационала, этого свободного союза автономных секций, иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, находящихся всецело под рукой (sous la main) Генерального Совета, который может по своему усмотрению отказать им в приеме или приостановить их деятельность». Альянсисты, составлявшие этот циркуляр, забыли, значит, что их тайный устав служит исключительно для укрепления «иерархической и авторитарной организации», увенчанной персоной перманентного «гражданина Б.», и что в нем даются указания, как «дисциплинировать» секции и как сделать, чтобы они всецело находились не только под рукой (sous la main), но под *высокой* рукой (sous la *haute* main) этого же самого «гражданина».

Если грехи конференции — смертные грехи, то грех грехов, грех против Духа Святого был совершен Генеральным Советом. В нем имеются «несколько личностей», которые считают свои «мандаты (членов Совета) своею личной собственностью и Лондон — навеки установленной столицей нашего Товарищества... Некоторые лица дошли до того... что задумали навязать Интернационалу свою специальную программу, свою личную доктрину... в качестве официальной теории, единственно имеющей право гражданства в Товариществе... так постепенно образовалась ортодоксия, местом пребывания которой является Лондон, а представителями — члены Генерального Совета». Наконец, они хотели установить единство Интернационала при помощи «централизации и диктатуры». В этом же самом циркуляре Альянс стремится к тому, чтобы «навязать Интернационалу свою специальную программу», объявляя ее «одним грандиозным протестом против авторитета» и утверждая, что освобождение трудящихся при помощи самих трудящихся должно совершаться «без всякого руководящего авторитета, хотя бы этот авторитет был избран и одобрен трудящимися». Мы увидим, что повсюду, где только Альянс пользовался влиянием, он делал как раз то, в чем он ложно обвинял Генеральный Совет, которому он навязывал свою нелепую химерическую теорию в качестве «официальной теории, единственно имеющей право гражданства в Товариществе» [1]). — Все это относится к открытой и на виду у всех

[1]) Мадзини делал, например, весь Интернационал ответственным за шутовские фантазии папы Бакунина. Генеральный Совет вынужден был публично заявить в итальянских газетах, что он «всегда противился повторным попыткам заменить широкую и многообъемлющую программу Интернационала (допускающую включение в состав его сторонников Бакунина) узкой и сектантской программой Бакунина, принятие которой сразу повлекло бы за собой исключение огромного большинства членов Интернационала». Циркуляр Жюля Фавра, доклад члена парламента «деревенщины» Саказа о нашем Товариществе, реакционные речи во время дебатов испанских кортесов по поводу Интернационала, наконец, все публичные выступления, направленные против него,— изобилуют ультра-анархическими цитатами, заимствованными из лагеря бакунистов.

совершающейся деятельности Альянса; что же касается его тайной деятельности, то «дух и буква» тайного устава показали нам уже, какую роль играет «ортодоксия», «личная доктрина», «централизация» и «диктатура» в этой «свободной федерации автономных групп». Мы отлично понимаем, почему Альянс старался помешать рабочему классу, когда тот хотел создать для себя общее руководство, — ведь бакунинское провидение, организуя свой *Альянс* в качестве главного штаба революции, уже позаботилось об этом.

Генеральный Совет не только хотел навязать Интернационалу ортодоксию, но даже предложил Лондонской конференции уничтожить сектантские названия некоторых секций, и это предложение было принято единогласно [1]).

Впрочем, вот что говорит Генеральный Совет о сектах в своем частном циркуляре (*«Мнимый раскол»*) [367]).

. . . . . .

Альянс не хотел, чтобы Интернационал был боевым обществом; циркуляр требовал, чтобы он был верным изображением будущего общества; «следовательно, мы должны озаботиться наивозможным приближением нашей организации к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен теперь же стать верным отражением наших принципов свободы и федерации и извергнуть из своих недр всякий принцип, стремящийся к авторитету, диктатуре». Если бы Юрской федерации удался ее план сделать из Интернационала верное отражение несуществующего еще общества и лишить его всякой возможности согласованной деятельности, с тайной целью подчинить его «авторитету и диктатуре» Альянса и его перманентного диктатора, «гражданина Б.», то этим были бы превзойдены самые смелые желания европейской полиции, которая только того и хочет, чтобы Интернационал уволился на покой.

Чтобы доказать радикальной буржуазии и своим прежним коллегам из Лиги Мира, что они открывают поход против Интернационала, а не против буржуазии, люди Альянса разослали свой циркуляр всем радикальным органам. «République Française» («Французская Республика») г. Гамбетты поспешила признать их заслуги в статье, полной одобрений по адресу юрцев и нападок на Лондонскую конференцию. «Bulletin Jurassien» (Юрский Бюллетень) в восторге от того, что нашел поддержку в буржуазной прессе, воспроизвел *целиком* эту статью в своем третьем номере, доказав, таким образом, что между

---

[1]) II резолюция конференции, пункт 2: местные ветви, секции или группы и их комитеты будут в дальнейшем обозначаться исключительно, как ветви, секции, группы и комитеты Международного Товарищества Рабочих, с прибавлением названия местности, в которой они находятся. Пункт 3: Отныне, следовательно, воспрещается ветвям, секциям или группам давать себе сектантские названия, как, например: позитивистская, мютюелистская, коллективистская, коммунистическая ветвь и т. д., или образовывать сепаратистские группы под названием: «секция пропаганды» и т. п., ставящие себе специальные задачи, стоящие вне общей цели, преследуемой всеми группами Интернационала.

ультра-революционными альянсистами и версальскими гамбеттистами существует самое сердечное согласие. Для широкого распространения среди буржуазии приятного известия о зарождающемся расколе в Интернационале, циркуляр Сонвилье продавался на улицах многих городов Франции; в особенности же в Монпелье, в базарный день. Известно, что во Франции для продажи печатных произведений на улицах требуется разрешение полиции [1]). Этот циркуляр рассылался кипами повсюду, где Альянс рассчитывал завербовать себе друзей или найти благоприятную почву для создания недовольства Генеральным Советом. Практический результат всего этого был почти равен нулю. Испанские альянсисты высказались против требуемого циркуляром созыва конгресса и осмелились даже сделать выговор самому папе. В Италии одно лишь лицо — Терцаги высказался за конгресс, но вскоре взял свои слова обратно. В Бельгии, где не было выдающихся альянсистов, но где все международное движение погрязало в болоте буржуазных фраз о воздержании от политической деятельности, об автономии, свободе, федерации, децентрализации и местном патриотизме,— циркуляр имел некоторый успех, вызванный уважением к лицам, подписавшим его (Succès d'estime). Хотя Бельгийский федеральный совет не дал своего согласия на созыв экстраординарного генерального конгресса, — что, к слову сказать, было бы нелепостью, ибо Бельгия была представлена на конференции шестью делегатами, — все же он составил проект генерального устава, который попросту упразднял Генеральный Совет. При обсуждении этого предложения на Бельгийском конгрессе делегат Лоделинсарта заметил, что для рабочих лучшим критерием является отношение к данному вопросу хозяина. При виде той радости, которую вызвало в хозяевах одна только мысль об упразднении Генерального Совета, можно смело утверждать, что нельзя «совершить большей ошибки, чем декретировать это упразднение». Предложение и было отвергнуто. В Швейцарии Романская федерация выразила энергичный протест, а в остальных странах циркуляр этот встретил лишь презрительное молчание.

Генеральный Совет ответил на циркуляр Сонвилье и на продолжающиеся интриги Альянса частным циркуляром: «*Мнимый раскол в Интернационале*» от 5 марта 1872 г. Большая часть этого циркуляра была резюмирована выше. Гаагский конгресс разом покончил с этими интригами и с этими интриганами.

Безусловно, эти люди, столь много шумящие и столь малого стоящие, имели неоспоримый успех. Вся либеральная и полицейская пресса открыто приняла их сторону; в их клевете на отдельных лиц Генерального Совета и в их пресных нападках на Интернационал их поддерживали мнимые реформаторы всех стран: в Англии — буржуазные республиканцы, интригам которых помешал Генеральный Совет; в Италии — свободомыслящие догматики, предлагавшие, под знаме-

---

[1]) Тулузский процесс — см. «La Réforme» («Реформа»). Тулуза, 18/III—73.

нем Стефанони, основать «всемирное общество рационалистов», которое должно было иметь обязательное местопребывание в Риме, «авторитарную» и «иерархическую» организацию, монастыри монахов и монахинь-атеистов и т. п., и по уставу которого в зале конгресса должен ставиться мраморный бюст каждому буржуа, пожертвовавшему обществу десять тысяч франков; в Германии, наконец, бисмарковскими социалистами, которые вне своего полицейского листка «Neue Sozial-Demokrat» («Новый Социал-Демократ»), играют роль белых блуз прусско-германской империи [1]).

Так как «Révolution Sociale» перестала выходить, то Альянс сделал своим органом «Bulletin Jurassien», который, под предлогом защиты автономных секций от авторитаризма Генерального Совета и от чрезмерных притязаний Лондонской конференции, работал над дезорганизацией Интернационала. В номере от 20 марта 1872 г. он откровенно признается в том, что под Интернационалом он разумеет не ту или иную организацию, объединяющую ныне некоторую часть пролетариата. Организации суть вещи второстепенные и преходящие... Интернационал, в более общем смысле, есть то чувство солидарности между эксплоатируемыми, которое властвует над современным миром. Интернационал, сведенный к беспримесному «чувству солидарности» был бы еще более платоничен, нежели христианское милосердие. Как доказательство честности приемов, употребляемых «Bulletin», приведем следующую выдержку из письма Токаржевича, главного редактора польской газеты «*Вольность*» в Цюрихе: «В 13-м № «Bulletin Jurassien» помещена *программа польского социалистического общества в Цюрихе*, которое через три дня начнет издавать свою газету «Вольность». Мы уполномачиваем вас объявить Генеральному Совету Интернационала, — через три дня после получения этого письма, — что программа эта *неверна*».

Номер этого «Bulletin» от 15 июня содержит ответы альянсистов (Бакунина, Малона, Кларн, Гильома и т. д.) на частный циркуляр Генерального Совета. Эти ответы не отвечают ни на одно из обвинений, представленных Генеральным Советом Альянсу и его вождям. Нана, исчерпав все свои доводы, решил, что самым достойным заключением прений будет обозвать циркуляр «навозной кучей». «Кроме того,— говорит он,— у меня всегда есть возможность вызвать всех моих клеветников на суд чести, в чем, я не сомневаюсь, мне не откажет будущий конгресс. *И если только этот суд чести представит мне все гарантии нелицеприятного и серьезного решения*, я смогу ему изложить со всеми необходимыми деталями все факты, как политические, так и личного характера, без страха неудобств и опасностей нескромных разоблачений». Само собою разумеется, гражданин Б. рискнул своей жизнью на свой обычный манер: он вовсе не явился в Гаагу.

---

[1]) Это истолкование деятельности находящегося под руководством Швейцера Всеобщего Немецкого Рабочего Союза (лассальянцы) вполне оправдалось исторически. Оно объясняется ожесточенностью тогдашней партийной борьбы. (Примечание в новом немецком переводе.)

Конгресс приближался, и Альянс знал, что до этого конгресса должен был выйти в свет доклад по делу Нечаева, составление которого конференция поручила гражданину Утину. Для Альянса было чрезвычайно важно, чтобы доклад этот не был опубликован до конгресса, так чтобы члены этого последнего не смогли как следует ознакомиться с этим делом. Для выполнения своей задачи Утин отправился в Цюрих. Едва он успел водвориться там, как уже сделался жертвой покушения на убийство, которое мы без малейшего колебания приписываем Альянсу. В Цюрихе у Утина не было врагов, кроме нескольких славян-альянсистов «под высокой рукой» (sous la haute main) Бакунина. Кроме того, устройство засад и убийств является одним из признанных способов борьбы, употребляемых этим обществом; примеры этому мы еще увидим в Испании и в России. Восемь человек, говорящих на каком-то славянском наречии, подстерегали Утина в уединенном месте у канала; когда он к ним приблизился, они напали на него сзади, ударили его тяжелым камнем по голове, опасно ранили глаз и, избив, наверное бы убили и бросили затем в канал, если бы не подоспели четверо немецких студентов. При виде их убийцы разбежались. Это покушение не помешало гражданину Утину окончить свою работу и послать ее конгрессу.

IV.

АЛЬЯНС В ИСПАНИИ.

После конгресса *Лиги Мира*, состоявшегося в Берне в сентябре 1869 г., Фанелли, один из основателей Альянса и член итальянского парламента, отправился в Мадрид. Бакунин снабдил его рекомендациями к члену кортесов Гарридо, который связал его с буржуазными и рабочими республиканскими кругами. Через короткое время после того, в ноябре того же года, из Женевы были высланы членские билеты Альянса Мораго, Кордове-и-Лопец (республиканец, кандидат в кортесы, редактор буржуазной газеты «Combate»), Рубау Донадеу (Rubau Donadeu) (провалившийся кандидат из Барселоны, основатель псевдосоциалистической партии). Известие о высылке этих билетов вызвало беспорядки в молодой секции Мадридского Интернационала. Президент ее Хальво ушел от нее, так как он не хотел принадлежать к ассоциации, которая терпела в своей среде тайное общество, состоящее из буржуа и руководимое ими. Уже на Базельском конгрессе Испанский Интернационал был представлен двумя альянсистами, Фарга Пелисер и Сентиньон, из которых последний фигурировал в официальном списке, как делегат Альянса. После конгресса Испанского Интернационала в Барселоне в июле 1870 г., Альянс укрепился в Пальме, Валенсии, Малаге и Кадиксе. В 1871 г. основаны были секции в Севилье и Кордове. В начале 1871 г. Мораго и Винас, делегаты Альянса в Барселоне, предложили членам федерального совета (Франциско Мора, Анхель Мора, Ансельмо Лоренцо, Боррелл и др.) основать секцию Альянса в Мадриде, но последние воспротивились этому предложению,

говоря, что Альянс является опасным обществом,— если он будет тайным, бесполезным, — если он будет открытым. Во второй раз одного упоминания этого имени было достаточно, чтобы бросить зерно раздора в среду федерального совета, и Боррелл произнес следующие пророческие слова: «Начиная с сегодняшнего дня между нами нет никакого взаимного доверия». Но когда правительственные преследования принудили членов Генерального Совета переселиться в Португалию, Мораго удалось убедить их в полезности этой тайной ассоциации, и по их инициативе была основана секция Альянса в Мадриде. В Лиссабоне несколько португальцев, членов Интернационала, были приняты в Альянс Мораго.

Но так как он нашел, что эти новые члены не дают ему достаточных гарантий, то он основал без их ведома другую альянсистскую группу, состоящую из худших буржуазных и рабочих элементов, взятых из рядов франк-масонов. Эта новая группа, к которой принадлежал расстриженный священник Бонанса, пыталась организовать Интернационал в секции, по 10 человек в каждой, которые под его руководством должны были служить планам графа-де-Пениче (Peniche) и которые этому политическому интригану удалось вовлечь в сумасбродный мятеж, единственной целью которого было поставить его у власти. Ввиду альянсистских интриг в Португалии и Испании, португальские интернационалисты вышли из этого тайного общества и на Гаагском конгрессе потребовали в качестве меры общественного спасения его изгнания из Интернационала.

На конференции испанского Интернационала в Валенсии, в сентябре 1871 г., делегаты Альянса, являвшиеся в то же время делегатами Интернационала, дали полную организацию тайному обществу для иберийского полуострова. Большинство их полагало, что программа Альянса тождественна с программой Интернационала, что эта тайная организация существует повсюду, что они почти обязаны вступить в нее и что Альянс стремится помочь Интернационалу, а не господствовать над ним; оно поэтому решило, что все члены федерального совета должны войти в Альянс. Как только Мораго, не осмеливавшийся до тех пор вступить в пределы Испании, узнал об этом факте, он тотчас же поспешил в Мадрид и обвинил Мора в том, что он «хочет подчинить Альянс Интернационалу» — что противоречило целям Альянса. Чтобы придать больше веса этому мнению, он дал в январе следующего года Меса прочесть письмо Бакунина, в котором последний развивал маккиавелистский план подчинения рабочего класса своему господству. План этот был следующий: «Альянс должен по видимости входить в Интернационал, но на самом деле он должен находиться в известном отдалении от Интернационала для того, чтобы лучше наблюдать за ним и управлять им. На этом основании, члены, принадлежащие к советам и комитетам секций Интернационала, *должны быть всегда в меньшинстве в секциях Альянса*» (объяснения Хосе Меса Гаагскому конгрессу от 1 сентября 1872 г.). На одном из собраний Альянса Мораго обвинял Меса в том, что он предал об-

щество Бакунина, приняв всех членов федерального совета, что давало им большинство в секции Альянса, и таким образом на самом деле устанавливалось господство Интернационала над Альянсом. Для того, чтобы помешать этому господству, тайные инструкции устанавливали, что только один или два альянсиста должны пробраться в советы или комитеты Интернационала, чтобы руководить ими, под управлением и с помощью секций Альянса, где заранее вырабатываются все решения, которые должен принять Интернационал. Начиная с этого момента, Мораго объявил войну федеральному совету и, подобно тому как он это сделал в Португалии, основал новую секцию Альянса, которая оставалась неизвестной подозрительным. Посвященные же в разных местах Испании поддерживали ее и начали обвинять федеральный совет в том, что он пренебрегает своими обязанностями по отношению к Альянсу, как это доказывает циркуляр секции Альянса в Валенсии (от 30 января 1872 г.), подписанный Дамоном, альянсистским псевдонимом Монторо.

Когда получился циркуляр Сонвилье, Испанская секция Альянса не решилась принять сторону Юры. Даже секция-родоначальница в Барселоне в официальном письме от 14 ноября 1871 г. выражается очень резко и самым категорическим образом о папе Михаиле, которого она подозревает в личном соперничестве с Карлом Марксом [1]).

Федеральный совет согласился с этим письмом, и это показывает нам, каким незначительным влиянием пользовался тогда швейцарский центр в Испании. Но уже вскоре можно было заметить, как благодать проникла в строптивые сердца. На собрании Мадридской федерации Интернационала 7 января 1872 г., где обсуждался циркуляр Сонвилье, новая группа, руководимая Мораго, помешала чтению контрциркуляра Романской федерации и прекратила дебаты. 24 февраля Рафар (альянсистский псевдоним Рафаила Фарга) писал Мадридской

---

[1]) Это письмо, написанное Алерини «от имени Барселонской группы» Альянса, начинается обращением: «мой дорогой Бастелика и дорогие друзья», копии с него были разосланы во все секции Испанского Альянса. Вот несколько отрывков из него: «Теперешний Генеральный Совет не может продержаться дольше ближайшего конгресса следующего года, и его губительная деятельность может быть только временной... Открытый разрыв, напротив, нанес бы нашему делу такой удар, с которым оно едва ли бы справилось, если бы оно вообще могло его выдержать. Мы, поэтому, ни в коем случае не можем поддерживать ваши *сепаратистские тенденции*. Некоторые из нас задают себе вопрос, не играют ли роль во всем этом, независимо от принципиальных вопросов, еще вопросы *личного характера, например, соперничество между нашим другом Михаилом с Карлом Марксом, между членами старого А. и Генеральным Советом*... Мы с болью в душе читали в «Révolution Sociale» нападки, направленные на Генеральный Совет и Карла Маркса... К тому мы узнали мнение наших друзей на полуострове, *которые имеют вли ние на местные советы*, то мы изменили наше отношение в соответствии в общим решением, с которым мы будем сообразоваться во всех деталях и т. д.».

Старый А. — это открытый Альянс, задушенный в самом зародыше Генеральным Советом. Экземпляр письма, из которого мы приводим эти отрывки, писан рукой Алерини.

секции Альянса: «Надо уничтожить все реакционные влияния и авторитарные тенденции Генерального Совета». Тем не менее, Альянсу удалось добиться от интернационалистов публичного присоединения к циркуляру Юры только в Пальме на Маллорке. Мы видим, что церковная дисциплина начала ломать последние препятствия против непогрешимости папы.

Ввиду всей этой подпольной работы Испанский федеральный совет понял настоятельную необходимость освободиться от Альянса. Преследования правительства доставили ему повод к этому. Предвидя случай роспуска Интернационала, он предложил образовать тайные группы «защитников Интернационала», в которые незаметно должны были влиться секции Альянса.

Введение многочисленных новых членов должно было изменить характер этих секций, и в тот день, когда преследования прекратились бы, они должны были исчезнуть вместе с этими группами. Но Альянс разгадал тайный смысл этого плана и разрушил его, хотя при отсутствии такой тайной организации само существование Интернационала в Испании было бы поставлено под вопрос, если бы правительство вздумало привести свою угрозу в исполнение. Альянс, напротив, предложил следующий план: «Если нас поставят вне закона, то будет полезно дать Интернационалу такую внешнюю форму, *которая была бы терпима правительством*, причем местные советы служили бы тем тайным ядром, которое, находясь под влиянием Альянса, предписывало бы секциям вполне революционное поведение» (Циркуляр Севильской секции Альянса от 25 октября 1871 г.). Трусливый на деле, храбрый на словах — вот каким представляется Альянс как в Испании, так и в других местах.

Резолюция Лондонской конференции о политике рабочего класса принудила Альянс объявить открытую войну Интернационалу и дала повод федеральному совету констатировать свое полное единодушие с подавляющим большинством Интернационала. К тому же она навела его на мысль организовать в Испании большую рабочую партию. Для того чтобы достигнуть этой цели, надо было сначала совершенно изолировать рабочий класс от всех буржуазных партий, в особенности же от республиканской партии, которая набирала среди рабочих избирателей и борцов.

Федеральный совет предлагал воздержаться при выборах всяких депутатов, как монархических, так и республиканских; для того чтобы лишить народ всякой иллюзии насчет псевдо-социалистических фраз республиканцев, редакторы «Emancipacion», бывшие в то же время членами федерального совета, обратились с письмом к конгрессу представителей федералистически-республиканской партии в Мадриде, в котором они требовали от него практических мероприятий и предлагали ему высказаться относительно программы Интернационала. Это значило нанести республиканской партии сокрушительный удар; Альянс попытался ослабить его, так как он был тесно связан с республиканцами. Он основал в Мадриде газету «El Condenado»,

которая выставила своей программой три главные добродетели Альянса: *Атеизм*, *Анархию*, *Коллективизм*, но проповедывала рабочим, что они не должны требовать уменьшения рабочего дня. На-ряду с «братом» Мораго там писал Эстебанец, один из трех членов центрального комитета республиканской партии, недавно назначенный губернатором Мадрида и военным министром. Пино в Малаге, член федеральной комиссии псевдо-Интернационала, Фелипе Мартин в Мадриде, теперешний коммивояжер Альянса—служили избирательными агентами республиканской партии. Чтобы иметь также своего Фанелли в испанских кортесах, Альянс решил выставить кандидатуру Мораго.

Альянс уже выставил два тяжких обвинения против федерального совета: 1) то, что он держался нейтрально в юрском вопросе, 2) что он покушался на его целость; после того как совет занял враждебную позицию против республиканской партии и тем разрушил все планы Альянса, последний решил его погубить. Письмо к конгрессу республиканцев было понято последним, как объявление войны. «La Igualdad» («Равенство»), наиболее влиятельный орган республиканской партии, яростно обрушился на редакторов «La Emancipacion» («Освобождения»), обвиняя их в том, что они предались Сагасте. «Condenado» поддерживал эту клевету своим упорным молчанием. Альянс предпринял в пользу республиканской партии еще дальнейшие шаги. Вследствие письма конгрессу, он исключил редакторов «La Emancipacion» из Мадридской федерации Интернационала, в которой господствовал Альянс.

Несмотря на преследования правительства, за шесть месяцев управления федерального совета, после конференции в Валенсии, число местных федераций увеличилось с 13 до 70; в 100 других местностях он подготовил местные федерации и организовал в профессиональные союзы работников 8 промышленных отраслей; кроме того, по его инициативе, организовался крупный союз каталонских фабричных рабочих. Эти услуги рабочему делу дали членам совета такое моральное влияние, что Бакунин почувствовал необходимость обратить их на путь истины, посредством длинного отеческого увещания, обращенного к Мора, генеральному секретарю совета, от 6 апреля 1872 г. Конгресс в Сарагоссе 4—11 апреля 1872 г., вопреки усилиям Альянса, представленного там 12 делегатами, аннулировал исключение и назначил двух исключенных делегатов в члены нового федерального совета, несмотря на их повторный отказ выставить свою кандидатуру.

Одновременно с конгрессом в Сарагоссе происходили, как и всегда, тайные собрания Альянса. Члены федерального совета предложили распустить его. Для того, чтобы не отвергнуть предложения, его обошли. Через 2 месяца спустя, 2 июня, те же самые граждане, в качестве руководителей Испанского Альянса и от имени Мадридской секции Альянса послали другим секциям циркуляр, где возобновили свое предложение, приводя в его пользу следующие доводы: «Альянс отступил от того пути, по которому, согласно нашему мнению, он должен был следовать в нашей стране; он извратил ту мысль, кото-

рой он обязан своим происхождением, и, вместо того, чтобы быть составной частью нашей великой Ассоциации, активным элементом, дающим импульс разным частям Интернационала, благоприятствующим и помогающим их развитию — вместо всего этого он совершенно отделился от Ассоциации и дошел до того, что составил отдельную организацию, ставящую себя выше Ассоциации и стремящуюся господствовать над ней; благодаря этому он вводит в нашу среду недоверие, раздор и раскол... В Сарагоссе, вместо того, чтобы развить идеи, служащие к разрешению важных вопросов, он, напротив, ставил работам конгресса всяческие препятствия». Из всех секций Альянса в Испании только секция Кадикса ответила, объявив себя распущенной.— На следующий же день Альянс вновь исключил из Мадридской федерации Интернационала лиц, подписавших циркуляр 2 июня. Он выставил в качестве повода статью в «La Emancipacion» от 1 июня, где предлагалось произвести анкету «об источниках дохода министров, генералов, судей, чиновников, городских голов и пр... и всех политических деятелей, которые, не занимая государственных должностей, живут под сенью разных правительств, предлагая им свою поддержку в кортесах и покрывая их несправедливости под маскою фальшивой оппозиции... конфискация имущества которых должна быть первым мероприятием на другой день после революции». Альянс, увидевший в этом прямую атаку на своих друзей из республиканской партии, обвинил редакторов «La Emancipacion» в измене делу пролетариата под тем предлогом, что требование конфискации имуществ государственных воров тем самым обозначает признание частной собственности. Нет лучшего доказательства реакционного духа, скрывающегося под шарлатанской революционностью Альянса, и эту революционность Альянс хочет привить рабочему классу. Нет лучшего доказательства недобросовестности альянсистов, как исключение, в качестве защитников частной собственности, тех людей, которых в то же самое время проклинают за их коммунистические убеждения. Это исключение совершилось вопреки действующим правилам, предписывающим образование суда чести, где обвиняемый имеет право назначения двух судей из общего числа семи; приговор его он имеет право обжаловать в общее собрание секции. Альянс вместо всего этого, для того чтобы не стеснять своей автономии, декретировал исключение на том же заседании, на котором было поднято обвинение. Из 130 членов секции на этом заседании присутствовало только 15. Исключенные апеллировали к федеральному совету.

Этот совет, благодаря махинациям Альянса, был перенесен в Валенсию. — Из двух членов старого федерального совета, переизбранных на конгрессе в Сарагоссе, Мора отказался от избрания спустя короткое время, Лоренцо подал в отставку. С той поры федеральный совет был предан Альянсу душой и телом. На жалобу исключенных он ответил декларацией о своей некомпетентности, хотя пункт 7 правил Испанской федерации налагал на него обязанность распустить, с правом обжалования в ближайший конгресс, всякую местную феде-

рацию, нарушавшую устав. Исключенные образовали тогда «новую федерацию» и потребовали своего признания у Совета, который, в силу автономии секции, формально отказал им в этом. Новая Мадридская федерация обратилась тогда к Генеральному Совету, который принял их, согласно пп. II, 7 и IV, 4 генерального регламента. Генеральный конгресс в Гааге одобрил этот акт и *единогласно* допустил делегата новой Мадридской федерации.

Альянс понял всю важность этой первой попытки мятежа; он понял, что, если он не уничтожит ее в самом корне, то Испанский Интернационал, до тех пор столь послушный, ускользнет из его рук; он пустил в ход все достойные и недостойные средства. Он начал с клеветы. Имена исключенных: Анхель и Франциско Мора, Хосе Меса, Виктор Пахес, Иглесиас, Саенц, Каллеха, Паули и Лафарг были объявлены в газетах и вывешены в помещениях секции с эпитетом изменников. Мора, который, для того чтобы исполнять обязанность генерального секретаря, бросил свою работу и в течение многих месяцев жил на счет своего брата, не имея средств уплатить ему за свое содержание, был обвинен в том, что жил на счет Интернационала. Меса, который, для того чтобы заработать на жизнь, редактировал журнал мод и перевел однажды статью для иллюстрированного журнала, был обвинен в том, что он продался буржуазии. Лафарг совершил смертный грех, угостив роскошным обедом и подвергнув искушениям святого Антония немощную плоть Мартинеца и Монторо, двух членов нового федерального совета Альянса, как будто бы их совесть помещалась в желудках. Мы здесь говорим лишь о клеветнических нападках, напечатанных к всеобщему сведению. Так как эти меры не принесли ожидаемого успеха, то перешли к угрозам. В Валенсии Мора был вовлечен в засаду, где члены федерального совета ожидали его с дубинками в руках. Члены местного совета выручили его; они, зная приемы этих господ, уверяют, что благодаря таким же убедительным аргументам Лоренцо подал в отставку. В Мадриде подобное же покушение было предпринято спустя короткое время на Иглесиаса. Альянсистская конгрегация индекса наложила отлучение на «La Emancipacion»; в Кадиксе, чтобы внушить спасительный страх душам грешников, было объявлено, что всякий, кто будет продавать «La Emancipacion», будет исключен из Интернационала как изменник. Альянсистская анархия воплощается в действительность, как практика инквизиции.

Альянс, согласно своим обычаям, стал прилагать усилия к тому, чтобы на Гаагском конгрессе все представительство Испанского Интернационала было составлено из его членов. Для этой цели федеральный совет выпустил частный циркуляр к секциям, где тщательно скрывалось существование новой федерации в Мадриде. Он предложил послать на конгресс коллективную делегацию, выбранную всеми секциями Интернационала, для покрытия же расходов на нее установить общий налог в 25 сант. с каждого члена. Так как у местных федераций не было времени сговориться между собою относительно кан-

дидатов, то было ясно, как это и оказалось в действительности, что будут избраны официальные делегаты Альянса, которые будут посланы на конгресс за счет Интернационала. Но этот циркуляр попал в руки новой Мадридской федерации, которая переслала его Генеральному Совету; последний, зная зависимость федерального совета от Альянса, решил, что наступил момент действовать. Он послал Испанскому федеральному совету письмо, где говорится:

«Граждане! мы имеем доказательства, что в недрах Интернационала, а именно Испанского, существует тайное общество, которое называется Альянсом Социалистической Демократии. Это общество, центр которого находится в Швейцарии, поставило себе специальной целью управлять нашей великой ассоциацией, руководясь своими частными стремлениями, и направлять ее на такие цели, которые неизвестны громадному большинству интернационалистов. Мы, далее, знаем благодаря «La Razon» из Севильи, что, по меньшей мере, три члена вашего совета принадлежат к Альянсу...

«Если характер и организация этого общества противоречили духу и букве нашего устава, когда оно было еще открытым и признанным, то его тайное существование в недрах Интернационала, вопреки данному слову, представляет акт измены по отношению к нашей ассоциации. Интернационал знает только один род членов, с одинаковыми правами и обязанностями для всех. Альянс же делит их на два класса: посвященных и непосвященных; непосвященные предназначены к тому, чтобы ими управляли посвященные при помощи организации, существование которой тем неизвестно. Интернационал требует от всех, примыкающих к нему, чтобы они руководились *Истиной, Моралью и Справедливостью*. Альянс же обязывает своих посвященных в первую очередь обманывать непосвященных интернационалистов относительно существования тайной организации, мотивов и цели их слов и поступков».

Генеральный Совет требовал, кроме того, представления некоторых материалов для расследования об Альянсе, которые он собирался представить Гаагскому конгрессу; он требовал объяснения, каким образом совмещается с обязанностями по отношению к Интернационалу присутствие в федеральном совете, по крайней мере, трех явных членов Альянса.

Федеральный совет ответил уклончивым письмом, где все же признавалось существование Альянса.

Так как махинации, о которых мы говорили, казались недостаточными для обеспечения успеха на выборах, то Альянс в своих органах дошел до того, что предложил в качестве официальных кандидатов Фарга, Алерини, Сориано, Марселау, Мендеца, Мораго. Результат был следующий: Марселау получил 3 568 голосов, Мораго — 3 442, Мендец — 2 850, Сориано — 2 751. Из других кандидатов Лостау получил 2 430 голосов в четырех каталонских городах, которые, очевидно, не были еще хорошо дисциплинированы; Фюсте получил 1 053 голоса в Сансе, в Каталонии. Ни один из других кандидатов не

получил больше 250 голосов. Чтобы обеспечить избрание Фарги и Алерини, федеральный совет предоставил городу Барселоне, где господствовал Альянс, привилегию самому избрать делегатов, которыми, естественно, оказались Алерини и Фарга. Тот же официальный циркуляр констатирует далее, что четыре каталонских города, выбравших Лостау и Фюсте и отвергших официальных кандидатов Альянса, уплатили 2 654 реала (663 франка 50 сант.) на расходы делегации, в то время как остальные города Испании, где Альянсу удалось провести своих кандидатов благодаря тому, что рабочие не привыкли сами вести свои дела, уплатили всего 2 799 реалов (699 фр. 75 сант.). Новая Мадридская федерация имела полное основание утверждать, что деньги интернационалистов служили для того, чтобы посылать в Гаагу делегацию Альянса. Притом альянсистский федеральный совет не уплатил Генеральному Совету полностью сумму, которую он должен был внести.

Но все это не удовлетворило Альянса. Ему нужен был продиктованный им императивный мандат для своей делегации, и вот каким способом он добился его. Циркуляром от 7 июля федеральный совет требовал разрешения резюмировать в один коллективный мандат все императивные мандаты местных федераций; он получил это разрешение. Этот маневр, который хуже бонапартистского плебисцита, позволил Альянсу редактировать мандат своей делегации, мандат, который он пытался навязать конгрессу, запретив своим делегатам принимать участие в голосовании, если немедленно не будет изменен модус голосования, предписанный общим Интернационалу регламентом. Доказательством того, что это было только мистификацией, служит конгресс в Сент-Имье, где испанские делегаты, несмотря на свой мандат, принимали участие в голосовании по федерациям, — модус голосования, который так восхвалялся Кастеляром и был принят Лигой Мира.

Сентиньон, доктор медицины в Барселоне, личный друг Бакунина и один из основателей испанского Альянса, еще задолго до созыва Гаагского конгресса предлагал интернационалистам не уплачивать своих взносов в Генеральный Совет, так как последний употребляет эти деньги на покупку ружей; он пытался помешать Испанскому Интернационалу солидаризоваться с побежденной Коммуной; посаженный в тюрьму за преступления против закона о печати, он выпустил манифест, где имел смелость отказываться от Интернационала, который тогда подвергался преследованию; оставленный, благодаря этому, всем рабочим классом Барселоны, он все же оставался одним из тайных главарей Альянса, так как в письме от 14 августа 1871 г., через три месяца после падения Коммуны, Монторо, член Альянса, направлял альянсистского корреспондента к Сентиньону, который,— писал он, — должен сообщить вождям сведения о его характере и его ценности, как члена Альянса.

Винас, студент медицинского факультета, которого Сентиньон в письме от 26 января 1872 г. рекомендовал Либкнехту, как «душу

Барселонского Интернационала», отошел от Интернационала во время преследований, чтобы не нарушать интересов своей семьи, причем полиция не дала даже себе труда арестовать его.

Фарга-Пелисер, также один из главарей Альянса, в этом же письме Сентиньона обвиняется в том, что он навострил лыжи во время преследования и предоставил другим отвечать перед судом за свои статьи. Заячья храбрость альянсистов утверждает смело, всегда и повсюду свою антиавторитарную автономию. Их протест против авторитета буржуазного государства заключается в бегстве.

Сориано, еще один главарь, профессор... оккультных наук, выступил из Интернационала во время самых жестоких преследований. Во время конгресса в Сарагоссе он мужественно, но, к сожалению, безуспешно, возражал против публичности заседаний конгресса, которой требовали Лафарг и другие делегаты, так как он считал неблагоразумным вызывать гнев властей. Наконец, при Амедее Сориано принял правительственную должность.

Мораго, лавочник и завсегдатай кабаков, поддерживает на счет своей жены и подмастерьев автономию профессионального игрока. Когда федеральный совет эмигрировал в Лиссабон, он покинул свое место члена совета и предложил бросить документы Интернационала в море.

Когда Сагаста объявил Интернационал вне закона, он вновь оставил свое место члена местного Мадридского совета и спасся от бури в гавань Альянса. За недостатком Христа Альянс изобилует святыми Петрами.

Клементе Бове, президент рабочего товарищества каталонских фабрик (los tres clases de vapor), был смещен и изгнан за свое слишком автономное обращение с кассовыми оборотами.

Дионисио Гарсиа Фрайле, которого «Federacion», альянсистский орган, в своем номере от 28 июля 1872 г., где он поместил письмо, полное нападок на новую Мадридскую федерацию, называет «наш дорогой коллега» — служил в полиции в Сен-Себастиане и обокрал кассу интернационалистов.

V.

АЛЬЯНС В ИТАЛИИ.

В Италии Альянс предшествовал Интернационалу. Там жил папа Михаил, имевший многочисленные связи среди радикальной буржуазной молодежи. Первая секция Итальянского Интернационала, Неаполитанская, с самого своего основания находилась под руководством буржуазных и альянсистских элементов, и один из основателей Альянса, адвокат Гамбуцци [1]), провел в председатели своего «образцового рабочего Капоруссо».

[1]) «Одним из наиболее горячих партизанов Капоруссо был адвокат Карл Гамбуцци; он полагал, что нашел в Капоруссо образцового председателя интернациональной секции. Гамбуцци доставил ему необходимые средства для того, чтобы отправиться на Базельский конгресс. Когда

На Базельском конгрессе Бакунин, под руку со своим верным Капоруссо, представлял Неаполитанскую секцию Интернационала, в то время как Антонелли Альянса, Фанелли [1]), посланный рабочими ассоциациями, находящимися вне Интернационала, был задержан в дороге нездоровьем.

Близость к святейшему отцу опьянила нашего бравого Капоруссо. После своего возвращения в Неаполь он стал считать себя выше других членов Альянса; он стал корчить хозяина в секции. «Путешествие Капоруссо в Базель совершенно изменило его... Он вернулся с конгресса со странными идеями и претензиями, совершенно противоречащими принципам нашей ассоциации... Сначала он говорил намеками, а затем уже совершенно открыто и повелительным тоном о полномочиях, которых он не имел и не мог иметь, он утверждал, что Генеральный Совет доверяет только ему и, если секция не будет считаться с его желаниями, он имеет полномочия распустить ее и основать новую». (Официальный отчет Неаполитанской секции Генеральному Совету, июль 1871 г., составленный и подписанный Кармело Паллодини, адвокатом альянсистом.) Капоруссо, по всей вероятности, получил свои полномочия от Центрального Комитета Альянса, потому что Интернационал никогда не давал подобных полномочий. Добрый Капоруссо, который видел в Интернационале только источник личного дохода, назначил своего зятя, бывшего иезуита и расстриженного священника, «профессором Интернационала и заставлял бедных рабочих проглатывать его тирады об уважении к собственности и другие глупости буржуазной политической экономии» (письмо Кафиеро) [2]), после чего он продался капиталистам, обеспокоенным успе-

---

исключение Капоруссо было решено на общем собрании секции, Гамбуцци настойчиво сопротивлялся тому, чтобы этот факт был опубликован в бюллетене, и убеждал своих друзей не настаивать также на включении в бюллетень другого позорного поступка, присвоения 300 фр.». (Письмо Кафиеро от 12 июля 1871 г.)

[1]) Фанелли уже давно состоит депутатом итальянского парламента. Гамбуцци, запрошенный по этому поводу, объявил, что быть депутатом — превосходная вещь, — это дает личную неприкосновенность и позволяет бесплатно разъезжать по всем итальянским железным дорогам. Альянс запрещает рабочим всякую политическую деятельность, потому что требовать у государства регламентации рабочего дня женщин и детей, это значит признать государство, преклониться пред началом зла; но его буржуазные вожди пользуются папскими индульгенциями, которые позволяют им заседать в парламентах и пользоваться привилегиями, предоставляемыми буржуазными государствами. Атеистическая и анархическая деятельность Фанелли в итальянском парламенте пока ограничилась пышным славословием авторитариста Мадзини, автора «Dio e popolo».

[2]) Капоруссо через два года имел бесстыдство рекомендовать Генеральному Совету этого же человека, провалившегося в Неаполе, рекламируя его следующим образом: «Гражданин председатель Интернационала! Великая проблема труда и капитала, обсуждавшаяся на рабочем конгрессе в Базеле и занимающая теперь умы всех классов, ныне разрешена. Мой зять, муж моей дочери, занимаясь трудной проблемой социального вопроса, изучая решения конгресса и призывая на помощь науку,

хом Интернационала в Неаполе. Согласно их распоряжениям, он вовлек в безнадежную стачку рабочих скорняков Неаполя. Заключенный в тюрьму вместе с тремя другими членами, Капоруссо присвоил себе сумму в 300 франков, присланную секцией для четырех заключенных. Эти подвиги заставили исключить его из секции, которая просуществовала до тех пор, пока не была разогнана силой (20 августа 1871 г.). Но Альянс, избегнувший ударов полиции, воспользовался этим для того, чтобы занять место Интернационала. Посылая цитированный выше официальный отчет, Кармело Палладини 13 ноября 1871 г. протестовал против Лондонской конференции в тех же выражениях и по тем же основаниям, которые мы находим в циркуляре Конвилье от 12 ноября 1871 г.

В ноябре 1871 г. в Милане образовалась секция, составленная из различных элементов. На-ряду с рабочими, главным образом механиками, привлеченными Куно, там находились студенты, журналисты мелких газет, приказчики, которые находились под влиянием Альянса. Куно, по причине своего пангерманского происхождения, был исключен из ее мистерий; между тем, он узнал, что после паломничества в Локарно, альянсистский Рим, молодые буржуа конституировались в секцию тайного общества. Вскоре после того, в феврале 1872 г., Куно был арестован и изгнан итальянской полицией; благодаря этой помощи свыше Альянс нашел поле битвы свободным и тихонько забрал в свои руки Миланскую секцию Интернационала.

8 октября 1871 г. в Турине образовалась *рабочая федерация*; она потребовала у Генерального Совета допущения в Интернационал. Секретарь ее, Карло Терцаги, писал (буквально): «attendiamo i vostri ordini» — «ждем ваших *распоряжений*». Как бы для того, чтобы подчеркнуть, что в Италии Интернационал с самого дня своего рождения должен пройти через все бюрократические инстанции Альянса, он извещает, что «через посредство Бакунина Совет получит письмо от рабочей ассоциации в Равенне, объявляющей себя секцией Интернационала».

4 декабря Карло Терцаги извещает Генеральный Совет, что *рабочая федерация* раскололась, так как большинство мадзиниевское, меньшинство же конституировалось в секцию под названием «*Освобождение Пролетариата*». Он пользуется случаем, чтобы попросить у Совета денег для своего журнала «Il Proletario» («Пролетарий»). В задачи Генерального Совета не входило заботиться о нуждах прессы; но в Лондоне существовал комитет, который собирал фонд помощи интернациональной прессы. Комитет уже собирался послать субсидию в 150 франков, когда «Gazettino Rosa» объявила, что Туринская секция открыто примкнула к Юрской федерации и посылает делегата на всеобщий конгресс, созываемый этой федерацией. Через два месяца

нашел способ разрешить все трудности и привести в полное равновесие интересы рабочей семьи и буржуазии, предоставляя каждой соответствующие права» и т. д. (подписано Стефано Капоруссо).

после того Терцаги хвастался перед Реджи (Regis), что он принял это решение после того, как он получил в Локарно личные инструкции от Бакунина. Принимая во внимание его позицию, враждебную Интернационалу, комитет не послал ему денег.

Хотя Терцаги был в Турине правой рукой Альянса, но настоящим папским легатом был там некий Якоби, выдававший себя за польского врача. Этот альянсистский доктор, для того чтобы объяснить ненависть, которую он высказывал против мнимого пангерманизма Генерального Совета, обвинил его в «небрежности и бездеятельности во время франко-прусской войны; ему надо приписать падение Коммуны, так как он не сумел воспользоваться своим громадным влиянием для того, чтобы поддержать движение в Париже; его германские тенденции бросаются в глаза, когда подумаешь, что под стенами Парижа в германской армии находилось 40 000 членов Интернационала (!), а Генеральный Совет не сумел или не хотел воспользоваться своим влиянием для того, чтобы помешать продолжению войны» (!! Отчет Реджи Генеральному Совету 1 марта 1872 г.).

Смешивая Генеральный Совет с комитетом печати он обвиняет его в том, что он «следует теории развращающих и развращаемых правительств», отказывая альянсисту Терцаги в 150 франках. Для того чтобы доказать, что эта жалоба исходила из самых глубин Альянса, Гильом счел своим долгом повторить ее на Гаагском конгрессе.

В то время как перед публикой в своем журнале Терцаги громко бил в антиавторитарный барабан Альянса, он в то же время в тиши предлагал Генеральному Совету авторитарно отказаться от взносов *рабочей федерации* в Турине и требовал формального исключения из Интернационала журналиста Бегелли, который даже не состоял членом Интернационала. Тот же Терцаги, «дружище (amicone) туринского префекта полиции, подносившего ему при встречах стаканчик вермута» (официальный отчет Туринского федерального совета от 5 апреля 1872 г.), на публичном собрании в Турине объявил о присутствии эмигранта Реджи (Regis), посланного туда Генеральным Советом. Вследствие этих указаний полиция напала на след Реджи (Regis); только благодаря помощи секции ему удалось перебраться через границу.

Свою альянсистскую миссию Терцаги завершил в Турине следующим образом. Так как против него были выдвинуты тяжелые обвинения, то «он угрожал сжечь книги секции, если его опять не выберут в секретари, если попытаются сопротивляться его воле, его авторитету, или же нанесут ему оскорбление. Во всех этих случаях он угрожал отомстить тем, что сделается агентом полиции (questurino)». (Из цитированного выше отчета Туринского федерального совета.) Терцаги имел все основания запугивать секцию. В качестве секретаря и кассира он слишком далеко простирал свои альянсистские хищения. Несмотря на формальное запрещение совета, он ассигновал себе вознаграждение в 90 франков; он вносил в кассовую книгу, как выплаченные, недоставшие и невыплаченные суммы; составленный им

самим отчетный баланс показывал кассовую наличность в 56 франков, которые отсутствовали и которые он отказался внести, так же как и 200 паевых взносов (timbres de la cotisation), полученных им от Генерального Совета. Общее собрание единогласно выгнало (scaccio) его (выше цитированный отчет). Альянс, уважающий всегда автономию секций, уважил это исключение, назначив непосредственно вслед за этим Терцаги почетным членом Флорентийской секции и послав его позже делегатом этой же секции на конференцию в Римини.

Через несколько дней после того Терцаги, в письме к Генеральному Совету от 10 марта, объясняет свое исключение следующим образом: он подал в отставку, не желая быть членом и секретарем этой секции каналий и полицейских шпионов (canaglia et mardocheria), так как она была «составлена из агентов правительства и мадзинистов» и пыталась вынести против него оскорбительную резолюцию — «знаете почему? потому, что я проповедывал войну против капитала!» (эту войну он вел против кассы секции). Письмо имело целью доказать Генеральному Совету, что он странным образом был введен в заблуждение относительно характера этого бравого Терцаги, который ничего иного не желал, как быть покорнейшим слугой Генерального Совета. «Не объявлял ли он всегда, что, для того чтобы быть интернационалистом, надо взносить членские взносы Генеральному Совету» — в противоположность тайным распоряжениям Альянса. «Если мы примкнули к Юрскому конгрессу, то это было не для того, чтобы объявить вам войну, мои дорогие друзья, мы только следовали за потоком. Нашей целью было внести слово примирения в конфликт. Что касается централизации секции, при которой они все же охраняют известную автономию, — то я нахожу ее очень полезной». — «Я надеюсь, что большой Совет откажется принять мадзинистскую *рабочую федерацию*; будьте уверены, что никто не упрекнет вас в авторитаризме, я принимаю на себя всю ответственность... Я бы желал иметь подробную биографию Карла Маркса. В Италии мы не имеем аутентической биографии, и я бы желал иметь честь получить ее первый». Каков же смысл всего этого низкопоклонства? «Не ради меня, но ради дела, чтобы не уступить места моим многочисленным врагам, чтобы доказать им, что Интернационал стоит прочно, я прошу вас настоятельно, если еще есть время, выдать мне субсидию в 150 франков, которую назначил большой Совет».

Будучи уверен в своей безнаказанности, Терцаги новыми проделками сделал свое пребывание во Флоренции до такой степени невозможным, что «Fascio Operaio» само принуждено было дезавуировать его. Будем надеяться, что Юрский комитет лучше оценит его заслуги.

Если в Терцаги Альянс нашел своего настоящего представителя, то в Романье он нашел свою настоящую область. Там он образовал группу якобы интернациональных секций, считавших основным правилом поведения не подчиняться Генеральному Уставу, не извещать Генеральный Совет о своем образовании и не уплачивать ему взносов. Это были настоящие автономные секции. Они приняли название

Fascio Operajo и служили центром различных рабочих ассоциаций. Их первый конгресс, состоявшийся в Болонье 17 марта 1872 г., на вопрос: «должен ли в общих интересах и для обеспечения полной автономии Fascio Operajo подчиняться Генеральному Совету в Лондоне, или же Юрскому, или же оставаться независимым, поддерживая связи с обоими комитетами», ответил следующей резолюцией: «конгресс усматривает в Генеральном Совете в Лондоне и в Юрском не более, как простые справочно-статистические бюро и поручает консулату Болонской области войти в сношения с обоими и известить об этом секции». Fascio Operajo сделал грубый промах, открыв непосвященным таинственное существование тайного центра Альянса. Юрский комитет был принужден открыто отрицать свое тайное существование. Что же касается Генерального Совета, то ему болонский консулат не подавал о себе никаких признаков жизни.

Лишь только Альянс узнал о созыве конгресса в Гааге, как он выдвинул свой Fascio Operajo, который, во имя автономного авторитета или авторитарной автономии, присвоил себе титул Итальянской федерации и на 5 августа созвал конгресс в Римини. Из 21 секции, представленных там, одна только Неаполитанская принадлежала раньше к Интернационалу, в то время как ни одна из действительно принадлежавших к Интернационалу секций не имела там представителя, даже Миланская. В следующей резолюции конференция открыла план кампании Альянса:

«Принимая во внимание: что Лондонская конференция (в сентябре 1871 г.) в своей резолюции IX пыталась навязать всему Международному Товариществу Рабочих авторитарную доктрину *немецкой коммунистической партии*;

что Генеральный совет является инициатором и опорою этой попытки;

что доктрина *авторитарных коммунистов* является отрицанием революционного чувства итальянского пролетариата;

что Генеральный Совет пользовался самыми недостойными средствами, вроде клеветы и обмана, с единственной целью навязать всему Международному Товариществу единство своей специальной *авторитарно-коммунистической* доктрины;

что Генеральный Совет переполнил меру своего недостойного поведения своим частным циркуляром, датированным: Лондон, 5 марта, где он, продолжая свое дело клеветы и обмана, разоблачает всю свою жажду авторитета, в особенности в двух следующих замечательных предложениях:

«Трудно было бы выполнять приказы без «морального» авторитета, за «отсутствием всякого другого свободно признанного авторитета»;

«Генеральный Совет намерен предложить ближайшему конгрессу произвести расследование об этой тайной организации и ее вождях в некоторых странах, напр. в Испании»;

что реакционный дух Генерального Совета возмутил революционное чувство бельгийцев, французов, испанцев, славян, итальянцев

и части Швейцарии и вызвал предложение упразднить Совет и реформировать Генеральный Устав;

что Генеральный Совет, не без оснований, созвал конгресс в Гааге, городе, наиболее отдаленном от этих революционных стран, —

принимая все это во внимание, конференция торжественно объявляет трудящимся всего мира, что, начиная с этого момента, Итальянская федерация Международного Товарищества Рабочих снимает с себя всякую солидарность с Генеральным Советом в Лондоне, подтверждая в то же время свою экономическую солидарность со всеми трудящимися и предлагая всем секциям, не разделяющим авторитарных принципов Генерального Совета, созвать 2 сентября 1872 г. своих представителей не в Гааге, а в Невшателе (Швейцария), чтобы в тот же день открыть генеральный антиавторитарный конгресс.

Римини, 6 августа 1872 г. За конференцию, Карло Кафиеро, президент; Андре а Коста, секретарь».

Попытка поставить на место Генерального Совета Fascio Operajo потерпела полную неудачу. Даже Испанский федеральный совет, простой филиал Альянса, не осмелился предложить испанским интернационалистам голосовать за резолюцию, принятую в Римини. Альянс тогда попытался исправить свою оплошность и, созывая одновременно свой антиавторитарный конгресс в Сент-Имье, он все же отправился на Гаагский конгресс.

Италия стала обетованной землей Альянса лишь благодаря стечению особенно благоприятных обстоятельств. Папа Михаил открывает нам эту тайну в своем письме к Мора: «Италия обладает тем, чего лишены другие страны: горячей энергичной молодежью, *без всякого общественного положения*, *без карьеры*, *без выхода* (tout à fait déplacée, sans carrière, sans issue), которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не испорчена в моральном и интеллектуальном отношениях, подобно буржуазной молодежи других стран. Теперь она кидается очертя голову (à tête perdue) и революционный социализм *со всей нашей программой*, программой Альянса. Мадзини, наш *гениальный* (sic!) и могущественный противник, умер; мадзинистская партия совершенно дезорганизована, и Гарибальди все больше и больше вовлекается в движение этой молодежи, которая носит его имя, но шагает, даже бежит гораздо дальше его» [1]). Святой отец прав. В Италии Альянс является не «рабочим союзом» (Fascio Operajo), а сбродом деклассированных. Всеми самозванными секциями Итальянского Интернационала управляют адво-

[1]) Вот что пишет об этом сам Гарибальди: «Мой дорогой Крешно. Сердечное спасибо за «Avvenire Sociale», которое вы мне прислали и которое я прочту с интересом. Вы хотите в вашем журнале объявить войну лжи и рабству: это — прекрасная программа. Но я полагаю, что одной из главных ошибок Интернационала, мешающих его успехам, является борьба с принципом авторитета. Парижская Коммуна пала потому, что она не имела в Париже никакого авторитета, и там господствовала анархия. Испания и Франция страдают от того же зла. Я желаю хороших успехов «Avvenire'у» и остаюсь ваш Дж. Гарибальди».

каты без клиентов, врачи без пациентов и без знаний, студенты из бильярдных, коммивояжеры и другие торговые служащие, а главным образом журналисты уличной прессы, с более или менее двусмысленной репутацией. Италия единственная страна, где интернациональная пресса, — или выдающая себя за таковую, — носит фигаристский характер. Стоит только бросить беглый взгляд на почерк секретарей этих воображаемых секций, чтобы убедиться, что он носит всегда коммерческий характер или же обличает людей, привыкших много писать. Овладевши таким образом всеми официальными постами в секциях, Альянс принудил итальянских рабочих, всякий раз, когда они желали вступить в отношения друг с другом или с иными советами Интернационала, — воспользоваться услугами деклассированых из Альянса, которые в Интернационале нашли, наконец, «карьеру» и «выход» (issue).

VI.

АЛЬЯНС ВО ФРАНЦИИ.

Там он имеет мало членов, но зато они очень ревностны. В Лионе во главе Альянса находятся Альбер Ришар и Гаспар Блан; в Марсели — Бастелика; все трое деятельные сотрудники газет, редактируемых Гильомом. Благодаря им, Альянсу удалось дезорганизовать лионское движение 1870 г.; для них это движение имело только то значение, что позволило Бакунину выпустить свой приснопамятный декрет об уничтожении Государства. — Деятельность Альянса, после поражения лионского восстания, великолепно охарактеризована в следующем месте письма Бастелика (Марсель, 13 декабря 1870 г.): «Наша реальная сила среди трудящихся огромна; но наша секция не была реорганизована после последних преследований. Мы не осмеливаемся ее предпринять, опасаясь, *чтобы в отсутствии вождей* (initiateurs) *элементы не разложились*. Мы выжидаем» (Nous nous réservons). То обстоятельство, что Бастелика был зачислен в маршевый полк и мог быть отправлен из Марселя каждую минуту, было для него достаточным основанием, чтобы помешать реорганизации Интернационала: настолько ему казалось необходимым для его автономии присутствие вождей Альянса. Наиболее очевидным результатом Альянса было то, что он дискредитировал у лионских и марсельских рабочих Интернационал, который он имел претензию представлять, как везде и всегда.

Конец Ришара и Блана известен. Осенью 1870 г. они явились в Лондон и пытались вербовать пособников среди французских эмигрантов для бонапартистской реставрации. В январе 1872 г. они выпустили брошюру: «*Империя и новая Франция. Призыв народа и юношества к совести французов. Соч. Альбера Ришара и Гаспара Блана*». *Брюссель*. 1872 («L'empire et la France Nouvelle. Appel du peuple et de la jeunesse à la conscience française, par Albert Richard et Gaspard Blanc». Bruxelles. 1872). С присущей шарлатанам Альянса скромностью, они так расхваливают свой товар: «Мы, организовавшие великую армию французского пролетариата, мы, наиболее влиятельные вожди

Французского Интернационала... Мы, к счастью, не расстреляны, и мы здесь для того, чтобы развернуть в присутствии их (*честолюбивых парламентариев, откормленных республиканцев, мнимых демократов всякого рода)* знамя, под сенью которого мы сражаемся, чтобы бросить изумленной Европе, — несмотря на клеветы, угрозы и самые разнообразные нападки, которые нас ожидают, — клич, который исходит из глубины нашей совести и который найдет тотчас отклик в сердцах всех французов:

Да здравствует император» (Vive l'empereur!).

Мы здесь отказываемся от расследования того, являются ли оба эти альянсиста, ставшие приверженцами Империи «благодаря нормальному прогрессу их идей», являются ли они в действительности простыми «канальями», как их назвал их бывший друг Гильом в Гааге, или же они получили от папы Альянса специальное поручение войти в ряды бонапартистских агентов. Документы русского Альянса, которые, согласно тайному уставу, разоблачают тайну тайн этого таинственного общества, и отрывки из которых мы дальше приведем,— говорят ясно, что интернациональные братья должны проникать повсюду и могут даже получить приказ зачислиться в полицию. Впрочем, почтение этих двух братьев к их крестьянскому императору не превосходит того почтения, которое испытывал Бакунин сам в 1862 г. к своему крестьянскому царю.

В тех городах Франции, куда альянсисты не проникли, Интернационал развивался быстро после падения Коммуны. На Гаагском конгрессе французский секретарь имел возможность заявить, что Интернационал организован в более чем тринадцати департаментах. Два главных корреспондента Альянса во Франции, Бенуа Малон и Жюль Гэд (подпись последнего стоит под циркуляром Сонвилье), которые знали о быстром развитии нашей ассоциации, пытались дезорганизовать ее в пользу Альянса. Их письма не имели ожидаемого успеха; они послали тогда эмиссаров, между прочим одного русского— Мечникова; но и их попытки кончились ничем. Эти же личности, бесстыдно обвинявшие Генеральный Совет в том, что он мешает рабочим «организоваться в каждой стране свободно, самопроизвольно, согласно их собственному духу и своим специальным привычкам» (письмо Гэда от 22 сентября 1872 г.) — всякий раз, когда рабочие организовывались свободно, самопроизвольно и т. д., но в полном согласии с Генеральным Советом, говорили им, что их притесняют немцы из Генерального Совета и что вне их ортодоксальной антиавторитарной церкви нет спасения. Французские рабочие, чувствовавшие, что их притесняют только версальцы, посылали эти письма Генеральному Совету, спрашивая его, что это все значит.

Эта деятельность Альянса во Франции служит лучшим доказательством того, что он объявил войну Интернационалу, как только он потерял надежду завладеть им. Всякая секция, которая не подчинялась его руководству, рассматривалась им как враждебная, более враждебная даже, чем буржуазия. *Кто не с нами, тот против нас,*

таково правило, которое исповедуется открыто в его русских манифестах. Общие успехи движения являются для него несчастием, если это движение не преклоняет своей головы под ярмо этой секты. В тот момент, когда французский рабочий класс больше всего нуждался в организации, какой бы то ни было, — в этот момент Альянс пришел на помощь Тьеру и деревенщине, объявив войну Интернационалу.

Теперь посмотрим, кто были агенты Альянса в его походе в пользу версальцев.

В Монпелье доверенным лицом Гэда был студент медицинского факультета Поль Брусс [1]). Он пропагандировал идеи Альянса в департаменте Эро, где Гэд издавал журнал «Les Droits de l'Homme» («Права Человека»). Незадолго до Гаагского конгресса, когда южные секции Интернационала сговорились вносить общие взносы для выбора общего делегата на конгресс, Брусс пытался побудить секцию Монпелье не платить своей доли и не высказываться до тех пор, пока конгресс не решит текущих вопросов. Южный комитет, секция Монпелье, решил потребовать у конгресса исключения Брусса из Интернационала, ввиду того, что «он поступал недобросовестно, вызывая раскол среди секции». Его друг Гэд донес об этом авторитарном покушении на Брусса в корреспонденции, посланной в декабре из Рима в брюссельскую «Liberté» («Свобода»), где, в качестве подстрекателя, был прямо назван Кала из Монпелье, в то время как Брусс был обозначен только инициалами. Полиция, напавшая на след, благодаря этому доносу, стала наблюдать за Кала и вскоре после того перехватила на почте письмо Серайе к Кала, где много говорилось о Дантрейге из Тулузы. 24 декабря Дантрейг был арестован.

Наиболее активным союзником Альянса были: в Нарбонне Гондр, известный как полицейский шпион; Бакав, исполнявший в Нарбонне и Перпиньяне должность полицейского агента; де Сен-Мартэн, адвокат, корреспондент Малона. Г-н де Сен-Мартэн в 1866 г. добивался места в министерстве императорского двора и изящных искусств. В 1869 г. он был присужден к штрафу в 800 фр. за преступления против закона о печати; республиканцы собрали для него эту сумму. Но Сен-Мартэн вместо того, чтобы уплатить штраф, употребил эти деньги на маленькую прогулку в окрестностях Парижа, так что рабочие, для избежания скандала, принуждены были снова собирать деньги. Тотчас вслед за майскими днями 1871 г. тот же Сен-Мартэн добивался у версальского правительства должности субпрефекта.

А вот и другой агент Альянса: в ноябре 1871 г. Кала писал Серрайе: «Вы можете рассчитывать на полную преданность гражданина Абеля Буске социальному делу, он — президент социалистического комитета в Безье». Через два дня, 13 ноября Серрайе получил следующее извещение: «Убедившись... что доверием гражданина Кала, нашего общего друга, злоупотребили, и он, доверяя господину Буске,

---

[1]) Теперь он вместе с Алерини является редактором «Solidarité Révolutionnaire» в Барселоне. (Примечание немецкого издания 1874 г.).

президенту избирательного комитета в Безье, который совершенно недостоин этого доверия, ибо названный Буске является секретарем центрального полицейского комиссара в Безье... в согласии с гражданином Кала, который убедился в заблуждении, жертвой которого он стал, просим гражданина Серрайе посланное ему гражданином Кала письмо считать недействительным и, кроме того, просим вычистить из Интернационала господина Буске. По поручению социалистической демократии Безье и Пезена» (следуют подписи). Серрайе воспользовался этим извещением, чтобы разоблачить в тулузской «Émancipation» этого господина Буске, как полицейского агента. — Письмо, датированное: Нарбонна, 24 июля 1872 г., говорит, что господин Буске «объединяет в своем лице функции бригадира-шефа полиции и разъезжающего по поручению женевских диссидентов». Вполне естественно, что «Юрский Бюллетень» от 10 ноября 1872 г. берет на себя его защиту.

VII.

АЛЬЯНС ПОСЛЕ ГААГСКОГО КОНГРЕССА.

Как известно, на последнем заседании Гаагского конгресса четырнадцать делегатов меньшинства заявили протест против принятых резолюций. Это меньшинство состояло из следующих делегатов: четырех испанцев, пяти бельгийцев, двух представителей юрской делегации, двух голландцев, одного американца.

После того как они сговорились в Брюсселе с бельгийцами об основах общего выступления против Генерального Совета, представители Юрской федерации вместе с испанцами отправились в Сент-Имье в Швейцарию, чтобы заседать там на антиавторитарном конгрессе, который Альянс созывал через своих приверженцев в Римини.

Этому конгрессу предшествовал конгресс Юрской федерации, который отверг резолюции Гаагского конгресса, в особенности те, которые касаются исключения Бакунина и Гильома. Как следствие этого, федерация была распущена Генеральным Советом.

На антиавторитарном конгрессе Альянс был представлен полностью. Кроме испанцев и представителей Юры, там были шесть делегатов, представлявших Италию, между ними Коста, Кафиеро, Фанелли и сам Бакунин; два делегата притязали на представительство «нескольких секций во Франции», а один — двух секций Америки; всего там было пятнадцать представителей Альянса («alliés»). Этот конгресс предоставлял, наконец, Бакунину «все гарантии беспристрастного и серьезного обсуждения»; на нем господствовало также полное единодушие. Эти люди, из которых, по крайней мере, половина не принадлежала к Интернационалу, выступили в качестве верховного судилища, призванного решать в последней инстанции поступки генерального конгресса нашей Ассоциации. Они заявили, что абсолютно отвергают все резолюции Гаагского конгресса и ни в коем случае не признают полномочий нового Генерального Совета, избранного конгрессом. Наконец, они заключили от имени своих феде-

раций, не имея на то никаких мандатов, оборонительный и наступательный союз — «договор дружбы, солидарности и взаимной обороны» — против Генерального Совета и всех тех, которые будут признавать резолюции Гаагского конгресса. В следующей резолюции, заключающей в себе прямое осуждение Парижской Коммуны, они дали определение абстенционистского анархизма:

«Конгресс объявляет, что, во-первых, первым долгом пролетариата является разрушение всякой политической власти, во-вторых, *организация всякой якобы временной и революционной политической власти в целях этого разрушения может быть лишь новым обманом* и была бы так же опасна для пролетариата, как все существующие теперь правительства». Наконец, решили пригласить все другие федерации примкнуть к новому *договору* и созвать в течение шести месяцев второй антиавторитарный конгресс.

Таким образом был провозглашен раскол в Интернационале. Начиная с этого момента, Юрский комитет открыто взял в свои руки руководство диссидентами. Та часть Интернационала, которая за ним последовала, была не чем иным, как прежним открытым Альянсом, вновь возрожденным и служащим маской и орудием тайному Альянсу.

Вернувшись в Испанию, эти четверо детей Аймона (les quatre fils Aymon) Испанского Альянса выпустили манифест, содержащий клеветнические выпады против Гаагского конгресса и похвалы конгрессу в Сент-Имье. Федеральный совет взял под свое покровительство этот пасквиль и по распоряжению швейцарского центра созвал в Кордове 25 декабря 1872 г. областной конгресс, который должен был состояться только в апреле 1873 г. Швейцарский центр с своей стороны поспешил показать всем, какое подчиненное положение по отношению к нему занимает этот совет; Юрский комитет послал через голову Испанского совета всем местным федерациям в Испании резолюции конгресса в Сент-Имье.

На Кордовском конгрессе из 101 федерации (официальная цифра, показанная федеральным советом) были представлены только 36, он был, следовательно, наиболее ярко выраженным конгрессом меньшинства, какой когда-либо состоялся. Федерации новой формации были представлены многочисленными делегациями; Алкой имела их шесть, а между тем эта федерация раньше не была представлена ни на одном областном конгрессе; ко времени созыва Гаагского конгресса она еще не существовала, так как она не дала испанской делегации ни одного голоса и ни одного гроша. Значительные и деятельные федерации вроде Грации (500 членов), Бадалоны (500 членов), Сабаделль (125 членов), Сапс (1 061 член) блистали своим отсутствием. Среди списка сорока восьми делегатов мы находим имена четырнадцати явных членов Альянса, из которых десять представляли федерации, членами которых они не состояли, и которым они, вероятно, не были даже известны. Уверенный в сфабрикованном им большинстве, Альянс дал полную волю своим страстям. Устав областной федерации, вы-

работанный в Валенсии и санкционированный в Сарагоссе, был отвергнут. Испанская федерация была обезглавлена, и на место ее федерального совета была поставлена простая справочно-статистическая комиссия, которую не допустили даже к сбору испанских взносов для Генерального Совета; одним словом, порвали с Интернационалом, отвергнув гаагские резолюции и приняв договор, выработанный в Сент-Имье; довели анархию так далеко, что заранее отвергли ближайший генеральный конгресс, заменив его новым *антиавторитарным конгрессом «в случае, если тот не восстановит достоинства и независимости Интернационала, отвергши резолюции Гаагского конгресса».*— В Гааге Альянс хотел посредством императивного мандата испанцев навязать тот способ голосования, который был ему наиболее выгоден в настоящий момент; в Кордове же он дошел до того, что предписал за девять месяцев вперед резолюции, которые должен принять ближайший генеральный конгресс. Признаем, что дальше нельзя было довести автономию секций и федераций.

Изгнавши из Интернационала Альянс и его вождей, Гаагский конгресс вдохнул новые силы в движение, направленное против Альянса в Испании. Новая Мадридская федерация была поддержана в кампании, которую она открыла, федерациями Сарагоссы, Витории, Алькала де Херарес, Грации, Лериды, Дении, Пон де Вилумара, Толедо, Валенсии, новой федерацией в Кадиксе и т. д. Циркуляр федерального совета о созыве конгресса в Кордове требовал от него, чтобы он подверг обсуждению резолюции генерального конгресса в Гааге. Это было очевидным нарушением не только Генерального Устава, но и областных испанских уставов, которые объявляют в п. 13: «Федеральный совет должен проводить и дать возможность проводить резолюции областных и *интернациональных* конгрессов». Новая Мадридская федерация ответила циркуляром к другим местным федерациям, где она заявила, что федеральный совет поставил себя этим поступком вне рядов Интернационала, и предлагала заменить его новым временным советом, который должен будет строго соблюдать уставы, а не повиноваться пассивно приказам Альянса. Это предложение было принято; был назначен новый федеральный совет, с местопребыванием в Валенсии. В своем первом циркуляре от 2 февраля 1873 г. он заявил себя «верным стражем уставов Интернационала, выработанных и утвержденных интернациональными и областными конгрессами», и заявил энергичный протест против тех, которые сеют «анархию в лоне Интернационала, анархию до революции, разоружение до победы! Какая радость для буржуазии!»

Одновременно с испанцами бельгийцы созвали свой конгресс, который также отверг гаагские резолюции. Генеральный Совет ответил им, так же, как и испанским раскольникам, резолюцией от 26 января 1873 г., объявившей, что «все общества и члены, отказывающиеся признать резолюции конгрессов или открыто отказывающиеся исполнять обязанности, налагаемые на них Генеральными Уставом и регламентом, ставят себя вне рядов Международного Товарищества Рабо-

чих и перестают считаться его частью». 30 мая он дополнил эту декларацию следующей резолюцией:

«Принимая во внимание:

«что конгресс Бельгийской федерации, состоявшийся 25 и 26 декабря 1872 г. в Брюсселе, объявил недействительными резолюции пятого генерального конгресса;

«что конгресс части Испанской федерации, заседавший в Кордове от 25 декабря до 2 января 1873 г., решил не признавать резолюций пятого генерального конгресса и принял резолюции антиинтернационального собрания;

«что собрание, состоявшееся в Лондоне 26 января 1873 г., решило отвергнуть резолюции того же пятого генерального конгресса, —

«Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, в согласии с уставами и административным регламентом и в согласии со своей резолюцией от 26 января 1873 г., объявляет:

«Все областные или местные федерации, секции и отдельные члены, участвовавшие в вышеозначенных конгрессах и собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне или признавшие их резолюции, *тем самым поставили себя вне рядов Международного Товарищества Рабочих и перестали входить в его состав*».

В то же время он заявил снова, «что не существует областной Итальянской федерации Интернационала, так как ни одна из организаций, приписывающих себе этот титул, не выполнила ни одного из условий, предписываемых уставами и административным регламентом для допущения и принятия в него; но все же в разных частях Италии существуют секции, поддерживающие регулярную связь с Генеральным Советом и выполняющие его правила».

С своей стороны сторонники Юры созвали свой конгресс в Невшателе 27 и 28 апреля. Там было девятнадцать делегатов от десяти швейцарских секций и одной самозванной в Эльзасе; две швейцарские секции и одна французская не прислали делегатов. Таким образом Юрская федерация притязала на двенадцать швейцарских секций. Но делегат из Мутье заявил, что он прибыл только для того, чтобы выступить в пользу примирения с Интернационалом и имеет императивный мандат не участвовать в трудах конгресса. Мутье, действительно, со времени конгресса в Сент-Имье, отделился от Юрской федерации. Остается *одиннадцать* секций. Тот факт, что отчет комитета тщательно воздерживается от того, чтобы дать хотя бы малейшие указания на их внутреннее положение и их силу, дает право предположить, что они обладают не большей жизнеспособностью, чем во время конгресса в Сонвилье. Чтобы вознаградить нас за это, отчет выстраивает в боевой порядок внешние силы сторонников Юры, — союзников, которых Альянс приобрел со времени Гаагского конгресса. Согласно этому отчету, это почти все федерации Интернационала:

«Италия». — Но мы уже видели, что не существует Итальянской федерации.

«Испания». — Несмотря на то, что большинство Испанского Интернационала перешло в ряды раскольников, мы все же видели, что Испанская федерация все еще существует и поддерживает регулярную связь с Генеральным Советом.

«Франция, поскольку она серьезно организована» — т. е. «Французская секция», которая извинилась перед Невшательским конгрессом, что не прислала своего делегата. Но мы будем осторожны и не откроем сторонникам Юры, что еще существует действительно «серьезно организованного» во Франции, несмотря на последние преследования, которые достаточно показали, где существует серьезная организация и которые, как всегда, щадили тех немногих альянсистов, которыми обладает Франция.

«Вся Бельгия» — которую Альянс водит за нос, но принципы которого она далеко не разделяет.

«Голландия, кроме одной секции», т. е. две секции в Голландии примкнули не к договору в Сент-Имье, а к антисепаратистской декларации гаагского меньшинства.

«Англия, кроме нескольких диссидентов». — «Диссиденты», т. е. громадное большинство Английского Интернационала, созвали свой конгресс в Манчестере 1 и 2 июня, где присутствовало двадцать шесть делегатов, представлявших двадцать три секции, в то время как «Англия» сторонников Юры не имеет ни секций, ни Генерального Совета, ни тем менее конгресса.

«Америка, кроме нескольких диссидентов». — Американская федерация Интернационала существует и регулярно функционирует в полном согласии с Генеральным Советом; она имеет свой федеральный совет и свои конгрессы. «Америка» Юрского комитета представляет собой не что иное, как буржуа того рода, которые спекулируют на свободной любви, на бумажных деньгах, на должностях и на коррупции, великолепно представленных на Гаагском конгрессе Г. Вестом, в пользу которого даже юрские делегаты не осмелились ни выступать, ни голосовать.

«Славяне», т. е. «славянская секция в Цюрихе», которая, как всегда, должна представлять собою всю расу. Поляки, русские, австрийские и венгерские славяне в Интернационале, все явные враги раскольников, не считаются ни во что.

Вот к чему сводятся союзники Альянса. Если одиннадцать юрских секций обладают не более реальным бытием, чем большинство этих союзников, то их комитет имеет все основания молчать о них.

В этом боевом строю Альянса Швейцария блистает своим отсутствием, и по очень серьезным соображениям. Через месяц, 1 и 2 июня, в Олтене состоялся всеобщий швейцарский рабочий конгресс для организации сопротивления капиталу и стачек. Пятеро сторонников Юры проповедывали евангелие абсолютной автономии секций; они заставили конгресс потерять больше половины своего времени. Наконец, дошло до голосования; результат был тот, что из восьмидесяти

делегатов семьдесят пять голосовали против пяти сторонников Юры, которым осталось только покинуть залу заседаний.

Между тем Альянс на своих секретных заседаниях, очевидно, не разделяет тех иллюзий о состоянии своих реальных сил, которые он хочет внушить публике. На том же Невшательском конгрессе он предложил принять следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что согласно Генеральному Уставу генеральный конгресс Интернационала собирается каждый год, имея на то полное право и не нуждаясь в специальном созыве со стороны Генерального Совета, Юрская федерация предлагает всем секциям Интернационала созвать генеральный конгресс в понедельник 1 сентября в одном из городов Швейцарии». А чтобы помешать этому конгрессу впасть «в пагубные гаагские заблуждения», предлагается альянсистским делегатам и их союзникам собраться 28 августа на антиавторитарный конгресс... Из дебатов об этом предложении «вытекает, что для нас генеральным конгрессом Интернационала будет считаться только тот, который будет созван непосредственно самими федерациями, а не тот, *который пытается созвать самозванный Генеральный Совет в Нью-Йорке*».

Вот результаты раскола, доведенного до своих крайних пределов. Интернационалисты пойдут на конгресс, созыв которого в одном из городов Швейцарии, по его выбору, поручен Генеральному Совету последним конгрессом. Альянсисты же в сопровождении одураченных ими последователей пойдут на конгресс, созванный ими самими в силу их автономии. Мы желаем им счастливого пути!

VIII.

АЛЬЯНС В РОССИИ.

1. Процесс Нечаева.

Деятельность Альянса в России раскрылась в политическом процессе, известном под названием «процесса Нечаева», который слушался в июле 1871 г. в окружном суде в Петербурге. Впервые в России политический процесс слушался судом присяжных и при открытых дверях. Все обвиняемые, мужчины и женщины, а их было больше восьмидесяти, принадлежали, за немногим исключением, к учащейся молодежи. Они сидели в предварительном заключении в Петропавловской крепости с ноября 1870 г. до июля 1871 г., от чего двое из них умерли и многие были доведены до сумасшествия. Они вышли из тюрьмы, чтобы услышать о своем приговоре к каторжным работам в Сибири, к тюрьме на пятнадцать, двенадцать, десять, семь и два года; а те, которые были освобождены по суду, были сосланы в «административном порядке».

Их преступление заключалось в том, что они принадлежали к тайному обществу, которое присвоило себе название Международного Товарищества Рабочих и в которое они были приняты эмиссаром интернационального революционного комитета, мандаты коего были

снабжены будто бы печатью Интернационала. Этот эмиссар склонил их к ряду мошенничеств и заставил многих из них помочь ему в одном убийстве; это-то убийство и навело полицию на следы тайного общества. Но, как всегда бывает, эмиссар удрал. Полиция в своих розысках обнаружила такую проницательность, что можно было предположить о существовании подробного доноса. Во всем этом деле эмиссар играл довольно двусмысленную роль. Этим эмиссаром был Нечаев, обладатель следующего полномочного удостоверения:

«Предъявитель сего удостоверения является полномочным представителем русской ветви Всеобщего Революционного Союза. — Номер 2771».

На этом удостоверении имеется: 1) штемпель на французском языке «Alliance révolutionnaire européenne. Comité général» (Европейский Революционный Союз. Центральный Комитет); 2) число: 12 мая 1869; 3) подпись: *Михаил Бакунин* [1]).

В 1861 г. в ответ на фискальные меры, которые должны были лишить неимущих молодых людей высшего образования, а также в ответ на дисциплинарные постановления, имевшие целью поставить их под наблюдение полиции (férule discrétionnaire), студенты заявили энергично и единодушно протесты, которые из собраний перешли на улицу и выросли в мощные манифестации. После таких событий Петербургский университет был закрыт на некоторое время, а студенты были брошены в тюрьму или сосланы. Это поведение правительства привело к тому, что молодежь ринулась в тайные общества, и большая часть их попала в тюрьму, в эмиграцию или в Сибирь. Другие организовали кассы взаимопомощи, чтобы дать бедным студентам возможность продолжать образование. Самые серьезные из них считали, что не следует правительству давать повода к закрытию этих касс, которые были организованы так, что все делопроизводство было сосредоточено в маленьких кружках. На собраниях этих кружков обсуждались политические и социальные вопросы. Социалистические идеи так глубоко проникли в среду русской учащейся молодежи, состоящей большей частью из детей крестьян и других неимущих классов, что она мечтала об их немедленном осуществлении. С каждым днем движение разрасталось, и в русское общество вливалась молодежь из низших слоев народа, образованная и пропитанная социалистическими идеями. Теоретической душой этого движения был Чернышевский, который в настоящее время находится в Сибири. В это время Нечаев, пользуясь престижем Интернационала и уважением молодежи, пытается доказать студентам, что теперь не время заниматься такими глупостями, что существует огромное тайное общество, тесно связанное с Интернационалом, которое зажигает всеобщую революцию, и что нужно быть готовым к немедленному выступлению в России. Он имел влияние на нескольких молодых людей, и ему удалось увлечь их

[1]) «Петербургская газета», 1871 г., №№ 180, 181, 187 и др.

на уголовные преступления, которые дали полиции повод уничтожить столь опасное для официальной России движение высших школ.

В марте 1869 г. в Женеву прибыл молодой русский, он пытался сблизиться со всеми русскими эмигрантами и выдавал себя за делегата петербургских студентов. Он представлялся под разными фамилиями. Некоторые эмигранты определенно знали, что от этого города не был послан делегат; другие, поговорив с самозванным делегатом, сочли его за шпиона. Наконец, он открыл свою настоящую фамилию: Нечаев; он рассказал, что ему удалось бежать из Петропавловской крепости, куда его посадили, как одного из главных зачинщиков беспорядков в высших школах столицы, происходивших в январе 1869 г. Многие эмигранты, долго сидевшие в заключении в крепости, по опыту знали, как невозможен оттуда побег; они, следовательно, уверены были, что Нечаев по этому пункту лгал; и так как, с другой стороны, в газетах и письмах, содержащих имена преследуемых студентов, имя Нечаева не упоминалось, то они принимали за басню всю его предполагаемую революционную деятельность. Но Бакунин шумно встал на сторону Нечаева; он всюду возвещал, что он является «чрезвычайным послом большой тайной организации, действующей в России». Бакунина умоляли не называть этому человеку имена своих знакомых, которых он может компрометировать. Он обещал, но документы, фигурировавшие на процессе, покажут, как он сдержал свое слово.

В одной беседе, на которую Нечаеву удалось склонить одного эмигранта, он вынужден был сознаться, что он вовсе не был делегатом какой-либо тайной организации, но, сказал он, у него есть товарищи и знакомые, которых он хочет организовать; при этом прибавил, что надо использовать старых эмигрантов, чтобы через них влиять на молодежь и получить их печать (imprimerie) и деньги. Через некоторое время появились «Слова» Нечаева и Бакунина, обращенные к студентам. Нечаев в них повторяет свою сказку о побеге и предлагает молодежи отдаться революционной борьбе; Бакунин открывает в волнениях высших школ «дух, разрушающий Государство... который выходит из самых глубин народной жизни» [1]), он поздравляет этих молодых людей с их революционными стремлениями... следовательно, близок конец этой подлой империи всея Руси». Его анархизм служит ему лишь предлогом для того, чтобы лягнуть поляков, чтоб упрекнуть их в том, что они работают «над восстановлением своего исторического государства» (!!) — «следовательно, они мечтают только о новом рабстве своего народа, и если бы они добились успеха, то стали бы нашими врагами, а также угнетателями своего народа. Мы будем с ними бороться во имя социальной революции и свободы всего мира». Очевидно, Бакунин вполне согласен с царем, что полякам надо

[1]) Надо заметить, что эти «Слова», были опубликованы в момент преследований и приговоров, когда молодежь делала все возможное, чтобы ослабить движение, которое полиции так выгодно было раздуть.

во что бы то ни стало мешать устраивать свои дела по своему разумению. Во время польских восстаний официальная русская пресса всегда обвиняла мятежных поляков в том, что они являются «угнетателями своего народа». Трогательное согласие между органами третьего отделения [1]) и архианархистом из Локарно!

«Русский народ, — продолжает Бакунин, — в настоящее время находится в условиях, похожих на те, которые его вынудили к восстанию при царе Алексее, отце Петра Великого. Тогда был Стенька Разин, казацкий разбойничий атаман, который встал во главе народа и указал ему «путь» к освобождению. Для теперешнего восстания народ ждет нового Стеньку Разина; но на этот раз его заменит легион молодых людей, деклассированных, живущих уже жизнью народа... Народ чувствует за собой Стеньку Разина, не личного героя, а коллективного (!) и потому необходимого. Над всей этой чудесной молодежью витает его дух».

Чтоб хорошо выполнить роль такого коллективного Стеньки Разина, молодежь должна подготовиться и прежде всего с помощью невежества. «Итак, скорее оставьте этот мир, обреченный на гибель. Покиньте его университеты, академии, школы, идите в народ», чтоб «стать восприемниками его самопроизвольного освобождения, помогите ему объединить и организовать свои усилия и все силы народа. Не заботьтесь в настоящий момент о науке, во имя которой вас хотят связать и лишить мужественности... Такова вера лучших людей Запада... Рабочий мир Европы и Америки вас зовет в братский союз».

В своем тайном уставе Альянс в третьей степени говорит, что «принципы этой организации... будут еще подробнее разобраны в программе русской социалистической демократии». Здесь мы имеем начало выполнения этого обещания. Кроме обычных анархических фраз и шовинистической ненависти к полякам, которую гражданин Б. никогда не умел скрывать, мы здесь впервые видим, как он воспевает русского разбойника, как тип настоящего революционера, проповедует русской молодежи культ невежества под предлогом, что современная наука только официальная наука (как будто можно себе представить официальную математику, официальную физику или химию) и что в этом заключается мнение лучших людей Запада. В конце брошюры он делает намек, что через его посредство Интернационал предлагает свой союз той молодежи, которой он запрещает даже *знание* иньорантинцев.

Это евангельское *Слово* сыграло большую роль в заговоре Нечаева. Оно таинственно прочитывалось каждому неофиту до его посвящения.

В одно время с этим Словом (1869) вышли другие русские анонимные издания: 1) *Постановка революционного вопроса*, 2) *Начала революции*, 3) *Издания Общества Народной Расправы*, № 1, лето 1869, Москва. — Все это печаталось в Женеве, как доказывает тождествен-

---

[1]) Третье отделение русской императорской канцелярии — это центральное бюро секретной политической полиции в России.

ность этого типографского шрифта с типографским шрифтом других русских изданий в Женеве, — впрочем, этот факт всем известен среди русской эмиграции, — что не помешало напечатать на первой странице «Imprimé en Russie — Gedruckt in Russland», чтобы уверить русских студентов в том, что они располагают в самой России большими средствами.

Постановка революционного вопроса сразу же выдает своих авторов. Это те же фразы, те же выражения, которые Бакунин и Нечаев употребляли в своих *Словах*. «Надо разрушить не только государство, но и государственных и кабинетных революционеров. Мы, конечно, за народ». Бакунин по закону анархической ассимиляции ассимилируется с учащейся молодежью: «Само правительство указывает нам путь, по которому *мы* должны итти, чтобы достигнуть своей, т. е. народной цели. Оно гонит *нас* из университетов, из академий, из школ. Спасибо ему за то, что оно поставило нас на такую славную и крепкую почву. Теперь у нас есть земля под ногами, мы можем делать. Что станем мы делать? Учить народ? Это было бы глупо. Народ знает и лучше нас знает, что ему надо» — сравните тайный устав, который предписывает массам «народные инстинкты», а посвященным — «революционную идею». Мы должны не учить народ, а бунтовать. До сих пор он всегда бунтовал бесплодно, потому что бунтовал врозь... Мы можем подать ему чрезвычайно существенную помощь, мы можем ему дать то, что ему всегда недоставало, что было основной причиной всех его неудач: единство повсеместного движения с помощью связи его собственных сил. Доктрина Альянса открывается во всей своей чистоте: снизу анархия, а сверху дисциплина. Сперва через мятеж разнуздывание того, что теперь называется дурными страстями; но «необходимо, чтобы среди народной анархии, образующей самую жизнь и всю энергию революции, единство революционной идеи и действия нашло бы себе орган». Таким органом будет всемирный «Альянс», Русская секция, *Общество Народной Расправы*.

Но Бакунину мало молодежи. Он зовет под знамя своего Альянса, русской секции, всех разбойников. «Разбой, одна из почетнейших форм русской народной жизни... Разбойник, это герой, защитник мститель народный; непримиримый враг Государства и всего общественного и гражданского строя, установленного Государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации. Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории. Кто не сочувствует ему, тот не может сочувствовать русской народной жизни, и нет в нем сердца для вековых неизмеримых страданий народных. Тот принадлежит к лагерю врагов Государственников... В разбое одном доказательство жизненности, страсти и силы Народа... Разбойник в России настоящий и единственный революционер — революционер без фраз, без книжной реторики, революционер непримиримый, неутомимый, неукротимый на деле, революционер народно-

общественный, а не сословный... Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один, нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции. В нем, и в нем только одном существует издавна настоящая революционная конспирация. Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир... Следуя по пути, указываемому нам ныне правительством, изгоняющим нас из академий, университетов и школ, бросимся, братцы, дружно в Народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский, и, храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотим все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную» [1]) [368]).

Никто не станет сомневаться в едином источнике всех этих русских памфлетов, тайных уставов и всего опубликованного Бакуниным с 1869 г. на французском языке. Наоборот, все эти три типа печатных произведений только дополняют друг друга. Они в некотором роде соответствуют трем ступеням посвящения пресловутой всеразрушительной организации. Французские брошюры гражданина Б. написаны для обыкновенных альянсистов, чьи предрассудки еще щадятся. Им говорят только о чистой анархии, об антиавторитаризме, о свободной федерации автономных групп и о прочих успокоительных вещах: простая галиматья. Тайный устав предназначается интернациональным братьям Запада, анархия в них превращается в «полное раскрепощение народной жизни... дурных страстей», но внутри этой анархии существует тайный направляющий элемент — именно эти братья; им дают только некоторые неопределенные намеки, касающиеся альянсистской морали, украденной у Лойолы; только упоминается необходимость не оставить камня на камне — так как это западники, воспитанные на филистерских предрассудках, и их приходится несколько щадить. Им говорят, что истина, слишком ослепительная для глаз, не привыкших к подлинному анархизму, будет раскрыта во всей полноте в программе Русской секции. Только врожденным анархистам, избранному народу, молодежи святой Руси — только им решается пророк говорить открыто. Тут уже анархия превращается во всеразрушительную, универсальную; революция — в серию убийств, сперва индивидуальных, потом коллективных; единственное правильное поведение — усиленная иезуитская мораль; образец революцио-

[1]) Чтобы мистифицировать своих читателей, Бакунин смешивает вождей народных восстаний XVII и XVIII столетий с теперешними русскими разбойниками и ворами. Чтение книги Флеровского, «*Положение рабочего класса в России*» должно разочаровать самые романтические души относительно тех бедняков, из которых Бакунин предполагает создать священную фалангу русской революции. Единственный разбой, который еще существует в великой России — понятно, не считая правительственной сферы — это казнокрадство, доведенное капиталистами до коммерческого дела, причем «революционеры без фразы» являются только их орудиями и жертвами.

нера — разбойник. Тут абсолютно запрещается молодежи мысль и наука, как занятия светские, которые могут ей внушить сомнение во всеразрушительной ортодоксии. Тем, кто упрямо придерживается теоретической ереси или применит обычную критику к догмам универсальнаго аморфизма, тем угрожают святой инквизицией. Перед русской молодежью папе нечего стесняться. Ни по существу, ни по форме. Он дает волю своему языку. Полное отсутствие идей выражается в такой напыщенной галиматье, что нет возможности передать это на другом языке (франц. яз.), не ослабляя при этом всей странности этого языка. Да этот язык нельзя даже назвать русским, он татарский, как объявил один русский. Эти маленькие люди с атрофированными мозгами пыжатся и выпускают страшные фразы, чтобы в собственных глазах казаться революционными гигантами. Это история с лягушкой и волом.

Какие страшные революционеры! Они хотят уничтожить и превратить в аморфную массу «абсолютно все», они выставляют проскрипционные списки, причем их жертвы присуждены к ударам их кулака, к их яду, к их веревке и к револьверным пулям; многим из них они собираются даже «вырвать язык», но они преклоняются пред величием царя. И в самом деле, царь, чиновники, дворянство, буржуазия могут спать спокойно. Альянс объявляет войну не организованным государствам, а революционным, которые не хотят спуститься до фигурантов в этой трагикомедии. Мир дворцам, война хижинам! Чернышевского оклеветали; редакторы «*Народного Дела*» предупреждены, что их заставят замолчать «различными практическими средствами, которыми мы располагаем»; Альянс угрожает смертью всем революционерам, которые не с ним. Вот единственная часть всей этой всеразрушительной программы, которую они начали выполнять. Мы теперь расскажем про их первый подвиг и на этом поприще [369]).

. . . . . .

Тот самый человек, который в 1870 г. проповедует русским слепое и пассивное послушание в отношении приказов, идущих сверху от анонимного и неизвестного Комитета, который объявляет, что иезуитская дисциплина — это условие sine qua non торжества, единственно способное победить ужасную централизацию Государства — и не только русского государства, но и всякого Государства, который проповедует коммунизм более авторитарный, чем самый примитивный коммунизм — этот же человек в 1871 г. вызывает сепаратистское и дезорганизованное движение внутри Интернационала, под предлогом борьбы с авторитаризмом и централизацией немецких коммунистов, организует автономию секций, свободную федерацию автономных групп и хочет из Интернационала сделать то, чем он должен быть: картину будущего общества. Если будущее общество будет сделано по образцу Альянса, Русской секции, то оно на много перегонит Парагвай почтенных отцов иезуитов, столь дорогих сердцу Бакунина.

IX.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Предоставляя полную свободу движениям и стремлениям рабочего класса в различных странах, Интернационал тем не менее успел объединить его в один союз и дать почувствовать господствующим классам и их правительствам космополитическую силу рабочего класса. Господствующие классы и правительства признали этот факт тем, что сосредоточили свои атаки на исполнительный орган всей нашей Ассоциации, на Генеральный Совет. Эти атаки становились все более ожесточенными со времени падения Коммуны. Именно этот момент альянсисты выбрали для того, чтобы объявить, со своей стороны, открытую войну Генеральному Совету. Согласно их мнению, его влияние, это могучее оружие в руках Интернационала, было только оружием, направленным против Альянса; его влияние было следствием борьбы, направленной не против врагов пролетариата, а против самого Интернационала. Они уверяли, что властолюбивые стремления Генерального Совета одержали верх над автономией секций и национальных федераций. Не оставалось другого выхода, как обезглавить Интернационал, для того чтобы спасти автономию.

На самом деле люди Альянса знали, что, если они не используют этого решающего момента, то им придется проститься навсегда с мечтой о тайном руководстве рабочим движением посредством ста интернациональных братьев Бакунина. Их нападения нашли благоприятное эхо в полицейской прессе всех стран.

Их громкие фразы об автономии и свободной федерации, одним словом, их воинственные выступления против Генерального Совета были лишь маневром для того, чтобы скрыть свою истинную цель: дезорганизовать Интернационал и тем самым подчинить его тайному иерархическому и самодержавному правлению Альянса.

Автономия секций, свободная федерация автономных групп, антиавторитаризм, анархия, — вот фразы, которые хорошо подходят обществу «деклассированных», «без карьеры, без выхода», конспирирующему в лоне самого Интернационала, для того чтобы подчинить его скрытой диктатуре и навязать ему программу Бакунина!

Если снять с нее мелодраматическую мишуру, то программа эта сведется к следующему:

1) все мерзости, которые фатально совершаются деклассированными выходцами из высших социальных слоев, прославляются как ультрареволюционные добродетели;

2) выставляется в качестве принципа необходимость совратить тщательно отобранное меньшинство рабочих, которое отделяется от масс посредством таинственного посвящения; это меньшинство заставляют участвовать в интригах и обманах тайного правительства, ему проповедуют предоставить полную волю своим «дурным страстям», которые перевернут старое общество сверху донизу;

3) главные средства пропаганды состоят в привлечении молодежи посредством фантастических вымыслов, ложных сведений о распространенности и могуществе тайного общества, пророчеств о близости революции, подготовленной им, и в шантажировании прогрессивных членов владеющих классов, компрометируя их перед правительством;

4) экономическая и политическая борьба рабочего класса за свое освобождение заменяется *сверхразрушительными* действиями уголовных элементов, представляющих высшее воплощение революции. Одним словом, надо выпустить оборванцев, которых «в революциях по классическому образу Запада» рабочие сами сдерживали, и тем добровольно предоставить в распоряжение реакционеров хорошо дисциплинированную банду агентов-провокаторов.

Трудно решить, что преобладает в теоретических измышлениях и в практических выступлениях Альянса — экстравагантность или бесчестие. Тем не менее ему удалось вызвать среди самого Интернационала глухую борьбу, которая мешала деятельности нашего Товарищества в течение двух лет и закончилась отпадением части секций и федераций. Резолюции, принятые Гаагским конгрессом против Альянса, были поэтому лишь выполнением его долга: он не мог допустить, чтобы Интернационал, это великое творение пролетариата, попался в сети, расставленные ему отбросами эксплоатирующих классов. Что же касается лиц, желающих лишить Генеральный Совет его полномочий, без которых Интернационал станет рассеянной, лишенной связи и, — выражаясь языком Альянса, — «аморфной» массой, то их мы не можем квалифицировать иначе, как только предателями или глупцами.

Лондон, 21 июля 1873 г.

Комиссия:

Э. Дюпон, Ф. Энгельс, Леон Франкель, К. Ле Муссю, Карл Маркс, Ог. Серрайе [370]).

Приложения: [371])

3. Бакунин и царь.

Мы видели, что в России возникла война между либеральной и революционной партиями по поводу отмены крепостного права. Чернышевский, вождь революционной партии, был окружен целой фалангой публицистов, многочисленной группой офицеров и учащейся молодежи. Либеральная партия была представлена Герценом, несколькими панславистами и большим числом мирных реформаторов и почитателей Александра II. Правительство поддерживало либеральную партию. В марте 1861 г. русская университетская молодежь высказалась решительно за освобождение Польши.

Осенью 1861 г., она попыталась оказать сопротивление государственному перевороту, который посредством дисциплинарных и фискальных мероприятий должен был лишить нуждающихся студентов (представляющих больше двух третей общего числа студентов)

возможности получить высшее образование. Правительство рассматривало этот протест, как мятеж; сотни молодых людей в Петербурге, Москве и Казани были брошены в тюрьмы, изгнаны из университетов или исключены после трехмесячного заключения. Из страха, чтобы эти молодые люди не усилили недовольства крестьян, Государственный Совет запретил бывшим студентам занимать какие-либо общественные должности в деревне. На этом преследования не прекратились. Были исключены такие профессора, как Павлов; были закрыты публичные чтения, организованные исключенными из университетов студентами; были начаты новые преследования по самым ничтожным поводам; касса взаимопомощи учащейся молодежи, только что получившая разрешение, была неожиданно закрыта, газеты были приостановлены. Все это вызвало возмущение и возбуждение радикальной партии и заставило ее обратиться к нелегальной печати. Тогда появился манифест этой партии под заглавием: «Молодая Россия» с эпиграфом из Роберта Оуэна. Этот манифест давал ясный и точный отчет о внутреннем положении страны, о состоянии различных партий, о положении печати и, провозглашая коммунизм, признавал необходимость социальной революции. Он призывал всех честных людей примкнуть к радикальному знамени.

Едва только появился этот подпольный манифест, как, благодаря роковому стечению обстоятельств (если только полиция не приложила к этому делу своей руки), в Петербурге вспыхнули многочисленные пожары. Правительство и реакционная пресса с радостью ухватились за этот повод, чтобы обвинить в поджигательстве молодежь и всю радикальную партию. Тюрьмы снова заполнились, и новые жертвы были отправлены в ссылку. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость; оттуда он, после двух лет мучений, был сослан в Сибирь на каторжные работы.

Еще до этой катастрофы Герцен и Громека, — который позже содействовал усмирению Польши в качестве губернатора одной из ее провинций, — один в Лондоне, другой в России, яростно атаковали радикальную партию и распускали про Чернышевского инсинуации, говоря, что он, может быть, кончит тем, что еще получит орден. Чернышевский в очень умеренной статье предлагал Герцену подумать о последствиях, к которым приведет новая роль «Колокола», вступившего в открытую войну с русской радикальной партией. Герцен высокопарно заявил, что он готов произнести в присутствии тех, кого он называл интернациональной демократией, т. е. Мадзини, Виктора Гюго, Ледрю-Роллена, Луи-Блана и т. д., пресловутый тост за здравие великого царя-освободителя, и что бы ни говорили, прибавлял он, революционные *Даниилы* в Петербурге, наперекор им и их крикам: «я знаю, что этот тост найдет благоприятный отклик в Зимнем Дворце» (резиденция царя). Революционные Даниилы были Чернышевский и его друзья.

Бакунин превзошел Герцена. В тот самый момент, когда революционная партия находилась в полном расстройстве, когда Черны-

шевский находился в темнице, Бакунин выпустил, в возрасте пятидесяти одного года, свою знаменитую брошюру к земскому царю:

«*Народное дело*», «*Романов, Пугачев или Пестель*» Михаила Бакунина, 1862.

«Многие еще рассуждают о том, будет ли в России революция или не будет? Она началась последовательно, она царит во всех, везде и во всем, действует руками правительства еще успешнее даже, чем усилиями своих приверженцев, и не успокоится, не остановится до тех пор, пока не переродит русского мира, пока не воздвигнет и не создаст нового славянского мира.

«Династия явно губит себя. Она ищет спасения в прекращении, а не в поощрении проснувшейся народной жизни, которая если б была понята, могла бы поднять царский дом на неведомую доселе высоту могущества и славы... А жаль. Редко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александр II мог так легко сделаться народным кумиром, первым русским земским [1]) царем, могучим не страхом и не гнусным насилием, но любовью, свободою, благоденствием своего народа. Опираясь на этот народ, он мог бы стать спасителем и главою всего славянского мира...

«Для этого нужно было только широкое, в благодушии и в правде крепкое русское сердце. Вся русская, да и вся славянская живая деятельность просилась ему в руки, готовая служить пьедесталом для его исторического величия».

Потом Бакунин требует уничтожения петровского государства, государства *немцев* и образования «новой России». Александру II поручается это дело. «Его начало в России было великолепно. Он объявил свободу народу, свободу и новую жизнь после тысячелетнего рабства. Казалось, он хотел *земской России*, потому что в государстве петровском свободный народ немыслим. 19 февраля 1861 г., несмотря на все промахи, недостатки и уродливые противоречия указа об освобождении крестьян, Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России». Между тем «свобода была бы противна всем инстинктам Александра II», «потому что он немец», а «немец никогда не поймет и не полюбит земской России... он думал о том, как бы укрепить здание петровского государства, задумав гибельное, невозможное, он губит себя и свой дом и готов ввергнуть Россию в кровавую революцию».

Все противоречия указа об освобождении, все расстрелы крестьян, студенческие волнения, одним словом весь террор «объясняются вполне», согласно Бакунину, «отсутствием русского смысла и народолюбивого сердца в царе, безумным стремлением удержать во что бы то ни стало петровское государство... а между тем он, и только он один, мог совершить в России величайшую и благодетельнейшую революцию,

---

[1]) Титул земского царя, который пожалован Александру II, изобретение Бакунина и «Колокола».

не пролив капли крови. Он может еще и теперь: если мы отчаиваемся в мирном исходе, так это не потому, чтоб было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконец, в способности Александра Николаевича понять единственный путь, на котором он может спасти себя и Россию. Остановить движение народа, пробудившегося после тысячелетнего сна, невозможно. Но если б царь стал твердо и смело во главе самого движения, тогда бы его могуществу на добро и на славу России не было бы меры». Для этого он должен только дать землю крестьянам, свободу и *самоуправление*. «Не бойтесь, что через областное самоуправление разорвется связь провинций между собою, рушится единство русской земли; ведь автономия провинций будет только административная, внутренне-законодательная, юридическая, а не политическая. И ни в одной стране, исключая, может быть, Франции, нет в народе такого смысла единства строя, государственной целости и величия народного, как в России».

В этот момент в России требовали созыва земского собора. Одни требовали его для разрешения финансовых затруднений, другие же для того, чтобы положить конец монархии. Бакунин же желал его для того, чтобы выразить единство России и укрепить могущество и величие царя. «Единство земли русской, находившее доселе свое выражение только в царе, требует теперь еще другого представительства: всенародного земского собора... Итак, не в том вопрос, будет или не будет революция, а в том, будет ли исход ее мирный или кровавый? Он будет мирный и благодатный, если царь, став во главе движения народного, вместе с земским собором, приступит широко и решительно к коренному преобразованию России в духе свободы и земства. Ну, а если ослепленный царь задумает итти вспять, или остановится на полумерах — исход будет ужасный. Тогда революция примет характер беспощадной резни вследствие восстания всенародного... Александр II может еще спасти Россию от конечного разорения, от крови».

Таким образом в 1862 г. для Бакунина революция была конечным разорением России, и он умолял царя предохранить Россию от нее. Для большинства русских революционеров созыв земского собора значил низложение императорского дома. Но Бакунин решительно разочаровывает их и заявляет, что «земский собор будет против них и за царя. Ну, а если земский собор будет враждебен царю? Да, возможно ли это. Ведь посылать на него своих выборных будет народ, до сих пор безгранично в царя верующий, всего от него ожидающий. Откуда же взяться вражде? Нет сомнения в том, что если б царь созвал теперь (в феврале 1862 г.) земский собор, он впервые увидел бы себя окруженным людьми, действительно ему преданными. Продолжись безурядица еще несколько лет, расположение народа может перемениться. В наше время быстро живется. Но теперь народ за царя и против дворянства, и против чиновничества, и против всего, что носит немецкое платье (т. е. европейскую одежду). Для него все враги в том лагере официальной России, *все кроме царя*. Кто же станет говорить ему против царя? А если б кто и стал говорить, разве народ ему

поверит? *Не царь ли освободил крестьян против воли дворян, против совокупного желания чиновничества?*

«Русский народ через своих представителей в первый раз встретится лицом к лицу с *своим* царем. Минута решительная, минута в высшей степени критическая! Как понравятся они друг другу? От этой встречи будет зависеть вся будущность и царя и России. Доверию и преданности посланцев народных к царю не будет пределов, — и, опираясь на них, встретив их с равною верою и любовью, царь мог бы поставить свой трон так высоко и так крепко, как он еще никогда не стоял. Но что, если вместо царя-освободителя, царя земского, народные посланцы встретят в нем петербургского императора в прусском мундире, тесносердечного немца? Что, если вместо ожидаемой свободы, царь не даст ему ничего. Или почти ничего?.. Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мере императорскому, петербургскому, немецкому, гольштейн-готорпскому!

«Но если бы в этот роковой момент, когда для целой России будет решаться вопрос о жизни и смерти, о мире и крови, царь земский предстал перед всенародным собором, *царь добрый, царь правдивый*, любящий Россию, готовый устроить народ по воле его, чего бы не мог он сделать с таким народом. Кто смел бы восстать против него? И мир, и вера восстановились бы, как чудом, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всех безобидно, для всех правильно. *Руководимый таким царем*, земский собор создал бы новую Россию. Никакой злой умысел, никакая враждебная сила не были бы в состоянии бороться против соединенного могущества царя и народа... Есть ли надежда, что такой союз состоится? Мы прямо скажем, что нет».

Несмотря на все это, Бакунин не отказывается от надежды увлечь своего царя и, чтобы побудить его, угрожает ему революционной молодежью, которая, если царь не поторопится, исполнит его дело и пробьет себе дорогу к народу. «И почему молодежь не за вас, а вся молодежь против вас? Ведь это для вас большое несчастие... ей прежде всего надо воли и правды. Но почему отстала она от царя, почему объявила себя против того, кто первый объявил свободу народу? Не увлекалась ли она *отвлеченными революционными идеалами и громким словом «республика»?* Отчасти, пожалуй, и так. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимает, что *западные абстракции*, консервативные ли, либерально-буржуазные, или даже демократические, *к нашему русскому движению неприменимы*. Русский народ движется не по отвлеченным принципам... Он чужд западным идеалам, и все попытки доктринаризма консервативного, либерального, даже революционного подчинить его своему направлению будут напрасны... у него выработались свои идеалы... он в историю внесет новые начала и создаст цивилизацию иную: *и новую веру*, и новое право, и новую жизнь».

«Пред этим великим, серьезным и даже грозным лицом народа нельзя дурачиться. Молодежь оставит смешную и противную роль непрошенных школьных учителей... Чему мы станем учить? Ведь, если оставим естественные и математические науки в стороне, последним словом всей нашей премудрости будет отрицание так называемых непреложных истин западного учения, полное отрицание Запада».

Вслед затем Бакунин берется за авторов «Молодой России», он обвиняет их в доктринерстве, в том, что они притязают учить народ, что они компрометируют дело, что они ничего не понимающие дети, черпающие свои знания из нескольких западных книжек, которые они прочли. Правительство, которое в это же время заключало в тюрьму эту молодежь, в качестве поджигателей, бросало ей те же упреки. И чтобы успокоить своего царя, Бакунин заявляет, что «народ не за революционную партию... огромное большинство нашей молодежи принадлежит к партии народной, к той партии, которая поставила себе единою целью торжество народного дела. Эта партия не имеет предрассудков ни за царя, ни против царя, и если б сам царь, начавши великое дело, не изменил впоследствии народу, она бы никогда от царя не отстала. И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за ним, лишь бы только он сам шел во главе народа; не остановили бы ее *никакие западно-революционные предрассудки*. Немцам пора в Германию. Если б царь понял, что он отныне должен быть не главою насильственной централизации, а главою *свободной федерации вольных народов*, то, опираясь на плотную возрожденную силу, в союзе с Польшею и Украиною, разорвав все ненавистные союзы немецкие, подняв смело всеславянское знамя, он стал бы *избавителем славянского мира*».

«Да, в самом деле, итти войною на немцев хорошее, а главное, необходимое славянское дело, во всяком случае лучшее, чем поляков душить немцам в угоду. Подняться на освобождение славян из-под ига турецкого и немецкого будет потребностью, необходимою и святою обязанностью освобожденного русского народа».

Он предлагает в той же брошюре революционной партии сплотиться под знамя народного дела. Вот несколько символов веры программы этого дела, угодного царю. П. 1: «Мы хотим (Бакунин и К°) *самоуправления* народного — общинного, волостного, уездного, областного и, наконец, государственного, с царем или без царя, все равно и как захочет народ». П. 2: «Мы готовы и обязаны помогать Литве, Польше, Украине против всякого насилия и против всех внешних врагов, особливо же против немцев». П. 4: «Вместе с Польшей, с Литвой, с Украиной, мы хотим подать руку помощи нашим братьям славянам, томящимся ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империи, не обязываясь вложить меча в ножны, пока хоть один славянин останется в немецком, в турецком или в другом каком рабстве». П. 6 предписывает союз с Италией, Венгрией, Румынией и Грецией; это как раз те союзы, которых добивалось тогда русское правительство. П. 7: «Мы будем стремиться вместе со всеми племенами

славянскими к осуществлению заветной славянской мечты: к созданию великой и вольной всеславянской федерации, чтоб существовала единая и нераздельная общеславянская сила».

«Вот широкая программа дела славянского, вот необходимое последнее слово народно-русского дела. Этому-то делу мы посвятили всю жизнь свою».

«Теперь с кем, куда и за кем мы пойдем? Куда? Мы сказали. С кем? Мы также сказали: разумеется, ни с кем другим, как с народом. Но за кем? За Романовым, за Пугачевым или, если новый Пестель найдется, за ним».

«Скажем правду: *мы охотнее всего пошли бы за Романовым*, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский еще его признает, и что сила его создана и готова на дело, и могла бы сделаться непобедимою силою, если б он дал ей только крещение народное. Мы еще потому пошли бы за ним, что *он один* мог совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но все-таки они зло, великое зло и большое несчастие, не только в отношении к жертвам своим, но в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видим это на революции французской».

«Итак, отношение наше к Романову ясно. *Мы не враги* и не друзья, мы друзья народно-русского, славянского дела. Если царь во главе его, мы — за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами. Поэтому весь вопрос состоит в том; хочет ли он быть русским земским царем Романовым или гольштейн-готорпским императором петербургским? Хочет ли он служить России, славянам или немцам? Вопрос этот скоро решится, и тогда мы будем знать, что нам делать».

К несчастью царь не считал удобным созвать земский собор, в члены которого Бакунин уже выставлял свою кандидатуру в этой брошюре. Напрасно он издал свой избирательный манифест и преклонялся перед Романовым. Будучи позорно обманут в своем доверии, ему не оставалось ничего другого, как броситься головою вниз во всеразрушительную анархию.

После этих жалких потуг своего учителя, склоняющегося ниц перед своим земским царем, его ученикам и друзьям, Альберу Ришару и Гаспару Блану было вполне позволительно кричать во всю глотку: да здравствует Наполеон III, крестьянский император! [372])

Примечания

[1]) *Д. Гильом* — «Карл Маркс и Интернационал»; «Интернационал», тт. 1 и 2. *М. Неттлау* — «Жизнь и деятельность Бакунина»; *Н. К. Лебедев* — «К истории Интернационала»; *В. Черкезов* — «Вступительный очерк в Собр. соч. Бакунина»; все — издания «Голоса труда».

[2]) «Минувшие годы», 1908 г., январь — февраль, «Карл Маркс и русские революционеры».

[3]) Сборник «Борцы за социализм», ч. I. Госиздат, 1923 г.

[4]) «Очерки по истории марксизма», изд. «Московский рабочий». М. 1923 г.

[5]) См. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Ред. М. П. Драгоманова. Женева. 1896 г., стр. 233.

[6]) Lettre au Journal «La Liberté de Bruxelles»; Oeuvre, t. IV, Paris, 1910, p.p. 350 и дальше. Напечатано в наст. книге, стр. 373 — 405.

[7]) «Persönliche Beziehungen zu Marx». M i c h a e l B a k u n i n. Gesammelte Werke, B. III, Verlag «Syndikalist», 1924 г. Berlin. S. 207 и дальше. Цитируем по этой новейшей немецкой публикации. Оригинал этой рукописи — на франц. языке. См. стр. 287 — 305 наст. книги.

[8]) «Печать и революция» 1926 г., книга III. Напечатаны в настоящей книге, стр. 441—465.

[9]) B a k u n i n, Gesammelte Werke, B. III, S. 177, указанное издание.

[10]) См. об этом в указанной работе *Д. Рязанова*, а также нашу работу «Бакунин», том I (2-е изд.), Госиздат, 1925 г., стр. 236, и примечания 91 и 126 (стр. 416 и 443).

[11]) *Д. Б. Рязанов* — «Очерки по истории марксизма», указанное издание (стр. 211).

[12]) *Д. Гильом* — «Карл Маркс и Интернационал», изд. «Голос труда», Москва, 1921 г., стр. 18—19. Це разъяснил нам пока этого вопроса и Ю. М. Стеклов. Касаясь непонятного поведения Бакунина, он пишет: «Делал ли он это потому, что в нем продолжали действовать старое недоверие и антипатия к Марксу, побудившие его искать самостоятельной работы вне Интернационала, где Маркс играл руководящую роль, или же потому, что он сам хотел играть первую скрипку, не желая ограничиться подчиненной ролью, все это — вопросы, которых мы здесь не хотим касаться» («Маркс и Бакунин» в сборнике «Борьба за социализм», ч. I, стр. 272, 2-е изд., Государственное издательство, 1923 г.).

[13]) J. Guillaume — L'Internationale. Documents et souvenirs (1864—1878), Paris, 1910 г., 4 тома, v. I, p. 72.

[14]) Подробнее см. об этом в нашей статье «Тайный Интернационал Бакунина», «Каторга и ссылка», 1926 г., июль.

[15]) J. Guillaume — L'Internationale, т. I, стр. 78—79.

[16]) Michael Bakunin — Gesammelte Werke, Verlag «Syndikalist», Berlin, 1924 г., B. III, SS. 79—80.

[17]) Курсив мой. *Вяч. П.*

[18]) См. «Первый Интернационал», Госиздат, 1923 г., стр. 278.

[19]) «Письма», указанное издание, стр. 222.

[20]) Там же, стр. 224—225.

[21]) James Guillaume. — L'Internationale, v. I, p. 131.

[22]) «Голос Минувшего», 1915 г., № 10.

[23]) «Воспоминания», изд. журн. «Каторга и ссылка», 1925 г., стр. 40.

[24]) Там же, стр. 34. Курсив мой. *Вяч. П.*

[25]) Оно опубликовано М. П. Драгомановым в указанной «Переписке» Бакунина. Женевское изд., стр. 328.

[26]) Michael Bakunin — Gesammelte Werke, B. III, S. 101. Подробно история организации и развития Альянса в Испании рассказана Максом Неттлау в его работе «Bakunin und die Internationale in Spanien 1863—1873» в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» Карла Грюнберга, Vierter Jahrgang, 1914 г., Leipzig.

[27]) Напечатано в настоящей книге, стр. 348.

[28]) См. «Письма К. Маркса к Л. Кугельману», Государственное издательство, 1920 г., стр. 94.

[29]) Вот что писал Бакунин в редакцию «Либерте» (5 октября 1872 г.) по поводу «конфиденциального сообщения», отрывки из которого были прочитаны прокурором на процессе Бебеля-Либкнехта, так как «сообщение» послужило обвинительным материалом. «В этом меморандуме, — пишет Бакунин, — направленном, повидимому, исключительно против меня, и которого подробностей я не знаю и поныне, г. Маркс, между прочим, советует своим друзьям вести подпольную работу в Интернационале». Бакунин, так же как и Гильом, пал жертвой неправильного перевода. См. об этом у Рязанова — «Очерки», стр. 275—276.

[30]) Здесь Неттлау делает примечание: «Насколько мне известно, со времени большого процесса коммунистов в Кельне в начале 50-х гг., таких процессов в Германии не было». Ges. Werke, B. III, S. 114.

[31]) В письме «Интернационалистам Романьи», только в 1924 г. впервые полностью увидевшем свет (Gesammelte Werke, указанное издание, стр. 176—203; напечатано нами в настоящей книге), Бакунин подробнейшим образом рассказывает, как совершил он «большую ошибку», внеся на Базельском конгрессе Интернационала предложение о расширении власти Генерального Совета. Но объяснения его не убеждают. В таких «ошибках» есть свой смысл. Во всяком случае борьба против Генарального совета началась лишь после того, как выяснилось, что влияние в Генеральном Совете марксистов крепчает год от году. Вот в

этой недооценке марксистского влияния в эпоху Базельского конгресса и заключалась «ошибка» Бакунина.

[33]) Впервые этот проект полностью опубликован М. Неттлау лишь в 1924 г. В сокращенном виде он помещен также в рукописной, отлитографированной биографии Бакунина, в оригинальном французском тексте (в главе XXXI «Bakunin und die Fraternité internationale», стр. 199—235). В этой рукописной публикации значительное количество пунктов устава выпущено вовсе (напр. пп. 48—49, 54—64), пп. 18—30 лишь перечислены с сокращенным изложением некоторых пунктов, содержание пп. 31—35, изложенное примерно на 2 печ. страницах, заменено тремя рукописными строчками, часть пунктов приведена в сокращенном изложении; клятвы почетных и активных братьев выпущены совсем, и т. д. Пп. 95 и 96 только обозначены и за ними идет строка: «Hiermit schliesst Seite 56 des Manuscripts». Само собой разумеется, что появившееся немецкое издание проекта, без указанных выше пропусков и сокращений, также не совсем полное, уничтожает какую бы то ни было полезность первой, сокращенной публикации, имеющейся в литографированной рукописи. Следует вообще заметить, что выпущенными тремя томами немецкого издания и другими новейшими публикациями М. Неттлау постепенно аннулирует значение своего литографированного труда как источника.

В литографированной рукописи отдельные части проекта следуют не в том порядке, какой мы находим в позднейшей публикации. Мы пользуемся новейшей публикацией, снабженной предисловием и примечаниями М. Неттлау (Michael Bakunin — Gesammelte Werke, B. III, Berlin, 1924, Verlag «Syndikalist»).

[34]) «Письма *М. А. Бакунина* к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», с биографическим введением и примечанием М. П. Драгоманова. Женева 1896, стр. 443—460.

[34]) Исторический сборник «*О минувшем*», Петербург, 1909 г.

[35]) См. вступительную статью «Бакунин в I Интернационале» в настоящей книге и письмо Бакунина к Мораго.

[36]) *Драгоманов*, Письма, указанное издание, стр. 170 и 171.

[37]) Michael Bakunin. Gesammelte Werke, B. III, Berlin 1924, Verlag «Syndikalist», S. 7.

[38]) Первая часть рукописи почтового формата на 55 стр. написана рукою княгини З. Оболенской.

[39]) Отмечаем этот пункт о собственности. Лишь в более поздних вариантах Бакунин придет к решительному ее отрицанию.

[40]) Во второй части настоящего устава.

[41]) Здесь, вследствие неясности либо переписанного экземпляра, либо оригинала, с которого делался список, смысл темен.

[42]) Эта сводка обрывается. Дополнением к «революционной политике» являются дальнейшие 4—11 пункты организационного устава.

[43]) Вторая часть рукописи почтового формата, переписанная В. Мрочковским.

[44]) М. Неттлау использовывает это указание для приблизительной датировки рукописи. Восстание, о котором говорит Бакунин, вероятно, восстание Прима в Вилларейо близ Мадрида 4 февраля 1866 г. По этому, и некоторым другим указаниям в письмах Бакунина Гамбуцци от 18 марта 1868 г. («Привези мне статуты, которые ровно два года назад были написаны на французском языке») и Герцену от 23 марта 1866 г. — Неттлау заключает, что рукопись была написана в феврале — марте 1866 г.

[45]) La Junte — совет, правление. Термин, употреблявшийся в испанской и английской организационной практике.

[46]) Слово, отсутствующее в рукописи, по догадке вставленное М. Неттлау.

[47]) См. примечание 39.

[48]) В немецком переводе Неттлау сохранил французское обозначение «конституанта». Мы переводим его как «учредительное собрание».

[49]) Неттлау замечает, что, по его мнению, здесь пропущены слова «активных местных братьев данной страны».

[50]) Здесь либо пропуск, либо последующие пункты обозначены ошибочными литерами.

[51]) Пп. 83—89 переписаны неизвестной рукой.

[52]) В публикации ряд подробностей опущен. Опущенные места обозначены пунктиром.

[53]) Цифра 13 вероятнее всего обозначает Италию. Эта цифра отпечатана в итальянских, изданных нелегально, уставах и программе: Н. Жуковский именно так и пояснял Максу Неттлау значение этой условной цифры.

Приводим несколько отрывочных вариантов из уставов и программ, опубликованных вслед за уставом.

I

Б. ПРОПАГАНДА В ОБЩЕСТВЕ.

а) Распространение революционных идей во всех способных к их восприятию кругах и, прежде всего, в народных массах является одним из основных условий победы революции, поэтому интернациональное общество и каждый из его членов воспользуется всеми средствами гласности: прессой, общественными и частными союзами, народными собраниями, публичными речами и частными разговорами, брошюрами, печатными или рукописными летучими листками, подпольными газетами для распространения в широких кругах общества своих идей и способствования их победе.

б) При этой пропаганде в обществе нужно будет прежде всего озаботиться о том, чтоб по возможности *не выдать существования и непосредственной деятельности интернационального общества и не дать угадать кого-либо из его членов*. Так как подобная нескромность могла бы повредить плодотворной деятельности общества и даже нанести смертельный удар его бытию, то необходимо принять, как *основное положение и общее правило поведения, что всякий раз, как общество или отдельный его член*

могут уверить публику, что инициатива какой-нибудь идеи или какого-нибудь движения общественного мнения принадлежит не им, а другим лицам, не входящим в состав общества, следует всячески поддерживать это заблуждение в публике, предоставляя честь внешней видимости, одобрения и славы другим, а для себя довольствуясь действительным делом.

Вдохновляя так невидимо и как бы неощутимо и предоставляя другим видимость инициативы, общество только укрепит их взгляды и сделает их все более и более страстными сторонниками идей, победа которых представляет единственную цель общества».

II

Из тайно напечатанных статутов Società dei Legionari della Rivoluzione sociale italiana (Общество легионеров итальянской социальной революции):

«...20. Миссия легионера общества итальянской социальной революции слагается из его прав и обязанностей.

А. Свобода, равенство, братство суть права, которые делают из легионера свободную и деятельную разумную личность, каковая, подъятая на степень полного человеческого достоинства, братски связана с человечеством своим собственным счастьем.

Б. Работа, пропаганда, действия суть обязанности, на основе которых легионер развивает средства своей собственной экономической жизни, освобождая последнюю от социальных привилегий и возвышая ее до возможно большей независимости, поскольку это допускают современные искаженные условия жизни. Он станет деятельным центром возможно более широкого круга пропагандистских, революционно-социальных отношений в том населении, среди которого он живет; он будет приготовляться к тому, чтобы быть возможно более полезным в битвах будущей итальянской социальной революции, развивая свое тело всякими механическими упражнениями, способствующими к его укреплению и укрепляя свой дух всевозможными военными познаниями, делающими его способным революционно командовать более или менее значительной группой вооруженного народа.

21. Центральный комитет снабжает каждого легионера техническим учебным руководством, составленным возможно более кратко и просто, которое будет ему наставником при усвоении механических упражнений и приобретении необходимейших военных знаний. Сам комитет печатными циркулярами укажет наиболее подходящие методы революционно-социальной пропаганды».

[54]) Опубликован М. Неттлау с рукописи, написанной неизвестной рукой первоначально в литографированной рукописной биографии (стр. 268—270), затем, с печатного, позднейшего текста 1868 г., в немецком издании 1924 г. (III том, Gesammelte Werke *Бакунина*). В печатном тексте было опущено все, что касалось названия организации и отдельных ее частей. Печатный экземпляр получен был М. Неттлау от Поля Робена (Robin). Настоящий отрывок воспроизводит важнейшую часть печатного текста.

[55]) См. приложенные программы (Русской социалистической демократии и Альянса социалистической демократии), которые мы принимаем в их полном смысле и полном применении. (Примечание *Бакунина*.)

[56]) Последний абзац в рукописи, предшествовавшей печатному тексту, имеет следующую формулировку:

«Во время, как и до (революции), интернациональные братья остаются организованными в тайный комитет, который старается осознать инстинкты народных масс и формулировать их стремления, и пока останется на земле хоть один угнетенный уголок и хоть одно не уничтоженное злоупотребление, продолжает вести великую агитацию, и так как они никогда не теряют из виду, что границы должны исчезнуть с последними следами военной и буржуазной цивилизации, то они признают революционеров всех стран соотечественниками, братьями и всеми силами помогают им».

[57]) В скобки () поставлены слова, которые были опущены в печатном тексте, см. примечание 54.

[58]) Этот отрывок впервые был опубликован Максом Неттлау в 1923 г. в Берлине на русском языке в журнале «Анархический вестник», №№ 5—6 (ноябрь-декабрь) за 1923 г. и № 7 (май) 1924 г. Рукопись на французском языке, с которой сделана эта публикация, была передана П. Кропоткиным Максу Неттлау в 1895 г. В 1926 г. в пятой книге журнала «Каторга и ссылка» эта рукопись с подлинника, написанного Бакуниным, опубликована Н. К. Лебедевым. Макс Неттлау располагает, вероятнее всего, копией, снятой П. А. Кропоткиным. Ввиду того, что оригинал рукописи, *которою пользовался Н. Лебедев*, находится в Москве в музее Кропоткина. Мы включаем в нашу книгу публикацию Н. К. Лебедева, сопровождавшего ее вступительной заметкой, которую мы здесь и приводим. Н. К. Лебедев, по нашему мнению, более правильно, чем М. Неттлау, определяет время написания этой рукописи. Утверждения Неттлау, которые оспаривает Н. К. Лебедев, имеются в №№ 5—6 «Анархического вестника», указанного выше, на стр. 37—38. Приводим вступительную заметку Н. К. Лебедева.

«Печатаемый ниже отрывок неизданной рукописи М. А. Бакунина под заглавием *«Программа общества международной революции»* взят нами из архива П. А. Кропоткина. Эта рукопись была передана П. А. Кропоткину, по словам С. Г. Кропоткиной, итальянцем Беллерио, который был дружен с Бакуниным в последние годы его жизни и ухаживал за ним во время его болезни. Рукопись представляет собою восемь листов белой бумаги in-4°, исписанных с обеих сторон по-французски рукою самого Бакунина.

В свое время П. А. Кропоткин показывал эту рукопись близкому другу Бакунина, Джемсу Гильому, и известному биографу Бакунина, Максу Неттлау. По всей вероятности, П. А. Кропоткин, со слов Гильома (а может быть, со слов Элизе Реклю), сделал на рукописи карандашную пометку: «1865», хотя рядом с этой цифрой и поставил знак вопроса.

Действительно, до сих пор вопрос о времени написания этой рукописи остается открытым. Неттлау предполагает, что эта «программа» писана Бакуниным не в 1865 г., а в 1871 г. Свое заключение Неттлау основывает,

главным образом, на том, что в дневниках Бакунина за 1871 г. находятся такие записи: 25-го марта «писал *программу*»; 26-го — «*программа*», 28-го утром и вечером — «программа», 30-го — «программа».

Однако такие соображения крайне неубедительны. Почему нужно предполагать, что речь идет именно о данной программе? При внимательном анализе рукописи, напротив, приходишь как раз к обратному выводу. Если эта программа и не написана Бакуниным в 1865 г., то Бакунин писал ее, во всяком случае, не позднее 1868 г. В пользу этого утверждения, мне кажется, могут служить такие доводы: во-первых, расположение и содержание текста настоящей программы во многом соответствует «Революционному катехизису», составленному Бакуниным, как это установил Неттлау, в первые месяцы 1866 г. Во-вторых, в пункте XVIII программы говорится *об уравнении* классов и личностей.

Выражение «уравнение» Бакунин употреблял до 1869 г. Пункт *об уравнении* классов был внесен и в устав знаменитого бакунинского «Альянса международной социальной демократии». Этот пункт, как известно, послужил для Главного Совета Интернационала (в лице Маркса) формальным поводом для непринятия Альянса в Интернационал.

В письме от 20 марта 1869 г. Главный Совет Интернационала (по всей вероятности, письмо это, судя по стилю, было составлено самим Марксом) писал, что причиной отказа принять Альянс в Интернационал является фраза в программе Альянса — «*об уравнении* классов». «Не уравнение классов, а их уничтожение, — вот великая цель Международного Товарищества Рабочих», — говорится в письме.

Бакунин признал неудачность своего выражения об уравнении классов и тотчас изменил (весна 1869 г.) этот пункт программы своего Альянса так: «он (Альянс) хочет прежде всего полного и окончательного *уничтожения* классов и уравнения политического, экономического и социального личностей обоего пола».

В своей статье «*Интернациональный союз социальных революционеров*», писанной, вероятно, в 1872 г. и напечатанной в вышедшей в Цюрихе в 1873 г. книге «*Историческое развитие Интернационала*», Бакунин по этому поводу говорит в подстрочном примечании к пункту 2 программы Альянса следующее: «в первой редакции тут вкралась описка; мысли этой была дана следующая неправильная форма: «он (Альянс) хочет политического и социального уравнения классов и личностей» [1]).

Было бы непонятным (если допустить, что печатаемый отрывок, как предполагает Неттлау, писан Б. в 1871 г.), как Бакунин в этой программе, после того как он вычеркнул из устава Альянса в 1869 г. термин *уравнение* классов и заменил его словом «*уничтожение*» классов, снова употребляет этот термин, который сам же признает неправильно выражающим его мысль.

Точно так же и некоторые другие более мелкие детали заставляют склоняться к той мысли, что в настоящем отрывке мы имеем перед собою один из первых вариантов программы для организации международного

[1]) «Историческое развитие Интернационала», ч. I, 1873 г., стр. 301

революционного союза. Все эти варианты и вылились, в конце концов, в знаменитую программу «Международного Альянса социальной демократии», основанного Бакуниным в начале 1869 г. и существовавшего ранее тайного революционного общества «*Международных братьев*».

Программа Альянса, как известно, состоит из семи пунктов. Все эти пункты представляют не что иное, как сильно сжатое и сокращенное изложение тех девятнадцати параграфов, которые печатаются ниже».

[59]) «Письма К. Маркса к Кугельману», Государственное издательство 1920, стр. 85.

[60]) Впервые опубликовано Д. Рязановым в изд. Карла Грюнберга «Archiv für die Geschichte des Sozialismus и т. д.» в 1914 г., Fünfter Jahrgang, стр. 187—188, и в «Современн. мире» 1914 г., январь, стр. 149. Полностью вошло также в «Очерки по истории марксизма», 1923, изд. «Московский рабочий», стр. 212—213. Воспроизводим эту последнюю публикацию, внеся лишь в «постскриптум» письма одно исправление явной неточности перевода в последних строках. У Рязанова напечатано: «Как я только получил фотографии» и т. д. Следует: «как я только п о л у ч у» и т. д. Оригинал написан на французском языке.

[61]) Эти письма Маркса нам неизвестны.

[62]) Впервые было напечатано в «Neue Zeit» в 1900 г. Перепечатано М. Неттлау в т. III «Bakunins Gesammelte Werke», указанное издание. На русском языке впервые опубликовано Д. Рязановым в «Современн. мире» 1914 г., январь, с выпуском по цензурным соображениям двух слов, которые здесь восстановлены.

[63]) Русский эмигрант Александр Серно-Соловьевич.

[64]) «Колокол» (La Cloche), выходивший на французском языке с 1 января до 1 декабря 1868 г.

[65]) «Программа русской социалистической демократии». Издана в Женеве Элпидиным, в сентябре 1868 г.

[66]) Настоящее письмо является образцом «дипломатической» переписки Бакунина. Особенно любопытно его сличить с письмом Бакунина Герцену от 28 октября 1869 г. (См. «Письма Бакунина к Герцену и Огареву, ред. М. Драгоманова, Женева, 1896, стр. 233 и дальше.) «Поношение» Герцена было очевидно «тактическим» ходом. Маркс сильно недолюбливал автора «Былого и дум».

[67]) Написано в апреле 1868 г. Было напечатано в шестой по счету брошюре. «La Démocratie» начала выходить 8 ноября 1863 г. и просуществовала недолго: было выпущено всего 93 номера. Письмо извлечено нами из III тома немецкого, многократно указанного, издания собрания сочинений Бакунина.

[68]) «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896 г., стр. 229.

[69]) Там же, стр. 232—233.

[70]) Полн. собр. соч. А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 506—507.

[71]) M. B a k o u n i n, Oeuvres, Paris, Stock-Editeur, 1911, t. I, p.p. 229—230.

[72]) А. И. Герцен, указанное собрание сочинений, т. XXI, стр. 487.

[73]) Там же, стр. 493.

[74]) Там же, т. XXI, стр. 509. Предыдущая цитата — т. XXI, стр. 504.

[75]) «Письма», указанное издание, стр. 233—237.

[76]) Там же, стр. 239. Гильом по ошибке датирует этот письмо 16 декабря (стр. 236. Oeuvres, v. V).

[77]) *Д. Рязанов* «Очерки по истории марксизма», изд. «Московский рабочий», Москва, 1923, стр. 237.

[78]) «Письма Маркса к Кугельману», указанное издание, стр. 41.

[79]) Напечатано впервые в 1911 г. в V томе Собр. соч. Бакунина Michel Bakounine, Oeuvres, t. V, Paris, P. V. Stock-Editeur 1911, avec une preface, des avants-propos et des notes par James Guillaume.

[80]) Необходимо отметить, что понятие империализма, о котором говорит Бакунин, не следует понимать в современном нам смысле. Под словом «империализм» Бакунин подразумевает, вероятно, тогдашние реакционные направления и взгляды.

[81]) Конгресс Лиги Мира и Свободы.

[82]) Это утверждение, если его принять всерьез, обнаруживает в Бакунине глубочайшее непонимание исторического процесса, невяжущееся с целым рядом его других заявлений. М. Неттлау, который в случаях таких срывов пытается смягчить их отрицательный смысл, делает к этим словам такое примечание.

«Чересчур схематическое изображение древнего исторического процесса, которое нельзя понимать буквально» (Gesammelte Werke, указанное издание, т. III стр. 129). «Чересчур схематическое» — это мягко сказано.

[83]) М. Неттлау в указанном выше издании приводит ряд слухов, которые ходили по Европе в годы бакунинских крепостных мытарств. «Рассказывали, — передает Неттлау, — будто он подвергся ужасным истязаниям и был немедленно вслед за тем повешен (октябрь 1851), что он умер в крепости (октябрь 1861), что он был сослан рядовым на Кавказ (берлинская «Национальная газета» от 26 октября 1852), между тем как, с другой стороны, один важный русский военный 13 октября 1852 г. и Иван Тургенев 6 августа 1856 г. сообщали Варнгагену сравнительно утешительные известия об обращении с Бакуниным, что подтверждается замечаниями Бакунина в «Исповеди» (1851) и в некоторых его тюремных письмах, ныне опубликованных. Из них следует, — заключает Неттлау, — что он не подвергался внешнему унижению, насилиям и большим физическим лишениям, что, конечно, не смягчало для него ужасов многолетнего безнадежного одиночного заключения. Это чисто внешнее, довольно сносное обращение, по сравнению со страданиями многих других заключенных того времени, истолковывалось многими, по ограниченности или по злой воле, совершенно неправильно и дало пищу известной лондонской клеветнической кампании и в 1853, и в 1856 гг.».

В этих замечаниях М. Неттлау как бы утверждается, что существовали какие-то «слухи», которые могли породить (по ограниченности или

злой воле — другой вопрос) истолкование, неблагоприятное для Бакунина. Это и в самом деле так. Слухи о необычных условиях, в которых отбывал Бакунин заключение в крепости, и в особенности — о годах сибирской ссылки, когда он был близким другом генерал-губернатора, — проникали на Запад и возбуждали сомнения. Распространился же за границей слух о полном прощении Бакунина, об этом официально сообщалось 30 мая 1856 г. управляющему III Отделением (см. нашу книгу «Бакунин», т. I, 2 изд., стр. 443, примечание 126). Ведь сообщал же Герцен М. Мейзенбург такие новости:

«Бакунин не освобожден, но положение его совсем иное: он обедает у коменданта, гуляет по крепости, имеет книги, бумагу и даже фортепиано. Он написал письмо, чтобы опровергнуть, что стал христианином» (Соч., под ред. Лемке, т. VIII, стр. 331, датировано 8 сентября 1856 г.). Переписка Бакунина с родными, в которой он сообщал, что исполнял различные религиозные обряды, советовал брату пороть крестьян, его переписка с жандармами и т. п. документы крепостной и сибирской эпох остались неизвестными его западным друзьям и противникам, но эти документы *существовали* и могли быть источником некоторых слухов, темных и неясных, которые просачивались все-таки из кругов, близких Бакунину. А так как побег Бакунина на самом деле произошел, если не при содействии, то при попустительстве администрации края — то почва для подозрений, неверных и несправедливых, роковым образом *все-таки* создавалась. Потому-то подозрительные заявления насчет Бакунина, которые он с негодованием перечисляет, были, конечно, далеки от правды, но нельзя сказать, что они не имели под собой никакой почвы. «Исповедь», его поведение в крепости и Сибири, в конце концов не остались безнаказанными. Но Бакунину «повезло»: он заплатил за них ничтожной ценой.

[84]) Речь идет об издании *Уркарта* «The Free Press. Journal of the Foreign Affairs Committee» №№3 и 5, март, 1862.

[85]) Письмо это, напечатанное в газете «The Working Man» 1 апреля 1862 г.:

«Сэр, мой друг Герцен сообщил мне о вашем любезном письме и о гнусной статье, которую анонимный писатель (за плату или безвозмездно) поместил против меня в «Free Press».

Я искренне благодарю вас за то, что вы обратили мое внимание на эту статью. Я не снизойду до того, чтобы опровергать все это сплетение лжи. Есть опровержения, которые делаются не *с пером в руке, а рукой без пера*.

Я намереваюсь вскоре опубликовать краткое описание важнейших событий моей политической жизни. Я надеюсь, что это будет лучшим ответом на все клеветы для тех, кто меня недостаточно знает.

Примите, милостивый государь, выражения моей горячей симпатии.

Преданный вам *Михаил Бакунин*.

10, Paddington Green W., 12 марта 1862 г.»

«Краткое описание», о котором говорит Бакунин, опубликовано не было. История всех заметок в английской прессе, а также роль в них

Маркса вкратце рассказана нами в 1 томе нашей работы о Бакунине (2 изд., стр. 443—446). С исчерпывающей полнотой она исследована Д. Рязановым в его работах «По поводу одной легенды (Герцен против Маркса)» (См. «Очерки», указанные выше, стр. 337—350.)

[86]) Имеется в отчетах конгресса. Отдельно издана в Брюсселе в 1868 г. (по-французски) и в Цюрихе в 1868 г. (по-немецки). Правильнее было бы название ее переводить: «Мой бисер перед Женевским конгрессом». В одном из писем д-ру Кугельману Маркс резко высказывается против этой речи и дает оценку Боркгейму вообще как писателю. Из этой оценки можно видеть, как заблуждался Бакунин, полагая, что в писаниях Боркгейма можно видеть руку Маркса. Этого-то как раз Маркс и опасался. Строки Маркса приведены нами в предисловии к настоящему письму. См. также у *Рязанова*, «Очерки», стр. 247—249.

[87]) Арман Гегг, буржуазный социалист, был невлиятельной фигурой, которую не принимали всерьез. Эти слова следует понимать иронически.

[88]) Виктором Гюго, бывшим членом III конгресса Лиги Мира и Свободы.

[89]) Издано в Женеве в 1869 г. под названием «Discours, prononcés au Congrès de la Ligue de la Paix et de la Liberté» par M. M. Mroczkowski et Bakunin.

[90]) См. об этих статьях — *Рязанов* «Очерки», стр. 251—254.

[91]) «Воззвание к славянам» — см. Избранн. соч. Бакунина, изд. «Голос труда», т. III, Петербург — Москва 1920 г., а также варианты в наших «Материалах для биографии Бакунина» — т. I, Государственное издательство М. 1923.

[92]) Бакунин прав, конечно, когда отвергает приписываемые ему в 1869 г. взгляды, которые он высказывал в 1848 г. Но он кругом неправ, когда пытается в пылу полемики опровергнуть обвинение, смысл которого заключается в том, что в его деятельности и в его высказываниях вплоть до 1863 г. были элементы панславизма, правда, революционного. В настоящем своем полемическом произведении он становится на точку зрения решительного отрицания, и этим, разумеется, ослабляет свою позицию. Позиция Бакунина была бы неуязвимой, если бы он признал, как это делал иногда в других местах своих писаний, что его увлечение славянским освобождением было, во-первых, увлечением далекого прошлого и, во-вторых, это было увлечением революционера, который хотел славянской революции в союзе с революцией немецкой. Он мог бы очень убедительно показать, что его увлечение славянским освобождением ни в каком случае не следует смешивать с движением славянских националистов, которые, мечтая об объединении славян, играли в руку царизму. Для понимания этого спора необходимо принять во внимание то политическое положение, в котором находилась Европа сороковых годов, пред лицом Российской империи, игравшей роль европейского жандарма, задушившей восстание в Венгрии в то самое время, когда славянские народы Австрии были орудием контрреволюции в руках австрийского правительства.

«Богемские и кроатские панслависты, — писал Энгельс в 1859 г., — работали прямо в интересах России, некоторые преднамеренно, другие не сознавая этого; они предавали дело революции из-за призрака национальности, которую в лучшем случае ожидала бы судьба польской национальности под русским господством» (см. Собр. историч. работ, изд. С. Скирмунта, Петербург 1906: «Революция и контрреволюция в Германии», стр. 330—331). Такая оценка была правильной и неопровержимой. Позднее сам Бакунин должен был признать это. «Прав вполне Маркс относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом. Русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья славяне своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде». (Письмо *Н. Жуковскому* — «Минувшие годы», октябрь 1908; *Замфир Ралли*, «Воспоминания».) А ведь эта оценка и была той самой, на которой настаивали Боркгейм и Гесс. Все дело заключалось в том, чтобы Бакунин сумел отмежеваться от панславизма, доказать, что его «панславизм» был не царским, не реакционным, а революционным. Сами немецкие демократы и социалисты разобраться в этих тонкостях не сумели бы. Они видели в прошлой, и не очень давней, деятельности Бакунина элементы панславизма, а Бакунин, вместо того чтобы распутать узел, с бешенством отрицал вообще какую бы то ни было причастность свою к панславистским идеям. Это обстоятельство и ставило его в тяжелое положение.

[93]) «La haute Finance et l'Empire» («Высшие финансы и империя»), Париж, 1869.

[94]) 1869 г., сентябрь.

[95]) Этот вывод делает сам Бакунин. Он упорно идет дальше, чем его противники, и подсказывает им обвинение, которого они не высказывали. Когда вся история с обвинениями Бакунина в шпионаже будет подробно и детально исследована, тогда будет видно, что немалую роль в распространении слухов о подозрительности Бакунина сыграл сам Бакунин. В этом смысле очень убедительны замечания Д. Рязанова в его «Очерках» о «навязчивой идее», заставлявшей Бакунина в нападках, по существу далеких от заподозриваний его политической честности, видеть намеки и скрытые подозрения его в шпионстве. Эта «навязчивая идея» Бакунина ждет еще своего исследователя.

[96]) Теодор Бек, в противоположность Бакунину, обладавший очень небольшим ростом и поэтому в шутку противопоставлявшийся иногда Бакунину.

[97]) Вильгельм Либкнехт.

[98]) Приводим это письмо Бакунина, как оно напечатано у Д. Рязанова в «Очерках», стр. 228—229. Там же читатель найдет анализ этого письма и всех обстоятельств, сопутствовавших инциденту Либкнехт — Бакунин и суду чести в Базеле. Письмо это Рязановым было воспроизведено по оригиналу, найденному в бумагах Беккера, и впервые опубликовано в 5-м томе «Архива» Карла Грюнберга. По черновику оно было воспроизведено у M. Nettlau в его литографированной биографии,

стр. 361, и перепечатано Гильомом в «L'Internationale», т. I, стр. 210—211.

«4 августа 1869 г., Женева, 123, Montbrillant.

Мой дорогой Беккер. Наш друг Вертгейм сказал мне и еще вчера вечером подтвердил в твоем присутствии, что господину Либкнехту, немецкому социал-демократу и честному человеку, угодно самым низким образом клеветать на меня. Он публично, в присутствии Вертгейма, утверждал:

1) что я русский агент: он якобы имеет неопровержимые доказательства этого;

2) что русское правительство благоприятствовало моему бегству из Сибири;

3) что основанием Альянса я со злым умыслом вбил клин в Международное Товарищество Рабочих;

4) что *одряхлевший* Беккер дал лукавому Бакунину себя провести.

Я опускаю прочие *мелочи*, из которых каждая, однако, заслуживает пощечины.

С другой стороны, тот же друг Вертгейм показал мне обращенное к тебе письмо господина Бебеля, где господин Бебель ясно высказывает предположение, что я, *вероятно*, агент России и, *вероятно*, действую заодно с господином Ю. Швейцером, как агентом Бисмарка.

Я имею, конечно, полное право привлечь к ответу и господина Бебеля, ибо ни один честный человек не должен позволять себе легкомысленным образом, по одним только слухам, распространять позорящие вещи о другом человеке, ему совершенно незнакомом. Но так как я имею основание предполагать, что духовным отцом всех этих низостей является также совершенно незнакомый мне господин Либкнехт, то на этот раз я хочу ограничиться им.

Я прошу тебя, дорогой Беккер, как друга и партийного товарища, я требую от тебя, как от брата нашего Альянса, в основании которого ты принимал столь живое участие, — чтобы ты заявил от моего имени господину Либкнехту, что я вправе, по крайней мере, ожидать от него, что, если он почему-нибудь находит удовольствие в том, чтобы оклеветать другого, то он должен иметь также мужество отвечать за это, и что прежде всего всякий обязан подтвердить свои слова достоверными доказательствами.

Теперь я даю ему месяц сроку, чтобы собрать против меня все возможные доказательства. На Базельском конгрессе он — либо должен будет публично доказать мою низость, либо же я, в присутствии всех, объявлю его бесчестным канальей или, выражаясь по-немецки, низким негодяем.

Твой друг *М. Бакунин.*

N.B. Я настаиваю, дорогой друг, чтобы это письмо было сообщено не только господам Либкнехту и Бебелю, но и всем участникам Эйзенахского конгресса, и, по возможности, было прочитано в публичном заседании конгресса».

[99]) Подразумевается Женевская секция Альянса.

[100]) Издатель журнала «Wiener Neustadter Wochenblatt», с января 1870 превратившегося в «Gleichheit».

[101]) Здесь так же, как и выше, Бакунин имеет в виду Женевскую секцию, о которой только и может итти речь, говорит как об Альянсе.

[102]) Это был Сентиньон из Барселоны.

[103]) О суде — см. *Рязанов*, «Очерки». Герцен в письме Огареву от 18 сентября 1869 г. (Собр. соч. под ред. Лемке, т. XXI, стр. 489) бросает мимоходом:... «a propos, какая же польза в jury Бакунина — Либкнехта, если это не напечатано, а если напечатано — пришли».

[104]) Это было написано в первых числах октября 1869 г. После этой даты Либкнехтом была напечатана в «Volksstaat» в апреле 1870 г. в №№ 31 и 32 статья Бакунина «О революционном движении в России», включенная в настоящий том, а 5 марта 1870 «Слово к русской молодежи», напечатанное Драгомановым в «Переписке» под заголовком: «Несколько слов к молодым братьям в России» (Женевское изд., стр. 463). Печатался затем в газете Боркгейм, так же как и Нечаев, жестоко отделавший Боркгейма. Так что объективность заставляет признать, что, каковы бы ни были взгляды Либкнехта на Бакунина (а он никогда не был его сторонником), как редактор Либкнехт был беспристрастным и не заслужил упреков, которыми награждал его Бакунин. Необходимо также подчеркнуть, что карандаш Либкнехта зачеркнул в одной из статей Гесса, напечатанной еще в «Демократическом еженедельнике», места, наиболее заостренные против Бакунина, сделав примечание о том, что редакция из партийных соображений опускает некоторые детали, приводимые автором корреспонденции (см. *Рязанов*, «Очерки», стр. 258).

[105]) Напечатано Либкнехтом в «Volksstaat» 5 марта 1870 г.

[106]) Бакунин говорит о явной деятельности Альянса. Но ведь в вину ему ставили *тайную* деятельность его организаций, которые ведь существовали.

[107]) Пропущено «Гора и г. Куллери», напечатанная в II томе «Oeuvres» (стр. 68—128).

[108]) III конгресс Лиги Мира и Свободы, состоявшийся вскоре после Базельского конгресса Интернационала (сентябрь 1869 г.).

[109]) Консортерия — имевшая большое влияние буржуазная организация, объединившая целый ряд государственных деятелей, захватившая в свои руки государственные должности и управлявшая некоторое время Италией.

[110]) Бакунин упорно пользуется термином «déplacée». Он, очевидно, имеет в виду то толкование, которое мы приводим в примечании 271 в смысле «безместный».

[111]) Поражения, нанесенные Гарибальди при Аспромонте и Ментоне.

[112]) На русском языке публикуется впервые. Указания на эту статью в русской печати впервые были сделаны Д. Б. Рязановым в его многократно упоминавшихся «Очерках по истории марксизма». Извлечена нами из газеты «Volksstaat», №№ 31 и 32, апрель 1870 г.

[113]) «Несколько слов к молодым братьям в России». Напечатано в «Переписке Бакунина с Герценом и Огаревым», под ред. М. П. Драгоманова, Женева, 1896, стр. 463.

[114]) Напечатано в наст. книге, вслед за этим письмом. См. примеч. 112.

[115]) Ломоносов был в Германии в 1736—1741 гг.

[116]) Первое письмо напечатано в «Volksstaat» в номере от 26 февраля 1870 г., второе — в номерах от 14 мая и 4 июня 1870 г.

[117]) Это утверждение Нечаева не соответствует действительности.

[118]) Нам неизвестно, когда Нечаев подвергался «розгам» и т. д. И эти утверждения относятся к области вымыслов, с помощью которых Нечаев пытался, с одной стороны, воздействовать на европейское общественное мнение, с другой — поднять свой революционный вес.

[119]) В газете фамилия Каткова ошибочно напечатана: «Камцов».

[120]) «Der revolutionäre Geist, welcher sich im December aufstande des Jahres 1825 zeigte, wurde leicht gegen die Polen und Türken hin abgeleitet». Русский перевод Боркгейма: «Революционный дух, показанный во время Декабристов (1825), легко отвлекался к Турции и Польше».

[121]) «Herzen ist tot. Bakunin ist für Deutschand in der Berliner «Zukunft» abgetan worden und damit sein Einfluss in Frankreich und England auf nichts gedruckt». Русский перевод Боркгейма: «Герцен умер; действие Бакунина относительно Германии было уничтожено в Берлинской газете и стало быть его влияние во Франции и Англии ничего не значит».

[122]) «Das Zusammenwirken der revolutionären Russen mit den revolutionären Westeuropän, kann erst dann von uns in Betracht gezogen werden wenn»—u. s. w. Русский перевод Боркгейма: «Русское революционное сообщничество с революционными людьми Запада... нами не может быть рассуждаемо прежде, чем»...

[123]) К этому месту письма редакция «Volksstaat» сделала следующее примечание:

«Наша цель самая простая в мире: *проникнуть до самого основания истины*, и, по всей вероятности, это будет достигнуто. «Автор русских писем» — *один из самых испытанных товарищей наших*, — мы вынуждены повторить это ввиду инсинуаций выше помещенного письма, — ответит сам, как только это ему позволит состояние его здоровья».

Ред. «Volksstaat».

[124]) Александр Александрович.

[125]) Старая воспитательница детей А. И. Герцена.

[126]) «Позвольте мне вам предложить эти кости». Прислуги было мало, пенсионеры сами передавали блюда (примеч. автора воспоминаний).

[127]) Н. А. Тучкова, вероятнее всего, преувеличивает, всерьез приписывая эту функцию Наташе Герцен.

[128]) «Хорошее время, где еще две личности, такие дорогие, такие близкие, заслоняли от меня невозвратимые утраты, которые пришлось перенести» (примеч. автора воспоминаний).

[129]) Ошибка. Нечаев был арестован в Цюрихе 14 августа 1872 г.

[130]) Речь идет о Центральном Бюро Альянса Бакунина.

[131]) «Юлия» — зашифрованное имя Бенуа Малона (Testu, I, 143). Но в другом шифре под именем «Юлия» (Julie) значится Henon, мэр Лиона (там же, 154). М. Неттлау в опубликованном им отрывке из этого письма (Michael Bakunin, Gesammelte Werke, т. III, стр. 93) на месте этого имени ставит Шарля Перрона.

[132]) Париж.

[133]) Бюро Альянса в Париже.

[134]) Бюро в Женеве. В ключе, опубликованном Тестю, под именем «Анна» значится Дюваль (I, 144). В данном случае мы считаем правильным имя, раскрываемое Максом Неттлау.

[135]) Речь идет о секциях Интернационала и Генерального Совета. «Капитал» означает людской состав и средства организации.

[136]) См. примеч. 132.

[137]) Бланкистская организация.

[138]) Огюст Бланки.

[139]) Неттлау предполагает «полиция». Но в ключе к шифру под именем «Луиза» («Louise») скрыт В. Жакляр. По смыслу письма догадка Неттлау правильна.

[140]) Жакляр.

[141]) Загорский.
[142]) И. Жуковский. } Члены бакунинского Альянса

[143]) Аристид Рей.

[144]) Эли Реклю и Джузеппе Фанелли.

[145]) К. Гамбуцци в Италии.

[146]) Здесь обрывается письмо в публикации М. Неттлау.

[147]) Из дальнейшего видно, что речь идет о самом Альбере Ришаре. Характерно, что часть письма, в которой не говорится об Альянсе, не зашифрована.

[148]) Кормье — член Лионской секции Интернационала. Имя и фамилия его не зашифрованы.

[149]) Ш. Перрон.

[150]) Здесь имеется следующая фраза, с очевидным пропуском, не поддающаяся переводу: «Vous avez dû recevoire un jour après que vous m'ayez expédié le vôtre».

[151]) А. Кормье.

[152]) Virginie Barbet (Виржини Барбэ), корреспондентка «Egalité»; владелица ресторанчика в Лионе. Имя ее «Виржини» встречается в разных местах переписки.

[153]) Шифр.

[154]) По смыслу письма «Луиза» не может здесь обозначать полицию. Очевидно, скрыто имя одного из политических противников.

[155]) Аристид Кормье и Карналь, члены Лионской секции Интернационала, обвинили Ришара в подделке мандата на один из конгрессов Интернационала. Состоявшийся суд чести окончился реабилитацией Ришара. Из документов, опубликованных О. Тестю в указанной выше книге, можно заключить о финале этой истории. Кормье и Карналь, а вместе с ними еще четыре человека были исключены из Лионской секции (Testu, т. I,

стр. 408). Вряд ли это исключение обошлось без давления Бакунина, который в одном из писем Ришару, писал: «Мы серьезно возьмем дело вашей чести в свои руки и доберемся до корней этой клеветы. Выкорчевать ее тем необходимее, что она имеет очевидную тенденцию пускать везде ростки». Выкорчевка, как видим, была произведена решительная. Надо, впрочем, сказать, что Бакунину не повезло с Альбером Ришаром. В январе 1872 г. он и его друг, Гаспар Блан, также бакунист, бежавшие после лионского восстания в Англию, открыто объявили себя бонапартистами. Их имена, как ренегатов, были преданы поруганию (см. Guillaume «L'Internationale», Paris, Stock, т. II, стр. 256).

[156]) Письмо это приведено в нашем предисловии к письмам Ришара в наст. книге, стр. 242—243.

[157]) А. Ришар потерял ключ к шифру, которым Бакунин пользовался.

[158]) Вероятно, Б. Малон.

[159]) Италия.
[160]) Испания. } По словарю, напечатанному у Testu.
[161]) Перрон.

[162]) Фанелли?

[163]) Генеральный Совет Интернационала.

[164]) Центральное Бюро Альянса в Женеве.

[165]) Сентиньон и Ф. Пелиссе.

[166]) Париж.

[167]) Аристид Рей.

[168]) Варлен.

[169]) Паликс.

[170]) Бастелика.

[171]) Россия.

[172]) Речь идет о С. Нечаеве и его товарищах в России. Отрывок настоящего письма опубликован на немецком языке М. Неттлау в книге, указанной выше.

[173]) Здесь обрывается отрывок, опубликованный М. Неттлау.

[174]) Париж.

[175] и [176]) По ключу, опубликованному у Testu — г. D. U. — Малон, а г-жа D. U. — Аристид Рей.

[177]) Варлен.

[178]) Париж.

[179]) Россия.

[180]) Ф. Сентиньон и Ф. Пелиссе.

[181]) Ф. Сентиньон.

[182]) Бастелика.

[183]) В предисловии к письмам Бакунина Ришару мы указывали, что располагаем не полным текстом письма от 1 апреля 1870 г. Когда настоящая книга была уже набрана, мы получили возможность ознакомиться с полным текстом, опубликованным в III томе «Архива Маркса и Энгельса». Приводим здесь недостающие у нас части этого

письма, как они напечатаны в указанной книге «Архива». Место каждого отрывка обозначено в тексте письма цифрой, заключенной в прямые скобки [ ].

1 апреля 1870 года.

Женева.

Дорогой друг!

[1.] Я все еще нахожусь здесь и со дня на день жду известия о прибытии родственника, о котором ты знаешь, чтобы выехать к нему навстречу.

В Женевском интернационале полная реакция. За мое отсутствие фабрика восторжествовала по всей линии, и не нашлось никого, чтобы помешать этому торжеству. «Egalité» превратилась в реакционную газету. Вот ее программа: кооперация и местническая политика буржуазного радикализма. Отныне Женевский интернационал будет играть только роль ступеньки для возвышения разных Перре и Гроссленов. Папа Беккер, ослабевший вследствие преклонного возраста, поплелся на буксире реакции: он тоже высказывается за местную политику.

Но душою и интриганским заправилою всего этого реакционного заговора является нечто вроде моего соотечественника, русский жидок Утин, тот самый, которого ты видел в Базеле. Это мелкий честолюбец худшего сорта. Завидуя созданной мне славе, он воспользовался моим отсутствием для того, чтобы оклеветать меня здесь самым гнусным образом, распространяя на мой счет самые нелепые слухи и самые грязные инсинуации. Ума у него нет, он неспособен сформулировать ни одной мысли, но он не лишен известного интригантского искусства, он льстив, пронырлив и неутомим в интриге. Сначала он обхаживал Перрона; теперь же он с ним даже не раскланивается. Он в дружеских отношениях с Перре, с Гроссленом, с Дюпле, с Кроссе, со всею грязною реакционною компанией, которою он пользуется для своего выдвижения. Благодаря им он посылается в качестве делегата от трех секций на съезд романской Швейцарии, который должен открыться 4 апреля в Лашодефоне, и, кроме того, избран в делегаты «Редакционною комиссиею» Egalité». Этот конгресс будет иметь весьма важное значение для будущности Интернационала в романской Швейцарии. Бой будет там ожесточенный. Он произойдет главным образом по вопросу о воздержании или участии рабочих в местной политике. Мы все, горные секции, стоим за воздержание. Женевские рабочие, в собственном смысле «фабрика» — за участие. В данный момент их представителем, их чемпионом является Утин.

Почти решено, что или наши горные друзья победят, и тогда федеральный совет и редакция «Egalité» будут переведены к нам, или же, если наши друзья потерпят поражение, то горные секции, а с ними, быть может, секции Лозанны, Веве, Невшателя, Берна, отделятся от Женевы для того, чтобы образовать отдельную федерацию. С своей стороны, женевская «фабрика» во всеуслышание заявила, что если конгресс отвергнет участие в местной политике, она отделится от горных секций. Утин

является редактором женевского проекта и будет его главным защитником. Если Женева одержит вверх, и если «Egalité» останется за нею, то Утин будет ее редактором.

Он, конечно, воспользуется этим, чтобы завязать сношения с французским социализмом. Поэтому, дорогой мой, я решительно, настойчиво прошу тебя, во имя нашей интимности, предупредить всех наших французских друзей и в особенности г-жу D. T., г-жу D. Z., г-на E. A., г-на D. U., не забывая г-на D. Z. *) об этой грязной и реакционной интриге. Утину должен быть объявлен бойкот со стороны нашего интимного круга как зловредной твари, и все хорошие люди, все те, кто прямо или косвенно идет с нами, должны остерегаться его, как чумы. Ибо его интрига вкрадчива, коварна, разрушительна. Предупреди же об этом всех тех, кто находится под твоим влиянием или под влиянием наших друзей.

Если наша партия потерпит поражение, то произойдет раскол и самостоятельная организация горных секций, а в таком случае нашим органом будет не «Egalité», а «Le progrès du Locle» («Локльский Прогресс»), который будет тогда перенесен в Невшатель под редакцией Гильома. В этом случае нам придется поддержать «Прогресс» своими корреспонденциями и доставлением ему многочисленных абонентов.

[2.] Прочел ли ты внимательно и дал ли прочитать нашим главным друзьям в с е письмо, которое я недавно переслал тебе через Швицгебеля, особенно вторую часть, заключение? Мне очень хочется получить от вас вполне определенный ответ на это заключение.

[3.] Провинция, по крайней мере главные центры, вроде Лиона, Марселя, Сент-Этьенна, Руана и других, не должны ждать парижских декретов для того, чтобы восстать и дать себе революционную организацию. Они должны подняться одновременно с Парижем и делать то, что должен делать Париж: отрицательную революцию и первоначальную организацию путем стихийного движения, так, чтобы федеральному революционному собранию делегатов от провинций и коммун не приходилось организовывать Францию, а чтобы оно явилось выражением организации, самочинно созданной на местах, — я имею в виду революционизированные центры, а не те пункты, которые еще будут пребывать в состоянии реакции.

[4.] Пожалуйста отвечай мне немедленно по адресу Перрона.

Преданный тебе *М. Б.*

Надеюсь, что скоро мы свидимся, причем я не явлюсь с полным ртом и пустыми руками.

[184]) В русском издании Драгоманова («Письма» — Женева),— название этого призыва: «Несколько слов к молодым братьям в России».

[185]) В воспоминаниях, указанных выше, А. Ришар приводит этот абзац в таком виде: «Encore un mot pour répondre à certaines idées fausses, que tu te fais parfois de mon rôle éventuel» и т. д. («Revue de Paris», № 17,

*) Варлена, Бастелика, Обри (в Руане), Малона, Паликса.

1896, стр. 133). М. Неттлау в указанном немецком издании (стр. 100) печатает этот абзац в таком виде: «Noch ein Wort. In einem deiner Briefe sagtest du mir, dass ich der Garibaldi der sozialen Bewegung werden könne» и т. д. Так как Неттлау опубликовал отрывок, предварительно сверив его с подлинником, этот абзац мы воспроизводим по Неттлау. В письме, следующем за этим (от 17 апреля 1870 г.), осталось неразобранным одно слово. В публикации «Архива Маркса и Энгельса» (стр. 370) на месте пропуска стоит фамилия Жуковского.

[186]) и [187]) Гильом и Сентиньон.

[188]) Гаспар Блан.

[189]) Карло Гамбуцци.

[190]) Андре Бастелика.

[191]) Джузеппе Фанелли.

[192]) Д. Гильому.

[193]) Ш. Перрону.

[194]) Н. Жуковский.

[195]) По догадке М. Неттлау — Бакунин здесь имеет в виду прусского короля или Бисмарка. Эту догадку повторяет и Гильом, опубликовавший часть этого письма в «L'Internationale», т. II, стр. 80).

[196]) Озеров (?).

[197]) В оригинале письма дата обозначена Бакуниным ошибочно «4 августа». Как можно видеть из текста, письмо было написано в сентябре.

[198]) На русском языке публикуется впервые. Извлечено нами из франц. изд. соч. Бакунина «Michel Bakounin. Oeuvres, t. IV, Paris, Stoc-Editeur, 1910, p. p. 229—240.

[199]) Гильом в примечаниях своих к письму отмечает неточность Бакунина. «Та часть рукописи, — сообщает Гильом, — из которой была извлечена брошюра, относится к периоду от 27 августа до 2 или 3 сентября».

[200]) Брошюра была напечатана Д. Гильомом с выпусками.

[201]) Приводим полностью письмо А. Ришара, которое здесь имеет в виду Бакунин, как оно опубликовано Оскаром Тестю в книге «L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe», Париж, 1872, т. II, стр. 277).

1 октября

«Господин редактор «Progrès».

Я прилагаю все усилия, чтобы написать вам это письмо в выражениях, достаточно сдержанных, чтобы вы согласились поместить его в вашей газете. Я мог бы, однако, с полным правом требовать его помещения, так как вы и ваши редакторы оклеветали нас таким образом, который я отказываюсь квалифицировать, чтобы квалификация эта не оскорбила вашего слуха.

Я предпочитаю думать, что только ваша полная неосведомленность о положении Франции вообще и в частности о том, что произошло 28 сентября, могла побудить вас к таким бесчестным речам.

Прокламация, которая вам так не понравилась, является одновременно и выражением искренних и глубоких убеждений и изложением мер,

абсолютно необходимых для спасения Франции. Благодаря этому она вдвойне заслуживает вашего уважения. Право, можно сказать, что вы, представители буржуазии, не сознаете опасности, угрожающей Франции. Вы воображаете, что нас могут спасти полумеры вроде займов, регулярных налогов, военной организации, сильно уступающей прусской военной организации. Так вот! Мы вам говорим, что вы ведете нас к гибели, и что мы не хотим следовать за вами!

Проведение в жизнь программы, выставленной в прокламации, не было целью манифестации 28 сентября. Она была просто требованием следующих мероприятий:

1) Смещение военных властей.

2) Выборность офицеров солдатами.

3) Реквизиция в зависимости от потребностей момента.

4) Освобождение военных, арестованных по причинам политическим или за нарушение дисциплины.

5) Занятие фортов национальной гвардией.

6) Неснижение заработной платы рабочих на верфях.

7) Организация и собрание в Лионе народного конвента спасения Франции.

В случае, если бы члены муниципального совета признали себя не в силах выполнить эти мероприятия, делегаты от манифестации должны были предложить им подать в отставку.

Другого плана не было: доказательство этому то, что наша внушительная манифестация была *безоружна*. Отсутствие в зале заседаний членов муниципального совета, отсутствие ответа заставило народ потерять терпение, и это явилось причиной того, что заняли ратушу, что обезоружили буржуазную национальную гвардию, что не стали слушать г. Энона (Hénon) и арестовали г. Шальмель-Лакур (Challemel-Lacour); согласитесь, что в подобные минуты народ имеет право потерять терпение.

Делегаты от народа остались в зале заседаний до прихода членов муниципального совета, в то время как *вооруженная* национальная гвардия, вслед за *безоружной* манифестацией окружила ратушу. Мы объяснили членам муниципального совета характер и цель манифестации. Не нашлось ни одного, кто осмелился бы ее осудить. Многие и в их числе г. Дюран (Durand), одобрили ее и заметили только, что муниципальный совет не может провести требуемых от него мероприятий. Мы ответили, что именно поэтому мы хотим, чтобы он или преобразовался в революционное собрание, или сложил свои полномочия. Я должен прибавить, что до манифестации пять или шесть членов муниципального совета приняло без всяких оговорок этот последний совет.

Спор не привел ни к каким результатам, и члены муниципального совета просили нас дать им время на обсуждение; ратушу окружали все больше и больше; но во внутренних дворах у нас еще были три или четыре сотни людей, которые, не знаю каким образом, вооружились и запаслись патронами; кроме того на нашей стороне было несомненное сочувствие нескольких тысяч граждан из батальонов Croix-Rousse, Guillotière и Brotteaux. Этого было более чем достаточно, чтобы удержать позиции.

И все-таки мы их сдали, так как мы не были уполномочены насилием заставить себя слушать.

Больше того, мы расстались в полном согласии с членами муниципального совета, и один из них, кажется гражданин Рюффэн (Ruffin), взобрался на стол и воскликнул, что у всех собравшихся здесь только добрые намерения, и что все они должны уважать друг друга и объединиться. Он позвал меня лично, торжественно пожал мне руку, и по предложению Бишофа (Bischoff), все присутствующие члены муниципального совета объявили, что против нас не будет возбуждено никакого преследования, а если таковое все же будет иметь место, они этому воспротивятся. Расстались мы все при единодушных криках: Да здравствует республика! Война пруссакам!

Таким образом мы не добились своего, но мы не вели себя так, как об этом говорите вы.

Как раз когда я кончал письмо, мне принесли сегодняшний номер «Progrès» с новым лживым рассказом о событиях 28 сентября. Автор готов, по его словам, назвать себя, если кто-либо усомнится в достоверности его рассказа. Так вот, пускай он назовет себя, так как я утверждаю, что он солгал, говоря: 1) что я совместно с Бишофом (Bischoff) и Бланом (Blanc) составил список членов нового комитета; 2) что были даны мандаты на арест довольно большого числа лиц; 3) что мы поинтересовались кассой префектуры; 4) что подписали продовольственные карточки на сумму 60 франков членам комитета. Отрешение от должности префекта могло быть с нашей стороны только предложением, но не постановлением. Что же касается генерала Мазюра (Mazure), я признаюсь, что он получил бы немедленную отставку, если бы это зависело от нас.

Все это правда, так как я отвечаю за свои действия, и не из породы трусливых. Многие из моих друзей были арестованы, и я едва избег той же участи.

Я кончаю, объявляя теперешним правителям: вам не в чем упрекнуть нас, и я даю вам дружеский совет не бросать нам вызова. Сейчас торжественный момент, мы ждем освобождения наших друзей.

Альбер Ришар».

[202]) «Король Ивето» — ироническое стихотворение Беранже «Le roi d'Ivetot», пустившее в ход насмешливое обозначение бессильных маленьких правителей с большими претензиями. Ивето—французский городок, до конца XVII в. — столица карликового самостоятельного королевства. Стихотворение это в переводе на русский язык см. 1) *П. Беранже*. Избранные песни. Составила Н. Татаринова, Москва 1922, стр. 35 («Легендарный Король») и 2) *Беранже*. Песни, под ред. П. Лернера, Петербург 1919, стр. 26 («Царь Додон»).

[203]) Извлечена нами из III тома немецкого издания сочинений Бакунина, вышедшего в 1924 г. Оригинал написан на французском языке и полностью никогда не был опубликован, за исключением некоторых извлечений, сделанных самим Неттлау и из его рук вошедших в оборот. Время написания рукописи относится к периоду между октябрем 1871 и февра-

лем 1872 г. Ввиду невозможности воспользоваться французским оригиналом, мы даем перевод с немецкого.

[204]) Речь идет о бюллетене с сведениями о рабочем движении, который должен был издавать Генеральный Совет и который остался неизданным из-за отсутствия средств. См. об этом в «конфиденциальном сообщении» («Письма Маркса к Кугельману, цит», изд., стр. 91).

[205]) Бакунин в разных местах своей переписки говорит о «National-ökonom», имея в виду понятие, ныне нами обозначаемое словами «политическая экономия». В переводе мы оставляем способ выражения Бакунина, обращая на это внимание читателя в настоящем примечании. В данном случае следует: политико-эконом.

[206]) Мадзини в газете «Roma del Popolo» выступил против Парижской Коммуны (апрель 1871) и позднее в июле того же года против Интернационала. Выступления Мадзини вызвали со стороны Бакунина отпор в его известной работе: «Ответ интернационалиста Мадзини» (см. Собр. соч., изд. «Голос Труда», Москва — Петербург, т. V).

[207]) Насколько в этом пункте Бакунин был несправедлив к Марксу, можно заключить хотя бы по тому, что Макс Неттлау принужден сделать здесь следующее примечание:

«Не желая отягощать этот перевод личными замечаниями, я все же хотел бы просто отметить здесь результат произведенного мною просмотра многих, во всяком случае, наиболее известных статей Маркса, относящихся к 1871 г., а также писем Маркса, изданных после его смерти и, следовательно, незнакомых Бакунину. Я никогда не мог найти у Маркса исключительного отношения к Германии, которое можно было бы хотя в самой отдаленной степени сравнить с национализмом Мадзини. Мне представлялось, что он прежде всего преклоняется перед экономической мощью Англии и ненавидит в то же время ее политическую систему. Человеческие симпатии у него имелись, может быть, только по отношению к Ирландии».

[208]) К этому абзацу сохранилась вставка, не включенная Бакуниным в рукописи. Содержание ее следующее.

«Если когда-либо представится надобность подтвердить это фактами — в доказательствах, как личного, так и иного характера, недостатка не будет

Такова полная и совершенная правда о Марксе, о всех сторонах его личности, хороших и плохих, полезных и неприятных.

Рассмотрим теперь его действительные заслуги перед Интернационалом. Мадзини несправедливо приписывает ему в этом деле отцовство. Это общество создалось не благодаря идее или воле одного или нескольких лиц, оно вышло из лона самого пролетариата. Его мать зовут «*нуждой*», а отца «*человеческим правом рабочего*». Маркс был здесь только глав-

ным и очень счастливым акушером. Это была уже достаточная услуга, оказанная им человечеству, так как рождение Интернационала — этого ребенка-великана — было нелегким делом, тем более что Мадзини, бывший тогда в Лондоне, не преминул употребить все приобретенное им влияние для того, чтобы помешать рождению, или, вернее, сфальсифицировать его. Он нарочно предлагал крестить ребенка в его веру, давши ему в крестные отцы теологию и буржуазию. Маркс положил в основу Интернационала требование *экономического равенства*, главного базиса и условия всякого иного равенства, организацию интернациональной мощи пролетариата без участия буржуазии и *возмущение* — мать и создательницу всякой свободы. Посреди всех инвектив и клеветнических выпадов против Интернационала, Мадзини все же остерегается упоминать о следующем твердо установленном факте: он несколько раз между 1862 и 1864 гг., через агентов своих, в частности, через небезызвестного Вольфа, отчасти через некоторых английских рабочих, на коих имел он непосредственное влияние, предлагал свою программу группе французских, бельгийских, английских, немецких, итальянских рабочих, обсуждавших принципы будущего Интернационала. Он предлагал им ту же политическую, антисоциалистическую и безгранично теологическую программу, что впоследствии стала программой злосчастного Fnaskcs, бессильного, неудачного, мертворожденного предприятия, названного Alliance Républicaine: Маркс противопоставил ему свою программу; она была принята, программа же Мадзини отвергнута. С этого времени Мадзини оставался совершенно в стороне от всех событий в Интернационале. Все, что он публикует об Интернационале, свидетельствует о его глубоком и позорном незнании предмета; незнание сие представляется сугубо позорным в связи с клеветническим его характером.

«Прежде чем писать об Интернациональном Товариществе, — говорит Мадзини (La Roma del Popolo, № 38), — я собрал по всем доступным мне источникам все имеющиеся заявления влиятельных его членов, сделанные как в устной, так и в письменной форме. Поступайте так же по отношению к нам». Казалось бы, приходится преклониться

перед подобным заявлением, сделанным таким человеком, как Мадзини. И вот, вы находите в № 31 той же газеты в статье Мадзини (Cenno Storico, II, стр. 26, столбец 2) такое замечание: «Желающие познакомиться с документами, подтверждающими эту беглую историческую справку — благоволят обратиться к «Die Internationale [Arbeiter] Association».

[209]) См. примеч. 205.

[210]) Такая трактовка воззрений Маркса по славянскому вопросу говорит о том, что под слоем бакунинского интернационализма покоились неистребленными целые пласты самого доподлинного национального или националистического мировоззрения его юности. Приписывание Марксу помыслов «германизировать» славян, чувств «немецкого патриота», столь же чудовищно, как приписывание самому Бакунину роли русского агента. Только зрению, ослепленному полемической страстью, это могло казаться правдоподобным. См. об отношении Маркса к славянам в нашей книге «Бакунин», т. I (второе издание), стр. 234—235 и 414—415.

[211]) Здесь Бакунин странным образом умалчивает о первоисточнике клеветы. Слух в «Neue Rheinische Zeitung» всплыл лишь после того, как пустил корни в среде польских эмигрантов. В своей «Исповеди», где Бакунин не задавался полемическими целями, он излагал эту историю в соответствии с действительностью. См. об этом нашу книгу о Бакунине — стр. 182—184, 236 — 238 и 416—422, а также «Исповедь» в «Материалах для биографии», т. I, стр. 127 — 128.

[212]) Приводим это письмо, опубликованное М. Неттлау в указанном немецком издании. Оно было напечатано в «Neue Oder Zeitung» в Бреславле № 151, перепечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 46 от 16 июля 1848 г.

«Madame!

Вашим именем воспользовались для распространения клеветнических слухов на мой счет. Только что я прочел в «Новой Рейнской Газете» № 36 (6 июля) такое сообщение из Парижа:

«Париж 3 июля. Здесь, несмотря на наше внутреннее брожение, очень внимательно следят за борьбой славянства в Богемии, Венгрии и Польше. Что касается славянской пропаганды, нас вчера уверяли, что Жорж-Занд удалось получить документы, сильно компрометирующие высланного отсюда русского М. Бакунина. Они представляют его, как орудие или завербованного в последнее время агента России, который в значительной мере повинен в не-

давних арестах несчастных поляков. Жорж-Занд показывала эти письма кое-кому из доверенных лиц. Мы ничего не имеем против славянского государства, но таковое государство никогда не может осуществиться благодаря предательству по отношению к польским патриотам».

Мне нет надобности разъяснять вам серьезное значение этого обвинения. Либо корреспондент лгал, либо его сообщение имеет какое-нибудь основание. В первом случае я настойчиво прошу вас, во имя симпатии, которую вы постоянно мне высказывали, открыто обвинить его во лжи.

Примите во внимание, Madame, что здесь дело идет о моей чести, на которую посягнули самым недостойным образом, прикрываясь вашим именем. Примите во внимание также то обстоятельство, что эти слухи порочат меня как раз в тот момент, когда я больше всего нуждаюсь в доверии для прекрасного дела, которому служу.

Если же, вопреки моим ожиданиям, Madame, эти слухи действительно исходят от вас — я обращаюсь уже не к симпатии вашей, а к вашему чувству справедливости и к вашей честности. Я слишком уважаю вас и слишком ценю ваше благородство и добросовестность, чтобы предположить, что вы могли легкомысленно выставить против меня подобное обвинение, не убедившись прежде сами в его справедливости. Доказательств у вас не могло быть, так как не может быть доказательств несуществующего факта. Мне приходится предполагать, что в ваших руках имеются крайне веские ложные доказательства, которые могли вас самих ввести в заблуждение.

Я предлагаю вам немедленно предать гласности все документы, которые меня, будто бы, компрометируют для того, чтобы дать мне возможность разобраться в них и установить виновника столь бесстыдной клеветы.

Я имею право этого требовать, так как, обвиняя меня, вы взяли на себя передо мною и перед обществом священную обязанность, а именно: обязанность представить доказательства этого обвинения.

Честь имею... и т. д.

М. Бакунин.

Несколько вариантов-черновиков Бакунина, посвященных разоблачению этой клеветы и относящихся к тому же самому периоду, когда было написано письмо Жорж-Занд, опубликованы нами в примечаниях к первому тому нашей работы о Бакунине (стр. 417—420).

[213]) См. стр. 237 нашей книги «Бакунин».

[214]) В «Докладе военному суду» в Праге (см. «Материалы для биографии Бакунина», т. I, стр. 59 и дальше) говорится, что Бакунин, вместе с другими присужденными к смертной казни, был помилован, вследствие поданного ими прошения (стр. 60). Самого прошения в делах, хранящихся в Древденском государственном архиве, мы не разыскали. Принимая во внимание скрупулезную точность немецких судебных чиновников, вряд ли можно допустить, что это утверждение вымышлено. Вообще в «делах» не сохранилось многих документов, которые должны были бы в них находиться. Значительная часть бакунинских документов, хранившаяся в «Justiz-Palast» в Вене, погибла при пожаре во время июльского восстания 1927 г.

[215]) См. *Д. Рязанов*, «Очерки», стр. 210 и дальше. Здесь приведено письмо Маркса и целый ряд фактов, освещающих эту встречу.

[216]) Письмо это, публикуемое на русском языке впервые, было первоначально помещено М. Неттлау в его рукописной биографии (стр. 649—651) и включено в III том немецкого издания сочинений Бакунина изд. «Syndikalist» (стр. 170—175). Лишь после этого письма, убедившись в прочности революционных симпатий Набруцци и его друзей, Бакунин написал ему то большое инструктивное послание, которое следует у нас за настоящим письмом и в котором намечались уже практические шаги и ряд организационных мероприятий.

[217]) Fascio operajo — рабочий итальянский союз, образовавшийся в Болонье 27 ноября 1871 г. В манифесте, выпущенном обществом, так определялись его задачи.

«Как вольнодумцы, мы не поклоняемся никаким идолам. Мы ждем спасения не от бога, а от нас самих, от наших жалких сил, мы хотим все сделать сами. Как друзья света, мы не устраиваем заговоров во тьме, мы открыто заявляем, чего хотим. Мы хотим *свободы* с порядком, *равенства* с правом, *братства* с трудом... Все эти основания побудили нас сорганизоваться в общество под именем Fascio operajo и, так как мы убеждены... что социальный вопрос пролетария — не национальный, а мировой вопрос, мы хотим объединиться с рабочими других наций в тесный союз солидарности и совместной работы, так как все они наши братья»...

Общество стремилось к созданию итальянской федерации из независимых местных организаций. Вместе с тем оно ставило себе интернациональные задачи.

[218]) Эрминио Пескатори из Болоньи.

[219]) Чельсо Черетти. Гарибальдиец, сделавшийся бакунистом.

[220]) В месте пропуска в оригинале имеется фраза, не поддающаяся переводу: «Garibaldi... est au fait, c'est ne pas une idée».

[221]) Lucca — Ч. Черетти,

[222]) Paolo—Биццони, Marco — В. Пецца.

Письмо это Бакунин переслал Набруцци через Винченцо Пецца, который, переправляя его, сделал от себя следующую приписку:

«Что вы скажете о программе Сильвио? Скажите мне откровенно свое мнение. — Сильвио — революционный феномен, однако, индивидуальные ученья не должны служить у нас догмой. Я присовокупляю к этому то, о чем Сильвио не говорил: эта программа должна быть известна только немногим и самым близким; организационная работа может продолжаться на общих основах Интернационала, а именно, на основах солидарности между всеми сыновьями труда. Однако, лежащий в основе Интернационала принцип автономии, без которого Интернационал превратился бы в большую, тиранически-дисциплинированную силу в руках одного или нескольких лиц, этот принцип позволяет вам объединиться с Интернационалом, не подчиняясь при этом какой-либо системе, и дает в то же время возможность вкусить все преимущества интернационализма. — Моя мечта, чтобы юная итальянская демократия, которая берет на себя дело пролетариата, самостоятельно проявила себя, вне индивидуальных влияний, коллективным путем и в определенной форме на основании свободно и всеобще принятой программы»...

[223]) Рубиконе — Людовик Набруцци.

[224]) «Рабочий Союз», организованный в Болонье в 1871 г.

[225]) «Моя вина, моя великая вина».

[226]) «Освободи место, негодяй, чтобы я мог его занять».

[227]) Hins — один из виднейших бельгийских бакунистов.

[228]) Это противопоставление «теорий» марксизма и бакунизма обнаруживает, что Бакунин плохо знал «теорию» своего противника, с которым боролся. Приписывание Марксу, как конечного идеала, «государства» — это значило извратить «теорию» Маркса, представить ее в совершенно ложном свете. Бакунин делал это не умышленно, так как его представление о марксизме было неправильным. Как смотрел Маркс на государство и на будущее общество, см. *Ленин* «Государство и революция».

[229]) Карло Гамбуцци и Джузеппе Фанелли.

[230]) Здесь Бакунин сгоряча перехватил через край. Макс Неттлау принужден исправить это показание: «Неизвестно, чтобы во время войны 1870—1871 гг. имело место что-либо подобное, — замечает он в примечании (указ. изд., стр. 193). — Лафарг приехал в Мадрид только в декабре 1871 г. Бакунин написал 18 и 19 декабря 1871 г. большое письмо Сентиньону и Фарга Пеллиссе в Испанию и получил письмо от Сентиньона только 3 января. Письмо к Рубикону — от 23—26 января 1872 г. Таким образом, в то время было еще мало известно о только начинавшейся деятельности Лафарга, но в письме Сентиньона, пожалуй, могло уже быть сообщение о присутствии Лафарга в Мадриде. Что касается Италии, здесь, поскольку я вижу, может итти речь только о Кафиеро, который, по приезде своем летом 1871 г. в Неаполь, чувствовал себя прежде всего уполномоченным Энгельса. Об этом Бакунин должен был точно знать от Палладино и других; решительный разрыв Кафиеро с Марксом тогда еще не успел произойти. Иначе не могу объяснить это место; если бы здесь участвовали

еще какие-либо другие лица, упоминание о них должно было бы, несомненно, встретиться в одном из многочисленных источников».

[231]) Николай Утин.

[232]) Еженедельная газета, издававшаяся в Болонье, начала выходить с конца декабря 1871 г. Правильнее «Il Fascio operajo».

[233]) Джузеппе Фанелли.

[234]) Состоялся 24 и 25 декабря 1871 г. в Брюсселе.

[235]) См. выше примеч. 224.

[236]) Винченцо Пецца.

[237]) Эрминио Пескатори.

[238]) Чельсо Черетти.

[239]) Зашифрованные имена, зашифрованная подпись, предупреждения, чтобы имя Бакунина, как автора, оставалось неизвестным, — все это не улавливается «моральной» точкой зрения Макса Неттлау. А ведь тайная деятельность Бакунина, охватывавшая несколько стран, объединяла подпольно ведущуюся борьбу против Генерального Совета, во имя его «великой перестройки». Если с «моральной» точки зрения М. Неттлау *политическая* деятельность Бакунина в недрах Интернационала, направленная против Генерального Совета, вполне может быть оправдана, почему он отказывает в «моральном» оправдании Марксу, вождю этого самого Генерального Совета, против которого глубоко под землей, за его спиной, велся систематический подкоп, имевший целью уничтожение этого самого Генерального Совета, законно избранного законными конгрессами? Этого противоречия нам Макс Неттлау не об'яснит именно потому, что «моральная» точка зрения, с которой он обозревает все события, является точкой зрения субъективной, извращающей смысл событий и не дающей возможности человеку, стоящему на ней, видеть их в правильном свете.

[240]) Настоящие письма, являются частью той секретной зашифрованной переписки, которую Бакунин вел со своими «интимными друзьями», членами тайного «содружества», как Макс Неттлау называет организованный Бакуниным круг своих единомышленников. Характер писем делается ясным с первых же страниц: это «конфиденциальные» сообщения, исходящие из центра тайного общества, организованного в самом «лоне» Интернационала, как замечает Бакунин, имеющие целью организовать внутри Международного Товарищества Рабочих силы, враждебные господствующему в Генеральном Совете марксистскому ядру. Письма эти всецело подтверждают обвинение, выдвинутое против Бакунина на Гаагском конгрессе, смысл которого заключался в том, что Бакунин «пытался основать» и, «может быть, основал в Европе общество под названием Альянс с уставом, совершенно отличным в социальном и в политическом отношении от устава Международного Товарищества Рабочих».

Письма Бакунина вызваны были распадением тайного Альянса в Мадриде, основанного по его поручению итальянцем Джузеппе Фанелли.

[241]) Т. Г. Мораго.

[242]) Джузеппе Фанелли.

[243]) Борьба между марксистами и бакунистами в Испании разгорелась вскоре после появления в Мадриде Поля Лафарга (конец 1871 г.).

[244]) Макс Неттлау, равно как и Джемс Гильом, не обращает достаточного внимания на эти и подобные заявления Бакунина, которые нельзя же в самом деле считать легкомысленными заявлениями с целью «втереть очки» уважаемым «союзникам и братьям». Говоря о «правиле», «которое вошло в практику групп Альянса», Бакунин, вероятнее всего, имел в виду роспуск Швейцарского Альянса в 1869 г. и новый состав его после соответствующего «отбора» достойных. Во всяком случае «игнорировать» подобные заявления Бакунина никак невозможно. Это могло бы иметь смысл лишь в том случае, если бы исследователи доказали, что все бакунинские разговоры о конспирациях, тайных организациях, Альянсе и т. п. были сплошным «блефом». Но ведь такого отношения ни со стороны друзей, ни со стороны врагов Бакунин еще не заслужил. Поэтому приходится всерьез принимать все те практические замечания, которыми Бакунин помогал своим друзьям наладить порвавшиеся нити конспираций.

[245]) Здесь рукопись обрывается. В месте, обозначенном пропуском, следует вставить «силу». Дальнейший текст по другому отрывку, который представляет собой более краткую редакцию того же письма. Первые 16 строк этой краткой редакции, передающие сжато все изложенное выше, опущены.

[246]) Альянс.

[247]) Испания.

[248]) Интернационал.

[249]) Мадрид.

[250]) Неттлау делает пояснение: вернее «социальными».

[251]) Здесь рукопись обрывается.

[252]) Рукопись без конца, который потерян.

[253]) Альянс.

[254]) Речь идет о системе общинной, коммунальной организации на основе федерации автономных общин. После Парижской Коммуны это направление носило имя «коммунализма».

[255]) Неясно написанный абзац: «идеи... будут... вырабатывать свои собственные мысли и теории» и т. д.

[256]) Одним из своих постановлений Лондонская конференция, состоявшаяся в сентябре 1871 г., безусловно воспрещала образование международной секции Интернационала в виде тайного общества.

[257]) Это одно из крупнейших заблуждений Бакунина вызвало следующее примечание Макса Неттлау.

«Бакунин так же мало был осведомлен в подробностях о делах Маркса, как этот последний — о делах Бакунина. Выше приведенное утверждение Бакунина, как мы теперь знаем, не соответствует истине и объясняется субъективными причинами. Летом 1848 г. Маркс, по словам самого Бакунина, рассказал Бакунину о Союзе Коммунистов, а систематическая злобная травля Бакунина лицами, которых он считал товарищами, или орудиями Маркса, укрепила в нем предположение о существовании около

Маркса тесной группы или тайного общества. Отсюда — вышеприведенное утверждение, которое объясняет нам также, почему Бакунин так долго держался вдали от Интернационала: он хотел сначала противопоставить авторитарной группе, действовавшей, по его мнению, внутри Интернационала вокруг Маркса, *сильную анти-авторитарную группу*, которая начала создаваться лишь в 1864 г.».

[258]) И этому утверждению, неправильному в корне, М. Неттлау посвящает следующее примечание:

«Насколько мне известно, со времени большого процесса коммунистов в Кельне в начале 50-х годов, таких процессов в Германии не было. Кажется, только один Лассаль в Дюссельдорфе поддерживал некоторые сношения с бывшими членами союза, но и у него произошел с ними конфликт. При пробуждении рейнского рабочего движения в дни расцвета Лассаля и впоследствии кое-где снова работали старые члены союза; но о их связи с прежней организацией не было и речи».

[259]) Ошибка. Бакунин познакомился с Марксом в Париже, вернее всего в конце 1844 г.

[260]) Слово «обвиняет», отсутствующее в рукописи, вставлено М. Неттлау.

[261]) F. E n g e l s. Der deutsche Bauernkrieg, русск. издание Госиздата, 1926 г., «Крестьянская война в Германии», с пред. Д. Рязанова и примеч. Ц. Фридлянда.

[262]) В ноябре 1864 г., возвращаясь в Италию из Англии, Бакунин был в Париже.

[263]) Бакунин говорит о «феодальных банках» («Banques féodales»). Неттлау, полагая, что это описка, переводит «Privat banken».

[264]) Отсюда начинается третий отрывок, являющийся, по замечанию Неттлау, проектом окончания предшествующего письма.

[265]) Письмо к Франческо Мора, посланное через Алерини, вместе с словарем, шифром, оказалось переданным Лафаргу или Марксу. Письмо это фигурировало в комиссии Гаагского конгресса и было опубликовано в 1873 г. в брошюре об Альянсе. Подобно предыдущим отрывкам, оно на русский язык переведено не было, краткие извлечения из него встречались. М. Неттлау это письмо считает доказательством того, «что в то время не существовало формальной организации *вне пределов Испании, что союзники и ближайшие*, интимные товарищи были почти одно и то же».

[266]) Съезд в Валенсии 10—18 сентября 1871 г.

[267]) Речь идет о Лондонской конференции.

[268]) В Сарагоссе, в апреле 1872 г.

[269]) См. примеч. 244. М. Неттлау упорно не хочет верить утверждениям М. Бакунина. Последний настойчиво заявляет о существовании в Италии (значит — *«вне пределов Испании»*) «нашего дорогого Альянса», а его биограф столь же настойчиво не желает соглашаться с руководителем этого самого Альянса.

[270]) Неттлау вносит здесь поправку в текст, опубликованный в указанной брошюре: в тексте напечатано «интересы».

[271]) Здесь большая неясность, которую может разрешить только исследование подлинника письма. Последний, очевидно, не был в руках Макса Неттлау. В брошюре напечатано «déplacée». Неттлау задает вопрос: «но разве возможно здесь значение находящегося не на своем месте?» Поэтому он, полагая описку, восстанавливает слово «деклассированный» «déclassée». Рассмотрение оригинала выяснило бы прежде всего подлинную транскрипцию слова. Если же Бакунин написал «déplacée», то не хотел ли он выразить именно «сдвинутый с места», «лишенный места», безместный, безработный?

Воспроизводим письма с новейшего немецкого издания (указанное изд. Gesammelte Werke, Berlin, Band III), проредактированного и снабженного примечаниями Макса Неттлау. Все существенное, содержащееся в его примечаниях, нами использовано для настоящей публикации.

[272]) Приводим текст «протеста», о котором говорит Бакунин:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены меньшинства Гаагского конгресса, сторонники автономии и федерации рабочих групп, стоя перед фактом голосования в пользу постановлений, которые кажутся нам противоречащими принципам, принятым в представляемых нами странах, но в то же время горя желанием избежать всякого раскола в интернациональной рабочей ассоциации, вносим следующее заявление, предлагаемое (в будущем) нами на утверждение делегировавших нас секций:

1. Мы будем продолжать свои административные сношения с Генеральным Советом во всем, что касается уплаты членских взносов, корреспонденции и статистики труда.

2. Представляемые нами федерации установят между собою и всеми законно сконструированными ветвями Интернационала прямые и перманентные отношения.

3. В случае вмешательства Генерального Совета во внутренние дела какой-либо федерации, федерации, представляемые нижеподписавшимися, солидарно обязуются сохранить свою автономию, поскольку они не пойдут по пути, прямо противоречащему уставу Интернационала, принятому на Женевском конгрессе (1866 г.).

4. Мы приглашаем все секции и федерации подготовиться к следующему конгрессу для того, чтобы в Интернационале, в качестве основ организационной работы, одержали верх принципы федеративной автономии.

5. Мы открыто отвергаем всякие сношения с так называемым универсальным (всеобщим) федералистическим советом в Лондоне и с другими, подобными ему, чуждыми Интернационалу организациями.

Alerini, Farga Pellicer, Morago, Marselan — делегаты от Испанской федерации; Brismée Coenen, Fluse, Vander Abeele, Eberhardt — бельгийские делегаты; Schwitsguebel, Guillaume — юрские делегаты; Dave, Gerhard — голландские делегаты; Sauva — американский делегат».

[273]) Гаагский конгресс решил перенести местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк.

[274]) Макс Неттлау, который, как известно, не ставит своей целью реабилитацию Маркса от обвинений Бакунина, в примечаниях своих к

немецкому изданию письма (указанное изд., т. III, стр. 232) считает долгом умерить обвинительный пыл Бакунина:

«Я очень далек от того, — пишет он, — чтобы прикрашивать поведение Маркса в Генеральном Совете. Однако я хочу отметить, что вся деятельность Генерального Совета соответствовала формам, принятым в английских политических организациях. Все английские члены Совета, во всяком случае, давно были точно знакомы с этими формами. Центральный, позднее Генеральный, Совет, избранный организационным собранием 28 сентября, вырастал непрерывно численно, пополняясь как представителями вступивших в него или присоединившихся к нему лондонских организаций, так и лицами различных национальностей, вступавшими в Совет по рекомендации двух его членов. Он превратился, таким образом, во внушительное собрание из 30, 40, 50 лиц, из которых только незначительная часть принимала постоянное участие в работе; остальные приходили, уходили и многократно сменяли друг друга. С самого начала были избраны секретари для отдельных стран, генеральный секретарь, кассир и подкомиссия (subkommitee),— о ней говорит здесь Бакунин, — которые предлагали на обсуждение Генерального Совета текущие дела в еженедельных заседаниях Генерального Совета и затем выполняли полученные от Совета инструкции. Постепенно выработался обычай ставить на циркулярах наряду с именами присутствовавших членов Генерального Совета также имена отсутствовавших, которые знали об этом. В виду того, что принято было об этом сообщать лишь через неделю и проводить это на следующей неделе, они имели возможность занять определенную позицию по отношению к данному вопросу. Благодаря индиферентности английских членов, за исключением немногих, к частностям движения на континенте subkommitee и секретари получали в этой области все более полную свободу действий. Таким образом были приняты некоторые решения, которые впоследствии послужили причиной многих споров. Английские члены при желании всегда имели бы возможность изменить в данном случае положение вещей».

[275]) Джулио *Альберони* — честолюбец и интриган, испанский дипломат, руководивший испанской политикой в начале XVIII века.

[276]) Любопытно сравнить это утверждение с той структурой тайного общества, как его намечал сам Бакунин в проекте 1866 г., напечатанном в настоящей книге. Он упорно обвинял Маркса в тех самых грехах, в которых был повинен сам, по крайней мере тайно. «Установление при помощи Интернационала революционной диктатуры» — не только в Европе, но во всем мире — ведь это было главной, затаенной целью, для достижения которой создавались все тайные проекты Бакунина. См., напр., письмо испанцу Мораго в настоящей книге, где Бакунин говорит о главной задаче тайного Альянса — о «незримом руководстве» международным революционным движением.

[277]) Необходимо отметить, что антисемитизм Бакунина, прорывающийся весьма часто на его страницах, не находит оправдания даже в глазах его нынешних последователей. Макс Неттлау, который своими рабо-

тами стремится освободить облик Бакунина от всех и всяческих обвинений, которым он подвергался, по поводу антисемитских ноток, высказывается следующим образом:

«Подобные характеристики, вроде известной бакунинской характеристики евреев, в подтверждение коим можно привести немного примеров и бесчисленное множество контр-примеров, не способствуют примирению народов и интернационализму. Дело в том, что интернационализм был еще слабо развит у людей, которые, подобно Бакунину, перешли к нему непосредственно от национализма. Слабости же таких людей наследуются наиболее стойко; они находят у своих слушателей самую благоприятную почву, в то время как благородные идеи с широкой перспективой вербуют себе последователей с гораздо большим трудом.

Ввиду этого современный читатель должен оставлять подобные места без внимания и строить свое собственное суждение. Сам Бакунин блестяще разъясняет, что он никогда не подчинялся ничьему авторитету, кроме авторитета специалистов в их специальности. Мы учимся у Бакунина— социального критика и смелого поборника свободы; это — его специальность. Его взгляды в других областях для нас не обязательны, если мы, действительно, анархисты».

Все это, разумеется, очень мягко, но по существу не одобрительно.

[278]) В те дни, когда писалось это письмо (начало октября) решался вопрос о судьбе С. Нечаева, арестованного с помощью предателя Стемпковского. Выдачи Нечаева, как уголовного преступника, требовало русское правительство.

[279]) В рукописи дата Бакуниным не проставлена.

[280]) Более подробные и правильные сведения см. в первом томе нашей работы «Бакунин». Второе издание 1925. Стр. 236—237 и 416—422.

[281]) Так называемое «конфиденциальное сообщение». Было опубликовано на русском яз. (см. «Письма Маркса к Кугельману», перев. с нем., под ред. с пред. Н. Ленина). Бакунин ошибается, утверждая, будто «сообщение» было Марксом выпущено на трех языках. Оно было приложено только к немецкому циркуляру Генеенерального Совета, отправленному Марксом Брауншвейгскому комитету, в адрес Л. Кугельмана (см. об этом у *Д. Рязанова* «Очерки по истории марксизма», изд. «Московский рабочий», М. 1923, стр. 272 и дальше).

[282]) Бакунин ошибается, приписывая Марксу это предложение о «подпольной работе». Место «конфиденциальнэго сообщения», говорившее о «незаметной», «невидной» работе в противоположность шумной, со «звоном и громом рекламы» было понято Бакуниным в смысле «подпольной», т. е. тайной деятельности внутри Интернационала. Ошибку эту разделял с Бакуниным его друг Гильом, лишь спустя 30 лет узнавший об этом. См. *Д. Рязанов*, «Очерки», стр. 275—276, а также Guillaum «L'Internationale», т. I, стр. 265. Впрочем, эту ошибку они делали, следуя тому толкованию, которое навязывала конфиденциальному сообщению прокуратура в лейпцигском процессе о государственной измене, где обвиняемыми были Бебель и Либкнехт. И. Бакунин и Гильом впервые позна-

комились с «конфиденциальным сообщением» по судебным отчетам, напечатанным в «Volksstaat».

283) Здесь некоторая неясность терминологии Бакунина. Он говорит «Le vrai capital du commerce mondial». М. Неттлау переводит: «действительная столица мировой торговли» (Welthandels). Но по смыслу «мировая торговля» или «мировой обмен» неполно выражает ту мысль, которую высказывает Бакунин. Мы поэтому переводим эти слова как «мировой капитал».

284) По всей вероятности Бакунин имеет в виду письмо Энгельса, адресованное Карло Кафиеро. Последний, как известно, некоторое время был близок Энгельсу, но позднее перешел на сторону бакунистов и сделался ярым поклонником и другом Бакунина. Энгельс вел с ним переписку, и переписка эта, посвященная организационным вопросам, сделалась позднее известной Бакунину. См. G u i l l a u m e, II, 286.

285) Бебель и Либкнехт резко выступили 18 июля 1870 г. в северогерманском рейхстаге во время обсуждения вопроса о военных кредитах против войны и воздержались от голосования (четыре остальных депутата социал-демократа голосовали за военные кредиты). Либкнехт, редактировавший «Volksstaat», напечатал в этой газете воззвание французских интернационалистов против войны. Когда в ноябре 1870 г. происходило в рейхстаге второе голосование военных кредитов, на продолжение войны — против отпуска кредитов голосовали уже все представители социал-демократии. После этого выступления немецких интернационалистов против войны с Францией Бебель и Либкнехт были арестованы, обвинены в государственной измене и по лейпцигскому процессу получили каждый по 2 года крепости. Бакунин не может отказать им в подлинно- интернационалистском поведении.

286) Цитата не точна. Маркс говорил о том, что война «перенесла центр тяжести рабочего движения на континенте из Франции в Германию» («Dieser Krieg hat den Schwerpunkt der kontinentalen Arbeiterbewegung von Frankreich nach Deutschland verlegt»).

287) Намек на еврейское происхождение Н. Утина, не бывшего «соотечественником» Маркса.

288) Бакунин имеет в виду брошюру «Die angebliche Spaltungen in der Internationale» («Мнимый раскол в Интернационале»). Отрывки из этой брошюры напечатаны в приложениях к настоящему тому.

289) Любопытно сопоставить это мнение Бакунина с тем, которое он высказывал об обществе «Земля и Воля» в Швеции в своей речи на торжественном банкете. Вся деятельность Бакунина 1863 г. говорила о том, что, вопреки словам Потебни, он все-таки переоценивал силы и значение этого общества. Впрочем, презрительная оценка его становится понятной, если мы примем во внимание, что за время с 1863 г. Бакунин второй раз успел разочароваться в тайных революционных начинаниях русской молодежи, в которые увлек его Нечаев.

290) «Что это за господин, который всем объявляет, что он вам сторонник, а не сторонник Герцена».

[291]) Отрывки из этого «циркуляра» приведены нами в приложениях к настоящему тому. Циркуляру этому предшествует известное «конфиденциальное сообщение», знакомство с которым необходимо для правильного понимания «циркуляра». Не воспроизводим здесь «конфиденциального сообщения» потому, что оно издано на русском языке — см. «Письма К. Маркса д-ру Кугельману», перевод под ред. с предисловием Н. Ленина, Государственное издательство, Петербург 1920.

[292]) Речь идет о Н. Утине.

[293]) М. Неттлау в примечании указывает, что согласно установившемуся порядку все публичные официальные заявления, делавшиеся от имени Генерального Совета, подписывались всеми его членами. Вряд ли прав Бакунин, полагая, что члены Генерального Совета не читая ставили свои имена под «циркуляром». Ставя свои подписи под «циркулярами» Генерального Совета, члены его отдавали себе отчет в том, что они делали.

[294]) См. письмо Бакунина Рубикону (стр. 316 настоящей книги). На Бельгийском конгрессе в мае 1872 г. бакунисты предполагали провести изменение устава Интернационала.

[295]) Речь идет о Карло Кафиеро; время — август 1873 г.

[296]) В 1874 г. Кафиеро ездил в Россию, чтобы жениться бы на Олимпии Кутузовой. В июле того же года Кафиеро вернулся из поездки.

[297]) Слово осталось в рукописи неразобранным.

[298]) То же.

[299]) Эмилио Беллерио — один из соратников Бакунина; Варфоломей Зайцев — русский эмигрант, друг Бакунина; Кьеза — знакомый Бакунина, не принадлежавший к числу соратников; д-р Якоби — русский, родственник В. Зайцева; Острога — В. Мрочковский; Гаввирати — знакомый Бакунина, не принадлежавший к кругу соратников.

[300]) Брошюра «L'Alliance de la Démocratie socialiste et l'Association Internationale de Travailleurs» вышла из печати осенью 1873 г. — одновременно в Лондоне и Гамбурге — на французском языке и в 1874 г. — на немецком в Брауншвейге. Отрывки из нее напечатаны в «Приложениях» к настоящей книге.

[301]) В числе членов конгресса в Гааге действительно оказалось два негодяя, указываемых Бакуниным. Бакунин ошибается лишь, считая их обоих членами комиссии. В комиссии состоял лишь Ван-Гедеггем.

[302]) Рок Сплингард, бельгийский делегат, бакунист, введенный в комиссию.

[303]) Неверно. «Доклад» составлен не Марксом, а Энгельсом и Лафаргом; Марксу принадлежит лишь заключительная часть, написанная совместно с Энгельсом (см. «Письма Маркса, Энгельса и др. к Ф. Зорге», С.-Петербург, 1908, письма Энгельса к Зорге от 26 июля 1873 г., стр. 120). «Вещь эта, — писал Энгельс, — подействует как бомба среди автономистов и если нанесет кому-нибудь окончательный удар, так это Бакунину. Составлена книга мною и Лафаргом и только заключительная часть написана мною и Марксом».

[304]) Речь идет о нескольких прокламациях, выпущенных Нечаевым в 1869 г. Участие Бакунина в составлении этих прокламаций не подлежит сомнению. В данном случае у Бакунина были формальные основания отказываться от участия в создании этих прокламаций. Они были анонимны. Но исследование взаимоотношений Бакунина и Нечаева в 1869 г. говорит о том, что прокламации 1869 года были плодом их общих усилий.

[305]) Аберрация памяти. Бакунин родился 30 мая 1814 г. — в 1873 г. ему было, следовательно, 59 лет.

[306]) «Отказ» от политической деятельности был лишь маскировкой. В это как раз время (начиная с августа 1873 г.) Бакунин вместе с Карло Кафиеро разрабатывали план, по которому Бакунин должен был публично отказаться от политической деятельности с тем, чтобы на деле тайно продолжать руководить международной революцией. Для «отвода глаз» Кафиеро приобрел на имя Бакунина виллу «Бароната», что превращало Бакунина, для посторонних глаз, в состоятельного буржуа, в кругу семьи мирно доживающего свой век вдали от политики.

[307]) Письмо это было напечатано в «Journal de Genève» 25 сентября, и затем перепечатано в «Volksstaat» от 3 октября 1873 г. и в «Bulletin de la Fédération Jurrassienne», от 12 октября. Полностью появляется на русском языке впервые.

[308]) Бакунин имеет в виду попытку всех бакунинских секций Интернационала и всех противников Генерального Совета вообще организоваться в самостоятельное анти-авторитарное Международное Товарищество Рабочих, создать анархистский Интернационал. Дальнейшие его замечания о «вашем конгрессе» касаются конгресса бакунистской части Интернационала, состоявшегося в Женеве с 1 по 6 сентября 1873 г. В том же месяце в Женеве состоялся и конгресс марксистской части Интернационала. Чтобы показать, что анархистская организация является настоящим Интернационалом, Женевский, по счету первый, конгресс анархистов после раскола (конгресс в Сент-Имье, состоявшийся вслед за Гаагским конгрессом, в счет не идет) бакунисты стали именовать шестым съездом Интернационала. Основанием для временного оптимизма Бакунина и его сторонников послужило то, что марксистский конгресс в Женеве оказался совершенно неудачным. «Неудача Женевского конгресса была неизбежна», писал Маркс к Ф. Зорге 27 сентября 1873 г. (см. «Письма Маркса, Энгельса и др. к Зорге», изд. «Общественной Пользы», С.-Петербург, 1908, стр. 56). Эта неудача дала повод Бакунину считать победу своего течения полной. История показала очень быстро, что «победа» оказалась «пирровой».

[309]) Отрывки из этого письма были опубликованы.

[310]) В своем письме к Бебелю (от 2 окт. 1895 г.) Куно говорит, что мордухайцами они в Италии называли полицию.

[311]) «Gazzettino Rosa» издавалась в Милане бывшим гарибальдийцем Ахиллом Бицциони; он не был приверженцем Интернационала, и в его газете господствовал вульгарно-республиканский тон. По словам Куно, газета уделяла особенно много места скандальной хронике Савойской ди-

настии, эта характеристика находит также подтверждение в других источниках (см. J. Guillaume, «L'Internationale», т. II, стр. 251). Печатанием документов Интернационала она имела в виду привлечь читателей из рабочей среды.

[312]) Газета «Proletario Italiano» выходила в Турине под редакцией Carlo Terzaghi и выступала открыто как орган Интернационала. Terzaghi — темная личность — стремился нажить себе капитал на фракционной борьбе в Интернационале; он обратился к обеим партиям — к Генеральному Совету и к бакунистам — с просьбой о материальной поддержке. Получив отказ от обеих, он поступил на службу в полицию.

[313]) «La Plebe» с 1868 г. издавалась в Лоди под редакцией Bignami; газета открыто стояла на точке зрения Интернационала и во внутренних итальянских спорных вопросах была на стороне Генерального Совета. Сам Bignami в течение многих лет состоял в переписке с Энгельсом.

[314]) Ввиду борьбы Мадзини против Интернационала и Парижской Коммуны Гарибальди считал своим долгом взять их под свою защиту. Это составляет содержание упоминаемого Энгельсом письма Гарибальди к Петрони, председателю Мацциниевского конгресса в Риме. Это письмо было напечатано в «Volksstaat» (в № за 16 дек. 1871). Свой взгляд на Интернационал Гарибальди вскоре после этого высказал в письме к Тивульцию (14 ноября 1871 г.) следующими краткими и выразительными словами: «L'Internationale e il sole del avenire» (Интернационал — солнце будущего).

[315]) Резолюции конференции Интернационала в Лондоне.

[316]) Привет и братство.

[317]) Здесь речь идет о решении Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1871 г.

[318]) Куно справлялся у Энгельса о старом, получающем пенсию одноногом капитане, имевшем билет члена Интернационала и утверждавшем, что он состоит с ним в постоянных сношениях. Это, вероятно, был полицейский сыщик.

[319]) Статуты Интернационала, которые подверглись пересмотру на Лондонской конференции.

[320]) Конгресс «Лиги Мира и Свободы», созванный буржуазно-демократическими элементами в противовес Интернационалу, происходил от 21 до 25 сентября 1868 г. в Берне.

[321]) Речь идет о постановлениях IV конгресса Интернационала, заседавшего в Базеле от 6 до 12 сентября 1869 г.

[322]) Декларация Генерального Совета Интернационала, которая в свое время была напечатана в итальянских газетах. Оригинал ее, составленный Ф. Энгельсом, находится в архиве I Интернационала, хранящемся в настоящее время в архиве германской соц.-дем. партии.

[323]) Поль Робен — бакунист, член Генерального Совета. В 1871—1872 гг. он жил в Лондоне и сообщал бакунистам о внутренних делах Генерального Совета.

[324]) Газета «Révolution Sociale» выходила в Женеве под редакцией француза Клариса, как орган юрцев. Напечатанный в ней циркуляр был принят юрскими секциями на конгрессе в Сонвилье.

[325]) Женевская газета «Egalité» издавалась под редакцией Н. Утина и стояла на стороне Генерального Совета.

[326]) Вскоре после этого упомянутые лица, которые еще недавно причисляли себя к бакунистам, издали бонапартистскую брошюру: «L'Empire de la France nouvelle, Appel du Peuple et de la Jeunesse à la Conscience Française», Bruxelles, 1871.

[327]) Орган лассальянцев.

[328]) Из вышедшей недавно книги Р. Кантора «В погоне за Нечаевым» видно, что Энгельс не был неправ в своем заявлении. В самом деле, Бакунин в 1871—1872 гг. состоял в тесной связи с агентом русской полиции по имени Роман, который даже принимал участие в Марсельском путче, настраивая Бакунина против Утина.

[329]) Сотрудник Куно, с которым он вместе основал Миланскую секцию Интернационала.

[330]) «Eastern Post» («Восточная Почта»),— английская ежедневная газета, регулярно помещавшая отчеты о заседаниях Генерального Совета и другие заметки о деятельности Интернационала.

[331]) Письмо Куно было напечатано в «Volksstaat» в № от 24 апреля 1872 г.

[332]) Так называлась Туринская секция Интернационала.

[333]) «Campana» — газета, стоявшая на стороне Интернационала и выходившая в Неаполе.

[334]) Тестини — студент Сельскохозяйственной академии в Милане, помогавший Куно в организации Миланской секции.

[335]) Этот конгресс происходил 17 марта 1872 г.

[336]) Пецца и Тестини были арестованы в связи с попыткой неизвестных лиц поджечь Сельскохозяйственную академию в Милане. Миланская полиция старалась приписать этот акт интригам членов Интернационала; попытка эта, однако, потерпела неудачу, и Тестини вскоре после этого был освобожден.

[337]) Речь идет об известном циркуляре: «Les prétendues scissions dans l'Internationale», напечатанном в июне 1872 г.

[338]) «L'Antichristo» — сатирический журнал, выходивший под редакцией Guis. Gnadi.

[339]) Попытка поджечь Сельскохозяйственную академию в Милане приписывалась, как я уже выше упоминал, членам Интернационала.

[340]) «Alliance de la Démocratie Socialiste».

[341]) П. Лафарг.

[342]) Фабричный город в окрестностях Люттиха.

[343]) Член Генерального Совета Интернационала и делегат на Гаагском конгрессе.

[344]) «Но вы сами увидите».

[345]) Речь идет об упомянутом уже циркуляре: «Les prétendues scissions dans l'Internationale».

[346]) Впоследствии стало известно, что это был Терцаги.

[347]) Энгельс здесь имел в виду уже упомянутого выше редактора брюссельской газеты «Liberté» Гинса (Hins).

[348]) В апреле 1872 г. Либкнехт и Бебель в известном лейпцигском процессе обвинялись в государственной измене.

[349]) Адольф Гепнер был тогда редактором «Volksstaat».

[350]) Орган Испанской федерации Интернационала.

[351]) Конгресс Интернационала в Гааге.

[352]) Здесь имеется в виду ответ, напечатанный 15 июня 1872 г., за подписями Бакунина, Малона, Клариса, Ж. Гильома и Ж. Монтеля в «Bulletin de la Fédération Jurassienne». Это письмо позднее появилось в форме брошюры под заглавием: «La réponse de quelques internationaux à la circulaire privée du Conseil Général».

[353]) Письмо Лафарга: «Aux citoyens rédacteurs du Bulletin» 17 мая 1872 г.

[354]) Выдержки из этого письма появились в «L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association des Travailleurs», p. 38—39.

[355]) Последний абзац относится к личным делам Германа, который искал работы и которому Энгельс по всем видимостям давал надлежащий совет.

[356]) Это письмо было адресовано в Нью-Йорк, куда Куно переселился после Гаагского конгресса. Упоминаемое Энгельсом письмо Т. Куно от 8 октября 1872 г. нам неизвестно. Что же касается упомянутого протокола, то по всем видимостям речь идет о протоколе следственной комиссии, в которой Куно был председателем.

[357]) Брюссельская газета «L'Internationale» после Гаагского конгресса открыто перешла к юрцам.

[358]) На Гаагском конгрессе Зорге отказался от избрания в Генеральный Совет; он принял только через несколько месяцев и то, как это видно также из этого письма, под сильным давлением Маркса и Энгельса.

[359]) Джон Гельс (Hales) был в 1872 г. секретарем Британской федерации Интернационала. Упоминаемое Энгельсом письмо Гельса от 21 октября 1872 адресовано Бельгийскому федеральному конгрессу и содержит заявление, что Генеральный Совет не существует больше. Это заявление было опубликовано в газете «L'Internationale».

[360]) Речь, без сомнения, идет о последовавшем тогда разоблачении факта получения К. Фогтом денег от Наполеона III.

[361]) Перевод сделан с издания: «Les prétendus scissions dans l'Internationale. Circulaire privée du Conseil général de l'Association Internationale des Travailleurs. — Genève. Imprimerie coopérative. 1872, pp. 39, 8°. Появилась брошюра в мае и вызвала ряд возражений со стороны бакунистов. Брошюра вызвала также письмо М. Бакунина от 12 г 1872 г., напечатаное в настоящем томе. Мы лишены во[зможности] воспроизвести здесь брошюру полностью, хотя на русском [языке] никогда еще не появлялась в печати. Отдельные цитаты из нее [встре]чаются в работах, посвященных Бакунину. В ближайшее время брошюра эта в полном виде будет издана Институтом Маркса и Энгельса. Мы вос-

производим отрывки, наиболее по нашему мнению, существенные. Отрывки эти должны дать представление читателю о тех обвинениях, которые вызывали страстные контр-нападки Бакунина. Отрывки эти дают также возможность представить себе впечатление, какое производила на сторонников Маркса и на самого Маркса деятельность Бакунина. Части брошюры, опущенные нами, будут в дальнейшем указываться в каждом отдельном случае.

[362]) Нами опущена третья глава, посвященная обозрению деятельности альянсистов после Парижской коммуны 1871 г., а также «французской секции 1871 г.», образованной изгнанниками коммуны в Лондоне. В дальнейшем мы оставляем нумерацию глав подлинника.

[363]) Опущена шестая глава, посвященная изложению доклада Юрской федерации, рисующего положение федерации после франко-прусской войны.

[364]) «Частный циркуляр» имел следующие подписи: Генеральный совет: Р. Эппльгарт, Антуан Арно, У.-Т. Бун, Ф. Брадник, Г.-Г. Буттой, Ф. Курне, Делаэй, Эжен Дюпон, В. Гэльс, Нурлимэн, Жюль Жоаннар, Харриет Лоу, Ф. Лесснер, Лохнер, Маргеритт, Констан, Мартэн, Л. Моррио, Генри Майо, Джордж Мильнер, Чарльз Муррей, Фандер, Виталий Режи, И. Розвадовский, Джон Роч, Рюль, Г. Раньве, Садлер, Коуелль Степни, Альф, Тэйлор, В. Тоунсхенд, Эд Вайян, Джон Уэстон, Ф. Дж. Йэрроу. Секретари-корреспонденты: Карл Маркс, Германия и Россия; Лео Франкель, Австрия и Венгрия; А. Герман, Бельгия; Т. Моттерсхед, Дания; И. Г. Эккариус, Соед. штаты; Ле Муссю, французские секции Соед. штатов; Серрайе, Франция; Шарль Роша, Голландия; Дж. П. Мак Доннелль, Ирландия; Фр. Энгельс, Италия и Испания; Валерий Врублевский, Польша; Г. Юнг, Швейцария; Шарль Лонге, председатель собрания; Герман Юнг, казначей; Джон Гельс, генеральный секретарь.

[365]) Брошюра эта, написанная Энгельсом и Лафаргом (см. примеч. 303) никогда не была издана на русском языке. Подобно предыдущей, она полностью появится в издании Института Маркса и Энгельса. Воспроизводим здесь отрывки, наиболее существенные, без которых будет неполным понимание бакунинских писаний и деятельности. Мы пользовались французским текстом брошюры: «L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapport et documents pulbliés par ordre du congrès international de le Haye, Londres. A. Darson, succédeur de Foucault. — Hamburg, en vente chez Otto Meisner. — 1873. P.p. 137. 8°. Годом позже вышло в Брауншвейге немецкое издание «Ein Complot gegen die Internationale Arbeiter-[illegible]tion. Im Auftrage des Haager Congresses, verfasster Bericht über [illegible]iben Bakunins und der Allianz der socialistischen Democratie. — ([illegible]sche Ausgabe von «L'Alliance de la Démocratie socialiste et l'Association internationale des Travailleurs».) — Uebersetzt von S. Kokosky.— Braunschweig. Druck und Verlag von W. Bracke. — 1874 P.p. VI + 119. 8° (Mit einem Vorwort des Uebersetzers). В 1920 г. в борьбе с победонос-

ным большевизмом немецкая социалдемократия пыталась использовать эту брошюру в качестве спасительного средства. Она была переиздана в Штуттгарте с предисловием Вильгельма Блосса: «Marx oder Bakunin? — Demokratie oder Diktatur? Ein Kampfschrift gegen den Vorläufer des Bolschewismus. — Zeitgemesse Neue Ausgabe der Berichte an die socialistische Internationale uber Michael Bakunin von Karl Marx und Friedrich Engels. («Die Allianz der sozialistischen Demokratie und die Internationale Arbeiterassoziation») Mit einem Geleitwort und Erläuterungen herausgegeben von Wilhelm Blos. — Stuttgart, 1920. Volksverlag für Wirtschaft und Verkehr. P.p. 96. 8°.

[366]) Нами опущено изложение и анализ организационной структуры альянса.

[367]) Опущены два абзаца, имеющиеся в отрывках предыдущей брошюры. См. стр. 480 настоящей книги абзац, начинающийся словами «первая фаза в борьбе пролетариата с буржуазией», — до слов: «Потому Интернационал допускает все без исключения социалистические убеждения в своих органах и на своих конгрессах» — включительно (стр. 481).

[368]) Далее следует опущенное нами изложение листовки «Начала революции» и статей «Народной расправы».

[369]) Нами опускается далее подробное изложение нечаевского дела, сделанное по «Правительственному вестнику». «Катехизис революционера», (последняя редакция которого, наилучшая из существующих, напечатана А. А. Шиловым в «Борьбе классов», исторический журнал, № 1—2, 1924 г., Ленинград), изложение воззвания к офицерам русской армии, — известных русскому читателю.

[370]) Далее нами опущены «приложение», заключающее описание жизни Бакунина в Сибири, изложение неоконченной статьи Бакунина в «Колоколе» «Русским, польским и всем славянским друзьям» (статья эта названа: «Панславистский манифест Бакунина»).

[371]) Опущены далее «оправдательные документы»: 1) тайный устав альянса (опубликован М. Драгомановым в его известной, неоднократно указанной «Переписке» Бакунина), 2) Письмо М. Бакунина к Франческо Мора, помещенное нами выше вместе с прочей конспиративной перепиской М. Бакунина.

Указатель имен.

Август 273, 274, 275, 278.
Адоратский, В. 441.
Аймон 532.
Александр II 208, 544, 546, 547.
Алексей Михайлович царь 539.
Алерини 279, 280, 514, 519, 520, 530, 583, 584.
Альберони 585, 586.
Амедей Савойский 497.
Анна 245, 568.
Анхель 518.
Андре Лео г-жа (см. Лео).
Андрие 281.
Анри 247.
Антонелли 522.
Антоний св. 518.
Арден 250.
Аристид (см. Корнье).
Аристотель 413.
Арно Антуан 593.
Асприльо Лоренцо 404, 405, 512, 517, 518.

Базаров, В. 291.
Базен ген. 270.
Байард 496.
Бакав 530.
Барни 494.
Барбе Виржини 249, 252, 253, 256, 568.
Бастелика 474, 475, 477, 504, 505, 514, 528, 569, 571, 572.
Бастиа 187.
Бебель, Август 391, 392, 445, 456, 459, 503, 554, 565, 586, 587, 589, 592.
Бегелли (Beghelli) 452, 524.
Бедонш 250.
Бек 178.
Беккер, Иоганн Филипп 13, 25, 139, 173, 174, 179, 180, 250, 305, 448, 456, 458, 459, 564, 565, 570.
Бенуа 2, 272, 273, 275, 278.
Бейст гр. 468.
Беллерио, Э. 430, 558, 588.
Беппе 273, 274.
Беранже 574.
Берг 208.
Бернар 278.
Бернштейн, Э. 1, 2, 492.
Бетолли, Анжелло 257.
Bignami 590.
Бисмарк 3, 166, 176, 377, 382, 391, 393, 438, 450, 453, 454, 456, 465, 468, 572.
Биццони, Ахилл 579, 589.
Бишоф (Bischoff) 574.
Блан, Гаспар 244, 250, 281, 452, 474, 475, 488, 489, 490 497, 504, 505, 528, 550, 569, 572, 574.
Блан Луи 545.
Бланки, Огюст 568.
Блос, Вильгельм 594.
Бове, К. 521.
Бокль 200.
Бонапарт, Луи 282, 492, 453, 476.

Бонифаций VIII 375.
Борелл 512, 513.
Боркгейм 159, 160, 170, 171, 172, 180, 193, 194, 265, 289, 425, 563, 564, 566.
Брадник, Ф. 593.
Bracke, W. 593.
Брусс, Поль 530.
Брупбахер, Ф. 1, 17.
Булевский 208.
Бун, У. Т. 593.
Burbero 347.
Буске, А. 530, 531.
Буттой, Г. Г. 593.
Бэрнс, Мисс (Miss Burns) 448, 453.
Бюттнер 495.
Бюхнер 200.

Вальтер 491.
Van-der-Abeele 584.
Варнгаген 561.
Варлен 334, 569, 571.
Вайян, Эд. 593.
Везиньер 462.
Вендри 250.
Вейсс, Г. 265.
Вери 250.
Вертгейм 565.
Виктор (Жакляр) 247.
Виктор, Эммануил 189, 190, 468.
Вильгельм (прусс. король) 271.
Вимпфен ген. 270.
Винас 512, 520.
Виржини (см. Барбе).
Вишар 491.
Вокерн 256.
Вольф 199.
Ворцель 304.
Вроблевский, Валерий 593, 555.
Вырубов 154, 221.

Гавиратти, Паоло 430, 431, 588.
Газенклевер 462.
Гельс, В. 593.
Гельс, Джон (Hales) 464, 592, 593.
Гамбаров, А. 195.
Гамбетта 271, 284, 334, 509.
Гамбуцци 495, 521, 556, 568, 572, 580.
Гандольфи, М. 454, 456.
Гарибальди 7, 134, 136, 187, 189, 190, 191, 259, 270, 305, 312, 313, 371, 447, 448, 527, 566, 572, 590.
Гарридо 512.
Гегг, Арман (Goegg) 170, 174, 178, 185, 186, 563.
Геддегем, Ван 432, 588.
Гейбнер 303.
Гепнер, Адольф 462, 592.
Герман, А. 458, 460, 462, 464, 463, 592, 593.
Гесс, Морис 148, 150, 151, 152, 153, 154, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 167, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 193, 265, 289, 425, 564, 566.
Гета (Gueta) 250.
Gerhard 584.
Герцен, А. И. 2, 4, 6, 7, 36, 135, 138, 139, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 159, 163, 168, 169, 171, 177, 208, 213, 214, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 232, 235, 241, 282, 283, 289, 290, 303, 304, 388, 409, 411, 469, 544, 545, 553, 555, 556, 560, 561, 562, 566, 567, 587.
Герцен, А. А. 222, 223, 224, 567.
Герцен, Н. А. 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 567.
Гершензон, М. О. 218.
Гизо 170.
Гильом, Джемс (Guillaume J.) 1, 5, 8, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 24, 148, 159, 160, 244, 279, 280, 372, 373, 442,

474, 475, 476, 485, 491, 502, 503, 504, 505, 511, 524, 528, 529, 531, 553, 554, 558, 561, 565, 571, 572, 582, 586, 587, 584, 598, 592.
Гинс (Hins) 327, 451, 461, 462, 580, 592.
Говард, Поль 279.
Гольстейн, В. 18.
Гондр 530.
Григорий VII 375.
Гринан 241, 242, 243, 255.
Гробека 545.
Гросслен 570.
Грюнберг, К. проф. 13, 554, 560, 564.
Гуттен фон (Ульрих) 314.
Гэд, Жюль 529, 530.
Гюго, В. 545, 563.

Дав, Виктор 1, 584.
Давид царь 411.
Далай-Лама 429.
Данилы революционные 545.
Данте 142, 187.
Дантон 268, 277, 285.
Дантю (Dentu) 149, 154.
Дарвин, Ч. 200.
Darson, A. 593.
Делеклюз 148, 154, 334.
Делаэй 593,
Дамон 514.
Дантрег 432, 530.
Джемс 253, 275.
Джузепне 256, 257.
Додон царь 574.
Долл (Doll) 260.
Домбровский, Яр. 208.
Донадеу, Рубау (Rubau Donadeu) 512.
Драгоманов, М. П. 15, 33, 218, 219, 553, 554, 555, 560, 566, 567, 571, 594.
Дюваль 568.
Дюфор 468, 481, 490.
Дюпле 570.
Дюпон, Э. 241, 242, 250, 254, 255, 332, 544, 593.
Дюран, Гюстав 477, 573.
Дюфур, Арлис 249.

Екатерина II 165.

Жак 247.
Жан 247.
Жакляр, В. 568.
Jakson and Sons 464.
Жером 273.
Жоаннар, Жюль 593.
Жорж, Завд 302, 388, 389, 577, 578, 579.
Жук (Жуковский) 275.
Жуковский 13, 226, 409, 410, 414, 556, 564, 568, 572.

Загорский 568.
Зайцев, В. 450, 588.
Земперини 230, 233, 234.
Зорге, Ф. 465, 588, 589, 592.

Иегова 365.
Некк, Г. 1, 442.
Йерроу, Ф. Дж. 593.
Иванов (студент) 206, 226, 229, 235.
Иветто (Короли) 286, 574.
Иглесиас, П. 518.
Иисус 438.
Ипполит 245.
Исидор 246.

Кавур гр. 190.
Кала 530, 531.
Каллеха 518.
Камбон 143.
Кантоф, Р. 591.
Капоруссо 521, 522, 523.
Карл V, 375.
Кариаль 242, 244, 250, 254, 568.
Карно 143.
Кастеляр 520.
Катков, М. Н. 205, 206, 207, 567.
Кафиеро, К. 428, 429, 430, 460, 522, 527, 531, 580, 587, 588, 589.

Кеттле 43.
Киселев (русс. посланник во Франции) 170.
Кларис 511, 591, 592.
Coenen, Brismee 584.
Kokosky von 593.
Коньон 504.
Кон 265.
Констан 593.
Конт, О. 200.
Кордове-и-Лопец 512.
Кормье, Аристид 242, 244, 248, 249, 250, 251, 254, 568.
Коста, А. 531, 527.
Костинцкий 149.
Косцельский 303, 389.
Краевский 206.
Кремер 333.
Крешио 527.
Криспи 188.
Кристоф 19, 348, 354, 357.
Кропоткин, П. А. 18, 558.
Кроссе 570.
Кугельман 560, 561, 563, 575. 586, 588.
Куллери 184, 566.
Куно, Т. 4, 5, 373, 441, 445, 446, 448, 453, 454, 456, 462, 460, 463, 464, 491, 523, 589, 590, 591, 592.
Курне, Фр. 152, 593.
Кутон 143.
Кутузова, О. 588.
Кьеза, Р. 430, 588.

Ла-Мотт г-жа 256.
Лассаль, Ф. 163, 200, 365, 366, 583.
Лафарг, П. 348, 349, 373, 463, 464, 465, 491, 518, 521, 580, 582, 583, 588, 591, 592, 593.
Lachaud, E. 239.
Лебедев, Н. К. 2, 133, 442, 553, 558.
Ледрю-Роллен 545.
Лейбниц 199.
Лемке, М. К. 560, 562, 566, 574.
Ле-Морнье, Ш. 260.
Ле-Муссю 544, 593.
Ленин, В. И. 28, 580, 586, 588.
Лео Андре г-жа 255, 260, 506.
Лесснер, Ф. 529.
Лефрансе 477, 478, 479.
Либкнехт. В. 148, 194, 265, 391, 392, 445, 454, 459, 460, 461, 503, 520, 554, 564, 565, 566, 586, 587, 592.
Лойола 541.
Ломоносов 199, 567.
Лонге Шарль 593.
Лопатин, Герман 193, 195.
Лоренцо, А. (см. Асприльо).
Лостау 519, 520.
Лоу, Харриет 593.
Лохнер 593.
Луи 246, 247.
Луиза 241, 251, 568.
Lupo 312, 314, 347.
Lucca 312, 314, 347, 579.
Лукрафт 466.
Люкен 491.

Магомет 481.
Мадзини 3, 74, 137, 142, 143, 144, 169, 187, 190, 191, 294, 295, 296, 298, 303, 304, 313, 315, 317, 318, 355, 368, 371, 402, 450, 508, 522, 527, 545, 575, 576, 577, 590.
Мазюр 574.
Майо, Генри 593.
Мак Доннель, Дж. П. 593.
Маккиавели 153, 187.
Мак—Магон 271.
Маккавей 154.
Малон, Б. 2, 239, 255, 477, 478, 479, 511, 529, 568, 569, 571, 592.
Манен (Manin) 187.
Марат 202.
Маргерит 593.
Мария—Терезия 165.
Марсо 315, 579.

Маркс, Карл 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 13, 22, 23, 24, 25, 26, 34, 35, 36, 134, 135, 137, 154, 155, 156, 157, 160, 163, 173, 174, 195, 200, 240, 265, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 326, 329, 330, 331, 332, 334, 335, 348, 351, 354, 357, 360, 361, 364, 365, 366, 367, 368, 373, 374, 375, 377, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 393, 394, 397, 399, 401, 403, 405, 424, 426, 430, 427, 432, 436, 438, 441, 442, 443, 444, 445, 447, 453, 463, 464, 465, 466, 495, 514, 525, 544, 553, 554, 559, 560, 561, 563, 564, 569, 570, 572, 575, 576, 577, 579, 580, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 592, 593, 594.
Маркс г-жа 139.
Маркс, Френсис 290, 291.
Марселау 519, 584.
Мартинец 518.
Мартин, Фелипе 516.
Мартэн 593.
Мейзенбург, Мальвида 222, 562.
Мендец 519.
Мери 228.
Мерринг, Ф. 1, 442.
Меса Хосе 513, 518.
Меттерних гр. 191.
Мечников, Л. 227, 529.
Meisner Otto 593.
Мильнер, Джордж 593.
Михаил папа 514, 521, 527.
Мишель 246.
Молешотт 200.
Монтель, Ж. 592.
Монторо 514, 518, 520.
Мора, Анхель 512.
Мора, Франческо 25, 512, 513, 516, 517, 518, 527, 583, 594.
Мораго 19, 20, 307, 372, 512, 513, 514, 516, 519, 521, 555, 581, 584.
Моррио, Л. 592.
Моттерсхед, Т. 593.
Мрочковский 139, 555, 563, 588.
Муравьев-Амурский 153, 166, 204, 208.
Муррей, Чарльз 593.

Набруцци, Людовик 310, 449, 579, 580.
Неймайер 180.
Наполеон III 190, 284, 375, 451, 489, 550, 592.
Неттлау, Макс 1, 5, 6, 8, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 24, 36, 37, 140, 160, 239, 244, 287, 290, 291, 308, 309, 373, 406, 442, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 564, 568, 569, 572, 574, 575, 577, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 587, 588.
Нечаев, С. 17, 25, 193, 194, 195, 197, 204, 207, 209, 217, 218, 219, 221, 223, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 237, 265, 387, 453, 472, 493, 506, 512, 535, 536, 537, 538, 566, 567, 569, 586, 587, 589, 591.
Николай I 199, 170, 304.
Николаевский, Б. 446.
Нурлимэн 593.

Оболенская, Зоя 36, 555.
Обри 571.
Огарев, Н. П. 150, 153, 158, 169, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 231, 303, 304, 408, 553, 555, 560, 566, 567.
Оджер 333, 466, 471.
Озеров 572

Острога 430, 588.
Оуэн, Р. 333, 545.

Палладино, Кармело 522, 523, 580.
Палладичини Тривульцио 189, 313.
Паликао 271.
Паликс 180, 569, 571.
Паоло 315, 579.
Пан де, Цезарь 139, 180, 458.
Пассек, Т. П. 228.
Пауло 348, 518.
Пахес, Виктор 518.
Петр Великий 539.
Петр святой 521.
Пьер 254, 569.
Пеллетан 271.
Пеликсер, Фарга 512, 521, 569, 580, 584.
Пенниче, де, гр. 513.
Пестель, П. И. 546, 550.
Пескатори Эрминио 579, 581.
Перре 250, 570.
Перрон, Ш. 249, 250, 251, 270, 568, 569, 570, 571, 572.
Петрони 447, 590.
Пецца, Винченцо 455, 579, 580, 581, 591.
Пиетри 271.
Никорио 250.
Нино 516.
Потебня 587.
Принь о 464.
Прудон 141, 145, 200, 331, 365, 366, 367, 413.
Пугачев, Ем. 546, 550.

Разин, Ст. 539.
Ралли, Замфир 17, 18, 25, 33, 564.
Ранвье, Г. 593.
Ратацца 189.
Рафар 514.
Рачинский, С. А. 208, 244.
Регис 455, 460, 524.
Рей, Аристид 149, 150, 151, 154, 568, 569.
Рейхель, Ад. 389.
Рейхель, Мар. Касп. 223.
Рекель 303.
Реклю, Эли 255, 260, 558, 568.
Риго, Рауль 506.
Риттингаузен 180.
Ришар, Альбер 21, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 249, 307, 452, 474, 475, 488, 489, 490, 491, 495, 497, 502, 504, 505, 528, 550, 568, 569, 571, 572, 574.
Робен, Поль 451, 475, 476, 477, 505, 557, 590.
Робер, Фриц 180, 474, 485, 504.
Робеспьер 143, 202, 268, 334, 401.
Роч, Джон 593.
Розвадовский, Н. 593.
Rolin 149.
Роман 591.
Романов 546, 550.
Ротшильд 154, 288, 300.
Роша, Шарль 593.
Рошфор 257.
Ру, М. (Roux, M.) 239, 256.
Рубикон 314, 316, 347, 580, 588.
Руссо, Ж. Ж. 420.
Рюль 593.
Рюффен (Ruffin) 574.
Рязанов, Д. Б. 1, 13, 159, 194, 195, 290, 291, 306, 442, 553, 554, 560, 561, 563, 564, 566, 579, 583, 586.

Сагаста 516, 521.
Саддер 593.
Саенц 518.
Сажин, М. П. 2, 17, 18, 37, 431.
Саффи, Аврелий 304.
Sauva 584.

Семевский, М. И. 223.
Сенелар 250.
Сентиньон, Г. 180, 512, 520, 521, 566, 569, 572, 580.
Сен-Жюст 143, 200, 268.
Сен-Мартен 530.
Сен-Себастиан 521.
Сен-Симон 260.
Серрайе, О. 334, 530, 531, 544, 593.
Серебренников 226, 227, 228, 229, 231, 232.
Серно-Соловьевич А. 137, 138, 411, 650.
Сильвио 315, 347, 580.
Симон, Жюль 271.
Сократ 415.
Сориано 497, 519, 521.
Скирмунт, С. 291, 491, 564.
Смит 462.
Спиноза 163.
Сплингард, Рок 588.
Стеклов, Ю. М. 1, 14, 195, 431, 442, 553.
Стемпковский 586.
Степни, Коуелль (Stepney, K). 257, 593.
Степанов, И. 291.
Стефани, г-жа 257.
Стефанони 511.
Сэ, Жан Б. 187.

Таландье 195.
Татаринова, Н. 574.
Тестини 455, 591.
Тестю, Оскар (Testu O.) 239, 568, 569, 572.
Тейлор 593.
Терцаги 510, 523, 524, 525, 590, 592.
Тешан 455.
Тивульцио 590.
Тоунсхенд, В. 593.
Тредьяковский 412.
Трошю 271.
Тургенев, И. С. 561.
Тутс 225.
Тучкова-Огарева, Н. А. 218, 219, 220, 567.
Тхоржевский 221, 235.
Тьер 453.

Утин, Н. 25, 265, 289, 387, 404, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 512, 570, 571, 587, 588, 591.
Уркарт 304, 562.
Уэстон, Джон 593.

Фальстаф 500.
Фавр, Ж. 271, 450, 468, 481, 508.
Фанелли, Джузеппе 19, 21, 309, 497, 512, 516, 522, 531, 568, 569, 572, 580, 581.
Фрайле Дионисио Гарсио 521.
Фарга, Рафаил 514, 519, 520.
Фейербах 200.
Ферре 506.
Ферри 271.
Флеровский 541.
Fluse 584.
Фогт, К. 200, 224, 229, 231, 232, 465, 469, 495, 592.
Франкель, Лео 544, 593.
Франсуа 273.
Фредерик 246.
Фридлянд, Ц. 583.
Фридрих II 165.
Foucault de 593.
Фюсте 520.

Хальво 512.
Христос 415, 521.

Черетти, Челъсо 579, 581.
Черкезов, В. 1, 553.
Чернецкий 154.
Чернышевский, Н. Г. 208, 537, 542, 544, 545.

Шальмель-Лакур 281, 573.
Шапите 248.
Шарль 256, 275.
Шарди, Л. 248.
Шассэн, М. Л. 140, 141, 147.
Швейцер 159 174, 175, 176, 182, 451, 462, 503, 511, 565.
Швитцгебель, Адемар 341, 344, 372, 485, 503, 571, 584.
Шевалей, Анри 474, 504.
Шетель 241.
Шивро 271.
Шилов, А. А. 594.
Шифф 200.
Шлебах, П. 462, 464.
Шлезвиг Готторпская династия 210.
Шнейдер 462.
Шо, В. 471.
Шодэ 9, 178, 186.
Шоллю 452.
Шпир 180.
Шульце-Делич 366.

Эбергард 584.
Эгерия 260.
Эдгар 245.
Эдуард 273, 274, 275.
Эккариус 139, 180, 181, 593,
Элпидин 494, 560.
Эльсниц, А. 18.
Эмилия 246, 247.
Энгельс, Фридрих 4, 5, 6, 7, 25, 139, 160, 195, 260, 291, 294, 301, 329, 345, 364, 366, 373, 388, 389, 391, 392, 393, 394, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 448, 453, 456, 458, 460, 461, 463, 465, 541, 554, 564, 569, 570, 572, 580, 581, 583, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594.
Энон, (Henon) 239, 568, 573.
Эппльгарт, Р. 593.
Эскирос 279, 280, 282, 284, 286.
Эстебанец 516.

Юлия (Julie) 239, 245 247, 248, 568.
Юнг, Герман 139, 183, 593.

Якоби 265, 430, 524, 588.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр. книги.	*Напечатано.*	*Следует читать.*
588 прим. 299	Гаввирати	Гавирати
454	Гондольфи	Гандольфи
170	Гэгг	Гегг
588 прим. 303	Ван-Гедеггем	Ван-Геддегем
432	Дентрег	Дантрег
530	Дентрейг	Дантрег
511	Клари	Кларис
464, 592	Гельс	Хельс
593	Хэлс	Хельс (два раза)
452	Леблан	Блан
584	Марселан	Марселау (латинск. алф.)
512 и 518	Франциско	Франческо
569 прим. 180	Пелиссе	Пелиссер
556 прим. 44	Прима	— выбросить это слово совсем.
458	де Пэп	де Пап
524	Реджи	Регис
301	Уркварг	Уркарт

Гиз 19499. Материалы для биогр. Бакунина т. III.

Вяч. ПОЛОНСКИЙ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

(из истории русской интеллигенции)
МОНОГРАФИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

БАКУНИН — РОМАНТИК

Издание второе, исправленное и дополненное.
1925 г. Стр. 418.

ТОМ ВТОРОЙ

БАКУНИН — АНАРХИСТ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

в Торговый сектор Госиздата РСФСР
Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4, тел.: 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37
Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28, телеф.: 5-34-18
и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ“
или ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ“,
или РОСТОВ н/Д., ГОСИЗДАТ РСФСР, „КНИГА—ПОЧТОЙ“,
а в пределах Украины—ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ РСФСР, „КНИГА—ПОЧТОЙ“ высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом.

При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

5 руб.